

ГАРРИ ПОТТЕР

и

ПРИНЦ-ПОЛУКРОВКА

6

ДЖ.К. РОУЛИНГ

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ПРИНЦ-ПОЛУКРОВКА

6

ПАСКА РОУИНГЛИ

ДЖ.К. РОУЛИН

Дж. К. Роулинг

**Гарри Поттер и принц-
полукровка**

*Маккензи, моей красавице-дочери,
посвящаю ее чернильно-бумажного близнеца*

Глава первая

Другой министр

Близилась полночь. Премьер-министр сидел в кабинете один, изучая длинный меморандум, но слова проскальзывали сквозь мозг, не оставляя ни тени смысла. Министр ждал звонка от президента далекой страны – когда же этот злополучный господин соизволит протелефонировать? – и одновременно гнал от себя воспоминания о событиях очень долгой, очень утомительной и очень неприятной недели, поэтому ни на что другое места в голове не хватало. Чем сильнее он старался сосредоточиться на тексте, тем явственней проступала перед глазами гнусная физиономия одного из политических оппонентов. Не далее как сегодня мерзавец появился в новостях и не только перечислил катастрофы последней недели (словно о них требовалось напоминать!), но и подробно растолковал, почему во всех до единого происшествиях виновато правительство.

При одной мысли об этом у премьер-министра участился пульс. Чудовищная ложь и несправедливость! Каким, спрашивается, образом правительство могло предотвратить обрушение моста? Что за возмутительные намеки на недофинансирование ремонтных работ? Да мосту было меньше десяти лет; лучшие эксперты теряются в догадках, почему он ни с того ни с сего переломился надвое, отправив на дно реки с десяток автомобилей. А чего стоят утверждения, будто два жестоких убийства, получивших в прессе столь мощный резонанс, произошли из-за нехватки полицейских? И как, скажите на милость, можно было предвидеть странный ураган в юго-западных графствах, который причинил такой ущерб и повлек за собой столько человеческих жертв? И чем *премьер-министр* виноват, если один из младших министров его кабинета, Герберт Чорли, именно на этой неделе повел себя так нелепо, что его пришлось отправить «побыть с семьей»?

– В стране царят мрачные настроения, – заключил оппонент, еле сдерживая довольную ухмылку.

Это, к несчастью, правда. Премьер-министр и сам видит: люди подавлены, как никогда. И погода отвратительная; такие холодные туманы в середине июля... все ненормально, все неправильно...

Премьер-министр перевернул вторую страницу, увидел, сколько еще читать, и сдался – все равно ничего не получится. Он потянулся и с похоронным видом обвел глазами кабинет. Красивая комната; чудесный мраморный камин; напротив – высокие подъемные окна, плотно закрытые из-за подозрительных, не по сезону, холодов. Премьер-министр поежился, встал, подошел к окну и уперся взглядом в туман, липнувший к стеклам. И тогда за спиной услышал чей-то тихий кашель.

Премьер-министр замер нос к носу с собственным испуганным отражением. Этот кашель он узнал; слышал его и раньше. Он очень медленно обернулся. В комнате было пусто.

– Кто здесь? – неуверенно произнес премьер-министр с жалкой потугой на воинственность.

На краткий миг он позволил себе надеяться, что ответа не последует. Однако из дальнего угла тут же зазвучал голос, отрывистый и решительный, – он словно зачитывал заранее составленное заявление. Голос шел – и премьер-министр это прекрасно знал – с небольшого грязноватого портрета человечка, похожего на лягушку в длинном серебристом парике.

– Премьер-министру муглов. Необходима срочная встреча. Прошу ответить немедленно. Всего наилучшего, Фудж. – И человечек с картины вопросительно уставился на премьер-министра.

– Э-э, послушайте... – забормотал тот, – сейчас не самый удачный момент... Видите ли, я жду важного звонка... от президента... э-э-э...

– Можно перенести, – отрезал портрет. У премьер-министра сжалось сердце: этого он и боялся.

– Но я правда хотел поговорить...

– Мы устроим, чтобы президент забыл о звонке. И вспомнил о нем завтра вечером, – объявил человечек. – Прошу вас немедленно ответить мистеру Фуджу.

– А-а... э-э... хорошо, – пролепетал премьер-министр. – Я встречусь с Фуджем.

Он торопливо пошел к столу, на ходу поправляя галстук. Он едва успел сесть и пристроить на лице бесстрастное, с его точки зрения,

выражение, как пустой очаг под мраморной каминной полкой внезапно ожил и заполыхал ярким зеленым огнем. Премьер-министр, еле сдерживая изумление и страх, смотрел, как в языках пламени возникла бешено вертящаяся юла, которая быстро превратилась в дородного мужчину. Через пару секунд гость, держа в руке лаймовый котелок и отряхивая пепел с рукавов длинного полосатого плаща, ступил на антикварный каминный коврик.

— А, премьер-министр. — Корнелиус Фудж решительно направился к хозяину, протягивая руку. — Рад видеть вас снова.

Премьер-министр не мог искренне ответить тем же, а потому промолчал. Он нисколько не был рад Фуджу, чьи эпизодические появления, и сами по себе пугающие, сулили одни неприятности. К тому же Фудж выглядел неважнецки: осунулся, поседел, полысел, лицо озабоченное, мятое. Премьер-министру доводилось видеть такие лица у политиков, и это никогда не предвещало ничего хорошего.

— Чем могу служить? — спросил он, коротко пожимая гостю руку и указывая на самый жесткий стул перед столом.

— Даже не знаю, с чего начать, — пробормотал Фудж, отодвинул стул, уселся и пристроил на коленях котелок. — Ну и неделька, ну и неделька...

— Тоже не задалась? — сухо поинтересовался премьер-министр, надеясь тем самым дать понять, что хлопот ему довольно и собственных.

— А как же, конечно, — ответил Фудж, устало потер глаза и угрюмо взорвался на собеседника. — Все то же, что и у вас, премьер-министр. Брокдейлский мост... Убийства Боунс и Ванс... не говоря о кошмаре на юго-западе...

— Вы... э-э... ваши... я хочу сказать, кто-то из ваших... причастен к этим... событиям?

Фудж посмотрел на премьер-министра довольно суроно.

— Разумеется, — сказал он. — Надеюсь, вы понимаете, в чем дело?

— Я... — смешался премьер-министр.

Потому он и не любил визиты Фуджа. Что за манеры? Ведь он, в конце концов, не кто-нибудь, а премьер-министр, нечего разговаривать с ним как со школьником, не выучившим урок. Но так, увы, повелось с самой первой встречи в день избрания на пост. Премьер-министр

помнил все так ясно, будто это случилось вчера, и знал, что забыть не удастся до смертного часа.

Он стоял один в этом самом кабинете, упиваясь триумфом – наконец-то, после стольких лет мечтаний и терзаний, – и вдруг, совсем как сегодня, услышал кашель, обернулся и узнал от говорящего уродца, что с ним, видите ли, желает познакомиться министр магии.

Естественно, он решил, что сбрендил, – долгая избирательная кампания, выборы, перенапряжение – и до смерти перепугался, когда с ним заговорил портрет, но это были сущие пустяки в сравнении с, изволите ли видеть, колдуном, который выпрыгнул из камина и сразу полез жать руку. Премьер-министр не мог выдавить ни слова, а Фудж тем временем любезно объяснял, что в стране по-прежнему тайно проживает множество колдунов и ведьм, однако беспокоиться на их счет не стоит: министерство магии берет на себя скрытие оного факта от немагического сообщества. А это, втолковывал визитер, дело серьезное, многотрудное, от установления правил пользования метлами до регулирования численности драконьей популяции (премьер-министр вспомнил, как при этих словах вцепился в стол). Затем Фудж отечески похлопал по плечу премьер-министра, которому никак не удавалось прийти в себя, и сказал:

– Не волнуйтесь. Очень может статься, что мы с вами больше никогда не увидимся. Только если у нас произойдет нечто совсем страшное, угрожающее благополучию муглов – в смысле немагического сообщества. Вообще же наш принцип – «живи и давай жить другим». Кстати, должен сказать, вы ведете себя куда спокойнее вашего предшественника. Тот хотел выбросить меня из окна, решил, что я – происки оппозиции.

Премьер-министр наконец обрел дар речи:

– Так вы... не происки?

То была его последняя отчаянная надежда.

– Нет, – мягко ответил Фудж. – Боюсь, что нет. Смотрите. – И превратил чашку премьер-министра в хомячка.

– Но, – чуть слышно прошептал премьер-министр, глядя, как недавняя чашка отжевывает уголок его новой речи, – почему... почему мне никто не сказал?..

– Министр магии представляется только действующему премьер-министру муглов, – объяснил Фудж, пряча волшебную палочку в

карман. – Секретность, знаете ли. Без нее никуда.

– Но в таком случае, – проблеял премьер-министр, – почему мой предшественник не предупредил меня?..

Фудж расхохотался:

– Дорогой премьер-министр, а вы собираетесь обо мне рассказывать?

Все еще давясь от смеха, Фудж бросил в камин какой-то порошок, ступил в изумрудное пламя и с шелестящим свистом исчез. Премьер-министр остался стоять, понимая, что никогда в жизни и словом не обмолвится об этой встрече, ибо какой же дурак ему поверит?

Он не сразу оправился от шока. Вначале постарался убедить себя, что Фудж и в самом деле был галлюцинацией, вызванной предвыборным недосыпом. В тщетной надежде избавиться от неловких воспоминаний он осчастливили племянницу, подарив ей хомячка, и приказал личному секретарю снять портрет уродца в углу. Как ни ужасно, оказалось, что снять портрет нельзя. Когда нескольким плотникам, паре строителей, искусствоведу и канцлеру казначейства не удалось содрать проклятую штуковину со стены, премьер-министр решил плюнуть. Авось повезет, и картина тихо-мирно промолчит до конца его пребывания у власти. Иногда он готов был поклясться, что мельком видел, как обитатель портрета зевает, чешет нос и даже раза два куда-то уходит, оставляя за собой только грязно-коричневый холст. Впрочем, премьер-министр приучился не смотреть в ту сторону без необходимости, а если и замечал что-то странное, упорно считал это обманом зрения.

Потом, три года назад, вечером, таким же, как сегодня – премьер-министр тоже был один, – портрет опять объявил о неизбежном визите министра магии. Тот вылетел из камина в жуткой панике, насквозь промокший. Не успел хозяин кабинета осведомиться, обязательно ли заливать его чудесный аксминстерский коврик, Фудж пустился разглагольствовать про тюрьму, о которой премьер-министр слыхом не слыхивал, про какого-то ужасного Сирьи Уса-Билека, а еще, кажется, Хогварц и мальчика по имени Гарри Поттер. В общем, полная чушь, ни о чем не говорившая премьер-министру.

– ...Я только что из Азкабана, – задыхаясь, сообщил Фудж и вылил из котелка в карман изрядно воды. – Самый центр Северного моря, представляете, что за полет... Дементоры бунтуют... – Он

содрогнулся. – Раньше у них побегов не бывало. Так что делать нечего, я к вам. Билек – известный убийца муглов и, вероятно, планирует примкнуть к Сами-Знаете-Кому… но вы ведь не в курсе, кто такой Сами-Знаете-Кто! – Фудж безнадежно поглядел на премьер-министра, а потом сказал: – Да вы садитесь, садитесь, я сейчас все объясню… пейте виски…

Хорошее дело: ему разрешили сесть в его же кабинете и даже выпить собственного виски! Впрочем, несмотря на возмущение, премьер-министр опустился в кресло. Фудж вытащил палочку, создал два больших стакана с янтарной жидкостью, пихнул один ошеломленному собеседнику в руку и пододвинул себе стул.

Фудж говорил больше часа. Одно имя отказался произносить вслух – написал на куске пергамента и сунул премьер-министру в ту руку, что не сжимала стакан. Потом наконец встал. Поднялся и премьер-министр.

– Так вы полагаете, что… – он, прищурившись, заглянул в пергамент, – лорд Воль…

– Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут! – рявкнул Фудж.

– Простите… Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут все еще жив?

– Думбльдор говорит, что да, – ответил Фудж, застегивая под горлом полосатый плащ, – только мы его так и не нашли. Если вам интересно мое мнение, без поддержки сторонников он не представляет угрозы; беспокоиться следует о Билеке. Стало быть, вы проинформируете общественность? Замечательно. Что ж, надеюсь, мы с вами больше не увидимся. Доброй ночи.

Но они увиделись. Не прошло и года, как Фудж соткался из воздуха в кабинете и с затравленным видом поведал об «инциденте» на чемпионате мира по квидишу (или как его там), в котором «замешаны» несколько муглов; однако, заверил он, поводов для тревоги нет – то, что Знак Сами-Знаете-Кого появился снова, еще ничего не значит; наверняка это единичный случай, а департамент по связям с муглами, скорее всего, уже разобрался с модификациями памяти…

– Ах да, чуть не забыл, – добавил Фудж. – Мы ввезли из-за границы трех драконов и сфинкса на Тремудрый Турнир, обычная вещь, но департамент по надзору за магическими существами утверждает, что по правилам мы обязаны уведомлять вас обо всех случаях ввоза существ повышенной опасности.

– Я... что... драконы? – взвизгнул премьер-министр.

– Да, три, – кивнул Фудж. – И еще сфинкс. Ну что же, всего вам доброго.

Премьер-министр от души надеялся, что ничего хуже драконов и сфинкса уже не будет, но нет. Двух лет не миновало, а Фудж в очередной раз выпрыгнул из камина и сообщил о массовом побеге из Азкабана.

– *Массовый побег?* – хрюплю повторил премьер-министр.

– Ничего страшного, ничего страшного! – тараторил Фудж одной ногой уже в пламени. – Мы их быстренько сцепаем! Это я так, для информации!

Премьер-министр хотел закричать: «Нет уж, постойте!» – но не успел: Фудж испарился в фонтане зеленых искр.

Что бы ни говорили прессы и оппозиция, премьер-министр не был глуп. Он прекрасно видел, что, несмотря на первоначальные заверения Фуджа, они почему-то встречаются довольно часто и с каждым разом колдун все нервознее и нервознее. И хотя глава правительства муглов всячески избегал мыслей о, как он про себя выражался, *другом* министре, он не мог не опасаться, что в следующий раз известия окажутся совсем прискорбные. Вот почему нынешнее появление Фуджа – встрепанного, раздраженного и слегка изумленного тем, что премьер-министр не догадывается о причине его визита, – стало, пожалуй, худшим событием этой невероятно тяжелой недели.

– Почему я должен знать, что происходит в... э-э-э... колдовском мире? – резко бросил премьер-министр. – У меня своя страна на руках. Хватает забот и без...

– Заботы у нас одни и те же, – перебил Фудж. – С Брокдейлским мостом дело не в изношенности. Ураган на самом деле не ураган. Убийства совершены не муглами. А семье Герберта Чорли пока что будет намного спокойнее без него. Мы сейчас помещаем его в больницу святого Лоскута, Институт причудливых повреждений и патологий. Перевод назначен на сегодня.

– О чём вы... я не понима... *что?*! – выпалил премьер-министр.

Фудж горестно вздохнул и сказал:

– Премьер-министр, мне очень жаль, но я должен сообщить, что он вернулся. Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

– Вернулся? Что значит «вернулся»?.. Ожил? То есть...

Премьер-министр стал судорожно вспоминать подробности страшного разговора трехлетней давности об ужаснейшем из колдунов, что исчез пятнадцать лет назад, но перед тем совершил множество чудовищных преступлений.

– Да, ожил, – подтвердил Фудж. – Хотя… не знаю… в отношении человека, которого нельзя убить… Я не очень хорошо это понимаю, а Думблдор толком не объясняет… но, как бы там ни было, у него есть тело, он ходит, разговаривает и убивает… да, полагаю, в рамках нашей беседы можно считать, что он жив.

Премьер-министр не знал, что ответить, однако, повинуясь извечному желанию выглядеть хорошо информированным, решил уточнить все, что припоминал из предыдущих бесед.

– А Сирья Уса-Билек примкнул к… мmm… Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут?

– Билек? – рассеянно переспросил Фудж, быстро перебирая пальцами края котелка. – Сириус Блэк, вы хотите сказать? Мерлинова борода, нет. Блэк мертв. Выяснилось, что по его поводу мы… э-э-э… ошибались. Он невиновен. И не был сторонником Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. То есть, – оправдывающимся тоном добавил он, еще проворней завертев котелок, – все указыва-о… свыше пятидесяти свидетелей… но не важно, Блэк, как я уже сказал, умер. Точнее, убит. В здании министерства магии. Кстати говоря, назначено расследование…

Премьер-министр, к большому своему изумлению, почувствовал к собеседнику нечто вроде сострадания. Однако оно тут же сменилось самодовольной мыслью: пусть сам он и не мастер скакать по каминам, но при *его* правлении в здании министерства убийств не бывало… во всяком случае, пока.

Премьер-министр суеверно коснулся деревянного стола, а Фудж тем временем продолжал:

– Ладно, Блэка проехали. Штука в том, что у нас война и надо действовать.

– Война? – испуганно повторил премьер-министр. – Это, разумеется, гипербола?

– Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, которые в январе сбежали из Азкабана, воссоединились со своим господином, – сообщил Фудж. Он говорил все быстрее и так крутил котелок, что тот

казался размытым желто-зеленым пятном. – Теперь они играют в открытую, и начался какой-то кошмар. Брокдейлский мост... Премьер-министр, это его рук дело. Он грозился массовым истреблением муглов, если я не уступлю, и...

– Святые небеса, так это *вы* повинны в гибели людей! А я должен оправдываться за проржавевшие конструкции, разъеденные температурные швы и невесть что еще?! – возмутился премьер-министр.

– Я повинен? – вспыхнул Фудж. – А вы сами уступили бы шантажу?

– Может, и нет, – премьер-министр встал и принял расхаживать по комнате, – но приложил бы все силы, чтобы поймать шантажиста раньше, чем он успеет совершить злодейство!

– Думаете, я мало старался? – с жаром спросил Фудж. – Да его вместе со сторонниками искали – и сейчас ищут – все авроры министерства! Но только вот беда – речь идет об одном из самых сильных чародеев всех времен и народов, о колдуне, которому уже почти три десятилетия удается избежать правосудия!

– Полагаю, вы припишете ему и ураган в юго-западных графствах? – гневно осведомился премьер-министр, с каждой минутой горячась все сильнее. Вот безобразие: причина несчастий наконец известна, а донести ее до сведения широкой публики нельзя! Это еще хуже, чем если бы во всем действительно было виновато правительство.

– Это не ураган, – тихо произнес несчастный Фудж.

– Минуточку! – взревел премьер-министр, грозно печатая шаг. – А вырванные с корнем деревья, а снесенные крыши, а чудовищныеувечья...

– Это сделали Упивающиеся Смертью, – сказал Фудж. – Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. И еще... здесь явно просматривается гигантский след.

Премьер-министр резко остановился, словно наткнулся на невидимую стену.

– *Какой* след?

Фудж страдальчески поморщился:

– Раньше он для вящей грандиозности привлекал гигантов. Наш отдел дезинформации трудится круглые сутки; для модификации

памяти муглов, видевших, что случилось на самом деле, повсюду разосланы бригады амнезиаторов; в Сомерсет брошен практически весь департамент по надзору за магическими существами, но найти гиганта не удается... Это ужасно.

– Да неужели! – сердито буркнул премьер-министр.

– Не стану скрывать, настроение в министерстве упадническое, – признался Фудж. – Вся эта история плюс потеря Амелии Боунс...

– Кого?

– Амелии Боунс. Главы департамента защиты магического правопорядка. Мы думаем, Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, скорее всего, убил ее лично: такая сильная ведьма... Все свидетельствует о том, что она сражалась до последнего.

Фудж, покашляв, с видимым усилием оставил в покое котелок.

– О ней же писали в газетах, – сообразил премьер-министр, позабыв о своем гневе. – В *наших* газетах. Амелия Боунс... немолодая одинокая женщина. Какое-то очень... страшное убийство, так? У нас оно получило широкую огласку. Совершенно поставило в тупик полицию.

Фудж вздохнул:

– Естественно. Ее убили в комнате, запертой изнутри. Мы-то, со своей стороны, прекрасно знаем, кто убийца, но от этого нам ничуть не легче его поймать... А еще Эммелина Ванс, про нее вы, может, и не слышали...

– Напротив, очень даже слышал! – воскликнул премьер-министр. – Это же случилось неподалеку, буквально за углом. У газетчиков был настоящий праздник: «Попрание законности и порядка под носом у премьер-министра...»

– А для полноты счастья, – почти не слушая, продолжал Фудж, – повсюду кишат дементоры! Атакуют людей со всех сторон...

В былые счастливые времена эта фраза показалась бы премьер-министру китайской грамотой, но с тех пор он поднабрался знаний.

– Я думал, дементоры охраняют Азкабан? – осторожно спросил он.

– Охраняли, – устало произнес Фудж. – Теперь уже нет. Они оставили тюрьму и присоединились к Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. Не стану притворяться – это для нас удар.

– Но вы же вроде бы говорили, – премьер-министра стремительно охватывал ужас, – что они высасывают из людей радость и надежду?

— Так и есть. К тому же они размножаются. Оттого и туман.

Премьер-министр, почувствовав слабость в коленях, опустился в ближайшее кресло. При мысли о невидимых чудищах, расползающихся по городам и весям и вселяющих тоску и отчаяние в его избирателей, он едва не потерял сознание.

— Но послушайте, Фудж... сделайте что-нибудь! Как министр магии вы обязаны!..

— Дорогой мой, вы же не думаете, что после всего случившегося я сохранил пост? Три дня назад меня сняли! Колдовская общественность две недели возмущенно требовала моей отставки. За все время моей работы они ни разу не выказывали подобного единства! — воскликнул Фудж, храбро попытавшись улыбнуться.

Премьер-министр на время лишился дара речи. Даже негодуя, что его поставили в столь идиотское положение, он все же очень сочувствовал этому измученному человеку.

— Мне безумно жаль, — наконец произнес премьер-министр. — Могу я чем-то помочь?

— Вы очень добры, однако помочь мне нечем. Сегодня меня прислали сообщить вам последние новости и заодно представить моего преемника. Он бы уже должен появиться, но, сами понимаете, он сейчас очень занят, столько всего происходит...

Фудж оглянулся на портрет маленького уродца в длинном завитом парике. Тот ковырял в ухе кончиком пера. Поймав взгляд Фуджа, портрет сказал:

— Будет с минуты на минуту. Заканчивает письмо Думблдору.

— А! Желаю удачи, — отозвался Фудж. В его голосе впервые прозвучала горечь. — Последние две недели я писал Думблдору дважды в день, а он даже не почесался. Если б только он согласился уломать мальчишку, я бы и сейчас... ладно, может, Скримджеру больше повезет.

Фудж погрузился в откровенно тягостные раздумья, но ему почти сразу помешал портрет, неожиданно заговоривший отрывисто и официально:

— Премьер-министру муглов. Необходимо встретиться. Срочно. Прошу ответить немедленно. Министр магии Руфус Скримджер.

— Да-да, хорошо, — рассеянно отозвался премьер-министр и почти уже не вздрогнул, когда пламя в очаге снова позеленело, поднялось,

высветило в самой своей сердцевине вертящегося колдуна, а через несколько мгновений выплюнуло его на антикварный коврик. Фудж встал. Премьер-министр после секундного колебания сделал то же самое, не сводя глаз с вновь прибывшего. Тот выпрямился, отряхнул золу с длинного черного одеяния и осмотрелся.

Первой в голову премьер-министру пришла не самая умная мысль: надо же, Руфус Скримджер – вылитый старый лев. В густой рыже-коричневой гриве и лохматых бровях блестела седина; из-за очков в проволочной оправе смотрели желтоватые глаза; походка, несмотря на легкую хромоту, отличалась экономной, пружинистой грацией. Он с первого взгляда производил впечатление человека проницательного и жесткого; премьер-министр подумал, что вполне понимает колдунов, которые в нынешние опасные времена предпочли передать бразды правления Скримджеру.

– Здравствуйте, – вежливо сказал премьер-министр, протягивая руку.

Скримджер коротко пожал ее, одновременно сканируя взглядом комнату, затем вытащил из-под одежды волшебную палочку.

– Фудж вам все рассказал? – спросил он, подошел к двери и постучал палочкой по замочной скважине. Щелкнул замок.

– Э-э... да, – ответил премьер-министр. – Кстати, если вы не против, я бы предпочел, чтобы дверь осталась открытой.

– А я бы предпочел, чтоб меня не перебивали, – коротко бросил Скримджер, – и не подсматривали за мной, – прибавил он и потыкал палочкой в сторону окон. Шторы тут же закрылись. – Так, прекрасно, я человек занятой, поэтому – к делу. Прежде всего мы должны решить вопрос с вашей охраной.

Премьер-министр с достоинством выпрямился и ответил:

– Спасибо, но я вполне доволен нынешней...

– А мы нет, – оборвал Скримджер. – Хорошенькая выйдет история для муглов, если их премьер-министр окажется под проклятием подвластия. Ваш новый секретарь...

– Я ни за что не уволю Кингсли Кандальера, если вы на это намекаете! – пылко вскричал премьер-министр. – Он чрезвычайно исполнителен, всегда успевает сделать в два раза больше остальных...

– Это потому, что он колдун, – без тени улыбки пояснил Скримджер. – Аврор высшей категории, назначенный вас защищать.

– Секундочку! – начальственно воскликнул премьер-министр. – Вы не можете никого назначать в мой офис, я сам решаю, кому со мной работать…

– Мне показалось, вы довольны Кандальером? – холодно перебил Скримджер.

– Я доволен… то есть был…

– Значит, никаких проблем? – осведомился Скримджер.

– Я… что же, если его работа останется… э-э-э… на том же уровне, – пролепетал премьер-министр. Фраза вышла неловкая, но Скримджер толком не слушал.

– Далее. Насчет Герберта Чорли, вашего младшего министра, – продолжил он. – Который так позабавил общественность, представляя утку.

– А что насчет Чорли? – спросил премьер-министр.

– Он явно находился под воздействием плохо исполненного проклятия подвластия, – заявил Скримджер. – Оно подействовало ему на мозги, но он тем не менее может быть опасен.

– Бедняга всего лишь крякал! – слабым голосом возразил премьер-министр. – Неделька отдыха… поменьше спиртного… и он наверняка…

– Пока мы с вами разговариваем, его осматривают знахари больницы святого Лоскута. И троих он уже попытался придушить, – сказал Скримджер. – Думаю, его пока лучше изолировать от муглов.

– Я… но… он поправится? – встревожился премьер-министр.

Скримджер, уже направляясь к камину, лишь пожал плечами.

– Вот, собственно, все, что я имел сообщить. Буду держать вас в курсе, премьер-министр… а если из-за сильной занятости не сумею прибыть лично, пришлю Фуджа. Он согласился остаться при министерстве консультантом.

Фудж изобразил улыбку – без особого, впрочем, успеха; выглядело так, будто у него болят зубы. Скримджер полез в карман за таинственным порошком, от которого зеленело пламя. Премьер-министр, в полной безнадежности взирая на гостей, внезапно выпалил то, о чем весь вечер пытался молчать:

– Но вы ведь… да что ж это такое… вы ведь *колдуны!* Вы владеете *магией!* Вы же можете… ну… *все что угодно!*

Скримджер медленно повернулся, и они с Фуджем обменялись изумленными взглядами. Фудж улыбнулся, на сей раз совершенно искренне, и произнес:

– Загвоздка в том, премьер-министр, что наш противник тоже владеет магией.

Колдуны один за другим ступили в ярко-зеленый огонь и улетучились.

Глава вторая

Ткацкий тупик

Совсем в другом месте, над грязной речушкой, с трудом пробиравшейся меж заросших и замусоренных берегов, висел тот же ледяной туман, что льнул к окнам кабинета премьер-министра. Поодаль, темная и зловещая, высилась труба давно заброшенной фабрики. Нигде ни звука, только шелест черной воды и ни души. Пейзаж оживляла лишь тощая лисица – она кралась к берегу, чтобы сунуть нос в старый пакет из-под рыбы с жареной картошкой.

Вдруг раздался тихий хлопок, и на речном берегу возникла стройная фигура в плаще с капюшоном. Лиса настороженно замерла, внимательно изучая это неожиданное и странное явление. Фигура пару мгновений постояла, собираясь с мыслями, а потом легко и решительно куда-то зашагала. Длинный плащ зашуршал по траве.

Раздался хлопок погромче, и в воздухе материализовалась вторая фигура.

– Постой!

Хриплый окрик вспугнул лисицу, которая пряталась в зарослях, почти распластавшись по земле. Она выпрыгнула из укрытия и метнулась прочь от берега. Полыхнуло зеленым, лиса взвизгнула и упала замертво.

Вторая фигура перевернула животное носком ботинка.

– Всего-навсего лиса, – послышался из-под капюшона равнодушный женский голос. – Я-то думала, аврор… Цисса, подожди!

Но объект ее преследования, оглянувшись было на вспышку, уже карабкался по склону, откуда только что свалилась лисица.

– Цисса! Нарцисса! Послушай…

Вторая женщина настигла первую и схватила за локоть, но та вырвалась.

– Возвращайся, Белла!

– Ты должна меня выслушать!

– Я уже выслушала. И приняла решение. Оставь меня!

Женщина по имени Нарцисса добралась до старых перил, разделявших реку и узкую мощеную уличку. Вторая женщина, Белла, поднялась следом. Они стояли в темноте бок о бок и смотрели на бесконечные ряды обветшалых кирпичных домишек с темными подслеповатыми окнами.

– Он живет здесь? – презрительно проговорила Белла. – В этом мугловом гадюшнике? Мы, наверно, первые из наших, кто...

Нарцисса не слушала; она проскользнула в брешь ржавой ограды и торопливо зашагала по улице.

– Цисса, стой!

Белла пошла следом. Ее плащ разевался на ходу. Нарцисса стремительно пронеслась по переулку между домами к другому переулку, почти такому же. Фонари местами были разбиты; женщины то и дело перемещались из света в тьму. На очередном повороте преследовательница догнала жертву и, схватив за руку, резко развернула к себе:

– Цисса, не надо этого делать, ему нельзя доверять...

– Но ведь Черный Лорд доверяет?

– Черный Лорд... по-моему... ошибается, – тяжело дыша, ответила Белла и оглянулась, нет ли кого. Из-под капюшона ярко сверкнули глаза. – Так или иначе, нам приказано никому не рассказывать о плане. Ты предаешь Черного Лорда...

– Пусти, Белла! – гневно воскликнула Нарцисса и, выхватив из-под плаща палочку, угрожающе нацелилась в лицо своей спутницы. Та рассмеялась:

– Цисса! Собственную сестру? Ты не посмеешь...

– Теперь я уже все посмею! – истерично выдохнула Нарцисса и рубанула палочкой как кинжалом. На мгновение вспыхнул ослепительный свет. Белла дернулась, точно обжегшись, и выпустила руку сестры.

– Нарцисса!

Но та кинулась дальше, в лабиринт кирпичных домов. Белла, потирая руку, двинулась следом, однако теперь держалась на расстоянии. Нарцисса добежала до переулка под названием «Ткацкий тупик», над домами которого гигантским грозящим пальцем нависала труба, и гулко застучала каблуками по мостовой. Миновав череду

заколоченных или выбитых окон, она подошла к самому последнему дому. Из-за штор на первом этаже еле пробивался свет.

Нарцисса постучала в дверь – Белла, непрерывно бубнившая ругательства вполголоса, не успела ее остановить. Женщины в ожидании замерли на пороге. Обе часто дышали. Ночной ветер доносил запах грязной речной воды. Очень скоро в доме послышался шум, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Сквозь щель на сестер посмотрел черноглазый мужчина с длинными черными патлами, разделенными пробором надвое и обрамлявшими землистое лицо.

Нарцисса откинула капюшон. Она была так бледна, что, казалось, светилась в темноте; длинные светлые волосы струились по спине, и Нарцисса походила на утопленницу.

– Нарцисса! – воскликнул мужчина и открыл дверь пошире, так что свет упал на гостью и ее сестру. – Какой приятный сюрприз!

– Злотеус, – напряженным шепотом ответила она, – можно с тобой поговорить? Это срочно.

– Разумеется.

Он отступил, пропуская Нарциссу в дом. Ее сестра, не снимая капюшона, вошла без приглашения.

– Злей, – бросила она в качестве приветствия, проходя мимо хозяина.

– Беллатрикс, – отозвался тот, изогнув тонкие губы в саркастичной усмешке, и захлопнул дверь.

Они прошли в крошечную темную гостиную, похожую на больничную палату, обитую войлоком. Все стены были заняты книгами в черных и коричневых кожаных переплетах; посередине, в круге тусклого света люстры со свечами, сгрудились вытертый диван, старое кресло и шаткий столик. Комната выглядела заброшенной, почти нежилой.

Злей жестом предложил Нарциссе сесть на диван. Она сбросила плащ, отшвырнула его, села, сцепив на коленях белые трясущиеся руки, и вперила в них взгляд. Беллатрикс медленно сняла капюшон. Она была полной противоположностью сестры – темноволосая, с тяжелыми веками и сильным подбородком. Не сводя глаз с хозяина, она встала за спиной у Нарциссы.

– Итак, чем могу служить? – Злей уселся в кресло напротив.

– Мы... одни? – еле слышно спросила Нарцисса.

— Да, конечно. Не считая Червехвоста, но паразиты не в счет, верно?

Он направил палочку на стеллаж у себя за спиной. Тотчас с грохотом распахнулась потайная дверь, и в проеме показалась узкая лестница, а на ней — маленький человечек.

— Очевидно, ты уже понял, Червехвост, что у нас гости, — лениво процедил Злей.

Человечек, горбясь, спустился на несколько ступеней и прошел в комнату. У него были водянистые глазки, острый носик и неприятное лживое лицо. Левой рукой он неустанно баюкал правую, которую словно облегала ярко блестящая серебряная перчатка.

— Нарцисса! — прокрипел он. — Беллатрикс! Как мило...

— Если желаете, Червехвост принесет нам выпить, — сказал Злей. — А затем поднимется к себе.

Червехвост сморщился, словно ему чем-то плеснули в лицо.

— Я вам тут не слуга! — пискнул он, избегая взгляда Злея.

— Правда? А мне казалось, Черный Лорд прислал тебя мне помочь.

— Помогать, да... но не подавать напитки и... не прибираться в твоем доме!

— Я не знал, Червехвост, что ты мечтаешь о более героической деятельности, — медоточиво произнес Злей. — Это легко устроить: я обязательно поговорю с Черным Лордом...

— Я и сам могу с ним поговорить, если надо!

— Разумеется, можешь, — ослабился Злей. — А пока что принеси нам выпить. Скажем, домашнего эльфийского вина.

Червехвост помялся, будто намереваясь спорить, но затем повернулся и направился ко второму потайному ходу. Послышался грохот дверец, звяканье стекла. Прошло всего несколько секунд, и он вернулся с пыльной бутылкой и тремя кубками на подносе. Затем шваркнул поднос на шаткий столик и стремительно удалился, хлопнув напоследок дверью, замаскированной под книжный шкаф.

Злей разлил кроваво-красное вино по кубкам и передал сестрам. Нарцисса поблагодарила, а Беллатрикс по-прежнему молча сверлила хозяина дома глазами. Впрочем, казалось, его это нисколько не смущает, а, напротив, забавляет.

– За Черного Лорда, – провозгласил он, подняв кубок, и осушил его.

Сестры последовали его примеру. Злей подлил им еще вина.

Принимая кубок, Нарцисса быстро заговорила:

– Злотеус, прости, что мы без приглашения, но я должна была тебя увидеть. Ты один можешь мне помочь…

Злей жестом остановил ее и еще раз ткнул палочкой в сторону потайной двери. Там что-то грохотнуло, пискнуло, и стало слышно, как Червехвост убегает вверх по лестнице.

– Мои извинения, – сказал Злей. – Он в последнее время пристрастился подслушивать, уж не знаю зачем… Так о чём ты, Нарцисса?

Та судорожно вздохнула и начала снова:

– Злотеус, я знаю, что не должна была приходить, мне приказали никому ничего не рассказывать, но…

– Вот и держи язык за зубами! – рявкнула Беллатрикс. – Особенно здесь!

– «Особенно здесь»? – сарднически повторил Злей. – Как прикажете это понимать, Беллатрикс?

– Так, что я вам не доверяю, Злей, о чём вы прекрасно знаете!

Нарцисса странно, без слез, всхлипнула и закрыла лицо руками. Злей поставил кубок на столик, сел поудобнее, положил руки на подлокотники и с улыбкой уставился в гневное лицо Беллатрикс.

– Нарцисса, думаю, во избежание дальнейших препирательств мы должны выслушать Беллатрикс, ей явно не терпится что-то сказать. Говорите же, Беллатрикс, – предложил Злей. – Почему вы мне не доверяете?

– По сотне причин! – воскликнула та, вышла из-за дивана и с грохотом поставила кубок на столик. – Не знаю, с чего и начать! Объясните, где вы были после падения Черного Лорда? Почему не пытались найти его, когда он исчез? Чем занимались все эти годы, пока жили у Думблдора за пазухой? Почему помешали нашему господину заполучить философский камень? Почему не вернулись сразу после возрождения Черного Лорда? Где были несколько недель назад, когда мы пытались отвоевать пророчество? И почему, Злей, до сих пор жив Гарри Поттер, который вот уже пять лет находится в полной вашей власти?

Она остановилась перевести дух. Ее грудь ходила ходуном, щеки пылали. Нарцисса сидела неподвижно, не отнимая ладоней от лица.

Злей усмехнулся.

– Прежде чем ответить... да-да, Беллатрикс, я отвечу! Можете передать мои слова всем любителям шушукаться за чужой спиной и пересказывать Черному Лорду грязные измышления о моем предательстве! Только я в свою очередь тоже задам вопрос. Вы и правда считаете, что Черный Лорд не догадался спросить меня о том же? И что мы разговаривали бы с вами, если б его не удовлетворили мои ответы?

Беллатрикс смутилась.

– Я знаю, он вам верит, но...

– Думаете, что он заблуждается? Что я каким-то образом его облапошил? Обвел вокруг пальца Черного Лорда, величайшего из колдунов, непревзойденного легилементора?

Беллатрикс молчала. На ее лице впервые отразилось смущение. Но Злей не стал развивать эту тему. Он снова взял кубок, глотнул и продолжил:

– Вас интересует, где я был после падения Черного Лорда? Там, куда он меня поставил, – в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств. Господин велел мне шпионить за Альбусом Думблдором. Полагаю, вы в курсе, что я принял должность по распоряжению Черного Лорда?

Беллатрикс едва заметно кивнула и открыла было рот, но Злей ее опередил:

– Вам хочется знать, почему я не пытался его разыскать? Потому же, почему этого не делали Эйвери, Гнусли, брат и сестра Карроу, Уолк, Люциус, – Злей кивнул Нарциссе, – и многие другие. Я считал его мертвым. Нисколько не горжусь своей ошибкой, но так уж оно было... если б господин не простили тех, кто тогда потерял веру, у него бы сейчас осталось крайне мало сторонников.

– У него всегда была я! – страстно воскликнула Беллатрикс. – Я, которая столько лет провела ради него в Азкабане!

– Беспрецедентный героизм, – скучливо отозвался Злей. – Правда, толку от вас в тюрьме было мало, но жест, безусловно, красивый...

– Жест! – взвизгнула Беллатрикс; в ярости она смотрелась безумицей. – Меня терзали дементоры, а вы сидели в «Хогварце», как

ручная зверушка Думбльдора, и в ус не дули!

– Не совсем, – спокойно возразил Злей. – Он не соглашался сделать меня преподавателем защиты от сил зла. Боялся, что это приведет к... э-э... рецидиву... соблазнит на старые забавы.

– Вот вы чем, значит, пожертвовали ради Черного Лорда – любимым предметом? – глумливо осведомилась Беллатрикс. – Что же вы там торчали столько времени? Шпионили за Думбльдором по заданию господина, которого считали покойным?

– Нет, – сказал Злей. – Впрочем, Черный Лорд был рад, что я не оставил пост: я смог предоставить ему сведения о Думбльдоре за целых шестнадцать лет, что, несомненно, оказалось много более ценным подарком к возвращению, нежели бесконечные воспоминания об ужасах Азкабана...

– Но вы остались там...

– Да, Беллатрикс, остался, – ответил Злей, впервые чуть заметно раздражаясь. – Предпочел хорошую работу сроку в Азкабане. Если вы помните, Упивающихся Смертью хватали одного за другим. Благодаря заступничеству Думбльдора я избежал тюрьмы – удачное стечание обстоятельств, и я им воспользовался. Повторяю: Черный Лорд не в претензии, и я не понимаю, что не устраивает вас... Еще, кажется, вас занимал вопрос, – громче продолжил он, поскольку Беллатрикс явно не терпелось возразить, – почему я помешал Черному Лорду получить философский камень. Это легко объяснить. Черный Лорд, как и вы, не знал, может ли мне доверять, считал, что я превратился в комнатную собачку Думбльдора. Господин был в жалком состоянии, очень слаб и вынужден ютиться в теле убогой посредственности. Он не решался открыться бывшему стороннику – вдруг я сдал бы его Думбльдору или министерству? Искренне сожалею, что он не доверился мне, – мог бы вернуться на три года раньше. А так я видел лишь недостойного слизняка, который хотел стащить камень, и, признаюсь, сделал все, чтобы этого не допустить.

Беллатрикс скривилась, словно от горькой микстуры.

– Но вы не присоединились к нам, когда он вернулся, не явились немедленно, по первому жжению Смертного Знака...

– Верно. Я вернулся двумя часами позже. По распоряжению Думбльдора.

– Думбльдора?! – возмущенно вскричала она.

– Подумайте! – ответил Злей, вновь начиная горячиться. – Раскиньте мозгами! Подождав два часа, всего два часа, я обеспечил себе возможность остаться в «Хогварце» осведомителем! Притворившись, будто возвращаюсь к Черному Лорду исключительно по приказу Думбльдора, я и сейчас могу передавать сведения о нем и Ордене Феникса! Рассудите, Беллатрикс: Смертный Знак становился ярче день ото дня; я, как все Упивающиеся Смертью, понимал, что Черный Лорд вот-вот вернется! У меня было время подумать, как поступить, рассчитать следующий шаг, выкрутиться подобно Каркарову, так ведь? Поверьте, Черный Лорд, хоть поначалу и рассердился на мое опоздание, сменил гнев на милость, едва я заверил его, что предан моему господину, как раньше, пусть даже Думбльдор считает меня своим человеком. Да, Черный Лорд думал, что я отступил от него навсегда, однако он ошибался.

– Но что полезного вы сделали? – зло усмехнулась Беллатрикс. – Какую ценную информацию раздобыли?

– Эту информацию я передал лично Черному Лорду, – сказал Злей. – Если он не счел возможным с вами поделиться…

– Он делится со мною всем! – мгновенно вспылила Беллатрикс. – Называет меня своим самым верным, самым преданным…

– Вот как? – осведомился Злей с легчайшим оттенком недоверия в голосе. – *Do sих пор*, даже после фиаско в министерстве?

– Но я не виновата! – Беллатрикс покраснела. – Раньше Черный Лорд доверял мне самые личные… Если бы Люциус не…

– Не смей… не смей перекладывать вину на моего мужа! – тихим и страшным голосом произнесла Нарцисса, взглянув на сестру.

– Бессмысленно мериться, кто виноват и насколько, – примирительно сказал Злей. – Что сделано, то сделано.

– Главное, что не вами! – выкрикнула Беллатрикс. – Вы, как всегда, отсутствовали, пока другие подвергались опасности!

– Мне было приказано оставаться на месте, – холодно отозвался Злей. – Возможно, вы не согласны с Черным Лордом и считаете, что Думбльдор не заметил бы, если б в сражении с Орденом Феникса я перешел на сторону Упивающихся Смертью? И, уж простите… к вопросу об опасности… насколько я помню, вы имели дело с шестью подростками?

— К ним, как вам превосходно известно, вскоре присоединилась добрая половина Ордена! — зарычала Беллатрикс. — Кстати, чтобы не забыть: вы по-прежнему утверждаете, что не можете раскрыть местонахождение их штаб-квартиры?

— Я не Хранитель Тайны и не могу назвать адрес. Полагаю, вы в курсе, как работает заклятие? Черный Лорд вполне удовлетворен теми сведениями об Ордене, которые я передал. Благодаря им, как вы, вероятно, догадываетесь, удалось схватить и ликвидировать Эммелину Ванс, и они, безусловно, помогли избавиться от Блэка. Впрочем, признаю, тут главная заслуга принадлежит вам.

Он склонил голову и отсалютовал Беллатрикс кубком. Но она нисколько не смягчилась.

— Вы забыли о моем последнем вопросе, Злей. О Гарри Поттере. Целых пять лет вам предоставлялась возможность прикончить его в любой момент. Но вы не сделали этого. Почему?

— А вы обсуждали это с Черным Лордом? — поинтересовался Злей.

— Он... сейчас мы как-то... но я спрашиваю *вас*, Злей!

— Убей я Гарри Поттера, Черный Лорд не смог бы взять его кровь, возродиться и сделаться непобедимым...

— То есть вы предвидели, что он намерен использовать мальчишку? — ухмыльнулась Беллатрикс.

— Нет, я не имел ни малейшего представления о его планах и уже признался, что считал Черного Лорда погившим. Я всего лишь пытаюсь объяснить, почему Черного Лорда, во всяком случае еще год назад, нисколько не печалило, что Поттер остался жив...

— Но почему он жив?

— Вы меня не слушаете? Я не угодил в Азкабан исключительно благодаря заступничеству Думблдора! Вам не кажется, что смерть любимого ученика могла бы настроить его против меня? Но есть и нечто большее. Напомню, что, когда Поттер только появился в «Хогварце», о нем ходила масса разных слухов: якобы он сам — великий черный колдун, потому и пережил нападение Черного Лорда. В то время многие наши соратники полагали, что Поттер станет знаменем, вокруг которого мы объединимся. Признаюсь, мне было любопытно, я не горел желанием прикончить мальчишку, едва он переступит порог замка... Однако вскоре мне стало ясно, что у него нет никаких экстраординарных способностей. Ему удавалось

выпучиваться из передряг благодаря исключительной удачливости и помощи одаренных друзей. Поттер – посредственность до мозга костей, хотя заносчив и самоуверен, как его отец. Я делал все, чтобы его вышвырнули из «Хогварца», где, по моему убеждению, ему совсем не место, но убить или позволить ему погибнуть у меня на глазах? При Думблдоре? Только идиот пошел бы на такой риск.

– Стало быть, мы должны верить, что Думблдор так вас ни в чем и не заподозрил? – осведомилась Беллатрикс. – Он не догадывается о ваших истинных убеждениях и всецело вам доверяет?

– Я хорошо играю свою роль, – ответил Злей. – А вот вы не поняли, в чем слабое место Думблдора: он предпочитает думать о людях хорошо. Когда я, вчерашний Упивающийся Смертью, пришел работать в школу, мне хватило изобразить глубочайшее раскаяние, и Думблдор принял меня с распростертыми объятиями – хотя, как уже говорилось, старался не подпускать меня к черной магии. Думблдор был одним из величайших колдунов... да-да, – (при этих словах Беллатрикс зашипела), – сам Черный Лорд это признает. Однако рад сообщить, что Думблдор начал сдавать. Дуэль с Черным Лордом его подкосила. Затем он получил тяжелую рану – реакция уже не та. Но, так или иначе, все эти годы он верил Злотеусу Злею, в чем, по мнению Черного Лорда, и заключается моя великная ценность.

Беллатрикс по-прежнему смотрела скептически, но явно не знала, чем еще поддеть Злея. Тот, воспользовавшись ее молчанием, обратился к Нарциссе:

– Но... ты, кажется, пришла просить о помощи?

Нарцисса подняла к нему скорбное лицо:

– Да. Злотеус, ты... единственный, кто может помочь, больше мне не к кому обратиться. Люциус в тюрьме и...

Она закрыла глаза. Из-под ресниц медленно выползли две большие слезы.

– Черный Лорд запретил мне говорить об этом, – продолжала Нарцисса, не поднимая век. – Он не желает, чтобы о его плане знали. Это... страшный секрет. Но...

– Если он запретил, ты не должна говорить, – перебил Злей. – Слово Черного Лорда – закон.

Нарцисса коротко вскрикнула, будто ее окатили холодной водой. У Беллатрикс впервые с прихода сюда сделалось довольноное лицо.

– Видишь? – победно завопила она сестре. – Даже Злей говорит: нельзя, значит, молчи!

Злей между тем встал, подошел к окошку, выглянул, слегка отодвинув занавеску, и тут же ее задернул. Потом хмуро обернулся к Нарциссе.

– Так случилось, что я знаю о плане, – тихо сказал он. – Я один из немногих, кого Черный Лорд посвятил в свои намерения. Тем не менее, Нарцисса, не знай я секрета, ты совершила бы чудовищное предательство.

– Я так и думала, что ты знаешь! – Нарцисса вздохнула свободнее. – Он так тебе доверяет, Злотеус...

– Вы знаете о плане? – Радость Беллатрикс мгновенно сменилась возмущением. – Вы?

– Разумеется, – подтвердил Злей. – Но о какой помощи речь, Нарцисса? Если ты думаешь, что я смогу переубедить Черного Лорда, то на это нечего и надеяться.

– Злотеус, – прошептала Нарцисса, и по ее щекам потекли слезы. – Это же мой сын... мой единственный сын...

– Драко должен гордиться, – равнодушно произнесла Беллатрикс. – Черный Лорд оказал ему великую честь. И я вот что скажу: Драко не пытается увильнуть от исполнения долга, он рад, даже счастлив возможности проявить себя...

Нарцисса зарыдала, не сводя умоляющего взгляда со Злея:

– Ему всего шестнадцать, он не представляет, что его ждет! За что, Злотеус? Почему именно мой сын? Испытание ему не по силам! Это месть за ошибку Люциуса, я уверена!

Злей молчал. Он отвернулся от рыдающей Нарциссы, будто это неприличное зрелище, но не мог притворяться, будто не слышит.

– Поэтому он выбрал Драко, да? – настаивала она. – Чтобы наказать Люциуса?

– Если Драко преуспеет, – сказал Злей, по-прежнему глядя в сторону, – его наградят превыше остальных.

– Но он не преуспеет! – всхлипнула Нарцисса. – Как ему преуспеть, если сам Черный Лорд...

Беллатрикс в ужасе ахнула; Нарцисса оробела.

– Я только хотела сказать... что еще никому... Злотеус... пожалуйста... ты всегда был любимым учителем Драко... ты старый

друг Люциуса... умоляю... Черный Лорд ценит тебя больше всех, он тебе очень доверяет... ты пойдешь к нему, уговоришь его?..

– Я не настолько глуп, – бесцветно ответил Злей. – Черного Лорда нельзя уговорить. И он, не стану скрывать, сердит на Люциуса. На твоего мужа была возложена большая ответственность. А он попался вместе с другими и не сумел раздобыть пророчество. Да, Нарцисса, Черный Лорд зол на него, очень зол.

– Значит, я права, он выбрал Драко в отместку! – задохнулась Нарцисса. – Он не хочет, чтобы Драко выполнил задание, он хочет, чтобы мой сын погиб при попытке!..

Злей не ответил, и Нарцисса потеряла остатки самообладания. Она встала, неверными шагами подошла к Злею и схватила его за грудки. Стоя к нему очень близко – ее слезы падали ему на мантию, – она хрипло зашептала:

– Ты можешь это сделать! Вместо Драко, Злотеус! У тебя получится, обязательно, и он тебя наградит, вознесет до небес...

Злей схватил Нарциссу за запястья и отвел ее руки. Глядя вниз на ее заплаканное лицо, он медленно сказал:

– Думаю, в конечном итоге он на меня и рассчитывает. Но сначала хочет испытать Драко. Понимаешь, в том невероятном случае, если Драко справится, я смогу еще ненадолго остаться в «Хогварце» разведчиком.

– Другими словами, ему все равно, если Драко погибнет!

– Черный Лорд очень сердит, – тихо повторил Злей. – Он не услышал пророчества. Ты знаешь не хуже меня, Нарцисса, как нелегко заслужить его прощение.

Нарцисса, стяная и всхлипывая, бросилась Злею в ноги.

– Единственный сын... Мой единственный сын...

– Ты должна гордиться! – вмешалась безжалостная Беллатрикс. – Будь у меня сыновья, я бы пожертвовала их Черному Лорду!

Нарцисса издала тихий вопль и вцепилась себе в волосы. Злей наклонился, схватил ее за руки, поднял и отвел к дивану. Затем налил вина и заставил ее взять кубок:

– Хватит, Нарцисса. Выпей. И послушай меня.

Притихнув, она дрожащими руками поднесла к губам вино, плеснув себе на грудь.

– Думаю, я смогу помочь Драко.

Она села прямее и подняла к нему лицо, белое как бумага, с огромными отчаянными глазами.

– Злотеус... о Злотеус... ты поможешь ему? Присмотришь за ним, проследишь, чтобы ничего не случилось?

– Попытаюсь.

Она резко отставила кубок; тот скатился со столика. Нарцисса упала перед Злеем на колени, ладонями обхватила его руку и прижалась к ней губами.

– Ты будешь с ним, ты защитишь его... Злотеус, правда? Ты согласен дать Нерушимую клятву?

– Нерушимую клятву? – Лицо Злея было бесстрастно и непроницаемо, однако Беллатрикс неприятно, торжествующе расхохоталась:

– Ты, похоже, не слушала, Нарцисса? О, конечно, он *попытается*, как же... пустые слова, он, как всегда, сумеет отвертеться... По приказу Черного Лорда, разумеется!

Злей даже не взглянул на Беллатрикс. Его черные глаза были прикованы к голубым, полным слез глазам Нарциссы. Она не выпускала его руки.

– Конечно, я дам Нерушимую клятву, – тихо проговорил он. – Надеюсь, твоя сестра согласится быть нашим Скрепчим?

Беллатрикс разинула рот. Злей опустился на колени перед Нарциссой, и под изумленным взглядом Беллатрикс они сцепили правые руки.

– Вам понадобится палочка, Беллатрикс, – холодно напомнил Злей.

Та, все еще в потрясении, вытащила палочку.

– И вы должны подойти поближе, – сказал Злей.

Она шагнула вперед, встала над ними и приставила кончик волшебной палочки к их сцепленным рукам.

Нарцисса заговорила:

– Клянешься ли ты, Злотеус, не оставлять вниманием моего сына Драко все время, что он будет выполнять задание Черного Лорда?

– Клянусь, – ответил Злей.

Тонкий язычок яркого пламени выстрелил из волшебной палочки и раскаленной проволокой обвил их руки.

– Клянешься ли ты защищать его до последней возможности?

– Клянусь, – ответил Злей.

Палочка снова выпустила язычок пламени, тот переплелся с первым, и вместе они образовали тонкую светящуюся цепочку.

– А если будет необходимо... если станет ясно, что Драко не сумеет... – прошептала Нарцисса (рука Злея дрогнула, но он не отнял ее), – клянешься ли ты закончить дело, которое Черный Лорд поручил моему сыну?

Повисло молчание. Беллатрикс глядела широко распахнутыми глазами, не убирая волшебной палочки от их ладоней.

– Клянусь, – сказал Злей.

Оторопелое лицо Беллатрикс тускло осветилось красным: палочка выпустила третий язычок пламени. Он переплелся с первыми двумя и накрепко связал сцепленные руки Нарциссы и Злея – как веревка, как огненная змея.

Глава третья

Что придет и кто не пойдет

Гарри Поттер громко храпел у себя в комнате. Он почти четыре часа просидел в кресле у окна, глядя, как сгущаются сумерки, и в конце концов заснул, припав щекой к холодному стеклу. Очки съехали набок, рот открылся; от дыхания на стекле появилось мутное пятно, которое посверкивало оранжевым в свете уличного фонаря. Мертвенное освещение обесцветило лицо Гарри; под шапкой черных волос оно казалось восковым.

Вся комната была забросана вещами и каким-то мусором. На полу валялись совиные перья, яблочные огрызки, фантики; на кровати беспорядочной кучей – одежда и книги заклинаний; в круге света на письменном столе – ворох газет. На одной выделялся заголовок:

ГАРРИ ПОТТЕР: ИЗБРАННЫЙ?

Не утихают слухи о загадочном пугающем происшествии в министерстве магии – которое, как утверждается, было отмечено внезапным появлением Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

«Нам запрещено это обсуждать, так что без комментариев», – сказал вчера ночью один из амнезиаторов, покидая министерство. Он был явно взъярен и пожелал сохранить анонимность.

Между тем наш весьма высокопоставленный источник в правительстве подтверждает, что вышеупомянутое происшествие напрямую связано с легендарным Залом Пророчеств.

Пресс-служба министерства отрицает факт существования Зала, однако среди населения растет убежденность в том, что банда Упивающихся Смертью, которые впоследствии были помещены в Азкабан, проникла в здание с целью выкрасть некое пророчество. В чем суть этого пророчества, пока неясно, но оно якобы касается Гарри Поттера, единственного человека, которому удалось пережить убийственное проклятие; по имеющимся сведениям, сам Поттер тоже стал участником означенных событий. Некоторые даже

называют этого юношу «избранным»: пророчество будто бы гласит, что именно ему предстоит избавить мир от Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

Нынешнее местонахождение пророчества, если таковое существует, неизвестно, хотя (продолжение см. стр. 2, колонка 5).

Рядом лежала другая газета, со статьей, озаглавленной:

ФУДЖ УСТУПАЕТ ПОСТ СКРИМДЖЕРУ

Почти всю первую полосу занимала черно-белая фотография человека с густой гривой и довольно измученным лицом. Он сильно напоминал льва. Изображение двигалось – человек махал кому-то на потолке.

Руфус Скримджер, в недавнем прошлом глава дивизиона авроров департамента защиты магического правопорядка, сменил Корнелиуса Фуджа на посту министра магии. Колдовская общественность встретила это событие с большим энтузиазмом, невзирая на то, что спустя считаные часы после назначения поползли слухи о разногласиях между Скримджером и Альбусом Думблдором, вновь занявшим место Верховного Ведуна Мудрейха.

Пресс-служба Скримджера подтверждает факт его совещания с Думблдором, но отказывается комментировать обсуждавшиеся в ходе встречи вопросы. Альбус Думблдор известен как (продолжение см. стр. 3, колонка 2).

Слева лежала еще одна газета, развернутая на статье «Министерство гарантирует полную безопасность учащихся».

Новоиспеченный министр магии Руфус Скримджер сегодня рассказал о строгих мерах, которые помогут обеспечить безопасность учащихся «Хогварца» в наступающем учебном году.

«Министерство разработало очень жесткий план действий, в подробности которого мы, по очевидным причинам, вдаваться не станем», – заявил Скримджер. При этом источник в министерстве подтвердил, что упомянутые меры включают в себя защитные заклинания и заговоры, сложный комплекс контрзаклятий, а также создание оперативного отряда авроров, занятого исключительно охраной «Хогварца».

Общественность в целом удовлетворена твердой позицией министерства по вопросу безопасности школьников. Миссис Августа Лонгботтом отмечает: «Мой внук Невилл – кстати, добрый друг Гарри Поттера, с которым они в июне бок о бок сражались против Упивающихся Смертью...»

Окончание статьи скрывалось под большой птичьей клеткой, где сидела роскошная белая сова. Она царственно озирала помещение янтарными глазами, а время от времени поворачивала голову к храпящему хозяину и недовольно щелкала клювом, но Гарри спал очень крепко и ничего не слышал.

Посреди комнаты стоял выжидательно открытый сундук – почти пустой, если не считать старого белья, пары конфет, нескольких пустых чернильниц и сломанных перьев на самом дне. Возле сундука на полу валялась фиолетовая памятка с красиво выведенным текстом:

ПО ЗАКАЗУ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

КАК ЗАЩИТИТЬ ОТ ЗЛЫХ ЧАР СВОЙ ДОМ И РОДНЫХ

В настоящее время колдовскому сообщству угрожает организация, носящая название «Упивающиеся Смертью». Ниже приведены простые правила, которые помогут вам защитить от нападения себя, свою семью и жилище.

1. Не выходите из дома поодиночке.
2. Соблюдайте особую осторожность в темное время суток. По возможности не путешествуйте после захода солнца.
3. Проверьте, насколько хорошо защищен ваш дом; убедитесь, что все члены семьи осведомлены о таких экстренных мерах защиты, как заградительное и прозрачаровальное заклятия, а также параллельное аппарирование (для лиц, не достигших совершеннолетнего возраста).
4. Составьте и согласуйте с близкими список контрольных вопросов, которые позволяют опознать Упивающихся Смертью, принявших чужой облик с помощью всеэссенции (см. стр. 2).
5. Если кто-то из ваших близких, коллег, знакомых или соседей ведет себя странно, срочно свяжитесь с департаментом защиты

магического правопорядка. Эти люди могут находиться под воздействием проклятия подвластия (см. стр. 4).

6. При появлении над жилым домом либо иным зданием Смертного Знака НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВХОДИТЕ ТУДА и незамедлительно свяжитесь с дивизионом авроров.

7. По неподтвержденным данным, Упивающиеся Смертью используют инферний (см. стр. 10). Обо всех случаях появления инферний и столкновениях с ними СРОЧНО сообщайте в министерство.

Гарри заворчал во сне. Его щека съехала ниже по стеклу, очки еще больше перекосились, но он не проснулся. На подоконнике стоял будильник, починенный Гарри несколько лет назад, – он громко тикал и показывал без одной минуты одиннадцать. Рядом лежал пергамент, исписанный тонким косым почерком; Гарри прикрывал его обмякшей рукой. За последние три дня письмо перечитывали столько раз, что тугой свиток полностью расправился.

Дорогой Гарри,

Надеюсь, что не причиню особенных неудобств, если в одиннадцать вечера ближайшей пятницы прибуду на Бирючинную улицу, дом № 4. Мне хотелось бы лично проводить тебя в «Гнездо», куда ты приглашен до конца школьных каникул.

Также, если ты согласишься, буду благодарен за помощь в одном деле, которое я надеюсь решить по дороге в «Гнездо». О подробностях расскажу при встрече.

Очень прошу ответить той же совой.

С нетерпением жду встречи в пятницу,

искренне твой

Альbus Дамблдор

Гарри давно выучил послание наизусть, но все равно с семи вечера – как только занял пост у окна своей комнаты, откуда неплохо просматривалась вся Бирючинная улица, – беспрерывно в него заглядывал, хоть и понимал, что это бессмысленно. Он ответил «да» той же совой, как его и просили; теперь оставалось лишь ждать, появится Думблдор или нет.

Но складывать вещи Гарри не стал. Пробить у Дурслеев всего две недели и отчалить? Счастье казалось неправдоподобным, и Гарри терзали опасения. Что-нибудь непременно пойдет не так: или его ответ затеряется, или Думбльдор не сможет, или вообще выяснится, что все это – чья-то дурацкая шутка, или обманка, или ловушка. Гарри знал, что попросту не переживет, если придется разбирать вещи снова, а потому сумел сделать только одно – запер в клетке белоснежную Хедвигу.

Минутная стрелка будильника перескочила на двенадцать, и в тот же миг фонари за окном дружно погасли.

Гарри сразу проснулся, словно внезапная темнота была сигналом тревоги. Он поправил очки, отлепил от стекла щеку, прижал к нему нос и, сощурившись, уставился на улицу. На садовой дорожке появилась высокая фигура в длинном развевающемся плаще.

Гарри будто током ударило. Он вскочил, опрокинув кресло, и принял хватать с пола все подряд. Едва в сундук полетели мантия, два учебника заклинаний и пакет чипсов, раздался звонок.

На первом этаже, в гостиной, дядя Вернон закричал:

– Что за осел прется на ночь глядя?!

Гарри замер с медным телескопом в одной руке и кроссовками – в другой. Кошмар – он же не сказал родственникам о Думбльдоре! Подавляя нервный смех, Гарри перелез через сундук, распахнул дверь и услышал:

– Добрый вечер. Вы, должно быть, мистер Дурслей? Надеюсь, ваш племянник предупредил, что я его забираю?

Гарри огромными скачками сбежал по лестнице, но резко притормозил за пару ступеней до подножия: богатый жизненный опыт научил его держаться от дяди подальше. На пороге стоял высокий худой человек с длинными, до пояса, серебристыми волосами и бородой. Он был в черном дорожном плаще и остроконечной шляпе; на крючковатом носу сидели очки со стеклами-полумесяцами. Вернон Дурслей в красно-коричневом халате остолбенело взирал на Думбльдора крошечными недобрьими глазками. Его черные усы своей пышностью ничуть не уступали усам гостя.

– Судя по вашему изумлению, Гарри забыл сообщить о моем визите, – приятно сказал Думбльдор. – Тем не менее давайте

представим, что вы любезно пригласили меня в дом. В наше беспокойное время неразумно подолгу держать двери открытыми.

Он проворно переступил порог и затворил за собой дверь.

— Давненько я здесь не был, — продолжал он, взирая на дядю Вернона поверх крючковатого носа. — Надо же, как разрослись агапантусы.

Дурслей тупо молчал. Было видно, что дар речи вернется к нему, и очень скоро — на его виске с опасной частотой пульсировала жилка, — но пока что он едва дышал, не то смущившись из-за явной *волшебности* облика Думблдора, не то понимая, что гостя ничем не запугаешь.

— А, вот и ты! Здравствуй. — Думблдор заметил Гарри и радостно поглядел на него сквозь полумесяцы очков. — Прекрасно, прекрасно.

Эти слова вывели дядю Вернона из ступора. Тому, кто считает, что Гарри — это «прекрасно», в доме Дурслеев не место.

— Не хочу показаться грубым... — весьма хамским тоном начал он.

— ...однако грубость, к сожалению, явление в наши дни весьма распространенное, — сурово закончил за него Думблдор. — Так что, дорогой вы мой, лучше ничего и не говорить! А вот, кажется, и Петуния.

Действительно на пороге кухни появилась тетя Петуния в халате поверх ночной рубашки и резиновых перчатках — перед отходом ко сну она всегда протирала все поверхности. На ее лошадином лице было написано крайнее потрясение.

— Альбус Думблдор, — отрекомендовался гость, когда понял, что дядя Вернон не намерен представлять его супруге. — Впрочем, мы знакомы по переписке.

Гарри подумал, что одно взрывающееся письмо едва ли тянет на переписку, но тетя Петуния не стала оспаривать терминологию.

— А это, надо полагать, ваш сын Дудли?

Дудли в полосатой пижаме высунул из гостиной большую блондинистую голову. Казалось, что она висит в воздухе сама по себе, разевая рот в страхе и изумлении. Думблдор помолчал секунду-другую, ожидая какой-нибудь реплики от хозяев дома, но пауза явно затянулась, и он улыбнулся:

— Предлагаю вообразить, что вы пригласили меня в гостиную.

Дудли поспешил убраться с дороги, и Думбльдор прошел в комнату. Гарри, как был, с кроссовками и телескопом, спрыгнул с лестницы и направился следом. Думбльдор уселся в кресло у камина и с доброжелательным интересом завертел головой, рассматривая обстановку, в которой, надо сказать, выглядел на редкость неуместно.

— Разве... нам не пора, сэр? — беспокойно спросил Гарри.

— Да-да, конечно. Но прежде я хотел кое-что обсудить, — ответил Думбльдор. — Предпочтительно в закрытом помещении. Мы лишь чуть-чуть злоупотребим гостеприимством твоих дяди и тети.

— Ах вот, значит, как?

В комнату ворвался Веронон Дурслей. Из-за его спины выглядывала Петуния; сзади крался Дудли.

— Да, — спокойно отозвался Думбльдор, — именно так.

Он с молниеносной быстротой выхватил волшебную палочку — Гарри даже не заметил, как это произошло, — и легонько ею взмахнул. Диван тут же выехал вперед, стукнул под коленки Дурслеев, и те кучей повалились на подушки. Еще одно едва заметное движение — и диван столь же стремительно вернулся на место.

— А раз уж так, почему бы не посидеть с комфортом, — мило улыбнулся Думбльдор.

Он сунул палочку в карман, и Гарри заметил, что рука его покернела и сморщилась, словно на ней обгорела вся плоть.

— Сэр, что с вашей...

— После, Гарри, — перебил Думбльдор. — Пожалуйста, сядь.

Гарри занял второе кресло, избегая смотреть на потрясенно молчавших Дурслеев.

— Хотелось надеяться, что мне предложат выпить чего-нибудь с дороги, — сказал Думбльдор дяде Вернону, — однако вижу, что ждать этого от вас было бы с моей стороны оптимизмом на грани глупости.

Третий взмах палочкой — и в воздухе появилась запыленная бутыль и пять кубков. Бутыль наклонилась, щедро разлила темно-золотистую жидкость, и напитки разлетелись к присутствующим.

— Лучший мед мадам Росмерты, настоящий в дубовых бочках, — объявил Думбльдор, поднимая кубок и глядя на Гарри. Тот отпил. Раньше он никогда не пробовал меда, но ему страшно понравилось. Дурслеи испуганно переглянулись, безуспешно делая вид, что не

замечают свои кубки, однако те упорно тыкались им в щеки. Гарри одолевало сильное подозрение, что Думбльдор от души развлекается.

– Итак, – начал тот, повернувшись к Гарри, – мы попали в непростую ситуацию, которую, надеюсь, ты поможешь разрешить. «Мы» – это Орден Феникса. Однако прежде позволь сообщить, что на прошлой неделе нашлось завещание Сириуса и он оставил тебе все свое имущество.

Дядя Вернон мигом насторожился, но Гарри на него даже не взглянул. Слова не шли с языка, и он лишь промямлил:

– А-а. Понятно.

– В целом все просто, – продолжал Думбльдор. – К твоему счету в «Гринготтсе» добавляется круглая сумма, и к тебе же переходит личное имущество Сириуса. Единственная проблема заключается в том...

– Его крестный отец умер? – раздался с дивана громкий голос дяди Вернона. Думбльдор и Гарри дружно повернулись к нему. Кубок с медом требовательно стучал Дурслею в висок; тот попытался сбить его ладонью. – Умер? Крестный?

– Да, – подтвердил Думбльдор, не спрашивая, почему Гарри не сообщил об этом сам, и как ни в чем не бывало прибавил: – Проблема в том, что дом № 12 на площади Мракэнтлен тоже достался тебе.

– Он унаследовал дом? – жадно сузив глазки, переспросил дядя Вернон, но ему никто не ответил.

– Пусть там останется штаб-квартира, – пробормотал Гарри. – Мне все равно. Пользуйтесь, мне ничего не нужно. – Ему и под страхом смерти не хотелось возвращаться в особняк Блэков, где его бесконечно преследовали бы воспоминания о Сириусе, который считал этот мрачный, замшелый дом своей тюрьмой.

– Благородное решение, – отозвался Думбльдор. – Тем не менее нам пришлось временно выехать.

– Почему?

– Видишь ли, – сказал Думбльдор, не обращая внимания на бубнеж дяди Вернона, которого долбил по голове настырный кубок с медом, – по традиции фамильный особняк должен перейти к следующему представителю рода Блэков по мужской линии. Сириус был последним: его младший брат Регул умер раньше, и оба не имели детей. В завещании ясно сказано, что дом остается тебе, однако не

исключено, что он защищен заклятиями и владельцем может стать только чистокровный Блэк.

Гарри живо вспомнил воняющий и плюющийся портрет матери Сириуса в холле номера 12.

– Да уж наверняка, – буркнул он.

– Вот-вот, – кивнул Думблдор. – И если так, дом, вероятнее всего, отойдет старшему из ныне здравствующих родственников Сириуса, а именно его кузине Беллатрикс Лестранж.

Гарри сам не заметил, как вскочил с кресла; телескоп и кроссовки, лежавшие у него на коленях, покатились по полу. Беллатрикс Лестранж, убийца Сириуса, унаследует его дом?

– Нет.

– Нам бы тоже не хотелось, чтобы она его получила, – спокойно проговорил Думблдор. – Но тут полно сложностей. Например, мы не знаем, удержится ли наша собственная защита теперь, когда дом больше не принадлежит Сириусу. Вдруг Беллатрикс в любой момент может появиться на пороге? Естественно, нам пришлось выехать, пока положение не прояснится.

– Но как узнать, мой дом или нет?

– К счастью, – ответил Думблдор, – проверить довольно просто.

Он отставил пустой кубок на столик рядом с креслом, но больше ничего сделать не успел, потому что дядя Вернон истошно заорал:

– *Может, уберете эти проклятые штуки?*

Гарри оглянулся. Дурслеи прикрывали головы руками: кубки выплясывали у них на макушках, во все стороны разбрызгивая мед.

– Ах, простите, виноват, – промолвил Думблдор и поднял волшебную палочку. Кубки исчезли. – Только, знаете, гораздо вежливей было бы выпить.

Судя по лицу дяди Вернона, у него на языке вертелось множество ядовитых ответов, но он лишь сильнее вжался в спинку дивана рядом с женой и сыном и промолчал, не сводя поросьячих глазок с волшебной палочки.

– Понимаешь, – Думблдор снова повернулся к Гарри, – если ты правда унаследовал дом, то тебе достался и...

Он в пятый раз взмахнул палочкой. Раздался громкий треск, и на ворсистом ковре гостиной появился домовой эльф в каких-то грязных тряпках. У него были большие, как у летучей мыши, уши, нос-хоботок

и огромные, в кровавых прожилках, глаза. Тетя Петуния пронзительно завизжала: такая пакость да на ее ковре! Дудли мигом подобрал большие босые ноги и поднял их чуть ли не выше головы, словно опасаясь, что гадкое существо влезет на него по пижамным штанам. А дядя Вернон громко зарычал:

– Это что еще за мразь?

– Шкверчок, – договорил наконец Думблдор.

– Шкверчок не пойдет, не пойдет, не пойдет! – скрипуче и почти так же громко, как дядя Вернон, затараторил домовый эльф. Он топал длинными шишковатыми ступнями и исступленно тянул себя за уши. – Шкверчок служит мисс Беллатрикс, да-да-да, Шкверчок служит Блэкам, Шкверчок хочет к новой хозяйке и не пойдет служить поганому Поттеру, не пойдет, не пойдет, не пойдет!

– Как видишь, Гарри, – повысив голос, чтобы заглушить непрерывное «не пойдет, не пойдет, не пойдет», сказал Думблдор, – Шкверчок выражает нежелание переходить под твое покровительство.

– Ну и наплевать, – буркнул Гарри, гадливо посмотрев, как эльф корчится и топает ногами. – Мне он не нужен.

– *Не пойдет, не пойдет, не пойдет, не пойдет...*

– Ты предпочтель, чтобы он достался Беллатрикс Лестранж? Зная, что весь последний год он жил при штаб-квартире Ордена Феникса?

– *Не пойдет, не пойдет, не пойдет, не пойдет...*

Гарри поглядел на Думблдора. Ясно, что Шкверчка нельзя отдавать Беллатрикс, но... Стать хозяином и отвечать за того, кто предал Сириуса? Самая мысль отвратительна.

– Отдай ему какой-нибудь приказ, – предложил Думблдор. – Если Шкверчок теперь твой, он будет вынужден повиноваться. А если нет, нам придется найти способ не пустить его к законной хозяйке.

– *Не пойдет, не пойдет, не пойдет, НЕ ПОЙДЕТ!*

Крики перешли в завывания, и Гарри не придумал ничего лучше, кроме как цыкнуть:

– Шкверчок, заткнись!

Тот словно подавился. Он выпучил глаза и, не переставая разевать рот, схватился за горло. Несколько секунд эльф судорожно пытался слглотнуть, а потом бросился лицом на ковер (тетя Петуния горестно заскулила) и в отчаянной, хоть и абсолютно безмолвной истерике заколотил по полу руками и ногами.

– Что ж, это все упрощает, – обрадовался Думбльдор. – Сириус знал, что делает. Гарри, ты – законный владелец дома номер двенадцать по площади Мракэнтлен и Шкверчка.

– А обязательно... чтобы он жил со мной? – Гарри в ужасе посмотрел на эльфа, извивающе-гося у него под ногами.

– Нет, раз ты этого не хочешь, – ответил Думбльдор. – Если не возражаешь, предлагаю отправить его в «Хогварц», на кухню. Там он будет под присмотром у наших эльфов.

– Да, – с облегчением согласился Гарри, – так и сделаем. Эмм... Шкверчок! Хочу, чтобы ты отправился в «Хогварц» и работал на кухне вместе с другими эльфами.

Шкверчок – он теперь лежал на спине и сосредоточенно сучил сразу всеми конечностями – окинул Гарри взором, полным невыразимого омерзения, и с громким хлопком исчез.

– Прекрасно, – сказал Думбльдор. – Но есть еще гиппогриф, Конькур. После смерти Сириуса за ним приглядывал Огрид, но теперь Конькур твой, и если у тебя есть иные соображения...

– Нет, – сразу ответил Гарри, – пусть остается с Огридом. Помоему, самому Конькуру тоже так лучше.

– Огрид будет в восторге, – улыбнулся Думбльдор. – Он так радовался встрече. Кстати, в интересах безопасности мы решили временно переименовать Конькура в Курокрыла, хотя вряд ли в министерстве догадаются, что это тот самый гиппогриф, которому они когда-то вынесли смертный приговор. Ну-с, Гарри, ты упаковал вещи?

– Э-э-э...

– Сомневался, что я появлюсь? – усмехнулся проницательный Думбльдор.

– Я сейчас... мигом... закончу, – выпалил Гарри, хватая с пола телескоп и кроссовки.

На сборы ушло чуть больше десяти минут. Наконец Гарри выудил из-под кровати плащ-невидимку, завинтил пузырек с разноцветными чернилами, сунул их в сундук, водрузил поверх котел и с трудом закрыл крышку. После чего, одной рукой волоча сундук, а в другой держа клетку с Хедвигой, спустился на первый этаж.

Он огорчился, не обнаружив в холле Думбльдора, – придется еще раз заходить в гостиную.

Там все молчали. Думбльдор тихонько напевал и явно чувствовал себя вполне комфортно, но в целом атмосфера густотой напоминала застывший заварной крем. Гарри, не осмеливаясь взглянуть на родственников, сказал:

– Профессор, я готов.

– Прекрасно, – отозвался Думбльдор. – Остается последнее. – Он повернулся к Дурслеям: – Вам, без сомнения, известно, что через год Гарри станет совершеннолетним...

– Нет, – возразила тетя Петуния. Это было первое, что она произнесла за все время.

– Простите? – вежливо переспросил Думбльдор.

– Не достигнет. Он на месяц младше Дудлика, а тому восемнадцать только через два года.

– Вот как, – любезно проговорил Думбльдор. – Но колдуны достигают совершеннолетия в семнадцать.

Дядя Веронон пробормотал «вот приурки», но Думбльдор проигнорировал это замечание.

– Далее. Вы знаете, что в страну вернулся пресловутый лорд Вольдеморт. В колдовском сообществе идет война. Гарри, которого лорд Вольдеморт неоднократно пытался убить, грозит опасность – куда большая, чем пятнадцать лет назад, когда я оставил его на вашем пороге с письмом, где рассказывалось о гибели его родителей. Помнится, я выразил надежду, что вы будете заботиться о мальчике как о собственном сыне.

Думбльдор помолчал. Он говорил размеренно и спокойно, без гнева, но сейчас от него ощущало повеяло холодом, и Гарри заметил, что Дурслеи теснее прижались друг к другу.

– Вы не выполнили мою просьбу; никогда не считали Гарри своим. Он не видел от вас ничего, кроме пренебрежения, а зачастую и жестокости. Тем не менее хорошо уже то, что вы не сумели навредить ему столь же страшно, как несчастному мальчику, который сидит между вами.

Тетя Петуния и дядя Веронон инстинктивно повернули головы к Дудли, точно между ними мог оказаться не он, а кто-то другой.

– Мы – Дудлику?! Да что вы такое?.. – гневно начал дядя Веронон, но Думбльдор поднял палец, призывая к молчанию, и дядю Веронона словно поразила немота.

— Волшебная защита, которую я создал пятнадцать лет назад, обеспечивает безопасность Гарри до тех пор, пока он может называть ваш дом своим. Он был здесь несчастен, не нужен, обижен, но вы, пусть и скрепя сердце, давали ему кровь. Защита перестанет действовать в тот миг, когда Гарри исполнится семнадцать; другими словами, как только он станет мужчиной. Я прошу об одном: разрешить Гарри вернуться к вам еще один раз, чтобы защитить его хотя бы до семнадцатилетия.

Дурслеи молчали. Дудли хмурился, точно пытался понять, когда и как ему навредили. У дяди Вернона будто кусок застрял в горле, а тетя Петуния странно раскраснелась.

— Что же, Гарри... нам пора. — Думбльдор встал и расправил длинный плащ. — До встречи, — сказал он Дурслеям, которые, похоже, горячо пожелали, чтобы встреча никогда не состоялась, затем надел шляпу и вышел из комнаты.

— До свидания, — торопливо бросил Гарри и поспешил за Думбльдором. Тот задержался у сундука, на котором стояла клетка с Хедвигой.

— Это нам будет мешать. — Он опять достал волшебную палочку. — Я отошлю твои вещи в «Гнездо». Впрочем, плащ-невидимку лучше захватить... на всякий случай.

Гарри не без труда извлек из сундука плащ, постаравшись, чтобы Думбльдор не заметил беспорядка внутри. Потом спрятал плащ во внутренний карман куртки, и Думбльдор взмахнул палочкой. Сундук и клетка исчезли. Думбльдор повел палочкой еще раз. Дверь распахнулась. За ней чернела холодная туманная мгла.

— Ну-с, Гарри, вперед, в ночь, за этой ветреной искусительницей — авантюристкой.

Глава четвертая

Гораций Дивангард

Последние несколько дней Гарри только и делал, что ждал встречи с Думблдором, но теперь, когда они оказались вдвоем, очень смутился. Раньше они общались только в школе, и обычно их разделял письменный стол. А воспоминание о последней встрече лишь добавляло неловкости: в тот раз Гарри много кричал и вдобавок расколотил немало ценных для Думблдора вещей.

Однако Думблдора это, по всей видимости, не заботило.

– Держи палочку наготове, Гарри, – жизнерадостно приказал он.

– Мне же нельзя колдовать вне школы…

– Если на нас нападут, – сказал Думблдор, – разрешаю тебе воспользоваться любым контрзаклятием или контрпорчей, какие придут в голову. Впрочем, сегодня тебе вряд ли стоит опасаться.

– Почему, сэр?

– Потому что ты со мной, – просто ответил Думблдор. – Этого достаточно.

Он остановился на углу Бирючинной улицы и спросил:

– Ты еще не сдавал на аппарирование?

– Нет, – помотал головой Гарри, – это же только с семнадцати.

– Верно, – отозвался Думблдор. – Тогда просто крепко держись за мою руку. Левую, если не возражаешь; ты, вероятно, заметил, что правая у меня слегка не в порядке.

Гарри ухватился за его руку.

– Замечательно, – произнес Думблдор, – поехали.

Гарри почувствовал, что рука Думблдора вырывается из пальцев, и усилил хватку. В следующий миг все вокруг почернело; Гарри сжало со всех сторон. Он не мог дышать, ребра стянуло железным обручем; глаза и уши словно вдавливало внутрь черепа, а потом…

Он несколько раз судорожно глотнул холодный ночной воздух и открыл слезящиеся глаза. Его как будто пропихнули через очень узкую резиновую трубу, и он не сразу осознал, что Бирючинной улицы

больше нет. Они с Думблдором очутились на пустынной деревенской площади с военным мемориалом и парой скамеек. Как только мозги встали на место, Гарри понял, что ему впервые в жизни довелось аппарировать.

– Ты как? – поинтересовался Думблдор. – К этому ощущению надо привыкнуть.

– Я нормально. – Гарри растирал уши, явно неохотно расставшиеся с Бирючинной улицей. – Но, честно говоря, на метле лучше.

Думблдор улыбнулся, плотнее запахнул воротник, сказал:

– Нам сюда, – и быстро пошел вперед, мимо пустой гостиницы и жилых домов. На часах церкви неподалеку стрелки приближались к полуночи.

– А скажи, пожалуйста, Гарри, – заговорил Думблдор, – твой шрам... он вообще болит?

Гарри машинально потер зигзагообразную отметину на лбу.

– Нет, – пробормотал он, – я еще удивлялся. Думал, от него теперь покоя не будет, раз Вольдеморт набирает силу.

Он поднял глаза на Думблдора и увидел, что тот доволен ответом.

– Я-то как раз думал иначе, – сказал Думблдор. – Лорд Вольдеморт наконец понял, что у тебя есть счастливая возможность проникать в его мысли и чувства. И, похоже, решил защититься от тебя посредством окклуменции.

– Вот и великолепно, – буркнул Гарри. Он нисколько не скучал по ночным кошмарам и неожиданным провалам в сознание Вольдеморта.

Они завернули за угол, прошли мимо телефонной будки и автобусной остановки. Гарри искоса поглядел на Думблдора:

– Профессор...

– Да, Гарри?

– А... где это мы?

– В очаровательной деревушке под названием Бадли-Баббертон.

– А зачем?

– Ах да, я же не сказал! – воскликнул Думблдор. – Я столько раз это говорил, что потерял счет: наша школа вновь осталась без учителя. Мы с тобой здесь, чтобы уговорить одного моего бывшего коллегу оставить заслуженный отдых и вернуться в «Хогварц».

– А чем я могу вам помочь, сэр?

— Я уверен, ты непременно пригодишься, — неопределенно ответил Думблдор. — Здесь налево, Гарри.

Они шли вверх по узкой крутой улочке между плотными рядами домов. Свет нигде не горел. Странный туман, вот уже две недели окутывавший Бирючинную улицу, стоял и здесь. Гарри невольно вспомнил о дементорах, опасливо оглянулся и крепче сжал в кармане волшебную палочку.

— Профессор, а почему нельзя было аппарировать прямо в дом вашего коллеги?

— Но это же все равно что вышибить входную дверь, — объяснил Думблдор. — Правила хорошего тона требуют предоставлять людям право не принимать гостей, если им не хочется. И потом, большинство колдовских жилищ защищены от нежелательного вторжения. Например в «Хогварц»...

— Нельзя аппарировать, ни в здание, ни на территорию, — бойко отчеканил Гарри. — Мне Гермиона Грейнджен говорила.

— И это истинная правда. Тут снова налево.

Где-то позади церковные часы пробили двенадцать. Гарри хотелось спросить, почему Думблдор не считает невежливым являться в гости за полночь, но сейчас, когда у них завязалась нормальная беседа, он решил обсудить вопросы поважнее.

— Сэр, я прочел в «Оракуле», что Фуджа уволили...

— Это так. — Думблдор свернул в переулок, резко уходивший вверх. — Не сомневаюсь, ты знаешь и о том, что на его место пришел Руфус Скримджер, который раньше возглавлял дивизион авроров.

— А как по-вашему, он хороший?

— Интересный вопрос, — произнес Думблдор. — Он на многое способен. Личность, безусловно, решительнее и напористее, чем Корнелиус.

— Да, но я имел в виду...

— Я знаю, что ты имел в виду. Руфус — человек дела. Он почти всю сознательную жизнь борется с силами зла и не может недооценивать лорда Вольдеморта.

Гарри ждал, что Думблдор заговорит о своих разногласиях со Скримджером, упомянутых в «Оракуле», но тот молчал. Сам Гарри не осмелился спросить, а потому сменил тему:

— А еще, сэр... я прочел про мадам Боунс.

– Да, – тихо сказал Думблдор. – Ужасная потеря. Выдающаяся была ведьма. Вот сюда, вверх, по-моему... ой. – Он покалеченной рукой указал, куда идти.

– Профессор, а что у вас с...

– Сейчас нет времени объяснять, – перебил Думблдор. – Не хотелось бы комкать столь леденящую историю.

Он улыбнулся, давая понять, что вовсе не хотел осадить Гарри – дескать, если есть другие вопросы, задавай.

– Сэр... мне совиной почтой прислали министерскую листовку про меры безопасности против Упивающихся Смертью...

– Я и сам такую получил, – снова улыбнулся Думблдор. – Ты извлек из нее что-нибудь полезное?

– Не особенно.

– Я уж вижу. Например, ты не спросил, какое варенье я люблю больше всего, и не убедился, что я действительно профессор Думблдор, а не какой-нибудь самозванец.

– Я не... – начал Гарри, не вполне понимая, всерьез его укоряют или нет.

– Кстати, на будущее – малиновое. Но, разумеется, любой Упивающийся Смертью, прежде чем принимать мой облик, постарался бы выяснить про варенье.

– Э-э... конечно, – кивнул Гарри. – Но в листовке говорилось про каких-то инферний. Это кто? Там было непонятно.

– Это трупы, – невозмутимо ответил Думблдор. – Заколдованные мертвецы, действующие по указке черных колдунов. Давненько не появлялись, с той поры, когда Вольдеморт был в силе... Естественно, он стольких поубивал, что хватит на целую армию. Вот дом, который нам нужен, Гарри, сюда...

Они подошли к аккуратному домику с небольшим садиком. Гарри был настолько потрясен рассказом об инферниях, что ничего не замечал и тут же наткнулся на Думблдора, когда тот внезапно остановился у калитки.

– О небо. О пресвятое небо.

Гарри проследил за его взглядом, и у него оборвалось сердце. Входная дверь криво свисала с петель.

Думблдор быстро осмотрел улицу: везде было пусто.

– Достань палочку и следуй за мной, – тихо приказал он.

Затем открыл калитку и молча, стремительно зашагал по ухоженной садовой дорожке. Гарри не отставал. Думбльдор осторожно открыл дверь, держа наготове волшебную палочку.

— Люмос.

Палочка засветилась. Они увидели узкий коридор и слева — открытую дверь. Думбльдор, высоко держа палочку, прошел в гостиную. Гарри следовал за ним по пятам.

Их взглядам открылась картина абсолютного разора. Прямо под ногами лежали большие напольные часы с треснувшим корпусом и расколотым циферблатором, чуть поодаль валялся маятник, точно оброненный меч. Пианино перевернуто набок, кругом рассыпаны клавиши. Рядом отсвечивал искорками покореженный канделябр. Жестоко израненные подушки истекают перьями; все вокруг припудрено осколками стекла и фарфора. Думбльдор поднял палочку выше и осветил стены. Обои были забрызганы чем-то клейким, темно-красным. Гарри тихонько ахнул. Думбльдор обернулся.

— Жуткое зрелище, — мрачно произнес он. — Здесь произошло что-то страшное.

Он медленно вышел на середину комнаты, внимательно разглядывая обломки под ногами. Гарри шел за ним и испуганно озирался, опасаясь, что за сломанным пианино или перевернутым диваном вот-вот обнаружится нечто чудовищное, однако трупа нигде не было.

— Может, случилась драка, а потом они его... утащили? — пролепетал Гарри. Он старался не думать о том, каковы должны быть раны, если стены забрызганы кровью чуть ли не до середины.

— Едва ли, — задумчиво пробормотал Думбльдор, всматриваясь в опрокинутое набок пухлое кресло.

— Вы хотите сказать, что он...

— Где-то здесь? Да.

Тут Думбльдор безо всякого предупреждения наклонился и ткнул палочкой в сиденье кресла. Оно завизжало.

— Добрый вечер, Гораций, — поздоровался Думбльдор, выпрямляясь.

У Гарри отвисла челюсть. На месте кресла сидел на корточках немыслимо толстый лысый старикашка. Он потирал низ живота, оскорбленно глядя на Думбльдора водянистыми глазками.

— Чуть не проткнул, — тяжело заворочавшись, недовольно пробурчал он. — Больно же.

Его лысина, выпуклые глаза и густые серебристые моржовые усы глянцево поблескивали в свете волшебной палочки, как и полированные пуговицы бордовой бархатной куртки, надетой поверх лиловой шелковой пижамы.

— Ну и чем же я себя выдал? — ворчливо поинтересовался хозяин дома и, не переставая массировать низ живота, с кряхтением поднялся. Макушкой он едва доставал Думблдору до подбородка, и для человека, который только что притворялся креслом, вид у него был на редкость невозмутимый.

— Мой дорогой Гораций, — чуть насмешливо сказал Думблдор, — если б здесь и впрямь побывали Упивающиеся Смертью, над домом висел бы Смертный Знак.

Гораций хлопнул себя пухлой ладошкой по высокому лбу.

— Смертный Знак, — пробормотал он. — Так и знал, обязательно что-нибудь... ну да ладно. Времени все равно не было. Я еще со своей обивкой не закончил, а вы уже вошли.

Он испустил тяжкий вздох, и кончики его усов затрепетали.

— Помочь прибраться? — любезно предложил Думблдор.

— Если не трудно, — ответил Гораций.

Колдуны встали спина к спине, худой дылда и толстый коротышка, и синхронно взмахнули волшебными палочками.

Мебель тут же разлетелась по местам; украшения и прочие предметы интерьера вновь возникли прямо из воздуха; перья набились в подушки; порванные книги склеились еще по дороге к полкам; богатая коллекция фотографий, сверкая изу веченными серебряными рамками, пролетела через всю комнату и собралась на письменном столе, целая и невредимая; всевозможные дыры, трещины и разрывы залатались и затянулись; стены очистились.

— Кстати, что за кровь? — полюбопытствовал Думблдор. Ему пришлось сильно повысить голос — восстановленные напольные часы принялись громко бить.

— На стенах? Драконья, — прокричал в ответ Гораций. Канделябр тем временем, оглушительно скрежеща, ввинтился обратно в потолок.

Напоследок блямкнуло пианино, и воцарилась тишина.

— Да, драконья! — задумчиво повторил колдун. — Заметим, последняя бутылка, а цены сейчас о-го-го какие. Впрочем, не исключено, что ее можно снова использовать.

Он грузно протопал к буфету, взял в руки хрустальную бутылочку с густой жидкостью и посмотрел на свет:

— Хм-м. Пыли насобирала.

Гораций поставил бутылочку на место, вздохнул и лишь тогда заметил Гарри.

— Ого, — сказал он, и его большие круглые глаза метнулись к шраму. — *Oго!*

— Это, — Думблдор шагнул ближе, — Гарри Поттер. Гарри, познакомься — мой старый друг и коллега Гораций Дивангард.

Дивангард проницательно посмотрел на Думблдора:

— Вот, значит, чем ты рассчитывал меня пронять? Все равно мой ответ «нет», Альбус.

Гораций, толкнув Гарри плечом, отошел — судя по лицу, он твердо решил не поддаваться искушению.

— Может, хоть по стаканчику? — предложил Думблдор. — За старые добрые времена?

Дивангард нерешительно замер.

— Если только чуть-чуть, — нелюбезно пробурчал он.

Думблдор улыбнулся Гарри и указал на кресло, очень похожее на то, каким недавно прикидывался Дивангард. Оно стояло возле вновь разожженного камина; рядом ярко горела масляная лампа. Гарри сел, понимая: Думблдору зачем-то нужно, чтобы он был на виду. Хозяин дома повозился с графинами и кубками, повернулся лицом к комнате, естественно, наткнулся взглядом на Гарри, фыркнул и моментально отвел глаза, словно опасаясь их обжечь.

— Прошу. — Дивангард передал кубок Думблдору, который уселся без приглашения. Затем хозяин ткнул подносом в сторону Гарри и утонул в подушках восстановленного дивана и сумрачном молчании. Его коротенькие ножки не доставали до пола.

— Как поживаешь, дорогой Гораций? — вежливо поинтересовался Думблдор.

— Так себе, — сразу ответил Дивангард. — Слабые легкие. Одышка. Еще ревматизм. Передвигаюсь с трудом. Впрочем, чего ожидать? Старость. Переутомление.

— Между тем, чтобы подготовиться к нашему приходу, тебе явно пришлось посуетиться, — заметил Думблдор. — У тебя ведь было не более трех минут.

Дивангард раздраженно, однако с гордостью уточнил:

— Две. Я не услышал чаросигнализацию — ванну принимал. Но, — сухово продолжил он, спохватившись, — факт остается фактом, Альбус, я — пожилой, усталый человек. Я заслужил право на тихую и хоть сколько-нибудь комфортную жизнь.

Что-что, а это у него есть, подумал Гарри, окинув взглядом комнату. Душная, конечно, и захламленная, но неудобной никак не назовешь: тут тебе и кресла, и пуфы, книги и разные напитки, коробки с шоколадными конфетами и мягкие подушки. Не зная, кто здесь живет, Гарри подумал бы, что хозяйка — богатая и капризная старуха.

— Ты ведь моложе меня, Гораций, — сказал Думблдор.

— Так и тебе давно пора на покой, — бесцеремонно ответил Дивангард. Его бледные крыжовенные глаза остановились на большой руке Думблдора. — Видишь, реакция-то уже не ахти.

— Ты абсолютно прав, — безмятежно отозвался Думблдор и тряхнул рукавом, открав обожженные почерневшие пальцы; при виде них Гарри передернуло. — Несомненно, я стал медлительней, чем прежде. Но с другой стороны...

Он пожал плечами и развел руками: мол, у старости свои радости. Гарри вдруг заметил на здоровой руке кольцо, которого никогда прежде не видел: большое, не слишком изящное и вроде бы золотое, с тяжелым черным камнем, треснувшим посередине. Дивангард тоже задержался взглядом на кольце, и на его высоком лбу мимолетно появилась морщинка.

— Итак, Гораций, все эти предосторожности... против Упивающихся Смертью или против меня? — спросил Думблдор.

— Зачем Упивающимся Смертью бедный старый инвалид? — вскинулся Дивангард.

— Например, чтобы воспользоваться его многочисленными талантами для насилия, пыток и убийств, — произнес Думблдор. — Хочешь сказать, они до сих пор не пробовали переманить тебя на свою сторону?

Дивангард воинственно посмотрел на Думблдора и пробормотал:

— У них не было возможности. Вот уже год, как я не сижу на месте больше недели. Переезжаю из одного муглового жилища в другое — к примеру, хозяева этого дома сейчас в отпуске на Канарах. Здесь весьма уютно, будет жалко уезжать. Все делается очень просто, если знаешь как. Достаточно заморозить замри-заклятьем глупую сигнализацию, которая у них вместо горескопов, и пианино внести так, чтобы соседи не заметили.

— Гениально, — восхитился Думбльдор. — Но довольно-таки утомительно для бедного старого инвалида, который жаждет тихой спокойной жизни. Вот если б ты согласился вернуться в «Хогварц»...

— Побереги слова, Альбус! Можешь не расписывать, какая у тебя прелестная школа. Я хоть и живу в изгнании, но про Долорес Кхембридж слышал! Так-то у вас обращаются с учителями...

— Профессор Кхембридж не поладила с кентаврами, — сказал Думбльдор. — Думаю, тебе, Гораций, хватило бы ума неходить в Запретный лес и не называть рассерженный табун грязными полукровками.

— Вот что она, значит, учудила? Кретинка. Никогда ее не любил.

Гарри подавился смешком. Думбльдор и Дивангард удивленно повернулись к нему.

— Извините, — поспешил объясняться он. — Просто... я тоже ее не люблю.

Думбльдор неожиданно встал.

— Уже уходите? — с надеждой спросил Дивангард.

— Нет, я бы хотел посетить ванную, — ответил Думбльдор.

— А... — Дивангард очевидно расстроился. — Вторая дверь слева по коридору.

Думбльдор вышел. Дверь за ним затворилась, и в комнате повисло молчание. Дивангард встал, явно не зная, что бы такое сделать, украдкой покосился на Гарри, а затем прошел к камину, встал спиной к огню и принял обогревать свой обширный тыл.

— Не думай, будто я не понимаю, зачем тебя притащили, — отрывисто бросил он.

Гарри ничего не ответил, только посмотрел на Дивангарда. Тот, скользнув водянистыми глазками по зигзагообразному шраму, задержал взгляд на лице Гарри.

— Ты очень похож на отца.

– Да, говорят.
– Вот только глаза. Они у тебя...
– Мамины, знаю. – Гарри слышал про глаза столько раз, что его это уже утомляло.

– Хм! Да. Прекрасно. Конечно, учителю не полагается иметь любимчиков, но вот она была моя любимица. Твоя мама, – пояснил Дивангард в ответ на вопросительный взгляд Гарри. – Лили Эванс. Одна из самых способных. Живая девочка, чудо! Я все время ей говорил: «Надо было тебе учиться в моем колледже». В ответ, естественно, слышал одни дерзости.

– Ваш колледж – это какой?

– Я был куратором «Слизерина», – ответил Дивангард и, увидев, как изменилось лицо Гарри, погрозил ему толстым пальцем: – Ну-ну! Нечего! Ишь надулся. Ты ведь в «Гриффиндоре», как и она? Обычно это семейное. Не всегда, впрочем. Слышал про Сириуса Блэка? Наверняка... Было в газетах последнюю пару лет... Он недавно умер...

Невидимая рука связала внутренности Гарри в тугой узел.

– Не важно, главное, в школе они с твоим папой были закадычные друзья. Так вот, представь: все Блэки учились в моем колледже, а Сириус попал в «Гриффиндор»! Прямо беда – такой талантливый мальчик. Я, понятно, заполучил его брата Регула, но ведь хотелось полный комплект...

Дивангард говорил как заядлый коллекционер, которого обошли на аукционе. Он погрузился в воспоминания и невидящие смотрел перед собой, время от времени лениво поворачиваясь, чтобы спина прогревалась равномерно.

– Конечно, твоя матушка муглорожденная... Я, когда узнал, не поверил. Был уверен, что она чистокровка, с ее-то способностями.

– Моя лучшая подруга тоже муглорожденная, – сказал Гарри, – и притом лучшая ученица в нашей параллели.

– Бывает же... Правда, странно? – проговорил Дивангард.

– Не особенно, – сухо ответил Гарри.

Дивангард удивленно вскинул брови.

– Только не надо обвинять меня в муглофобии! – воскликнул он. – Нет-нет-нет! Я же говорю, твоя мама – одна из моих любимиц на все времена. А еще Дирк Крессуэлл, классом младше – он сейчас глава

отдела по связям с гоблинами, — тоже из муглов и очень одаренный мальчик... к тому же снабжает меня всякими полезными сведениями о внутренних делах «Гринготтса»!

Гораций с довольной улыбкой покачался на каблуках и показал на буфет. Там сверкали рамками бесчисленные фотографии, на которых толпилось множество людей.

— Все бывшие ученики, и все с автографами. Посмотри, вон Барнабас Даунадаш, главный редактор «Оракула». Всегда интересуется моим мнением о текущих событиях. А вот Канал Амброзий из «Рахатлукулла» — на каждый мой день рождения корзина подарков, а все потому, что я познакомил его с Цицероном Харкиссоном, первым работодателем! А сзади — чуть-чуть вытяни шею и увидишь — Гвеног Джонс, капитанша «Граальхедских гарпий»... Люди просто поражаются, что я так близко знаком с «Гарпиями»! К тому же бесплатные билеты когда хочешь!

Казалось, мысль об этом безмерно его порадовала.

— И все они знают, где вас искать и куда отправлять подарки? — удивился Гарри. Поразительно, что Упивающиеся Смертью до сих пор не обнаружили Дивангарда, раз к нему чуть ли не каждый день прибывают корзины, билеты и визитеры, интересующиеся его мнением и советами.

Улыбка исчезла с лица Дивангарда так же быстро, как кровь со стен его дома.

— Разумеется, нет, — буркнул он, недовольно покосившись на Гарри. — Я уже год ни с кем не общался.

Похоже, его и самого неприятно поразили эти слова; он расстроенно помолчал. Затем пожал плечами:

— Как бы там ни было... в наше время разумно держаться в тени. Думблдору хорошо говорить, но... Вернуться в «Хогварц» сейчас — все равно что публично объявить о вступлении в Орден Феникса! Конечно, они молодцы, храбрецы и прочее, но мне лично не по душе процент смертности...

— Чтобы преподавать в «Хогварце», не обязательно состоять в Ордене, — с плохо скрытым презрением сказал Гарри. Мог ли он сочувствовать капризному Дивангарду, помня, что Сириус жил в пещере и питался крысами? — Учителей в Ордене совсем мало, и

никого еще не убили, разве что Страунса, но тот сам виноват – работал на Вольдеморта.

Гарри был уверен, что Дивангард из тех, кто боится страшного имени, и точно: толстяк содрогнулся и возмущенно ахнул. Не обратив на это внимания, Гарри продолжил:

– Вообще, пока Думблдор директор, преподаватели защищены лучше всех; известно ведь, что Вольдеморт одного Думблдора и боится.

Дивангард молча смотрел в пространство, очевидно обдумывая услышанное, а потом будто нехотя пробормотал:

– Да, верно, Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут никогда не бросал вызов Думблдору... И вот еще что: я же не присоединился к Упивающимся Смертью, и Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут вряд ли числить меня своим другом... Значит, безопаснее возле Альбуса... Не стану лукавить, смерть Амелии Боунс меня потрясла... если уж она, при всех знакомствах и связях в министерстве...

Вернулся Думблдор. Дивангард вздрогнул, точно совершиенно о нем забыл.

– А, вот и ты, – сказал он. – Что так долго? Желудок не в порядке?

– Нет, на мугловые журналы засмотрелся, – ответил Думблдор. – Обожаю узоры для вязания. Гарри, пожалуй, мы с тобой злоупотребили гостеприимством Горация. Нам пора.

Гарри без тени сожаления вскочил с кресла. Зато Дивангард приуныл:

– Уже?

– Да, пора. Я прекрасно вижу, когда дело проиграно.

– Проиграно?..

Дивангард заволновался. Он нерешительно крутил толстыми большими пальцами, глядя, как Думблдор застегивает пуговицы на дорожном плаще, а Гарри – молнию на куртке.

– Ну-с, дорогой Гораций, очень жаль, что тебя не заинтересовало мое предложение. – Думблдор, прощааясь, поднял здоровую руку. – Мы в «Хогварце» были бы рады твоему возвращению. Но если захочешь нас навестить, милости просим. Примем, несмотря на всю самоновейшую защиту.

– Да... что ж... очень любезно... как я сказал...

– Тогда до свидания.

– До свидания, – попрощался и Гарри.

Они уже выходили, когда сзади раздался крик:

– Ну хорошо, хорошо, согласен!

Думбльдор обернулся к Дивангарду. Тот, задыхаясь, стоял на пороге гостиной.

– Согласен забыть об отдыхе?

– Да, да, – нетерпеливо закивал Дивангард. – Пусть я сумасшедший, но согласен.

– Чудесно, – просиял Думбльдор. – Тогда, Гораций, надеюсь увидеться первого сентября.

– Да уж непременно, – проворчал Дивангард.

Уже на садовой дорожке до Гарри и Думбльдора донеслось:

– Я потребую прибавки жалованья!

Думбльдор коротко хохотнул. Калитка захлопнулась, и они в темноте и клубящемся тумане стали спускаться с холма.

– Молодец, Гарри, – похвалил Думбльдор.

– Я же ничего не сделал, – удивился тот.

– Еще как сделал. Ты показал Горацию, сколько он выиграет, вернувшись в «Хогварц». Он тебе понравился?

– Э-эм...

Гарри не знал, что ответить. Дивангард был по-своему приятен, но слишком тщеславен и вопреки всем заверениям слишком удивился, что из муглорожденной получилась хорошая ведьма. Впрочем, Думбльдор избавил Гарри от необходимости все это высказывать.

– Гораций, – заговорил он, – очень любит спокойную жизнь. А также общество знаменитых, успешных и облеченных властью людей. Ему приятно сознавать, что он оказывает на них влияние. Сам он на трон никогда не стремился; с его точки зрения, удобней сидеть сзади – можно, образно выражаясь, вытянуть ноги. В «Хогварце» он непременно выбирал себе любимчиков – за целеустремленность, ум, обаяние или талант, причем обладал прямо-таки сверхъестественным чутьем на будущих звезд. Гораций создал нечто вроде клуба фаворитов и помогал завязывать полезные знакомства, обязательно с выгодой для себя, не важно какой, будь то бесплатная коробка любимых ананасовых цукатов или возможность порекомендовать своего человечка в отдел по связям с гоблинами.

Гарри живо представил огромного жирного паука, который безмолвно плетет свою сеть и периодически дергает за ниточки, чтобы подтащить поближе большую сочную муху.

— Я рассказываю все это, — продолжал Думблдор, — не для того, чтобы настроить тебя против Горация — видимо, теперь его следует называть «профессор Дивангард», — но чтобы ты был настороже. Он, без сомнения, попытается включить тебя в свою коллекцию. Ты станешь главной его драгоценностью: подумайте, сам мальчик, который остался жив... или, как тебя нынче величают, Избранный.

Гарри пробрал озноб, причем совсем не из-за тумана. Он вспомнил слова, услышанные несколько недель назад; пророчество, наполненное для него особым, ужасным звучанием:

Выжить суждено лишь одному...

Думблдор остановился напротив церкви, мимо которой они проходили по пути к Дивангарду.

— Пожалуй, достаточно. Будь любезен, возьми меня за руку.

На сей раз Гарри был морально готов к аппарированию, и тем не менее оно не доставило ему никакого удовольствия. Когда прекратилось давление и он снова смог дышать, обнаружилось, что они с Думблдором стоят на деревенской улице недалеко от одного из двух самых дорогих его сердцу мест — «Гнезда». На душе, несмотря на тоску, сразу полегчало. Там Рон... миссис Уизли... и все ее потрясающие вкусности...

— Если не возражаешь, Гарри, — сказал Думблдор, когда они входили в калитку, — прежде чем мы расстанемся, я бы хотел с тобой кое о чем поговорить. Наедине. Может, зайдем сюда?

Думблдор указал на ветхий сарайчик, где Уизли хранили метлы. Гарри, слегка удивленный, вслед за Думблдором прошел в скрипучую дверь. Сарайчик был чуть меньше чулана. Думблдор засветил волшебную палочку и улыбнулся Гарри:

— Надеюсь, ты не обидишься, что я затрагиваю эту тему, но я очень доволен — даже горд — тем, как хорошо ты держишься после трагедии в министерстве. Уверен, что и Сириус очень бы тобой гордился.

Гарри сглотнул и, казалось, лишился дара речи. Он не мог об этом говорить. Ему было очень больно, когда дядя Веронон сказал: «Его крестный умер?», и еще больней, когда о Сириусе походя вспомнил Дивангард.

— Судьба обошлась с вами жестоко, — мягко произнес Думбльдор, — не позволив лучше узнать друг друга. Ваши отношения обещали быть долгими и счастливыми.

Гарри кивнул, упорно глядя на паука, который полз по шляпе Думбльдора. Было ясно, что Думбльдор все понимает. И наверняка догадывается, что, пока не пришло его письмо, Гарри много дней пролежал на кровати, отказываясь от еды, бессмысленно глядя на туман за окном, и в душе у него царила леденящая пустота, какую обычно нагоняют дементоры.

— Трудно, — выговорил наконец Гарри очень-очень тихо, — представить, что он никогда мне больше не напишет.

Глаза вдруг нестерпимо защипало. Гарри заморгал. Он стеснялся своего признания, но все то недолгое время, пока у него был крестный отец, его грела мысль, что за стенами «Хогварца» есть человек, которому он, Гарри, дорог почти как родителям... а теперь от совиной почты больше не будет никакой радости...

— Сириус дал тебе много такого, чего ты не знал раньше, — ласково сказал Думбльдор. — Конечно, потеря невосполнимая...

— Но пока я сидел у Дурслеев, — перебил Гарри чуть окрепшим голосом, — я понял, что нельзя просто запереться от всех и... сломаться. Сириус бы этого не хотел, правда? И вообще, жизнь такая короткая... вот мадам Боунс, Эммелина Ванс... следующим могу стать я. Но даже если так, — воинственно продолжил он, глядя прямо в голубые глаза Думбльдора, лучившиеся в свете волшебной палочки, — я постараюсь забрать с собой как можно больше Упивающихся Смертью и Вольдеморта заодно.

— Истинный сын своих родителей и крестник Сириуса! — Думбльдор одобрительно похлопал Гарри по спине. — Я бы снял перед тобой шляпу... если бы боялся засыпать тебя пауками... А сейчас, Гарри, перейдем к смежной теме... Как я понял, последние две недели ты следил за публикациями в «Оракуле»?

— Да, — ответил Гарри, и его сердце забилось быстрее.

— Тогда ты, вероятно, обратил внимание на утечки, а точнее даже, реки информации, касающейся событий в Зале Пророчеств?

— Да, — снова сказал Гарри. — Теперь уже все знают, что я...

— Нет, не знают, — возразил Думбльдор. — В мире есть только два человека, которым известно, что гласит пророчество, и оба они стоят

сейчас в этом довольно-таки вонючем, засиженном пауками сарае. Но многие действительно догадались, что Упивающиеся Смертью по приказу лорда Вольдеморта пытались выкрасть пророчество и что оно касается тебя. Далее. Ты никому не говорил о том, что знаешь содержание пророчества, не так ли?

– Не говорил.

– В целом мудрое решение, – похвалил Думблдор. – Впрочем, я считаю, что для своих друзей, мистера Рона Уизли и мисс Гермионы Грейнджер, ты можешь сделать исключение. Да-да, – закивал он в ответ на удивление Гарри, – думаю, им надо знать. Несправедливо скрывать от них столь важные обстоятельства.

– Я не хотел...

– Тревожить и пугать их? – Думблдор проницательно посмотрел на Гарри поверх очков. – Или признаваться, что ты и сам встревожен и напуган? Твои друзья нужны тебе, Гарри. Как ты совершенно справедливо сказал, Сириус не хотел бы, чтобы ты отгораживался от мира.

Гарри молчал, но Думблдор, видимо, не ждал ответа и продолжил:

– Есть и другой, впрочем, связанный с первым, вопрос. Я считаю, что в этом году ты должен заниматься со мной индивидуально.

– Я – с вами? – изумился Гарри.

– Да. Похоже, мне пора принять более активное участие в твоем образовании.

– А чему вы будете меня учить, сэр?

– Так, тому-сему, – беспечно ответил Думблдор.

Гарри подождал разъяснений, но не дождался и тогда спросил о другом, что его тоже беспокоило:

– Если я буду заниматься с вами, мне больше не надо брать уроки окклуменции у Злея?

– *Профессора* Злея, Гарри... нет, не надо.

– Отлично, – с облегчением вздохнул Гарри, – потому что это было такое...

Он вовремя осекся.

– Думаю, тут вполне уместно слово «фиаско», – кивнул Думблдор. Гарри рассмеялся.

– Значит, теперь мы с профессором Злеем будем видеться очень редко, – заметил он. – Потому что, если только я не получил за

С.О.В.У. «великолепно» – а я знаю, что не получил, – зельеделие мне не грозит.

– Сов после доставки считают, – строго промолвил Думбльдор. – И она, коль скоро мы об этом заговорили, состоится уже сегодня, только позже. А теперь, Гарри, прежде чем расстаться, обсудим еще две важные вещи. Во-первых, прошу тебя с этого момента всегда иметь при себе плащ-невидимку. Даже в «Хогварце». На всякий случай, понимаешь?

Гарри кивнул.

– И второе. На то время, пока ты в «Гнезде», его защитили всеми способами, известными министерству магии. Это связано с некоторыми неудобствами для Молли и Артура – например, вся их почта просматривается. Они нисколько не возражают, потому что прежде всего заботятся о твоей безопасности. Но с твоей стороны было бы черной неблагодарностью рисковать жизнью, находясь на их попечении.

– Я понял, – быстро ответил Гарри.

– Вот и прекрасно, – сказал Думбльдор, толкнул дверь сарайчика и вышел во двор. – Вижу, на кухне горит свет. Дадим наконец Молли возможность посокрушаться о том, как ты похудел.

Глава пятая

Избыток хлорки

Гарри и Думбльдор подошли к задней двери «Гнезда». У порога, как всегда, валялись старые резиновые сапоги и ржавые котлы; из курятника неподалеку доносилось сонное квохтанье. Думбльдор постучал три раза, и в кухонном окне сейчас же промелькнул чей-то силуэт.

— Кто здесь? — сказал нервный голос, и Гарри узнал миссис Уизли. — Назовитесь!

— Это я, Думбльдор. Мы с Гарри.

Дверь распахнулась. На пороге в старом зеленом халате стояла мама Рона, маленькая и кругленькая.

— Гарри, милый! Альбус, как же вы меня напугали, вы ведь говорили, что не появитесь раньше утра!

— Нам повезло. — Думбльдор пропустил Гарри вперед. — Дивангард оказался сговорчивей, чем я думал. Все благодаря Гарри, разумеется. А, Нимфадора! Привет.

Гарри огляделся: действительно, несмотря на поздний час, миссис Уизли была в кухне не одна. За столом, обнимая ладонями большую кружку, сидела молодая ведьма с бледным лицом в форме сердечка и мышино-бурыми волосами.

— Добрый вечер, профессор, — поздоровалась она. — Салют, Гарри.

— Привет, Бомс.

Бомс казалась уставшей, даже больной, а ее улыбка — натянутой. Без привычных ядовито-розовых волос она выглядела какой-то полинявшей.

— Я, пожалуй, пойду, — заторопилась она, встала и накинула на плечи плащ. — Молли, спасибо за чай и сочувствие.

— Если ты из-за меня, то, пожалуйста, не беспокойся, — любезно сказал Думбльдор. — Я никак не могу остаться, мне нужно срочно кое-что обсудить со Скримджером.

— Нет-нет, пора. — Бомс избегала взгляда Думбльдора. — Всего...

– Девонька, может, поужинаешь с нами в выходные? Будут Рем и Шизоглаз...

– Нет, Молли, правда... но все равно спасибо... спокойной ночи, народ.

Бомс прошмыгнула мимо Гарри и Думбльдора, вышла во двор, в нескольких шагах от порога повернулась на месте и мгновенно исчезла. Гарри заметил, что миссис Уизли озабоченно хмурится.

– Ну-с, Гарри, увидимся в «Хогварце», – произнес Думбльдор. – Всего тебе доброго. Молли, мое почтение.

Он поклонился миссис Уизли, вышел и исчез точно там же, где и Бомс. Миссис Уизли затворила дверь, взяла Гарри за плечи и подвела к столу, в круг света под лампой.

– Совсем как Рон, – вздохнула она, осмотрев Гарри с головы до ног. – На вас будто растяжное заклятие наложили. Рон вырос дюйма на четыре с тех пор, как мы в последний раз покупали форму. Хочешь есть, Гарри?

– Да, – ответил тот, лишь сейчас понимая, до чего голоден.

– Садись, милый, я мигом что-нибудь сообразжу.

Гарри сел. К нему на колени тут же вспрыгнул мохнатый рыжий кот с приплюснутой мордой и свернулся клубком, громко мурлыча.

– Так Гермиона здесь? – возрадовался Гарри, почесывая Косолапуса за ухом.

– Позавчера приехала, – ответила миссис Уизли, касаясь волшебной палочкой большой железной кастрюли. Та грохнулась на плиту и сразу наполнилась кипящей водой. – Сейчас все, конечно, спят, мы ждали тебя только утром. Так, давай-ка...

Она еще раз стукнула по кастрюле, которая взмыла в воздух, подлетела к Гарри и перевернулась; миссис Уизли ловко подставила тарелку и набрала в нее густого и горячего лукового супа.

– Хлеба, милый?

– Спасибо, миссис Уизли.

Она небрежно ткнула палочкой через плечо; большой кусок хлеба и нож красиво подлетели к столу. Когда хлеб самостоятельно нарезался, а кастрюля вернулась на плиту, миссис Уизли села напротив Гарри.

– Значит, ты убедил Горация Дивангарда вернуться в «Хогварц»?

Гарри кивнул; с горячим супом во рту говорить было невозможно.

— Он учил еще нас с Артуром, — сказала миссис Уизли. — Преподавал в «Хогварце» с давних-давних времен, начинал, по-моему, вместе с Думблдором. Он тебе понравился?

Теперь у Гарри во рту был хлеб, поэтому он только пожал плечами и неопределенно мотнул головой.

— Понимаю тебя, — мудро кивнула миссис Уизли. — Конечно, Дивангард умеет быть на редкость обаятельным, когда хочет, но Артур, например, никогда его особо не любил. В министерстве на каждом шагу какой-нибудь любимчик Дивангарда, он всегда умел посадить человека повыше, зато Артура почти не замечал — наверное, считал, что тот не способен высоко взлететь. Вот тебе доказательство, что и Дивангард может ошибаться. Не знаю, писал ли тебе Рон... это случилось совсем недавно... Артур получил повышение!

Было видно, что ей давно уже охота похвастаться. Гарри спешно проглотил очень горячий суп — горло как будто сразу покрылось волдырями — и просипел:

— Это же здорово!

— Мальчик мой, — умилилась миссис Уизли, должно быть, неверно истолковав слезы у Гарри на глазах. — Да, Руфус Скримджер в нынешних обстоятельствах создал несколько новых подразделений, и Артур возглавил отдел по обнаружению и конфискации фальшивых оберегов. Это большая должность, у него в подчинении целых десять человек!

— А чем именно?..

— Ну, из-за Сам-Знаешь-Кого поднялась такая паника, что повсюду продают разные штуки, которые якобы защищают от него и Упивающихся Смертью. Сам понимаешь: всякие зелья, называются охранительными, а это просто варево с буботуберовым гноем; инструкции по наложению защитных заклятий, от которых отваливаются уши... В основном этим занимаются мошенники вроде Мундугнуса Флетчера, мерзавцы, что в жизни честно не работали и наживаются на людской беде, но иногда попадаются и правда очень нехорошие вещи. Вот на днях Артур конфисковал ящик проклятых горескопов — наверняка дело рук Упивающихся Смертью. Так что, видишь, работа очень важная. Я постоянно твержу Артуру: глупо скучать по запальным свечам, тостерам и прочей мугловой ерундистике. — Миссис Уизли закончила свою речь весьма сурово,

словно Гарри настаивал, что скучать по запальным свечам очень даже умно.

– А мистер Уизли еще на работе? – спросил Гарри.

– Да. Хотя, к слову сказать, он чуточку опаздывает... обещал вернуться около полуночи...

Миссис Уизли обернулась и посмотрела на большие часы, которые криво стояли на груде простыней в бельевой корзине, приставленной к столу. У часов было девять стрелок, по числу членов семьи, и обычно они висели в гостиной, но, судя по всему, миссис Уизли завела привычку всюду носить их с собой. Сейчас все девять стрелок показывали на «смертельную опасность».

– Давно уже так, – с деланой небрежностью сказала миссис Уизли, – с тех пор, как Сам-Знаешь-Кто объявился. Наверное, все мы теперь в смертельной опасности... вряд ли только наша семья... но я не знаю больше никого с такими часами, поэтому проверить невозможно... О! – внезапно воскликнула она, показывая на циферблат. Стрелка мистера Уизли перескочила на деление «в дороге». – Он сейчас будет!

И действительно через секунду раздался стук в заднюю дверь. Миссис Уизли вскочила и поспешила открывать; взявшись за ручку и прижав щеку к деревянному полотну, она тихонько спросила:

– Артур, это ты?

– Да, – послышался усталый голос мистера Уизли. – Но, дорогая Молли, я бы сказал так, даже будучи Упивающимся Смертью. Задай вопрос!

– Ой, право слово...

– Молли!

– Хорошо, хорошо... какая твоя самая заветная мечта?

– Узнать, каким образом самолеты держатся в воздухе.

Миссис Уизли кивнула и повернула дверную ручку, но, видимо, мистер Уизли тянул с другой стороны – дверь не открывалась.

– Молли! Сначала я должен задать твой вопрос!

– Артур, в самом деле, ну что за глупости...

– Как ты любишь, чтобы я тебя называл, когда мы одни?

Даже в тусклом свете лампы было видно, как сильно покраснела миссис Уизли; Гарри и сам почувствовал, что у него заполыхали уши и

шея. Он принял торопливо заглатывать суп, стараясь погромче стучать ложкой по тарелке.

— Моллипопсик, — пролепетала совершенно уничтоженная миссис Уизли в дверную щелку.

— Правильно, — сказал мистер Уизли. — Теперь можешь открывать.

Миссис Уизли впустила в дом мужа, худого, лысоватого, рыжего колдуна в роговых очках и длинном, запыленном дорожном плаще.

— Не понимаю, почему это надо проделывать каждый раз, когда ты возвращаешься домой! — воскликнула все еще ярко-розовая миссис Уизли, помогая мистеру Уизли снять плащ. — Упивающемуся Смертью, прежде чем прикинуться тобой, ничего не стоит выпытать у тебя ответ.

— Знаю, милая, но такова принятая министерством процедура, а я должен подавать пример. Чем это так вкусно пахнет — луковым супом? — Мистер Уизли с надеждой повернулся к столу: — Гарри! Мы ждали тебя только утром!

Они пожали друг другу руки, и мистер Уизли рухнул на стул рядом с Гарри. Миссис Уизли подала ему тарелку супа.

— Спасибо, Молли. Ночь выдалась трудная. Представляешь, какой-то идиот затеял продавать метаморф-медали. Наденешь на шею и можешь превращаться в кого угодно! Сто тысяч обличий, и все за десять галлеонов!

— А на самом деле что?

— В основном люди окрашиваются в оранжевый цвет, довольно-таки противный, но у парочки бедолаг по всему телу выросли длинные бородавки, наподобие щупалец. Как будто святому Лоскуту нечем заняться!

— Что-то это сильно напоминает проделки наших близнецов, — неуверенно произнесла миссис Уизли. — Ты уверен?..

— Конечно! — воскликнул мистер Уизли. — Мальчики ни за что не стали бы — такие трудные времена, люди же вне себя от отчаяния и не знают, чем защититься!

— Так ты поэтому задержался, из-за метаморф-медалей?

— Нет. До нас дошли слухи о весьма неприятной порче вот-те-взад в Слоне-и-Замке, но, к счастью, бригада по размагничиванию уладила дело раньше, чем туда добрались мы...

Гарри осторожно зевнул, прикрываясь ладонью. Но провести миссис Уизли не удалось.

— Спать, — велела она. — Я приготовила комнату Фреда и Джорджа, она полностью в твоем распоряжении.

— Как, а они где?

— На Диагон-аллее. Так заняты, что nocturne в квартирке над магазином, — объяснила миссис Уизли. — Должна сказать, я сначала была против, но, похоже, у них есть деловая хватка! Пойдем, милый, твой сундук уже наверху.

— Спокойной ночи, мистер Уизли, — пожелал Гарри, поднимаясь из-за стола. Косолапус легкокоскошил на пол и выскользнул из кухни.

— Спокойной ночи, Гарри, — отозвался мистер Уизли.

С порога Гарри заметил, что миссис Уизли глянула на часы в бельевой корзине. Все стрелки снова показывали на «смертельную опасность».

Комната близнецов располагалась на втором этаже. Миссис Уизли указала палочкой на прикроватную лампу, та зажглась, и повсюду разлилось приятное золотое сияние. У окна на письменном столе поставили большую вазу с цветами, но их аромат не мог перебить стойкого запаха — кажется, пороха. Пол был заставлен запечатанными и ненадписанными картонными коробками — среди них стоял и сундук Гарри. В целом все это напоминало временный склад.

Хедвига радостно заухала при виде хозяина и прямо со шкафа вылетела в окно. Гарри понял, что она хотела дождаться его, прежде чем отправиться на охоту. Он пожелал миссис Уизли спокойной ночи, надел пижаму, забрался в одну из постелей и, пошарив рукой, вытащил из наволочки липкую фиолетово-рыжую конфету — рвотную ракушку. Хмыкнув, Гарри перевернулся на другой бок и мгновенно уснул.

Через несколько секунд — во всяком случае, так ему показалось — он проснулся от пушечного выстрела: это с грохотом распахнулась дверь. Гарри резко сел и услышал скрежет раздвигаемых штор; ослепительный солнечный свет больно ткнул в глаза. Заслоняясь ладонью, Гарри попытался другой рукой нашарить очки.

— Шощеза?..

— Мы и не знали, что ты уже здесь! — громко и радостно воскликнул кто-то и треснул Гарри по макушке.

— Рон, ты что, не надо его бить! — укорил девичий голос.

Гарри нашел очки и нацепил их на нос; впрочем, на таком ярком свету он все равно почти ничего не видел. Над ним, качаясь, нависла

длинная тень; Гарри заморгал, и вскоре Рон Уизли обрел фокус. Он радостно ухмыльнулся Гарри:

– Как жизнь?

– Лучше не бывает. – Гарри потер голову и снова откинулся на подушки. – А у тебя?

– Неплохо. – Рон подтянул поближе картонную коробку и уселся на нее. – Ты когда объявился? Мама нам только что сказала!

– Примерно в час ночи.

– Ну и как муглы? Не очень грызли?

– Не больше обычного, – ответил Гарри. Гермиона аккуратно устроилась на краешке его постели. – Они со мной почти не разговаривали, но так оно и лучше. А как ты, Гермиона?

– Я? Хорошо, – проговорила она, рассматривая Гарри так, словно выискивала признаки надвигающейся болезни.

Гарри сразу заподозрил, в чем дело, и, не имея ни малейшего желания обсуждать гибель Сириуса и прочие несчастья, спросил:

– А сколько времени? Я пропустил завтрак?

– Не волнуйся, мама сейчас явится с подносом; ей *кажется*, что у тебя некормленый вид. – Рон закатил глаза. – Ну давай выкладывай, что новенького, и вообще?

– Да ничего особенного, я же у родственников сидел.

– Брось! – сказал Рон. – Ты где-то был с Думблдором!

– Это не слишком интересно. Он хотел, чтобы я помог уговорить одного старого учителя, Горация Дивангарда, вернуться в школу.

– А-а, – разочарованно протянул Рон. – Мы-то думали...

Гермиона ожгла его строгим взглядом, и Рон с ходу переменил пластинку:

– ...так и думали, что нечто в этом роде.

– Правда? – усмехнулся Гарри.

– Ага... раз Кхембридж больше нет, нам нужен новый преподаватель защиты от сил зла. А... эмм... какой он из себя?

– Похож на моржа, а раньше был куратором «Слизерина», – сказал Гарри. – Гермиона, в чем дело?

Она смотрела на него так, словно в любую минуту ждала появления неких ужасных симптомов, и сейчас весьма неубедительно улыбнулась:

– Ничего, ничего! Значит... эмм... как тебе показалось, Дивангард хороший преподаватель?

– Понятия не имею, – пожал плечами Гарри. – Но хуже Кхембридж он по определению быть не может, правда?

– А вот я знаю кое-кого похуже Кхембридж, – раздался голос с порога. В комнату с надутым видом вошла младшая сестра Рона. – Привет, Гарри.

– Что это с тобой? – спросил Рон.

– *Она*, – со значением произнесла Джинни и плюхнулась на кровать Гарри. – Совсем меня довела.

– Что она еще вытворила? – сочувственно поинтересовалась Гермиона.

– Так со мной разговаривает – можно подумать, мне три года!

– Ясно. – Гермиона понизила голос. – Она такая самодовольная.

Гарри был потрясен тем, как они говорят о миссис Уизли, поэтому не удивился, когда Рон сердито бросил:

– Слушайте, дамы, вы можете забыть о ней хоть на пять секунд?

– Давай, давай, защищай, – огрызнулась Джинни. – Мы прекрасно знаем, как ты от нее тащишься.

И это о матери Рона? Гарри почувствовал, что чего-то не улавливает, и спросил:

– О ком вы?..

Ответ на свой вопрос он получил, даже не успев договорить. Дверь опять распахнулась, и Гарри инстинктивно натянул одеяло до самого подбородка, так резко, что Джинни с Гермионой свалились на пол.

На пороге стояла девушка такой ослепительной красоты, что в комнате сразу образовался звенящий вакуум. Девушка была высокая, стройная, с длинными светлыми волосами; казалось, от нее исходит легкое серебристое свечение. В довершение счастья прекрасное видение держало в руках поднос, нагруженный едой.

– ‘Арри! Сколько же ми не выделись! – сказала красавица грудным голосом и, переступив порог, бросилась к нему. За ее спиной обнаружилась очень недовольная миссис Уизли.

– Зачем было тащить поднос, я сама могла отнести!

– Мне совсем не трудно, – ответила Флёр Делакер, поставила поднос на колени Гарри и кинулась целовать его в обе щеки: он почувствовал, как они вспыхнули там, где их коснулись ее губы. – Я

же мъечтала его снова увидеть. ‘Арри, помнишь мою съестгу, Габгиэль? Она только и твегдит, что пго ‘Арри Поттега. Она будьет счастлива увидеть тебя снова.

– А! Она тоже здесь? – срывающимся голосом спросил Гарри.

– Что ты, что ты, глюпыш, – звонким колокольчиком рассмеялась Флёр. – Я пго сльедующее лъето, когда ми… ти ничьего не знаешь?

Ее огромные голубые глаза расширились, и она с укором поглядела на миссис Уизли. Та пробормотала:

– Мы не успели ему рассказать.

Флёр, откинув назад длинные серебристые волосы – они хлестнули миссис Уизли по лицу, – повернулась к Гарри:

– Ми с Быиллом собыгаемся пожъениться!

– А-а, – растерянно произнес Гарри. Он не мог не заметить, что миссис Уизли, Гермиона и Джинни упорно избегают смотреть друг на друга. – Здорово. Э-э… Поздравляю!

Флёр порывисто наклонилась и снова поцеловала его.

– Быилль съечас очень занят, много габотает, а я всъего лъишь на полставки в «Ггинготсе» ‘ади англьиского, поэтому он пгивез меня сюда на пагу дней познакомъиться с семьей как сльедует. Я так ‘ада, что ти пгиехаль – здесь особенно нъечего дъелать, только готовка и ципльята! Ну… пгиятного аппети, ‘Арри!

С этими словами Флёр грациозно развернулась, выплыла из комнаты и тихо притворила за собой дверь.

Миссис Уизли издала какой-то странный звук вроде: «Тца!»

– Мама ее терпеть не может, – тихо сообщила Джинни.

– Ничего подобного! – резким шепотом возразила миссис Уизли. – Просто мне кажется, что они поторопились с помолвкой, вот и все!

– Они знакомы целый год, – сказал Рон. Он очумело таращился на закрытую дверь.

– Это очень мало! Я, конечно, понимаю, в чем дело – нестабильность! Сами-Знаете-Кто вернулся, люди боятся, что в любую минуту могут погибнуть, вот и принимают скоропалительные решения, когда прежде хорошенъко бы подумали. В прошлый раз было то же самое, люди женились напропалую…

– В том числе и вы с папой, – лукаво заметила Джинни.

– И что? Мы с вашим отцом созданы друг для друга, чего нам было дожидаться? – ответила миссис Уизли. – А вот Билл и Флёр… хмм…

что у них общего? Он простой работающий человек, а она...

— Кукла, — кивнула Джинни. — Только наш Билл не такой уж простой. Он ведь работает взломщиком заклятий, так? Значит, где-то в чем-то любит авантюры, риск, блеск... Потому и увлекся своей Флёркой-Хлоркой.

Гарри с Гермионой расхохотались, а миссис Уизли строго сказала:

— Джинни, перестань ее так называть. Ладно, я лучше пойду... Гарри, ешь омлет, пока не остыл.

И измученная миссис Уизли вышла из комнаты. Рон по-прежнему сидел как пристукнутый и неуверенно мотал головой, словно собака, которая пытается выгнать воду из ушей.

— Ты что, еще не привык к ней? Она же у вас живет? — удивился Гарри.

— В принципе, привык, — ответил Рон, — но когда она так неожиданно набрасывается...

— Просто позор! — гневно воскликнула Гермиона, отошла от Рона как можно дальше и обернулась, скрестив руки на груди, лишь когда уперлась в противоположную стену.

— Ты что, хочешь, чтоб она жила здесь всегда? — Джинни вытаращила глаза на брата. Рон неопределенно пожал плечами. Джинни сказала: — Ну и пожалуйста! Мама все равно постарается это прекратить.

— Каким образом? — заинтересовался Гарри.

— Она все зазывает на ужин Бомс. Чтобы Билл переключился на нее. Я бы и сама ее предпочла.

— Разбежались! —sarкастически бросил Рон. — Да ни один нормальный парень не обратит внимания на Бомс, если рядом Флёр. Нет, Бомс, конечно, ничего себе, когда не издевается над своими волосами и носом, но...

— Она гораздо приятнее Хлорки, — заявила Джинни.

— И гораздо умнее, она же аврор! — поддержала Гермиона.

— Флёр тоже не дура, она участвовала в Тремудром Турнире, — сказал Гарри.

— И этот туда же! — отчаянно всплеснула руками Гермиона.

— Тебе нравится, как она говорит: «‘Арри», да? — съязвила Джинни.

— Нет, — Гарри уже пожалел, что вмешался, — я всего-навсего имел в виду, что Хлорка... то есть Флёр...

– В общем, я бы предпочла Бомс, – перебила Джинни. – С ней по крайней мере весело.

– В последнее время не очень, – возразил Рон. – Сколько ее ни вижу, она точь-в-точь как Меланхольная Миртл.

– Это несправедливо, – одернула Гермиона. – Она еще не пришла в себя после... сам понимаешь... он был ее двоюродным братом!

У Гарри оборвалось сердце. Вот и до Сириуса добрались. Гарри схватил вилку и принялся сосредоточенно набивать рот омлетом, рассчитывая таким образом избежать участия в разговоре.

– Бомс и Сириус были едва знакомы! – закричал Рон. – Сириус почти всю ее жизнь просидел в Азкабане, а до этого их семьи даже не встречались...

– Не важно, – отрезала Гермиона. – Она считает, что он погиб по ее вине!

– С чего она это взяла? – не удержался Гарри.

– Она дралась с Беллатрикс Лестранж, помнишь? И, наверное, думает, что, если бы эту гадину удалось прикончить, Беллатрикс не убила бы Сириуса.

– Глупости, – сказал Рон.

– Тех, кто выжил, всегда терзает чувство вины, – изрекла Гермиона. – Я знаю, Люпин пытался с ней разговаривать, но она по-прежнему очень подавлена. У нее даже начались проблемы с метаморфизмом!

– С чем?

– Она больше не может менять внешность, как раньше, – объяснила Гермиона. – Наверное, из-за шока.

– Я и не знал, что такое бывает, – удивился Гарри.

– Я тоже, – кивнула Гермиона, – но, видимо, при настоящей депрессии...

Дверь снова открылась. Миссис Уизли просунула голову в комнату.

– Джинни, – прошептала она, – иди скорее вниз и помоги мне с обедом.

– Я же разговариваю! – возмутилась Джинни.

– Быстро! – прикрикнула миссис Уизли и скрылась.

– Лишь бы не оставаться наедине с Хлоркой! – проворчала Джинни, откинула за спину длинные рыжие волосы, по-балетному развела руки и, удачно подражая Флёр, горделиво уплыла из

комнаты. – А вы, красавцы, тоже не задерживайтесь, – сказала она уже за порогом.

Гарри решил воспользоваться наступившей тишиной, чтобы доесть. Гермиона рассматривала картонные коробки, но украдкой на него поглядывала. Рон взял с подноса гренок и принялся жевать, не отрывая меланхолического взора от двери.

– Что это? – через некоторое время спросила Гермиона, вынув из коробки нечто напоминающее миниатюрный телескоп.

– Не знаю, – пожал плечами Рон, – но раз Фред с Джорджем это не взяли, оно, наверное, недоделано. Ты поосторожнее.

– Твоя мама говорила, что у них все хорошо, – вспомнил Гарри. – Что у них деловая хватка.

– Это еще слабо сказано, – заявил Рон. – Они прямо купаются в галлеонах! Охота посмотреть на их магазин, дождаться не могу! Мы еще не были на Диагон-аллее: мама считает, для дополнительной защиты нужен папа, а он очень занят на работе. Поскорее бы.

– А что Перси? – полюбопытствовал Гарри. Третий по старшинству брат Уизли не общался с семьей. – Помирился с родителями?

– Не-а, – мотнул головой Рон.

– Он же теперь знает, что твой отец был прав насчет Вольдеморта…

– Думбльдор говорит, люди легче прощают ошибки, чем правоту, – объявила Гермиона. – Я слышала, Рон, как он говорил твоей маме.

– Заумь в духе Думбльдора, – отреагировал Рон.

– Он хочет заниматься со мной индивидуально, – кстати упомянул Гарри.

Рон поперхнулся, а Гермиона ахнула.

– И ты молчал! – воскликнул Рон.

– Я только что вспомнил, – честно признался Гарри. – Он сказал ночью в вашем сарае.

– Ух ты!.. Занятия с Думбльдором, – потрясенно пролепетал Рон. – Спрашивается, а почему он?..

Рон осекся. Гарри заметил, что они с Гермионой переглянулись. Гарри отложил нож и вилку. Он всего-навсего сидел в постели, но сердце колотилось как бешеное. Думбльдор советовал рассказать им... так почему бы не сейчас? Гарри уставился на вилку, ярко блестевшую на солнце, и заговорил:

– Не знаю точно, чему он собирается меня учить, но думаю, что это из-за пророчества.

Его друзья молчали. Гарри даже показалось, что они окаменели, но он продолжил, по-прежнему обращаясь к вилке:

– Которое пытались выкрасть из министерства.

– Никто же не знает, о чём оно, – поспешила вставить Гермиона. – Оно разбилось.

– В «Оракуле» писали… – начал было Рон, но Гермиона сразу на него шикнула.

– В «Оракуле» угадали. – Гарри усилием воли заставил себя поднять глаза: Гермиона смотрела испуганно, Рон – изумленно. – Разбитый стеклянный шар – не единственная запись пророчества. Я услышал его полностью от Думблдора, оно было сделано ему, и он мне все рассказал. Судя по тому, что там говорится, – Гарри глубоко вдохнул, – я и есть тот человек, который должен прикончить Вольдеморта… во всяком случае, выжить суждено лишь одному из нас.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом что-то бахахнуло, и Гермиона исчезла в клубах дыма.

– Гермиона! – закричали Гарри и Рон; поднос с завтраком грохнулся на пол.

Гермиона, кашляя, появилась снова – с телескопом в руках и багровым синяком под глазом.

– Я сдавила его, а он… меня стукнул! – хрюпала вскричала она.

Действительно из телескопа выскоцила длинная пружинка, на которой болтался крохотный кулечок.

– Не волнуйся, – сказал Рон, прилагая все силы, чтобы не расхохотаться, – мама вылечит, она прекрасно справляется с мелкими травами мами…

– Ладно, ладно, сейчас это не важно! – нетерпеливо перебила Гермиона. – Гарри, ой, Гарри…

Она вновь опустилась на край его кровати.

– После министерства мы думали… конечно, тебе говорить не хотели, но… Люциус Малфой обмолвился, что пророчество про тебя и Вольдеморта, мы и подумали что-то подобное… Гарри, Гарри… – Она долго смотрела на него, а потом прошептала: – Тебе страшно?

– Не так, как раньше, – ответил он. – Когда только услышал, то да... а сейчас такое впечатление, будто я всегда знал, что в конце мне предстоит с ним сразиться...

– Когда Думбльдор собрался тебя провожать, мы решили, он хочет рассказать о пророчестве или, может, показать что-то, – с энтузиазмом сообщил Рон. – И, в общем-то, оказались правы, да? Он бы не стал давать тебе уроки, если б считал, что ты уже покойник, не захотел бы тратить время... Значит, ему кажется, что у тебя есть шанс!

– Верно, – произнесла Гермиона. – Интересно, чему он будет тебя учить? Наверное, высшей защитной магии... самым сильным контрзаклятиям... антипорче...

Гарри почти не слушал. По его телу разлилось тепло, и совсем не от солнца; тугой узел в груди потихоньку развязывался. Он знал, что Рон и Гермиона напуганы много больше, чем хотят показать, но они все равно оставались рядом и пытались ободрить, а не шахались, как от зачумленного или сумасшедшего. И это дорого стоило.

– ...а главное, ускользающим уверткам, – закончила Гермиона. – Теперь ты знаешь хотя бы один предмет на этот год – то есть на один предмет больше, чем мы с Роном. И когда же придут результаты экзаменов?

– Наверное, скоро, месяц уже прошел, – сказал Рон.

– Подождите-ка. – Гарри внезапно вспомнил еще кое-что из вчерашнего разговора с директором школы. – Кажется, Думбльдор говорил, что результаты придут сегодня!

– Сегодня? – взвизгнула Гермиона. – Сегодня? Но почему ты... мамочки... надо было сказать...

Она вскочила.

– Пойду посмотрю, не было ли почты...

Через десять минут Гарри, одетый и с пустым подносом, спустился и увидел за кухонным столом Гермиону. Она была страшно взволнована и едва не подпрыгивала, половиной лица напоминая панду. Миссис Уизли старалась уменьшить это сходство.

– Не поддается, – озабоченно бормотала она, стоя над Гермионой с волшебной палочкой и справочником «В помощь знахарю», открытым на разделе «Синяки, порезы и ссадины». – Раньше всегда помогало. Ничего не понимаю...

– Фреду с Джорджем кажется, что это смешно, когда синяк не сходит, – сказала Джинни.

– Но он обязан сойти! – воскликнула Гермиона. – Не могу же я так оставаться!

– Не останешься, милая, не волнуйся, мы найдем противоядие, – успокаивала миссис Уизли.

– Былль гассказывал, какие они смешные, ваши Фгед с Джогджем! – Флёр безмятежно улыбнулась.

– Прямо животик надорвешь, – огрызнулась Гермиона, вскочила и принялась ходить кругами, заламывая руки.

– Миссис Уизли, вы точно-точно уверены, что утром сов не было?

– Да, моя хорошая, я бы заметила, – терпеливо ответила миссис Уизли. – Хотя сейчас только девять, и впереди еще много времени...

– Я знаю, что завалила древние руны, – горячечно бормотала Гермиона, – одно слово совершенно точно перевела неправильно. И по защите от сил зла, по практике, тоже ничего хорошего. А про превращения я сначала думала, что все нормально, а теперь...

– Гермиона, заткнись, а? Ты тут не одна волнуешься! – рявкнул Рон. – Небось получила десять «великолепно»...

– Молчи, молчи, молчи! – Гермиона истерично замахала руками. – Я знаю, я все завалила!

– А что бывает, если провалишься? – спросил Гарри у присутствующих в целом, но ответила снова Гермиона:

– Придется обсуждать свое будущее с куратором колледжа, я спрашивала у профессора Макгонаголл в конце года.

У Гарри подвело живот, и он пожалел, что столько съел за завтраком.

– В «Бэльстэке», – сочла нужным заметить Флёр, – все по-дгугому. По-моему, лучше. У нас экзамены после шести льет, а не пяти, и потом...

Ее слова потонули в диком крике. Гермиона показывала на кухонное окно. В небе отчетливо чернели три точки, которые с каждым мгновением становились все больше.

– Это совы, – прохрипел Рон, подскакивая к Гермионе.

– Их три. – Гарри кинулся к ним.

– По одной на каждого, – в панике прошептала Гермиона. – Ой мамочки... ой мамочки... ой мамочки...

Она крепко схватила Гарри и Рона за локти.

Совы, красивые неясыти, приблизились к «Гнезду», спустились ниже и полетели над дорожкой к дому. Стало видно, что каждая несет в клюве большой конверт.

– Ой мамочки! – снова взвизгнула Гермиона.

Миссис Уизли отстранила ребят и открыла окно. Совы, первая, вторая, третья, влетели в кухню, стройной шеренгой расселись на столе и подняли правые лапки.

Гарри подошел. Конверт, адресованный ему, был у средней совы, и Гарри стал его отвязывать трясущимися пальцами. Слева Рон тоже пытался отцепить письмо; Гермиону справа колотило так сильно, что из-за этого дрожала вся сова.

Все молчали. Наконец Гарри удалось снять конверт. Быстро его вскрыв, он развернул лежавший внутри пергамент.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗАМЕНОВ НА СОВЕРШЕННО ОБЫЧНЫЙ ВОЛШЕБНЫЙ УРОВЕНЬ

Проходные оценки:

Великолепно (В)

Сверх стандарта (С)

Нормально (Н)

Непроходные оценки:

Плохо (П)

Ужасающе (У)

Тролль (Т)

Гарри Джеймс Поттер получил:

Астрономия

(Н)

Гербология

(С)

Заклинания

(С)

Защита от сил зла
(B)

Зельеделие
(C)

История магии
(У)

Прорицание
(П)

Превращения
(С)

Уход за магическими существами
(С)

Гарри перечитывал еще и еще. С каждым разом дышалось все легче. Порядок! Было ясно, что он провалит прорицание и не сдаст историю магии: чего и ждать после обморока прямо посреди экзамена. Зато он сдал все остальное! Гарри пробежал пальцем по своим оценкам... «сверх стандарта» по превращениям, гербологии и даже зельеделию! А что самое замечательное, «великолепно» по защите от сил зла!

Он оглянулся. Гермиона стояла к нему спиной, низко наклонив голову. Рон сиял.

– Провалил прорицание и историю магии, но они никому и не нужны! – счастливым голосом сообщил он Гарри. – Ну-ка... меняемся...

Гарри просмотрел оценки Рона: «великолепно» среди них не было.

– Так и знал, что по защите от сил зла у тебя все супер. – Рон пихнул Гарри в плечо. – Мы молодцы, а?

– Молодцы! – с гордостью подтвердила миссис Уизли и потрепала Рона по голове. – Семь проходных оценок, лучше, чем у Фреда с Джорджем, вместе взятых!

– Гермиона? – осторожно позвала Джинни, видя, что Гермиона не оборачивается. – Что у тебя?

– У меня... неплохо, – тихо ответила Гермиона.

– Ладно, хватит тебе. – Рон подошел и выхватил пергамент у нее из рук. – Ага... Девять «великолепно» и одно «сверх стандарта» по защите от сил зла. – Он посмотрел на нее изумленно, но и с раздражением: – Надеюсь, ты не расстроена?

Гермиона молча помотала головой. Гарри рассмеялся.

– Все, теперь нас ждет П.А.У.К.! – ухмыльнулся Рон. – Мам, у нас случайно не осталось сосисок?

Гарри еще раз посмотрел на свои оценки. На лучшее нельзя было и надеяться. Огорчало одно: с мечтой о карьере аврора придется расстаться. Он не сумел получить нужной оценки по зельеделию. Конечно, он и не рассчитывал, но... что-то обрывалось в груди при виде этого маленького черного «С».

Странно: то, что он может стать хорошим аврором, Гарри впервые услышал из уст замаскированного Упивающегося Смертью. Но идея засела в голове, и Гарри даже не рассматривал другие варианты. Больше того, когда месяц назад он услышал пророчество, ему стало казаться, что эта профессия – его судьба. *Выжить суждено лишь одному...* Как достойней встретить предначертанное, если не в рядах высококлассных колдунов, чья единственная цель – найти и уничтожить Вольдеморта?

Глава шестая

Делишки Драко

Следующие несколько недель Гарри безвылазно провел в «Гнезде». Днем ребята обычно играли в квидиш двое на двое (Гарри и Гермиона против Рона и Джинни; Гермиона играла ужасно, Джинни – очень хорошо, так что силы были примерно равны), а по вечерам Гарри налегал на стряпню миссис Уизли и съедал по три порции каждого блюда.

Все было бы замечательно, если б не бесконечные сообщения об исчезновениях, загадочных происшествиях и даже смертях; они появлялись в «Оракуле» почти ежедневно. Иногда Билл с мистером Уизли приносили новости прежде, чем те доходили до печати. Празднование шестнадцатого дня рождения Гарри, к великому неудовольствию миссис Уизли, тоже было омрачено печальным известием, которое принес Рем Люпин, изможденный и хмурый, как никогда. Его каштановые волосы обильнее серебрились сединой, а одежда совсем обветшала.

– Дементоры совершили еще несколько нападений, – объявил он, принимая от миссис Уизли кусок именинного торта. – А в какой-то лачуге на севере найдено тело Игоря Каркарова. Над крышей висел Смертный Знак… Хотя, если честно, я удивляюсь, что после того, как он сбежал от Упивающихся Смертью, ему удалось прожить почти целый год. Помнится, Регул, брат Сириуса, протянул всего пару дней.

– Ну что уж тут, – нахмурилась миссис Уизли. – Может, поговорим о чем-нибудь дру…

– Рем, а ты слышал про Флорина Фортескью? – спросил Билл, которого Флёр усиленно потчевала вином. – Он держал…

– …кафе-мороженое на Диагон-аллее? – вмешался Гарри. От неприятного предчувствия засосало под ложечкой. – Он меня бесплатно угождал… Что с ним случилось?

– Судя по виду кафе, его забрали.

– За что? – удивился Рон. Миссис Уизли гневно сверлила Билла взглядом.

– Кто знает? Видать, чем-то им не угодил. А такой был приятный человек.

– Кстати о Диагон-аллее, – сказал мистер Уизли. – Похоже, Олливандер тоже пропал.

– Который делал волшебные палочки? – потрясенно выговорила Джинни.

– Он самый. В магазине пусто. Следов борьбы никаких. Непонятно, сам он скрылся или его похитили.

– Но... где же теперь покупать палочки?

– Есть и другие производители, – ответил Люпин. – Но Олливандер – лучший. Если он достанется той стороне, нам придется несладко.

Назавтра после этого мрачноватого чаепития пришли письма из «Хогварца» со списками учебников. А Гарри еще ждал сюрприз: его назначили капитаном квидишиной команды.

– Теперь тебе полагаются те же привилегии, что у старост! – радостно вскричала Гермиона. – Специальная ванная и все прочее!

– Смотри-ка, у Чарли был такой же. – Рон любовно погладил капитанский значок. – С ума сойти, Гарри, ты – мой капитан... то есть, конечно, если возьмешь меня обратно в команду, ха-ха...

– Пора на Диагон-аллею, дольше тянуть нельзя, – вздохнула миссис Уизли, просматривая список Рона. – Давайте в субботу, если вашему папе опять не придется работать. Без него я туда ни ногой.

– Мам, ты права думаешь, что Сама-Знаешь-Кто сидит в засаде у Завитуша и Клякца? – хихикнул Рон.

– А Фортескью и Олливандер отправились на курорт, да? – мгновенно вспылила миссис Уизли. – Если тебе все шуточки, сиди дома, я сама тебе куплю...

– Нет уж, я с вами, я хочу посмотреть магазин Фреда и Джорджа! – поспешно выпалил Рон.

– Тогда, молодой человек, советую вам срочно повзросльеть, не то я могу решить, что вы еще не созрели для нашей компании! – сердито бросила миссис Уизли. Она схватила свои часы – все стрелки словно приклеились к «смертельной опасности» – и водрузила на стопку свежевыстиранных полотенец. – То же касается и возвращения в «Хогварц»!

Рон недоуменно посмотрел на Гарри. Миссис Уизли подхватила тяжелую корзину с бельем и шатающимися часами и стремительно вышла из кухни.

– Обалдеть... уж и пошутить нельзя...

Впрочем, Рон постарался не говорить больше глупостей о Вольдеморте и сумел обойтись без новых столкновений с миссис Уизли. Тем не менее в субботу за завтраком она была очень напряжена. Билл, который оставался дома с Флёр (к вящей радости Джинни и Гермионы), протянул Гарри через стол кошелёк, туже набитый деньгами.

– А мне? – тут же потребовал Рон, вытаращив глаза.

– Это его деньги, дубина, – сказал Билл. – Гарри, я взял их из твоего сейфа, а то сейчас на получение денег уходит часов пять. Гоблины совсем помешались на безопасности. Два дня назад Арки Филпотту засунули индикатор искренности в... короче, уверяю тебя, так проще.

– Спасибо, Билл, – ответил Гарри и сунул кошелёк в карман.

– Он у нас такой заботливый, – с обожанием мурлыкнула Флёр и погладила Билла по носу. Джинни за ее спиной изобразила, что ее рвет в тарелку с кашей. Гарри подавился хлопьями; Рон заколотил его по спине.

День выдался хмурый, облачный, пришлось надевать плащи. Во дворе ждала специальная министерская машина; однажды за ними такую уже присыпали. Они бесшумно отъехали от «Гнезда». Билл и Флёр махали на прощание из окна кухни.

– Хорошо, что папе снова ее дали. – Рон привольно раскинулся на просторном заднем сиденье, где свободно хватало места ему, Гарри, Гермионе и Джинни.

– Не вздумай привыкать, это только ради Гарри, – бросил через плечо мистер Уизли. Они с миссис Уизли сидели впереди рядом с министерским водителем; переднее пассажирское сиденье услужливо растянулось до размеров двухместного дивана. – Он у нас сверхсекретный объект. В «Дырявом кotle» ждет дополнительная охрана.

Гарри молчал; ему совсем не улыбалось ходить по магазинам в окружении батальона авроров. Он взял с собой плащ-невидимку и считал, что если Думблэдору этого достаточно, то должно бы устроить и министерство. Впрочем, если подумать, они, наверное, о плаще не

знают... Спустя поразительно короткое время машина сбивала ход и остановилась на Чаринг-Кросс-роуд перед «Дырявым котлом».

– Прибыли, – впервые подал голос водитель. – Мне приказано вас дождаться. Можете хотя бы примерно сказать, сколько вам потребуется?

– Думаю, часа два, – ответил мистер Уизли. – А, замечательно, вот и он!

Гарри вслед за мистером Уизли прильнул к окну, и его сердце радостно подпрыгнуло. У «Дырявого котла» не было никаких авроров, зато в длинной бобровой шубе стоял огромный бородатый Рубеус Огрид, лесник и хранитель ключей «Хогварца». Он решительно не замечал изумленных взглядов, которые кидали на него прохожие муглы, а при виде Гарри просиял.

– Здорово! – гулко пробасил он и бросился обнимать Гарри, чуть не переломав ему все кости. – Конькур... в смысле Курокрыл... видел бы ты, как он воле радуется...

– Рад, что он рад. – Гарри, улыбаясь, потер ребра. – Мы и не знали, что «охрана» – это ты!

– Да, точно, прям как в старые добрые времена. Министерство хотело откомандировать бригаду авроров, но Думблдор сказал, что меня и одного хватит. – Огрид гордо выпятил грудь и засунул большие пальцы в карманы шубы. – Ну чего, двинулись?.. Молли, Артур, после вас...

«Дырявый котел» впервые на памяти Гарри пустовал. Никого из завсегдатаев не было, один только хозяин, морщинистый и беззубый Том. Он с надеждой поднял глаза на вошедших, но не успел и рта раскрыть, потому что Огрид важно объявил:

– Рассиживаться некогда, Том, сам понимаешь. Дела «Хогварца».

Том мрачно кивнул и снова принялся протирать бокалы. Гарри, Гермиона, Огрид и все Уизли прошли бар насквозь и очутились на холоде в заднем дворике, где стояли мусорные баки. Огрид постучал розовым зонтиком по некоему кирпичу, и в стене сразу образовался арочный проем, за которым вилась мощеная уличка. Они прошли под аркой и на минуту замерли, озираясь.

Диагон-аллея сильно изменилась. Красочные витрины с книгами заклинаний, ингредиентами для зелий и котлами заклеены большими плакатами мрачного фиолетового цвета. В основном – сильно

увеличенные копии министерской листовки по мерам безопасности, которую рассылали летом, но местами – черно-белые фотографии беглых Упивающихся Смертью. С фасада ближайшей аптеки ухмыляется Беллатрикс Лестранж. Окна кое-где заколочены – включая кафе Флорина Фортескью. Вдоль улицы жмутся какие-то убогие лотки. У ближайшего, перед магазином Завитуша и Клякца, на грязном полосатом навесе картонка с надписью:

***МОЩНЫЕ ОБЕРЕГИ – ПРОТИВ ОБОРОТНЕЙ,
ДЕМЕНТОРОВ, ИНФЕРНИЙ.***

Невысокий колдун сомнительной внешности тряс перед прохожими пригоршней серебряных амулетов.

– Возьмете для дочурки, мэм? – крикнул он миссис Уизли, пялясь на Джинни. – Жалко такую хорошенъкую шейку.

– Был бы я на дежурстве… – Мистер Уизли ожег продавца гневным взглядом.

– Да-да, только сейчас никого арестовывать не надо, мы торопимся, – проговорила миссис Уизли, изучая список. – Я думаю, начать надо с мадам Малкин. Гермионе нужна новая парадная мантия, у Рона из-под школьной формы ноги торчат… И Гарри тоже сильно вырос… Пошли, пошли, живее…

– Молли, зачем нам всем к мадам Малкин? – спросил мистер Уизли. – Эти трое могут пойти с Огридом. А мы к Завитушу и Клякцу, купим учебники.

– Не знаю, не знаю, – озабоченно пробормотала миссис Уизли, явно разрываясь между желанием как можно скорее покончить с покупками и боязнью выпустить детей из-под присмотра. – Огрид, как по-твоему?..

– Не волнуйся, Молли, ничего им не сделается. – Огрид беззаботно махнул ладонью размером с крышку мусорного бака. Миссис Уизли это, видимо, не убедило, но она все же согласилась разделиться и вместе с мужем и Джинни быстро направилась к Завитушу и Клякцу. Гарри, Рон и Гермиона под присмотром Огрида двинулись к мадам Малкин.

У многих прохожих, отметил Гарри, лица были озабоченные и затравленные, совсем как у миссис Уизли. Никто не останавливался

поболтать со знакомыми, не прогуливался, не ходил по магазинам один: мимо деловито шагали тесные, сплоченные группки людей.

Огрид остановился перед магазином мадам Малкин, наклонился и заглянул в окно.

– Пожалуй, тесновато там будет, ежели мы всей кучей набьемся, – сказал он. – Лучше я тут посторожу, идет?

Гарри, Рон и Гермиона зашли внутрь втроем. Сначала им показалось, что магазин пуст, но, едва за ними закрылась дверь, из-за вешалки с парадными мантами, расцвеченными синими и зелеными блестками, донесся знакомый голос:

– …уже не ребенок, если ты, мама, не заметила. Я вполне способен все купить сам.

Кто-то поцокал языком, а затем женский голос – Гарри узнал мадам Малкин – произнес:

– Что ты, милый, при чем тут ребенок, мама совершенно права! Никому сейчас не стоит расхаживать по улицам в одиночку…

– Смотрите лучше, куда тычете своей булавкой!

Из-за вешалки появился юноша с бледным острым лицом и светлыми, почти белыми волосами. На нем была красивая темно-зеленая мантия, которая по подолу и манжетам искрилась булавочными головками. Юноша прошел к зеркалу и внимательно себя осмотрел; лишь несколько секунд спустя он заметил отражение Гарри, Рона и Гермионы. Его светло-серые глаза сузились.

– Если почувствуешь вонь, мама, не удивляйся: пришло мугродье, – процедил Драко Малфой.

– Прошу не употреблять такие слова в моем магазине! – Мадам Малкин выскочила из-за вешалки с портновским метром и волшебной палочкой в руках. – И не доставать волшебные палочки! – поспешила она, заметив, что Гарри и Рон направили палочки на Малфоя.

Гермиона, стоявшая чуть сзади, прошептала:

– Вы что, не надо, он того не стоит…

– Конечно-конечно, как будто они осмелятся колдовать вне школы, – осклабился Малфой. – Кстати, кто поставил тебе фингал, Грейнджен? Я пошлю ему цветы.

– Ну-ка хватит! – гневно прикрикнула мадам Малкин и оглянулась, ища поддержки. – Мэм… прошу вас…

Появилась Нарцисса Малфой.

— Уберите палочки, — велела она Гарри и Рону. — Если вы еще раз навредите моему сыну, это будет ваш последний поступок в жизни, уж я позабочусь.

— Правда? — Гарри шагнул вперед. Он не отрываясь смотрел в ее гладкое высокомерное лицо, которое, несмотря на бледность, так сильно напоминало лицо ее сестры. — Призовете своих друзей, Упивающихся Смертью, чтоб они нас прикончили?

Мадам Малкин, взvizгнув, схватилась за сердце.

— Прошу вас, не надо швыряться обвинениями... опасно такое говорить... уберите палочки, пожалуйста!

Но Гарри и не подумал послушаться. Нарцисса Малфой неприятно улыбнулась:

— М-да, Гарри Поттер... Из-за того, что ты любимчик Думблдора, ты совсем потерял страх. Напрасно. Думблдор не всегда будет рядом.

Гарри насмешливо завертел головой:

— Ой... смотрите-ка... его и сейчас нет! Может, рискнете? Вам подыщут камеру на двоих с недотепой-мужем.

Малфой в ярости кинулся на Гарри, но споткнулся о слишком длинный подол. Рон громко расхохотался.

— Не смей так разговаривать с моей матерью, Поттер! — рявкнул Малфой.

— Успокойся, Драко, — остановила сына Нарцисса, тонкими белыми пальцами сжав ему плечо. — Я думаю, Поттер воссоединится с дорогим Сириусом много раньше, чем мы с Люциусом.

Гарри поднял палочку еще выше.

— Не надо! — взмолилась Гермиона, повиснув у него на руке. — Подумай... нельзя... у тебя будут жуткие неприятности...

Трепещущая мадам Малкин, с минуту потоптавшись на месте, в конце концов решила вести себя так, словно ничего не случилось, — видимо, в надежде, что тогда и не случится. Она склонилась к Малфою, который все сверлил Гарри яростным взором.

— Мне кажется, милый, левый рукав можно еще подкоротить, дай-ка я...

— А-а! — взвыл Малфой и ударил ее по руке. — Да смотрите же вы, куда колете! Мама... я уже не хочу это покупать...

Он сдернул с себя мантию и швырнул ее под ноги мадам Малкин.

— Правильно, Драко, — сказала Нарцисса, презрительно глядя на Гермиону. — Теперь, когда я знаю, на какую грязь здесь можно наткнуться... Купим лучше у «Вампойдett и Хламура».

Они величаво вышли из магазина. Малфой напоследок постарался посильнее толкнуть Рона.

— *Ну знаете!* — воскликнула мадам Малкин, подобрала мантию с пола и прошлась по ней волшебной палочкой, как пылесосом.

Пока Гарри и Рон примеряли новые мантии, мадам Малкин была очень рассеянна, попыталась всучить Гермионе колдовскую мантию вместо ведьминской, а с поклонами провожая ребят у двери, едва могла скрыть, что ей не терпится от них отделаться.

— Все купили? — воодушевленно встретил их Огрид.

— Почти, — сказал Гарри. — Видел Малфоя с мамашей?

— Ага, — беззаботно ответил тот. — Но, Гарри, не боись! Разве ж им хватит пороху безобразить посередь Диагон-аллеи?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, но не успели развеять столь удобное заблуждение Огрида, потому что подошли мистер и миссис Уизли с Джинни. Они прижимали к себе тяжелые пакеты с книгами.

— Все целы? — спросил мистер Уизли. — Мантии купили? Вот и хорошо. Теперь, по дороге к Фреду с Джорджем, заскочим в аптеку и «Совиные Эмпиреи»... Теснее, теснее, не разбредайтесь...

В аптеке Гарри и Рон ничего не купили, ведь с зельеделием было покончено, но в «Совиных Эмпиреях Лупоглааза» приобрели по большой коробке «Совячей радости» для Хедвиги и Свинринстеля. А затем направились дальше в поисках «Удивительных Ультрафокусов Уизли», хохмазина близнецов. Миссис Уизли поминутно взглядывала на часы.

— У нас очень мало времени, — говорила она. — Быстро-нько все посмотрим — и в машину. Кажется, почти пришли... дом девяносто два... девяносто четыре...

— О-го-го-го! — Рон остановился как вкопанный.

Среди скучных, завешанных министерскими объявлениями фасадов окна хохмазина взрывались перед глазами фантастическим, ослепительным фейерверком. Случайные прохожие невольно оглядывались, а некоторые даже замирали в полном потрясении. Витрина слева изумляла бесконечным множеством товаров; они крутились, вертелись, прыгали, скакали, сверкали и вопили; от одного

взгляда на них у Гарри заслезились глаза. Витрину справа закрывал плакат, фиолетовый, как министерские, но сверкающий неоново-желтыми буквами:

Сами-Знаете-Кого боится всяк,
Но еще страшнее ПОЛНЫЙ НЕПРОКАК!
Укрепляющая сенсация для расстроенной нации!

Гарри засмеялся. Рядом кто-то слабо застонал; он оглянулся и увидел, что миссис Уизли остекленевшим взглядом смотрит на плакат, беззвучно повторяя: «Полный непрокак».

– Их убьют в собственных постелях! – прошептала она.
– Вот еще! – возразил Рон, который тоже сильно развеселился. – Это ж кайф!

Он и Гарри вошли в магазин первыми. Внутри было не протолкнуться; Гарри не удавалось подойти к полкам. Он осмотрелся: все стеллажи до самого потолка занимали коробки, в том числе со злостными закусками; в прошлом году, еще в «Хогварце», близнецы довели их до совершенства – правда, школу так и не закончили. Гарри заметил, что самой большой популярностью пользуется нуга-носомкровь: на полке осталась только одна мятая коробка. Тут же стояли жестяные банки с фальшивыми волшебными палочками – самые дешевые при первом же взмахе превращались в резиновых цыплят или в трусы, а самые дорогие могли надавать горе-колдуну по шее, – и коробки с перьями, самонабирающими чернила, остроумноответными и с проверкой орфографии. Когда в толпе наконец образовался просвет, Гарри протиснулся к прилавку. Там стайка ребятишек лет десяти восторженно наблюдала, как крошечный деревянный человечек поднимается на эшафт к настоящей миниатюрной виселице, установленной на коробке с игрой: «Вечный висельник – отгадай слово, не то в петлю!»

– «Патентованные грезы наяву...»

Гермионе удалось пробраться к большой стеклянной витрине недалеко от прилавка, и она вслух читала инструкцию на коробке с очень яркой картинкой: красивый юноша и млеющая от счастья девушка на борту пиратского корабля.

– «Всего одно простейшее заклинание, и вы переноситесь в тридцатиминутную грезу сверчвысокого качества и высшего уровня

реалистичности, которая легко вписывается в школьный урок средней продолжительности и практически не идентифицируется. Побочные действия: отсутствующее выражение лица и незначительное слюноотделение. Возрастные ограничения: не отпускается детям до 16 лет». Знаешь, — сказала Гермиона, посмотрев на Гарри, — это магия высочайшего уровня!

— А за это, Гермиона, — произнес сзади мужской голос, — ты получишь один экземпляр бесплатно.

За ними, сияя улыбкой, стоял Фред в пурпурной мантии, которая эффектно контрастировала с его огненными волосами.

— Гарри! Как жизнь? — Они пожали друг другу руки. — Что это у тебя с глазом, Гермиона?

— Ваш дерущийся телескоп, вот что, — вздохнула она.

— Блин, совсем про них забыл! — хлопнул себя по лбу Фред. — Нака...

Он достал из кармана тюбик и протянул Гермионе; та осторожно отвинтила крышку. Внутри оказался густой желтый крем.

— Намажься, и синяк за час сойдет, — сказал Фред. — Нам без нормального гематоморастворителя никуда, мы же в основном все тестируем на себе.

Гермиона явно занервничала:

— Это хоть *безопасно*?

— Конечно, — успокоил Фред. — Пойдем, Гарри, я устрою тебе экскурсию.

Гермиона осталась разбираться с синяком, а Гарри пошел за Фредом на зады магазина, где стоял стенд с карточными и веревочными фокусами.

— Неволшебные фокусы! — радостно пояснил Фред. — Знаешь, для психов вроде папы, которые помешаны на всяком муглизме. Денег особо не приносит, но доход стабильный, как-никак новинка... А, смотри, вот и Джордж...

Близнец Фреда энергично потряс руку Гарри.

— У вас экскурсия? Пойдем внутрь, Гарри, увидишь, где делаются настоящие деньги... *Только стащи что-нибудь, сопля, дорого заплатишь!* — рявкнул он на какого-то маленького мальчика. Тот поспешил выдернуть руку из коробки с надписью: «Съедобные Смертные Знаки — стошнит стопроцентно!»

Джордж отодвинул занавеску рядом со стендом мугловых фокусов, и перед Гарри открылось помещение потемнее и поукромнее, с товарами в менее кричащей упаковке.

— Мы недавно начали выпускать серьезную продукцию, — объяснил Фред. — Странно так получилось...

— Гарри, ты не поверишь, но полно народу, даже сотрудники министерства не в состоянии справиться с загадительным заклятием, — сказал Джордж. — Впрочем, оно и понятно, ты-то их не учил.

— Да... Вот мы и подумали, что шляпы-рикошетки — это будет смешно. Типа попроси приятеля навести на тебя порчу и смотри, что будет, когда она отрикошетит. А министерство взяло и закупило целых пять сотен, на весь обслуживающий персонал! Заказы поступают и поступают, к тому же огромные!

— Мы расширили серию, сделали плащи и перчатки-рикошетки...

— Они, конечно, вряд ли помогут от непростительного проклятия, но от разной мелочи и порчи средней силы...

— А потом мы вообще подумали заняться защитой от сил зла, это же золотая жила, — вдохновенно продолжил Джордж. — Классно! Видишь, моментальный тьмущий порошок, мы его импортируем из Перу. Очень удобно, когда надо быстро исчезнуть.

— А бомбушки-отвлекушки прямо-таки исчезают с полок, — подхватил Фред, показывая на черные и довольно чудные, похожие на клаксон предметы, которые явно пытались смыться. — Бросаешь их незаметненько, они отбегают в сторонку, где их не видно, и верещат. Удобно, если нужно отвлечь чье-то внимание.

— Здорово, — восхитился Гарри.

— На-ка. — Фред поймал пару бомбушек и бросил ему.

Из-за занавески высунулась молодая ведьма с короткими светлыми волосами и в пурпурной форменной мантии.

— Мистер Уизли и мистер Уизли, там один покупатель просит прикольный котел, — сообщила она.

Обращение к близнецам «мистер Уизли» показалось Гарри очень странным, но сами они и бровью не повели.

— Спасибо, Верити, сейчас иду, — откликнулся Джордж. — Гарри, набирай что хочешь, ладно? Бесплатно.

– Вы что, я не могу! – вскричал Гарри. Он уже достал кошель, чтобы расплатиться за бомбушки-отвлекушки.

– У нас ты ни за что платить не будешь, – твердо сказал Фред, отмахиваясь от его денег.

– Но...

– Мы не забыли, кто нам помог с магазином, – серьезно произнес Джордж. – Поэтому бери что нравится. Главное, обязательно отвечаи, когда тебя спрашивают, откуда это взялось.

Джордж ушел обслуживать покупателей, а Фред повел Гарри в главный зал. Гермиона и Джинни по-прежнему смотрели на патентованные грезы.

– Дамы, а вы не видели нашу потрясающую серию «Чудо-чаровница»? – поинтересовался Фред. – Тогда за мной...

У окна рядами стояли ярко-розовые баночки, а вокруг толпились возбужденно хихикающие девочки. Гермиона и Джинни настороженно застыли поодаль.

– Прошу внимания! – гордо провозгласил Фред. – Самый широкий ассортимент лучшего любовного зелья!

Джинни скептически подняла бровь:

– И действует?

– Еще как, до двадцати четырех часов в зависимости от веса мальчика...

– ...и привлекательности девочки, – перебил Джордж, внезапно появляясь рядом. – Но мы не станем продавать любовное зелье родной сестре, – неожиданно посурковав, добавил он, – вокруг которой и так вьются пятеро, судя по...

– То, что говорит Рон, наглые враки, – спокойно ответила Джинни, наклонилась и сняла с полки розовый горшочек. – Что это?

– Гарантированный десятисекундный прыщеудалитель, – сказал Фред. – Прекрасно справляется со всеми дефектами кожи от угрей до нарывов, но не будем удаляться от темы. Ты встречаешься или не встречаешься с типом по имени Дин Томас?

– Встречаюсь, – кивнула Джинни. – Причем, когда я видела его последний раз, он абсолютно точно был в одном экземпляре, а вовсе не в пяти. А это что за штучки?

Она показала на клетку с пушистыми шариками, розовыми и сиреневыми, которые, тоненько попискивая, катались по полу.

— Пигмейские пуфки. Карликовые пушишки. Буквально выращивать не успеваем, — объяснил Джордж. — А что случилось с Майклом Корнером?

— Я его бросила. Он проигрывать не умеет, — пожала плечами Джинни и просунула палец между прутьями. Пуфки дружно покатились к нему. — Ой, какие лапочки!

— И правда довольно милые, — согласился Фред. — Что-то ты слишком быстро меняешь мальчиков, тебе не кажется?

Джинни обернулась, уперев руки в бока. Гримасой она так напоминала миссис Уизли, что Гарри даже удивился, почему Фред в ужасе не провалился сквозь землю.

— Это не твое дело. А *тебе*, — сердито сказала она нагруженному разными разностями Рону, который только что подошел к Джорджу, — я была бы признательна, если б ты прекратил распускать обо мне сплетни!

— Три галлеона девять сиклей один кнуд, — подсчитал Фред, мельком глянув на многочисленные коробки. — Выкладывай, Рон!

— Я же ваш брат!

— А это наш товар, и нечего его тырить. Три галлеона девять сиклей. Один кнуд скидки.

— Но у меня нет трех галлеонов девяти сиклей!

— Тогда положи все на место. Смотри, полки не перепутай.

Рон уронил часть коробок, ругнулся и показал Фреду средний палец. Это, к несчастью, заметила миссис Уизли, которой вздумалось появиться именно сейчас.

— Еще раз увижу — заколдую так, что пальцы навсегда склеятся, — рявкнула она.

— Мам, можно мы купим пигмейского пуфку? — взмолилась Джинни.

— Что купим? — насторожилась миссис Уизли.

— Смотри, какие очаровашки...

Миссис Уизли отошла посмотреть на пигмейских пуфок, и за окном мелькнул Драко Малфой. Он был один и куда-то очень спешил. Проходя мимо «Удивительных Ультрафокусов Уизли», Малфой быстро оглянулся через плечо, а спустя секунду скрылся из виду.

— А где же наша мамуля? — нахмурился Гарри.

— Похоже, он от нее свинтил, — сказал Рон.

— С чего бы это? — проговорила Гермиона.

Гарри молчал; он напряженно думал. По доброй воле Нарцисса Малфой ни за что не отпустила бы сына одного; значит, тот сильно постарался улизнуть. Гарри слишком хорошо знал Малфоя и понимал, что дело тут нечисто.

Гарри воровато огляделся. Миссис Уизли и Джин ни ворковали над пигмейскими пухками. Мистер Уизли восторженно рассматривал колоду крапленых мугловых карт. Фред и Джордж занимались покупателями. Огрид стоял к магазину спиной по другую сторону витрины и оглядывал улицу.

— Живо ко мне, — сказал Гарри, доставая из рюкзака плащ-невидимку.

— Ой, Гарри… я даже не знаю. — Гермиона неуверенно оглянулась на миссис Уизли.

— *Быстро!* — яростно прошипел Рон.

Гермиона поколебалась еще мгновение и нырнула под плащ. Никто не заметил, что троица исчезла; всех слишком увлекла продукция Фреда с Джорджем. Гарри, Рон и Гермиона поскорее протиснулись к выходу, но, когда они выбрались на улицу, Малфой уже исчез.

— Он направлялся туда, — очень тихо, чтобы не услышал Огрид, произнес Гарри. — Пошли.

Они потрусили по улице, стараясь сквозь стекла витрин и дверей рассмотреть покупателей в магазинах. И вдруг Гермиона показала куда-то вперед.

— Кажется, он! — шепнула она. — Сворачивает налево.

— Надо же, какой сюрприз, — тоже шепотом ответил Рон: Малфой, повернув головой, скрылся за углом Дрянналлеи.

— Быстрее, не то упустим. — Гарри убыстрял шаг.

— Тише, ноги видно! — встревоженно сказала Гермиона; плащ-невидимка, разеваясь, приоткрывал лодыжки; ребятам стало труднее прятаться втроем.

— Не важно, — нетерпеливо отмахнулся Гарри, — скорей!

Дрянналлея, прибежище сил зла, словно вымерла. Гарри, Рон и Гермиона на ходу взглядывались в окна, но в магазинах не было ни души. Оно и понятно, подумал Гарри, — в такое тревожное время крайне не осмотрительно иметь дело с черной магией — во всяком случае, открыто.

Гермиона больно ущипнула его за руку.

– Ой!

– Ш-ш-ш! Смотри! Вот он! – чуть слышно сказала она Гарри на ухо.

Они поравнялись с «Боргином и Д'Авило», единственным магазином на Дрянналле, где Гарри однажды бывал; продавалась там всякая жуть. Между витрин с черепами и старинными фиалами спиной к улице стоял Драко Малфой. Его почти не было видно за огромным черным шкафом, тем самым, где Гарри когда-то пришлось прятаться от Малфоя и его отца. Сейчас Малфой энергично жестикулировал, с жаром объясняя что-то владельцу, мистеру Боргину, сутулому человеку с сальными волосами. Тот стоял лицом к Малфою, и в его глазах читались страх и негодование.

– Вот бы послушать, о чем они! – вздохнула Гермиона.

– Это можно! – развелся Рон. – Погодите… ах ты ж…

Он по-прежнему держал в руках какие-то коробки и несколько уронил, открывая самую большую.

– Смотрите: подслуши!

– Фантастика! – обрадовалась Гермиона. Рон развернул длинные веревки телесного цвета и запустил их под дверь магазина. – Надеюсь, тут не наложено непроницаемое заклятие…

– Нет! – радостно воскликнул он. – Слушайте!

Они склонили головы к веревкам. Оттуда громко и отчетливо, как из радиоприемника, доносился голос Малфоя:

– …вы знаете, как его починить?

– Вероятно, – уклончиво сказал Боргин. – Надо посмотреть. Сможете доставить его в магазин?

– Нет, – отрезал Малфой. – Его нельзя трогать. Просто объясните, как это делается.

Боргин нервно облизал губы.

– Но без осмотра это очень непросто, практически невыполнимо. Ничего нельзя гарантировать.

– Даже так? – По интонации стало ясно, что Малфой нагло ухмыляется. – А это, случайно, не добавит вам уверенности?

Он придинулся к Боргину, полностью скрывшись за большим шкафом. Гарри, Рон и Гермиона переместились вбок, надеясь понять,

что происходит в магазине, но видели только хозяина. Тот страшно перепугался.

– Скажете кому-нибудь – пожалеете. Знаете Фенрира Уолка? Друг нашей семьи. Он будет наведываться сюда время от времени, следить, чтобы вы как следует занимались нашим делом.

– Это совершенно лишнее…

– Решать буду я, – заявил Малфой. – А сейчас мне пора. И не забудьте, *это* надо беречь как зеницу ока, это мне еще понадобится.

– Не желаете забрать сейчас?

– Вы что, с ума сошли, как я по улице понесу? Главное, не продавайте.

– Разумеется, нет… сэр.

Боргин поклонился Драко – очень низко, как некогда кланялся Люциусу Малфою.

– И никому ни слова, Боргин, в том числе моей матери, ясно?

– Конечно, конечно, – забормотал Боргин и еще раз поклонился.

Громко звякнул дверной колокольчик. Очень довольный Малфой появился на пороге магазина. Он прошел так близко от Гарри, Рона и Гермионы, что заколыхался подол плаща-невидимки. Боргин, словно окаменев, стоял за прилавком; его елейная улыбка сменилась тревогой.

– О чём это они? – прошептал Рон, сворачивая подслуши.

– Понятия не имею, – ответил Гарри и крепко задумался. – Малфой хотел что-то починить… и что-то попросил для него оставить… Вы видели, на что он показывал, когда сказал: «этот»?

– Нет, он был за шкафом…

– Так, стойте здесь, – шепнула Гермиона.

– Что ты?..

Но Гермиона уже выскользнула из-под плаща, поправила волосы перед витриной и решительно направилась в магазин. Тренькнул колокольчик. Рон торопливо сунул подслуши под дверь и передал один конец Гарри.

– Здравствуйте! Ужасная погода, не правда ли? – бодро обратилась Гермиона к Боргину.

Тот ответил подозрительным взглядом. Гермиона, весело мурлыча себе под нос, стала разгуливать по магазину.

– Это ожерелье продается? – поинтересовалась она, замедляя шаг у стеклянной витрины.

— Если у вас есть полторы тысячи галлеонов, — холодно отозвался Боргин.

— О!.. Э-э... нет, столько у меня нет. — Гермиона пошла дальше. — А... вот этот миленький... мmm... черепок?

— Шестнадцать галлеонов.

— Он тоже продается? Его никто не... просил оставить для себя?

Боргин прищурился. Гарри уже догадался, что задумала Гермиона, и ему стало не по себе. Та, видимо, тоже поняла, что ее раскусили, и внезапно отбросила всякое притворство.

— Видите ли, дело в том, что... э-э... мальчик, который у вас сейчас был, Драко Малфой, он... э-э... мой друг... Я хочу купить ему подарок на день рождения, но вдруг он уже что-то заказал, зачем мне покупать то же самое, поэтому... кхм...

По мнению Гарри, история получилась неправдоподобная — и, кажется, Боргин считал так же.

— Вон, — коротко бросил он. — Немедленно вон!

Ему не пришлось повторять. Гермиона заторопилась к выходу. Боргин шагал за ней. Звякнул колокольчик. Боргин с силой захлопнул дверь и тут же вывесил табличку «Закрыто».

— М-да, — сказал Рон, закрывая Гермиону плащом. — Попробовать, конечно, стоило, но чтобы так вот в лоб...

— Знаешь что, гений шпионажа, в следующий раз *ты* покажешь, как это делается! — огрызнулась она.

Рон с Гермионой пререкались всю дорогу, но у хохмазина близнецов им пришлось замолчать, чтобы незаметно прошмыгнуть мимо миссис Уизли и Огрида. Те были очень встревожены: очевидно, заметили их отсутствие. Пробравшись внутрь, Гарри незаметно сдернул плащ, спрятал его в рюкзак и вместе с Роном и Гермионой принял уверять миссис Уизли, что они все время были в задней комнате, просто их плохо искали.

Глава седьмая

«Диван-клуб»

Последнюю неделю каникул Гарри только и думал что о Малфое. Чем он все-таки занимался на Дрянналле и почему вышел из магазина такой довольный? Это не могло не настораживать: то, что радует Малфоя, опасно по определению. Увы, к огорчению Гарри, Рон и Гермиона не разделяли его тревоги; во всяком случае, через несколько дней разговоры о Малфое им, похоже, наскучили.

– Да, Гарри, я согласна, это подозрительно, – с легким нетерпением сказала Гермиона. Ребята сидели в комнате близнецов; Гермиона примостилась на подоконнике, поставив ноги на картонную коробку, и сейчас весьма неохотно оторвалась от «Рунического перевода для продолжающих». – Но мы же договорились, что объяснений может быть тысяча.

– Вдруг он сломал свою Светозаристую Руку? – задумчиво произнес Рон, пытаясь расправить погнутые хворостины на метле. – Помните, у него была… такая морщинистая?

– А как же его фразочка: «Не забудьте, *это* надо беречь как зеницу ока?» – спросил Гарри в миллион первый раз. – Такое впечатление, что у Боргина есть пара к испорченной вещи, а Малфою нужны обе.

– Думаешь? – равнодушно пробормотал Рон, отколупывая грязь с древка метлы.

– Думаю, – подтвердил Гарри. Ни Рон, ни Гермиона не ответили, и тогда он добавил: – Отец Малфоя в Азкабане. Вам не кажется, что Малфой хочет за него отомстить?

Рон поднял голову, изумленно моргая:

– *Малфой?* Отомстить? Но как?

– Я о том и говорю – не знаю! – в отчаянии воскликнул Гарри. – Но он явно что-то затеял, и по-моему, это серьезно. Его отец – Упивающийся Смертью и…

Гарри осекся и с раскрытым ртом уставился в окно, за спину Гермионе. Его посетила ужасная мысль.

– Гарри? – озабоченно позвала Гермиона. – Что с тобой?

– Шрам заболел? Опять? – встревожился Рон.

– Он сам Упивающийся Смертью, – медленно произнес Гарри. – Он занял место отца!

Повисло молчание, а потом Рон расхохотался:

– *Малфой*? Гарри, ему всего шестнадцать! Думаешь, Сам-Знаешь-Кто его принял бы?

– Это крайне маловероятно, Гарри, – отрезала Гермиона. – Почему ты думаешь?..

– Потому что мадам Малкин, когда хотела закатать рукав, к Малфою даже не притронулась, а он заорал и отдернул руку. Левую. У него там Смертный Знак.

Рон и Гермиона переглянулись.

– Ну-у... – протянул Рон. По голосу было понятно, что такого объяснения ему недостаточно.

– По-моему, Гарри, он просто хотел поскорее уйти, – сказала Гермиона.

– Мы не видели, что он показал Боргину, – настаивал Гарри, – но Боргин всерьез испугался. Нет, точно, это был Смертный Знак... Малфой хотел, чтобы Боргин понял, с кем имеет дело, вы же видели, как тот залебезил!

Рон с Гермионой снова переглянулись.

– Я не уверена, Гарри...

– Я тоже не думаю, что Сам-Знаешь-Кто взял бы...

Гарри, на сто процентов убежденный в своей правоте, гневно схватил грязную квидишную форму и стремительно удалился; миссис Уизли давно твердила, чтоб они не оставляли стирку и сборы на последний момент. На лестнице он столкнулся с Джинни; та шла к себе со стопкой свежевыглаженной одежды.

– На твоем месте я бы подождала заходить на кухню, – предупредила она. – Там сейчас очень много Хлорки.

– Я осторожно, постараюсь не вляпаться, – улыбнулся Гарри.

Действительно за столом на кухне восседала Флёр и без умолку болтала об их с Биллом свадьбе. Миссис Уизли, раздраженно поджав губы, следила за брюссельской капустой, которая быстро и самостоятельно чистилась.

— Ми с Быиллом почти гешили, что хватит и двух подгужек невьесты, Габгиэль и Жинни вместе будут смотреться очаговательно. Я хочу одеть их в бледно-золотое — пги волосах Джинни гозовое, конечно, никуда не годится...

— А, Гарри! — громко воскликнула миссис Уизли, пресекая монолог Флёр. — Очень хорошо! Я хотела рассказать, как мы завтра доберемся до поезда. Нам опять дадут машины из министерства, а на вокзале поставят авроров...

— А Бомс тоже будет? — спросил Гарри, отдавая миссис Уизли квидишную форму.

— Вряд ли, Артур говорит, она дежурит в другом месте.

— Она совсъем махнула на себя гукой, ваша Бомс, — произнесла Флёр, мечтательно разглядывая собственное ослепительное отражение в чайной ложке. — И очень напгасно, если вам интьегесно мое...

— Да, дорогая, *спасибо*, — едко сказала миссис Уизли, снова обрывая Флёр. — Гарри, ты лучше иди, вещи желательно собрать сегодня, чтобы у нас не было, как всегда, суматохи перед отъездом.

И отъезд наутро в самом деле прошел куда проще обычного. Когда министерские автомобили бесшумно подкатили к «Гнезду», все ждали их во дворе. Сундуки были упакованы; корзинка с Косолапусом и клетки с Хедвигой, Свинринстелем и лиловым пигмейским пухом Арнольдом, новым питомцем Джинни, — заперты.

— Оревуар, ‘Ари, — грудным голосом произнесла Флёр, целуя его на прощание. Рон с надеждой подался вперед, но Джинни сделала ему подножку, и бедняга растянулся у Флёр под ногами. Он страшно разозлился и, весь красный и в грязи, скрылся в машине, ни с кем не попрощавшись.

На вокзале Кингз-Кросс путешественников поджидал не радостный Огрид, а два мрачных бородатых аврора в темных мугловых костюмах. Едва остановились машины, авроры приблизились, встали по бокам и молча отконвоировали всю компанию на вокзал.

— Быстренько, быстренько, за барьер, — поторопила миссис Уизли. Она была немного смущена суровостью охраны. — Гарри, иди первый с...

Она вопросительно поглядела на одного из авроров. Тот коротко кивнул, подхватил Гарри под локоть и повлек к барьеру между

платформами девять и десять.

— Спасибо, я и сам умею ходить. — Гарри раздраженно вырвал руку и, не обращая внимания на молчаливого компаньона, толкнул тележку прямо на железный барьер. Секунду спустя он уже стоял в толпе на платформе девять и три четверти. Рядом пыхал паром малиновый «Хогварц-экспресс».

Буквально через несколько секунд Гермиона и все Уизли оказались возле него.

Гарри, по-прежнему игнорируя сумрачного аврора, поманил Рона и Гермиону — мол, надо поискать свободное купе.

— Мы не можем, — с извиняющимся видом сказала Гермиона. — Мы с Роном сначала должны пойти в вагон для старост, а потом немного подежурить в коридорах.

— Ах да, я и забыл, — пробормотал Гарри.

— Садитесь-ка лучше в поезд, — велела миссис Уизли, посмотрев на часы. — Осталось всего несколько минут. Ну, Рон, учись хорошо...

— Мистер Уизли, можно с вами поговорить? — спросил Гарри: повинувшись внезапному импульсу, он решился.

— Конечно, — слегка удивился мистер Уизли и вместе с Гарри отошел в сторонку.

Гарри хорошо все обдумал и пришел к выводу, что, если кому и рассказывать о своих сомнениях, то именно мистеру Уизли; во-первых, он работает в министерстве и легко сможет провести дополнительное расследование, если что, а во-вторых, вряд ли станет ругаться.

Миссис Уизли и хмурый аврор подозрительно на них косились.

— На Диагон-аллее мы... — начал Гарри, но мистер Уизли предвосхитил его признание гримасой.

— Очевидно, мне предстоит узнать, где были вы с Роном и Гермионой, когда якобы находились в магазине близнецов?

— Откуда вы?..

— Гарри, не смеши: ты имеешь дело с человеком, вырастившим Фреда и Джорджа.

— А... да... В общем, мы не были в магазине.

— Замечательно. А теперь выкладывай худшее.

— Мы... следили за Драко Малфоем. Из-под плаща-невидимки.

— По какой-то особой причине? Или вам просто захотелось?

— Мне показалось, Малфой что-то затевает, — ответил Гарри, не обращая внимания на недовольный и насмешливый вид мистера Уизли. — Он удрал от своей матери, и я решил узнать зачем.

— Разумеется, — обреченно вздохнул мистер Уизли. — Ну и как? Узнал?

— Он пошел к «Боргину и Д'Авило», — ответил Гарри, — и буквально заставлял хозяина что-то починить. А еще сказал, что Боргин должен что-то для него сохранить. Похоже, нечто такое же, пару к тому, что сломалось. И... — Гарри глубоко вдохнул. — Еще одна вещь. Мы видели, как Малфой шарахнулся от мадам Малкин, когда она хотела дотронуться до его левой руки. По-моему, у него там Смертный Знак. Мне кажется, он стал Упивающимся Смертью вместо отца.

Эти слова ошеломили мистера Уизли. Помолчав мгновение, он сказал:

— Гарри, я сильно сомневаюсь, чтобы Сам-Знаешь-Кто принял шестнадцатилетнего мальчишку...

— Откуда вы знаете, кого Сами-Знаете-Кто принял бы, а кого нет? — рассердился Гарри. — Простите, мистер Уизли, но разве вы не видите тут повода для расследования? Малфою нужно что-то починить. Ради этого он запугивает Боргина. Значит, речь идет о чем-то очень опасном, так?

— Если честно, Гарри, я не уверен, — медленно проговорил мистер Уизли. — Видишь ли, когда Люциуса Малфоя арестовали, мы тщательно обыскали его дом и забрали все подозрительное.

— Значит, что-то пропустили, — упрямо возразил Гарри.

— Возможно, — согласился мистер Уизли, но Гарри понял, что тот просто не хочет спорить.

Раздался свисток; все уже сели в поезд, двери закрывались.

— Тебе пора, — заволновался мистер Уизли, а его жена закричала:

— Гарри, скорей!

Гарри побежал; мистер и миссис Уизли помогли ему погрузить сундук.

— Ну, милый, на Рождество ты приедешь к нам, с Думблдором мы обо всем договорились, так что довольно скоро увидимся, — сказала миссис Уизли в окно, когда Гарри уже захлопнул дверь, а поезд тронулся. — Пожалуйста, будь внимателен и осторожен...

Поезд набирал скорость.

— ...веди себя хорошо и... — Миссис Уизли побежала, стараясь не отставать. — ...не попадай в историю!

Гарри махал, пока поезд не свернул и миссис Уизли не исчезла из виду. Тогда он решил посмотреть, где остальные. Рон и Гермиона, видимо, в своей резервации, зато Джинни стояла поодаль и болтала с друзьями. Гарри, волоча за собой сундук, направился к ней.

Все бессовестно на него глазели; некоторые даже прижимались лицами к дверным стеклам. Гарри, конечно, ожидал, что после публикаций в «Оракуле» разинутых ртов и вытаращенных глаз станет намного больше, но все равно страдал от чрезмерного внимания. Он тронул Джинни за плечо:

— Пойдем поищем купе?

— Не могу, я обещала найти Дина, — без тени сожаления ответила Джинни. — До встречи!

— Понятно. — Гарри почему-то было очень неприятно смотреть, как она уходит, раскачивая на ходу длинными рыжими волосами. За лето он очень к ней привык и почти забыл, что в школе они не общаются постоянно. Гарри моргнул и огляделся: со всех сторон его окружали восторженные девочки.

— Привет, Гарри! — крикнул сзади знакомый голос.

— Невилл! — с облегчением выдохнул Гарри, обернувшись к круглолицему мальчику, который старательно пробирался к нему. За ним шла длинноволосая девочка с большими затуманенными глазами.

— Здравствуй, Гарри, — сказала она.

— Луна, привет, как ты?

— Очень хорошо, спасибо, — ответила Луна. Она прижимала к груди журнал; на обложке большими буквами сообщалось, что внутри находится пара бесплатных призракуляров.

— У «Правдобора» дела идут хорошо? — спросил Гарри. После своего эксклюзивного интервью он испытывал к этому журналу известную нежность.

— Да, тиражи растут! — восторженно объявила Луна.

— Давайте где-нибудь сядем, — предложил Гарри, и они зашагали вдоль поезда под пристальными взглядами молчаливой толпы. Наконец нашлось пустое купе, и Гарри с радостью устремился туда.

— Они даже *на нас* пялятся, — Невилл показал на себя и Луну, — потому что мы с тобой!

— Они пялятся, потому что вы тоже были в министерстве, — сказал Гарри, заталкивая сундук на багажную полку. — «Оракул» раз сто писал о нашем маленьком приключении, вы наверняка читали.

— Да, и я думал, Ба разозлится из-за шумихи, — расширил глаза Невилл, — а она, наоборот, обрадовалась. Говорит, я становлюсь достоин своего отца. Купила мне новую палочку, вот!

Невилл предъявил волшебную палочку.

— Вишня и волос единорога, — похвастался он. — Наверное, одна из последних, что продал Олливандер, он исчез на следующий день... Эй, Тревор, ну-ка назад!

И Невилл нырнул под сиденье за своей жабой, которая в очередной раз совершила попытку обрести свободу.

— Гарри, а Д. А. в этом году будет? — поинтересовалась Луна, отлепляя из середины журнала психodelические очки.

— Без Кхембридж как-то и смысла нет.

Гарри сел. Невилл стал вылезать из-под сиденья и стукнулся головой. Вид у него был расстроенный.

— А мне нравились занятия! Я от тебя столькому научился!

— Мне тоже нравились, — безмятежно сказала Луна. — Это было даже похоже на дружбу.

Луна часто отпускала фразочки, от которых всем становилось неловко. Вот и сейчас Гарри смущился и одновременно пожалел ее, но не успел ответить: за дверью купе зашумели. Сквозь стекло было видно, что там стоят какие-то четвероклассницы. Они перешептывались и хихикали.

— Ты спроси!

— Нет, ты!

— Я спрошу!

Самоуверенная девица с большими темными глазами, выступающим подбородком и длинными черными волосами решительно толкнула дверь в сторону.

— Здравствуй, Гарри! Я — Ромильда. Ромильда Вейн, — громко и уверенно объявила она. — Не хочешь перейти в наше купе? Тебе не обязательно сидеть *с ними*, — театральным шепотом прибавила она и показала на толстый зад Невилла, торчавший из-под сиденья (Тревор

пока не нашелся), и Луну, которая нацепила бесплатные призракуляры и стала похожа на разноцветную сумасшедшую сову.

– Это мои друзья, – холодно сказал Гарри.

– О! – Ромильда сильно удивилась. – А! Тогда ладно.

Она вышла и аккуратно задвинула дверь.

– Все уверены, что у тебя должны быть друзья поприличнее, – с шокирующей прямотой заметила Луна.

– Вы для меня – лучшие, – просто ответил Гарри. – *Они* не были в министерстве. Не сражались рядом со мной.

– Очень приятно это слышать. – Луна просияла, поправила призракуляры, подтолкнув их повыше, и принялась читать «Правдовор».

– Но не мы стояли *с ним* лицом к лицу, – сказал Невилл, появляясь из-под сиденья с мусором в волосах. Тревор покорно висел у него в руке. – Слышал бы ты, как говорит о тебе Ба. «Один Гарри Поттер храбрее целого министерства магии!» Она бы отдала все на свете, лишь бы ее внуком был ты...

Гарри неловко засмеялся и поскорее перевел разговор на результаты экзаменов. Невилл стал перечислять свои оценки и вслух размышлять о том, можно ли дальше учить превращения и сдавать на П.А.У.К., если получил всего-навсего «нормально», но Гарри смотрел на него не слушая.

Невилл пострадал от Вольдеморта не меньше Гарри, однако и понятия не имел, что легко мог разделить его судьбу. Пророчество могло относиться к ним обоим, но Вольдеморт по каким-то неведомым причинам выбрал Гарри.

В противном случае шрам в виде молнии и груз пророчества достались бы Невиллу... или нет? Смогла бы мать Невилла поступить, как Лили, и отдать свою жизнь за сына? Наверняка смогла бы... но что, если бы ей не удалось встать между Невиллом и Вольдемортом? Вообще не было бы никакого Избранного? Пустое место вместо Невилла, Гарри без шрама, на прощание его целовала бы собственная мать, а не миссис Уизли?

– Все нормально, Гарри? Ты какой-то странный, – сказал Невилл.

Гарри вздрогнул.

– Прости, я...

— Мутотырк напал? — посочувствовала Луна, пристально глядя на Гарри сквозь огромные цветные очки.

— Кто?

— Мутотырк... такое невидимое существо. Заскакивает в уши и мутит мозги, — объяснила она. — По-моему, я только что его почувствовала... кружил здесь...

Она замахала руками, словно отгоняя больших невидимых мотыльков. Невилл с Гарри переглянулись и поспешили заговорили о квидише.

Погода сегодня была неустойчивая, как, впрочем, и все лето; островки холодного тумана за окнами перемежались солнечными просветами. В один из таких просветов, когда в зените показалось бледное солнце, в купе наконец вошли Рон и Гермиона.

— Когда же начнут развозить еду? Умираю с голоду, — простонал Рон, потирая живот, и плюхнулся рядом с Гарри. — Здорово, Невилл, привет, Луна. Знаешь что? — Он повернулся к Гарри: — Малфой наплевал на свои обязанности и преспокойно восседает в купе с дружками! Мы видели, когда шли мимо.

Гарри встрепенулся. Весь прошлый год Малфой с упоением злоупотреблял положением старосты, а теперь вдруг отказывается от такой возможности? Странно.

— А что он делал, когда вы его видели?

— Да как обычно. — Рон повел бровями и сделал неприличный жест. — Хотя на него непохоже. То есть... *это*, — он еще раз показал то же самое, — как раз похоже, но почему он не вышел попугать первоклассников?

— Не знаю. — Гарри лихорадочно размышлял. Чем не доказательство, что у Малфоя есть дела посерезнее?

— Может, ему больше нравилась инспекционная бригада? — предположила Гермиона. — А теперь старостой быть скучно?

— Вряд ли, — сказал Гарри. — По-моему, Малфой...

Он не успел развить свою мысль: дверь снова открылась, и вошла запыхавшаяся третьеклассница.

— Мне велели передать вот это Невиллу Лонгботту и Гарри Поттеру. — Девочка встретилась глазами с Гарри, ее голос предательски дрогнул, и она густо покраснела. В руках у нее были два пергаментных свитка, перевязанных фиолетовыми лентами. Гарри и Невилл в

недоумении забрали свитки, и девочка, споткнувшись на пороге, задом вышла. Гарри развязал ленту.

– Что это? – вопросил Рон.

– Приглашение, – ответил Гарри.

Гарри,

Буду счастлив, если ты навестишь меня в купе «В» и согласишься разделить со мной скромный обед.

Искренне твой,

Профессор х.э.ф. Дивангард

– Кто это – профессор Дивангард? – Невилл изумленно смотрел на свое приглашение.

– Новый учитель, – объяснил Гарри. – Я так понимаю, надо идти?

– А я-то ему зачем? – нервно спросил Невилл. Он словно опасался получить взыскание.

– Представления не имею, – сказал Гарри, не вполне честно: кое-какие соображения у него имелись, хоть и бездоказательные. Вдруг его осенило: – Слушай, пошли под плащом-невидимкой, – предложил он. – Заодно посмотрим на Малфоя и попробуем выяснить, что он задумал.

Увы, из этой затеи ничего не вышло: по коридорам в ожидании тележки с едой слонялись школьники, и пройти там под плащом было совершенно невозможно. Гарри огорченно спрятал плащ в рюкзак и вздохнул; жаль, что не удастся избежать любопытных взглядов. На него сейчас пялились еще больше, чем в начале поездки; многие даже выбегали в коридор. Одна Чо Чан, завидев Гарри, спряталась. Проходя мимо ее купе, Гарри через стекло увидел, что она демонстративно беседует с подругой Мариэттой. Лицо той покрывал очень толстый слой косметики, сквозь которую все же проступали весьма необычные прыщи. Гарри усмехнулся про себя и пошел дальше.

Перед дверью купе «В» им с Невиллом стало ясно, что они не единственные приглашенные; впрочем, судя по восторгу, с которым их встретил Дивангард, Гарри был самым почетным гостем.

– Гарри, мой мальчик!

Дивангард вскочил, и его большой, обтянутый бархатом живот заполнил собой все свободное пространство. Блестящая лысина,

серебристые усы и золотые пуговицы жилета ярко сверкнули на солнце.

– Рад тебя видеть, рад тебя видеть! А это, должно быть, мистер Лонгботтом?

Невилл испуганно кивнул. Дивангард указал на два свободных места у двери; мальчики сели лицом друг к другу. Гарри оглядел гостей. Он узнал слизеринца из своей параллели, рослого чернокожего юношу с высокими скулами и раскосыми глазами. Еще в купе сидели два незнакомых семиклассника, а в уголке рядом с Дивангардом – Джинни. Она озиралась с таким видом, словно не понимала, как здесь очутилась.

– Вы со всеми знакомы? – спросил Дивангард у Гарри и Невилла. – Блейз Цабини, естественно, тоже в шестом классе...

Цабини даже бровью не повел, как, впрочем, и Гарри с Невиллом: гриффиндорцы и слизеринцы не переваривали друг друга из принципа.

– А это Кормак Маклагген, возможно, вы встречались?.. Нет?

Маклагген, здоровый парень с жесткими волосами, приветственно поднял руку; Гарри и Невилл кивнули.

– Маркус Белби. Не знаю, вы, вероятно?..

Белби, худой и очень испуганный, натянуто улыбнулся.

– ...зато эта очаровательная юная леди сказала, что давно вас знает! – закончил Дивангард.

Джинни за его спиной скроила гримаску.

– Чудненько, чудненько, – уютно замурлыкал Дивангард, – превосходный шанс познакомиться с вами поближе. Вот, держите салфетки. Я тут собрал кое-что в дорогу; в поезде, по моим воспоминаниям, торгуют одними лакричными палочками, а такая пища не для старицкого желудка... Холодного фазана, Белби?

Белби вздрогнул и взял половину фазана.

– Я сейчас рассказывал юному Маркусу, что имел удовольствие обучать его дядю Дамокла, – сказал Дивангард Гарри и Невиллу, передавая по кругу корзинку с булочками. – Выдающийся колдун, выдающийся; Орден Мерлина заслужен на все сто процентов... Вы с ним часто видитесь, Маркус?

Белби как раз откусил большой кусок; заторопившись с ответом, он подавился и весь побагровел.

— Анапнео. — Дивангард преспокойно направил на Белби волшебную палочку, и тот сразу перестал задыхаться.

— Не... нет, не очень, — просипел Маркус. У него слезились глаза.

— Конечно, естественно, он же очень занят. — Дивангард испытующее поглядел на Белби. — Разве ему удалось бы изобрести аконитное зелье, если б он не трудился как каторжный!

— Да... — пролепетал Белби. Он не решался есть дальше, опасаясь новых вопросов. — Э-э... видите ли, они с моим отцом не очень ладят, поэтому мы, в общем-то, толком незнакомы...

Его слова повисли в воздухе. Дивангард холодно улыбнулся и переключился на Маклаггена:

— Теперь о тебе, Кормак. Волей случая мне доподлинно известно, что ты часто видаешься со своим дядей Тиберием. У него есть чудная фотография: ты и он охотитесь на паразят, кажется, в Норфолке.

— Да, это было здорово, очень, — ответил Маклагген. — С нами еще ездили Берти Хиггс и Руфус Скримджер — он, конечно, тогда еще не был министром...

— Ах, так ты знаком с Берти и Руфусом? — просиял Дивангард и передал гостям поднос с пирожками; странным образом Белби оказался обойден. — А скажи-ка мне...

Подозрения Гарри оправдались. Всех, кроме Джинни, пригласили благодаря тем или иным связям с известными, влиятельными людьми. У Цабини, которого расспрашивали после Маклаггена, мать оказалась знаменитой красавицей (насколько понял Гарри, она семь раз выходила замуж, и все мужья загадочно умирали, оставляя ей горы золота). Затем подошла очередь Невилла. Разговор длился десять минут и получился очень неловким: родителей Невилла, знаменитых авроров, пытали и довели до сумасшествия Беллатрикс Лестранж с парочкой приспешников. Под конец у Гарри сложилось впечатление, что Дивангард не торопится выносить Невиллу приговор, поскольку еще не понял, унаследовал ли тот родительские таланты.

— А сейчас, — Дивангард грузно поерзал на сиденье с видом конферансье, представляющего гвоздь программы, — Гарри Поттер! С чего начать? Летом, при первой встрече, мы толком и не познакомились! — С минуту он рассматривал Гарри так, словно перед ним был особенно крупный и сочный кусок фазана, а затем воскликнул: — Избранный, так тебя теперь называют!

Гарри молчал. Белби, Маклагген и Цабини оторопело на него таращились.

— Столько лет, столько домыслов... — продолжал Дивангард, не сводя глаз с Гарри. — Помню, когда... то есть после... мmm... ужасной ночи... Лили... и Джеймс... а ты выжил... поползли слухи о твоих необыкновенных способностях...

Цабини тихонько кашлянул, явно выражаяsarкастическое недоумение. Тут же из-за Дивангарда раздался сердитый голос:

— Конечно, Цабини, это *у тебя* необыкновенные способности... выделяться!

— Батюшки, это что ж такое! — благодушно прокудахтал Дивангард и обернулся к Джинни. Ее было еле видно за его животом, но она яростно прожигала взглядом Цабини. — Осторожнее, Блейз! Видели бы вы изумительнейшее злокозавистое заклятие, которое исполнила эта юная леди, когда я проходил мимо их купе! На вашем месте я бы ей не перечил!

Цабини ответил презрительным взглядом.

— Однако, к делу. — Дивангард снова повернулся к Гарри. — Эти *ужасные* слухи, все лето подряд. Разумеется, никто не знал, чему верить, «Оракул» свойственно ошибаться... Но тут, кажется, никаких сомнений: столько свидетелей! Ясно, что в министерстве случилось нечто несусветное и ты был в самом центре событий!

Гарри ничего не оставалось, разве что нагло соврать, поэтому он лишь кивнул, но промолчал. Дивангард смотрел на него сияя.

— Сама скромность, сама скромность! Неудивительно, что Думбльдор тебя обожает... Значит, ты был там? А все остальное? Эти сенсационные истории, никто не понимает, где правда, где ложь, например, легендарное пророчество...

— Пророчества мы не слышали, — выпалил Невилл и зарозовелся, как герань.

— Это правда, — подтвердила Джинни. — Мы с Невиллом тоже там были. Ахинея насчет Избранного — очередная утка «Оракула».

— Вот как, тоже там были? — Дивангард посмотрел на Джинни и Невилла с огромным интересом. Те встретили его улыбчивый взгляд совершенно бесстрастно. — М-да... что же... «Оракул» часто преувеличивает... — отчасти разочарованно пробормотал он. — Помню,

дорогая Гвеног говорила... Гвеног Джонс, разумеется, капитан «Граальхедских гарпий»...

Он пустился в бесконечные воспоминания. Гарри чувствовал, что Невиллу и Джинни не удалось убедить Дивангарда, и тема пророчества еще не исчерпана.

Время шло; Дивангард сыпал байками о своих прославленных учениках, которые все без исключения в школьные годы были счастливы состоять, как он сам выразился, в «Диван-клубе». Гарри не терпелось уйти, но он боялся, что получится невежливо. Наконец поезд выехал из очередной полосы тумана навстречу красному закату, и Дивангард, подслеповато моргая, огляделся.

— Милые мои, уже темнеет! Я и не заметил, как зажгли лампы! Пожалуй, вам пора переодеваться. Маклагген, не забудь, тебя ждет книжка о паразитах! Гарри, Блейз — тоже заглядывайте, милости прошу. То же касается и вас, мисс. — Он подмигнул Джинни: — Ну-с, идите, идите!

Цабини, протискиваясь мимо Гарри к выходу, зверски на него посмотрел. Гарри ответил тем же с процентами и вместе с Джинни и Невиллом побрел вслед за Цабини по сумрачному коридору.

— Какое счастье, что все кончилось, — пробормотал Невилл. — Он какой-то чудной, правда?

— Есть немного, — согласился Гарри, не сводя глаз с Цабини. — Джинни, а ты-то как туда угодила?

— Он видел, как я заколдовала Захарию Смита, — ответила Джинни, — идиота из «Хуффльпуффа», который был в Д. А., помните? Он все расспрашивал, что случилось в министерстве, и так достал, что я наслала на него порчу. Когда вошел Дивангард, я подумала, все, взыскание гарантировано, а он только похвалил мое заклятие и пригласил на обед! Ну не псих?

— Лучше так, чем из-за мамаши-красавицы, — буркнул Гарри, злобно щурясь на Цабини, — или влиятельного дяди...

Он замолчал. Ему только что пришла в голову одна мысль. Конечно, это рискованно, зато если выгорит... Цабини возвращается в купе шестиклассников-слизеринцев, а там — Малфой, который не будет знать, что его слышат не только свои... Если незаметно, за спиной у Цабини, пробраться в купе, сколько всего удалось бы прояснить! Правда, ехать осталось совсем недолго — до Хогсмеда, наверное,

меньше получаса, судя по безлюдности пейзажа за окном, — но раз подозрениям Гарри никто не верит, искать доказательства придется самому...

— Увидимся позже, — чуть слышно сказал он, набрасывая на себя плащ-невидимку.

— Что это ты?.. — начал Невилл.

— Потом! — шепнул Гарри и бросился за Блейзом, стараясь ступать бесшумно; впрочем, поезд так грохотал, что эта предосторожность была излишней.

Коридоры опустели; все разошлись переодеваться и складывать вещи. Гарри практически дышал в спину Цабини и все же не успел вовремя проскочить в купе; пришлось выставить ногу и придержать дверь.

— Что за дела? — сердито бросил Цабини и подергал за ручку, несколько раз стукнув Гарри по ноге.

Гарри насилино отвел дверь в сторону; Цабини, цеплявшийся за ручку, упал на колени к Грэгори Гойлу. Последовала неразбериха; Гарри нырнул в купе, вспрыгнул на пустое сиденье Цабини и полез на багажную полку. Хорошо, что в это время Цабини и Гойл ругались друг с другом и все взгляды были обращены к ним, — в какой-то момент нога Гарри высунулась из-под плаща; хуже того, Малфой явно заметил его кроссовку. Гарри испуганно подобрал ногу. Впрочем, тут Гойл закрыл дверь, сбросил с себя встрепанного Цабини, и тот рухнул на свое место; Винсент Краббе вернулся к чтению комикса, а Малфой, гнусно ухмыляясь, снова положил голову на колени Панси Паркинсон и развалился сразу на двух сиденьях. Гарри, неудобно свернувшись, проверил, хорошо ли укрыт, и стал смотреть, как Панси перебирает гладкую светлую челку Малфоя. На лице Панси играла крайне самодовольная улыбка: похоже, она считала, что все мечтают оказаться на ее месте. Лампы на потолке, раскачиваясь, ярко освещали эту уютную сцену; Гарри отчетливо видел каждое слово в комиксе Краббе, который сидел прямо под ним.

— Ну, Цабини, — заговорил Малфой, — что от тебя понадобилось Дивангарду?

— Ему нужны люди со связями, — ответил Цабини, злобно косясь на Гойла. — Не то чтобы таких много.

Малфоя его слова, очевидно, не порадовали.

– Кого он еще пригласил?

– Маклаггена из «Гриффиндора», – ответил Цабини.

– Ах да, его дядя – большая шишка в министерстве, – сказал Малфой.

– …какого-то Белби из «Вранзора»…

– Только не это, он же урод! – воскликнула Панси.

– …а потом еще Лонгботтома, Поттера и девчонку Уизли, – закончил Цабини.

Малфой неожиданно сел, сбросив с себя руку Панси.

– Он пригласил *Лонгботтома*?

– Ну, видимо, раз он там был, – равнодушно пожал плечами Цабини.

– Чем это Лонгботтом заинтересовал Дивангарда?

Цабини пожал плечами.

– И Поттер, драгоценный Поттер! Как же не поглядеть на Избранного! – осклабился Малфой. – Но девчонка Уизли? В *ней-то* что особенного?

– Мальчикам она нравится, – промурлыкала Панси, украдкой наблюдая за Малфоем. – Даже тебе, Блейз, а ведь всем известно, какой ты разборчивый!

– Я и пальцем не дотронусь до предательницы крови, пусть даже красотки, – холодно отозвался Цабини. Панси выслушала это с явным удовольствием. Малфой вновь опустил голову к ней на колени и позволил гладить себя дальше.

– Жаль, что у Дивангарда плохой вкус. Может, это уже старческое слабоумие? Печально, отец всегда говорил, что в свое время Дивангард был хорошим колдуном. Кстати, очень привечал отца. Наверное, он просто не знал, что я тоже в поезде, не то…

– Я бы на твоем месте не очень рассчитывал на приглашение, – сказал Цабини. – Когда я пришел, он спросил меня об отце Нотта. Кажется, раньше они были большие друзья, но когда Дивангард узнал, что Нотт-старший схвачен в министерстве, то ужасно скис, и Нотта не позвали, так? Вряд ли Дивангард хочет иметь дело с Упивающимися Смертью.

Малфой откровенно разозлился, но все же выдавил на редкость безрадостный смешок.

– Кого волнует, чего он хочет? Если вдуматься, кто он вообще такой? Жалкий учителишка. – Малфой нарочито зевнул. – Может, в следующем году меня и в школе-то не будет! И на что мне тогда любовь какого-то жирного старикашки, все равно его песенка давно спета!

– Как это тебя не будет? – возмутилась Панси и сразу перестала его гладить.

– Всяко бывает, – бледно улыбнулся он. – Вдруг меня ждут... э-э... более интересные и славные дела.

У Гарри, ютившегося на багажной полке, часто забилось сердце. Что бы теперь сказали Рон с Гермионой? Краббе и Гойл вытаращились на Малфоя; очевидно, они были не в курсе его интересных и славных дел. Даже высокомерное лицо Цабини на секунду выразило любопытство. Растряянная Панси опять принялась медленно перебирать волосы Малфоя.

– Ты имеешь в виду... *Его*?

Малфой пожал плечами.

– Мама хочет, чтобы я доучился, но мне лично кажется, что в наше время это не важно. В смысле... когда Черный Лорд придет к власти, он что, будет спрашивать про С.О.В.У. и П.А.У.К.? Конечно нет... он спросит, кто и как ему служил, потребует доказательств верности...

– А ты, значит, способен что-то для него сделать? – унижительно бросил Цабини. – В шестнадцать лет и без образования?

– Я же сказал: может, ему все равно, какое у меня образование. Может, ему от меня нужно такое, на что образования вообще не требуется, – тихо проговорил Малфой.

Краббе и Гойл сидели разинув рты, точно две горгульи. Панси взирала на Малфоя с трепетом величайшего благоговения.

– Вон, кажется, «Хогварц». – Малфой, наслаждаясь произведенным эффектом, показал за окно в темноту. – Давайте переодеваться.

Гарри пристально за ним следил и не заметил, как Гойл полез за багажом; стаскивая свой сундук, Гойл так сильно стукнул им Гарри по голове, что от боли тот невольно вскрикнул. Малфой, нахмурившись, посмотрел на багажную полку.

Гарри не боялся Малфоя, но все же не хотел, чтобы слизеринцы его обнаружили. У него жутко слезились глаза и саднила шишка на голове, однако он осторожно, чтобы не потревожить плащ, достал волшебную

палочку, затаил дыхание и приготовился к нападению. К счастью, Малфой решил, что крик ему померещился; он, как и все остальные, натянул через голову мантию, запер сундук, а когда поезд замедлил ход и пополз рывками, застегнул у горла новый дорожный плащ из плотной ткани.

Коридор снова наполнился народом. Гарри надеялся, что Рон с Гермионой догадаются вынести его вещи на платформу; сам он не скоро сможет отсюда выйти. Поезд, дернувшись напоследок, остановился. Гойл толкнул дверь в сторону и энергично заработал локтями, раскидывая второклашеч и расчищая дорогу к выходу; Краббе и Цабини следовали за ним.

— Ты иди, — велел Малфой Панси, которая стояла, протянув руку, и, видимо, ждала, что он за нее возьмется. — Я еще должен кое-что проверить.

Панси ушла. В купе остались Гарри и Малфой. Школьники толпой текли мимо и спускались на темную платформу. Малфой опустил шторки на двери, чтобы никто не мог заглянуть в купе из коридора, а затем наклонился и открыл сундук.

Гарри смотрел во все глаза; сердце забилось очень быстро. Что это Малфой прячет от Панси? Может, тот самый загадочный предмет, который необходимо починить?

— Петрификус Тоталус!

Малфой внезапно указал волшебной палочкой на Гарри, и того парализовало. Словно в замедленной съемке, он перевалился через край полки, с оглушительным грохотом упал под ноги Малфою на свой же плащ-невидимку и застыл, нелепо скрючив ноги. Он не мог пошевелить даже пальцем и только смотрел вверх на Малфоя. Тот широко, победно улыбнулся и сказал:

— Я так и думал. Слышал, как тебя ударило сундуком. Еще когда вернулся Цабини, мне показалось, что в воздухе мелькнуло что-то белое... — Его взгляд на мгновение задержался на кроссовках Гарри. — Значит, это ты держал дверь?

Некоторое время он молча размышлял.

— Ничего важного, Поттер, ты не узнал. Но, коль скоро ты попался...

Малфой со всей силы наступил Гарри на лицо. Тот почувствовал, как захрустел нос; кровь брызнула во все стороны.

– Это тебе привет от моего отца. А теперь вот еще что...

Он вытянул плащ-невидимку из-под Гарри и набросил сверху.

– Вряд ли тебя найдут до того, как поезд вернется в Лондон, – тихо сказал он. – Увидимся, Поттер... а может, нет.

И Малфой отбыл, не забыв напоследок пройтись Гарри по пальцам.

Глава восьмая

Торжество злея

Гарри неподвижно лежал под плащом-невидимкой, чувствуя, как из носа по лицу течет горячая липкая кровь. Из коридора доносились голоса, топот. Гарри подумал было, что перед отправлением обратно кто-нибудь обязательно должен проверить все купе. Но затем он с упавшим сердцем сообразил: если и так, его все равно не увидят и не услышат. Разве что некто войдет внутрь и еще раз на него наступит.

Гарри валялся на спине, как глупая черепаха, и смертельно ненавидел Малфоя. Открытый рот постепенно наполнялся кровью... Угораздило же вляпаться в такую идиотскую ситуацию... Вдалеке затихали последние шаги; все уже вышли и брали по неосвещенной платформе, волоча сундуки и громко переговариваясь.

Рон и Гермиона решат, что он сошел раньше них. Только в «Хогварце», сев за гриффиндорский стол и несколько раз оглядев всех, они наконец поймут, что его нигде нет, но тогда он, без сомнения, будет уже на полпути к Лондону.

Гарри попытался замыкать. Увы. Потом вспомнил, что некоторые, например Думбльдор, умеют колдовать молча, и попробовал призвать выпавшую из рук волшебную палочку. Он мысленно повторял: «Акцио палочка!», «Акцио палочка!», но ничего не получилось.

Он, кажется, слышал, как шелестит листва на деревьях у озера и ухает вдалеке сова, но поисковой партии или даже испуганных криков: «Где же Поттер?» (Гарри слегка презирал себя за такую надежду) не было и в помине. Он представил, как процессия карет, запряженных тестралями, грохоча, подъезжает к школе; как из кареты, где едет Малfoy и рассказывает дружкам о расправе с Гарри, несутся взрывы хохота, и его сердце заныло от тоскливой безысходности.

Поезд дернулся; Гарри перекатился на бок. Теперь он смотрел не в потолок, а на пыльный низ сидений. Пол заходил ходуном — это, взревев, включился двигатель. «Хогварц-экспресс» отправлялся в

обратный путь, и никто даже не догадывался, что Гарри все еще здесь...

Тут он почувствовал, как с него снимают плащ-невидимку, и знакомый голос сверху сказал:

– Салют, Гарри.

Вспыхнул красный свет, тело Гарри разморозилось, и он смог принять несколько более достойное положение: сел и быстро отер кровь с разбитого лица. Затем поднял голову и посмотрел на Бомс с плащом-невидимкой в руках.

– Надо поторопиться, – сказала та. Окна запотели от пара, поезд поехал. – Давай скорей, успеем спрыгнуть.

Гарри поспешил за ней. Бомс открыла дверь и спрыгнула на платформу, скользившую внизу: поезд набирал скорость. Гарри прыгнул следом, немного споткнулся, приземляясь, но выровнялся и успел увидеть, как блестящий малиновый паровоз скрылся за поворотом.

Ночной воздух приятно холодил пульсирующий от боли нос. Бомс молча смотрела на Гарри; он злился, стыдясь, что его застали в таком нелепом положении. Ни слова не говоря, Бомс вернула ему плащ.

– Кто это тебя?

– Драко Малфой, – резко ответил Гарри. – Спасибо за... ну...

– Не за что. – Бомс даже не улыбнулась. Гарри плохо видел в темноте, но, судя по всему, она была все такой же серенькой и печальной, как летом в «Гнезде». – Хочешь, я исправлю твой нос, только постой спокойно.

Гарри отнесся к ее предложению без восторга; он рассчитывал на мадам Помфри, школьную фельдшерицу, которой в вопросах целительства доверял больше. Впрочем, признаваться в этом грубо; он закрыл глаза и замер.

– Эпикей, – сказала Бомс.

Нос Гарри сначала стал очень горячим, потом очень холодным. Гарри осторожно его потрогал: вроде бы все в порядке.

– Спасибо большое!

– Надень плащ, дойдем до школы пешком, – проговорила Бомс. Она так ни разу и не улыбнулась. Гарри накинул плащ; Бомс взмахнула палочкой. Из кончика появилось нечто огромное, серебристое, на четырех лапах и сразу исчезло в темноте.

– Это Заступник? – Гарри уже видел, как Думблдор таким образом посыпал сообщения.

– Да, надо предупредить, что ты со мной, чтобы в замке не беспокоились. Ну давай, не зависай.

Они зашагали по дороге, что вела к школе.

– Как ты меня нашла?

– Заметила, что ты не вышел из поезда. И знала, что у тебя плащ. Думаю: наверное, спрятался. Потом смотрю: в одном купе шторы опущены, ну и решила зайти проверить.

– Но что ты вообще тут делала? – спросил Гарри.

– Меня направили в Хогсмед для дополнительной защиты школы, – ответила Бомс.

– Ты одна или?..

– Нет, еще Шагмарш, Дикарс и Давлиш.

– Давлиш? Аврор, который в прошлом году пытался воевать с Думблдором?

– Он самый.

Они шли вдоль темной пустынной аллеи по свежим следам карет. Гарри искоса поглядывал на Бомс. В том году она была очень любопытна (порой даже надоедлива), много смеялась, шутила. А теперь словно повзрослела, посерезнела. Это из-за происшествия в министерстве? Гарри с неловкостью подумал, что Гермиона предложила бы ему поговорить сейчас с Бомс, утешить, сказать, что та не виновата в смерти Сириуса. Но Гарри не мог себя заставить, хотя совсем ее не винил; во всяком случае, ничуть не больше остальных и гораздо меньше, чем себя. Однако ему не хотелось без крайней необходимости говорить о Сириусе. Поэтому они брали молча; было холодно, тихо, и только длинный плащ Бомс шуршал, волочась по земле.

Раньше Гарри всегда доезжал до школы в карете и не думал, что «Хогварц» так далеко. Наконец показались два высоких столба с крылатыми кабанами наверху. Гарри замерз, проголодался, и ему не терпелось расстаться с этой новой неприветливой Бомс. Он собрался было открыть ворота, но те оказались заперты.

– Алохомора! – Он уверенно указал волшебной палочкой на висячий замок. Заклинание не подействовало.

– Не выйдет, – сказала Бомс. – Их сам Думблдор заколдовал.

Гарри огляделся.

– Я могу перелезть через ограду, – предложил он.

– Нельзя, – бесцветно отозвалась Бомс. – Она защищена отчужихотворотом. Летом меры безопасности усилили раз в сто.

Она будто нарочно не хотела ему помочь! Гарри начал злиться.

– Значит, останусь здесь до утра, – буркнул он.

– За тобой идут, смотри, – показала Бомс.

Вдалеке, у подножия замка, бодро подпрыгивал огонек. Гарри так обрадовался, что даже не испугался Филча. Он, конечно, непременно изругает за опоздание, а потом начнет одышиливо разглагольствовать о том, как способствует выработке пунктуальности регулярное применение тисков для пальцев, но это все ерунда. Лишь когда фонарь был уже в десяти футах и Гарри снял плащ, чтобы стать видимым, он узнал подошедшего Злотеуса Злея. Гарри с острой ненавистью посмотрел на длинные сальные волосы и подсвеченный снизу крючковатый нос.

– Так-так-так. – Злей хмыкнул, достал палочку и дотронулся ею до замка. Цепи расползлись – ворота, заскрипев, отворились. – Мило, что ты все-таки решил почтить нас своим присутствием, Поттер. Но ты, очевидно, посчитал, что школьная форма отвлечет внимание от твоей необыкновенной внешности?

– Я не мог переодеться, у меня не было... – начал Гарри, но Злей его не слушал.

– Незачем ждать, Нимфадора. Со мной Поттер в полной... мmm... безопасности.

– Я думала, мое сообщение получит Огрид, – нахмурилась Бомс.

– Огрид опоздал на пир, совсем как наш юный друг Поттер, поэтому сообщение получил я. Кстати, – добавил Злей, отступая, чтобы пропустить Гарри, – видел твоего нового Заступника.

Он с грохотом захлопнул ворота прямо у нее перед носом и еще раз постучал палочкой по цепям. Те, звякая, вползли на место.

– По-моему, старый был лучше, – с нескрываемым злорадством сказал Злей. – Этот какой-то хлипкий.

Он повернулся, и его фонарь на секунду высветил потрясенное, разгневанное лицо Бомс. Уже зашагав к школе рядом со Злеем, Гарри обернулся и крикнул:

– До свидания, Бомс! Спасибо за... все.

– До встречи, Гарри.

Минуту-другую Злей молчал. Гарри так *жгуче* его ненавидел, что даже удивлялся, как это Злей ничего не чувствует. Гарри невзлюбил этого человека с самой первой встречи, но окончательно, навсегда поставил на нем крест, когда увидел, как тот относится к Сириусу. Пусть Думбльдор говорит что угодно, но у Гарри было целое лето на размышления, и он пришел к выводу, что Сириуса погубил Злей. Его ядовитые упреки – дескать, весь Орден Феникса борется с Вольдемортом, один только Сириус отсиживается в тишине и покое – сыграли роковую роль: Сириус бросился в министерство на помощь своим товарищам и погиб. Такая версия давала Гарри моральное право винить во всем Злея, что само по себе было очень приятно, но кроме того, он знал: если есть на свете человек, который нисколько не жалеет о смерти Сириуса, то этот человек шагает сейчас в темноте рядом с ним.

– Пожалуй, снимем с «Гриффиндора» пятьдесят баллов за твое опоздание, – прервал молчание Злей. – И еще двадцать за мугловую одежду. Даже не припомню, чтобы какой-то колледж был в таком минусе в самом начале триместра – мы еще и к десерту не приступали. Это безусловный рекорд, Поттер.

Ярость Гарри дошла до предельной точки, но лучше было остаться в поезде парализованным и уехать обратно в Лондон, чем признаться, почему опоздал.

– Ты, как всегда, рассчитывал на яркое появление? Понятно, понятно, – продолжал Злей. – Летающего автомобиля не нашлось, и ты решил ради пущего эффекта явиться в зал посреди пира.

Гарри упорно не отвечал, хотя всерьез опасался, что у него разорвется грудь. Он знал: Злей пришел именно для того, чтобы всласть поиздеваться над ним без свидетелей.

Наконец они подошли к огромным дубовым дверям замка; те распахнулись, и взгляду открылся необъятный вестибюль, вымощенный плитами. Из открытого Большого зала доносились обрывки разговоров, взрывы смеха, звон посуды. Гарри подумал было надеть плащ-невидимку и пробраться за гриффиндорский стол (который, на беду, стоял дальше всего от двери) незаметно, но Злей, словно прочитав его мысли, сказал:

– Никаких плащей, Поттер. Пусть все на тебя посмотрят – чего, я не сомневаюсь, ты и добивался.

Гарри развернулся и решительно вошел в Большой зал: все что угодно, лишь бы поскорей избавиться от Злея. В воздухе над длинными столами, как всегда, плавали свечи; посуда искрилась красивыми бликами. Но для Гарри весь зал слился в сплошное световое пятно – он шагал так быстро, что проскочил хуффльпуффский стол раньше, чем школьники на него уставились, а когда все повскакали, чтобы лучше его рассмотреть, он уже отыскал глазами Рона и Гермиону, стремительно пробрался вдоль скамеек и втиснулся между друзьями.

– Где тебя… Мерлинова борода, что у тебя с лицом? – Рон, как и все, кто сидел поблизости, вытаращил на Гарри глаза.

– А что? – Гарри схватил ложку и, прищурившись, всмотрелся в искривленное отражение.

– Ты весь в крови! – вскричала Гермиона. – Повернишь-ка…

Она подняла волшебную палочку, произнесла:

– Тергео! – и собрала засохшую кровь.

– Спасибо, – сказал Гарри, ощупывая чистое лицо. – Как там нос?

– В порядке, – откликнулась Гермиона, но встревожилась: – А что такое? Гарри, в чем дело? Мы чуть с ума не сошли!

– Потом расскажу, – ответил Гарри, почувствовав, как навострили уши Джинни, Невилл, Дин и Шеймас; даже Почти Безголовый Ник, гриффиндорский призрак, подплыл поближе.

– Но… – возразила Гермиона.

– Не сейчас, – сурово и многозначительно изрек Гарри. Пусть все думают, что с ним приключилась какая-то героическая история – желательно с участием парочки Упивающихся Смертью и минимум одного дементора. Конечно, Малфой не замедлит растрезвонить о своем подвиге, но можно ведь надеяться, что до большинства гриффиндорцев эти слухи просто не дойдут.

Гарри потянулся через Рона за двумя куриными ножками и горстью картофеля фри, но взять их не успел – они исчезли, и на столе появилось сладкое. Рон накинулся на шоколадный торт, а Гермиона сказала:

– Так или иначе, Распределение ты пропустил.

– Шляпа выдала что-нибудь интересное? – полюбопытствовал Гарри и взял пирожное с патокой.

– Нет, все то же... сам знаешь... советовала объединиться перед лицом врага.

– А Думбльдор говорил про Вольдеморта?

– Пока нет, но его главная речь обычно бывает после ужина. Осталось недолго.

– Злей сказал, что Огрид опоздал на пир...

– Ты видел Злея? Где? – спросил Рон, самозабвенно вгрызаясь в торт.

– Так, случайно наткнулся, – уклончиво ответил Гарри.

– Огрид опоздал всего на пару минут, – сказала Гермиона. – Вон он тебе машет.

Гарри посмотрел на учительский стол и улыбнулся Огриду; тот и правда махал ему рукой. Огрид так и не научился вести себя сдержанно, с достоинством, как, например, профессор Макгонаголл, куратор «Гриффиндора». Она сидела рядом – ее макушка была чуть выше локтя Огрида – и его энтузиазма явно не одобряла. По другую сторону от Огрида сидела преподавательница прорицания профессор Трелони. Гарри очень удивился: она редко покидала свою комнату в башне, и раньше он никогда не видел ее на пиру в честь начала учебного года. Вся в сверкающих бусах и многочисленных шалях выглядела она, по обыкновению, нелепо; гигантские очки увеличивали ее глаза до невероятных размеров. Гарри всегда считал Трелони немножечко шарлатанкой, поэтому в конце прошлого учебного года был просто потрясен, узнав, что именно ее предсказание навлекло несчастье на его семью. Теперь ему даже смотреть на нее не хотелось; к счастью, с прорицанием он уже развязался... Профессор Трелони обратила к нему глаза, огромные, как огни маяка; он быстро отвернулся, и его взгляд упал на Малфоя, который изображал, как крошил Гарри нос. Слизеринцы, умирая от смеха, исступленно били в ладоши. Гарри поспешно уткнулся взглядом в свое пирожное. Внутри у него все горело. Чего бы он только не дал, чтобы побеседовать с Малфоем по душам с глазу на глаз...

– Так что хотел профессор Дивангард? – спросила Гермиона.

– Узнать, что на самом деле произошло в министерстве, – ответил Гарри.

– Не он один, – фыркнула Гермиона. – В поезде нас прямо запытали вопросами, правда, Рон?

– Ага, – подтвердил Рон. – Все хотят знать, правда ли, что ты – Избранный.

– Даже у нас, привидений, только это и обсуждают, – сообщил Почти Безголовый Ник, доверительно склоняя к Гарри голову, которая плохо держалась на шее и опасно заколыхалась над плоеным воротником. – Меня считают своего рода экспертом по Гарри Поттеру; в призрачном сообществе известно, что мы дружны. Однако я наотрез отказался донимать тебя расспросами. «Гарри Поттер знает, что может рассчитывать на полную конфиденциальность с моей стороны, – так я всем сказал. – Я скорее умру, чем предам его доверие».

– Жуткая угроза, – заметил Рон, – если учесть, что ты и так покойник.

– Приятен, как тупой топор, – оскорбился Почти Безголовый Ник и, поднявшись над скамьей, скользнул на другой конец гриффиндорского стола. Тем временем Думблдор встал. Смех и разговоры стихли почти мгновенно.

– Добрый вечер, друзья! – Думблдор широко улыбнулся и развел руки, точно хотел обнять весь зал.

– Что это с ним?! – ахнула Гермиона.

Не только она заметила, что правая рука Думблдора почернела. По Большому залу побежал шепоток; Думблдор все понял, но лишь улыбнулся и тряхнул лилово-золотым рукавом, скрываяувечье.

– Пустяки, не стоит внимания, – беспечно проговорил он. – А теперь… Новички, добро пожаловать; старички, с возвращением! Впереди у вас год, сулящий волшебные знания…

– Летом его рука была точно такая же, – шепнул Гарри Гермионе. – Я думал, он ее уже вылечил… или хотя бы мадам Помфри.

– Она как мертвая, – в ужасе отозвалась Гермиона. – Бывают раны, которые нельзя вылечить… от старинных проклятий… а еще есть яды без противоядия…

– …мистер Филч, наш смотритель, просил меня дополнительно сообщить об абсолютном запрете на любые товары из хохмазина под названием «Удивительные Ультрафокусы Уизли»… Желающие записаться в квидишиные команды могут подойти к кураторам своих колледжей. То же относится к потенциальным комментаторам, их мы

тоже набираем... Кроме того, с удовольствием представляю вам нового преподавателя: профессор Дивангард, – (толстяк встал; в лысине отражались свечи, а большой живот, обтянутый жилетом, отбрасывал тень на стол), – мой бывший коллега, любезно согласился занять свой старый пост – должность преподавателя зельеделия.

– Зельеделия?

– Зельеделия?

Слово эхом разнеслось по залу – школьники не поверили своим ушам.

– Зельеделия? – хором повторили Рон с Гермионой. Они изумленно повернулись к Гарри: – Ты же говорил...

– Между тем преподавателем защиты от сил зла, – Думблдору пришлось повысить голос, чтобы заглушить шум, – станет профессор Злей.

– Нет! – громко закричал Гарри, чем привлек к себе много внимания. Но ему было безразлично; он возмущенно смотрел на преподавательский стол. Выходит, Злей все-таки заполучил вожделенное место? Как? Почему? Долгие годы считалось, что Думблдор недостаточно ему доверяет, и вдруг?..

– Но, Гарри, ты же сказал, что Дивангард будет преподавать защиту от сил зла! – воскликнула Гермиона.

– Я так думал! – Гарри лихорадочно рылся в памяти, но, если начистоту, не мог припомнить, чтобы Думблдор говорил нечто подобное; кажется, он вообще не упоминал, какой предмет будет преподавать Дивангард.

Злей – он сидел справа от Думблдора – при упоминании своего имени не встал, а только лениво поднял руку, благодаря заплодисменты, которыми разразились слизеринцы. Но все же Гарри был уверен, что на ненавистном ему лице написано торжество.

– Одно хорошо, – зверски процедил он. – В следующем году Злея уже не будет.

– В каком смысле? – не понял Рон.

– Это место проклято. Больше года никто продержаться не может... Страунс вообще погиб. Лично я скрещу пальцы в надежде на очередного жмурика.

– Гарри! – укорила Гермиона.

— Может, потом он снова займется зельеделием, — резонно возразил Рон. — Вдруг этот типчик, Дивангард, не захочет оставаться надолго? Хмури же не захотел.

Думбльдор откашлялся. Разговаривали не только Гарри, Рон и Гермиона; известие о том, что заветное желание Злея наконец-то сбылось, произвело сенсацию, и Большой зал жужжал в волнении. Думбльдор этого словно не замечал. Он больше ни слова не сказал о фантастических изменениях в своей кадровой политике, выждал несколько секунд, дожинаясь абсолютной тишины, и продолжил:

— Теперь о другом. Думаю, вам всем хорошо известно, что лорд Вольдеморт и его сторонники вновь подняли головы и быстро набирают силу.

Тишина в зале зазвенела, как натянутая тетива. Гарри взглянул на Малфоя. Тот, не удостоивая Думбльдора вниманием, волшебной палочкой удерживал в воздухе вилку.

— Нет слов, способных передать, насколько опасна нынешняя ситуация и как важно, чтобы мы с вами, ученики и преподаватели, заботились о собственной безопасности. Летом волшебная защита замка была многократно усиlena новыми, более мощными заклятиями, и все же нам надлежит строго следить за порядком, не допуская ни малейшей беспечности. Я настоятельно прошу вас серьезно отнестись ко всем предписаниям преподавателей, сколь бы нелепыми они вам ни казались, — в частности, к запрету находиться вне спальни после отбоя. И еще, убедительная просьба: если вы заметите что-то странное и подозрительное в «Хогварце» либо вне его, немедленно сообщайте преподавателям. Я всецело полагаюсь на ваш разум и надеюсь, что вы будете заботиться о безопасности как своей, так и окружающих.

Голубые глаза Думбльдора скользнули по лицам школьников. Он улыбнулся:

— Но сейчас всех вас ждут постели, теплый и уютней не сыскать, и ваша главная задача — как следует высаться перед завтрашним днем. А потому давайте пожелаем друг другу спокойной ночи. Баю-бай!

Громко заскрежетали отодвигаемые скамьи; школьники потянулись из Большого зала. Гарри не торопился вливаться в толпу, опасаясь зевак и Малфоя, который не преминет высказаться по поводу разбитого носа. Он склонился над якобы развязавшимся шнурком и пропустил вперед почти всех гриффиндорцев. Ответственная

Гермиона бросилась к первоклашкам, которых надлежало отвести в гриффиндорскую башню, но Рон остался ждать Гарри. Они встали в самый хвост очереди на выход, и Рон, убедившись, что его никто не слышит, спросил:

– Так что с твоим носом-то случилось?

Гарри рассказал. Рон не засмеялся – что доказывало, как сильна их дружба.

– Я видел, как Малфой кривляется и показывает на нос, – мрачно проговорил он.

– Да, но это ерунда, – печально сказал Гарри. – Лучше послушай, что он говорил до того, как понял, что я там…

Гарри ждал от Рона ужаса, потрясения, но тот – вот тупица! – даже не удивился.

– Брось, он просто выпендривался перед Паркинсон… Чтобы Сам-Знаешь-Кто дал ему задание?

– А ты уверен, что Вольдеморту не нужен свой человек в «Хогварце»? Такое уже бывало…

– Имя-то не говорил бы, а? – пробасили сзади. Гарри обернулся и увидел Огрида, укоризненно качавшего головой.

– Думбльдор говорит.

– Ну, так то Думбльдор, – загадочно произнес Огрид. – Чего ж ты опоздал-то, Гарри? Я волновался.

– Задержался в поезде. А ты почему?

– Был у Гурпа, – довольно сообщил Огрид. – Про время позабыл. У него теперь новый дом в горах, Думбльдор устроил – красивая большая пещера. Ему там не в пример лучше, чем в Запретном лесу. Хорошо так с ним поболтали…

– Неужели? – удивился Гарри, стараясь не встречаться глазами с Роном. Основным талантом Гурпа, сводного брата Огрида, было умение с корнями выдирать деревья из земли, и в последний раз, когда Гарри видел этого чудовищного гиганта, его лексикон состоял из пяти слов, причем два Гурп произносил неправильно.

– Да, да, он очень быстро развивается, – гордо заявил Огрид. – Не поверите. Думаю вот помощником его к себе взять.

Рон насмешливо хрюкнул, но вовремя притворился, что чихнул. Тем временем они подошли к дубовым входным дверям.

— Лады, до завтрева! Мой урок первый после обеда. Вы давайте пораньше, поздороваетесь с Конь... то бишь Курокрылом!

Огрид весело помахал и вышел в темноту.

Гарри с Роном переглянулись. Гарри видел: Рон расстроен не меньше его.

— Ты ведь не взял уход за магическими существами?

Рон помотал головой.

— А ты?

Гарри помотал головой.

— А Гермиона, — произнес Рон, — тоже, да?

Гарри еще раз помотал головой. О том, что скажет Огрид, узнав о предательстве трех самых любимых учеников, даже думать не хотелось.

Глава девятая

Принц-полукровка

Наутро, еще до завтрака, Гарри и Рон встретились с Гермионой в общей гостиной. Гарри, рассчитывая на поддержку, сразу выложил Гермионе все о том, что ему удалось узнать в слизеринском купе.

– Он выпендривался перед Паркинсон, правда же? – вмешался Рон, не успела Гермиона ответить.

– Хмм, – неопределенно промычала она, – не знаю… Конечно, Малфой всегда важничает, но… для пустой болтовни тема слишком серьезная…

– Вот именно, – сказал Гарри, но продолжить разговор им, увы, не удалось: многие откровенно пытались подслушать, а к тому же пялились на Гарри и шептались, прикрываясь руками. Гарри, Рон и Гермиона встали в очередь к отверстию за портретом.

– Показывать пальцем невежливо, – рявкнул Рон какому-то особо мелкому первоклашке. Мальчик, который, отгородившись ладошкой, тихонько разговаривал о Гарри со своим приятелем, побагровел от ужаса и вывалился через дыру наружу. Рон хмыкнул.

– Как мне нравится быть шестиклассником! *А еще* в этом году у нас будет свободное время – сиди себе, ничего не делай!

– Это время для самостоятельных занятий, Рон, – назидательно произнесла Гермиона уже в коридоре.

– Да, но не сегодня, – отозвался он, – сегодня будем ловить кайфец.

– Ну-ка стой! – Гермиона выставила руку и поймала четвероклассника, который несся мимо, зажав в руке диск лаймового цвета. Мальчишка попытался прорваться через заслон. – Пилозубые пчелы запрещены, дай сюда, – сурово приказала она. Четвероклассник надулся, отдал рычащую пчелу и, нырнув под Гермионину руку, удрал вместе с друзьями.

Рон подождал, пока они исчезнут из виду, а затем потянул пчелу к себе:

– Отлично, давно такую хотел.

Возмущение Гермионы потонуло в громком хихиканье; замечание Рона чем-то сильно насмешило Лаванду Браун. Она прошла вперед, но продолжала смеяться и даже оглянулась на Рона. Тот остался очень доволен собой.

Безмятежно-голубой потолок Большого зала был прочерчен легкими, полупрозрачными штрихами облачков, как и квадраты неба в переплетах высоких окон. Ребята набросились на овсянку и яичницу с беконом, и за едой Гарри и Рон рассказали Гермионе о вчерашнем разговоре с Огридом.

– Неужели он думал, что мы продолжим заниматься уходом за магическими существами? – страдальчески воскликнула она. – В смысле разве мы... как бы это... проявляли хоть какой-то энтузиазм?

– В том и дело, – промычал Рон, целиком запихивая в рот глазунью. – Мы старались на его уроках больше всех, потому что любим Огрида. А он думал, что мы любим его дурацкий *предмет*. Как считаете, кому-нибудь нужен по нему П.А.У.К.?

Гарри и Гермиона промолчали; отвечать не было нужды. Они прекрасно понимали, что в их параллели все будут только рады отделаться от ухода за магическими существами. Ребята избегали встречаться глазами с Огридом и, когда десять минут спустя тот встал из-за преподавательского стола и весело им помахал, ответили на приветствие с очень тяжелым сердцем.

После завтрака гриффиндорцы остались на местах, дожидаясь профессора Макгонаголл. В этом году раздавать расписания было труднее: для допуска на продолжение курса по тому или иному предмету требовалось проверить, получен ли необходимый проходной балл за С.О.В.У.

Гермиона сразу получила разрешение изучать заклинания, защиту от сил зла, превращения, гербологию, арифмантику, древние руны и зельеделие и, не теряя времени, помчалась на урок по рунам. С Невиллом дело обстояло сложнее; пока профессор Макгонаголл просматривала его заявление и сверяла результаты экзаменов на С.О.В.У., с его круглого лица не сходила тревога.

– Гербология, замечательно, – сказала профессор Макгонаголл. – С оценкой «великолепно» профессор Спарж с радостью вас примет. Защиту от сил зла с оценкой «сверх стандартов» тоже можете продолжать. Теперь превращения... Мне жаль, но оценки «нормально»

недостаточно, П.А.УК. предъявляет особые требования, и я просто не уверена, что вы справитесь с объемом работ.

Невилл повесил голову. Профессор Макгонаголл внимательно посмотрела на него сквозь квадратные очки.

– А, собственно, для чего вам превращения? Мне всегда казалось, что вы не питаете к этому предмету особой привязанности.

Несчастный Невилл пробормотал нечто вроде: «Бабушка очень хотела».

Профессор Макгонаголл громко фыркнула.

– Вашей бабушке давно пора гордиться внуком, который у нее есть, а не мечтать о внучке, который должен быть, – особенно после того, что произошло в министерстве.

Невилл сильно покраснел и смущенно заморгал; профессор Макгонаголл никогда раньше его не хвалила.

– Простите, Лонгботтом, я не могу позволить вам продолжать мой курс. Но, как я вижу, по заклинаниям вы получили «сверх стандарта». Почему бы не попробовать свои силы там?

– Бабушка считает, что это слишком легкий путь, – промямлил Невилл.

– Идите на заклинания, – решительно сказала профессор Макгонаголл. – А я черкну пару строк Августе и напомню, что нельзя считать предмет бесполезным только потому, что *тебе* не удалось сдать его на С.О.В.У.

По лицу Невилла разлилось радостное изумление. Профессор Макгонаголл чуть заметно улыбнулась, постучала волшебной палочкой по пустому бланку и протянула его Невиллу уже заполненным.

Затем она перешла к Парвати Патил. Та первым делом спросила про Фиренце, красавца-кентавра, который остался преподавать прорицание.

– Они с профессором Трелони разделили обязанности, – с легким неодобрением ответила профессор Макгонаголл; ни для кого не было секретом, что она презирает этот предмет. – Шестой класс достался профессору Трелони.

Через пять минут поникшая Парвати отправилась на прорицание.

– Поттер, Поттер… – Профессор Макгонаголл повернулась к Гарри и сверилась с записями. – Заклинания, защита от сил зла, гербология,

превращения... все прекрасно. Должна сказать, Поттер, что я была очень довольна вашими результатами по превращениям, очень. Но почему вы не подали заявку на зельеделие? Мне казалось, вы мечтаете стать аврором?

– Да, профессор, но вы сами говорили, что для этого на экзамене надо получить «великолепно».

– Верно, у профессора Злея. А профессор Дивангард с удовольствием принимает тех, кто получил «сверх стандарта». Итак, вы хотите изучать зельеделие дальше?

– Да, – кивнул Гарри, – но я не купил ни учебника, ни ингредиентов, ничего...

– Наверняка профессор Дивангард одолжит вам все, что нужно, – сказала профессор Макгонаголл. – Прекрасно, Поттер, держите ваше расписание. Да, кстати... в гриффиндорскую квидишиную команду уже записалось двадцать юных дарований. Позже я передам вам список – на досуге назначьте им отборочные испытания.

Еще через несколько минут Рон получил разрешение заниматься теми же предметами, что и Гарри, и они вместе вышли из-за стола.

– Смотри, – Рон восторженно глядел в свое расписание, – сейчас свободное время... и после перемены... и после обеда... *кайф!*

Они вернулись в полупустую общую гостиную. Там сидели несколько семиклассников и среди них Кэти Белл – последний игрок той квидишиной команды, в которую пришел Гарри в первом классе.

– Я так и знала, что ты это получишь, молодец! – крикнула она, показывая на капитанский значок на груди Гарри. – Скажи, когда будут испытания!

– Не дури, – отмахнулся Гарри, – тебе-то зачем? Я уже пять лет смотрю, как ты играешь...

– Плохо начинаешь, – предостерегла Кэти. – А вдруг найдется кто-нибудь в сто раз лучше меня? Сколько хороших команд пропало из-за того, что капитаны оставляли старых игроков или брали в команду своих друзей...

Рон несколько смущался и принялся играть с пилозубой пчелой, отобранной у четвероклассника. Та закружила по гостиной, рыча на лету и периодически нападая на гобелен. Косолапус следил за пчелой желтыми глазами и шипел, когда она подлетала слишком близко.

Час спустя Рон и Гарри неохотно покинули солнечную гостиную и отправились в класс защиты от сил зла четырьмя этажами ниже. Гермиона уже стояла в очереди у двери – с грудой тяжелых книг и крайне озабоченным видом.

– По рунам столько всего задали, – пробормотала она, как только подошли Гарри и Рон. – Пятнадцатидюймовое сочинение, два перевода и еще прочесть вот это к среде!

– Кошмар, – зевнул Рон.

– Подожди, – обиделась она. – Сейчас Злей тоже назадает кучу.

В это время двери распахнулись, и в коридор вышел Злей. Черные сальные волосы, будто занавески, обрамляли землистое лицо. Все замолчали.

– Заходите, – приказал он.

Гарри вошел и огляделся. Комната уже носила отпечаток личности Злея. Здесь стало гораздо темнее; шторы были задернуты, горели свечи. На стенах висели новые картины, изображавшие мучения людей: ужасные раны, искореженные руки-ноги и прочие части тела. Рассаживаясь, ученики не разговаривали, только со страхом разглядывали мрачные кровавые полотна.

– Я не просил доставать учебники, – процедил Злей, закрывая дверь. Он прошел за свой стол и повернулся к классу. Гермиона поспешила «Лицом к лицу с безликим» обратно в рюкзак и сунула его под стул. – Я намерен говорить и требую вашего безраздельного внимания.

Он пробежал черными глазами по запрокинутым лицам, мимолетно задержавшись на Гарри.

– До сих пор, насколько мне известно, у вас было пять разных преподавателей по этому предмету.

«Насколько известно... не ты ли, как коршун, следил за ними, надеясь занять их место», – с ненавистью подумал Гарри.

– Естественно, у каждого была собственная методика, свои предпочтения. При такой путанице остается только удивляться, как вы сумели насекрести проходной балл на С.О.В.У. Вы удивите меня еще сильнее, если и дальше сможете держаться на уровне, – П.А.У.К. требует многое более серьезных, углубленных знаний.

Злей стал расхаживать по классу. Он понизил голос; все следили за ним, выгибая шеи.

— Силы зла, — говорил Злей, — бесчисленны, разнообразны, изменчивы... вечны. Это многоглавое чудище; на месте отрубленной головы всякий раз вырастает новая, хитрее, страшнее прежней. Ваш противник неуловим, он постоянно меняет обличье и не поддается уничтожению...

Гарри не отрывал глаз от преподавателя. М-да... Одно дело — уважать силы зла как опасного противника, и совсем другое — говорить о них вот так, с любовью и нежностью.

— Следовательно, защищаясь, — чуть громче продолжил Злей, — надо быть не менее изобретательным и гибким. Эти картины, — он походя махнул рукой, указывая на стены, — дают довольно верное представление о воздействии, к примеру, пыточного проклятия, — он ткнул пальцем в ведьму, зашедшуюся криком в агонии, — последствиях Поцелуя демонтора, — (колдун с абсолютно бессмысленным лицом, бессильно привалившись к стене), — или нападения инферния (кровавая кашица на земле).

— Значит, инфернии правда появились? — тоненьким голосом спросила Парвати Патил. — Он точно их использует?

— Черный Лорд использовал инферний в прошлом, — ответил Злей, — и значит, разумно заключить, что он может использовать их и в будущем. А теперь...

Он зашагал вдоль другой стены к своему столу. Все глаза по-прежнему были прикованы к нему, к развевающейся темной мантии.

— ...насколько я понимаю, вы совсем незнакомы с неверbalными заклятиями. Каковы их преимущества?

Рука Гермионы моментально взметнулась. Злей неспешно осмотрел класс, убедился, что выбора нет, и коротко бросил:

— Ну хорошо — мисс Грейнджен?

— Соперник не знает о том, что вы намерены предпринять, — сказала Гермиона, — и это дает вам фору в долю секунды.

— Слово в слово из «Сборника заклинаний (часть шестая)», — презрительно скривился Злей (Малфой в углу засмеялся), — но по сути верно. Действительно, если вы овладели искусством колдовать, не выкрикивая заклинаний, ваша магия обретает элемент неожиданности. Разумеется, на это способны далеко не все, здесь требуется особая концентрация воли и мысли, каковых некоторые, — он остановил недобрый взгляд на Гарри, — абсолютно лишены.

Гарри прекрасно понимал, что это намек на позорные прошлогодние занятия окклуменцией. Он решил ни за что не отводить взгляд и злобно сверлил Злея глазами, пока тот не отвернулся.

– Сейчас, – продолжал Злей, – вы разделитесь на пары. Один будет пытаться *молча* наложить заклятие на другого. Другой, *так же молча*, попробует отвести заклятие. Приступайте.

Злей не знал, что в прошлом году Гарри научил по меньшей мере половину класса (всех членов Д. А.) выполнять заградительное заклятие, но никто никогда не пробовал делать это молча. Сейчас многие жульничали, шепча заклинания вполголоса. Естественно, уже через десять минут Гермиона сумела, не издав ни звука, отразить ватноножное заклятие, прошептанное Невиллом. Гарри уныло подумал, что у любого нормального учителя она непременно заслужила бы минимум двадцать баллов для «Гриффиндора», но Злей, разумеется, полностью проигнорировал ее достижения. Он стремительно расхаживал между учениками, напоминая огромную летучую мышь, и задержался возле Гарри и Рона, чтобы посмотреть, как они справляются с заданием.

Рон пытался зачаровать Гарри. Он стоял с багровым лицом и плотно сжимал губы, чтобы случайно не выпалить заклинание вслух. Гарри, подняв палочку и переминаясь с ноги на ногу, готовился отразить нападение, которого не надеялся дождаться.

– Жалкое зрелище, Уизли, – через некоторое время сказал Злей. – Вот… дайте я покажу…

Он с молниеносной быстротой направил волшебную палочку на Гарри. Тот, начисто забыв о невербальности, инстинктивно заорал:

– Протего!

Заградительное заклинание оказалось таким сильным, что Злей потерял равновесие и рухнул на стол. Весь класс обернулся к нему. Злей с разъяренным видом поднялся.

– Вы помните, что я велел отрабатывать *невербальные* заклятия, Поттер?

– Да, – буркнул Гарри.

– Да, *сэр*.

– Вам не обязательно называть меня «*сэр*», профессор.

Он сказал это, не успев подумать. Некоторые, в том числе Гермиона, в ужасе ахнули. Зато Рон, Дин и Шеймас за спиной у Злея

одобрительно усмехнулись.

– Взыскание, в субботу вечером, у меня в кабинете, – сквозь зубы произнес Злей. – Я никому не позволю мне хамить, Поттер... даже *Избранному*.

– Здорово, Гарри! – смеялся Рон. Урок уже кончился, и они удалились от класса на безопасное расстояние.

– Ничего здорового. – Гермиона строго посмотрела на Рона: – Гарри, что на тебя нашло?

– Если ты не заметила, он пытался навести на меня порчу! – взвился тот. – Я этого еще на окклуменции нахлебался! Пусть поищет другую морскую свинку! И вообще, Думбльдор что, совсем с ума сошел? Почему он разрешил ему вести этот предмет? Слышали, как Злей говорил о силах зла? Он их *обожает!* «Постоянно меняет обличье, не поддается уничтожению...»

– Мне даже показалось, – заметила Гермиона, – что я слышу тебя.

– *Меня?*

– Да, когда ты объяснял, каково стоять лицом к лицу с Вольдемортом. Ты сказал, что дело не в том, чтобы запомнить с десяток заклинаний, – от смерти тебя спасут только твои мозги или смелость. Злей ведь об этом и говорил? Что все в конечном итоге сводится к храбрости и сообразительности?

Гарри это совершенно обезоружило – она запомнила его слова, будто цитату из «Сборника заклинаний», – и он не стал спорить.

– Гарри! Эй, Гарри!

Гарри оглянулся. К ним с пергаментным свитком в руках спешил Джек Слопер, один из прошлогодних Отбивал. Он совершенно запыхался.

– Это тебе, – сказал он. – Слушай, говорят, ты новый капитан. Когда отборочные испытания?

– Точно не знаю, – ответил Гарри, в глубине души считая, что Слоперу сильно повезет, если он останется в команде. – Я сообщу.

– Отлично. Я надеялся, что, может, в выходные...

Но Гарри уже не слушал; он узнал тонкий косой почерк на пергаменте. Слопер еще не закончил фразу, а Гарри уже отвернулся и заспешил прочь вместе с Роном и Гермионой, на ходу разворачивая записку.

Дорогой Гарри,

Я бы хотел начать занятия в субботу. Пожалуйста, приходи в мой кабинет в восемь часов вечера. Надеюсь, первый день в школе прошел удачно.

Искренне твой,

Альбус Дамблдор

P. S. Я обожаю кислотные леденцы.

– Чего? Кислотные леденцы? – Рон в недоумении прочитал послание из-за плеча Гарри.

– Это пароль для горгульи перед его кабинетом, – понизив голос, объяснил тот. – Ха! Злей не обрадуется... ему придется отложить взыскание!

Весь перерыв они размышляли, чему Думблдор будет учить Гарри. Рон считал, что, скорее всего, какой-то страшной порче и жутким проклятиям, которые неизвестны Упивающимся Смертью. Гермиона возражала, что такие вещи незаконны; по ее мнению, Думблдор собирался научить Гарри высшей защитной магии. Потом перемена кончилась, и Гермиона ушла на арифмантику. Гарри с Роном вернулись в общую гостиную и неохотно приступили к домашнему заданию Злея. Оно оказалось невероятно сложным. Мальчики все еще корпели над ним, когда вернулась Гермиона (и дела пошли веселей). Едва они закончили, зазвонил колокол, и они знакомой дорогой отправились на пару зельеделия, в подземелье, до недавних пор бывшее вотчиной Злея.

У дверей обнаружилось, что в классе осталась всего дюжина человек. Краббе и Гойл, очевидно, не набрали проходных баллов, но четыре слизеринца, в том числе Малфой, сдали С.О.В.У. как положено. Кроме того, у двери стояли четыре вранзорца и хуффльпуффец Эрни Макмиллан, которому Гарри симпатизировал, невзирая на чрезмерную напыщенность.

– Гарри, – Эрни важно протянул руку для рукопожатия, – не смог подойти к тебе утром на защите от сил зла. Хороший урок, по-моему, но заградительные заклинания – старая песенка для тех, кто знает, что такое Д. А. Как вы, Рон, Гермиона?

Они едва успели сказать: «Хорошо»; дверь подземелья распахнулась, и оттуда вышел живот Дивангарда. Следом показался и обладатель живота. Ученики направились в класс. Дивангард заулыбался, изгибая густые усы, и воодушевленно приветствовал Гарри и Цабини.

Подземелье наполняли разноцветные пары и диковинные запахи – странное дело, еще до начала урока. Гарри, Рон и Гермиона с интересом принюхивались, проходя мимо больших кипящих котлов. Слизеринцы заняли отдельный стол, то же сделали и четверо учащихся «Вранзора». Гарри, Рон и Гермиона сели с Эрни. Они выбрали стол возле золотистого котла, который источал невероятно влекущий запах. Гарри сразу вспомнил о пирожном с патокой, о новеньком древке метлы и о чем-то цветочном, навевающем воспоминания о «Гнезде». Он задышал медленно, глубоко; хотелось напитаться этим чудесным ароматом. По телу разлилась истома; он расслабленно улыбнулся Рону; тот лениво улыбнулся в ответ.

– Нути-с, нуте-с, нуте-с, – заговорил Дивангард, чья массивная фигура неясно маячила в клубах разноцветного пара. – Достаем весы, наборы для изготовления зелий... И «Высшее зельеделие» не забудьте...

– Сэр, – позвал Гарри, подняв руку.

– Гарри, мой мальчик?

– У меня нет ни учебника, ни весов, ничего... у Рона тоже... понимаете, мы не знали, что сможем продолжать зельеделие...

– Ах да, профессор Макгонаголл предупредила... Не волнуйся, мой мальчик, ни о чем не волнуйся. Ингредиенты на сегодня можете взять из хранилища, весы, я уверен, тоже найдутся, и небольшой запасец старых учебников имеется... На первое время сойдет, а вы пока напишете Завитушу и Клякцу...

Дивангард прошел в угол к большому шкафу, порылся там и извлек два сильно потрепанных экземпляра «Высшего зельеделия» Возлиянуса Сенны и пару потускневших весов. Он выдал их Гарри и Рону и вернулся к своему столу.

– Как видите, – Дивангард выпятил грудь так, что пуговицы жилета грозили вот-вот оторваться, – я приготовил несколько разных зелий, просто для интереса, чтобы вам показать. По завершении курса вы

должны их освоить. Впрочем, вы наверняка о них слышали, даже если никогда не варили. Кто знает, что это такое?

Дивангард указал на котел рядом со слизеринским столом. Гарри, чуть приподнявшись, посмотрел: внутри кипела с виду самая обыкновенная вода.

Гермиона отточенным жестом взметнула руку; она была первой, и Дивангард повел ладонью в ее сторону.

– Это признавалиум – бесцветная жидкость, лишенная запаха, которая вынуждает того, кто ее выпьет, говорить только правду, – сказала Гермиона.

– Отлично, отлично! – обрадовался Дивангард. – Теперь это, – продолжил он, показывая на котел у стола «Вранзора», – тоже весьма известное зелье... О нем, кстати, недавно упоминалось в предписаниях министерства... Кто?..

Гермиона опять всех опередила.

– Это всеэссенция, сэр, – выпалила она.

Гарри тоже узнал вязкую жидкость, лениво булькавшую во втором котле, но нисколько не огорчился, что лавры за правильный ответ, по обыкновению, достались Гермионе; в конце концов, именно она еще во втором классе успешно подготовила всеэссенцию.

– Чудесно, чудесно! Теперь здесь... Да, моя прекрасная? – теперь уже в некотором ошеломлении произнес Дивангард, увидев, что Гермиона снова тянет руку.

– Это амортенция!

– Совершенно верно. Глупо даже спрашивать, но все же, – сказал Дивангард, явно потрясенный познаниями Гермионы, – каково ее действие?

– Амортенция – самое сильное любовное зелье в мире! – ответила Гермиона.

– Именно так! Полагаю, вы узнали его по очевидному перламутровому блеску?

– И пару, который поднимается характерными спиральями, – с воодушевлением подхватила Гермиона, – а еще для разных людей оно по-разному пахнет, в зависимости от того, кому что больше нравится; я, например, чувствую запах свежескошенной травы и новенького пергамента и...

Она еле заметно порозовела и не закончила фразу.

— Могу я узнать ваше имя, очаровательная? — спросил Дивангард, игнорируя ее смущение.

— Гермиона Грейндженер, сэр.

— Грейндженер? Грейндженер? Вы, случайно, не родственница Гектора Дагвортса-Грейндженера, основателя Экстраординарнейшего общества зельеделов?

— Вряд ли, сэр. Я муглорожденная.

Гарри увидел, как Малфой наклонился к Нотту и что-то шепнул ему на ухо; оба гнусно захихикали. Дивангард, впрочем, нимало не смущился; напротив, просиял и перевел взгляд с Гермионы на Гарри.

— Ага! «Моя лучшая подруга муглорожденная, и притом лучшая ученица в нашей параллели»! Полагаю, Гарри, это и есть та самая подруга?

— Да, сэр, — подтвердил Гарри.

— Так-так-так... Двадцать баллов «Гриффиндору», мисс Грейндженер, — с чувством произнес Дивангард.

У Малфоя сделался такой же вид, как в тот раз, когда Гермиона засветила ему по физиономии. А Гермиона сияя повернулась к Гарри и прошептала:

— Ты правда сказал, что я лучшая ученица параллели? Ой, Гарри!

— И что тут такого необычного? — с непонятным раздражением, но тоже шепотом осведомился Рон. — Ты и есть лучшая — я бы сам так сказал, если бы меня спросили!

Гермиона улыбнулась, но махнула рукой — мол,тише, — поскольку надо было слушать учителя. Рон насупился.

— Разумеется, амортенция не рождает настоящей любви. Создать любовь искусственно невозможно. Нет, зелье вызывает всего лишь страстное увлечение, одержимость. Пожалуй, это самое опасное и сильнодействующее вещество, по крайней мере, здесь, в нашей аудитории... Да-да, — Дивангард серьезно покивал, глядя на Малфоя и Нотта, скептически скрививших губы, — когда вы повидаете столько, сколько довелось мне на моем веку, вы не будете недооценивать силу страсти... Однако, — перебил он сам себя, — нам пора приступать к работе.

— Сэр, но вы не сказали, что тут. — Эрни Макмиллан показал на маленький черный котел, стоявший на учительском столе. Зелье в котле весело плескалось; оно напоминало жидкое золото, и над ним

золотыми рыбками прыгали крупные капли – впрочем, ни одна не проливалась.

– Ага! – снова сказал Дивангард. Гарри был уверен, что учитель вовсе не забыл о зелье, просто для пущей театральности ждал, когда спросят. – Да. Тут. Что же, леди и джентльмены, *тут* находится весьма любопытный отвар. Он называется «фортуна фортуната». Полагаю, мисс Грейндженер, – Дивангард с улыбкой повернулся к Гермионе, поскольку та громко ахнула, – вы знаете, что это такое?

– Жидкая удача, – взволнованно пролепетала она. – Зелье, которое приносит удачу!

Все в классе как будто слегка напружинились. Теперь даже внимание Малфоя было всецело приковано к преподавателю; Гарри видел только гладкие светлые волосы на его затылке.

– Верно, верно! – подтвердил Дивангард. – Еще десять баллов «Гриффиндору». Да, фортуна фортуната… Очень забавное зельице. Его крайне сложно готовить, за любую ошибку можно заплатить очень дорого. Однако если сварить правильно, как в нашем случае, то, выпив его, вы почувствуете, что все ваши начинания обречены на успех… по крайней мере, пока зелье действует.

– Сэр, а почему люди его не пьют все время? – с круглыми от возбуждения глазами выпалил Терри Бут.

– Если принимать его слишком часто, оно вызывает легкомыслие, бесшабашность и опасную самоуверенность, – ответил Дивангард. – Знаете, как говорят: хорошенъского понемножку?.. Высокотоксично в больших дозах. Но если по чуть-чуть, изредка…

– А вы его когда-нибудь принимали, сэр? – с огромным интересом спросил Майкл Корнер.

– Дважды, – ответил Дивангард. – Один раз в двадцать четыре года, другой – в пятьдесят семь. По две столовых ложки за завтраком. Два совершенных, счастливых дня.

Он мечтательно уставился в пространство. «Играет он или нет, непонятно, – подумал Гарри, – но получается эффектно».

– Именно это зелье, – сказал Дивангард, вернувшись наконец с небес на землю, – станет главным призом нашего урока.

Воцарилась тишина. Каждый звук, каждое бульканье как будто усилились вдесятеро.

– Бутылочка фортуны фортунаты. – Дивангард вынул из кармана и показал классу миниатюрную склянку с пробкой. – На двенадцать часов. Удача во всех начинаниях от рассвета до заката... Но должен предупредить: на организованных мероприятиях применение фортуны фортунаты запрещено. Спортивные состязания, например, экзамены, выборы. Наш победитель сможет воспользоваться призом только в самый обычный день... который сразу станет уникальным! Итак, – бодро продолжил Дивангард, – как же выиграть мой необыкновенный приз? Для начала надо открыть страницу десять «Высшего зельеделия». У нас остается чуть больше часа. Этого должно хватить на изготовление глотка живой смерти. Я знаю, что раньше вы таких сложных зелий не варили, и не жду ничего сверхъестественного. Но тот, кто окажется лучше других, выиграет капельку фортуны. Приступаем!

Все завозились, зашуршали, придвигая к себе котлы, загремели весами и гирями. Никто не разговаривал; напряжение ощущалось почти физически. Гарри видел, как Малфой лихорадочно листает «Высшее зельеделие». Очевидно, ему очень нужен удачный день... Гарри поспешил раскрыть потрепанный учебник, который ему выдал Дивангард.

И сразу возмутился, увидев, что прошлый владелец исписал всю книгу какими-то примечаниями; поля густо почернели и были неотличимы от текста. Гарри низко наклонился над книгой, с трудом разбирая, какие нужны ингредиенты (даже здесь предыдущий владелец что-то переправил, а что-то вычеркнул), сбежал к шкафу за всем необходимым, а на обратном пути увидел, как Малфой с дикой скоростью режет валериановый корень.

Все то и дело оглядывались друг на друга; плюс и одновременно минус зельеделия заключался в том, что здесь невозможно было скрыть от других свою работу. За десять минут подземелье наполнилось синеватым паром. Гермиона, как водится, всех опережала; ее зелье уже достигло описанной в учебнике идеальной промежуточной стадии и превратилось в «однородную жидкость черносмородинового цвета».

Нарубив валерьянку, Гарри снова склонился над книгой. Это просто бесило – текст еле виден под идиотскими каракулями

предыдущего владельца. Например, тому чем-то не понравилось указание нарезать ступофорный боб, и он написал поверх:

Раздавить плоской стороной лезвия серебряного кинжала, дает большие сока, чем при нарезании.

— Сэр, вы, наверное, знали моего деда, Каббалакса Малфоя?

Гарри поднял глаза; Дивангард как раз проходил мимо слизеринского стола.

— Да, — ответил Дивангард, не глядя на Малфоя, — и был огорчен его смертью, хотя, разумеется, неожиданной ее не назовешь. Драконья оспа в его возрасте... — И прошел мимо.

Гарри усмехнулся и опять согнулся над котлом. Малфой явно рассчитывал на особенное внимание, а то и на безусловный фавор, к которому привык во времена Злея. Но, похоже, теперь, чтобы выиграть фортуну фортунату, Малфою придется полагаться только на свои способности.

Резать ступофорный боб оказалось очень трудно. Гарри повернулся к Гермионе:

— Можно взять серебряный нож?

Она нетерпеливо кивнула, не сводя глаз со своего зелья, все еще темно-лилового, хотя по инструкции ему давно полагалось стать сиреневым.

Гарри надавил на боб плоской стороной лезвия и поразился количеству сока, который тот мгновенно выпустил. Даже непонятно, как такой сморщеный боб столько вмещал. Гарри быстро вылил сок в котел и с изумлением увидел, что зелье немедленно приобрело предписанный сиреневый цвет.

Недовольство предыдущим владельцем учебника сразу улетучилось. Напряженно щурясь, Гарри вчитался в дальнейшие указания. Автор учебника рекомендовал мешать зелье против часовой стрелки, пока не станет прозрачным как вода. А бывший владелец советовал после каждого семи помешиваний против часовой стрелки один раз мешать по часовой. Что, если он прав и здесь?

Гарри помешал против часовой стрелки, затаил дыхание и один раз крутанул по часовой. Воздействие было незамедлительным: зелье стало светло-розовым.

— Как ты это делаешь? — спросила Гермиона. Ее лицо раскраснелось, волосы из-за пара встали дыбом, но ее зелье не желало

менять цвет.

– Помешал один раз по часовой...

– Нет, нет, в книге сказано «против»! – возмущенно перебила она.

Гарри пожал плечами и продолжил свое дело. Семь раз против часовой, один по часовой, семь против, один по...

Рон, стоявший напротив, изобретательно ругался вполголоса; варево в его кotle напоминало жидкую лакрицу. Гарри огляделся. Ни у кого зелье не вышло таким светлым, как у него. Он возликовал, чего на зельеделии с ним раньше никогда не случалось.

– Время... вышло! – провозгласил Дивангард. – Прекратите мешать, пожалуйста!

Он медленно пошел между столами, внимательно приглядываясь к содержимому котлов. Он ничего не говорил, лишь изредка принюхивался или где-то помешивал. Наконец он добрался до стола Гарри, Рона, Гермионы и Эрни. Удрученno улыбнулся при виде какого-то сомнительного гудрона в Роновом кotle. Задержался над синезеленой жижей Эрни. Одобрительно кивнул зелью Гермионы. Потом заглянул в котел Гарри, и по его лицу разлилось изумленное восхищение.

– Чистая победа! – закричал Дивангард на все подземелье. – Превосходно, превосходно! Святое небо! Видно, что ты унаследовал талант своей матери – наша Лили была мастерица по зельям! Что же, прошу, получай – фортуна фортуната, как обещано! Используй ее с толком!

Гарри сунул флакон с золотистой жидкостью во внутренний карман. Он испытывал странную смесь эмоций: восторг, потому что слизеринцы были в бешенстве, и огорчение, потому что Гермиона расстроилась. Рон попросту обалдел.

– Как тебе удалось? – шепотом спросил он у Гарри на выходе из подземелья.

– Повезло, наверное, – ответил Гарри, поскольку Малфой был слишком близко.

Впрочем, едва они безопасно обосновались за гриффиндорским столом, он рассказал друзьям правду. С каждым его словом лицо Гермионы все больше каменело.

– Ты, видимо, считаешь, что я сжульничал? – огорченно спросил он.

— Это же не было в прямом смысле твоей работой, — сухо произнесла она.

— Он всего-навсего следовал другим инструкциям, — вмешался Рон. — Это могло кончиться провалом. Но Гарри рискнул, и риск себя оправдал. — Рон тяжко вздохнул. — Дивангард мог дать этот учебник мне, так нет же, мне достался совершенно чистый, на котором никто ничего не писал. На него, правда, блевали, судя по странице пятьдесят два, но...

— Погоди-ка, — сказал чей-то голос над левым ухом Гарри, и он неожиданно уловил тот же цветочный запах, что и в подземелье Дивангарда. Гарри оглянулся и увидел Джинни. — Я верно расслышала? Ты следовал инструкциям, которые кто-то написал на книге? Да, Гарри?

Она смотрела сердито, встревоженно, и Гарри сразу понял, что имеется в виду.

— Ерунда, — успокоил он, понизив голос. — Это же не дневник Реддля. Обычный старый учебник с чьими-то писульками.

— Но ты сделал то, что указано?

— Там просто подсказки на полях, Джинни, самые обычные...

— Джинни права. — Гермиона сразу напряглась. — Это еще надо проверить. Какие-то странные примечания... Кто знает?

— Эй! — возмутился Гарри, когда она выхватила из его рюкзака «Высшее зельеделие» и занесла волшебную палочку.

— Специалис ревелио. — Гермиона резко стукнула по обложке.

Ничего не произошло. Книга лежала себе на столе, старая, грязная, потрепанная.

— Все? — раздраженно поинтересовался Гарри. — Или будешь ждать, пока она примется кувыркаться?

— Вроде бы все в порядке, — пробормотала Гермиона, не сводя с книги подозрительного взгляда. — В смысле это, кажется, действительно... просто учебник.

— Отлично. Тогда я возьму? — Гарри схватил книгу со стола, но она выпала у него из рук на пол и раскрылась.

Никто не обратил внимания. Но Гарри наклонился за книгой и заметил внизу на заднем форзаце короткую надпись тем же мелким, тесным почерком, что и примечания, благодаря которым Гарри

выиграл фортуну фортунату (сейчас надежно спрятанную в носках в его сундуке). Надпись гласила:

Этот учебник принадлежит

Принцу-полукровке

Глава десятая

Мистер Монстер

До конца недели Гарри продолжал следовать советам Принца-полукровки там, где они отличались от указаний Возлиянуса Сенны, и к четвертому уроку зельеделия Дивангард объявил, что у него никогда еще не было такого талантливого ученика. Увы, Рона и Гермиону это совсем не радовало. Гарри предлагал им свой учебник, но Рон плохо разбирал каракули Принца, а переспрашивать у Гарри во время урока не мог — это выглядело бы подозрительно. Гермиона упрямо придерживалась, как она говорила, «официального варианта» и страшно злилась, неизменно получая худшие результаты.

Порой Гарри задумывался, кто же такой этот Принц. Домашних заданий навалилась целая куча, и он еще не прочитал свое «Высшее зельеделие» целиком, но пролистал достаточно, чтобы понять: в книге нет практически ни одной страницы, где бы загадочный бывший владелец не оставил замечаний. Не все они касались приготовления зелий. Местами попадались заклинания, которые Принц, похоже, изобрел сам.

— Или *сама*, — недовольно бросила Гермиона, случайно услышав разговор Гарри и Рона. Был субботний вечер, и они сидели в общей гостиной. — Может, это девочка. Почерк, по-моему, скорее женский.

— Он же *Принц*-полукровка, — возразил Гарри. — С каких это пор девочек называют «Принц»?

Гермиона не нашлась что ответить, надулась и резко отдернула свое сочинение «Принципы рематериализации» подальше от Рона, который пытался читать его вверх ногами.

Гарри посмотрел на часы и поскорей сунул свое потрепанное «Высшее зельеделие» в рюкзак.

— Без пяти восемь, пора, а то опоздаю к Думблдору.

Гермиона сразу подняла глаза и шумно выдохнула:

— О-о-о-о! Счастливо! Мы тебя подождем; интересно, чему он будет тебя учить!

– Желаю удачи, – сказал Рон. Они с Гермионой проводили Гарри глазами до самой дыры за портретом.

В коридорах было безлюдно; правда, один раз Гарри пришлось спрятаться за статуей, когда из-за угла навстречу ему вдруг вышла профессор Трелони. Она тасовала замызганную колоду игральных карт и, гадая на ходу, ворчала себе под нос.

– Двойка пик: конфликт, – бормотала она, проходя вблизи от убежища Гарри. – Семерка пик: дурное предзнаменование. Десятка пик: насилие. Валет пик: темноволосый молодой человек, неспокойный, враждует с дознавателем...

Она внезапно остановилась прямо перед статуей, за которой притаился Гарри.

– Ерунда какая-то, – раздраженно буркнула Трелони и зашагала дальше, энергично перетасовывая колоду и оставляя в воздухе запашок кулинарного хереса.

Гарри дождался, когда она уйдет, и поспешил на седьмой этаж, к горгулье у стены.

– Кислотные леденцы, – сказал он. Горгулья отпрыгнула; стена скользнула в сторону, и за ней открылась движущаяся винтовая лестница. Гарри ступил на нее и, плавно вращаясь, поднялся к двери с медным молотком.

Гарри постучал.

– Войдите, – раздался голос Думблдора.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Гарри, входя в кабинет директора.

– А, Гарри, добрый вечер. Садись, – улыбнулся Думблдор. – Надеюсь, первая неделя в школе прошла успешно?

– Да, спасибо, сэр, – ответил Гарри.

– Видно, ты времени даром не терял – успел заработать взыскание!

– Э-э... – неловко протянул Гарри. Впрочем, Думблдор смотрел на него не слишком строго.

– Я договорился с профессором Злеем, что ты отработаешь положенное в следующую субботу.

– Ясно, – кивнул Гарри.

Его сейчас занимали куда более насущные вопросы; он ждал хоть какого-то намека на то, чем они будут заниматься. В круглой комнате все оставалось как обычно: изящные серебряные приборы на тонконогих столиках спокойно жужжали, испуская клубы пара; на

портретах дремали бывшие директора и директрисы; роскошный феникс Янгус сидел на шесте у двери и с живым интересом наблюдал за Гарри. В общем, было непохоже, чтобы Думбльдор расчистил место для тренировочной дуэли.

– Итак, Гарри, – деловито заговорил Думбльдор. – Тебе наверняка не терпится узнать, что я запланировал для нашего – за неимением лучшего слова – урока?

– Да, сэр.

– В общем, я понял, что теперь, когда ты знаешь, почему лорд Вольдеморт пытался тебя убить пятнадцать лет назад, пришло время поделиться с тобой кое-какой информацией.

Повисла пауза.

– В конце прошлого года вы утверждали, что рассказали *все*, – не удержался от упрека Гарри. – Сэр, – прибавил он.

– Действительно, – безмятежно согласился Думбльдор, – все, что я знаю. Однако теперь мы, так сказать, покидаем твердую почву фактов и отправляемся в путешествие по зыбким болотам воспоминаний, в дебри смелых догадок. Отныне я настолько же не гарантирован от прискорбных ошибок, как Хамфри Икотс, посчитавший, что настала пора создать сырный котел.

– Но вы считаете, что правы? – спросил Гарри.

– Естественно, но один раз я уже доказал, что могу ошибаться, как любой другой. А поскольку я, уж извини, значительно умнее многих, ошибки мои тоже порой значительны.

– Сэр, – осторожно начал Гарри, – а то, что вы собираетесь мне рассказать, имеет какое-то отношение к пророчеству? Оно поможет мне... выжить?

– Имеет, причем самое непосредственное, – ответил Думбльдор спокойно, будто Гарри спросил о погоде на завтра, – и я очень надеюсь, что это поможет тебе выжить.

Думбльдор встал, обогнулся письменный стол и прошел мимо Гарри к двери. Тот, развернувшись на стуле, с любопытством за ним следил. Думбльдор склонился над шкафчиком, потом выпрямился, держа в руках знакомую каменную чашу с загадочными письменами по краям. Думбльдор поднес дубльдум к письменному столу и поставил перед Гарри:

– Ты как-то встревожился.

Гарри и правда смотрел на дубльдум с опаской, зная по опыту, что этот предмет, хранилище мыслей и воспоминаний, не только полезен, но и опасен. Последний раз, проникнув в его содержимое, Гарри узнал намного больше, чем хотелось бы. Думбльдор улыбнулся:

– На сей раз ты пойдешь со мной... и, что еще необычнее, с моего разрешения.

– Куда, сэр?

– В воспоминания Боба Огдена. – Думбльдор достал из кармана хрустальный флакон с клубящейся серебристой субстанцией.

– Кто это?

– Работник департамента защиты магического правопорядка, – ответил Думбльдор. – Он некоторое время назад умер, но перед смертью я успел с ним побеседовать и убедил поделиться своими воспоминаниями. Мы присоединимся к нему в тот момент, когда по долгу службы ему пришлось нанести один визит... Встань, пожалуйста, Гарри...

Но Думбльдор никак не мог вытащить пробку из флакона: больная рука не слушалась и явно болела...

– Позвольте... позвольте мне, сэр?

– Пустяки...

Думбльдор направил на флакон волшебную палочку; пробка моментально вылетела.

– Сэр... как все-таки вы повредили руку? – спросил Гарри, с брезгливым состраданием глядя на почерневшие пальцы.

– Нет, Гарри, сейчас не время для этой истории. Пока не время. Нас ждет Боб Огден.

Думбльдор вылил содержимое флакона в дубльдум. Вещество, не газ и не жидкость, закружилось, тускло мерцая.

– После тебя, – любезно сказал Думбльдор и повел рукой в сторону чаши.

Гарри наклонился, глубоко вдохнул и опустил лицо в серебристую мглу. Ноги оторвались от пола, и он стал падать, падать сквозь кружашуюся тьму... Затем на миг ослеп, часто заморгал и еще не успел привыкнуть к яркому солнцу, когда рядом возник Думбльдор.

Они очутились на проселочной дороге, обсаженной высоким густым кустарником. Летнее небо сияло незабудковой голубизной. Футах в десяти стоял невысокий крепыш – за невероятно толстыми

очками его глаза походили на родинки. Он изучал деревянный указатель на шесте, торчавшем из кустов слева на обочине. Гарри догадался, что это Огден; во-первых, вокруг больше никого не было, а во-вторых, он поражал своим костюмом. Именно такую одежду выбирают неопытные колдуны, когда хотят прикинуться муглами: в данном случае гетры и сюртук поверх старомодного полосатого купального костюма. Впрочем, у Гарри не было времени разглядывать это странное одеяние, поскольку Огден деловито куда-то зашагал.

Думбльдор и Гарри направились за ним. Гарри взглянул на деревянный указатель. Одна стрелка показывала назад и гласила: «Большой Висельтон, 5 миль». Другая смотрела вслед Огдену, и на ней значилось: «Малый Висельтон, 1 миля».

Поначалу они не видели вокруг ничего, кроме кустов, голубого неба и стремительной фигуры впереди; затем дорога повернула влево и словно оборвалась – так резко она нырнула. Перед Гарри и Думбльдором неожиданно предстала вся долина: деревня Малый Висельтон, угнездившаяся меж двух высоких холмов, высокая церковь, кладбище. На дальнем холме, за долиной, посреди широкого бархатистого луга стоял красивый особняк.

Дорога была такой крутой, что Огден поневоле перешел на трусцу. Думбльдор зашагал шире; Гарри заторопился за ним. Он считал, что они идут в Малый Висельтон, и, как в тот раз, когда они искали Дивангарда, недоумевал: зачем подходить настолько издалека? Но вскоре он увидел, что ошибся: они шли не в деревню. Дорога свернула направо. Оказавшись за поворотом, Думбльдор и Гарри успели заметить краешек сюртука, скрывшийся в просвете между кустами.

Они последовали за Огденом. Узкая грязная тропка шла среди зарослей еще выше и гуще тех, что остались позади. Она была неровная, каменистая, вся в рытвинах и спускалась к темной рощице. Возле нее Думбльдор и Гарри резко затормозили за спиной у Огдена: тот внезапно остановился и достал волшебную палочку.

Несмотря на солнечную погоду, старые деревья отбрасывали глубокую, черную, холодную тень, и за древесной стеной Гарри не сразу разглядел домик. Странное место для жилья – ну или странно, что деревья не вырублены и загораживают свет и вид на деревню. Было непонятно, живет ли здесь кто-нибудь; стены дома поросли мхом, с крыши, местами обнажив стропила, осыпалась черепица. Все

вокруг поросло крапивой, метелками достававшей до самых окошек, маленьких и закопченных. Впрочем, стоило Гарри окончательно увериться, что в такой халабуде никто жить не может, одно окно с грохотом распахнулось, и оттуда вырвалась тонкая струйка не то дыма, не то пара. Похоже, в домике стряпали.

Огден медленно и, как показалось Гарри, опасливо двинулся вперед. В густой тени деревьев он снова остановился и взорвался на дверь, к которой была прибита дохлая змея.

Вдруг что-то зашелестело, затрещало, и с ближайшего дерева прямо под ноги Огдену спрыгнул какой-то человек в обносках. Огден проворно отскочил назад, наступил на полы своего сюртука и пошатнулся.

– *Тебя не звали.*

Густая шевелюра свалившегося с дерева человека была так грязна, что определить цвет волос не представлялось возможным; во рту не хватало нескольких зубов; темные глазки смотрели в разные стороны. Он мог бы выглядеть комично, но нет, его лицо пугало, и Гарри нисколько не винил Огдена за то, что он, прежде чем заговорить, отступил еще на несколько шагов.

– Э-э... добро утро. Я из министерства магии...

– *Тебя не звали.*

– Э-э... извините... я не понимаю, – нервно пролепетал Огден.

Гарри подумал, что Огден, пожалуй, туповат; с его точки зрения, незнакомец выражался вполне ясно, особенно если принять во внимание волшебную палочку, которой он потрясал, и окровавленный нож в другой руке.

– А ты, Гарри, наверняка понимаешь, – тихо сказал Думблдор.

– Конечно, – недоумевая, ответил Гарри. – Почему же Огден?..

Тут его взгляд упал на дохлую змею, и его осенило:

– Он говорит на серпентарго?

– Правильно, – улыбаясь, кивнул Думблдор.

Человек в обносках пошел на Огдена с ножом и палочкой.

– Послушайте... – начал Огден, но, увы, слишком поздно: раздался грохот, он упал на землю и схватился за нос. Сквозь пальцы сочилась отвратительная желтая жижа.

– Морфин! – громко выкрикнул кто-то.

Из домика выбежал старик. Он захлопнул за собой дверь с такой силой, что змея качнулась и жалко дернула хвостом. Старик был ниже Морфина и неправильно сложен: слишком широкоплеч и длиннорук. В сочетании с блестящими карими глазками, короткими жесткими волосами и морщинистым лицом это делало его похожим на сильную старую обезьяну. Он остановился перед человеком с ножом, который глядел вниз на Огдена и очень неприятно смеялся.

– Из министерства, да? – спросил старик, тоже поглядев на Огдена.

– Совершенно верно! – сердито бросил тот, ощупывая лицо. – А вы, насколько я понимаю, мистер Монстер?

– Точно, – ответил Монстер. – Получил по роже, да?

– Да! – огрызнулся Огден.

– Надо было сообщить о визите, ясно? – агрессивно заявил Монстер. – Здесь частное владение. А коль приперся, так нечего ждать, что мой сын и защищаться не станет.

– От кого, скажите на милость? – Огден с трудом поднялся на ноги.

– От любопытных носов. Надоедал всяких. Муглов и прочей грязи.

Огден указал палочкой себе на нос, откуда все еще обильно выливался желтый гной. Поток мгновенно иссяк. Мистер Монстер сквозь зубы обратился к Морфину:

– *Иди в дом. Не спорь.*

На сей раз Гарри был готов и сразу распознал серпентарго; он прекрасно понимал, о чем речь, но в то же время различал странное шипение, которое слышал Огден. Морфин, казалось, хотел возразить, но под угрожающим взглядом отца передумал, неуклюже побрел к домику и захлопнул за собой дверь. Несчастная змея грустно махнула хвостом.

– Я к вашему сыну, мистер Монстер, – сказал Огден, вытирая с сюртука остатки гноя. – Это же был Морфин, верно?

– Да, Морфин, – равнодушно отозвался старик, но потом вдруг окрысился: – А ты чистокровный?

– Вас это не касается, – холодно ответил Огден, и уважение Гарри к этому человеку сразу возросло.

Монстер, очевидно, отнесся к его словам иначе. Он прищурился в лицо Огдену и пробормотал оскорбительным тоном:

– А знаешь что? Внизу, в деревне, я таких носов навидался.

– Неудивительно, если там бывает ваш сын, – парировал Огден. – Мы могли бы продолжить разговор в доме?

– В доме?

– Да, мистер Монстер. Я же сказал: я здесь из-за Морфина. Мы посылали сову...

– Мне от сов толку нету, – отрезал Монстер. – Я писем не читаю.

– Тогда незачем жаловаться, что вас не предупредили о визите, – едко заметил Огден. – Я прибыл, чтобы разобраться в серьезном нарушении колдовских законов, имевшем место сегодня ночью...

– Хорошо, хорошо, хорошо! – взревел Монстер. – Заходи в мой проклятый дом, раз тебе так приспичило!

В доме, похоже, было три комнатушки: из главной, служившей одновременно кухней и гостиной, вели еще две двери. Перед чадящим камином в грязном кресле сидел Морфин. Он вертел толстыми пальцами живую гадюку и мурлыкал на серпентарго:

*Шур-шур-шур, змеючка,
Ползи по полу,
Поиграй с Морфином,
Не то к двери прибью.*

В углу у открытого окна раздался шум, и Гарри понял, что здесь есть кто-то еще – девушка в рваном платье, сером, сливавшемся с грязной стеной. Она стояла у котла, что дымил на закопченной черной плите, и возилась с убогими кастрюлями и сковородками на полке. У нее были прилизанные тусклые волосы и невзрачное бледное лицо с тяжелыми чертами. Глаза, совсем как у брата, смотрели в разные стороны. Она выглядела опрятнее мужчин, но все же Гарри подумал, что никогда еще не видел такого забитого существа.

– Дочка, Меропа, – неохотно пояснил Монстер в ответ на вопросительный взгляд Огдена.

– Доброе утро, – поздоровался Огден.

Она не ответила, лишь испуганно посмотрела на отца и снова отвернулась к кастрюлям.

– Итак, мистер Монстер, – начал Огден, – перейдем к делу. У нас есть основания полагать, что ночью ваш сын Морфин исполнил заклятие на глазах у мугла...

БАМС! Меропа уронила кастрюлю.

– Подыми! – заорал Монстер. – Ага, ага, вози ручонками по полу, как грязная мугловка! Палочка тебе на кой, дура ты бесполезная?

– Мистер Монстер, прошу вас! – воскликнул шокированный Огден.

Меропа, которая уже подняла кастрюлю, пошла пятнами и снова выпустила ее из рук. Потом дрожащей рукой вытащила из кармана палочку, направила ее на кастрюлю и еле слышно, торопливо пробормотала заклинание. Кастрюля метнулась к противоположной стене, ударились о нее и раскололась надвое.

Морфин зашелся клекочущим смехом. Монстер завопил:

– Почини, быстро почини, идиотка!

Меропа, спотыкаясь, кинулась к кастрюле, но даже не успела поднять палочку – Огден поднял свою и твердо сказал:

– Репаро.

Кастрюля моментально склеилась.

Монстер, похоже, хотел закричать на Огдена, но передумал и вместо этого, ослабясь, бросил дочери:

– Повезло? Министр тебе доброго дядю прислал, да? Может, ему тебя и сбудет, раз он не против поганых швахов…

Меропа, ни на кого не глядя и не поблагодарив Огдена, дрожащими руками подняла кастрюлю, поставила обратно на полку и замерла, прислонившись спиной к стенке между грязным окном и плитой, словно больше всего на свете мечтала власти в нее и исчезнуть.

– Мистер Монстер, – снова заговорил Огден, – как я сказал, причина моего визита…

– Я прекрасно расслышал! – резко перебил Монстер. – И что? Морфин задал муглу перцу, и поделом, – а теперь что?

– Морфин нарушил колдовской закон, – строго произнес Огден.

– *Морфин нарушил колдовской закон*, – издевательски пропел Монстер. Морфин захехекал. – Преподал муглишке урок – теперь уж и это незаконно, что ли?

– Да, – кивнул Огден, – боюсь, что так.

Он вытащил из внутреннего кармана и развернул небольшой пергаментный свиток.

– А это чего, приговор? – сердито рявкнул Монстер.

– Это вызов в министерство на слушание…

– Вызов? Вызов? Да кто ты такой, вызывать моего сына?

— Я — глава департамента защиты магического правопорядка, — объяснил Огден.

— А мы, значит, дермо вонючее, так? — завизжал Монстер, наступая на Огдена и тыча грязным желтым ногтем ему в грудь. — Дерьмо, которое должно бегать на задних лапках, как министерство прикажет? Да ты знаешь, с кем разговариваешь, паскудное ты мугродье, а?

— По моим сведениям, с мистером Монстером, — произнес Огден осторожно, но не теряя самообладания.

— Именно! — проревел Монстер и выставил средний палец. Гарри сначала решил, что это непристойный жест, но потом понял, что Монстер демонстрирует Огдену уродливое кольцо с черным камнем. — Видал? Видал? Знаешь, что это такое? Знаешь откуда? Оно в нашей семье уже много веков, вот откуда идет наш род, и сплошь чистая кровь! Знаешь, сколько мне за него предлагали? На камне-то — герб Певереллов!

— Представления не имею, — пожал плечами Огден и моргнул: кольцо промелькнуло в дюйме от его носа, — но это абсолютно не важно, мистер Монстер. Ваш сын совершил...

Монстер с яростным ревом бросился к дочери. Его рука метнулась к ее горлу, и Гарри испугался, что он собирается придушить несчастную, но Монстер потащил Меропу к Огдену за золотую цепь на шее.

— Видал? — вопил он, потрясая тяжелым золотым медальоном. Меропа в ужасе хрипела и задыхалась.

— Вижу, вижу! — поспешил заверил Огден.

— Это *Слизерина*! — орал Монстер. — Салазара Слизерина! Мы — последние его потомки! Что вы на это скажете, а?

— Мистер Монстер, ваша дочь! — в тревоге воскликнул Огден, но Монстер уже отпустил Меропу; та, шатаясь, побрела в свой угол. Она потирала шею и хватала ртом воздух.

— Ну? — победно выкрикнул Монстер, словно привел абсолютно неопровергимый аргумент. — И нечего так разговаривать, будто мы тишина болотная! Много поколений чистокровок, и все колдуны — про *тебя* такого небось не скажешь!

Он плонул на пол под ноги Огдену. Морфин опять захехекал. Меропа жалась у окна, повесив голову — тусклые прямые волосы

скрывали ее лицо, – и молчала.

– Мистер Монстер, – не отступил Огден, – боюсь, что ни ваши, ни мои предки не имеют ни малейшего отношения к делу. Я здесь из-за Морфина и мугла, на которого он напал ночью. По нашей информации, – он заглянул в пергамент, – Морфин навел порчу на означенного мугла и вызвал у него приступ крайне болезненной крапивницы.

Морфин хихикнул.

– *Тише, мальчик*, – бросил Монстер на серпентарго, и его сын затих. – А если и так, что с того? – с вызовом сказал Монстер Огдену. – Надо думать, вы уже почистили муглишке лицико заодно с памятью?

– Речь не об этом, мистер Монстер, – отозвался Огден. – Это было ничем не спровоцированное нападение на беззащитного…

– А я враз почуял, что ты любитель мугродья, едва ты вошел, – гадко ухмыльнулся Монстер и еще раз плонул на пол.

– Такой разговор контрпродуктивен, – решительно заявил Огден. – Поведение вашего сына доказывает, что он нисколько не раскаивается. – Огден опять заглянул в пергамент. – Морфин должен явиться на слушание четырнадцатого сентября и ответить на обвинение в использовании магии на глазах у мугла и причинении ему физического и морального ущерба…

Огден осекся. С улицы послышался звонкий цокот копыт и громкие веселые голоса. Очевидно, дорога в деревню проходила вблизи от дома. Монстер широко раскрыл глаза и замер, прислушиваясь. Морфин алчно зашипел и повернулся к окну. Меропа подняла голову. Гарри заметил, что она побелела как мел.

– Ах, какое убожество! – прозвенел девичий голосок так отчетливо, словно его обладательница стояла прямо в комнате. – Том, почему твой отец не прикажет снести эту лачугу?

– Она не наша, – ответил юношеский голос. – По ту сторону дороги все принадлежит нам, а здесь живет нищий старишка Монстер и его дети. Сынок, кстати, полный псих. Слышала бы ты, что про него рассказывают в деревне…

Девушка рассмеялась. Цокот копыт становился все громче. Морфин дернулся, собираясь встать с кресла.

– *Сиди*, – предупредил его отец на серпентарго.

— Том, — девичий голосок звучал очень близко; видимо, они уже были напротив дома, — может, я ошибаюсь... но, кажется, к двери кто-то прибил змею...

— Святые небеса, и правда! — ответил юноша. — Наверное, сынок; я же говорю, у него с головой не в порядке. Не смотри туда, Сесилия, дорогая.

Цокот стал удаляться.

— «Дорогая», — прошептал Морфин сестре на серпентарго. — «Дорогая», так он ее назвал. Значит, все равно он тебя не возьмет.

Меропа совсем побелела. Гарри боялся, что она вот-вот упадет в обморок.

— Что такое? — вмешался Монстер. Он тоже говорил на серпентарго, переводя взгляд с сына на дочь. — О чем ты, Морфин?

— Она любит глазеть на этого мугла, — злорадно ответил Морфин, глядя на сестру, которая от страха остолбенела. — Вечно торчит в саду, когда он проезжает, пялитя сквозь изгородь. А ночью...

Меропа умоляюще вскинула голову, но Морфин безжалостно продолжал:

— Чуть из окна не вывалилась, все ждала, когда он проедет домой!

— Смотрела из окна на мугла? — тихо проговорил Монстер.

Монстры начисто забыли про Огдена. Тот в раздраженном изумлении следил за новым всплеском непонятного шипа и хрипа.

— Это правда? — помертвевшим голосом спросил Монстер и сделал пару шагов к испуганной дочери. — Моя дочь... семя Салазара Слизерина... сохнет по грязнокровому муглу?

Меропа, не в силах произнести ни слова, отчаянно затрясла головой и вжалась в стену.

— Но уж я ему показал, отец! — захехекал Морфин. — Подстерег, когда он проезжал! С прыщами он уже не такой красавчик, верно, Мерона?

— Ах ты паршивая шваха, ах ты грязная предательница! — не владея собой, взревел Монстер и обхватил руками горло дочери.

Огден и Гарри хором завопили: «Нет!» Огден поднял волшебную палочку и выкрикнул:

— Релацио!

Монстер отлетел от дочери, задел стул и упал на спину. Морфин с яростным воем вскочил с кресла и ринулся на Огдена, потрясая

окровавленным ножом и паля во все стороны заклинаниями.

Огдену оставалось только спасать свою жизнь. Думбльдор махнул рукой – мол, надо идти за ним; Гарри повиновался. Им вслед неслись крики Меропы.

Огден, прикрывая руками голову, понесся по тропинке, выскочил на дорогу и столкнулся с лоснящимся гнедым скакуном, на котором сидел очень красивый темноволосый юноша. Он и хорошенькая девушка, ехавшая рядом на серой лошади, громко расхохотались. Огден, с ног до головы в пыли, отлетел от лошадиного бока и помчался дальше. Он бежал, не разбиная дороги, и полы его сюртука развевались.

– Думаю, этого достаточно, Гарри, – сказал Думбльдор, взял Гарри под локоть и легонько потянул. Они невесомо проскользили сквозь тьму и приземлились в кабинете. Там уже сгостились сумерки. Думбльдор мановением палочки зажег лампы, и Гарри сразу спросил:

– Что случилось с девушкой? Меропой или как ее там?

– О, ничего страшного, – ответил Думбльдор. Он уселся за письменный стол и жестом пригласил Гарри последовать своему примеру. – Огден аппарировал в министерство и буквально через пятнадцать минут вернулся с подкреплением. Морфин с отцом дрались, но их одолели и забрали из дома. Впоследствии Мудрейх приговорил их к заключению в Азкабан. Морфин, за которым уже числился ряд нападений на муглов, получил три года. Ярвело ранил, кроме Огдена, нескольких министерских служащих, и получил шесть месяцев.

– Ярвело? – изумленно повторил Гарри.

– Совершенно верно. – Думбльдор одобрительно улыбнулся. – Рад, что это не ускользнуло от твоего внимания.

– То есть этот старик...

– Дед Вольдеморта, – кивнул Думбльдор. – Ярвело, его сын Морфин и дочь Меропа были последними представителями семейства Монстров, очень древнего колдовского рода, знаменитого редкой жестокостью и многочисленными психическими болезнями – следствием привычки заключать браки между кузенами и кузинами. Отсутствие здравого смысла в сочетании с большой любовью к роскоши привели к тому, что семейное состояние было промотано еще за несколько поколений до Ярвело. Он, как ты сам видел, оказался в

полной нищете – в придачу к весьма дурному характеру, фантастической гордыне и самовлюбленности да парочке фамильных ценностей, которыми он дорожил не меньше, чем сыном, и гораздо больше, чем дочерью.

– Значит, Меропа, – Гарри подался вперед и пристально посмотрел на Думблдора, – Меропа... Сэр, значит, она... мать *Вольдеморта*?

– Да, – кивнул Думблдор. – И нам посчастлилось мельком увидеть его отца. Ты заметил?

– Мугл, на которого напал Морфин? Человек на коне?

– Замечательно, – просиял Думблдор. – Да, то был Том Реддль-старший, красавец-мугл, имевший обыкновение проезжать мимо домика Монстеров. Меропа питала к нему тайную жгучую страсть.

– И они поженились? – недоверчиво спросил Гарри, не в силах представить себе менее подходящей пары.

– Ты, кажется, забыл, – сказал Думблдор, – что Меропа была ведьмой. Вряд ли она могла выгодно продемонстрировать свои колдовские способности при тиране-отце. Но, когда Ярволо и Морфин угодили в Азкабан, она впервые за восемнадцать лет оказалась свободна и наверняка решила воспользоваться тем, что умела, дабы изменить свою несчастную жизнь. Догадываешься, как Меропа заставила Тома Реддля влюбиться в нее и забыть подругу-мутлянку?

– Проклятие подвластия? – предположил Гарри. – Любовное зелье?

– Очень хорошо. Лично я склоняюсь к любовному зелью. Я думаю, она сочла бы, что это романтичнее. К тому же вряд ли трудно было жарким полднем убедить Тома, когда он проезжал мимо один, выпить воды. Так или иначе, уже через несколько месяцев после сцены, свидетелями которой мы стали, жители Малого Висельтона жарко обсуждали невероятное происшествие – побег сына сквайра с нищенкой Меропой. Можешь представить, сколько было сплетен... Но потрясение деревенских жителей не шло ни в какое сравнение с возмущением Ярволо. Он вернулся из Азкабана, рассчитывая увидеть покорную дочь и горячий обед на столе, а вместо этого нашел дюймовый слой пыли да прощальную записку... Насколько я знаю, он с тех пор не произносил имени дочери и даже не упоминал о ее существовании. Предательство Меропы, вероятно, приблизило его смерть – впрочем, не исключено, что он просто не научился

самостоятельно стряпать. После Азкабана он очень ослабел и не дождался возвращения Морфина из тюрьмы.

– А Меропа? Она... умерла, да? Ведь Вольдеморт воспитывался в приюте?

– Да, – ответил Думблдор. – Конечно, здесь мы опять обращаемся к сфере догадок, но все же дальнейший ход событий не так трудно вычислить. Дело в том, что через несколько месяцев после тайной свадьбы Том Реддль вернулся домой без жены. По слухам, он утверждал, что его «околпачили», «обдурили». Я думаю, он знал, что одно время находился под воздействием колдовских чар, но, осмелюсь предположить, не рассказывал об этом в таких выражениях, опасаясь, что его примут за сумасшедшего. Однако люди решили, что Меропа солгала ему, притворилась, будто ждет ребенка, и потому он на ней женился.

– Она же *действительно* родила ребенка.

– Да, но только через год после свадьбы. Том Реддль бросил ее беременную.

– А что случилось? – спросил Гарри. – Почему перестало действовать любовное зелье?

– Опять же остается только гадать, – проговорил Думблдор. – Мне кажется, Меропа так сильно любила мужа, что не могла держать его в рабстве колдовством и решила отказаться от зелья. Она была без ума от него и, наверное, убедила себя, что и он влюбился в нее понастоящему. Или считала, что он останется с ней ради ребенка. В любом случае бедняжка ошиблась. Он бросил ее, никогда не искал с ней встреч и не потрудился узнать, что стало с сыном.

Небо за окном стало чернильно-черным; лампы как будто засветились ярче.

– Пожалуй, Гарри, на сегодня достаточно, – чуть погодя сказал Думблдор.

– Да, сэр.

Гарри встал, но не спешил уходить.

– Сэр... а это важно – знать прошлое Вольдеморта?

– Очень важно, – ответил Думблдор.

– А это... имеет отношение к пророчеству?

– Самое прямое.

– Понятно. – Гарри, хоть и недоумевал, все же успокоился.

Он шагнул к двери, но вспомнил еще кое-что и снова обернулся:

– Сэр, а Рону с Гермионой можно рассказать?

Думбльдор, подумав, ответил:

– Да. Полагаю, мистер Уизли и мисс Грейнджен доказали, что им можно доверять. Но, Гарри, пожалуйста, попроси их не рассказывать никому больше. Нехорошо, если пойдут слухи о том, сколько мне всего известно о тайнах лорда Вольдеморта.

– Нет, сэр, кроме них, никто не узнает. Спокойной ночи.

Он почти уже дошел до двери, когда вдруг увидел на одном из тонконогих столиков с хрупкими серебряными приборами уродливое золотое кольцо с большим, надтреснутым черным камнем. Уставившись на него, Гарри пробормотал:

– Сэр, это кольцо...

– Да? – откликнулся Думбльдор.

– Я видел его на вас, когда мы были у профессора Дивангарда.

– Верно, – признал Думбльдор.

– Но это же... сэр, это же то кольцо, которое Ярвело Монстер показал Огдену?

Думбльдор кивнул:

– То самое.

– Но как?.. Оно всегда у вас было?

– Нет, оно попало ко мне совсем недавно, – сказал Думбльдор. – Буквально за несколько дней до того, как я забрал тебя от дяди с тетей.

– Примерно тогда же вы повредили руку, да, сэр?

– Примерно, да.

Гарри замер в нерешительности. Думбльдор улыбался.

– Сэр, а как именно?..

– Уже поздно, Гарри. Ты услышишь эту историю в другой раз.

Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Глава одиннадцатая

Гермиона гарантировала

Гермиона оказалась права: свободные часы в расписании шестиклассников отводились не для счастливого ничегонеделания, о котором так мечтал Рон, а для немыслимого количества домашних заданий. Ребята занимались так, словно каждый день готовились к новым экзаменам, да и сами предметы требовали гораздо большей отдачи. На превращениях Гарри теперь понимал лишь половину объяснений; даже Гермиона иной раз просила профессора Макгонаголл повторить сказанное. Однако поразительнее всего было то, что Гарри – благодаря Принцу-полукровке и к вящему неудовольствию Гермионы – неожиданно стал отличным зельеделом.

Владения невербальными заклятиями требовал теперь не только Злей, но и Флитвик с Макгонаголл, и Гарри регулярно видел, как в общей гостиной или в Большом зале одноклассники багровеют и пыжатся, будто наглотавшись «Полного Непрокака», хотя на самом деле всего лишь пытаются молча колдовать. От такого напряжения хотелось развеяться и было приятно выйти из замка в теплицы – по гербологии они проходили весьма опасные растения, но там по крайней мере не запрещалось от души высказаться, если сзади тебя неожиданно хватала щупалица ядовитая.

Из-за всех этих мучений Гарри, Рон и Гермиона до сих пор не могли найти времени навестить Огрида. Он перестал приходить за преподавательский стол – зловещий знак – и таинственным образом слеп и глух, когда изредка сталкивался с ребятами во дворе или в коридоре.

В субботу за завтраком Гермиона, взглянув на пустое кресло Огрида, заявила:

- Надо пойти к нему и все объяснить.
- У нас же отборочные испытания! – воскликнул Рон. – Плюс «агуаменти» для Флитвика! И вообще, объяснить что? Что мы всегда ненавидели его дурацкий предмет?

– Это не так! – возразила Гермиона.

– Говори за себя, а я пока не забыл драклов, – хмуро бросил Рон. – И я вот что тебе скажу: неизвестно, каких еще несчастий мы избежали. Ты не слышала, как он разглагольствовал о своем тупоумном братике, – если б мы остались, сейчас, наверное, учили бы Гурпа шнуровать ботиночки.

– Мне плохо, когда Огрид с нами не разговаривает, – огорченно призналась Гермиона.

– Мы пойдем к нему после квидиша, – пообещал Гарри. Он тоже скучал по Огриду, хотя, как и Рон, считал, что без Гурпа живется легче. – Но испытания могут занять все утро: народу записалась уйма. – Гарри немного нервничал, сомневаясь, справится ли с ролью капитана. – Не понимаю, откуда вдруг такой повальный интерес к квидишу?

– Ой, брось, Гарри, – с неожиданным раздражением отмахнулась Гермиона. – Не к *квидишу*, а к тебе! Ты еще никогда не вызывал столько интереса – и романтического в том числе.

Рон поперхнулся селедкой. Гермиона смерила его коротким презрительным взглядом и снова повернулась к Гарри:

– Все теперь знают, что ты говорил правду. Что Вольдеморт вернулся, а ты за последние два года дважды сражался с ним и он не смог тебя победить. Теперь ты – Избранный… Ты что, правда не видишь, как народ от тебя млеет?

Гарри вдруг стало очень жарко, несмотря на затянутый тучами потолок.

– *Вдобавок* – гонения министерства, когда тебя пытались выставить сумасшедшим вруном. Эта ужасная женщина заставляла тебя писать собственной кровью… вон на руке до сих пор следы… а ты не отступил…

– У меня тоже до сих пор отметины после министерских мозгов, смотри. – Рон тряхнул рукавом, обнажая предплечье.

– И то, что ты за лето вырос на целый фут, тоже не вредит делу, – закончила Гермиона, не обращая внимания на Рона.

– Я высокий, – почему-то счел нужным сообщить тот.

Прибыла совиная почта. Птицы стремительно ворвались в залитые дождем окна и забрызгали все вокруг. В последнее время писем приходило намного больше; родители тревожились за детей и хотели

убедиться, что с ними все в порядке, а заодно сообщали, что и дома все хорошо. Гарри с начала триместра не получил ни одного письма: единственный его корреспондент умер, а надежды на весточку от Люпина пока не оправдывались. Поэтому он сильно удивился, заметив в серо-коричневой стае белоснежную Хедвигу. Она приземлилась возле Гарри с большим прямоугольным свертком. Секунду спустя точно такой же сверток опустился перед Роном, придавив выдохшегося миниатюрного почтальона – Свинринстеля.

– Ха! – воскликнул Гарри, развернув посылку и обнаружив новехонький экземпляр «Высшего зельеделия», только что от Завитуша и Клякца.

– Замечательно, – обрадовалась Гермиона. – Отдашь наконец свое размалеванное старье.

– С ума сошла? – возмутился Гарри. – Я оставлю его себе! Смотри, что я придумал…

Он достал из рюкзака потрепанное «Высшее зельеделие» и постучал по обложке волшебной палочкой, пробормотав: «Диффиндо!» Обложка отвалилась. Он проделал то же самое с новой книгой (возмущению Гермионы не было предела). Потом поменял обложки местами и постучал по обеим со словами: «Репаро!»

Так книга Принца оказалась замаскирована под новый учебник, а «Высшее зельеделие» от Завитуша и Клякца приобрело потрепанный вид.

– Отдам Дивангарду чистенькую книжку. Разве плохо? Она стоит целых девять галлеонов.

Гермиона сердито поджала губы, но, к счастью, сразу отвлеклась, поскольку прилетела еще одна сова со свежим номером «Оракула». Гермиона торопливо развернула его и пробежала глазами первую полосу.

– Кто-нибудь из знакомых дал дуба? – с деланой небрежностью спросил Рон; он задавал этот вопрос всякий раз, когда она открывала газету.

– Нет, но отмечены новые нападения дементоров, – ответила Гермиона. – И еще арест.

– Здорово, кто? – спросил Гарри. Он подумал о Беллатрикс Лестранж.

– Стэн Самосвалт, – сказала Гермиона.

– Что? – поразился Гарри.

– «Стэнли Самосвалт, кондуктор известного колдовского транспортного средства “ГрандУлет”, арестован по подозрению в принадлежности к Упивающимся Смертью. Мистер Самосвалт, 21 года, был взят под стражу вчера поздно ночью после рейда, проведенного в его доме в Клэпэме...»

– Стэн Самосвалт – Упивающийся Смертью? – с сомнением проговорил Гарри, вспоминая прыщавого юнца, с которым познакомился три года назад. – Да никогда!

– Он мог попасть под проклятие подвластия, – резонно заметил Рон. – Никогда ведь не угадаешь.

– Вряд ли, – пробормотала Гермиона, не отрывая глаз от текста. – Здесь написано, его арестовали, потому что кто-то слышал, как он в пабе разглагольствовал о секретных планах Упивающихся Смертью. – Она с тревогой посмотрела на Рона и Гарри. – Под проклятием подвластия он вряд ли стал бы выдавать их планы.

– По-моему, он просто делал вид, будто знает больше, чем на самом деле, – сказал Рон. – Это ведь он пытался закадрить вейлу и хвастался, что станет министром магии?

– Он самый, – подтвердил Гарри. – Не понимаю, о чем они думают? Принимать всерьез Стэна!

– Наверное, хотят показать, что не сидят сложа руки, – нахмурилась Гермиона. – Все в панике... Вы знаете, что близняшек Патил собираются забрать домой? А Элоизу Мошкар уже забрали. Отец приехал за ней вчера вечером.

– Что?! – Рон вытаращил глаза на Гермиону. – Но ведь в «Хогварце» безопасней, чем дома! У нас тут авроры, и куча защитных заклинаний, и Думблдор!

– Вряд ли он здесь все время, – тихо сказала Гермиона, взглянув поверх газеты на преподавательский стол. – Не заметили? Всю неделю его не было примерно столько же, сколько Огрида.

Гарри и Рон тоже посмотрели на учительский стол. Кресло директора в самом деле пустовало, и Гарри вдруг понял, что не видел Думблдора с прошлой недели, с их индивидуального занятия.

– Мне кажется, он сейчас не в школе, а где-то по делам Ордена, – еле слышно продолжила Гермиона. – В смысле... обстановка-то, похоже, серьезная, правда?

Гарри и Рон не ответили, но было ясно, что все подумали об одном и том же. Накануне произошло страшное: Ханну Аббот вызвали с гербологии и сообщили о смерти матери. С тех пор Ханну никто не видел.

Через пять минут Гарри, Рон и Гермиона встали из-за стола, вышли на улицу и сквозь туманную, холодную морось отправились к стадиону. По дороге им встретились Лаванда Браун и Парвати Патил, которые взбудораженно о чем-то шептались. Неудивительно, раз Парвати хотят забрать из «Хогварца»... Удивительно было другое: Гарри в недоумении заметил, что при виде Рона Парвати внезапно пихнула локтем Лаванду, а та оглянулась и одарила Рона ослепительной улыбкой. Рон заморгал, потом неуверенно улыбнулся в ответ и прошел дальше – можно даже сказать, прошествовал. Гарри подавил хохот: Рон ведь не смеялся, когда Малфой разбил Гарри нос. Гермиона, однако, сделалась холодна и всю дорогу до стадиона молчала, а потом отправилась искать место на трибуне, не пожелав Рону удачи.

Отборочные испытания, как и предвидел Гарри, продолжались все утро. Попытать счастья пришла минимум половина «Гриффиндора», начиная с первоклассников, нервно цеплявшихся за ужасно старые школьные метлы, и заканчивая невозмутимыми семиклассниками, которые возвышались над остальными претендентами и внушали робость одним своим видом. Среди них был и тот здоровяк с жесткими волосами, с которым Гарри познакомился в «Хогварц-экспрессе». Он уверенно выступил из толпы, протягивая Гарри руку:

– Мы встречались в поезде у старика Дивангарда. Кормак Маклагген, Охранник.

– Ты ведь не пробовался в прошлом году? – спросил Гарри, оценивающе глядя на его квадратную фигуру. Такой, пожалуй, не шевелясь закроет собой все три кольца.

– Да, я был в лазарете. – Маклагген важно вздернул подбородок. – Съел на спор фунт мольфейных яиц.

– Ясно, – сказал Гарри. – Ладно... подожди пока там...

Он показал на край поля, туда, где сидела Гермиона. От него не укрылось легкое раздражение, скользнувшее по лицу Маклаггена: видно, тот ждал к себе особого отношения, коль скоро они оба – любимцы «старика Дивангарда».

Гарри решил начать с базовой проверки и попросил всех соревнующихся разделиться на группы по десять человек и один раз облететь поле. Решение оказалось верным: сразу стало ясно, что первая десятка – сплошь первоклашки – едва ли летала раньше. Продержаться в воздухе дольше нескольких секунд сумел всего один мальчик; правда, он и сам так удивился, что немедленно врезался в шест.

Во второй группе собрались, похоже, десять самых глупых девочек на свете; когда Гарри дунул в свисток, они только расхихикались и принялись хвататься друг за друга. Среди них была и Ромильда Вейн. Гарри велел дурочкам покинуть поле; те весело удалились, сели на трибуне и стали задирать всех вокруг.

Третья десятка на полпути устроила кучу малу. В четвертой большинство явилось без метел. Пятая группа состояла из хуффльпуффцев.

– Если есть кто-то еще из «Гриффиндора», – закричал Гарри, уже потихоньку зверея, – пожалуйста, уходите прямо сейчас!

После минутной паузы два маленьких вранзорца, хрюкая от смеха, убежали с поля.

Прошло два часа. Вытерпев множество жалоб и бурных истерик (причиной одной из них послужили сломанная «Комета 260» и несколько выбитых зубов), Гарри сумел выбрать трех Охотниц: Кэти Белл, которая показала превосходные результаты и вернулась в команду, Демельзу Робинс, настоящую находку, умевшую на редкость ловко уворачиваться от Нападал, и Джинни Уизли. Последняя превзошла всех соперников и к тому же забила семнадцать голов. Гарри был доволен выбором, но ужасно охрип от бесконечных пререканий с жалобщиками, а теперь переживал все то же самое с отвергнутыми Отбивалами.

– Это мое окончательное решение! Не перестанешь мешать Охранникам – заколдую! – вопил он.

Никто из новых Отбивал не мог сравниться с Фредом и Джорджем, и все же Гарри они вполне устраивали. Джимми Пикс, невысокий, но очень широкоплечий третьяклассник, так яростно отразил Нападалу, что у Гарри на затылке появилась шишка величиной с голубиное яйцо; Ричи Дауж выглядел хиловато, зато бил метко. Отбивалы сели на

трибунах рядом с Кэти, Демельзой и Джинни, чтобы посмотреть на испытания Охранников.

Гарри специально отложил это напоследок, уповая на то, что часть народу успеет разойтись и накал страстей будет меньше. Но, увы, отвергнутые игроки никуда не ушли, а к толпе добавились лентяи, которые только недавно кончили завтракать, так что зрителей на трибунах стало еще больше, чем вначале. Симпатии разделились; каждого Охранника подбадривали криками и одновременно освистывали. Гарри обеспокоенно взглянул на Рона. Тот был очень нервным игроком; Гарри надеялся, что после выигрыша в прошлогоднем финальном матче Рон излечится, но, видно, надеялся зря: сейчас Рон слегка позеленел.

Ни один из первых пяти претендентов не отбил больше двух мячей, зато Кормак Маклагген, к великому огорчению Гарри, взял четыре, и только на последнем, пятом, почему-то метнулся в противоположную сторону. Зрители засмеялись, заулююкали; Маклагген вернулся на землю, гневно сжимая челюсти.

Рон, усаживаясь на «Чистую победу 11», был близок к обмороку.

— Удачи! — крикнул кто-то с трибун. Гарри оглянулся, полагая, что это Гермиона, но кричала, как выяснилось, Лаванда. Она сразу же закрыла лицо ладонями. Гарри тоже с удовольствием бы так поступил, но решил, что капитан обязан быть мужественным, и заставил себя смотреть на испытание Рона.

Волноваться между тем не стоило: Рон взял один, два, три, четыре, пять мячей подряд. Гарри, еле сдерживаясь, чтобы не присоединиться ко всеобщим восторженным крикам, уже собрался сказать Маклаггену, что, как ни печально, победа за Роном, обернулся и буквально в дюйме от своего носа увидел красную физиономию Маклаггена. Гарри в страхе попятился.

— Его сестрица не сильно старалась, — свирепо произнес Маклагген. На его виске пульсировала жилка, совсем как та, что завораживала Гарри при разговорах с дядей Верноном. — Она ему подыгрывала.

— Чушь, — холодно возразил Гарри. — Как раз этот мяч он чуть было не прошляпил.

Маклагген угрожающе шагнул к Гарри, но на сей раз тот не отступил.

— Дай мне попробовать еще.

— Не дам. У тебя был шанс. Ты взял четыре мяча. Рон взял пять. Охранником будет он, он честно выиграл. Уйди с дороги.

На мгновение ему показалось, что Маклагген сейчас его ударит, но тот лишь скорчил злобную гримасу и кинулся прочь, изрыгая проклятия.

Гарри повернулся к своей новой команде. Все ему улыбались.

— Молодцы, — хрипло похвалил он. — Отлично играли...

— Ты просто гений, Рон!

Теперь это действительно была Гермиона; она бежала к ним от трибун. Весьма недовольная Лаванда Браун удалилась под руку с Парвати. Рон был чрезвычайно горд и даже, кажется, стал выше ростом; он счастливо вертел головой, улыбаясь команде и Гермионе.

Гарри назначил первую тренировку на следующий четверг, после чего они с Роном и Гермионой попрощались с остальными и направились к Огриду. Морось наконец прекратилась, сквозь облака робко проглядывало бледное солнце. Гарри страшно проголодался; он надеялся, у Огрида найдется что-нибудь поесть.

— Я думал, что пропущу четвертый мяч, — радостно говорил Рон. — Видали, как хитро Демельза его закрутила...

— Да, ты был просто великолепен, — подтвердила Гермиона, явно забавляясь.

— Уж получше, чем Маклагген, — с неподражаемым самодовольствием сказал Рон. — Как он рванул не туда на пятом мяче, а? Будто под заморочным заклятием...

К изумлению Гарри, Гермиона вдруг сильно покраснела. Рон ничего не заметил; он был слишком увлечен любовным живописанием своих подвигов.

Перед хижиной Огрида стоял привязанный Конькур, громадный серый гиппогриф. Завидев ребят, он повернулся к ним свою массивную голову и защелкал острый как бритва клювом.

— Ужас какой, — нервно пролепетала Гермиона. — Все-таки он очень страшный.

— Брось, ты ж на нем летала, — отозвался Рон.

Гарри шагнул вперед и низко поклонился гиппогрифу, глядя ему прямо в глаза и не мигая. Через несколько секунд Конькур тоже опустился в поклоне.

— Как поживаешь? — тихо спросил Гарри и подошел ближе, чтобы погладить зверя по оперенной голове. — Скучаешь по нему? Но тебе ведь хорошо здесь с Огридом, правда?

— Эй! — громко окликнул чей-то голос.

Из-за угла хижины выскочил Огрид в большом цветастом фартуке, с мешком картошки в руках. Следом появился огромный немецкий дог Клык; он гулко гавкнул и бросился вперед.

— Отойдите! Он вам щас пальцы... а-а. Это вы.

Клык прыгал на Рона и Гермиону, пытаясь лизнуть их в уши. Огрид секунду постоял, глядя на ребят, потом решительно развернулся и ушел в дом, хлопнув дверью.

— Кошмар! — воскликнула потрясенная Гермиона.

— Не переживай, — сумрачно бросил Гарри, подошел к двери и громко постучал. — Огрид! Открывай, надо поговорить!

Изнутри не раздавалось ни звука.

— Если не откроешь, мы ее взорвем! — Гарри вытащил волшебную палочку.

— Гарри! — с укором воскликнула Гермиона. — Не будешь же ты...

— Еще как буду! — ответил Гарри. — Отойдите...

Ничего больше он сказать не успел: дверь, как он и надеялся, распахнулась. На пороге стоял разгневанный Огрид. Несмотря на цветастый фартук, выглядел он грозно.

— Я — учитель! — взревел он. — Учитель, Поттер! Ты не смеешь взрывать мою дверь!

— Извините, сэр, — ответил Гарри, подчеркнув последнее слово, и спрятал палочку во внутренний карман.

Огрид оторопел:

— С каких это пор я *тебе* «сэр»?

— А с каких это пор я *тебе* «Поттер»?

— А-а, очень остроумно, — пробурчал Огрид, — обхохочешься. Поймал старого дурня, да? Ладно уж, входите, морды неблагодарные...

Хмуро ворча, он отступил и дал ребятам пройти. Гермиона испуганно прошмыгнула в хижину вслед за Гарри.

— Ну? — брюзгливо сказал Огрид, когда Гарри, Рон и Гермиона расселились за огромным деревянным столом. Клык сразу положил

голову Гарри на колено и обслюнявил ему мантию. – Чё надо? Жалеть явились? Думали, я тут с тоски дохну или чего?

– Нет, – ответил Гарри. – Просто хотели тебя повидать.

– Мы по тебе скучали! – звенящим голосом воскликнула Гермиона.

– Скучали, значит? – фыркнул Огрид. – А-а. Да-да.

Он топал по хижине, заваривая чай в огромном медном чайнике, и все время что-то бубнил. Потом наконец шваркнул на стол три большие, как ведра, кружки с бурым чаем и тарелку печенья с изюмом. Гарри так проголодался, что обрадовался и этому, и мгновенно схватил печенье. Огрид сел за стол и принял чистить картошку так свирепо, словно несчастные клубни чем-то жестоко ему досадили.

– Огрид, – робко заговорила Гермиона, – мы правда хотели продолжать занятия...

Огрид еще раз громко фыркнул. Гарри показалось, что на картошку брызнули сопли, и он про себя порадовался, что они не остаются к ужину.

– Честно! – заверила Гермиона. – Но это ну просто никак не вписывается в расписание!

– Ага, конечно, – упрямо сказал Огрид.

Тут что-то странно хлюпнуло, и все оглянулись. Гермиона тихо взвизгнула, а Рон вскочил и быстро обежал стол, подальше от большой бочки в углу. Сначала ребята ее не заметили, а она была до краев полна скользких белых извивающихся личинок футовой длины.

– Что это, Огрид? – Гарри, скрывая отвращение, изобразил интерес, но печенье все же отложил.

– Обычные гигантские гусеницы, – буркнул Огрид.

– А вырастут из них?.. – опасливо спросил Рон.

– Не вырастут, – проворчал Огрид, – я ими Арагога кормлю, – и неожиданно разразился рыданиями.

– Огрид! – воскликнула Гермиона. Она вскочила, бросилась к нему вдоль длинной стороны стола, чтобы не подходить к бочке, и обняла великана за вздрагивающие плечи. – В чем дело?

– Дело... в... нем. – Огрид, судорожно сглатывая, утирал фартуком слезы, которые потоком струились из черных глаз-жуков. – В... Арагоге... Он, кажется, помирает... захворал летом и не поправляется... не знаю, что со мной будет, если... если он... мы с ним всю жисть...

Гермиона растерянно гладила Огрида по плечу и явно не знала, что сказать. Гарри прекрасно ее понимал. Их громадный приятель вполне способен был подарить детенышу дракона плюшевого мишку, самозабвенно ворковать над чудовищными скорпионами со страшными жалами, заботливо воспитывать дикого братца-гиганта... А сейчас речь шла о, пожалуй, самой безрассудной привязанности Огрида: обитателе Запретного леса, огромном говорящем пауке Арагоге, от которого Гарри с Роном чудом спаслись четыре года назад.

— А мы... можем чем-то помочь? — спросила Гермиона, не обращая внимания на то, что Рон отчаянно гримасничает и трясет головой.

— Навряд ли, — ответил Огрид, давясь и пытаясь унять слезы. — Понимаешь, его племя... семья Арагога... как он занедужил... стали такие странные... нервные все...

— Ага, мы заметили, — вполголоса пробурчал Рон.

— ...чужим щас к ним лучше не соваться, только мне, — закончил Огрид, звучно высморкался в фартук и поднял глаза. — Но все равно спасибо, Гермиона... тронут...

После этого обстановка существенно разрядилась: хотя ни Гарри, ни Рон не выказали готовности выкармливать гигантскими гусеницами смертельно опасного паучину, Огрид решил, что они тоже предлагают помочь, и снова стал самим собой.

— Я так и знал, что к вам в расписание не втиснусь, — проворчал он, наливая ребятам еще чаю. — Даже если с времяворотом...

— Ничего бы не вышло, — сказала Гермиона. — Мы же разбили весь министерский запас. Об этом писали в «Оракуле».

— Тогда и ладно, — отозвался Огрид. — Вам бы и никак... Извиняюсь, что... ну, сами понимаете... все нервы из-за Арагога... а еще сомневался, может, профессор Гниллер-Планк лучше...

Тут все трое категорически и абсолютно лживо заявили, что профессор Гниллер-Планк, которая несколько раз заменяла Огрида, отвратительнейший преподаватель. В результате, когда ребята уходили, Огрид уже ощутимо повеселел. Как только дверь закрылась и они торопливо зашагали по темному пустынному двору, Гарри объявил:

— Умираю с голода. — Он чуть не сломал коренной зуб об Огридово печенье и передумал его есть. — А у меня еще сегодня Злей со взысканием, на ужин совсем мало времени...

Войдя в замок, они заметили на пороге Большого зала Кормака Маклаггена. Тот попал в дверь лишь со второй попытки, сначала уткнувшись в косяк. Рон злорадно хохотнул и проследовал за Маклаггеном, а Гарри схватил Гермиону за локоть.

– Что? – мгновенно ощетинилась она.

– На мой взгляд, – тихо сказал Гарри, – кто-то и правда наложил на него заморочное заклятие. Маклагген стоял прямо напротив тебя.

Гермиона вспыхнула.

– Ладно, ладно, это я, – прошептала она. – Но ты бы слышал, что он говорил про Рона и Джинни! И вообще, у него отвратный характер! Видел, как он взбеленился, когда его не взяли? Такой человек в команде не нужен.

– Не нужен, – согласился Гарри, – ты права. Но все равно, это разве честно, Гермиона? Ты же староста!

– Ой, помолчи, – шикнула она.

Гарри ухмыльнулся.

– О чем это вы шепчетесь? – подозрительно осведомился Рон, снова появляясь в дверях Большого зала.

– Ни о чем, – хором ответили Гарри и Гермиона и поспешили за Роном. От запаха ростбифа у Гарри подвело живот. Увы, не успели они сделать и трех шагов к гриффиндорскому столу, как дорогу им преградил профессор Дивангард.

– Гарри, Гарри, тебя-то я и хотел встретить! – добродушно загудел он, подкручивая кончики густых усов и выпячивая огромное пузо. – Надеялся поймать до еды! Что скажешь насчет ужина в моей скромной обители? У нас намечается собранье, совсем небольшое, всего несколько восходящих звездочек! Маклагген, Цабини, очаровательная Мелинда Боббин – не знаю, знаком ли ты? Ее семья владеет огромной сетью аптек… И разумеется, от души надеюсь, что мисс Грейнджен также почтит нас своим присутствием.

Дивангард слегка поклонился Гермионе. Рона словно и не было; Дивангард на него даже не взглянул.

– Никак не могу, профессор, – не раздумывая ответил Гарри. – Меня ждет профессор Злей. У меня взыскание.

– Батюшки мои! – с комическим отчаянием воскликнул Дивангард. – А я так на тебя рассчитывал! Что ж, придется переговорить со Злотеусом, объяснить ситуацию; уверен, что сумею

уговорить его отложить взыскание. Ну-с, Гарри, мисс Грейндженер, до встречи!

Он энергично двинулся к выходу.

– Ему Злея не уговорить, – сказал Гарри, едва Дивангард отошел подальше. – Взыскание уже один раз откладывали. Ради Думбльдора Злей согласился, но больше уж ни для кого.

– Ой, лучше б с тобой, а то как я там одна, – заныла Гермиона; Гарри понял, что она думает о Маклаггене.

– Вряд ли ты будешь одна. Джинни небось тоже пригласили, – недовольно буркнул Рон, очевидно обиженный невниманием Дивангарда.

После еды они пошли в гриффиндорскую башню. В общей гостиной было не протолкнуться, почти все уже вернулись с ужина, но им троим удалось найти свободный столик и сесть. Рон после встречи с Дивангардом куксился, поэтому сложил руки на груди и, нахмурясь, уставился в потолок. Гермиона потянулась за «Вечерним Оракулом», который кто-то оставил в кресле.

– Что новенького? – поинтересовался Гарри.

– Да ничего особенного… – Гермиона развернула газету. – Ой, Рон, смотри, твой папа… Все в порядке! – поскорей заверила она, когда Рон встревоженно вскинул голову. – Просто здесь сообщают, что он побывал в доме у Малфоя. «Это уже второй обыск жилища Упивающегося Смертью, однако он, похоже, не дал результатов. Артур Уизли из отдела по обнаружению и конфискации фальшивых оберегов заявил, что его бригада действовала по сигналу, полученному от частного лица».

– Правильно, от меня! – воскликнул Гарри. – Я рассказал ему на вокзале про Малфоя и ту штуку, которую он хотел починить! Что ж, раз ее нет у них дома, значит, он привез ее в «Хогварц»…

– Каким образом, Гарри? – удивилась Гермиона и отложила газету. – Когда мы приехали, нас всех обыскали, забыл?

– Правда? – недоуменно спросил Гарри. – Меня – нет.

– Ах да, ты же опоздал… Так вот, когда мы проходили в вестибюль, Филч с головы до ног обшарил нас сенсорами секретности. Любую подозрительную вещь обязательно обнаружили бы; я абсолютно точно знаю, что у Краббе конфисковали сушеную голову. Малфой никак не мог ничего протащить!

Некоторое время Гарри обескураженно смотрел, как Джинни играет с пигмейским пухом Арнольдом, — пока не придумал, что возразить:

— Значит, ему это прислали совиной почтой. Мать или еще кто.

— Сов тоже проверяют, — ответила Гермиона. — Нам Филч поведал, пока тыкал сенсорами куда ни попадя.

Гарри не нашел что сказать на это и сдался. Похоже, Малфой действительно не мог протащить в школу ничего опасного. В надежде на поддержку Гарри взглянул на Рона, но тот по-прежнему сидел, скрестив руки на груди, и смотрел на Лаванду Браун.

— А ты не знаешь, как Малфой мог бы?..

— Ой, да кончай уже, — бросил Рон.

— Слушай, я не виноват, что Дивангард пригласил нас с Гермионой на свой дурацкий ужин! Мы вообще не хотим туда идти, ясно? — вспылил Гарри.

— Ну а меня ни на какие ужины не приглашали, — поднимаясь, проговорил Рон, — поэтому я иду спать.

Он решительно направился к двери в спальню мальчиков. Гарри и Гермиона оторопело смотрели ему вслед.

— Гарри? — Рядом неожиданно возникла Демельза Робинс, новая Охотница. — У меня для тебя сообщение.

— От профессора Дивангарда? — с надеждой спросил Гарри и сел прямее.

— Нет... от профессора Злея, — сказала она. У Гарри упало сердце. — Он говорит, что сегодня вечером в половине девятого ты должен быть у него в кабинете и отработать взыскание... э-э... даже если тебя пригласили на двадцать пять ужинов. А еще он просил сказать, что ты будешь сортировать скучечервей для зельеделия, отбирать протухших, и еще... и что защитные перчатки тебе не пригодятся.

— Понял, — мрачно кивнул Гарри. — Спасибо большое, Демельза.

Глава двенадцатая

Серебро и опалы

Но где же Думблдор и чем он занят? За несколько недель Гарри видел директора дважды, да и то мельком. В Большом зале тот не появлялся. Видимо, Гермиона права: Думблдора подолгу не бывает в школе. Но как же уроки, которые он собирался давать Гарри? Сначала сказал, что они связаны с пророчеством, успокоил, а теперь бросил...

На середину октября назначили первый в году поход в Хогсмед. Гарри боялся, что из соображений безопасности идти вообще запретят, поэтому очень обрадовался, узнав о прогулке; всегда приятно на несколько часов выбраться из замка.

В день похода – он обещал быть ненастным – Гарри проснулся рано и решил до завтрака полистать «Высшее зельеделие». Его редко случалось застать за чтением учебника в постели. Как справедливо заметил Рон, такое поведение просто неприлично, если ты не Гермиона, в этом смысле больная на голову. Но Гарри не считал «Высшее зельеделие» Принца-полукровки учебником. Чем больше он читал, тем ясней понимал, сколько там всевозможной ценной информации – не только советов по приготовлению зелий, благодаря которым Гарри удалось заслужить восхищенное уважение Дивангарда, но и различных заклятий и любопытных видов порчи, изобретенных, судя по многочисленным вычеркиваниям и исправлениям на полях, самим Принцем.

Гарри уже испробовал несколько его заклинаний: порчу, от которой ногти на ногах росли устрашающе быстро (Гарри испытал ее на Краббе и получил весьма забавные результаты); заклятие, приклеивавшее язык к нёбу (Гарри дважды наложил его на ничего не подозревающего Аргуса Филча, вызвав всеобщие аплодисменты). Но самым полезным оказалось *заглуши* – заклятие, от которого уши людей вокруг наполнялись невнятным гудением, и можно было сколько угодно разговаривать в классе, не опасаясь, что тебя подслушают. Одна

только Гермиона упорно не одобряла этих развлечений и вообще отказывалась общаться под заглушки.

Гарри сел в постели и повернул книгу к свету, чтобы лучше разглядеть инструкции к заклятию, с которым Принцу, похоже, пришлось повозиться. Многое он вычеркнул и переправил, но в самом верху страницы очень мелким почерком вписал:

Левикорпус (нэрб).

В стекла бил ветер и мокрый снег, Невилл громко храпел, а Гарри не отрываясь смотрел на буквы в скобках. *Нэрб...* видимо, «невербальное». Вряд ли он сможет это выполнить; с невербальными заклятиями у него по-прежнему трудности, о чем Злей не забывает упомянуть на каждом уроке защиты от сил зла. С другой стороны, Принц показал себя более талантливым педагогом...

Направив палочку в пространство, Гарри легонько махнул ею вверх и мысленно произнес: «Левикорпус».

— А-а-а-а-а-а!

Полыхнул яркий свет, и комната наполнилась голосами: всех разбудил вопль Рона. От ужаса Гарри отшвырнулся «Высшее зельеделие». Рон висел вниз головой в воздухе, будто вздернутый за лодыжку невидимым крюком.

— Прости! — орал Гарри, пока Дин и Шеймас ревели от смеха, а Невилл, который свалился с кровати, поднимался на ноги. — Подожди... я тебя сниму...

Он в панике зашарил руками, схватил учебник и принялся лихорадочно листать; наконец нашел нужную страницу и разобрал одно из слов, теснившихся под заклинанием. Молясь, чтобы это оказалось контрзаклятие, Гарри сконцентрировал волю и подумал: «Либеракорпус!»

Еще одна вспышка, и Рон мешком повалился на матрас.

— Прости, — снова пролепетал Гарри. Дин и Шеймас помирали со смеху.

— В следующий раз, — глухо пробормотал Рон, — лучше поставь будильник.

Позже, когда они оделись, защитившись от непогоды сразу несколькими свитерами — творениями миссис Уизли, и взяли с собой плащи, шарфы и перчатки, потрясение Рона ослабло; он уже считал

новое заклинание Гарри очень забавным – настолько, что, едва сев за стол, рассказал о нем Гермионе.

– …а потом опять вспыхнул свет, и я оказался на кровати! – Рон ухмыльнулся и впился зубами в сосиску.

За все время этого веселого повествования Гермиона ни разу не улыбнулась и теперь с холодным неодобрением повернулась к Гарри.

– А заклинание, случайно, не из твоего знаменитого учебника? – осведомилась она.

Гарри нахмурился:

– Почему ты всегда сразу думаешь худшее?

– Из него?

– Ну… да, а что?

– Значит, ты вот так запросто взял неизвестное, к тому же написанное от руки заклинание и решил посмотреть, что получится?

– Какая разница, от руки или не от руки? – спросил Гарри, в остальном намеренно игнорируя вопрос.

– Потому что оно вряд ли одобрено министерством магии, – ответила Гермиона. – А еще, – добавила она, увидев, что Гарри и Рон закатили глаза, – потому что мне начинает казаться, что ваш Принц – тот еще фрукт.

Гарри и Рон дружно возмущались.

– Это шутка! – воскликнул Рон, переворачивая бутылку с кетчупом над сосисками. – Просто шутка, Гермиона, и все!

– Подвешивать человека вниз головой за ногу? – уточнила Гермиона. – Кто станет тратить время и силы на изобретение подобных шуточек?

– Фред и Джордж, например, – пожал плечами Рон, – очень даже в их духе. Или, э-э…

– Мой папа, – сказал Гарри. Он вспомнил только сейчас.

– Что? – дружно повернулись к нему Рон и Гермиона.

– Он пользовался этим заклинанием, – пояснил Гарри. – Я… Мне Люпин рассказывал.

Последнее не соответствовало истине; Гарри своими глазами видел, как его отец наложил это заклятие на Злея, но о том посещении дубль дума он Рону и Гермионе не говорил. А сейчас ему в голову пришла замечательная мысль: что, если Принц-полукровка?..

— Может, и твой пapa тоже, Гарри, — сказала Гермиона, — но не он один. Если ты забыл, напоминаю: мы вместе видели, как этим заклинанием воспользовалась толпа народу. Они подвесили над землей беззащитных людей и заставили их летать по воздуху.

Гарри с упавшим сердцем уставился на нее. Теперь он и сам вспомнил выходку Упивающихся Смертью на квидишном чемпионате. На помощь пришел Рон, который пылко заявил:

— Это совсем другое! Они использовали заклинание во зло. А Гарри и его отец просто шутили. Ты не любишь Принца, Гермиона, — Рон сурово указал на нее сосиской, — потому что он лучше тебя разбирается в зельеделии...

— Какая чушь! — воскликнула Гермиона, покраснев. — Но я считаю, что если не знаешь, для чего предназначено заклинание, пользоваться им безответственно, и перестань называть его «Принц», как будто это титул, наверняка это дурацкое прозвище, и вообще, по-моему, он не очень хороший человек.

— Не понимаю, с чего ты взяла! — вспылил Гарри. — Потенциальный Упивающийся Смертью не стал бы хвастать тем, что он «полу», верно?

Не успев договорить, Гарри вспомнил, что его отец — чистокровный колдун, но сразу отбросил эту мысль; об этом он подумает позже...

— Упивающиеся Смертью не могут все без исключения быть чистокровными, в мире не так много чистокровных колдунов, — упрямо возразила Гермиона. — Я думаю, большинство — полукровки, которые притворяются чистокровными. А ненавидят они только муглорожденных и с радостью приняли бы тебя и Рона.

— Меня? Да ни за что! — Рон возмущенно махнул на Гермиону вилкой; кусок сосиски слетел и попал Эрни Макмиллану по голове. — Вся моя семья — так называемые предатели крови! Для Упивающихся Смертью это все равно что муглорожденные!

— А меня, конечно, приняли бы с распростертыми объятиями, —sarcastически заметил Гарри. — Мы вообще были бы лучшими друзьями, если б они все время не пытались меня уокошить.

Рон засмеялся, и даже Гермиона невольно улыбнулась, но тут их отвлекло появление Джинни.

— Эй, Гарри, вот — просили тебе передать.

Она протянула ему пергаментный свиток, надписанный знакомым косым почерком.

— Спасибо, Джинни... Это про следующее занятие с Думблдором, — сказал Гарри Рону и Гермионе, разворачивая свиток и быстро пробегая глазами письмо. — В понедельник вечером! — Ему неожиданно стало легко и радостно. — Джинни, хочешь пойти с нами в Хогсмед? — предложил он.

— Я иду с Дином... может, там увидимся, — ответила та и ушла, помахав на прощание.

Филч, как всегда, стоял у дверей и проверял по списку, разрешено ли уходящим посещение Хогсмеда. Процедура затянулась дольше обычного, потому что каждого трижды перепроверяли сенсором секретности.

— Какая разница, если мы что-то ВЫНОСИМ? — возмутился Рон, опасливо косясь на длинный тонкий сенсор. — Проверять надо то, что ВНОСИТСЯ!

За нахальство ему досталась пара лишних тычков сенсором; даже выйдя на улицу, под ветер и мокрый снег, Рон все еще болезненно морщился.

Путь в Хогсмед не доставил ребятам никакого удовольствия. Гарри замотал почти все лицо шарфом; открытая часть вскоре онемела и заболела от холода. Школьники толпой шли по дороге, сгибаясь чуть ли не вдвое на ледяном ветру. Гарри успел не один раз подумать, что, возможно, имело смысл остаться в теплой общей гостионой; когда же они добрались до Хогсмеда и увидели заколоченный «Хохмазин Зонко», он воспринял это как знак свыше: прогулка обречена на провал. Рон показал рукой в толстой перчатке на «Рахатлукулл», к счастью, открытый, и Гарри с Гермионой, спотыкаясь, вошли вслед за ним в переполненный магазин.

— Хвала Мерлину, — поежился Рон, вдыхая теплый конфетный воздух. — Давайте тут весь день просидим.

— Гарри, мой мальчик! — звучно раздалось сзади.

— О нет, — пробормотал Гарри.

Ребята обернулись и увидели профессора Дивангарда в громадной меховой шапке и пальто с таким же меховым воротником. В руках он держал большую сумку с ананасовыми цукатами и занимал по меньшей мере полмагазина.

— Ты пропустил целых три моих суаре! — укорил Дивангард и добродушно ткнул Гарри в грудь. — Это никуда не годится, мой

мальчик, я твердо намерен тебя заполучить! Мисс Грейнджен у меня очень нравится, не так ли?

– Да, – беспомощно пролепетала Гермиона, – у вас действительно очень...

– Так почему же ты не приходишь, Гарри? – осведомился Дивангард.

– У меня квидишиные тренировки, профессор, – ответил тот.

Он и правда назначал тренировки всякий раз, когда получал изящные, перевязанные фиолетовой ленточкой приглашения Диванграда. Так Рон не чувствовал себя обойденным – они с Джинни страшно веселились, представляя, как Гермиона терпит общество Маклаггена и Цабини.

– После такого усердия ты просто обязан выиграть в первом же матче! – улыбнулся Дивангард. – Однако передышка никому не повредит. Может, в понедельник? Не будешь же ты тренироваться в такую погоду...

– Не могу, профессор, в понедельник у меня... э-э... встреча с профессором Думблдором.

– Опять не повезло! – трагически вскричал Дивангард. – Ну что ж, Гарри... тебе не удастся избегать меня вечно!

Он царственно помахал рукой и, переваливаясь, вышел из магазина. Рон при этом был замечен не более чем витрина с тараканьими грозьями.

– Не могу поверить! Ты опять выкрутился! – покачала головой Гермиона. – Но, знаешь, там *не так* уж плохо... иной раз даже забавно... – Тут она обратила внимание, какое у Рона лицо. – Ой, смотрите – сахарные перья-делюкс! Это же на много часов!

Гарри, обрадовавшись, что Гермиона переменила тему, преувеличенно заинтересовался новыми сверхдлинными сахарными перьями. Но Рон все равно дулся и только пожал плечами, когда Гермиона спросила, чем бы ему хотелось заняться дальше.

– Пойдем в «Три метлы», – предложил Гарри. – Там хоть тепло.

Они опять замотали лица шарфами и покинули магазин. После сладостного тепла «Рахатлукулла» пронизывающий ветер резал лицо, как бритва. На улице было не слишком людно; никто не останавливался поболтать, все целеустремленно спешили по своим делам. Исключение составляли двое мужчин, топтавшиеся немного

впереди, возле «Трех метел». Один был худой и очень высокий; Гарри, сощурившись, взгляделся сквозь залитые дождем очки и узнал бармена из «Башки борова», второго деревенского паба. Когда ребята приблизились, бармен плотнее запахнул плащ и удалился, а его собеседник остался стоять, поудобнее пристраивая что-то в руках. Буквально в фуре от него Гарри внезапно понял, кто это.

– Мундугнус!

Коренастый кривоногий коротышка с длинными рыжими лохмами вздрогнул от неожиданности и выронил видавший виды чемодан. Тот раскрылся, и оттуда вывалился, кажется, целый ломбард.

– А, Гарри, салютик, – сказал Мундугнус Флетчер с неестественной потугой на естественность. – Иди, иди, а то погодка дрянь.

Он зашарил по земле, подбиравая вещи; ему явно не терпелось поскорее смыться.

– Торгуешь? – спросил Гарри, глядя на бараходло Мундугнуса.

– А чего, жить-то надо, – ответил Мундугнус. – Дай-ка сюда!

Рон нагнулся и подобрал какой-то серебряный предмет.

– Минуточку, – медленно произнес он. – Где-то я уже это видел…

– Спасибо! – заорал Мундугнус, выхватил у Рона кубок и запихнул в чемодан. – Короче, увидимся… ОЙ!

Гарри схватил Мундугнуса за горло и прижал к стене паба. Крепко держа его одной рукой, другой он вытащил палочку.

– Гарри! – взвизгнула Гермиона.

– Ты стащил это из дома Сириуса, – процедил Гарри. Он стоял нос к носу с Мундугнусом и вдыхал малоприятное амбрэ застарелого табака и спиртного. – Там фамильный герб Блэков.

– Я… нет… чего? – захлебнулся Мундугнус, постепенно багровея.

– Ты что сделал? Забрался к нему в дом, как только он умер, и все обчистил?

– Я… нет…

– Верни!

– Гарри, не надо! – вскричала Гермиона, увидев, что Мундугнус начал синеть.

Раздался грохот, и руки Гарри сами собой отлетели от горла Мундугнуса. Тот, хватая ртом воздух и захлебываясь слюной, подхватил упавший чемодан и – ХЛОП! – мгновенно дезаппарировал.

Гарри громко выругался и завертелся на месте, выглядывая, куда делся Мундугнус.

– ВЕРНИСЬ, ВОРЮГА!..

– Бесполезно, Гарри.

Откуда ни возьмись появилась Бомс с мокрыми от снега мышиными волосами.

– Мундугнус, наверное, уже в Лондоне. Кричать совершенно незачем.

– Он украл вещи Сириуса! Украд!

– Да, и тем не менее. – Бомс, казалось, это сообщение ничуть не взволновало. – Незачем торчать на холоде.

Она проследила, чтобы они вошли в «Три метлы». Внутри Гарри тут же выпалил:

– *Он украл вещи Сириуса!*

– Знаю, Гарри, только не кричи, пожалуйста, люди смотрят, – прошептала Гермиона. – Иди сядь, я тебе принесу попить.

Гермиона вернулась с тремя бутылками усладэля, но Гарри никак не мог успокоиться.

– Неужели Орден не может приструнить Мундугнуса? – тихо, но очень гневно вопрошал он. – Чтоб он не тянул из штаб-квартиры все, что не привинчено к полу?

– Ш-ш-ш! – в отчаянии зашикала Гермиона, оглядываясь, не подслушивает ли кто; рядом сидела пара ведунов, которые с огромным интересом пялились на Гарри, а неподалеку лениво подпирал колонну Цабини. – Гарри, на твоем месте я бы тоже возмутилась, это ведь твои вещи…

Гарри поперхнулся усладэлем – он как-то позабыл, что владеет домом на площади Мракэнтлен.

– Да, мои! – воскликнул он. – Неудивительно, что он мне не обрадовался! Ладно, погоди! Вот я скажу Думбльдору! Никто другой, похоже, Мундугнусу не указ.

– Хорошая мысль, – прошептала Гермиона, явно радуясь, что Гарри остывает. – Рон, ты на что это уставился?

– Ни на что. – Рон мгновенно отвел глаза от барной стойки, но Гарри прекрасно понял, что его друг высматривал привлекательную пышнотелую барменшу, мадам Росмерту, к которой давно уже был неравнодушен.

— Насколько я понимаю, твое «ничто» отправилось в подсобку за огневиски, — ядовито процедила Гермиона.

Рон не обратил внимания на колкость и потягивал свой уладэль, храня, как ему казалось, достойное молчание. Гарри думал о Сириусе — тот все равно ненавидел эти серебряные кубки. Гермиона барабанила пальцами по столу; ее взгляд метался между барной стойкой и Роном.

Едва Гарри допил последние капли, Гермиона сказала:

— Может, на сегодня хватит? Пойдем обратно?

Мальчики кивнули; поход явно не задался, а погода с каждой минутой становилась все хуже. Они плотно закутались в плащи, обмотались шарфами и надели перчатки; затем вслед за Кэти Белл и ее подругой вышли из паба и по замерзшей грязи побрали вдоль Высокой улицы. Гарри обратился мыслями к Джинни. Они ее так и не встретили. Понятно: она с Дином конечно же сидит в уютной чайной мадам Пуднафут — гнездышке всех влюбленных... Он нахмурился, пригнул голову, спасаясь от мокрых снежных вихрей, и зашагал дальше.

Ветер доносил голоса Кэти и ее подруги, но Гарри не сразу осознал, что те вдруг заговорили громче, пронзительней. Гарри прищурился, всматриваясь в их размытые фигуры. Девочки спорили о том, что Кэти держала в руке.

— Тебя это не касается, Лиэнн! — услышал Гарри.

Дорога свернула вбок. Густая ледяная крупа била навстречу. Гарри поднял руку в перчатке, чтобы протереть залепленные очки, и тут Лиэнн попыталась вырвать у Кэти сверток; та потянула на себя, и он упал на землю.

В тот же миг Кэти поднялась в воздух — не комично, как Рон, которого вздернуло за ногу, но изящно, раскинув руки, будто собираясь взлететь. Но в этом было что-то странное, неправильное... волосы полошутся на жестоком ветру, глаза закрыты, лицо отсутствующее... Гарри, Рон, Гермиона и Лиэнн замерли, глядя на нее.

Затем, футах в шести над землей, Кэти страшно закричала. Она распахнула глаза, но то, что она увидела или почувствовала, очевидно, причиняло ей невыразимые муки. Она стенала не переставая; Лиэнн тоже завопила, схватила Кэти за ноги и попыталась стащить на землю. Гарри, Рон и Гермиона кинулись помогать, тоже схватили Кэти за щиколотки, и тогда она свалилась им на головы. Рон с Гарри сумели

поймать ее, но она так извивалась, что им едва удавалось с ней совладать. Кэти опустили на землю. Она металась и кричала, никого не узнавая.

Гарри осмотрелся – вокруг не было ни души.

– Оставайтесь здесь! – велел он, перекрикивая завывания ветра. – А я пойду за помощью!

Он помчался к школе; ему никогда не доводилось видеть ничего подобного, и он не понимал, что стряслось с Кэти. Он стремительно свернул и врезался в какого-то прямоходящего медведя.

– Огрид! – хрюпlo выдохнул Гарри, выпутываясь из живой изгороди, в которую его отбросило.

– Гарри! – воскликнул в ответ Огрид, одетый в огромную и бесформенную бобровую шубу. На его бровях и бороде лежали мокрые хлопья снега. – Я только что от Гурпа! Ты не поверишь, у него такие успехи...

– Огрид, там с одной девочкой что-то случилось... ее то ли прокляли, то ли что...

– Чего? – Огрид наклонился, не расслышав из-за рева ветра.

– Прокляли! – заорал Гарри.

– Прокляли? Кого? Рона? Гермиону?

– Нет, нет, Кэти Белл... вон там...

Они вместе побежали по дороге и вскоре увидели ребят, сгрудившихся вокруг Кэти. Та по-прежнему извивалась на земле и кричала; Рон, Гермиона и Лиэнн пытались ее успокоить.

– Отойдите! – закричал Огрид. – Дайте взгляну!

– С ней что-то случилось! – всхлипывая, сообщила Лиэнн. – Не знаю что...

Огрид секунду смотрел на Кэти, затем, не говоря ни слова, сгреб ее в охапку и понесся к замку. Мгновения спустя вопли Кэти замерли вдалеке; остался только вой ветра.

Гермиона бросилась к плачущей подруге Кэти и обняла ее за плечи:

– Тебя зовут Лиэнн, да?

Девочка кивнула.

– Это случилось вдруг, ни с того ни с сего, или?..

– Когда разорвался сверток. – Лиэнн снова всхлипнула и показала на оброненный сверток в промокшей коричневой бумаге. Из

надорванной упаковки сочился зеленоватый свет. Рон нагнулся и протянул руку, но Гарри перехватил его запястье и оттащил назад.

– *Не трогай!*

Гарри присел на корточки. В свертке виднелось очень красивое опаловое ожерелье.

– Я его уже видел, – сказал Гарри, не отрывая от него взгляда. – Давным-давно, в витрине «Боргина и Д'Авило». На ценнике было сказано, что оно проклято. Кэти, видимо, до него дотронулась. – Он поднял глаза на Лиэнн. Ту затрясло. – Как оно к ней попало?

– Мы об этом и спорили! Она принесла его из туалета в «Трех метлах» и говорит: это, мол, сюрприз для кого-то в «Хогварце», надо передать. Но она была такая странная… Ужас, ужас, она наверняка под проклятием подвластия, а я даже не поняла!

Лиэнн зарыдала с новой силой. Гермиона сочувственно похлопывала ее по плечу.

– Лиэнн, а она не говорила, кто ей его передал?

– Нет… не хотела говорить… тогда я сказала, что она дура и что в «Хогварц» его брать нельзя, а она не слушала и… я попыталась его отобрать… и… и… – Лиэнн в отчаянии застонала.

– Давайте-ка в школу, – сказала Гермиона, по-прежнему обнимая Лиэнн, – узнаем, как она. Пошли…

После секундного колебания Гарри стащил с шеи шарф и, не обращая внимания на испуганный вскрик Рона, аккуратно завернул и поднял ожерелье.

– Надо показать мадам Помфри, – объяснил он.

Пока они с Роном вслед за Гермионой и Лиэнн шли к замку, Гарри напряженно думал, а едва ступив на территорию школы, заговорил, не в силах удержаться:

– Малфой знает про это ожерелье. Четыре года назад оно уже было в витрине «Боргина и Д'Авило», я, когда прятался от них с папашей, видел, как Малфой его рассматривает. Вот что он покупал, когда мы его выследили! Он вспомнил о нем и решил купить!

– Я… не знаю, Гарри, – с сомнением отозвался Рон. – У «Боргина и Д'Авило» бывает куча людей… и потом, эта девочка ведь сказала, что Кэти принесла ожерелье из туалета?

– Она сказала, что Кэти вернулась с ним из туалета, оно не обязательно оттуда…

– Макгонаголл! – предупредил Рон.

Гарри поднял глаза. С крыльца сквозь мокрый снег им навстречу бежала профессор Макгонаголл.

– Огрид говорит, вы четверо видели, что случилось с Кэти Белл... прошу вас, немедленно в мой кабинет! Что это у вас, Поттер?

– То, до чего она дотронулась, – ответил Гарри.

– Святое небо, – всполошилась профессор Макгонаголл, забирая у Гарри ожерелье. – Нет-нет, они со мной! – торопливо бросила она Филчу, который радостно зашаркал к ним через вестибюль с сенсором секретности наперевес. – Немедленно отнесите это ожерелье профессору Злею, только ни в коем случае не трогайте, держите в шарфе!

Гарри и остальные вслед за профессором Макгонаголл поднялись к ней в кабинет. Окна, залепленные мокрым снегом, дребезжали под порывами ветра, и в комнате было холодно, несмотря на то, что в камине потрескивал огонь. Профессор Макгонаголл закрыла дверь, стремительно прошла к письменному столу и повернулась к Гарри, Рону, Гермионе и плачущей Лиэнн.

– Итак, – строго заговорила она, – что случилось?

Запинаясь и замолкая, чтобы справиться с рыданиями, Лиэнн рассказала, что Кэти пошла в туалет в «Трех метлах» и вернулась с загадочным свертком; что она выглядела странновато и они спорили, можно ли проносить неизвестную вещь в замок; что спор закончился потасовкой, а сверток порвался. Тут Лиэнн настолько разволновалась, что больше не могла произнести ни слова.

– Хорошо, Лиэнн, – не без сочувствия сказала профессор Макгонаголл, – идите в лазарет и попросите мадам Помфри дать вам успокоительное.

Когда Лиэнн вышла, профессор Макгонаголл повернулась к остальным:

– Что было, когда Кэти дотронулась до ожерелья?

– Она поднялась в воздух, – первым ответил Гарри. – А потом начала кричать и упала. Профессор, прошу вас, можно мне увидеть профессора Думблдора?

– Директора не будет до понедельника, Поттер, – удивилась профессор Макгонаголл.

– Не будет? – возмущенно повторил Гарри.

– Да, Поттер, не будет! – отчеканила она. – Однако все, что вы имеете сообщить об этом ужасном деле, несомненно, можно рассказать и мне.

Какую-то долю секунду Гарри колебался. Откровенничать с Макгонаголл не хотелось; Думбльдор, хоть и внушал больше робости, все-таки спокойнее относился к любым, самым диким гипотезам. Но сейчас речь идет о жизни и смерти, глупо бояться показаться смешным.

– Профессор, мне кажется, ожерелье Кэти дал Драко Малфой.

С одной стороны от него Рон смущенно потер нос; с другой – Гермиона затопталась на месте, словно ей не терпелось поскорее сбежать подальше от Гарри.

– Это очень серьезное обвинение, Поттер, – ошарашенно помолчав, произнесла профессор Макгонаголл. – У вас есть доказательства?

– Нет, но... – ответил Гарри и рассказал, как они проследили за Малфоем до «Боргина и Д'Авило» и подслушали его разговор.

Когда он закончил, профессор Макгонаголл воззрилась на него в недоумении:

– Малфой принес что-то на починку к «Боргину и Д'Авило»?

– Нет, профессор, он хотел, чтобы Боргин сказал ему, как починить какую-то вещь, у него не было ее с собой. Но это не важно, главное, в то же самое время он что-то купил, я думаю, ожерелье...

– Вы видели, как Малфой выходил из магазина с похожим свертком?

– Нет, профессор, он велел Боргину хранить его в магазине...

– Но, Гарри, – перебила Гермиона, – Боргин спросил, хочет ли он забрать это с собой, и Малфой сказал «нет»...

– Потому что не хотел трогать, разве не ясно? – разозлился Гарри.

– Вообще-то он сказал: «Вы что, с ума сошли, как я по улице понесу?» – уточнила Гермиона.

– С ожерельем он бы и правда выглядел болваном, – заметил Рон.

– Рон, – устало сказала Гермиона, – его бы завернули, чтобы не касаться, и его легко было бы спрятать под плащом! По-моему, то, что он оставил у «Боргина и Д'Авило», либо очень шумное, либо большое и привлекает внимание... И потом, – она повысила голос, не давая Гарри перебить, – я ведь спросила у Боргина про ожерелье, помнишь?

Я хотела выяснить, что Малфой просил хранить, вошла и увидела ожерелье. А Боргин просто назвал цену, не сказал, что оно продано...

– Да, но ты так себя вела, что он через пять секунд догадался, чего тебе надо, и не стал бы все тебе рассказывать, и вообще, Малфой сто раз мог послать за ожерельем...

– Ну все, тихо! – прикрикнула профессор Макгонаголл, когда Гермиона в гневе открыла рот. – Поттер, я ценю вашу откровенность, но мы не можем обвинить мистера Малфоя только потому, что он посещал магазин, где оно продавалось. Там бывают сотни людей...

– Вот и я о том же... – пробормотал Рон.

– В любом случае при таких строгих мерах безопасности ожерелье не могло попасть в школу без нашего ведома...

– Но...

– А самое главное, – заявила профессор Макгонаголл, – мистер Малфой не был сегодня в Хогсмеде.

Гарри разинул рот и сдулся как воздушный шарик.

– Откуда вы знаете, профессор?

– Оттуда, что он отрабатывал мое взыскание. Малфой второй раз подряд не выполнил домашнее задание по превращениям. Поэтому спасибо, что поделились со мной своими подозрениями, Поттер, – сказала она и решительно прошла к выходу, – но сейчас мне нужно в лазарет, проверить, как себя чувствует Кэти. Доброго вам всем вечера.

И она открыла дверь кабинета. Ребятам ничего не оставалось, кроме как молча выйти.

Гарри сердился на друзей за то, что они приняли сторону Макгонаголл, и все же, когда они стали обсуждать случившееся, не мог не подключиться к беседе.

– Как думаете, для кого было ожерелье? – спросил Рон на лестнице. Они направлялись в общую гостиную.

– Кто знает, – ответила Гермиона. – Но ему или ей крупно повезло. Не коснувшись ожерелья, сверток не развернуть.

– Могло быть для кого угодно, – сказал Гарри. – Во-первых, для Думбльдора. Упивающиеся Смертью были бы счастливы от него избавиться, он, наверное, их главная мишень. Или для Дивангарда – Думбльдор говорит, Вольдеморт очень хотел его заполучить, поэтому они вряд ли рады, что он встал на сторону Думбльдора. Или...

– Или для тебя, – забеспокоилась Гермиона.

— Только не для меня, — покачал головой Гарри, — иначе Кэти просто обернулась бы и его отдала. Я шел позади нее всю дорогу от «Трех метел». Учитывая проверки Филча, было бы гораздо разумней отдать сверток вне «Хогварца». Интересно, почему Малфой велел ей пронести его в замок?

— Гарри, Малфой не был в Хогсмеде! — напомнила Гермиона, даже притопнув ногой от досады.

— Значит, у него был сообщник, — не отступил Гарри. — Краббе или Гойл... а если подумать, другой Упивающийся Смертью, у него же теперь куча дружков почище Краббе с Гойлом...

Рон и Гермиона обменялись взглядами, ясно говорившими: «Спорить бесполезно».

— Королевская каша, — твердо сказала Гермиона, подходя к Толстой Тете.

Портрет распахнулся и впустил их в общую гостиную. Там было полно народу и пахло сырой одеждой; из-за плохой погоды многие рано вернулись из Хогсмеда. Однако никто не гомонил в страхе и не строил догадок; видимо, новость о Кэти сюда еще не дошла.

— Вообще-то нападение спланировано так себе. — Рон походя выгнал из кресла у камина какого-то первоклашку и сел сам. — Проклятие даже не проникло в замок. Ненадежненько.

— Ты прав, — ответила Гермиона, ногой вытолкнула Рона из кресла и снова предложила кресло первокласснику. — План совершенно не продуман.

— А с каких это пор Малфой у нас главный стратег? — осведомился Гарри.

Ни Рон, ни Гермиона не ответили.

Глава тринадцатая

Реддль в преддверии

На следующий день Кэти перевели в больницу св. Лоскута, Институт причудливых повреждений и патологий. Новость о проклятии успела распространиться по всей школе, но слухи ходили самые разные, и, похоже, никто, кроме Гарри, Рона и Гермионы, не подозревал, что истинным объектом нападения была не Кэти.

— И еще, конечно, знает Малфой, — заявил Гарри Рону и Гермионе.

Тех сразу поразил очередной приступ глухоты — такую тактику они избрали на случай, когда Гарри начинал развивать теорию о принадлежности Малфоя к Упивающимся Смертью.

Гарри не знал, вернется ли Думблдор из своей таинственной поездки в срок и поспеет ли к занятию в понедельник, но, поскольку не получал никаких извещений, в восемь вечера постучал в кабинет директора и услышал приглашение войти. Думблдор выглядел необычайно усталым, а его рука по-прежнему была черной и обугленной, однако он приветливо улыбнулся и указал Гарри на кресло. Дубльдум уже стоял на столе, отбрасывая на потолок серебристые отсветы.

— Насколько я знаю, ты бурно проводил время, — сказал Думблдор. — Стал свидетелем происшествия с Кэти.

— Да, сэр. Как она?

— Все еще очень нездорова, но ей, можно считать, повезло. Видимо, она лишь чуть-чуть коснулась ожерелья: сквозь крохотную дырочку в перчатке. Если бы она надела его на шею или просто дотронулась голой рукой, смерть, скорее всего, была бы мгновенной. К счастью, профессор Злей сумел предотвратить быстрое распространение заклятия...

— Почему Злей? — вскинулся Гарри. — Почему не мадам Помфри?

— Возмутительно, — раздался негромкий голос с одного из портретов. Пррапрадед Сириуса, Финей Нигеллий Блэк, который только что спал, положив щеку на руки, поднял голову. — В мое время

учащимся не разрешалось задавать вопросы касательно ведения дел в школе.

– Да-да, благодарю вас, Финей, – успокаивающе покивал Думбльдор. – Видишь ли, Гарри, профессор Злей знает о черной магии намного больше, чем мадам Помфри. В общем, администрация больницы святого Лоскута ежечасно извещает меня о состоянии Кэти, и я надеюсь, что она, хоть и не сразу, но полностью поправится.

– Сэр, а где вы были в выходные? – спросил Гарри, хоть и чувствовал, что переходит границы дозволенного. Финей явно считал так же: от возмущения он тихо зашипел.

– Я бы предпочел не обсуждать это сейчас, – ответил Думбльдор. – Но в свое время ты непременно обо всем узнаешь.

– Вы мне расскажете? – поразился Гарри.

– Думаю, да, – сказал Думбльдор, доставая из внутреннего кармана новый флакон воспоминаний и вынимая пробку с помощью волшебной палочки.

– Сэр, – нерешительно заговорил Гарри, – в Хогсмеде я встретил Мундугнуса.

– Да, я уже знаю, что Мундугнус обращался с твоим имуществом без должного уважения, – чуть нахмурился Думбльдор. – После ваших дебатов около «Трех метел» он скрывается; надо полагать, боится меня. Впрочем, не беспокойся: вещей Сириуса он больше не тронет.

– Шелудивый недокровок ворует наследство Блэков? – разгневанно осведомился Финей Нигеллий и вышел куда-то за раму – видимо, отправился повидать свой портрет в доме № 12 на площади Мракэнтлен.

– Профессор, – после короткой паузы спросил Гарри, – профессор Макгонаголл рассказала вам, что мы с ней обсуждали после слuchая с Кэти? Насчет Драко Малфоя?

– Да, она рассказала о твоих подозрениях, – подтвердил Думбльдор.

– А вы?..

– Приму все необходимые меры в отношении причастных лиц, – сказал Думбльдор. – Но сейчас, Гарри, меня больше интересует наше занятие.

Гарри немного обиделся: если эти занятия настолько важны, почему между первым и вторым был такой большой перерыв?

Впрочем, он решил временно забыть о Драко Малфое и стал следить, как Думбльдор сливает в дубльдум свежие воспоминания. Потом директор осторожно взял каменную чашу длинными тонкими пальцами и начал потихоньку вращать.

– Ты, конечно, помнишь, что в биографии лорда Вольдеморта мы остановились на том месте, когда красавец-мугл Том Реддль бросил ведьму-жену Меропу и вернулся в фамильный особняк. Меропа осталась в Лондоне одна. Под сердцем она носила ребенка, которому предстояло стать лордом Вольдемортом.

– Сэр, а откуда вы знаете, что она была в Лондоне?

– Благодаря свидетельству Карапака Д'Авило, – ответил Думбльдор. – По странному стечению обстоятельств, одного из основателей того самого магазина, где куплено небезызвестное ожерелье.

Он, будто золотоискатель, покрутил содержимое дубльдuma, как уже не раз делал на глазах Гарри. Над серебристой субстанцией, медленно вращаясь, вырос маленький стариочек, перламутровый, как привидение, но плотнее. Густая копна волос полностью скрывала его глаза.

– Да, оно нам досталось весьма забавным образом. Принесла одна молодая ведьма. Накануне Рождества, много-много лет назад. Сказала, очень деньги нужны, – впрочем, это и так было видно. Одета в рванье и давненько в положении... на сносях уже, понимаете? Заявила, что медальон принадлежал Слизерину. Ну, мы такое слышим постоянно: «Ах, это вещь самого Мерлина, его любимейший чайник». Но я взглянул повнимательней – а там его клеймо! Несколько простых заклинаний – и мне открылось, что вещь практически бесценна! А молодая дурочка, похоже, и не понимала даже, сколько стоит ее сокровище. Была счастлива десяти галлеонам. Лучшая сделка за всю нашу историю!

Думбльдор с силой встряхнул дубльдум, и Карапак Д'Авило растворился в серебристой массе.

– Он дал ей всего десять галлеонов? – возмутился Гарри.

– Карапак Д'Авило прославился отнюдь не своим благородством, – спокойно отозвался Думбльдор. – Итак, мы знаем, что незадолго до родов Меропа была в Лондоне одна и отчаянно нуждалась в деньгах,

настолько, что решилась продать единственную драгоценность — фамильный медальон.

— Но Меропа умела колдовать! — вскричал Гарри. — Она могла достать еду и все прочее с помощью магии!

— Разумеется, — сказал Думбльдор. — Однако мне кажется — опять же это только мое предположение, но я почти уверен, — что, когда муж бросил ее, Меропа от магии отреклась. Я думаю, она больше не хотела быть ведьмой. Впрочем, не исключено, что из-за безответной любви и отчаяния она лишилась колдовских способностей — такое случается. Потому или нет, но ты сейчас увидишь, что Меропа не захотела поднять волшебную палочку даже для спасения собственной жизни.

— Она не захотела жить даже ради сына?

Думбльдор поднял брови:

— Ты, кажется, жалеешь лорда Вольдеморта?

— Нет, — поспешил ответил Гарри, — но ведь у нее был выбор, не то что у моей мамы...

— У твоей мамы тоже был выбор, — мягко произнес Думбльдор. — А Меропа Реддль выбрала смерть, несмотря на новорожденного ребенка. Однако, Гарри, не суди ее слишком строго. Долгие страдания сломили ее, и она не обладала отвагой твоей матери. А теперь, если не возражаешь, в путь...

— Куда мы отправляемся? — поинтересовался Гарри, когда Думбльдор встал рядом с ним.

— На сей раз, — ответил тот, — в *мои* воспоминания. Полагаю, ты найдешь их весьма познавательными и в достаточной мере точными. Прошу вперед, Гарри...

Гарри склонился над дубльдумом, коснулся лицом прохладной поверхности воспоминаний и, как всегда, полетел сквозь темноту. Пару секунд спустя его ноги ударились о землю, он открыл глаза и обнаружил, что они с Думбльдором стоят на оживленной улице старого Лондона.

— А вот и я. — Думбльдор радостно показал на высокого человека, который переходил дорогу перед лошадью, везущей тележку с молоком.

У молодого Думбльдора были золотисто-каштановые волосы и борода. Он пересек улицу и зашагал по тротуару, привлекая множество

любопытных взглядов экстравагантным бархатным костюмом цвета спелой сливы.

— Клевый прикид, сэр, — не сдержавшись, заметил Гарри; Думбльдор только хихикнул. Они на коротком расстоянии последовали за его молодым воплощением и вскоре увидели довольно мрачное прямоугольное здание за высокой оградой, прошли в чугунные ворота и оказались посреди голого двора. Молодой Думбльдор поднялся на крыльце и один раз стукнул в дверь. Очень скоро ему открыла неряшливая девица в фартуке.

— Добрый день. У меня назначена встреча с миссис Коул. Насколько я знаю, она всем здесь заведует?

— Ага, — ответила девица, очумело рассматривая Думбльдора. — Умм... щас... МИССИС КОУЛ! — заорала она, обернувшись через плечо.

Гарри услышал в отдалении голос, что-то прокричавший в ответ. Девица снова повернулась к Думбльдору:

— Входите, она щас.

Думбльдор шагнул в вестибюль, выложенный черной и белой плиткой; все здесь было бедно, но безупречно чисто. Гарри и старший Думбльдор вошли следом. Не успела закрыться дверь, как появилась очень худая и крайне озабоченная женщина. Ее острое лицо казалось скорее измученным, нежели злым; направляясь к Думбльдору, она на ходу отдавала распоряжения другой помощнице в фартуке.

— ...и отнеси Марте наверх йод, Билли Стаббс опять содрал болячки, а Эрик Уолли перепачкал все простыни, из него так и сочится — только ветрянки нам и не хватало, — прибавила она, ни к кому конкретно не обращаясь. Тут ее взгляд упал на Думбльдора, и она замерла в таком изумлении, словно на пороге дома стоял жираф.

— Добрый день, — сказал Думбльдор и протянул руку.

Миссис Коул открыла рот.

— Меня зовут Альбус Думбльдор, я писал и просил о встрече. Вы любезно пригласили меня зайти сегодня.

Миссис Коул поморгала и, видимо убедившись, что Думбльдор не галлюцинация, слабым голосом ответила:

— Да-да... так-так... тогда... вам лучше пройти ко мне. Да-да.

Она провела Думбльдора в комнатку, служившую, судя по всему, и кабинетом, и гостиной. Обстановка была столь же бедной, как и в

вестибюле, а мебель – старой и разрозненной. Миссис Коул указала Думблдору на шаткое кресло, а сама села за стол, заваленный всякой всячиной, и нервно уставилась на гостя.

– Как вы знаете из моего письма, я прибыл обсудить будущее Тома Реддля, – начал Думблдор.

– Вы родственник? – осведомилась миссис Коул.

– Нет, я преподаватель, – ответил Думблдор, – и хочу пригласить Тома в мою школу.

– Что за школа?

– Она называется «Хогварц», – сообщил Думблдор.

– А почему вас волнует судьба Тома?

– Мы считаем, что он обладает необходимыми нам качествами.

– То есть он получил стипендию? Но как? Он ведь не подавал заявки.

– Он записан в нашу школу с рождения…

– Кто его записал? Родители?

Миссис Коул очень некстати оказалась умной, дотошной женщиной. Думблдор, похоже, был того же мнения: Гарри увидел, что он осторожно достал из кармана бархатного костюма волшебную палочку, а другой рукой незаметно взял со стола пустой лист бумаги.

– Прошу. – Думблдор, легонько взмахнув палочкой, передал бумагу собеседнице. – Думаю, это все прояснит.

Глаза миссис Коул ненадолго замутились и вновь обрели фокус. Некоторое время она внимательно вчитывалась в пустой лист.

– Похоже, тут все по форме, – удовлетворенно сказала она, возвращая Думблдору бумагу, и внезапно заметила бутылку джина и два бокала. Пару секунд назад их на столе не было.

– Э-э… осмелюсь предложить бокал джина, – произнесла она чрезвычайно светским тоном.

– Сердечно благодарен, – просиял Думблдор.

Скоро стало ясно, что в употреблении горячительных напитков миссис Коул не новичок. Щедро налив себе и посетителю, она мигом осушила свой бокал, откровенно облизала губы и в первый раз улыбнулась Думблдору. Тот не замедлил воспользоваться преимуществом.

– Я подумал: может, вы что-то знаете о судьбе Тома? Кажется, он родился здесь, в приюте?

– Да, – подтвердила миссис Коул, наливая себе еще джина. – Я тогда только начала тут работать, помню все как сейчас. Канун Нового года. Снег, холодрыга, ну, представляете. Погодка мерзейшая. И девчушка, немногим старше, чем я в то время. Бедняжка, насилиу добрела до нашего порога. Не она первая, м-да… Мы ее приняли, и через час она родила ребеночка. А еще через час померла.

Миссис Коул значительно покивала и основательно отхлебнула из бокала.

– Она сказала что-нибудь перед смертью? – спросил Думблдор. – Что-нибудь об отце ребенка?

– А знаете, сказала, – объявила миссис Коул. Теперь, когда у нее был джин и благодарная аудитория, жизнь налаживалась. – «Надеюсь, – говорит, – он будет вылитый папа». И ведь, право слово, стоило на это понадеяться – сама-то была, мягко говоря, не красавица. Потом велела назвать мальчика Томом в честь папы и Ярволо в честь *ее* отца… Да, знаю, знаю, чудное имя, правда? Мы все гадали, может, она циркачка… И еще сказала, что фамилия мальчика – Реддль. А больше ничего, молчок, и вскорости преставилась… Мы назвали его, как она просила, для нее-то, несчастной, это было так важно, но только ни Том, ни Ярволо, ни какой-никакой Реддль ребеночка не искали. И вообще никакие родные не объявлялись. Ну, он остался в приюте и так тут и живет.

Миссис Коул машинально сделала большой глоток джина. Щеки ее зарозовели. Потом она добавила:

– Странный мальчик.

– Да, – кивнул Думблдор, – я так и думал.

– Он и младенцем был странный. Почти не плакал, знаете. А как чуть подрос, стал совсем… того.

– Того? В каком смысле? – мягко поинтересовался Думблдор.

– Ну, он…

Но миссис Коул осеклась и поверх бокала испытующе посмотрела на Думблдора. Во взгляде ее вовсе не было опьянелого помутнения.

– Его точно возьмут в вашу школу?

– Абсолютно, – заверил Думблдор.

– И что бы я ни сказала, ничего не изменится?

– Ничего, – подтвердил Думблдор.

– Вы его заберете в любом случае?

– В любом случае, – серьезно повторил Думблдор.

Она прищурилась, словно решая, можно ли ему верить, и, очевидно, пришла к выводу, что можно, потому что неожиданно выпалила:

– Он пугает других ребят.

– То есть он задира?

– Ну... наверное, – миссис Коул чуть нахмурилась, – но его очень трудно поймать. Были всякие происшествия... плохие...

Думблдор не настаивал на подробностях, но Гарри видел, что ему не терпится их узнать. Миссис Коул отхлебнула еще джина, и ее щеки раскраснелись сильнее.

– Кролик Билли Стаббса... Том, конечно, клянется, что этого не делал, и я не понимаю, как бы ему удалось, но все равно, он ведь не сам повесился на балке, верно?

– Едва ли, – тихо сказал Думблдор.

– Разрази меня гром, если я знаю, как он туда забрался. Знаю только, что они с Билли накануне повздорили. А потом, на летней прогулке... – миссис Коул снова приложилась к бокалу и на сей раз плеснула джином на подбородок, – мы, знаете, раз в год вывозим их в деревню или на море... Короче говоря, Эми Бенсон и Денис Бишоп так толком и не оправились, а выгудить из них удалось одно – мол, зашли с Томом Реддлем в какую-то пещеру. Он уверяет, они просто ходили посмотреть, что внутри, но я точно знаю: там что-то случилось. И многое еще было всякого странного...

Она опять посмотрела на Думблдора. Щеки ее горели, но взгляд был ясный.

– Если заберете его, у нас о нем вряд ли пожалеют.

– Надеюсь, вы понимаете, что мы не сможем держать его у себя постоянно? – спросил Думблдор. – Он будет возвращаться сюда, по крайней мере, на лето.

– Все лучше, чем по носу ржавой кочергой. – Миссис Коул слегка икнула и встала. Гарри восхитился: держалась она очень твердо, хотя бутылка опустела на две трети. – Полагаю, вы хотите его увидеть?

– Очень, – ответил Думблдор и тоже встал.

Они вышли из кабинета и стали подниматься по каменной лестнице. Миссис Коул на ходу выкрикивала распоряжения помощницам и замечания воспитанникам. Сироты были одеты в

одинаковые серые рубахи и выглядели достаточно ухоженными, но Гарри понимал, что рости здесь невесело.

— Пришли, — объявила миссис Коул после второго пролета, сворачивая в длинный коридор. Она остановилась перед первой же дверью, дважды постучала и шагнула через порог. — Том? К тебе посетитель, мистер Думпельдон... прошу прощения, Дубльдур. Он пришел, чтобы... впрочем, лучше он сам.

Гарри и оба Думбльдора прошли в комнату. Миссис Коул закрыла дверь. Помещение было маленькое и почти пустое; здесь стояли старый гардероб, деревянный стул и железная кровать, застеленная серым одеялом. На ней, вытянув ноги, сидел мальчик с книгой в руках.

Том Реддль ничем не напоминал Монстеров. Последнее желание Меропы исполнилось: темноволосый бледный ребенок, довольно высокий для одиннадцати лет, был уменьшенной копией своего красивого отца. Он сузил глаза и внимательно оглядел странного визитера. Оба помолчали.

— Здравствуй, Том, — сказал наконец Думбльдор, подошел ближе и протянул руку.

Мальчик помедлил, затем решился и ее пожал. Думбльдор пододвинул тяжелый деревянный стул к кровати, и они с Реддлем стали похожи на посетителя и пациента в больнице.

— Я профессор Думбльдор.

— Профессор? — насторожился Реддль. — Это как доктор? Вы зачем пришли? *Она* позвала?

Он показал на дверь, за которой только что скрылась миссис Коул.

— Нет-нет, — улыбнулся Думбльдор.

— Не верю, — сказал Реддль. — Она решила показать меня врачу, да? Говорите правду!

Последние слова прозвенели с поразительной силой. Они прозвучали как приказ, и Том Реддль, похоже, отдавал его не впервые. Расширенными глазами он сверлил Думбльдора, но тот ничего не отвечал, а лишь продолжал любезно улыбаться. Через несколько секунд Реддль отвел глаза, однако насторожился еще больше.

— Вы кто?

— Я уже сказал. Меня зовут профессор Думбльдор, я работаю в учебном заведении под названием «Хогварц» и приехал предложить

тебе место в нашей школе – которая, если ты согласишься, станет и твоей.

Том Реддль отреагировал в высшей степени удивительным манером. Он в ярости спрыгнул с кровати и попятился.

– Нашли тушицу! Дурдом – вот вы откуда! «Профессор», как же! Короче, я не поеду, ясно? Лучше отправьте туда эту старую крысу! Я ничего не делал с Эми Бенсон и Денисом Бишопом, можете сами спросить, они расскажут!

– Я не из дурдома, – терпеливо объяснил Думбльдор. – Я учитель. Если ты минутку посидишь спокойно, я расскажу тебе о «Хогварце». И если ты не захочешь там учиться, никто тебя, конечно, не заставит...

– Посмотрел бы я на тех, кто попытается, – презрительно ухмыльнулся Реддль.

– «Хогварц», – продолжал Думбльдор, будто не услышав, – школа для необычных детей...

– Я не чокнутый!

– Я знаю, что ты не чокнутый. «Хогварц» – школа не для чокнутых. Это школа колдовства.

Повисло молчание. Реддль замер; лицо его было пусто, но взгляд метался с одного глаза Думбльдора на другой, словно пытаясь хоть один из них поймать на вранье.

– Колдовства? – шепотом повторил он.

– Точно так, – подтвердил Думбльдор.

– А то, что я умею... это колдовство?

– А что ты умеешь?

– Все что угодно, – возбужденно выдохнул Реддль. Краска, поднявшаяся по шее, вползла на его впалые щеки; он был словно в горячке. – Двигаю вещи, не трогая руками. Заставляю зверей делать, что мне надо, без всякой дрессировки. Если меня кто-нибудь разозлит, могу так, чтобы с ними случилось плохое. Могу сделать больно, если захочу.

У него задрожали ноги. Он нестойко шагнул вперед, снова сел на кровать и уставился на свои руки, склонив голову, будто в молитве.

– Я знал, что я другой, – прошептал он, обращаясь к своим трясущимся пальцам. – Особенный. Всегда знал: во мне что-то есть.

– И был прав, – сказал Думбльдор. Он больше не улыбался, но внимательно наблюдал за Реддлем. – Ты колдун.

Реддль поднял голову. Его лицо изменилось, осветившись безумным счастьем, но почему-то это не сделало его приятнее; напротив, точеные черты огрубели, в них появилось что-то звериное.

– Вы тоже колдун?

– Да.

– Докажите, – потребовал Реддль тем же командным тоном, каким сказал: «Говорите правду».

Думбльдор вскинул брови:

– Если ты согласен учиться в «Хогварце»...

– Конечно!

– ... Тогда тебе следует обращаться ко мне «профессор» или «сэр».

На долю секунды лицо Реддля окаменело, но потом он произнес неузнаваемо вежливым тоном:

– Извините, сэр. Я хотел попросить: пожалуйста, профессор, не могли бы вы показать...

Гарри был уверен, что Думбльдор откажется, ответит, что в «Хогварце» будет масса времени для демонстрации колдовских умений, а на территории муглов лучше соблюдать осторожность. Но Думбльдор, как ни странно, достал из внутреннего кармана пиджака волшебную палочку, направил в угол на старый гардероб и легонько ею взмахнул.

Гардероб загорелся.

Реддль вскочил, взвыв от ужаса и возмущения, что неудивительно: в шкафу, вероятно, хранились все его вещи. Однако стоило ему гневно развернуться к Думбльдору, как пламя исчезло. Шкаф при этом нисколько не пострадал.

Реддль еще раз посмотрел на гардероб, на Думбльдора, а затем алчно указал на палочку:

– Где такие берут?

– Всему свое время, – ответил Думбльдор. – Кажется, из твоего гардероба что-то вырывается.

Действительно изнутри доносился слабый стук. Реддль впервые за все время испугался.

– Открой, – сказал Думбльдор.

Реддль помешкал, затем прошел к шкафу и распахнул дверь. На верхней полке, над штангой с поношенной одеждой, стояла

трясущаяся картонная коробка. В ней что-то громыхало, будто оттуда отчаянно рвалась на свободу стая мышей.

– Достань, – велел Думблдор.

Реддль испуганно снял с полки вибрирующую коробку.

– Там есть то, что тебе не принадлежит? – спросил Думблдор.

Реддль окинул его ясным и долгим взглядом, словно что-то вычислял в уме.

– Да, сэр, пожалуй, – после паузы сухо ответил он.

– Открой, – сказал Думблдор.

Реддль не глядя снял крышку и вывалил содержимое коробки на постель. Гарри, ожидавший чего-то необыкновенного, увидел простенькие мелочи: серебряный наперсток, йо-йо, потускневшую губную гармошку. Оказавшись на воле, вещи мигом перестали дрожать и спокойно улеглись на одеяле.

– Ты все вернешь законным владельцам и принесешь извинения, – спокойно проговорил Думблдор, убирая палочку в карман. – Я узнаю, было ли это сделано. И предупреждаю: в «Хогварце» воровства не терпят.

Реддль ничуть не смущился, по-прежнему холодно, оценивающе глядя на Думблдора, и наконец бесцветно произнес:

– Да, сэр.

– В «Хогварце», – продолжал тот, – учат не только колдовать, но и управлять своими способностями. Ты – ненамеренно, я уверен, – применял их неподобающим образом. В нашей школе это не допускается. Конечно, ты не первый и не последний, кто пошел у магии на поводу. Но ты должен знать, что за провинности из «Хогварца» могут исключить, а министерство магии – да-да, есть такое министерство – наказывает нарушителей закона еще строже. Молодым колдунам следует понимать, что, вступая в наш мир, они должны подчиняться нашим законам.

– Да, сэр, – повторил Реддль.

Невозможно было прочесть его мысли; с непроницаемым лицом он сложил украденное обратно в коробку, а затем повернулся к Думблдору и прямо заявил:

– Денег у меня нет.

– Это поправимо, – ответил Думблдор и достал из кармана кожаный кошелек. – В «Хогварце» имеется фонд для тех, кому нужна

помощь для приобретения формы и учебников. Вероятно, какие-то книги заклинаний и прочее придется купить в магазине подержанных товаров, но...

— А где продаются книги заклинаний? — перебил Реддль. Он взял у Думбльдора тяжелый кошель, даже не поблагодарив, и теперь изучал толстый золотой галлеон.

— На Диагон-аллее, — сказал Думбльдор. — Список необходимого я принес. Я могу помочь тебе купить...

— Вы пойдете со мной? — Реддль поднял глаза.

— Конечно, если ты...

— Вы мне не нужны, — заявил Реддль. — Я привык делать все сам и всегда хожу по Лондону один. Как добраться до этой вашей Диагон-аллеи... сэр? — добавил он, поймав взгляд Думбльдора.

Гарри думал, Думбльдор будет настаивать на том, чтобы сопровождать Реддля, но директор опять его удивил. Он протянул Реддлю конверт со списком и, подробно объяснив, как добраться от приюта до «Дырявого котла», сказал:

— Ты увидишь его, хотя муглы вокруг — то есть не колдуны — не видят. Спросишь бармена Тома — запомнить легко, он твой тезка...

Реддль раздраженно дернулся плечом, словно отгоняя надоедливую муху.

— Тебе не нравится имя Том?

— Томов как собак нерезаных, — пробормотал мальчик и, как будто против собственной воли, спросил: — А мой отец был колдун? Мне говорили, его тоже звали Том Реддль.

— Боюсь, я не в курсе, — мягко ответил Думбльдор.

— Мать не могла быть колдуньей, иначе бы она не умерла, — сказал Реддль скорее сам себе, нежели Думбльдору. — Так что, наверное, он... А когда я все куплю, как мне попасть в этот «Хогварц»?

— Это детально описано на втором листе пергамента, — ответил Думбльдор. — Ты отправишься первого сентября с вокзала Кингз-Кросс. Билет тоже в конверте.

Реддль кивнул. Думбльдор встал и снова протянул ему руку. Пожимая ее, Реддль сообщил:

— А я умею разговаривать со змеями! Я узнал, когда мы ездили в деревню, — они находят меня, шепчутся. Это нормально для колдуна?

Гарри понял, что Реддль молчал об этой самой странной своей особенности до последнего, рассчитывая потрясти Думбльдора.

– Необычно, – после минутного колебания отозвался тот, – однако не уникально.

Тон его был небрежен, но глаза с любопытством пробежали по лицу Реддля. Взрослый человек и мальчик постояли и поглядели друг на друга в упор. Затем Думбльдор отнял руку и направился к двери.

– До свидания, Том. До встречи в «Хогварце».

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказал седой Думбльдор рядом с Гарри. Они невесомо пролетели сквозь тьму и, вернувшись в настоящее, очутились в кабинете.

– Садись, – сказал Думбльдор, приземлившись возле Гарри.

Тот повиновался; голова полнилась увиденным.

– Он поверил скорее, чем я... ну, когда вы объявили, что он колдун, – заметил Гарри. – Я сначала Огриду не поверил.

– Да, Реддль был готов узнать, что он – пользуясь его же словами – особенный.

– А вы уже... знали?

– Что встретил самого страшного черного колдуна всех времен? – уточнил Думбльдор. – Нет. Я понятия не имел, кем он вырастет. Но он определенно меня заинтриговал. Я вернулся в «Хогварц», зная, что за ним надо наблюдать. Я бы следил так или иначе, ведь он был одинок и без друзей, но тут стало ясно, что это необходимо не только ради его блага, но и для безопасности окружающих... Как ты видел, он обладал редкими для столь юного возраста способностями, а что самое интересное и зловещее, до некоторой степени научился ими управлять и использовал сознательно. Не случайно, как все дети, а целенаправленно, против других людей: чтобы напугать, наказать, подчинить. Истории о задушенном кролике и мальчике с девочкой, которых он заманил в пещеру, очень показательны... *Могу сделать больно, если захочу...*

– К тому же он был змееуст, – вставил Гарри.

– Да, действительно; это редкая способность, предположительно характерная для черных магов, хотя, как ты знаешь, среди хороших людей тоже встречаются змееусты. Вообще-то меня больше встревожило не умение разговаривать со змеями, а природная замкнутость, склонность к жестокости и очевидная жажда власти...

Время снова сыграло с нами шутку, – заметил Думбльдор, показывая на окна, за которыми сгустилась тьма. – Но, прежде чем расстаться, хочу обратить твоё внимание на некоторые подробности сцены, свидетелями которой мы стали, ибо они имеют прямое отношение к нашим дальнейшим занятиям. Во-первых, надеюсь, ты заметил реакцию Реддля на то, что еще кого-то зовут его именем, «Том»?

Гарри кивнул.

– Он презирал все, что связывало его с другими людьми, все, что делало его обыкновенным. Уже тогда мечтал быть иным, особенным, знаменитым. Всего через несколько лет после этого разговора он, как ты знаешь, отказался от своего имени и надел маску «лорда Вольдеморта»… Наверняка ты заметил и то, что Том Реддль с детства был крайне самодостаточен, скрытен и не имел друзей? Он не хотел помочи и не нуждался в сопровождении для поездки на Диагон-аллею. Он предпочитал действовать в одиночку. Взрослый Вольдеморт – такой же. Многие Упивающиеся Смертью называют себя его доверенными лицами, утверждают, что только они одни близки к нему и даже понимают его. Они заблуждаются. Друзей у лорда Вольдеморта не было и нет. Я думаю, они ему и не нужны… И наконец – на это нужно обратить внимание; надеюсь, ты еще не засыпаешь, – юный Том Реддль обожал трофеи. Ты же видел коробку с ворованным. Эти вещи взяты у жертв на память о собственных особенно жестоких подвигах – так сказать, сорочки сувениры злодеяний. Не забывай об этой черте Вольдеморта, Гарри, позднее она будет для нас очень важна… А теперь тебе и в самом деле пора в постель.

Гарри встал, пошел к двери, и его взгляд упал на столик, где в прошлый раз лежало кольцо Ярволо Монстера. Сейчас кольца не было.

– Да, Гарри? – проговорил Думбльдор, поскольку Гарри внезапно остановился.

– Кольца нет, – сказал тот, озираясь. – Но я подумал, где-то здесь может быть, например, губная гармошка.

Думбльдор просиял и внимательно поглядел на него поверх очков-полумесяцев.

– Весьма проницательно. Но гармошка всегда была просто гармошкой.

С этими загадочными словами он взмахнул рукой, и Гарри понял, что аудиенция окончена.

Глава четырнадцатая

Фортуна фортуната

На следующий день первым уроком была гербология. Утром за завтраком Гарри, опасаясь чужих ушей, не смог рассказать Рону и Гермионе о занятии с Думблдором, но потом, когда они шли через огород к теплицам, ввел друзей в курс дела. Пронзительный ветер, не стихавший все выходные, наконец успокоился, и снова повис странный туман, отчего нужную теплицу они отыскали не сразу. В этом триместре шестиклассникам предстояло изучать свирепней. Ребята выбрали себе сучковатый пень, встали вокруг и начали натягивать защитные перчатки.

— Фу, даже думать противно: маленький Сами-Знаете-Кто, — шепотом проговорил Рон. — Но я все равно не понимаю, зачем Думблдор тебе это показывает. То есть оно, конечно, страшно интересно и прочее, но *зачем?*

— Кто его знает, — ответил Гарри, вставляя в рот капу. — Он говорит, это очень важно и поможет мне выжить.

— А по-моему, здорово, — серьезно сказала Гермиона. — Конечно, нужно выяснить о Вольдеморте как можно больше. Надо же знать его слабости.

— Кстати, как прошел ужин у Дивангарда? — поинтересовался Гарри, из-за капы очень невнятно.

— Знаешь, неплохо. — Гермиона надела защитные очки. — Он, конечно, нудил про своих знаменитых учеников и буквально *стелился* перед Маклаггеном, потому что у Маклаггена все из себя такие необыкновенные связи, зато очень вкусно накормил и познакомил с Гвеног Джонс.

— Гвеног Джонс? — Рон ошалело уставился на нее сквозь очки. — Та самая? Капитанша «Граальхедских гарпий»?

— Совершенно верно, — кивнула Гермиона. — Правда, лично я думаю, она слишком задается, но...

— Хватит болтать! — подбежав, строго прикрикнула профессор Спарж. — Вы отстаете; все уже приступили к работе, а Невилл добыл первый стручок!

Ребята оглянулись. Действительно Невилл, с окровавленной губой и глубокими царапинами на щеке, сжал в руках неприятно пульсирующий зеленый плод величиною с грейпфрут.

— Все, все, профессор, приступаем! — ответил Рон, а когда Спарж отвернулась, тихо сказал Гарри: — Надо было наложить *заглушу*.

— Нет, не надо! — тут же возмутилась Гермиона, по обыкновению бурно реагируя на упоминания о заклинаниях Принца-полукровки. — Ладно... пора начинать...

Она обреченно посмотрела на мальчиков. Все трое тяжело вздохнули и решительно кинулись на сучковатый пень.

Тот моментально ожил; из верхушки выстрелили длинные колючие плети, похожие на ежевичные, и принялись исступленно хлестать по воздуху. Одна ветвь вцепилась Гермионе в волосы, но Рон геройски отогнал ее секатором. Гарри, изловчившись, захватил пару стеблей и связал их вместе; между веток, извивавшихся как щупальца, образовалось дупло. Гермиона храбро сунула туда руку по самый локоть, но дупло закрылось, поймав ее в ловушку. Гарри с Роном начали тянуть и ломать ветви, размыкая древесные челюсти, и Гермиона сумела выдернуть руку. В горсти она сжимала стручок, такой же как у Невилла. Колючие ветви мгновенно убрались внутрь, и сучковатый пень превратился в мертвый, абсолютно безобидный на вид кусок дерева.

— Когда у меня будет свой сад, я такую гадость заводить не стану, — объявил Рон, сдвигая очки на лоб и вытирая потное лицо.

— Дайте миску, — попросила Гермиона. Она старалась держать пульсирующий плод подальше от себя и с омерзением бросила его в миску, которую протянул Гарри.

— Нечего нос воротить, выжимайте их, выжимайте, они лучше всего, когда свежие! — крикнула профессор Спарж.

— В общем, — сказала Гермиона, невозмутимо продолжая разговор, точно сражения с пнем не было вовсе, — Дивангард устраивает рождественский вечер, и тебе, Гарри, на этот раз не отвертеться: он попросил меня выяснить, какие дни у тебя свободны, чтобы ты точно мог прийти.

Гарри застонал. Рон, который пытался расколоть стручок, сжимая его обеими руками, выпрямился и, надавив изо всех сил, недовольно буркнул:

– Эта вечеринка тоже для любимчиков?

– Для «Диван-клуба», да, – подтвердила Гермиона.

Стручок выскользнул из пальцев Рона, отлетел, ударился в окно теплицы, срикошетил, попал в голову профессору Спарж и сбил с нее старую залатанную шляпу. Гарри пошел подобрать стручок; когда он вернулся, Гермиона говорила:

– Слушай, это не я придумала название «Диван-клуб»…

– «Диван-клуб», – презрительно повторил Рон с гримасой, достойной Драко Малфоя. – Жалко смотреть на вас. Ладно, желаю хорошо повеселиться. Может, тебе охмурить Маклаггена, тогда Дивангард назначит вас королем и королевой Диванючек…

– Нам разрешили пригласить гостей, – сказала Гермиона и непонятно почему жгуче покраснела. – Я хотела позвать тебя, но раз, по-твоему, это настолько глупо, то не буду.

Гарри внезапно пожалел, что стручок не улетел намного дальше: тогда сейчас он не оказался бы рядом с Роном и Гермионой. Оба его не замечали; он схватил миску и принялся воевать со стручком, стараясь как можно громче шуметь, но, к несчастью, все равно слышал каждое слово.

– Ты хотела позвать меня? – спросил Рон совсем другим голосом.

– Да, – гневно бросила Гермиона. – Но если ты хочешь, чтобы я охмурила Маклаггена…

Повисла пауза. Гарри энергично долбил совком по тугому стручку.

– Совсем не хочу, – очень тихо пробормотал Рон.

Гарри, промахнувшись, попал совком по миске, и она разбилась.

– Репаро, – сказал он, тыча волшебной палочкой в осколки. Миска собралась воедино. Происшествие, однако, привело в чувство Рона и Гермиону, напомнив им о присутствии Гарри. Гермиона засуетилась, схватила книгу «Плотоядные деревья мира» и стала искать, как правильно выжимать сок из стручков свирепней; Рон притих, но при этом надулся от гордости.

– Дай-ка сюда, Гарри, – деловито велела Гермиона, – оказывается, его надо проткнуть чем-нибудь острым…

Гарри передал ей миску, и она занялась стручком, а они с Роном надели очки и снова набросились на пень.

Сражаясь с веткой, которая твердо вознамерилась его придушить, Гарри думал, что не так уж и удивлен; ему всегда казалось, что это случится рано или поздно. Но он не знал, как к этому относиться... Они с Чо стеснялись теперь даже посмотреть друг на друга, не то что заговорить; что, если Рон и Гермиона начнут встречаться, а потом расстанутся? Переживет ли такое их дружба? Помнится, в третьем классе, когда они поссорились и не разговаривали, а ему приходилось наводить между ними мосты, было очень неуютно... С другой стороны, что делать, если они не расстанутся и будут как Билл и Флёр, а он при них – третьим лишним, изнемогающим от неловкости?

– Попался! – заорал Рон, извлекая второй стручок. Гермионе как раз удалось расколоть первый, и в миске кишили бледно-зеленые семена, похожие на червячков.

До конца урока о вечеринке Дивангарда они больше не говорили. Следующие несколько дней Гарри пристально наблюдал за Роном и Гермионой, но те вели себя, как обычно, разве что стали чуть повежливей друг с другом. Гарри решил подождать и посмотреть, что произойдет на вечеринке, под влиянием усладэля и при неярком освещении, а пока переключился на более насущные заботы.

Кэти Белл по-прежнему лежала в больнице, и о выписке речи не шло, а значит, в многообещающей гриффиндорской команде, которую Гарри пестовал с самого сентября, не хватало одного Охотника. Гарри долго тянул с заменой, надеясь на возвращение Кэти, но в преддверии открытия сезона был вынужден признать, что в первом матче против «Слизерина» Кэти играть не сможет.

Мысль о новых отборочных испытаниях ужасала, поэтому однажды после превращений Гарри с неприятным чувством, имевшим мало общего с квидишем, подошел к Дину Томасу. В классе почти никого не осталось, но под потолком все еще носились щебечущие желтые птички – создания Гермионы; остальные не сумели сотворить из воздуха ни перышка.

– Ты еще хочешь быть Охотником?

– Что?.. Да, ну еще бы! – восторженно откликнулся Дин. За его спиной Шеймас Финниган с кислым видом закидывал в рюкзак учебники. Гарри знал, что Шеймас обидится, и предпочел бы не брать

Дина, но, с другой стороны, благо команды прежде всего, а Дин на испытаниях сыграл лучше Шеймаса.

– Отлично, тогда ты принят, – сказал Гарри. – Тренировка сегодня в семь.

– Понял, – радостно кивнул Дин. – Ура, Гарри! Эх, поскорей бы рассказать Джинни!

И он вылетел из класса. Гарри остался наедине с Шеймасом, и этот сам по себе неловкий момент вконец испортила Гермионина канарейка, которая, пролетая над Шеймасом, нагадила ему на голову.

Выбор замены для Кэти огорчил не только Шеймаса. В общей гостиной много ворчали насчет того, что теперь в команде целых два одноклассника Гарри. Конечно, за школьные годы он успел свыкнуться с пересудами и почти не обращал на них внимания, однако понимал, что выиграть в грядущем матче просто необходимо. Если «Гриффиндор» победит, все сразу забудут, что когда-то критиковали капитана, и начнут уверять, будто всегда считали подобранную им команду великолепной... Ну а в случае проигрыша, мрачно думал Гарри... он давно уже свыкся с пересудами...

Вечером, наблюдая, как летает Дин, как слаженно он работает вместе с Джинни и Демельзой, Гарри нисколько не жалел о своем выборе. Отбивалы Пикс и Дауж тоже играли лучше день ото дня. Беспокоил только Рон.

Гарри всегда знал, что Рон – игрок нестабильный, нервный и неуверенный в себе. К сожалению, приближающееся открытие сезона сильно обострило все его страхи. Он пропустил полдюжины мячей – почти все были посланы Джинни – и играл все хаотичней, пока наконец не ударил по губам подлетевшую Демельзу Робинс. Бедняжка кривыми зигзагами полетела к земле, разбрызгивая во все стороны кровь.

– Я случайно, прости, Демельза, прости! – закричал Рон ей вслед. – Я просто...

– Опулся от страха, – сердито закончила за него Джинни, которая приземлилась рядом с Демельзой и осматривала ее распухшую губу. – Вот болван, Рон, смотри, что ты наделал!

– Я все исправлю, – сказал Гарри, опускаясь возле девочек, направил волшебную палочку на губу Демельзы и произнес: –

Эпискей. И вообще, Джинни, не называй Рона болваном, ты не капитан команды...

— А я увидела, что тебе некогда назвать его болваном, и подумала, кто-то же должен...

Гарри с трудом подавил смех.

— Поехали, народ, взлетаем...

В целом тренировка оказалась одной из худших за весь триместр, но матч был слишком близко, и Гарри решил, что честность сейчас — не лучшая политика.

— Спасибо, все хорошо поработали, мы обязательно размажем «Слизерин», — утешил он, и Охотники с Отбивалами ушли из раздевалки вполне довольные.

— Я летал, как мешок драконьего навоза, — бесцветно произнес Рон, как только за Джинни захлопнулась дверь.

— Ничего подобного, — твердо возразил Гарри. — Ты лучший Охранник из всех, кто у меня пробовался. Просто ты очень нервный.

Всю дорогу до замка он ободрял Рона, и, когда они поднялись на второй этаж, Рон значительно повеселел. Гарри отвел в сторону гобелен, чтобы, как всегда, пройти в гриффиндорскую башню коротким путем, — и наткнулся на Дина и Джинни. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и целовались с таким ожесточением, что, казалось, склеились ртами.

Громадное чудище мигом родилось в груди Гарри и принялось рвать когтями его внутренности; в голову хлынула жаркая кровь, уничтожив все мысли, кроме одной — навести на Дина порчу, превратить его в слизняка! Борясь с этим неожиданным помешательством, Гарри словно издалека услышал окрик Рона:

— Эй!

Дин и Джинни оторвались друг от друга и оглянулись.

— Что тебе? — спросила Джинни.

— Я не желаю, чтобы моя сестра целовалась в общественном месте!

— Это место было очень уединенным, пока ты не вперся! — парировала Джинни.

Дин явно смутился. Он криво улыбнулся Гарри, но тот не смог улыбнуться в ответ; новоявленное чудище грозно ревело, требуя немедленно выкинуть Дина из команды.

— Э-э... ладно, Джинни, — сказал Дин, — пошли в гостиную.

– Ты иди! – скомандовала она. – А я перекинусь парой ласковых с моим дорогим братцем!

Дин ушел. По его виду было ясно, что он рад исчезнуть.

– Значит, так, – произнесла Джинни. Она отбросила с лица длинные рыжие волосы и свирепо взорвалась на Рона. – Давай раз и навсегда договоримся. Тебя не касается, с кем я встречаюсь и что делаю...

– Еще как касается! – не менее гневно перебил Рон. – Думаешь, я хочу, чтобы мою сестру называли...

– Как?! – крикнула Джинни, выхватывая палочку. – Как, конкретно?

– Он ничего такого не имел в виду, Джинни, – автоматически сказал Гарри, хотя рычащее чудище всецело поддерживало Рона.

– Очень даже имел! – Джинни ожгла Гарри возмущенным взглядом. – Сам в жизни ни с кем не целовался, разве что с тетей Мюриэль, и теперь...

– Заткнись! – взревел Рон, стремительно багровея.

– Не заткнусь! – завопила Джинни вне себя от ярости. – Что я, не видела, как ты цепенеешь перед Хлоркой, ждешь, что она тебя чмокнет в щечку? Не стыдно? Пошел бы сам и научился целоваться, может, и не страдал бы так сильно, что остальные давно это умеют!

Рон тоже схватился за волшебную палочку; Гарри поспешно встал между ними и, растопырив руки, загородил Джинни собой.

– Сама не знаешь, что плетешь! – загрохотал Рон, пытаясь обогнуть Гарри и зачаровать сестру. – Если я не делаю этого на людях...

Джинни уничтожительно расхохоталась; она тоже старалась отпихнуть Гарри.

– А-а, так ты целовался со Свинринстелем? Или хранишь под подушкой фото тетушки Мюриэль?

– Ах ты...

Оранжевый луч пролетел под левой рукой Гарри и чуть не попал в Джинни; Гарри оттолкнул Рона и прижал его к стене.

– Не дури...

– Гарри целовался с Чо Чан! – кричала Джинни. В ее голосе зазвучали слезы. – А Гермиона – с Виктором Крумом! Один ты, Рон, ведешь себя так, будто это что-то отвратительное, а все потому, что опыта у тебя как у двенадцатилетнего ребенка!

С этими словами она убежала. Гарри сразу отпустил Рона; лицо у того было просто убийственное. Так они стояли, тяжело дыша, пока из-за угла не появилась миссис Норрис, кошка Филча.

— Пошли, — сказал Гарри, заслышив шарканье смотрителя.

Они взбежали по лестнице и пошли по коридору седьмого этажа.

— Эй, прочь с дороги! — рявкнул Рон. Маленькая девочка в страхе отпрыгнула и уронила склянку жабьей икры.

Гарри почти не заметил звона разбитого стекла; он ничего не понимал, голова кружилась; так, должно быть, чувствуют себя люди, которых ударило молнией. «Это потому, что она сестра Рона, — твердил он себе. — Мне не понравилось, что она целуется с Дином, потому что она сестра Рона...»

Но перед глазами возник непрошеный образ: тот же пустынный коридор, но с Джинни целуется он сам, а не Дин... Чудище в груди довольно заурчало... Вдруг гобелен распахнулся; Рон, нацелив на него палочку, принял кричать: «предатель»... «а еще друг называется»...

— Как думаешь, Гермиона правда целовалась с Крумом? — внезапно спросил Рон на подходе к Толстой Тете. Гарри виновато вздрогнул и заставил себя не думать о коридоре, куда не врывался никакой Рон и где они с Джинни были совершенно одни...

— Что? — растерянно пробормотал он. — А-а... э-э...

Честно было бы ответить «да», но как-то не хотелось. Впрочем, по его лицу Рон и так все понял.

— Королевская каша, — мрачно буркнул он Толстой Тете. Они пролезли в дыру за портретом и попали в общую гостиную.

О Джинни с Гермионой они больше не вспоминали, вообще мало разговаривали и легли спать в молчании — каждый со своими мыслями.

Гарри долго лежал, глядя вверх на балдахин и убеждая себя, что питает к Джинни исключительно братские чувства. Они целое лето жили рядом, как брат с сестрой — ведь так? — играли в квидиши, дразнили Рона, потешались над Биллом и Хлоркой... Он знает Джинни очень давно... естественно, ему хочется ее защищать... опекать... оторвать Дину руки и ноги за то, что целовался с ней... нет... вот этот братский порыв надо сдерживать...

Рон оглушительно всхрапнул.

Она сестра Рона, твердо сказал себе Гарри. *Сестра Рона.* *Запретная территория.* Нельзя рисковать дружбой. Гарри ткнул

кулаком подушку и, тщательно избегая мыслей о Джинни, стал ждать, когда придет сон.

После бесконечных снов о Роне, который гонялся за ним, размахивая квидишной битой, Гарри проснулся с тяжелой головой, но к полудню понял, что предпочел бы Рона из сна настоящему – тот не только демонстративно презирал Джинни и Дина, но и окатывал Гермиону жестоким, холодным равнодушием. Казалось, за ночь Рон превратился во взрывастого дракла и на всех готов бросаться. Гарри целый день пытался сохранить мир между Роном и Гермионой, но ему ничего не удалось: Гермиона ушла спать разобиженная, а Рон, прежде чем удалиться в спальню, страшно отругал каких-то несчастных первоклашек за то, что они осмелились на него смотреть.

К полному смятению Гарри, со временем агрессия Рона не утихла. Он стал хуже играть, отчего озлобился еще больше, и на последней тренировке перед субботним матчем не смог взять ни одного мяча, но так на всех орал, что довел до слез Демельзу Робинс.

– Заткнись и оставь ее в покое! – прикрикнул на него Пикс, который был на треть ниже Рона, зато держал в руках очень тяжелую биту.

– ХВАТИТ! – взревел Гарри. Он поймал яростный взгляд, который Джинни бросила на брата, вспомнил, что она мастерица накладывать злокозялистое заклятие, и решил вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля. – Пикс, иди убери Нападал. Демельза, успокойся, ты сегодня отлично играла. Рон... – Гарри дождался, пока другие удалятся, и продолжил: – Ты мой лучший друг, но, если будешь продолжать в том же духе, я тебя выгоню из команды.

На миг ему показалось, будто Рон хочет его ударить, но потом случилось кое-что похуже: Рон обвис на метле, вся его воинственность куда-то улетучилась, и он пролепетал:

– Я сам уйду. Я размазня.

– Ничего ты не размазня и никуда ты не уйдешь! – грозно воскликнул Гарри и схватил Рона за грудки. – Когда ты в форме, ты берешь любой мяч, твои проблемы – чисто психические!

– То есть что, я псих?

– Может, и псих!

Пару мгновений они сверлили друг друга глазами, затем Рон устало помотал головой:

— Я знаю, что у тебя нет времени искать нового Охранника, и завтра буду играть, но если мы проиграем — а мы проиграем, — я ухожу.

Никакие уговоры не действовали. За ужином Гарри так и сяк пытался ободрить Рона, но тот слишком усердно дулся на Гермиону и больше ничего не замечал. Вечером в общей гостиной Гарри продолжал гнуть свою линию, настойчиво уверяя друга, что после его ухода вся команда умрет от огорчения; к несчастью, его словам несколько противоречил вид этой самой команды — они тесной кучкой сидели в дальнем углу, шептались и бросали на Рона явно неприязненные взгляды. Под конец Гарри накричал на Рона в надежде, что тот разозлится и это укрепит его боевой дух, но ничего подобного не произошло; Рон отправился спать подавленный и несчастный.

Гарри долго лежал в темноте без сна. Он не хотел проиграть предстоящий матч, первый, в котором выступал капитаном, и к тому же решительно настроился утереть нос Малфою, пусть даже подозрения насчет него не доказаны. Но если Рон будет играть, как на последних тренировках, шансы победить, мягко говоря, невелики...

Если бы как-то заставить Рона собраться... играть на пике возможностей... сделать так, чтобы у него был поистине удачный день...

Ответ пришел внезапно, счастливым озарением.

Наутро в Большом зале, как всегда перед матчем, царило всеобщее возбуждение; слизеринцы шипели и улюлюкали, едва игроки «Гриффиндора» появлялись в дверях. Гарри поднял глаза к потолку и увидел ясное голубое небо: хорошее предзнаменование.

Гриффиндорский стол, сплошь красно-золотой, завидев Гарри и Рона, ликующе заревел. Гарри улыбнулся, помахал рукой; Рон, слабо скривив губы, помотал головой.

— Веселей, Рон! — крикнула Лаванда. — Ты лучше всех!

Рон даже не взглянул на нее.

— Чай? — спросил его Гарри. — Кофе? Тыквенный сок?

— Все равно, — трагически бросил Рон и тоскливо куснул гренок.

Спустя пару минут позади них остановилась Гермиона. Ей так надоело дурное поведение Рона, что на завтрак вместе с ними она не пошла.

— Как дела? — осторожно спросила она, глядя Рону в затылок.

– Отлично, – сказал Гарри, который в это время сосредоточенно пихал Рону тыквенный сок. – Держи-ка. Пей.

Рон поднес стакан к губам, но Гермиона вдруг вскрикнула:

– Не пей!

Мальчики обернулись.

– С чего это? – буркнул Рон.

Гермиона недоверчиво смотрела на Гарри:

– Ты туда что-то подлил.

– Что-что? – холодно произнес тот.

– Ты меня понял. Я все видела. Ты подлил что-то Рону в сок. У тебя пузырек в руках!

– Не знаю, о чем ты. – Гарри поспешил спрятать флякончик в карман.

– Рон, я тебя предупреждаю: не пей! – встревоженно повторила Гермиона, но Рон схватил стакан, мигом осушил его и сказал:

– Нечего мной командовать, Гермиона.

Та вскипела от возмущения и, низко наклонившись к Гарри, прошипела:

– За это тебя следует исключить. Никогда бы не поверила, что ты на такое способен!

– Кто бы говорил, – шепотом ответил он. – Сама-то давно никого не заморачивала?

Гермиона стремительно отошла на другой конец стола. Гарри без сожаления смотрел ей вслед: она никогда не понимала всей серьезности квидиша. Потом он повернулся к Рону, который облизывал губы, и бодро провозгласил:

– Пора.

Они отправились на стадион. Заиндеевшая трава громко хрустела под ногами.

– Повезло с погодой, да? – сказал Гарри.

– Да, – вяло отозвался Рон. Он был бледен и выглядел совершенно больным.

В раздевалке сидели Джинни и Демельза; они уже надели квидишную форму.

– Условия просто идеальные, – заметила Джинни, не замечая страданий Рона. – И знаете что? Слизеринского Охотника, Вейзи,

вчера на тренировке треснуло по голове Нападалой, и сегодня он не может играть! А есть новость еще лучше: Малфой тоже заболел!

– Что? – Гарри резко повернулся к ней. – Заболел? Чем?

– Понятия не имею, но нам повезло, – радостно отозвалась Джинни. – Вместо него поставили Харпера; он в моей параллели – клинический идиот.

Гарри неопределенно улыбнулся в ответ, но, переодеваясь в малиновую мантию, думал совсем не о квидише. Однажды Малфой отказался играть из-за травмы, но при этом приложил все силы, чтобы матч перенесли на более удобное для «Слизерина» время. А теперь спокойно согласился на замену. Почему? Правда болен или притворяется?

– Странно, да? – шепнул он Рону. – Что Малфой не играет.

– Я бы сказал, удачно. – Рон немного оживился. – И Вейзи нет, он же у них лучший бомбардир, мне совершенно не улыбалось… Эй! – Он застыл, не надев до конца перчатки, и уставился на Гарри.

– Что?

– Я… ты… – Рон понизил голос; вид у него был испуганный, но глаза горели. – Мой тыквенный сок… ты не?..

Гарри поднял брови, но не сказал ничего, кроме:

– Через пять минут начало, надевай-ка лучше ботинки.

Они вышли на поле. Отовсюду понеслись оглушительные приветствия и издевательские выкрики. Один конец стадиона был ало-золотой; другой выглядел как океан зелени и серебра. Симпатии хуффльпуффцев и вранзорцев тоже разделились. Среди воплей и рукоплесканий Гарри отчетливо различал далекий рев знаменитой шляпы со львом Луны Лавгуд.

Гарри подошел к судье мадам Самогони, которая стояла над ящиком с мячами.

– Капитаны, обменяйтесь рукопожатиями, – велела она, и пальцы Гарри тут же захрустели в ладони нового капитана слизеринцев Уркахарта. – Седлайте метлы. По свистку… три… два… один…

Прозвучал свисток. Гарри и остальные с силой оттолкнулись от мерзлой земли и взлетели.

Гарри парил над периметром поля, выискивая взглядом Проныру и одновременно присматривая за Харпером, который носился зигзагами

чуть ниже. И тут над стадионом зазвучал непривычный голос нового комментатора:

– Итак, они в воздухе! Наверное, все, как и я, удивляются странному составу команды Поттера. Учитывая неровные выступления Рональда Уизли в прошлом году, многие были уверены, что в команде его не оставят, но разумеется, благодаря тесной дружбе с капитаном...

Слизеринские трибуны разразились издевательским хохотом и аплодисментами. Гарри обернулся на комментаторскую площадку. Там стоял высокий и тощий курносый блондин с волшебным мегафоном, некогда принадлежавшим Ли Джордану; Гарри узнал Захарию Смита, игрока хуффльпффцев, весьма неприятного типа.

– А вот и первая голевая ситуация, Уркахарт стремительно снижается и...

У Гарри подвело живот.

– ...Уизли отбивает мяч, что ж, надо думать, всем иногда везет...

– Правильно думаешь, Смит, – пробормотал Гарри. Он улыбнулся сам себе и ринулся вниз, в гущу Охотников, неусыпно следя, не мелькнет ли где золотой лучик.

Через полчаса «Гриффиндор» лидировал со счетом шестьдесят – ноль. Рон взял несколько очень трудных мячей, часть из них – буквально кончиками перчаток; Джинни забила четыре из шести гриффиндорских голов. После этого Захария перестал громогласно сокрушаться о том, что целых два Уизли проникли в команду исключительно благодаря личным симпатиям Гарри, зато прицепился к Пиксу и Даужу.

– Конечно, физически Дауж не дотягивает до нормального Отбивалы, – высокомерно тянул Захария, – обычно у них лучше развита мускулатура...

– Залепи-ка ему Нападалой! – крикнул Гарри пролетающему мимо Даужу, но тот, широко ухмыляясь, запустил мяч в Харпера, который как раз летел навстречу. Гарри с удовлетворением услышал глухой удар, означавший, что Нападала попал в цель.

Казалось, в этом матче «Гриффиндор» просто обречен на успех. Они забивали гол за голом, снова и снова, а на другом конце поля Рон снова и снова с неподражаемой легкостью брал мячи противника. Теперь он вовсю улыбался, а когда публика в ответ на особенно

впечатляющий маневр грянула ширящимся хором старый хит «Уизли – наш король», Рон сверху изобразил дирижера.

– Что, он считает себя героем? – сказал чей-то презрительный голос. Гарри чуть не упал с метлы – в него намеренно, со всей силы врезался Харпер. – Твой приятель – предатель крови...

Мадам Самогони была к ним спиной. Гриффиндорские болельщики возмущенно заорали, и она повернулась узнать, в чем дело, но Харпер уже умчался. Гарри с ноющим от боли плечом кинулся вдогонку, чтобы отомстить...

– Похоже, Харпер из команды «Слизерина» заметил Проныру! – крикнул в мегафон Захария Смит. – Да, точно! А Поттер проворонил!

Смит – идиот, подумал Гарри, он что, не видел, как они столкнулись? Но в следующий миг его сердце оборвалось и провалилось куда-то в тартарары – Смит оказался прав. Харпер летел вверх не просто так; он увидел то, что Гарри проглядел: быстро крылого Проныру, четко выделявшегося на фоне ясного голубого неба.

Гарри прибавил скорость; ветер свистел в ушах, заглушая и комментарии Смита, и крики толпы. Но Харпер по-прежнему был впереди, а у «Гриффиндора» – преимущество всего лишь в сто очков; если Харпер окажется первым, «Гриффиндор» проиграет... Харпер протянул руку к золотому мячику...

– Эй, Харпер! – в отчаянии крикнул Гарри. – Сколько тебе Малфой заплатил, чтобы ты сыграл вместо него?

Он не знал, что заставило его так сказать, но Харпер замешкался, неловко цапнул Проныру, не поймал и пролетел дальше. Гарри сделал рывок и схватил крохотный трепещущий мячик.

– ЕСТЬ! – заорал он, развернулся и ринулся к земле, держа Проныру высоко над головой.

Спустя несколько мгновений публика сообразила, что случилось, и над стадионом поднялся громкий рев, почти заглушивший финальный свисток.

– Джинни, ты куда? – крикнул Гарри.

Вся команда бросилась обнимать его прямо в воздухе, но Джинни промчалась мимо и с чудовищным грохотом врезалась в комментаторскую площадку. Толпа завизжала, захотела. Гриффиндорские игроки приземлились у обломков, под которыми

слабо шевелился Захария Смит; Гарри услышал, как Джинни радостно говорит недовольной Макгонаголл:

– Забыла затормозить, профессор, извините.

Гарри смеясь высвободился из объятий и обвил рукой плечи Джинни, но сразу же отпустил и, избегая встречаться с ней взглядом, хлопнул по спине ликующего Рона. Забыв все распри, гриффиндорцы ушли с поля, держась за руки. Они победно потрясали кулаками и махали своим болельщикам.

В раздевалке они продолжали ликовать.

– Шеймас сказал, сейчас будем праздновать в общей гостиной! – в полной эйфории вопил Дин. – Пошли скорей, Джинни, Демельза!

Рон и Гарри остались в раздевалке вдвоем. Они уже собирались идти, когда на пороге появилась Гермиона. Она вертела в руках гриффиндорский шарф; вид у нее был расстроенный, но решительный.

– Гарри, я хочу с тобой поговорить. – Она набрала побольше воздуху. – Ты не должен был так поступать. Ты же слышал, что сказал Дивангард: это незаконно.

– И что ты сделаешь, выдашь нас? – негодующе спросил Рон.

– О чём это вы? – Гарри отвернулся, чтобы повесить форму и одновременно скрыть улыбку.

– Сам прекрасно знаешь! – пронзительно выкрикнула Гермиона. – За завтраком ты подлил Рону зелье удачи! Фортуну фортунату!

– Ничего я не подливал, – сказал Гарри и повернулся к ним.

– Еще как подливал, потому все и прошло хорошо, слизеринцы заболели, и Рон взял все голы!

– Я ничего никуда не подливал! – Гарри улыбнулся уже открыто. Он сунул руку в карман куртки и вытащил флакончик, который Гермиона видела у него в руках утром. Флакончик был доверху наполнен золотистой жидкостью, а пробка плотно запечатана воском. – Я хотел, чтобы Рон так подумал, – я затем и притворился у тебя на глазах. – Он посмотрел на Рона. – Ты взял все мячи, потому что был уверен, что тебе везет. Ты все сделал сам.

Он опять спрятал зелье.

– В соке ничего не было? – поразился Рон. – Но... хорошая погода... и Вейзи не смог играть... Мне правда ничего не подливали?

Гарри помотал головой. Рон изумленно посмотрел на него, а затем круто повернулся к Гермионе и передразнил:

— За завтраком ты подлил Рону зелье удачи и поэтому он взял все голы! Съела, Гермиона? Я могу брать мячи без посторонней помощи!

— Я и не говорила, что не можешь... Рон, ты тоже думал, что тебе подлили зелье!

Но он уже вскинул метлу на плечо и прошел мимо Гермионы к двери.

— Эмм, — во внезапно наступившей тишине промычал Гарри; он не ожидал, что его блестательный план так странно обернется, — ну что... пойдем наверх, праздновать?

— Идите! — воскликнула Гермиона, моргая, чтобы прогнать подступившие слезы. — А я ужасно устала от Рона. Не понимаю, в чем я еще провинилась...

И она тоже вылетела из раздевалки.

Гарри медленно побрел к замку сквозь толпу болельщиков. Многие выкрикивали поздравления, но он чувствовал себя обманутым; ему-то казалось, что, если Рон выиграет, они с Гермионой сразу помирятся... Гарри не понимал, как — за давностью преступления — объяснить Гермионе, что она виновата лишь в том, что целовалась с Виктором Крумом.

На празднике в честь победы, который, когда появился Гарри, шел полным ходом, Гермионы не было. Гарри встретили радостными криками и рукоплесканиями, окружили и принялись поздравлять. Он долго не мог отделаться от братьев Криви, желавших услышать поминутный отчет о матче, и от девочек, усиленно трепетавших ресницами и смеявшимися над самыми скучными его репликами, поэтому далеко не сразу начал искать Рона. Наконец он вырвался от Ромильды Вейн, которая недвусмысленно намекала, что мечтает пойти с ним на рождественский вечер к Дивангарду, и, пробравшись к столику с напитками, столкнулся с Джинни. На плече у нее сидел пигмейский пухфок Арнольд, а у ног с надеждой мяукал Косолапсус.

— Ищешь Рона? — усмехнулась Джинни. — Вон он, противный лицемер.

Гарри поглядел в угол, куда она указывала. Там, на виду у всех, стоял Рон и так крепко обнимал Лаванду Браун, что было невозможно понять, где чьи руки.

— Такое впечатление, что он хочет съесть ее губы, правда? — бесстрастно заметила Джинни. — Надеюсь, со временем он отработает

технику... Отлично сыграли, Гарри.

Она похлопала его по руке – у Гарри внутри все оборвалось – и пошла за усладэлем. Косолапсус потрусили за ней, не сводя желтых глаз с Арнольда.

Гарри отвернулся от Рона, который явно не собирался в ближайшее время выныривать на поверхность, и у него опять упало сердце: в закрывающемся отверстии за портретом он, кажется, разглядел пушистую каштановую гриву.

Он бросился к выходу, в очередной раз увернувшись от Ромильды Вейн, и оттолкнул портрет. В коридоре было пусто.

– Гермиона?

Он нашел ее в первом же незапертом классе. Она сидела на учительском столе, одна, если не считать стайки желтых птичек, с громким щебетанием выписывавших круги у нее над головой. Гермиона, очевидно, создала их прямо из воздуха. Гарри не мог не восхититься, что даже в столь трудную минуту она способна творить такие изумительные вещи.

– А, Гарри, привет, – сказала она надтреснутым голосом. – Вот, решила поупражняться.

– Да... э-э... красивые... – пробормотал Гарри.

Он не находил слов и только смутно надеялся, что она все-таки не видела Рона, а ушла из общей гостиной, спасаясь от шума. Но Гермиона неестественно тонко произнесла:

– Рон, похоже, веселится вовсю.

– Да? – удивился Гарри.

– Не притворяйся, что не заметил, – сказала Гермиона. – Он, в общем-то, не скрывался...

Дверь распахнулась, и, к ужасу Гарри, вошел Рон; он смеясь тащил за руку Лаванду. При виде Гарри и Гермионы он охнул и застыл на месте.

– Ой! – вскрикнула Лаванда, захихикала и попятилась из класса. Дверь за ней захлопнулась.

Повисло тягостное молчание. Гермиона смотрела прямо на Рона. Тот, упорно не поднимая глаз, с неловкой бравадой выпалил:

– Гарри! А я думаю, куда ты делся?

Гермиона соскользнула со стола. Стайка золотых птичек по-прежнему вилась у нее над головой – вместе они напоминали

оперенную модель Солнечной системы.

– Не заставляй Лаванду ждать, – тихо проговорила Гермиона. – Она будет переживать, что ты пропал.

А затем медленно и очень прямо пошла к выходу. Гарри поглядел на Рона. Тот явно радовался, что не случилось ничего похуже.

– Оппуньо! – раздался вдруг крик от двери.

Гарри круто обернулся и увидел, что Гермиона с безумным лицом тычет палочкой в Рона, и к нему градом золотых пуль несется птичья стайка. Рон взвизгнул и закрыл лицо руками, но птицы безжалостно атаковали его; они клевали и раздирали когтями все, до чего могли добраться.

– Пошли на фиг! – верещал Рон. Гермиона с мстительной яростью поглядела на него в последний раз, с силой распахнула дверь и исчезла, но, прежде чем дверь захлопнулась, до Гарри донесся всхлип.

Глава пятнадцатая

Нерушимая клятва

За обледеневшими окнами снова кружился снег; быстро приближалось Рождество. Огрид уже принес положенные двенадцать елей для Большого зала; перила лестниц были увиты гирляндами из мишурь и остролиста; под шлемами рыцарских доспехов светились вечногорящие свечи, а в коридорах через равные интервалы висели огромные шары омелы. Под ними стайками собирались девочки; они поджидали Гарри, создавая заторы; к счастью, он, благодаря частым ночных путешествиям по замку, прекрасно знал все секретные ходы-выходы и мог без труда пройти к любому кабинету, минуя омелу.

Рон еще недавно завидовал бы и ревновал, а теперь просто хохотал до упаду. Гарри, безусловно, предпочитал нового веселого Рона хмуруму и агрессивному, но за это пришлось дорого заплатить: во-первых, терпеть почти постоянное присутствие Лаванды, которая считала время, когда не целовалась с Роном, потраченным напрасно, а во-вторых, смириться с положением друга двух заклятых врагов.

На руках Рона еще не зажили царапины от птичьих коготков; он был обижен и считал себя пострадавшей стороной.

– Ей не на что жаловаться, – сказал он Гарри. – Она целовалась с Крумом. И вдруг обнаружила, что со мной тоже кто-то хочет целоваться! У нас, между прочим, свободная страна. Я ничего плохого не делаю.

Гарри не ответил, притворившись, будто полностью погружен в книгу, которую требовалось проштудировать к завтрашним заклинаниям («Квинтэссенция: квест»). Он твердо решил сохранить отношения и с Роном, и с Гермионой, но в результате почти все время проводил с плотно сомкнутым ртом.

– Я ей ничего не обещал, – бубнил Рон. – То есть я, конечно, собирался пойти с ней на вечер к Дивангарду, но она же не говорила... просто по-дружески... я свободный человек...

Гарри перевернул страницу «Квинтэссенции», чувствуя на себе взгляд Рона, чья речь постепенно превратилась в невнятное бормотание, едва различимое за громким потрескиванием огня в камине; впрочем, Гарри, кажется, уловил слова «Крум» и «сама виновата».

С Гермионой, из-за ее очень плотного расписания, можно было нормально поговорить только вечером, когда Рон в любом случае прилипал к Лаванде и переставал замечать Гарри. Гермиона не желала находиться в общей гостиной одновременно с Роном, поэтому Гарри, как правило, приходил к ней в библиотеку, где все разговоры велись шепотом.

— Он имеет полное право целоваться с кем угодно, — заявила Гермиона. Библиотекарша мадам Щипц бродила сзади за стеллажами. — Меня это ни капельки не волнует.

Она занесла перо над своей работой и с такой силой поставила точку, что проткнула дырку в пергаменте. Гарри промолчал. Он всерьез опасался, что у него скоро пропадет голос — за ненадобностью. Он ниже склонился над «Высшим зельеделием» и продолжил конспектировать инструкции по изготовлению экстратемпоральных эликсиров, изредка останавливаясь, чтобы разобрать примечания Принца к тексту Возлиянуса Сенны.

— Да, кстати, — сказала Гермиона чуть погодя, — будь осторожнее.

— В последний раз говорю, — зашептал Гарри; после сорока пяти минут молчания он немного осип, — я не собираюсь отдавать учебник! От Принца-полукровки я узнал больше, чем от Злея и Дивангарда за...

— Я не о твоем самозваном Принце, — Гермиона посмотрела на злополучный учебник с такой неприязнью, словно он ей нагрубил, — а совсем о другом. Перед библиотекой я зашла в туалет. Там было человек десять девочек — в том числе Ромильда Вейн, — и они решали, как бы подсунуть тебе любовный напиток. Они дружно мечтают попасть на вечер к Дивангарду и, похоже, накупили у Фреда с Джорджем приворотного зелья, которое, боюсь, действует...

— Что ж ты его не конфисковала? — вознегодовал Гарри. Немыслимо, чтобы маниакальная страсть Гермионы к соблюдению правил вдруг пропала в самый критический момент!

— Они же не взяли его с собой в туалет, — обиженно ответила Гермиона. — Просто обсуждали тактику. А поскольку вряд ли даже

Принц-полукровка, – она еще раз враждебно покосилась на учебник, – знает противоядие к десятку любовных зелий сразу, я бы на твоем месте уже пригласила кого-нибудь, чтоб отсечь остальных. Вечеринка завтра – они готовы на крайности.

– Но мне не хочется никого приглашать, – пробормотал Гарри. Он по-прежнему старался не думать о Джинни, хотя она упорно проникала в его сны, да так, что оставалось лишь благодарить судьбу за неспособность Рона к легилименции.

– В общем, у Ромильды вид решительный, так что следи за тем, что пьешь, – мрачно подытиожила Гермиона.

Она продвинула вперед длинный пергаментный свиток с работой по арифмантике и застручила дальше. Гарри следил за ней, витая мыслями где-то далеко.

– Подожди-ка, – медленно проговорил он. – Ведь Филч запретил товары из «Удивительных Ультрафокусов Уизли»?

– С каких пор у нас обращают внимание на запреты Филча? – отозвалась Гермиона, не переставая писать.

– Но говорили, что всех сов обыскивают? Как же им удалось протащить в школу любовное зелье?

– Фред и Джордж рассылают их под видом духов и микстуры от кашля, – объяснила Гермиона. – У них это входит в совиную доставку.

– Ты прямо эксперт.

Гермиона посмотрела на него примерно так же, как на его «Высшее зельеделие».

– Это было написано на пузырьках, которые они показывали нам с Джинни летом, – холодно сказала она. – Я, знаешь ли, ничего никому не подливаю... и не притворяюсь, будто подлила, что, по-моему, не лучше...

– Ладно, ладно, забудем, – быстро перебил Гарри. – Важно другое: Филча обдурили, так? Зелье попало в школу под видом чего-то другого! Почему же тогда Малфою не протащить ожерелье?..

– Гарри... не начинай...

– Нет, ты скажи почему?

– Потому, – вздохнула Гермиона. – Сенсоры секретности распознают порчу, проклятия и скрытные чары. Они используются против черной магии, для обнаружения заговоренных предметов. Мощную порчу, такую, как на ожерелье, они распознали бы в пять

секунд. Но то, что просто перелили в другую бутылку... А потом, любовные зелья – не черная магия, они не опасны...

– Тебе легко говорить, – буркнул Гарри, вспомнив Ромильду Вейн.

– ...и понять, что это не микстура, должен был Филч, а он не очень хороший колдун и вряд ли отличит одно зелье от...

Гермиона осеклась; Гарри тоже услышал шорох. Кто-то подкрадывался к ним сзади из темноты вдоль книжных стеллажей. Они замерли. Через мгновение из-за полки появилась хищная физиономия мадам Щипц; она несла лампу, которая весьма нелестно освещала ее впалые щеки и длинный крючковатый нос.

– Библиотека закрывается, – объявила она. – Будьте добры положить все, что взяли, на... *Что ты сделал с книжкой, чудовище?*

– Это не библиотечная, это моя! – выкрикнул Гарри и вцепился в «Высшее зельеделие», на которое уже легла когтистая рука мадам Щипц.

– Позор! – зашипела она. – Святотатство! Осквернение!

– Подумаешь, кто-то что-то написал! – возразил Гарри, пытаясь вырвать книгу.

Казалось, мадам Щипц вот-вот хватит удар. Гермиона спешно сгребла свои вещи, вцепилась Гарри в руку и поволокла его к выходу.

– Будешь так себя вести, она запретит тебе доступ в библиотеку. Зачем только ты приволок эту глупую книгу?

– Знаешь, Гермиона, если она псих ненормальный, я не виноват. Или, может, она слышала, что ты говорила про Филча? Я всегда подозревал, что между ними что-то есть...

– О-о, ха-ха...

Гарри и Гермиона, радуясь, что можно больше не шептаться, прошли по пустынным коридорам под лампами и вернулись в общую гостиную; всю дорогу они спорили о существовании тайного романа между Филчем и мадам Щипц.

– Финтифлюшки, – сказал Гарри, обращаясь к Толстой Тете. Это был новый, праздничный, пароль.

– И вам того же, – с плутоватой улыбкой ответила Толстая Тетя и качнулась вперед, пропуская их.

– Привет, Гарри! – крикнула Ромильда Вейн, едва он вскарабкался в дыру за портретом. – Хочешь ледниколы?

Гермиона оглянулась на Гарри через плечо: дескать, что я говорила?

– Нет, спасибо, – не раздумывая ответил он. – Мне не очень нравится.

– Тогда возьми вот это. – Ромильда сунула ему в руки коробку. – Шоколадные котлокексы с огневиски. Мне бабушка прислала, а я не люблю.

– А… да… большое спасибо, – пробормотал Гарри, не придумав, что бы еще сказать. – Э-э… мы тут как раз шли…

Он поспешил за Гермионой, и его жалкий лепет постепенно замер.

– Я же предупреждала, – недовольно бросила Гермиона, – чем скорее кого-нибудь пригласишь, тем быстрей от тебя отстанут и ты сможешь…

Вдруг у нее сделалось безразличное лицо: она увидела Рона и Лаванду, которые, тесно сплетаясь, сидели в одном кресле.

– Спокойной ночи, Гарри, – отрывисто произнесла Гермиона и, не сказав больше ни слова, удалилась, хотя было только семь часов вечера.

Гарри пошел спать, утешая себя тем, что осталось пережить всего один день занятий и вечер у Дивангарда, а потом они с Роном уедут в «Гнездо». Очевидно, что до начала каникул Рон и Гермиона не помирятся, но, возможно, за время разлуки они как-нибудь успокоятся, подумают о своем поведении…

Впрочем, надежда на это была не слишком велика, а назавтра, после того как Гарри пережил урок превращений с ними обоими, совсем скучожилась. Класс только что приступил к невероятно сложной теме – человеческим метаморфозам; полагалось перед зеркалом изменить цвет собственных бровей. Первая попытка Рона оказалась катастрофической: он непостижимым образом отрастил себе великолепные, лихо закрученные усы. Гермиона недобро над ним посмеялась. Рон не замедлил отомстить, жестоко, но очень точно изобразив, как Гермиона подпрыгивает на стуле при каждом вопросе профессора Макгонаголл. Лаванда и Парвати нашли это страшно смешным, а Гермиона насилиу сдержала слезы и сразу после колокола выбежала из класса, забыв половину вещей. Гарри рассудил, что сейчас она больше Рона нуждается в сочувствии, схватил ее книжки и поспешил следом.

Он обнаружил ее этажом ниже, на выходе из туалета. С ней была Луна Лавгуд, которая неловко поглаживала ее по спине.

– Гарри, привет, – сказала Луна. – Ты знаешь, что у тебя одна бровь ярко-желтая?

– Привет, Луна. Гермиона, ты забыла…

Он протянул ей книжки.

– Ах да, – сдавленно ответила Гермиона, забирая учебники и быстро отворачиваясь, чтобы Гарри не заметил, как она утирает глаза пеналом. – Спасибо, Гарри. Ладно, я, пожалуй, пойду…

Она быстро ушла, и Гарри даже не успел ее утешить, хотя, если честно, понятия не имел, чем тут можно помочь.

– Она немного расстроена, – сообщила Луна. – Я даже подумала, что это Меланхольная Миртл, но оказалось, Гермиона. Что-то там с Роном Уизли…

– Да, они поссорились, – кивнул Гарри, и они с Луной вместе зашагали по коридору.

– Он иногда смешно шутит, – промолвила Луна. – Но может быть довольно жестоким. Я заметила в прошлом году.

– Наверное, – отозвался Гарри. Луна обладала удивительной способностью изрекать неприятные истины, и в очередной раз это продемонстрировала; он еще никогда не встречал подобного человека. – Ну что… как прошел триместр, хорошо?

– Нормально, – сказала Луна. – Правда, без Д. А. чуточку одиноко. Зато Джинни очень милая. Недавно на превращениях запретила двум мальчикам из нашего класса называть меня Психуной…

– А хочешь пойти со мной на вечер к Дивангарду?

Слова вырвались как-то сами; для Гарри они прозвучали так, словно их произнес кто-то другой.

Луна удивленно обратила к нему выпуклые глаза:

– К Дивангарду? С тобой?

– Да, – подтвердил Гарри. – Нам можно приводить гостей, вот я и подумал, может, тебе интересно… в смысле… – Он захотел расставить все точки над «и». – Как друзья, понимаешь? Но если ты не хочешь…

Он почти уже на это надеялся.

– Нет-нет, я с удовольствием, как друзья! – Он еще не видел, чтобы Луна так сияла. – Меня пока никто не приглашал на вечер как друга! Ты поэтому покрасил бровь, для праздника? Я тоже должна?

— Нет, — твердо ответил Гарри, — это случайно получилось. Я попрошу Гермиону, она все исправит... Короче, встречаемся в вестибюле в восемь вечера.

— *АГА!* — завопили сверху. Гарри и Луна вздрогнули; они не заметили, что прошли прямо под Дрюзгом, который свисал вниз головой с канделябра и злобно им лыбился. — *Поттермон пригласил Психуну на вечер! Поттермон втюрился в Психуну! Поттермон втю-юрился в Психуну!*

Полтергейст понесся прочь, хехекая и громко вопя:

— Поттермон втюрился в Психуну!

— Приятно, когда уважают твоё право на личную жизнь, — с иронией заметил Гарри. И действительно, в мгновение ока вся школа узнала, что Гарри Поттер пригласил Луну Лавгуд на вечер к Дивангарду.

— Ты мог выбрать *кого угодно*! — потрясенно воскликнул Рон за ужином. — *Кого угодно!* А ты позвал Психуну?

— Не называй ее так, Рон, — рыкнула Джинни, которая шла мимо к своим друзьям. — Я очень рада, Гарри, что ты ее пригласил, она чуть с ума не сходит от счастья.

Джинни прошла чуть дальше и села с Дином. Гарри хотел порадоваться, что рада Джинни, но почему-то не мог. На другом конце стола в гордом одиночестве сидела Гермиона и ковыряла вилкой рагу. Гарри заметил, что Рон осторожно на нее посматривает.

— Мог бы извиниться, — без обиняков заявил Гарри.

— Да? И пойти на корм канарейкам? — отозвался Рон.

— Зачем ты ее передразнивал?

— Она смеялась над моими усами!

— Я тоже, в жизни не видел ничего более идиотского.

Но Рон его уже не слышал: появилась Лаванда вместе с Парвати. Лаванда втиснулась между Гарри и Роном и обвила руками шею своего возлюбленного.

— Привет, Гарри, — сказала Парвати. Было видно, что она, как и он, немного стесняется поведения их друзей и уже устала его терпеть.

— Привет, — ответил Гарри, — как жизнь? Осталась в «Хогварце»? А то я слышал, родители хотели тебя забрать.

— Пока что их удалось отговорить, — улыбнулась Парвати. — После истории с Кэти они просто обезумели, но, поскольку больше ничего

такого не было... Ой, Гермиона, здравствуй!

Парвати излучала благожелательность. Гарри понимал: ей стыдно, что она смеялась над Гермионой на превращениях. Он повернул голову и увидел, что Гермиона улыбается еще лучезарнее – хотя это, казалось бы, невозможно. Все-таки временами девочки ужасно странные.

– Здравствуй, Парвати! – пропела Гермиона, полностью игнорируя Рона с Лавандой. – Ты идешь сегодня к Дивангарду?

– Меня не пригласили, – хмуро буркнула Парвати. – Жалко, мне бы хотелось, говорят, там здорово... А ты идешь?

– Да, мы с Кормаком встречаемся в восемь и...

Раздался такой звук, будто из засорившейся раковины выдернули затычку: Рон вынырнул на поверхность. Гермиона словно не заметила.

– ...вместе идем к Дивангарду.

– С Кормаком? – повторила Парвати. – Кормаком Маклаггеном?

– Совершенно верно, – любезно подтвердила Гермиона. – Тем, который *чуть было*, – она сильно подчеркнула последние слова, – не стал гриффиндорским Охранником.

– Вы что, встречаешьесь? – распахнула глаза Парвати.

– А? Да... ты не знала? – ответила Гермиона и хихикнула совершенно несвойственным для себя образом.

– Да ты что! – воскликнула Парвати, вне себя от такого известия. – Ух ты! Да у тебя страсть к квидишным игрокам! Сначала Крум, теперь Маклагген...

– К *хорошим* квидишным игрокам, – поправила Гермиона, не переставая улыбаться. – Ну все, пока... пойду готовиться к вечеринке...

Она гордо удалилась. Лаванда и Парвати тут же склонили головы друг к другу, чтобы обсудить новый поворот событий, а также все, что слышали о Маклаггене и о чем догадывались насчет Гермионы. Рон сидел до странности неподвижно и отрешенно молчал. Гарри про себя поражался, как низко готовы пасть девчонки ради мести.

В восемь вечера он пришел в вестибюль, увидел, что там слоняется целая толпа наблюдательниц, и направился к Луне, чувствуя на себе их оскорбленные взгляды. Наряд его спутницы – серебристая мантия с блестками – тоже явно вызывал у остальных насмешливое презрение, но в целом Луна выглядела вполне нормально. По крайней мере,

обошлась без серег-редисок, призракуляров и бус из пробок от усладэля.

– Привет, – поздоровался Гарри. – Идем?

– Да-да, – радостно закивала Луна. – А куда?

– В кабинет Дивангарда, – сказал Гарри и повел ее вверх по мраморной лестнице, подальше от пересудов и любопытных глаз. – Ты слышала, что там будет вампир?

– Руфус Скримджер? – спросила Луна.

– Я... что? – растерялся Гарри. – Министр магии?

– Ну да, он же вампир, – невозмутимо ответила она. – Папа написал об этом длинную статью, когда Скримджер только сменил Фуджа, но министерство запретило ее печатать. Естественно, им не хочется, чтобы правда вышла наружу!

Гарри сильно сомневался, что Руфус Скримджер – вампир, но привык к заявлениям Луны и знал, как горячо она верит в странные идеи своего отца, а потому не стал спорить. Они уже подходили к кабинету Дивангарда; оттуда неслись смех, музыка и оживленные разговоры, которые с каждым шагом звучали все громче.

Обиталище Дивангарда, благодаря то ли архitectурным особенностям, то ли какому-то волшебству, оказалось намного больше обычного учительского кабинета. С потолка и стен, создавая иллюзию огромного шатра, свисали изумрудные, малиновые и золотые драпировки. Толпился народ, было душно; в центре висела роскошная золоченая люстра, заливавшая комнату красным светом, – внутри яркими искорками вились настоящие феи. В дальнем углу кто-то громко пел под аккомпанемент мандолин; нескольких пожилых ведунов, погруженных в беседу, заволокло густой пеленой табачного дыма. Под ногами гостей, попискивая, сновала целая армия домовых эльфов – они разносили закуски и были почти не видны под тяжелыми серебряными подносами, отчего напоминали ходячие столики.

– Гарри, мой мальчик! – загремел Дивангард, когда Гарри и Луна протиснулись внутрь. – Заходи, заходи, мне со столькими надо тебя познакомить!

Дивангард был в смокинге и бархатной шляпе с кисточками. Он вцепился в Гарри так, будто хотел вместе с ним аппарировать, и деловито повел в толпу гостей; Гарри схватил Луну за руку и потащил за собой.

— Гарри, познакомься: Элдред Уорпл, мой бывший ученик, автор книги «Кровные братья: моя жизнь с вампирами», и его друг Кровур.

Уорпл, маленький человечек в очках, энергично потряс руку Гарри; высокий Кровур, изможденный, с темными кругами под глазами, едва кивнул. Он, очевидно, скучал. Неподалеку собралась стайка девочек; они с жадным любопытством смотрели на вампира.

— Гарри Поттер! Я просто в восторге! — воскликнул Уорпл, близоруко взглядываясь в лицо Гарри. — Я буквально на днях спрашивал профессора Дивангарда: «Где же биография Гарри Поттера, которую мы так давно ждем?»

— Эмм, — удивился Гарри, — вы ее ждете?

— Поразительный скромник, как и рассказывал Гораций! — восхитился Уорпл. — Но если серьезно, — он внезапно перешел на деловой тон, — я бы с радостью написал ее сам! Люди жаждут узнать о тебе побольше, дорогое дитя, жаждут! Если ты подаришь мне пару-тройку интервью, скажем, по пять-шесть часиков, мы сможем закончить книгу через несколько месяцев! И уверяю, с самыми минимальными затратами с твоей стороны — спроси хоть Кровура, так ли уж это... *Кровур, стоять!* — вдруг свирепо окрикнул Уорпл, заметив, что вампир, алчно глядя на девочек, потихоньку перемещается к ним. — На, съешь пирожное. — Уорпл схватил пирожное с подноса проходящего эльфа и сунул Кровуру, а затем снова повернулся к Гарри: — Мой разлюбезный мальчик, ты не представляешь, сколько денег принесет книга...

— Мне это решительно неинтересно, — твердо заявил Гарри. — Кстати, извините, я заметил одну знакомую...

Он, потащив за собой Луну, нырнул в толпу; там между двумя «Чертовыми сестричками» действительно мелькнула и исчезла длинная каштановая грива.

— Гермиона! Гермиона!

— Гарри! Вот ты где, хвала небесам! Привет, Луна!

— Что с тобой? — спросил Гарри. Гермиона была растрепана, словно только что выпуталась из Силков Дьявола.

— Ой, еле вырвалась от... в смысле оставила Кормака. — В ответ на непонимающий взгляд Гарри она пояснила: — Под омелой.

— Так тебе и надо, нечего было с ним идти, — сварливо буркнул он.

— Мне хотелось посильнее разозлить Рона, — бесстрастно сказала она. — Я сомневалась между Кормаком и Захарией Смитом, но решила, что в целом...

— Ты *сомневалась* насчет Смита? — с отвращением скривился Гарри.

— Да, и теперь жалею, что не выбрала его. По сравнению с Маклаггеном даже Гурп — джентльмен. Идите сюда, мы его сразу увидим, он такой высокий...

Они прихватили по кубку с медом и перебрались к противоположной стене, слишком поздно заметив, что там стоит профессор Трелони, совсем одна.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась Луна.

— Добрый вечер, золотая моя, — сказала профессор Трелони, с трудом фокусируя на ней взгляд. Гарри опять почувствовал кулинарный херес. — Последнее время я что-то не вижу тебя в классе...

— У меня в этом году Фиренце, — объяснила Луна.

— Ах, ну конечно, — едко бросила профессор Трелони и хмельно хихикнула. — Кляча, как я его называю. Казалось бы, теперь, когда я вернулась, профессор Думблдор мог бы избавиться от глупой лошади, правда? Но нет... мы преподаем вместе... положа руку на сердце, это оскорбление, настоящее оскорбление. Вы знаете, что...

Профессор Трелони была так пьяна, что не узнавала Гарри. Тот под яростные нападки на Фиренце пригнулся к Гермионе и шепнул:

— Давай кое-что проясним. Ты собираешься рассказать Рону про отборочные испытания?

Гермиона подняла брови:

— Ты и правда считаешь, что я способна пасть так низко?

Гарри пристально на нее посмотрел:

— Если ты могла пригласить Маклаггена...

— Это совсем другое, — с достоинством заявила Гермиона. — Я не стану говорить Рону про то, что произошло или не произошло на отборочных испытаниях Охранников.

— Правильно, — горячо одобрил Гарри. — А то он снова расклейится, и мы проиграем следующий матч...

— Квидиш! — рассердилась Гермиона. — Остальное вас не волнует! Обо мне Кормак не спросил ровным счетом ничего, зато я слушала про Сто Лучших Мячей Кормака Маклаггена нонстоп... о ужас, вон он идет!

Она исчезла так быстро, будто дезаппариовала; только что была тут, а в следующее мгновение протиснулась между двумя хохочущими ведьмами и испарилась.

— Гермиону не видел? — спросил Маклагген, выбирайсь из толпы минутой позже.

— Нет, извини, — ответил Гарри и быстро отвернулся к Луне, подключаясь к ее разговору. Он на секунду забыл, с кем она беседует.

— Гарри Поттер! — глубоким, вибрирующим голосом вскрикнула профессор Трелони, которая заметила его только сейчас.

— А-а, здравствуйте, — без энтузиазма приветствовал ее Гарри.

— Мой чудесный мальчик! — очень громким шепотом заговорила она. — Столько слухов! Сплетен! Избранный! Конечно, я давным-давно знала... ни одного хорошего знамения, Гарри... но почему ты не вернулся на прорицание? Для тебя, как ни для кого другого, мой предмет исключительно важен!

— Ах, Сибилла, все мы уверены, что наш предмет — самый важный! — громко сказал кто-то, и возле профессора Трелони вырос Дивангард с очень красным лицом и в шляпе набекрень. В одной руке он держал кубок меда, в другой — огромный кусок сладкого пирога. — Однако я не ожидал, что встречу такой талант! Это же прирожденный зельедел! — продолжал Дивангард, ласково глядя на Гарри глазами в кровавых прожилках. — Чутье, понимаете, совсем как у матери! Могу вам признаться, Сибилла, я всего лишь несколько раз сталкивался с такими способностями... даже Злотеус...

Тут, к ужасу Гарри, Дивангард выбросил руку вбок и выудил из толпы Злея.

— Хватит кукситься, иди к нам, Злотеус! — радостно икнул Дивангард. — Я говорю, у Гарри удивительные способности по части зельеделия! В этом, разумеется, и твоя заслуга, он ведь учился у тебя целых пять лет!

Дивангард крепко обвивал рукой плечи Злея, и тому некуда было деваться. Сузив черные глаза, он посмотрел на Гарри поверх крючковатого носа.

— Странно, мне всегда казалось, что он так ничему и не выучился.

— Значит, это от природы! — вскричал Дивангард. — Посмотрел бы ты, что он выдал в самом начале! Глоток живой смерти — никогда не

видел, чтобы школьник создал подобное с первой попытки! Даже ты, Злотеус...

– Вот как? – тихо произнес Злей, вбирая взглядом в Гарри. Тот забеспокоился. Не хватало, чтобы Злей начал выяснять, чему Гарри обязан своим неожиданным мастерством.

– Напомни, Гарри, какие предметы ты выбрал? – спросил Дивангард.

– Защита от сил зла, заклинания, превращения, гербология...

– Одним словом, все, что нужно будущему аврору, – с легкой изdevкой произнес Злей.

– Да, именно этим я бы хотел заниматься, – с вызовом ответил Гарри.

– И у тебя отлично получится! – бухнул Дивангард.

– А по-моему, не надо становиться аврором, Гарри, – неожиданно вмешалась Луна. Все повернулись к ней. – Авроры – часть Кариесского заговора, я думала, это всем известно. Они пытаются разрушить министерство магии изнутри с помощью черной магии и заболевания десен.

Гарри приснул и случайно вдохнул через нос половину своего меда. Поистине ради одного этого стоило привести сюда Луну! Гарри, в мокрой мантии, кашляя, но все равно улыбаясь, поднял глаза над кубком – и от представшего ему зрелища развеселился еще больше: Аргус Филч тащил за ухо Драко Малфоя.

– Профессор Дивангард, – прохрипел Филч. Его брылы тряслись, выпученные глаза маниакально светились; он был счастлив, что обнаружил непорядок. – Мальчишка шнырял по коридору наверху. Утверждает, что приглашен на вечер, но немного припозднился. Ему высыпали приглашение?

Малфой вырвался из его хватки и гневно выпалил:

– Хорошо, хорошо, не высыпали! Я хотел пролезть без приглашения, довольны?

– Ничуть не доволен! – ответил Филч, хотя это заявление противоречило его гримасе безумного счастья. – Ты попался, ясно? Разве директор не говорил, что без специального разрешения шляться по ночам запрещено?

– Все верно, Аргус, все верно, – замахал рукой Дивангард. – Но сегодня Рождество, а желание попасть на вечер – не преступление.

Давайте на сей раз обойдемся без наказания. Можешь остаться, Драко.

На лице Филча выразилось горестное разочарование, и в этом не было ничего удивительного, но почему, недоумевал Гарри, Малфой расстроен едва ли меньше? И почему Злей смотрит на Малфоя с гневом и одновременно... возможно ли?.. страхом?

Гарри еще не успел разобраться, что произошло, а Филч уже развернулся и побрел к двери, шаркая и бормоча что-то себе под нос. Малфой изобразил улыбку и поблагодарил Дивангарда за великодушие. Лицо Злея вновь стало непроницаемым.

— Пустяки, пустяки, — говорил Дивангард, отмахиваясь от Малфоя. — В конце концов, я и правда знал твоего деда...

— Он всегда очень высоко о вас отзывался, сэр, — поспешил вставить Малфой. — Говорил, что не знал зельедела лучше...

Гарри во все глаза смотрел на Малфоя. Заинтриговало его отнюдь не стремление подлизаться: Малфой и перед Злеем всю жизнь бессовестно лебезил. Дело было в другом: он и впрямь выглядел слегка больным. За долгое время Гарри впервые увидел его так близко и сейчас обратил внимание на темные круги под глазами и посеревшую кожу.

— Я хочу поговорить с тобой, Драко, — внезапно объявил Злей.

— Злотеус, оставь, — Дивангард снова икнул, — сейчас Рождество, не нужно таких строгостей...

— Я куратор его колледжа и сам решаю, какие строгости нужны или не нужны, — отрезал Злей. — Драко, следуй за мной.

Они ушли, Злей впереди, обиженный Малфой — сзади. Гарри помялся, а потом сказал:

— Я скоро вернусь, Луна, я... в туалет.

— Хорошо, — весело отозвалась та.

Гарри нырнул в толпу, а Луна продолжила обсуждать Кариесский заговор с профессором Трелони, проявившей к этой теме живой интерес.

За дверью Гарри достал из кармана и набросил на себя плащ-невидимку: никаких проблем, вокруг никого не было. Сложнее оказалось найти Злея и Малфоя. Гарри побежал по коридору. Его топот заглушали громкие голоса и музыка вечеринки. Возможно, Злей повел Малфоя в свой кабинет... или в общую гостиную «Слизерина»?.. Но Гарри все-таки прижимал ухо ко всем замочным скважинам подряд и

наконец, у последнего класса, вздрогнул от радости, услышав знакомые голоса:

– ...нельзя допускать ошибок, Драко, если тебя исключат...

– Я к этому отношения не имею, ясно?

– Надеюсь, что так; все получилось глупо и неестественно. Тебя и так подозревают в причастности.

– Кто? – гневно вскинулся Малфой. – В последний раз – я ни при чем, понятно? У этой девчонки, Белл, наверное, есть враги, о которых никто не знает... Нечего на меня так смотреть! Я знаю, что вы делаете, я не дурак! Только ничего не выйдет – я не позволю!

Последовала пауза, а затем Злей тихо произнес:

– А... Вижу. Тетя Беллатрикс научила нас окклуменции. Что за мысли ты пытаешься скрыть от своего господина, Драко?

– *От него* я ничего не скрываю, я не хочу, чтобы вмешивались *вы*!

Гарри плотнее прижал ухо к замочной скважине... почему это Малфой так разговаривает со Злеем, с которым всегда был любезен и почтителен?

– Так вот отчего ты избегаешь меня весь триместр? Боишься моего вмешательства? Ты ведь понимаешь, Драко, что если бы я вызывал к себе в кабинет кого-то другого, а он упорно не приходил...

– Так накажите меня! Пожалуйтесь Думблдору! – осклабился Малфой.

После еще одной паузы Злей сказал:

– Ты прекрасно знаешь, что я не сделаю ни того ни другого.

– Тогда перестаньте вызывать меня в кабинет!

– Послушай, – произнес Злей так тихо, что Гарри пришлось еще сильней прижать ухо к двери. – Я хочу тебе помочь. Я поклялся твоей матери защищать тебя. Я дал Нерушимую клятву, Драко...

– Придется ее нарушить, потому что мне не нужна ваша защита! Это *моё* задание, он дал его мне, и я его выполню. У меня есть план, и он сработает как надо! Просто нужно больше времени, чем я рассчитывал!

– Что за план?

– Вас не касается!

– Если ты расскажешь, что собираешься делать, я помогу...

– Помощь у меня и так есть, спасибо, я не один!

– Однако сегодня ты был один, и это чрезвычайно неразумно. Бродить по коридорам без дозорных, без поддержки! Элементарнейшая ошибка...

– Если б не ваше взыскание, со мной были бы Краббе и Гойл!

– Тише! – прикрикнул Злей; от возбуждения Малфой сильно повысил голос. – Если твои товарищи намерены на сей раз сдать С.О.В.У. по защите от сил зла, им придется работать много лучше, чем сей...

– Да какая разница?! – вскричал Драко. – Защита от сил зла... это же курам на смех, это лицемерие! Как будто нам нужно от них защищаться...

– Это лицемерие, жизненно важное для нашего успеха, – ответил Злей. – Где, как ты думаешь, я провел бы все эти годы, если б не умел притворяться? А теперь послушай меня! Ты проявил крайнюю неосторожность, ты вышел в коридор вечером и к тому же попался, и если ты полагаешься на таких помощников, как Краббе и Гойл...

– Не только, у меня есть люди получше!

– Тогда почему ты не хочешь мне довериться, я мог бы...

– Я знаю, что вы затеяли! Вы хотите украсть мою славу!

Помолчав, Злей холодно произнес:

– Что за ребячество. Я понимаю, тебя расстроил арест отца, но...

У Гарри была секунда на размышление; заслышив шаги Малфоя, он отрыгнулся с дороги буквально за миг до того, как распахнулась дверь. Малфой стремительно пошел по коридору, миновал открытый кабинет Дивангарда, свернул за угол и исчез из виду.

Гарри сидел на корточках и едва осмеливался дышать. Злей с необъяснимым выражением на лице медленно вышел из класса и направился обратно на вечеринку. Гарри остался на полу, под плащом, лихорадочно обдумывая случившееся.

Глава шестнадцатая

Очень холодное Рождество

— Так Злей предлагал ему помочь? Прямо-таки *предлагал*?

— Еще раз спросишь, — процелил Гарри, — и я засуну этот кочан...

— Я только уточняю! — вскричал Рон.

Они стояли над кухонной раковиной и чистили брюссельскую капусту для миссис Уизли. Перед ними за окном «Гнезда» падал снег.

— Да, Злей *предлагал ему свою помощь!* — отчеканил Гарри. — Он, видите ли, обещал его мамаше, дал Нерушимое обещание, что ли...

— Нерушимую клятву? — поразился Рон. — Не может быть... ты уверен?

— Да, уверен, — сказал Гарри. — А что?

— Ну, Нерушимую клятву нельзя нарушить...

— Ты будешь смеяться, я и сам догадался. А что будет, если нарушишь?

— Сразу умрешь, — просто ответил Рон. — Когда мне было лет пять, Фред с Джорджем попытались взять с меня Нерушимую клятву. Кстати, я чуть не дал, мы с Фредом уже держались за руки, но тут нас застукал папа. Он жутко взбесился, — глаза Рона подернулись дымкой ностальгии, — почти как мама! Я его таким больше никогда не видел. Фред говорит, его левая ягодица с тех пор изменилась навеки.

— Хорошо, хорошо, но если опустить левую ягодицу Фреда...

— Я извиняюсь, что опустить? — раздался голос Фреда. В кухню вошли близнецы. — А-а-а, Джордж, ты только посмотри: они чистят брюссельскую капусту ножами! Бедные малютки.

— Через два с небольшим месяца мне исполнится семнадцать, — пробурчал Рон, — и тогда я все буду делать магически!

— Но пока, — Джордж уселся за стол и водрузил на него ноги, — мы можем посмотреть, как правильно пользоваться всякими... ой-ёй!

— Это ты виноват! — в сердцах бросил Рон и сунул в рот порезанный большой палец. — Вот подожди, будет мне семнадцать...

– И ты, я уверен, потрясешь мир доселе неведомыми колдовскими умениями, – зевнул Фред.

– Кстати, о доселе неведомых колдовских умениях, Рональд, – вмешался Джордж. – Что это за история о тебе и юной прелестнице по имени – если информация, полученная от Джинни, верна – Лаванда Браун?

Рон порозовел и отвернулся к раковине, однако вид у него был довольный.

– Не твое дело.

– Весьма остроумный ответ, – сказал Фред. – И как только ты их выдумываешь? Но мы просто хотели узнать… что с ней случилось.

– В смысле?

– Ее что, кирпичом контузило?

– Чего?

– Ну, откуда столь обширные мозговые повреждения? Э-эй, осторожней!

Рон метнул в близнецов ножом, который Фред ленивым взмахом палочки превратил в бумажный самолетик. Тут в комнату вошла миссис Уизли.

– Рон! – возмущенно воскликнула она. – Чтоб я больше не видела, как ты кидаешься ножами!

– Ладно, – буркнул Рон и, отвернувшись к горе капусты, тихо прибавил: – Не увидишь.

– Фред, Джордж, простите, мальчики, но вечером приезжает Рем, так что вам придется приютить Билла!

– Без проблем, – сказал Джордж.

– А поскольку Чарли не появится, чердак в распоряжении Гарри с Роном, и если положить Флёр в комнате Джинни…

– …то Джинни обеспечено поистине счастливое Рождество, – пробормотал Фред.

– …то всем будет хорошо и удобно. Во всяком случае, найдется где спать, – с несколько затравленным видом заключила миссис Уизли.

– Значит, Перси своего уродливого носины точно не покажет? – спросил Фред.

Миссис Уизли отвернулась и лишь тогда ответила:

– Нет, он, насколько я понимаю, занят в министерстве.

– Или он – величайший на свете козел, – сказал Фред, едва миссис Уизли вышла. – Одно из двух. Хмм... Джордж, нам пора.

– Куда это? – осведомился Рон. – Могли бы, между прочим, помочь. Что вам стоит? Один взмах палочкой – и мы бы тоже освободились!

– Нет, едва ли мы имеем на это право, – серьезно промолвил Фред. – Чистка капусты без волшебства очень закаляет характер, позволяет понять, как трудно живется муглам и швахам...

– ...а если ты, Рон, хочешь, чтобы тебе помогали, – добавил Джордж, бросая в младшего брата бумажным самолетиком, – я бы на твоем месте не швырялся в людей ножами. Такой тебе маленький совет. Все, мы отчаливаем в деревню. Там в газетном киоске работает одна прехорошенькая барышня, которой мои карточные фокусы кажутся совершенно фантастическими... почти волшебными...

– Вот бараны, – мрачно изрек Рон, глядя в окно на заснеженный двор и уходящих близнецов. – Всего десять секунд, и мы тоже могли бы пойти.

– Я – нет, – возразил Гарри. – Я обещал Думблдору никуда отсюда не уходить.

– Ах да. – Рон почистил еще пару кочанчиков и спросил: – А ты расскажешь Думблдору про Злея и Малфоя?

– Ага, – отозвался Гарри. – Я расскажу всякому, кто способен это пресечь, и Думблдор – первый в списке. Я бы, может, и с твоим папой поговорил.

– Жалко, ты не слышал, что все-таки делал Малфой.

– Откуда? Он же отказался признаваться Злею.

Они помолчали, а затем Рон поинтересовался:

– Ты, конечно, знаешь, что тебе скажут? Папа, Думблдор и все-все? Они скажут: Злей на самом деле не собирался помогать Малфою, а просто хотел выяснить, что тот задумал.

– Они его не слышали, – сухо ответил Гарри. – Никто бы не мог так правдиво сыграть, даже Злей.

– Да я чего... я просто так, – пожал плечами Рон.

Гарри, нахмутившись, повернулся к нему:

– Но ты-то сам мне веришь?

– Да-да! – сказал Рон. – Честно! Но они все убеждены, что Злей – член Ордена.

Гарри ничего не ответил. Он уже думал о таких возражениях и словно бы слышал голос Гермионы: «Гарри, но ведь очевидно, что он притворялся, будто хочет помочь, а сам выуживал из Малфоя, что тот затевает...»

Но это только в воображении – ему не удалось поведать Гермионе о подслушанном разговоре. Когда он вернулся на вечеринку Дивангарда, она уже ушла – так, по крайней мере, сказал раздраженный Маклагген, – и в общей гостиной ее тоже не было. А рано утром Гарри с Роном отправлялись в «Гнездо», и Гарри едва успел пожелать Гермионе счастливого Рождества и шепнуть, что на после каникул у него есть очень важные новости. Правда, непонятно, слышала ли она; за его спиной Рон как раз прощался с Лавандой – целиком и полностью невербально.

Одно, по крайней мере, Гермиона точно не сможет отрицать: Малfoy определенно затевает какую-то пакость и Злею об этом известно.

– Я же говорил, – с полным правом твердил Гарри Рону.

К сожалению, ему пока не представилось случая побеседовать с мистером Уизли: тот изо дня в день работал допоздна. Но в сочельник все семейство Уизли и гости собрались в гостиной. Джинни украсила ее так пышно, что комната казалась эпицентром взрыва бумажных гирлянд. Верхушку елки венчал ангел, и никто, кроме Фреда, Джорджа, Гарри и Рона, не знал, что на самом деле это садовый гном, который укусил Фреда за лодыжку, когда тот вышел надергать морковки к рождественскому ужину. Гнома сшибли, выкрасили золотой краской, запихнули в миниатюрную балетную пачку, приклеили на спину крыльшки, и теперь на собравшихся злобно взирал самый уродливый в мире ангел с большой лысой головой-картошкой и довольно-таки волосатыми ногами.

Считалось, что все слушают по радио праздничный концерт любимой певицы миссис Уизли, Прельстинны Солоуэй. Из большого деревянного приемника неслись мелодичные трели. Флёр, очевидно, находила Прельстину невыносимо скучной и разговаривала не понижая голоса. Миссис Уизли, гневно раздувая ноздри, то и дело тыкала волшебной палочкой в регулятор громкости, отчего рулады звучали все мощнее. Когда началась бодрая композиция под названием «Котел, полный крепкой и сладкой любви», Фред и Джордж рискнули

затеять с Джинни игру в карты-хлопушки. Рон украдкой поглядывал на Билла и Флёр, словно надеялся набраться опыта. Рем Люпин, на редкость худой и оборванный, сидел у камина и смотрел в огонь, точно не замечая пения Прельстины.

*О, приди, ты приди, мой котел помешай,
Если сделаешь это как нужно,
Я сварю тебе крепкой и сладкой любви,
Что согреет тебя ночью вьюжной.*

— Мы танцевали под это, когда нам было восемнадцать! — воскликнула миссис Уизли, утирая глаза вязанием. — Помнишь, Артур?

— А-а? — встрепенулся мистер Уизли. Он чистил мандарин и отчаянно клевал носом. — Да-да... чудесный мотив...

Он с усилием выпрямился и глянул на Гарри, который сидел рядом.

— Извини, — сказал он, мотнув головой на радио. Прельстина перешла к припеву. — Это скоро кончится.

— Ерунда, — улыбнулся Гарри. — Как в министерстве, дел много?

— Очень, — ответил мистер Уизли. — Был бы толк, я бы не возражал, но... три ареста за два месяца и, похоже, ни одного настоящего Упивающегося Смертью... только никому не говори, — прибавил он, внезапно окончательно проснувшись.

— Неужели Стэна Самосвалта еще не отпустили? — изумился Гарри.

— Увы, нет, — проговорил мистер Уизли. — Думбльдор, я знаю, обращался напрямую к Скримджеру... то есть все, кто допрашивал Стэна, единодушно считают, что он такой же Упивающийся Смертью, как этот мандарин... но высшим чинам надо создать видимость бурной деятельности, а «три ареста» все-таки лучше, чем «три ошибочных ареста с последующим освобождением»... но это тоже строжайший секрет...

— Я никому не скажу, — заверил Гарри. Он помолчал, раздумывая, с чего бы начать, а Прельстина Солоуэй тем временем завела балладу «Похитил ты сердце мое колдовством».

— Мистер Уизли,помните, что я говорил на вокзале перед отъездом в школу?

— Я проверял, Гарри, — сразу ответил мистер Уизли. — Обыскал дом Малфоев. Мы не нашли ничего, ни разбитого, ни целого, чему там

быть не полагалось.

– Да, знаю, я читал в «Оракуле»... но тут другое... посерезнее...

И Гарри рассказал мистеру Уизли о подслушанном разговоре. Люпин слегка повернул голову к ним, внимая каждому слову. Когда Гарри закончил, наступило молчание, лишь тихо ворковала Прельстина:

*О, бедное сердце пропало мое,
Его чародейство украло твое...*

– Гарри, а тебе не приходило в голову, – начал мистер Уизли, – что Злей просто...

– ...притворялся, предлагая помочь, а сам хотел выяснить, что затеял Малфой? – быстро закончил за него Гарри. – Я так и думал, что вы это скажете. Но откуда мы знаем?

– Знать – не наша забота, – неожиданно вмешался Люпин, который сидел теперь спиной к огню и смотрел на Гарри мимо мистера Уизли. – Знать – забота Думбльдора. Он доверяет Злoteусу, и этого должно быть достаточно.

– Но допустим, – возразил Гарри, – только допустим... что Думбльдор ошибается...

– Подобное я слышал уже много раз. В конечном счете это вопрос доверия Думбльдору. Я ему доверяю; следовательно, доверяю и Злoteусу.

– Но Думбльдор тоже может ошибаться, – не унимался Гарри. – Он сам так говорит. А вам... – он поглядел Люпину прямо в глаза, – Злей правда нравится?

– Я не испытываю к нему ни приязни, ни вражды, – сказал Люпин. – Это правда, – добавил он, заметив, что Гарри скептически скривился. – Конечно, мы никогда не станем добрыми друзьями после всего, что было между ним, Джеймсом и Сириусом; слишком много обид. Но я помню, что, пока я преподавал в «Хогварце», Злoteус каждый месяц готовил мне аконитное зелье, причем абсолютно правильно, чтобы я не страдал, как обычно, при полной луне.

– Но он «случайно» проговорился, что вы оборотень, и вам пришлось уйти! – сердито воскликнул Гарри.

Люпин пожал плечами:

– Это все равно бы выплыло. Мы оба знали, что он метит на мое место, и ему ничего не стоило серьезно мне навредить, чуточку подпортив зелье. А он заботился о моем здоровье. Я должен быть благодарен.

– Может, он просто не осмелился мухлевать с зельем под носом у Думбльдора!

– Ты предпочитаешь его ненавидеть, Гарри, – слабо улыбнулся Люпин. – И я тебя понимаю; Джеймс – твой отец, Сириус – крестный, это предубеждение у тебя наследственное. Ты волен рассказать Думбльдору все, что и нам с Артуром, но не жди, что он встанет на твою сторону или хотя бы удивится. Не исключено, что Злoteус допрашивал Драко по приказу Думбльдора.

*Теперь, когда ты разорвал его на части,
Верни мне сердце, я умру от счастья!*

Прельстина закончила на очень долгой, высокой ноте. Из радиоприемника понеслись громкие аплодисменты, которые порывисто подхватила миссис Уизли.

– Все ужье, наконьец? – громко спросила Флёр. – Хвала небесам, какая жьють...

– А не выпить ли нам на ночь по стаканчику? – громко предложил мистер Уизли, вскакивая со стула. – Кто будет эгног?

Он отправился за напитком; остальные зашевелились, потягиваясь и переговариваясь друг с другом.

– А чем вы сейчас занимаетесь? – спросил Гарри Люпина.

– Сижу в подполье, – ответил Люпин. – Почти буквально. Потому и не писал; письма меня бы выдали.

– То есть?

– Я жил среди своих сородичей, – сказал Люпин и, увидев, что Гарри не понимает, пояснил: – Оборотней. Они почти все на стороне Вольдеморта. Думбльдор решил заслать к ним разведчика и... а я вот он, готовенький.

В его голосе прозвучала горечь. Люпин, видно, и сам это заметил, улыбнулся гораздо теплее и продолжил:

– Я не жалуюсь; работа необходимая, а лучшего кандидата не найти. Но завоевать их доверие трудно. По мне же сразу видно, что я

жил среди колдунов, а они избегают нормального общества и добывают пропитание воровством – или убийством.

– А чем им так приглянулся Вольдеморт?

– Они думают, что при нем станут жить лучше, – сказал Люпин. – И с Уолком не поспоришь...

– Кто такой Уолк?

– Не знаешь? – Люпин конвульсивно стиснул руки на коленях. – Фенрир Уолк, наверное, самый жестокий оборотень на свете. Его жизненная миссия – искусать и заразить как можно больше людей, чтобы оборотни вытеснили колдунов. В уплату за службу Вольдеморт обещал поставлять ему жертвы. Уолк специализируется по детям... говорит, их надо кусать в младенчестве и воспитывать вдали от родителей, в ненависти к нормальным колдунам. Вольдеморт угрожает натравить его на детей; обычно такие угрозы очень действенны. – Люпин помолчал и добавил: – Это он сделал меня оборотнем.

– Как? – поразился Гарри. – Когда?.. В детстве?

– Да. Мой отец оскорбил его. Я очень долго не знал, кто виноват, даже жалел его, думал, бедняга был не властен над собой; к тому времени я знал, какая это мука – превращение. Но Уолк не такой. В полнолуние он заранее подбирается к намеченным жертвам и действует наверняка. Планирует загодя. И такого мерзавца Вольдеморт поставил над всеми оборотнями. Не стану притворяться, что способен со своими жалкими увещаниями конкурировать с Уолком, который открыто заявляет, что мы, оборотни, заслуживаем крови и должны мстить нормальным людям.

– Но вы нормальный! – горячо возразил Гарри. – Просто у вас... проблема.

Люпин расхохотался:

– Иногда ты сильно напоминаешь Джеймса. Тот при посторонних обычно называл это моей «маленькой шерстяной проблемой». Многие думали, что у меня живет дурно воспитанный кролик.

Он взял из рук мистера Уизли стакан эгнога, поблагодарил и немного повеселел. Зато Гарри очень развелся, вспомнив при слове «Джеймс», что давно хотел кое-что спросить у Люпина.

– Вы когда-нибудь слышали о Принце-полукровке?

– Каком принце?

– Полукровке, – повторил Гарри, внимательно за ним следя.

— У колдунов не бывает принцев, — улыбнулся тот. — Ты что, хочешь взять такой титул? Казалось бы, «Избранного» более чем достаточно.

— При чем тут я! — возмутился Гарри. — Принц-полукровка когда-то учился в «Хогварце», мне достался его учебник по зельеделию. Он писал на полях всякие заклинания, которые сам изобрел. Например, «левикорпус»...

— О, в мое время оно было в большом ходу, — мечтательно произнес Люпин. — В пятом классе несколько месяцев шагу нельзя было ступить, чтобы тебя не вздернули в воздух за лодыжку.

— Мой папа им пользовался, — сказал Гарри. — Я видел в дубльдуме, как он поднял в воздух Злея.

Он старался говорить небрежно, будто не придавая особого значения своим словам, но едва ли достиг желаемого; слишком уж понимающе улыбнулся Люпин:

— Да, и не он один. Я же говорю, заклинание пользовалось редкой популярностью... Знаешь, как это бывает, что-то всплывает, потом забывается...

— Но похоже, что Принц сам его изобрел, когда учился в школе, — настаивал Гарри.

— Не обязательно, — возразил Люпин. — Мода на заклятия переменчива, как любая мода. — Он заглянул Гарри в лицо и тихо проговорил: — Джеймс был чистокровный колдун и, клянусь, никогда не просил называть его Принцем.

Гарри отбросил притворство:

— И это был не Сириус? И не вы?

— Абсолютно точно нет.

— Ясно. — Гарри уставился в огонь. — Просто я думал... этот Принц очень помог мне с зельеделием.

— А сколько лет твоему учебнику?

— Не знаю, не выяснял.

— А это помогло бы понять, когда Принц учился в «Хогварце», — сказал Люпин.

Тут Флёр решила передразнить Прельстину Солоуэй и затянула «Котел, полный крепкой и сладкой любви», и остальные, заметив, какое лицо у миссис Уизли, восприняли это как сигнал отбоя. Гарри и Рон взобрались по лестнице в комнату Рона на чердаке, где для Гарри поставили раскладушку.

Рон почти сразу заснул, а Гарри сначала порылся в сундуке, достал «Высшее зельеделие» и только потом лег. Он листал книгу, пока не нашел в самом начале дату выпуска. Учебнику оказалось почти пятьдесят лет. Ни отца, ни отцовских друзей в «Хогварце» тогда еще не было. Гарри разочарованно швырнул книгу обратно в сундук, выключил лампу и повернулся на бок. Он думал про оборотней и Злея, Стэна Самосвалта и Принца-полукровку и наконец провалился в тяжелый сон, где его преследовали крадущиеся тени и крики укушенных детей...

– Она что, издевается?..

Гарри вздрогнул, проснулся и увидел в ногах своей кровати раздутый чулок с подарками. Он надел очки, огляделся. Оконце полностью занесло снегом. На его фоне в постели очень прямо сидел Рон, рассматривая толстую золотую цепь.

– Что это? – удивился Гарри.

– От Лаванды, – с отвращением бросил Рон. – Неужто она всерьез думает, что я...

Гарри всмотрелся внимательней и заржал. С цепи свисали большие золотые буквы, образующие надпись: «Моя любовь».

– Мило, – сказал он. – Стильно. Ты обязательно должен это надеть. А главное, показать Фреду с Джорджем.

– Если ты им расскажешь, – залепетал Рон, засовывая цепь под подушку, – то я... то я... то я...

– Обзаикаешь меня до смерти? – ухмыльнулся Гарри. – Брось, за кого ты меня принимаешь?

– Но как она могла подумать, что я способен напялить такую штуковину? – остолбенело глядя в пространство, прошептал Рон.

– А ты подумай, вспомни, – предложил Гарри. – Вдруг ты случайно проговорился, что мечтаешь расхаживать в ошейнике с надписью: «Моя любовь»?

– Да мы с ней... не очень-то разговаривали, – признался Рон, – все больше...

– Целовались, – подсказал Гарри.

– Ну да, – кивнул Рон и, поколебавшись мгновение, спросил: – А Гермиона правда встречается с Маклаггеном?

– Понятия не имею. На вечере у Дивангарда они действительно были вместе, но, по-моему, без особого успеха.

Рон приободрился и снова полез в чулок.

Гарри получил от миссис Уизли вязаный свитер с большим золотым Пронырой на груди, целую коробищу всякой всячины из «Удивительных Ультрафокусов Уизли» от близнецов и сырватый, пахнущий плесенью сверточек с надписью «Хозяину от Шкверчка».

Гарри удивленно на него взирался.

– Как думаешь, открыть можно? – спросил он.

– Ничего опасного там явно нет, нашу почту по-прежнему проверяют в министерстве, – ответил Рон, хотя тоже смотрел на сверточек с подозрением.

– А я и не вспомнил о Шкверчке! Что, на Рождество домовым эльфам принято дарить подарки? – Гарри подозрительно потыкал сверток пальцем.

– Гермиона бы подарила, – сказал Рон. – Но ты погоди мучиться совестью, сначала глянь, что там.

Секунду спустя Гарри громко заорал и взлетел с раскладушки; в свертке оказался клубок мучных червей.

– Прелестно, – завывая от смеха, еле выговорил Рон. – Какая трогательная забота.

– Все лучше, чем цепь, – парировал Гарри, сразу его отрезвив.

К обеду все спустились в новых свитерах. Исключение составили Флёр (на которую, судя по всему, миссис Уизли не пожелала тратить время) и сама миссис Уизли в новой, с иголочки, ведьминской шляпе цвета ночи, усыпанной звездочками бриллиантов, и потрясающем золотом колье.

– Фред и Джордж подарили! Ну разве не красота?

– Знаешь, мам, с тех пор как мы сами стираем себе носки, мы ценим тебя все больше и больше, – сказал Джордж, небрежно отмахиваясь от благодарностей. – Пастернака, Рем?

– Гарри, у тебя в волосах червяк, – весело сообщила Джинни и перегнулась через стол, чтобы его снять; по шее Гарри побежали мурашки, и отнюдь не из-за червяка.

– Какой кошмаг. – Флёр демонстративно содрогнулась.

– И правда, – горячо поддержал Рон. – Еще соуса, Флёр?

Искренне желая услужить, он опрокинул соусник; Билл взмахнул волшебной палочкой; соус поднялся в воздух и послушно вернулся на место.

– Ти нье лучше, чьем ваша Бомс, – упрекнула Флёр Рона, осыпав Билла благодарными поцелуями. – Она вьечно всье опгокидывает...

– Я приглашала нашу замечательную Бомс. – Миссис Уизли грохнула об стол миской с морковкой и пронзила Флёр взглядом. – Но она не захотела прийти. Ты не встречался с ней в последнее время, Рем?

– Нет, я вообще мало с кем общаюсь, – ответил Люпин. – Но у Бомс ведь своя семья, есть куда пойти?

– Хмммм, – протянула миссис Уизли. – Возможно. Но у меня создалось впечатление, что бедняжка намерена встречать Рождество одна.

И недовольно посмотрела на Люпина, как будто это он виноват, что в невестки ей достанется Флёр, а не Бомс. Гарри взглянул на Флёр, кормившую Билла индейкой со своей вилки, и подумал, что битва миссис Уизли давно проиграна. При этом он вспомнил кое-что насчет Бомс – у кого и выяснить, как не у Люпина, специалиста по Заступникам.

– У Бомс изменился Заступник, – сообщил ему Гарри. – Во всяком случае, Злей так сказал. Я не знал, что такое бывает. Почему это?

Люпин не торопился с ответом. Он долго жевал индейку, потом наконец проглотил и медленно произнес:

– Иногда... от большого потрясения... после тяжелых эмоциональных переживаний...

– Он большой, с четырьмя ногами. – Тут Гарри внезапно осенило, и он прошептал: – Слушайте... а это не может быть?..

– Артур! – вдруг вскрикнула миссис Уизли. Она вскочила со стула, прижимая ладонь к сердцу, и не отрываясь смотрела в кухонное окно. – Артур... там Перси!

– Что?

Мистер Уизли оглянулся. Все уставились в окно; Джинни вскочила, чтобы лучше видеть. Действительно по заснеженному двору шагал Перси Уизли, и его очки в роговой оправе сверкали на солнце. Но он был не один.

– Артур, с ним... министр!

И правда, следом за Перси, чуть прихрамывая, шел человек, чью фотографию Гарри видел в «Оракуле». Седеющая грива и черный плащ были припорошены снегом. В кухне никто не успел ничего

сказать, мистер и миссис Уизли едва обменялись изумленными взглядами, а задняя дверь уже отворилась, и на пороге появился Перси.

На мгновение повисло тягостное молчание. Затем он чопорно произнес:

– Веселого Рождества, мама.

– Ой, Перси! – вскричала она и кинулась ему в объятия.

Руфус Скримджер задержался в дверях, опираясь на трость и с улыбкой взирая на трогательную сцену.

– Простите за вторжение, – сказал он, когда миссис Уизли, сияя и утирая глаза, повернулась к нему. – Мы с Перси были поблизости – работа, знаете ли, – и он не мог не зайти и не повидаться с вами.

Между тем Перси не выказывал желания поприветствовать остальных. Он стоял, словно проглотив кочергу, и от неловкости смотрел поверх голов. Мистер Уизли и близнецы с каменными лицами сверлили его глазами.

– Прошу вас, входите, садитесь, министр! – засуетилась миссис Уизли, поправляя шляпу. – Угощайтесь: пиндейка, удинг… то есть…

– Нет-нет, дорогая Молли, – замотал головой Скримджер. Гарри понял, что тот узнал ее имя у Перси на пороге, прежде чем войти в дом. – Не хочу навязываться. Меня бы вообще здесь не было, если бы Перси так не рвался увидеться с семьей…

– Ой, Перси! – со слезами в голосе воскликнула миссис Уизли и приподнялась на цыпочках, чтобы поцеловать сына.

– …мы всего на пять минут, так что я, пожалуй, пройдусь по двору, а вы пока пообщайтесь с Перси. Нет-нет, уверяю вас, я не хочу быть назойливым! Ну-с, если кто-нибудь покажет мне ваш очаровательный сад… а, вот молодой человек как раз доел! Почему бы ему со мной не прогуляться?

Атмосфера за столом ощутимо изменилась. Все перевели взгляд со Скримджера на Гарри. Никто не поверил, будто министр не знает имени Гарри Поттера, и никому не показалось естественным, что его должен сопровождать именно Гарри, хотя у Джинни, Флёр и Джорджа тоже чистые тарелки.

– Ладно, хорошо, – сказал Гарри в полной тишине.

Он тоже не поверил, что Скримджер и Перси просто оказались поблизости и Перси вдруг захотелось повидать родных. Ясно, что

истинная причина визита – желание министра поговорить с Гарри наедине.

– Все нормально, – еле слышно произнес он, проходя мимо Люпина; тот привстал со стула. – Нормально, – повторил Гарри, заметив, что мистер Уизли уже открыл рот.

– Замечательно! – Скримджер посторонился, пропуская Гарри вперед. – Разок обойдем сад, а потом мы с Перси отправимся дальше. Прошу, не стесняйтесь, продолжайте!

Гарри пошел через двор к заваленным снегом зарослям. Скримджер, слегка прихрамывая, шагал рядом. Гарри знал, что нынешний министр в свое время возглавлял дивизион авроров; на вид он был суровым бойцом и этим очень отличался от дородного Фуджа с его котелком.

– Очаровательно, – проговорил Скримджер, остановившись у ограды сада и глядя на белое поле с неразличимыми под снегом растениями. – Очаровательно.

Гарри молчал, чувствуя, что Скримджер за ним наблюдает.

– Я давно хотел с тобой поговорить, – спустя несколько мгновений сказал тот. – Ты об этом знал?

– Нет, – честно ответил Гарри.

– Да-да, очень давно. Но Думбльдор тебя оберегает, – продолжал Скримджер. – Вполне естественно, конечно, после всех испытаний, которые выпали на твою долю... особенно в министерстве...

Он подождал, но Гарри не счел нужным отвечать, и министр заговорил снова:

– Вступив в должность, я все ждал случая пообщаться, но Думбльдор препятствовал – что, как я сказал, совершенно понятно.

Гарри по-прежнему не раскрывал рта и ждал.

– Столько слухов! – тихо воскликнул Скримджер. – Конечно, мы оба знаем, как у нас умеют перевирать... странные разговорчики о пророчестве... о том, что ты – Избранный...

«Вот это уже ближе к делу, – подумал Гарри, – вот почему мы здесь».

– ...Полагаю, вы обсуждали это с Думбльдором?

Гарри напряженно задумался, не зная, солгать или нет. Он смотрел на маленькие следы гномов на клумбах и развороженный сугроб, где

Фред поймал нынешнее украшение елочной верхушки. И в конце концов решился сказать правду... ну, отчасти.

– Да, обсуждали.

– Вот как, вот как... – забормотал Скримджер. Гарри видел уголком глаза, что министр прищурился и внимательно на него смотрит, а потому притворился, будто донельзя заинтересован гномом, который высунул голову из-под заледеневшего рододендрона. – И что же говорит Думблдор?

– Извините, но это наша с ним тайна, – ответил Гарри.

Он постарался говорить любезно, и Скримджер ответил тоже легко и дружелюбно:

– Разумеется, разумеется, я и не хочу, чтобы ты выдавал... ни в коем случае... и потом, разве это так важно, Избранный ты или нет?

Гарри обдумал его слова и вымолвил:

– Не понимаю, что вы хотите сказать, министр.

– То есть, конечно, *для тебя* это чрезвычайно важно, – хохотнул Скримджер. – Но для колдовского сообщества... дело ведь в восприятии, так? В том, во что люди верят.

Гарри молчал. Он уже смутно догадывался, куда клонит министр, но не собирался помогать ему подойти к сути. Гном рылся у корней рододендрона, разыскивая червяков; Гарри не отрывал от него взгляда.

– Видишь ли, люди *верят*, что ты Избранный, – продолжал Скримджер. – Считают тебя героем... каковым ты, избранный или нет, несомненно, являешься! Сколько раз ты уже противостоял Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут? Впрочем, не важно, – не дожидаясь ответа, заторопился министр, – главное, что для многих ты, Гарри, символ надежды. Тот, кто, по всей вероятности, способен, кому, возможно, *самой судьбой предназначено* уничтожить Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут... это не может не укреплять моральный дух. Я уверен, поняв это, ты сочтешь своей, скажем так, обязанностью примкнуть к министерству и поднять общественное настроение.

Гном нашел червяка и теперь изо всех сил тянул его из мерзлой земли. Гарри молчал так долго, что Скримджер перевел взгляд на гнома и произнес:

– Забавные ребятки, да? Ну, что скажешь, Гарри?

– Я не вполне понимаю, чего вы хотите, – медленно заговорил тот. – «Примкнуть к министерству»... что это значит?

– Ничего особо обременительного, уверяю тебя, – ответил Скримджер. – Например, если ты будешь время от времени показываться в министерстве, это произведет должное впечатление. Кстати, там у тебя будет масса возможностей побеседовать с Гавейном Робардсом, который сменил меня в дивизионе авроров. Долорес Кхембридж говорит, ты мечтаешь стать аврором. Что же, это очень легко устроить…

В душе Гарри стремительно закипала ярость: то есть что, Долорес Кхембридж оставили в министерстве?

– Попросту говоря, – сказал он таким тоном, словно желал всего лишь прояснить пару неясных моментов, – вы хотите создать впечатление, будто я работаю на министерство?

– Это укрепило бы всеобщий боевой дух. – В голосе Скримджера звучало явное облегчение оттого, что Гарри так быстро сообразил. – Избранный печется о нас, и так далее… народу нужна надежда, ощущение, что дело делается…

– Но ведь, если я буду мелькать в министерстве, – продолжал Гарри, пока еще вежливо, – люди могут решить, что я одобряю вашу политику?

– Ну, – Скримджер слегка нахмурился, – да; мы, в частности, потому и хотим…

– Нет, вряд ли что-то получится, – мило улыбнулся Гарри. – Видите ли, мне ужасно не нравятся некоторые ваши решения. Например, арест Стэна Самосвалта.

Скримджер помолчал, мгновенно напрягшись.

– Я и не ждал, что ты поймешь, – произнес он чуть погодя, скрывая свой гнев намного хуже, чем Гарри. – Суровые времена требуют суровых решений. Тебе всего шестнадцать…

– Думбльдор намного старше, но и он не считает, что Стэн должен сидеть в Азкабане, – перебил Гарри. – Вы сделали Стэна козлом отпущения, а из меня хотите сделать талисман.

Они долго и сурово смотрели друг на друга. Потом Скримджер изрек без тени теплоты:

– Ясно. Ты предпочитаешь – как твой герой Думбльдор – полностью размежеваться с министерством?

– Я не хочу, чтобы мною пользовались, – сказал Гарри.

– Другой счел бы своим долгом послужить министерству!

– Да, а кто-то еще счел бы вашим долгом сажать в Азкабан только настоящих преступников! – Возмущение Гарри нарастало с каждой секундой. – Вы такой же, как Барти Сгорбс. Вы, народ, совсем ничего не можете сделать как надо? То у вас Фудж, который притворяется, что все чудесно, пока людей убивают у него под носом, то вы сами бросаете в тюрьму невиновных и хотите изобразить, будто на него работает Избранный!

– Так ты не Избранный? – резко оборвал Скримджер.

– Вы же сказали, что это не важно? – горько рассмеялся Гарри. – Во всяком случае, для вас.

– Это я зря, – быстро отреагировал Скримджер. – Это было бес tactно...

– Нет, всего-навсего честно, – возразил Гарри. – Одна из немногих правдивых вещей, которые я услышал. Вам безразлично, умру я или выживу, важно только, чтобы я помог убедить общественность, будто вы побеждаете в войне с Вольдемортом. Я не забыл, министр...

Он поднял правый кулак. На тыльной стороне замерзшей ладони сверкали белые шрамы от слов, которые Долорес Кхембридж заставляла его вырезать на собственной руке: «Я никогда не должен лгать».

– Не припомню, чтобы вы встали на мою защиту, когда я доказывал, что Вольдеморт вернулся. В прошлом году министерство почему-то не стремилось со мной дружить.

Воцарилось молчание, ледяное, как земля у них под ногами. Гном извлек червяка и радостно обсасывал его, привалившись к нижним веткам рододендрона.

– Что сейчас делает Думблдор? – бесцеремонно осведомился Скримджер. – Где бывает, когда его нет в «Хогварце»?

– Понятия не имею, – ответил Гарри.

– А если бы и знал, не сказал бы, – продолжил за него Скримджер. – Так ведь?

– Не сказал бы, – подтвердил Гарри.

– Что ж, придется мне выяснить самостоятельно.

– Попробуйте. – Гарри равнодушно пожал плечами. – Но вы ведь умнее Фуджа и, казалось бы, должны учиться на его ошибках. Он пытался вмешиваться в дела «Хогварца». И теперь, как вы, может

быть, заметили, он больше не министр. А Думблдор по-прежнему директор. На вашем месте я бы оставил Думблдора в покое.

Повисла длинная пауза.

– Очевидно, над тобой он славно потрудился, – в конце концов холодно проговорил Скримджер, жестко глядя на Гарри сквозь очки в проволочной оправе. – Человек Думблдора до мозга костей – так, Поттер?

– Да, так, – сказал Гарри. – Рад, что мы это выяснили.

Он повернулся спиной к министру и зашагал к дому.

Глава семнадцатая

Замутненное воспоминание

Вскоре после Нового года, под вечер, Гарри, Рон и Джинни выстроились перед очагом, собираясь отправиться в «Хогварц», — министерство организовало одноразовое подключение к кружаной сети для быстрой и безопасной переброски учеников в школу. Провожала ребят только миссис Уизли: мистер Уизли, Фред, Джордж, Билл и Флёр были на работе. Миссис Уизли утопала в слезах. Впрочем, надо признать, она почти постоянно плакала с тех самых пор, когда в Рождество Перси вылетел из дома в очках, залепленных пюре из пастернака (авторство этого подвига приписывали себе Фред, Джордж и Джинни).

— Не плачь, мам. — Джинни похлопывала по спине миссис Уизли, рыдавшую у нее на плече. — Все нормально...

— Да, не переживай о нас, — сказал Рон, позволяя матери запечатлеть на своей щеке очень и очень влажный поцелуй, — а тем более о Перси. Он такой дебил, что не велика потеря, правда?

Миссис Уизли расплакалась еще сильнее и обняла Гарри.

— Обещай, что будешь осторожен... не полезешь на рожон...

— А я никогда не лезу, — ответил Гарри. — Вы ж меня знаете, я люблю жить тихо-спокойно.

Миссис Уизли слезливо хихикнула и отступила.

— Ладно, детоньки мои, будьте умницами...

Гарри шагнул в изумрудный огонь и выкрикнул:

— «Хогварц»!

Перед глазами напоследок мелькнули уголок кухни и мокрое лицо миссис Уизли, а затем пламя объяло Гарри целиком. Его закружило, завертело; перед ним пронесся размытый калейдоскоп чужих колдовских жилищ, но картинки исчезали, не успевал он что-нибудь рассмотреть. Чуть погодя движение замедлилось и наконец резко остановилось. Гарри стоял в камине кабинета профессора

Макгонаголл, которая, когда он полез через камиинную решетку, на мгновение оторвалась от работы и сказала:

– Добрый вечер, Поттер. Постарайтесь не испачкать ковер.

– Что вы, профессор.

Гарри поправил очки и пригладил волосы. В камине тем временем показался вертящийся Рон. Подождав Джинни, все трое вышли из кабинета Макгонаголл и направились в гриффиндорскую башню. По дороге Гарри выглядывал в окна. Солнце уже садилось, и всю территорию замка укрывал снежный ковер, еще плотнее, чем в саду «Гнезда». Вдалеке, перед хижиной, Огрид кормил Конькура.

– Финтифлюшки, – уверенно сказал Рон Толстой Тете. Та была необычайно бледна и от громкого голоса поморщилась.

– Нет, – ответила она.

– Что значит «нет»?

– Пароль сменили, – пояснила Толстая Тетя. – И умоляю тебя, не кричи.

– Нас не было, откуда нам знать?..

– Гарри! Джинни! – К ним подлетела раскрасневшаяся Гермиона в плаще, шляпе и перчатках. – Я вернулась часа два назад, я только что от Огрида и Конь... то есть Курокрыла, – на одном дыхании выпалила она. – Как Рождество, хорошо?

– Да, – с готовностью отозвался Рон, – довольно-таки бурно, Руфус Скрим...

– У меня для тебя кое-что есть, Гарри, – сказала Гермиона, не глядя на Рона и будто не замечая его. – Да, кстати – пароль. *Воздержание*.

– Точно, – слабым голосом промолвила Толстая Тетя и качнулась вперед, открывая дыру за портретом.

– Что это с ней? – спросил Гарри.

– Переусердствовала на праздники, – закатив глаза, ответила Гермиона и первой пролезла в переполненную общую гостиную. – Они с подружкой Виолеттой выпили все вино у пьяных монахов, знаете, с картины у кабинета заклинаний... Ладно, не важно...

Она порылась в кармане и вытащила пергаментный свиток, надписанный почерком Думбльдора.

– Отлично. – Развернув послание, Гарри узнал, что следующее индивидуальное занятие назначено на завтрашний вечер. – Мне столько всего надо ему рассказать – да и тебе тоже. Пойдем сядем...

Тут раздался громкий визг: «Ронюсик!» – и Лаванда Браун, выскочив неизвестно откуда, бросилась на шею Рону. Народ захихикал. Гермиона мелодично рассмеялась и сказала:

– Вон столик... Ты с нами, Джинни?

– Нет, спасибо, я обещала найти Дина, – ответила та без всякого энтузиазма, чего Гарри, разумеется, не мог не отметить.

Рон и Лаванда стояли, сцепившись в борцовском захвате. Оставив их обниматься, Гарри повел Гермиону к свободному столику.

– А как твое Рождество?

– Нормально, – пожала плечами она. – Ничего особенного. А что было у Ронюсика?

– Сейчас расскажу, – пообещал Гарри. – Слушай, а ты не могла бы?..

– Нет, не могла бы, – сухо ответила та, – даже не проси.

– Я думал, может, за каникулы... ну, ты понимаешь...

– Это Толстая Тетя выпила цистерну пятисотлетнего вина, Гарри, а не я. Ну, говори, что за важные новости?

У нее был настолько свирепый вид, что Гарри предпочел забыть о Роне и передал разговор Малфоя и Злея.

Когда он закончил, Гермиона немного поразмыслила и сказала:

– А ты не думаешь?..

– ...что он притворялся, будто хочет помочь, чтобы выведать у Малфоя его намерения?

– Ну... да, – кивнула Гермиона.

– Мистер Уизли и Люпин тоже так считают, – недовольно буркнул Гарри. – Но, значит, Малфой точно затевает какую-то пакость, надеюсь, ты не станешь отрицать...

– Нет, не стану, – медленно произнесла она.

– И действует по приказу Вольдеморта, как я и говорил!

– Хммм... а это имя произносилось?

Гарри нахмурился припоминая.

– Не уверен... Злей точно сказал «твой господин»... Кто же еще?

– Не знаю. – Гермиона прикусила губу. – Может, его отец?

Она уставилась вдаль и задумалась так глубоко, что даже не замечала, как Лаванда щекочет Рона.

– А как поживает Люпин?

– Не ахти, – признал Гарри и поведал о миссии Люпина и его трудностях. – Ты, кстати, слышала когда-нибудь про Фенрира Уолка?

– Да! – испуганно воскликнула Гермиона. – И ты тоже!

– Когда, на истории магии? Ты прекрасно знаешь, я никогда не слушаю...

– Нет-нет, не на истории магии! Малфой угрожал Боргину этим самым Фенриром! Сказал, что Уолк – старый друг семьи и будет следить за Боргином!

Гарри уставился на нее, разинув рот.

– Я забыл! Но это *доказывает*, что Малфой – Упивающийся Смертью! Как иначе он может связываться с Уолком и отдавать распоряжения?

– Все это очень подозрительно, – выдохнула Гермиона, – если только не...

– Я тебя умоляю! – в раздражении вскричал Гарри. – Тут и спорить не о чем!

– Но... все-таки не исключено, что это была пустая угроза.

– Немыслимый человек, – потряс головой Гарри. – Ладно, увидим, кто был прав... Ты, Гермиона, вместе с министерством, еще попомнишь мои слова. Да, кстати, я умудрился поссориться с Руфусом Скримджером...

Остаток вечера они провели вполне мирно, ругая министерство магии, – Гермиона, как и Рон, считала невероятной наглостью с их стороны просить Гарри о помощи после прошлогодней травли.

Новый триместр начался с приятного сюрприза: наутро на доске в общей гостиной появилось большое объявление:

ЗАНЯТИЯ ПО ТЕХНИКЕ АППАРИРОВАНИЯ

Все, кто достиг или достигнет 17-летия до 31 августа сего года включительно, могут пройти 12-недельный курс техники аппарирования с инструктором из министерства магии.

Просим желающих внести свою фамилию в список внизу.

Стоимость: 12 галлеонов.

Гарри и Рон влезли в толпу около объявления и по очереди записались. Рон как раз вынимал перо, чтобы поставить свою фамилию под Гермиониной, но тут подкравшаяся сзади Лаванда закрыла ему глаза руками и пронзительно пропела:

– Ронюсик, угадай кто?

Гарри обернулся, увидел решительно удаляющуюся Гермиону и догнал ее, не имея ни малейшего желания оставаться с Роном и Лавандой. К его удивлению, Рон поравнялся с ними почти сразу за портретной дырой, очень недовольный и с ярко-красными ушами. Гермиона, не говоря ни слова, ускорила шаг и ушла вперед, к Невиллу.

– Значит, аппарирование, – сказал Рон. По его тону было абсолютно ясно, что обсуждать случившееся запрещается. – Повеселимся?

– Не знаю, – протянул Гарри. – Может, когда сам аппарируешь, оно и ничего, а вместе с Думблдором мне не очень понравилось.

– А я и забыл, что ты уже аппарировал… Мне надо бы сдать экзамен сразу, – с некоторой тревогой произнес Рон. – Фред с Джорджем сдали.

– Но Чарли-то провалился?

– Да, но он больше меня. – Рон растопырил руки, как горилла. – Так что по его поводу Фред и Джордж не очень-то выступали… в глаза, по крайней мере…

– А когда нужно сдавать?

– Как только исполнится семнадцать. То есть мне – уже в марте!

– Но ты ведь не сможешь аппарировать в замке…

– Не важно, главное, все будут знать, что я могу, если захочу.

Предстоящие занятия волновали не только Рона. Весь день шестиклассники лишь об этом и говорили; возможность пропадать и появляться где хочешь казалась неоценимым преимуществом.

– Здорово будет, когда мы сможем просто… – Шеймас щелкнул пальцами, изображая исчезновение. – Мой двоюродный брат Фергюс вечно меня этим дразнит. Но ничего, я ему отомщу… ни минуты покоя ему теперь не светит…

Погрузившись в счастливые видения, он слишком сильно взмахнул палочкой, и из нее вместо заданного фонтанчика чистой воды забила мощная брандспойтная струя. Ударив в потолок, она обрушилась на профессора Флитвика, и тот упал ничком.

Когда профессор Флитвик высушился мановением волшебной палочки и велел сконфуженному Шеймасу много раз подряд написать: «Я колдун, а не бабуин с дубиной», Рон сообщил:

— А Гарри уже аппарировал! Думб... э-э... один человек брал его с собой. Ну, знаешь, параллельное аппарирование.

— Ух ты! — шепотом воскликнул Шеймас.

Он, Дин и Невилл приблизили головы к Гарри, чтобы выслушать его впечатления. До конца дня Гарри осаждали просьбами описать, что испытываешь при аппарировании. Узнав, насколько это неприятно, все впадали в благоговейный ужас, но ничуть не теряли энтузиазма, и без десяти восемь вечера Гарри все еще терзали бесконечными расспросами. Чтобы вовремя попасть на занятие, ему пришлось сорвать, что он должен срочно вернуть книгу в библиотеку.

В кабинете Думблдора горели лампы; портреты бывших директоров и директрис мирно посапывали в своих рамках; дубльдум стоял наготове на письменном столе. Руки Думблдора покоились по бокам чаши, правая — по-прежнему черная и обугленная. Почему она не вылечивается? Гарри в сотый раз задумался, откуда могло взяться настолько серьезноеувечье, но спрашивать не стал; Думблдор обещал в свое время рассказать, и к тому же Гарри хотел обсудить совсем другое. Впрочем, не успел он заговорить о Зле и Малфое, как Думблдор спросил:

— Я слышал, в каникулы ты встречался с министром магии?

— Встречался, — подтвердил Гарри. — Он остался мной недоволен.

— Да, — вздохнул Думблдор, — мной тоже. Однако, Гарри, нам придется свыкнуться с этим несчастьем и жить дальше.

Гарри хмыкнул:

— Он хотел, чтобы я всем рассказал, какие они в министерстве молодцы.

Думблдор улыбнулся:

— Видишь ли, изначально это идея Фуджа. Под конец он отчаянно цеплялся за свой пост и хотел встретиться с тобой, попросить о поддержке...

— После всех его прошлогодних подвигов? — взвился Гарри. — После *Кхембридж*?

— Я говорил Корнелиусу, что ничего не выйдет, но с его уходом затея не умерла. Уже через пару часов после назначения Скримджер потребовал у меня встречи с тобой...

— Так вот о чем вы спорили! — вырвалось у Гарри. — Это было в «Оракуле».

— Что ж, иной раз и там пишут правду, — сказал Думблдор, — пусть даже случайно. Да, мы спорили об этом. Итак, Руфус нашел способ до тебя добраться.

— Он обвинил меня в том, что я — «человек Думблдора до мозга костей».

— Как грубо с его стороны.

— А я сказал, что так и есть.

Думблдор открыл было рот, но затем снова закрыл. За спиной Гарри феникс Янгус тихо, нежно, мелодично вскрикнул. Гарри вдруг увидел, что яркие голубые глаза Думблдора несколько увлажнились, страшно смущаясь и уткнувшись взглядом в колени. Однако вскоре Думблдор заговорил, и его голос был вполне тверд:

— Я очень тронут, Гарри.

— Скримджер хотел знать, где вы бываете, когда вас нет в школе, — сообщил Гарри своим коленям.

— Да, это его живо интересует. — Думблдор явно повеселел, и Гарри решился поднять глаза. — Он даже установил за мной слежку. Смешно, в самом деле. Посадил мне на хвост Давлиша. Очень недобрый поступок. Как-то раз я был вынужден навести на Давлиша порчу; теперь, к величайшему сожалению, пришлось проделать это снова.

— А они так и не узнали, где вы бываете? — полюбопытствовал Гарри, рассчитывая хоть сколько-нибудь прояснить этот таинственный вопрос, но Думблдор лишь улыбнулся и взглянул на Гарри поверх очков-полумесяцев:

— Нет, и тебе пока тоже ни к чему... А сейчас предлагаю приступить к занятию, если нет других...

— Вообще-то есть, сэр, — сказал Гарри. — Это касается Малфоя и Злея.

— *Профессора* Злея, Гарри.

— Да, сэр. На вечере у Дивангарда я случайно... то есть на самом деле я за ними проследил...

Думблдор выслушал Гарри невозмутимо. Затем после паузы изрек:

— Спасибо, что рассказал мне, Гарри, но предлагаю тебе все это забыть. Не так уж это важно.

– Не так важно? – не веря своим ушам, повторил Гарри. – Профессор, да вы понимаете?..

– Да, Гарри, феноменальные умственные способности позволили мне понять все, что ты рассказал, – резковато ответил Думблдор. – Не исключена даже вероятность, что я понимаю несколько больше тебя. Повторюсь: я рад, что ты со мной поделился, но, позволь заверить, я не услышал ничего такого, о чем бы стоило беспокоиться.

Гарри молча сверлил директора возмущенным взглядом. В чем дело? Думблдор действительно приказал Злею выяснить, что затевает Малфой, и давно знает обо всем от Злея? Или он просто притворяется, что ничуть не встревожен?

– Значит, сэр, – Гарри надеялся, что его голос звучит спокойно и вежливо, – вы по-прежнему доверяете?..

– Я, кажется, проявил достаточно терпимости, многократно отвечая на этот вопрос, – сказал Думблдор уже без намека на терпимость. – Мой ответ неизменен.

– А как же иначе, – раздался ехидный голос; очевидно, Финей Нигеллий только делал вид, что спит. Думблдор не обратил на него внимания.

– Гарри, я настаиваю, чтобы мы приступили к занятиям. Нам необходимо обсудить куда более важные вещи.

Гарри одолевали мятежные мысли. Что, если он не желает менять тему, а хочет говорить о Малфое, отстаивать свою позицию? Словно прочитав его мысли, Думблдор покачал головой:

– Ах, Гарри, Гарри, как часто это случается, даже между лучшими друзьями! Каждый считает, что его сведения гораздо важнее тех, которыми располагают прочие!

– Я не считаю, что ваши сведения не важны, сэр, – сухо ответил Гарри.

– Ты прав, они очень важны, – легким тоном отозвался Думблдор. – Сегодня я должен показать тебе еще два воспоминания. Оба добыты с величайшим трудом, причем второе, с моей точки зрения, существеннее всех, что мне удалось собрать.

Гарри ничего не ответил; он все еще злился, что Думблдор пренебрег его рассказом, однако не понимал, чего можно добиться, если спорить дальше.

— Итак, — звучно заговорил Думбльдор, — мы продолжаем рассказ о Томе Редdle, которого в прошлый раз оставили буквально на пороге «Хогварца». Ты, разумеется, помнишь, с каким восторгом Реддль узнал о том, что он колдун, как он отказался от моего сопровождения в поездке на Диагон-аллею и как я предупредил его, что в «Хогварце» не терпят воровства… Начался учебный год. Том Реддль, тихий ребенок в поношенной одежде, прибыл в школу и вместе с другими выстроился в очередь на Распределение. Его зачислили в «Слизерин» практически сразу, как только Шляпа коснулась его головы. — Думбльдор взмахнул почерневшей рукой, указывая на полку, где неподвижно лежала древняя Шляпа-Распределница. — Когда он узнал, что знаменитый основатель его колледжа тоже умел разговаривать со змеями, не могу сказать — возможно, в тот же вечер. Но воображаю, что новость эта немало потешила Реддля и сильно повысила его самооценку… Не знаю, пытался ли он в общей гостиной пугать или удивлять соучеников своим необычным даром, — до преподавателей такие слухи не доходили. Реддль не был наглым или агрессивным. Необычайно одаренный, очень красивый, к тому же сирота — естественно, он привлекал внимание и с первых дней в школе пользовался симпатией учителей. Он казался спокойным, вежливым, очень хотел учиться и почти на всех производил весьма благоприятное впечатление.

— А вы никому не рассказывали, какой он был в приюте? — спросил Гарри.

— Нет. Реддль, похоже, нисколько не раскаивался, но я не исключал, что он стыдится былых грехов и хочет начать жизнь с чистого листа. Я решил дать ему шанс.

Думбльдор замолчал и вопросительно посмотрел на Гарри. Тот открыл рот, собираясь заговорить. Вот вам, пожалуйста: вопреки здравому смыслу Думбльдор готов доверять всякому негодяю! Но затем Гарри кое-что вспомнил.

— Но вы не доверяли ему *по-настоящему*, да? Он сам говорил… Реддль, который вышел из дневника… «Думбльдор никогда не любил меня, в отличие от прочих учителей».

— Ну, скажем… не безоговорочно, — ответил Думбльдор. — Как ты помнишь, я решил за ним последить. Но, признаюсь, вначале мало что узнал. Том был настороже — видимо, понимал, что в эйфории от осознания своей истинной сущности слишком со мной

разоткровенничался. Он старался больше ничего не выдавать, однако не мог забрать обратно ни своих слов, ни рассказа миссис Коул. Впрочем, ему хватало ума не пытаться меня очаровать, как он это проделывал со многими моими коллегами... За годы обучения он собрал вокруг себя группу преданных друзей; называю их так за неимением лучшего слова – как я уже говорил, Реддль не питал к ним теплых чувств. Их компания обладала зловещим, но притягательным шармом. Пестрое собрание; к Реддлю тянулись слабые в поисках защиты, амбициозные – в надежде разделить его славу и агрессивные, которые нуждались в лидере, способном научить высшей, утонченной жестокости. Иными словами, подобие его нынешней гвардии; и после «Хогварца» некоторые действительно стали первыми Упивающимися Смертью... Реддль жестко их контролировал, и они никогда не совершали злодеяний открыто, однако те семь лет были отмечены многочисленными неприятными инцидентами, хотя причастность окружения Реддля никогда не удавалось установить наверняка. Самым серьезным преступлением было, разумеется, открытие Тайной комнаты, которое привело к смерти девочки. Как ты помнишь, в этом ошибочно обвинили Огрида... Я собрал совсем немного сведений о Реддле в «Хогварце», – сказал Думбльдор, положив сморщенную руку на дубльдум. – Мало кто был готов поделиться воспоминаниями: люди слишком боялись. Все, что я знаю, добыто уже после того, как он закончил «Хогварц», ценой многих усилий. Кого-то я разговорил хитростью, что-то почерпнул из старых записей, что-то узнал из допросов свидетелей, как муглов, так и колдунов... Те, кого я сумел разговорить, поведали, что Реддль был одержим своим происхождением. Вполне объяснимо, конечно: он вырос в приюте и, естественно, хотел знать почему. Он тщетно искал Тома Реддля-старшего на табличках в трофеиной, изучал списки старост в школьных архивах и даже штудировал учебники колдовской истории. В конце концов он вынужден был смириться и признать, что его отец никогда не переступал порог «Хогварца». Мне представляется, что именно тогда он отрекся от своего имени, назвался лордом Вольдемортом и занялся поисками прежде презираемой семьи матери – которая, напоминаю, с его точки зрения, не могла быть ведьмой, коль скоро поддалась столь постыдной человеческой слабости, как смерть... В приюте ему сообщили, что отца его матери звали Ярволо;

только на это и приходилось опираться. Реддль упорно просматривал родословные книги древних колдовских фамилий и наконец узнал о существовании потомков Слизерина. На шестнадцатом году жизни, летом, он покинул приют, куда возвращался ежегодно, и отправился на поиски своих родственников, Монстеров. А теперь, Гарри, встань, будь любезен...

Думблдор поднялся из-за стола, и Гарри увидел у него в руках хрустальный пузырек с клубящимися перламутровыми воспоминаниями.

— Мне очень повезло, что я это достал, — сказал Думблдор, выливая поблескивающую субстанцию в дубльдум. — После ты все поймешь. Ну что, поехали?

Гарри шагнул к чаше и послушно наклонился. Его лицо коснулось поверхности воспоминаний; он привычно полетел в пустоту и вскоре опустился на грязный каменный пол. Кругом была почти полная темнота.

Он узнал это место лишь спустя несколько секунд — Думблдор успел приземлиться рядом. В доме Монстеров царило невообразимое запустение; Гарри никогда такого не видел. Потолок толстым слоем затянула паутина; пол покрывала пленка жирной пыли; на столе вперемежку с чешуйчатой от грязи посудой гнила заплесневелая еда. Единственным источником света служил огарок, стоявший у ног мужчины с настолько длинными волосами и бородой, что они полностью закрывали его глаза и рот. Мужчина обмяк в кресле у камина — Гарри даже показалось, что он мертв. Но тут раздался громкий стук в дверь, и человек, вздрогнув, проснулся. Он угрожающе воздел руки: в правой волшебная палочка, в левой — короткий нож.

Дверь заскрипела, отворилась. На пороге, держа старинную лампу, стоял юноша, которого Гарри сразу узнал: высокий, бледный, темноволосый и очень красивый Том Реддль.

Вольдеморт медленно обвел глазами лачугу и остановил взгляд на человеке в кресле. Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем мужчина шатко поднялся, свалив пустые бутылки, которые теснились у его ног. Бутылки зазвенели и покатились по полу.

— ТЫ! — взревел он. — ТЫ!

И пьяно пошел на Реддля, выставив нож и палочку.

— Стой.

Это было сказано на серпентарго. Человек наткнулся на стол, опрокинув на пол замшелые кастрюли, и уставился на Реддля. Воцарилось молчание; хозяин и гость мерили друг друга глазами. Первым заговорил мужчина:

– *Ты знаешь этот язык?*

– *Да*, – ответил Реддль и вошел в дом. Дверь за ним захлопнулась.

Гарри невольно, хоть и с досадой, восхитился – Вольдеморт явно не боялся ничего. На лице его было написано лишь отвращение и, пожалуй, разочарование.

– *Где Ярвело?* – спросил он.

– *Умер*, – последовал ответ. – *Уже давно, не знал?*

Реддль нахмурился:

– *А ты кто?*

– *Я Морфин, не знал?*

– *Сын Ярвело?*

– *Он самый, а кто ж?*

Морфин откинул спутанные патлы с грязного лица, чтобы получше рассмотреть Реддля, и Гарри заметил на правой руке кольцо Ярвело с черным камнем.

– *Я думал, ты тот мугл*, – прошептал Морфин. – *Ты прям копия.*

– *Какой мугл?* – рявкнул Реддль.

– *Который охмурил мою сестрицу и живет там, в большом доме.* – Морфин неожиданно плонул гостю под ноги. – *Ты на рожу совсем как он. Реддль. Но он же ведь небось постарел? Он, как подумаешь, старше тебя…*

Морфин стоял и оторопело покачивался, цепляясь за стол.

– *Возвернулся он, ясно?* – глупо прибавил он.

Вольдеморт не сводил глаз с Морфина, словно оценивая про себя его способности. Сейчас он придинулся ближе и уточнил:

– *Реддль вернулся?*

– *Ага, бросил ее, и поделом, будет знать, как выходить замуж за мразь!* – Морфин опять плонул на пол. – *Да еще и обокрала нас! Где медальон, а? Где медальон Слизерина?*

Вольдеморт молчал. Морфин быстро довел себя до исступления; он размахивал ножом и кричал:

– *Обесчестила нас, шлюшка! А ты кто такой? Приперся тут и расспрашивает! Все забыто, ясно? Давно забыто все…*

Он пошатнулся и случайно отвел глаза. Вольдеморт метнулся вперед. В тот же миг на дом упала очень странная тьма; она загасила лампу Вольдеморта и свечу Морфина, растворила все вокруг...

Пальцы Думблдора плотно сомкнулись на руке Гарри; они воспарили и быстро возвратились в настоящее. После кромешной темноты мягкий золотой свет в кабинете Думблдора буквально ослеплял.

– Это все? – сразу спросил Гарри. – Что случилось, почему так потемнело?

– Потому что дальше Морфин ничего не помнил, – ответил Думблдор, жестом приглашая Гарри сесть. – Утром он очнулся на полу, один. Кольцо Ярвого исчезло... Тем временем по главной улице деревни Малый Висельтон бежала служанка. Она кричала, что в гостиной большого дома лежат три тела: Том Реддль-старший, его мать и отец... Власти муглов были в полном недоумении. Насколько я знаю, им до сих пор неизвестно, как умерли Реддли: Авада Кедавра не оставляет видимых повреждений... за единственным исключением, которое я сейчас вижу перед собой. – Думблдор кивнул на шрам Гарри. – Зато в министерстве магии сразу поняли, что это колдовское убийство. Кроме того, там знали, что по другую сторону долины живет муглоненавистник – более того, муглоненавистник, отсидевший в тюрьме за нападение на одного из погибших... Министерство навестило Морфина. Его не пришлось допрашивать, не понадобились ни признавалиум, ни легилименция. Он признался в преступлении сразу и сообщил подробности, которые мог знать только убийца. Он заявил, что гордится своим поступком, что много лет ждал подходящего случая. Потом безропотно отдал палочку – как сразу выяснилось, орудие убийства – и безропотно отправился в Азкабан. Его беспокоило только то, что исчезло кольцо отца. «Я его потерял, он убьет меня, – твердил Морфин конвоирам. – Я потерял его кольцо, он меня убьет». И за всю свою жизнь он больше ни слова не говорил. Остаток дней он провел в Азкабане, оплакивая потерю наследства Ярвого, и похоронен около тюрьмы рядом с другими несчастными, кто заchaх в ее стенах.

– Значит, Вольдеморт украл палочку Морфина и убил ею? – вздрогнул Гарри.

– Именно, – подтвердил Думблдор. – У нас нет воспоминаний, которые бы это доказывали, но, думаю, можно с уверенностью утверждать, что так и было. Вольдеморт применил против дяди сногшибатель, забрал его палочку и пошел через долину к «большому дому». Там он убил мугла, бросившего его мать- ведьму, а заодно и бабушку с дедушкой, истребив тем самым недостойный род Реддлей и отомстив отцу, который никогда его не хотел. Затем он вернулся в лачугу Монстеров, с помощью хитроумного волшебства внедрил в дядино сознание ложные воспоминания, положил палочку рядом с его бесчувственным телом, забрал перстень и скрылся.

– А Морфин так и не понял, что никого не убивал?

– Нет, – покачал головой Думблдор. – Как я сказал, он дал полное признание и очень гордился собой.

– Но у него оставалось и это воспоминание, настоящее!

– Да, но, чтобы его выудить, понадобилась довольно сложная легилименция, – сказал Думблдор. – А зачем проникать в глубины Морфина сознания, если тот уже признался? Однако мне удалось добиться свидания с Морфином в последние недели его жизни; к тому времени я уже собирал сведения о прошлом Вольдеморта. Я насилиу извлек настоящее воспоминание и, увидев, что оно содержит, попытался вызволить Морфина из Азкабана. Увы, он умер раньше, чем министерство успело принять решение.

– Но почему министерство не догадалось, что это дело рук Вольдеморта?! – гневно воскликнул Гарри. – Он же был несовершеннолетним! Они же вроде умеют обнаруживать такие случаи!

– Ты абсолютно прав, умеют, но только колдовство, а не исполнителя: ты же помнишь, как тебя обвиняли в наложении невесомой чары, в котором на самом деле был виноват…

– Добби, – проворчал Гарри; несправедливость обвинения до сих пор жгла душу. – Значит, если ты несовершеннолетний и колдуешь в доме взрослого колдуна или ведьмы, министерство ничего не узнает?

– Там, безусловно, не смогут сказать, чьих это рук дело. – Думблдор чуть улыбнулся при виде негодования Гарри. – Они полагаются на родителей, считая, что у себя дома те отвечают за послушание отпрысков.

– Чушь, – отрезал Гарри. – Смотрите, что было с Морфином!

— Согласен, — кивнул Думбльдор. — Каким бы ни был Морфин, он не заслужил смерти в тюрьме, да и обвинения в убийстве, которого не совершал. Однако становится поздно, а я хочу показать тебе второе воспоминание...

Думбльдор извлек из внутреннего кармана еще один хрустальный флакон, и Гарри притих, вспомнив, что это воспоминание — самое важное. Содержимое флакончика словно загустело и не хотело переливаться в дубльдум — неужто воспоминания тоже портятся?

— Это недолго, — сказал Думбльдор, опорожнив наконец флакон. — Не успеешь опомниться, мы уже вернемся. Ну-с, полезли обратно...

Гарри пролетел сквозь серебристую мглу и на этот раз очутился перед хорошо знакомым человеком — молодым Горацием Дивангардом. Гарри настолько привык к его лысине, что прямо оторопел, увидев вместо нее густые и блестящие желтоватые волосы, напоминавшие соломенную крышу; впрочем, на макушке уже светилась проплешина величиной с галлеон. Усы, не такие густые, как сейчас, отливали рыжиной. Этот Дивангард еще только начинал округляться, но золотым пуговицам богато расшитого жилета уже приходилось выдерживать определенный напор. Дивангард сидел, удобно раскинувшись в мягким кресле с широкими подлокотниками, положив короткие ноги на бархатный пуфик, и в одной руке держал маленький кубок вина, а другой рылся в коробке с ананасовыми цукатами.

Гарри огляделся — рядом как раз приземлился Думбльдор — и понял, что они находятся в кабинете Дивангарда. Вокруг на сиденьях пониже и пожестче расположились с полдюжины мальчиков-подростков. Гарри сразу узнал Реддля; тот был самый красивый и спокойный. Его правая рука покоялась на подлокотнике; Гарри, вздрогнув, увидел на пальце золотое кольцо с черным камнем: Реддль уже убил своего отца.

— Сэр, а правда, что профессор Потешанс уходит на пенсию? — спросил Реддль.

— Том, Том, и знал бы, не сказал. — Дивангард укоризненно погрозил Реддлю белым от сахара пальцем, но слегка подпортил впечатление, подмигнув. — Интересно, откуда ты берешь информацию, мой чудный мальчик; зачастую тебе известно больше, чем половине учителей.

Реддль улыбнулся; остальные засмеялись и восхищенно посмотрели на него.

– С твоей поразительной способностью знать то, что не следует, и умением угодить нужным людям – кстати, спасибо за ананасы, ты совершенно прав, это мои любимые...

Кое-кто из мальчиков захихикал, но тут случилось непредвиденное: комнату неожиданно заволокло белым густым туманом; Гарри не видел ничего, кроме лица Думбльдора. Затем из тумана донесся неестественно громкий голос Дивангарда:

– ...помяни мое слово, юноша, ты пойдешь по плохой дорожке!

Туман рассеялся столь же внезапно, как и появился, но никто и словом о нем не обмолвился; все сидели, словно ничего особенного не случилось. Гарри изумленно заозирался. Маленькие золотые часы на письменном столе пробили одиннадцать.

– Святое небо, уже так поздно?! – воскликнул Дивангард. – Пора, ребята, иначе нам всем влетит. Лестранж, я жду сочинение завтра утром – или ты получишь взыскание. То же касается Эйвери.

Мальчики потянулись к выходу. Дивангард грузно поднялся с кресла и отнес пустой кубок на письменный стол. Реддль медлил – нарочно, чтобы остаться с преподавателем наедине. Тот обернулся, увидел его и сказал:

– Шевелись, Том, ты же не хочешь, чтобы тебя поймали вне спальни в такое время, ты ведь у нас староста...

– Сэр, я хотел вас кое о чем спросить.

– Тогда спрашивай скорей, мой мальчик, спрашивай...

– Сэр, мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об... окаянтах?

Это случилось снова: плотный туман наполнил комнату, скрыв и Дивангарда, и Реддля; только Думбльдор безмятежно улыбался рядом с Гарри. Затем, совсем как в прошлый раз, гулко зазвучал голос Дивангарда:

– Я ничего не знаю об окаянтах, а если бы и знал, не сказал бы! А теперь прочь отсюда и чтобы я больше о них не слышал!

– Вот и все, – безмятежно проговорил Думбльдор. – Нам пора.

Ноги Гарри оторвались от пола и пару секунд спустя опустились на коврик перед письменным столом.

– Все? – недоуменно спросил Гарри.

И это – самое важное воспоминание? Что в нем особенного? Туман, конечно, странный, как и то, что его никто не заметил, но больше-то ничего... Подумаешь, Реддль задал вопрос и не получил ответа...

– Ты, возможно, заметил, – сказал Думблдор, усаживаясь за стол, – что над этим воспоминанием слегка поработали.

– Поработали? – переспросил Гарри и тоже сел.

– Определенно, – кивнул Думблдор. – Профессор Дивангард замутил свои воспоминания.

– Но зачем?

– Затем, полагаю, что он их стыдится, – ответил Думблдор. – Он хотел представить себя в лучшем свете и уничтожил те фрагменты, которые не хотел мне показывать. Работа, как ты сам видел, топорная, но оно и к лучшему: значит, под измененной записью по-прежнему находится настоящая... Поэтому, Гарри, я впервые даю тебе домашнее задание. Убеди профессора Дивангарда отдать тебе истинное воспоминание – без сомнения, самое для нас существенное.

Гарри воззрился на него и, насколько мог почтительно, сказал:

– Но, сэр, тут я вам не нужен... можно же воспользоваться легилименцией... или признавалиумом...

– Профессор Дивангард очень опытный колдун и к подобному повороту наверняка готов, – произнес Думблдор. – Он изощрен в окклуменции куда более, чем несчастный Морфин Монстер, и я был бы потрясен, узнав, что с тех самых пор, как я выманил у него эту пародию на воспоминания, он хоть на миг расстался с противоядием к признавалиуму. Нет, пытаться вырвать правду силой глупо и принесет больше вреда, чем пользы; я не хочу, чтобы профессор Дивангард покинул «Хогварц». Но у него, как у всех нас, есть свои слабости, и я уверен, что ты – единственный, кто способен прорвать оборону. Нам очень важно получить настоящее воспоминание, Гарри... насколько важно – мы узнаем, только увидев его. Ну-с, удачи тебе... и спокойной ночи.

Слегка ошарашенный внезапным прощанием, Гарри вскочил.

– Спокойной ночи, сэр.

Закрывая дверь кабинета, он отчетливо услышал голос Финея Нигеллия:

– Не понимаю, почему мальчишка сделает это лучше вас, Думбльдор.

– Я и не ждал, что вы поймете, Финей, – отозвался Думбльдор. Янгус вновь тихо и мелодично вскрикнул.

Глава восемнадцатая

Именинные сюрпризы

На следующий день Гарри рассказал о задании Думблдора Рону и Гермионе, правда, по отдельности: Гермиона по-прежнему не желала находиться в обществе Рона дольше, чем требовалось для того, чтобы молча обдать его презрением.

Рон считал, что с Дивангардом не будет решительно никаких трудностей.

– Он тебя обожает, – сказал он за завтраком, небрежно махнув вилкой с большим куском яичницы. – И ни в чем не откажет своему любимому Принцу-зельеделу. Дождись, пока все разойдутся после урока, попроси – и дело в шляпе.

Гермиона была настроена пессимистичнее.

– Судя по всему, Дивангард стоит насмерть, раз даже Думблдор не сумел ничего выведать, – понизив голос, произнесла она. Была перемена; они стояли посреди пустого заснеженного двора. – Окаянты... окаянты... никогда не слышала...

– Нет?

Гарри расстроился; он надеялся, Гермиона хотя бы приблизительно знает, что это такое.

– Наверное, это из высшей черной магии, иначе зачем они Вольдеморту? Да, Гарри, добыть информацию будет непросто, с Дивангардом надо очень осторожно, продумать стратегию...

– Рон считает, надо просто дождаться, пока все разойдутся после урока, и...

– Прекрасно! Если уж сам *Ронюсик* так считает, действуй! – моментально вспыхнула Гермиона. – Бывало ли такое, чтоб *Ронюсик* оказывался неправ?

– Гермиона, неужели ты не можешь...

– *Nem!* – отрезала она и умчалась.

Гарри остался стоять по щиколотку в снегу.

Уроки зельеделия в последнее время и так были тяжелым испытанием – Гарри, Рону и Гермионе приходилось сидеть за одним столом. Сегодня она передвинула свой котел как можно ближе к Эрни и демонстративно игнорировала не только Рона, но и Гарри.

– *Ты-то* чем провинился? – почти неслышно поинтересовался Рон, глядя на ее надменный профиль.

Гарри не успел ответить: Дивангард у доски призвал всех к молчанию.

– Сели, сели, друзья! Быстро, сегодня очень много работы! Итак: третий закон Наглотайса... кто скажет?.. Ну конечно, мисс Грейнджен!

Гермиона с нечеловеческой скоростью отбара-банила:

– Третий-закон-Наглотайса-гласит-что-антидот-к-сложносоставному-яду-равен-более-чем-сумме-антидотов-к-каждому-из-компонентов.

– Совершенно верно! – просиял Дивангард. – Десять баллов «Гриффиндору»! А теперь, если принять третий закон Наглотайса за аксиому...

Гарри ничего другого и не оставалось – он ни слова не понял. Дальнейших объяснений Дивангарда тоже не понимал никто, кроме Гермионы.

– ...это конечно же означает следующее – разумеется, при условии, что мы верно идентифицируем ингредиенты зелья с помощью разоблачар Скарпена: нашей первоочередной задачей становится не примитивный сбор антидотов к ингредиентам как таковым, но поиск того добавочного компонента, который почти алхимическим образом трансформирует отдельные элементы...

Рон сидел рядом с Гарри, полуоткрыв рот, и рассеянно что-то калякал в своем новеньком «Высшем зельеделии». Он постоянно забывал, что больше не может рассчитывать на помощь Гермионы.

– ...а потому, – закончил Дивангард, – я прошу вас подойти к моему столу, взять по флякону с ядом и к концу урока создать противоядие. Желаю удачи! Да, и не забудьте про защитные перчатки!

Гермиона встала и оказалась на полпути через класс гораздо раньше, чем другие успели опомниться. Когда Гарри, Рон и Эрни вернулись к столу, она уже перелила содержимое своей склянки в котел и разводила огонь.

— Увы, Гарри, на этот раз Принц тебе не поможет, — жизнерадостно сказала она, выпрямившись. — Здесь требуется понимать принципы. Не обжалиши!

Гарри раздраженно выдернул пробку из своего флакона, перелил кричаще-розовую жидкость в котел и развел огонь. Он не представлял, что делать дальше, и покосился на Рона. Тот повторил все действия Гарри и стоял с довольно-таки глупым видом.

— У Принца точно ничего нет? — тихонько спросил он.

Гарри достал верное «Высшее зельеделие», открыл раздел «Антидоты» и сразу увидел третий закон Наглотайса — Гермиона процитировала его слово в слово. Однако никаких замечаний Принца, которые могли бы пролить свет на суть злополучного закона, не было. Очевидно, Принц, как и Гермиона, понимал его без труда.

— Ни шиша, — хмуро констатировал Гарри.

Гермиона бодро размахивала палочкой над своим котлом. К сожалению, повторить ее заклинание было невозможно: она достигла таких успехов в невербальности, что уже ничего не произносила вслух. Эрни Макмиллан, однако, бормотал: «Специалис ревелио!» Это звучало внушительно, и Гарри с Роном поспешили сказать то же самое.

Гарри не понадобилось и пяти минут, чтобы осознать: его репутация великого зельедела трещит по всем швам. При первом обходе подземелья Дивангард с надеждой заглянул в его котел, готовясь, как всегда, восторженно ахнуть, но вместо этого отдернул голову и закашлялся, когда ему в нос ударили запах тухлых яиц. Гермиона чуть не лопалась от ехидства; ее давно возмущало, что на зельеделии она все время оказывается на вторых ролях. Сейчас она уже разделила свое зелье на десять компонентов и разливала их по хрустальным флаконам. Чтобы не видеть этого возмутительного зрелища, Гарри склонился над учебником Принца-полукровки и с ненужной силой стал листать страницы.

Вот оно! Поверх длинного списка противоядий было нацарапано:

Просто сунуть в глотку безоар.

Пару секунд Гарри непонимающе смотрел на эту фразу. Кажется, когда-то он уже слышал про безоары. Разве не о них упоминал Злей на

самом первом уроке? «Камень извлекается из желудка козла и спасает от большинства ядов».

Это не решало задачу Наглотайса, и при Злее Гарри ни за что не осмелился так поступить, но ситуация требовала отчаянных мер. Он подбежал к шкафу и принялся рыться в рогах единорога и связках сушеных трав, пока не нашел у самой стены картонную коробочку с надписью «Безоары».

Он открыл ее в тот момент, когда Дивангард прокричал:

– Осталось две минуты!

Внутри лежало шесть сморщеных коричневых камешков, которые больше напоминали сушеные человеческие почки. Гарри схватил один, запихнул коробку назад в шкаф и стремглав кинулsя к своему котлу.

– Время... ВЫШЛО! – добродушно возвестил Дивангард. – Посмотрим на ваши успехи! Блейз... что у тебя?

Дивангард медленно шел по классу, внимательно изучая противоядия. Никто не успел закончить задание, хотя Гермиона и попыталась впихнуть в свой флакон еще несколько ингредиентов. Рон совершенно сдался и только старался не вдыхать отвратительные пары, вырывавшиеся из его котла. Гарри стоял и ждал, пряча безоар в немного вспотевшей руке.

К их столу Дивангард подошел в последнюю очередь. Он понюхал зелье Эрни и с гримасой переместился к котлу Рона. Там он не задержался ни секунды и отпрянул, подавляя рвотный позыв.

– Теперь ты, Гарри, – сказал он. – Что ты мне покажешь?

Гарри протянул ему на ладони безоар.

Дивангард молча смотрел секунд десять, не меньше. Гарри уже испугался, что учитель сейчас на него закричит, но Дивангард откинулся голову назад и громко расхохотался.

– Каков, однако! – прогремел он, взяв безоар и показывая его классу. – Ну просто вылитая мать... нет, не могу на тебя сердиться... бе зоар, безусловно, служит антидотом ко всем этим зельям!

Гермиона, с потным лицом и сажей на носу, раздулась от ярости. Незаконченное противоядие, которое состояло из пятидесяти двух компонентов, включая клок ее собственных волос, желеобразно пузырилось за спиной у Дивангарда, но тот не замечал ничего, кроме Гарри.

– Сам додумался, да, Гарри? – сквозь зубы процедила Гермиона.

— Вот вам нетривиальный подход истинного зельедела! — воскликнул довольный Дивангард, не дожидаясь ответа Гарри. — Совсем как Лили… интуитивное чутье… никуда не денешься, гены… да, Гарри, да, если есть бэзоар, это конечно же решает дело… Тем не менее он годится не для всего и вообще очень редок, поэтому знать, как готовятся противоядия, вовсе не помешает…

Больше Гермионы негодовал, пожалуй, только Малфой, который, как злорадно отметил Гарри, облился чем-то вроде кошачьей блевотины. Однако оба не успели возмутиться тем, что Гарри оказался лучше всех, вовсе не работая, поскольку зазвонил колокол.

— Пора собираться! — воскликнул Дивангард. — Кстати, десять баллов «Гриффиндору» дополнительно — за чистую дерзость!

Не переставая кудахтать от смеха и переваливаясь с боку на бок, он направился к своему столу.

Гарри медлил, невообразимо долго складывая вещи в рюкзак. Ни Рон, ни Гермиона, уходя, не пожелали ему удачи; оба весьма недовольно кривились. Наконец в классе не осталось никого, кроме Гарри и Дивангарда.

— Ну же, Гарри, опоздаешь на следующий урок, — добродушно проговорил Дивангард, защелкивая золотые замочки на портфеле из драконьей кожи.

— Сэр, — сказал Гарри, отчетливо напомнив сам себе Вольдеморта, — я хотел вас кое о чем спросить.

— Тогда спрашивай скорей, мой мальчик, спрашивай…

— Сэр, мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об… окаянтах?

Дивангард застыл. Его круглые щеки обвисли. Он облизал губы и хрипло произнес:

— Что ты сказал?

— Я спросил, знаете ли вы что-нибудь об окаянтах, сэр. Понимаете…

— Тебя Думблдор подоспал, — прошептал Дивангард.

Его голос совершенно переменился — ни малейшей благостности, лишь потрясение и ужас. Дивангард неверными пальцами полез в нагрудный карман, достал носовой платок и вытер вспотевший лоб.

— Думблдор показал тебе… воспоминание, — сказал он. — А? Ведь так?

— Да, — кивнул Гарри, решив, что лучше не врать.

— Конечно, — тихо пробормотал Дивангард, не переставая промокать побелевшее лицо. — Разумеется... Что же, Гарри, если ты видел воспоминание, то знаешь, что об окаянтах мне не известно ничего — ровным счетом *ничего*, — с силой повторил он, схватил драконий портфель, сунул платок в карман и решительно направился к двери.

— Сэр! — в отчаянии воскликнул Гарри. — Я просто подумал, может, было что-то еще...

— Вот как? — отозвался Дивангард. — Ну, так ты ошибся, ясно? **ОШИБСЯ!**

Гарри и пикнуть не успел, как учитель, грозно проревев последнее слово, захлопнул за собой дверь подземелья.

Узнав о провале предприятия, ни Рон, ни Гермиона не выказали никакого сочувствия. Гермиона кипела из-за того, что Гарри прославился благодаря безделью, а Рон обиделся, что Гарри не взял безоар и на его долю.

— Представь, как глупо это бы выглядело, если б мы оба вдруг до такого додумались! — раздраженно вскричал Гарри. — Мне ведь надо было подлизаться к нему, чтобы расспросить про Вольдеморта! И, слушай, возьми себя в руки! — досадливо бросил он, увидев, что Рон испуганно сморщился.

Огорченный неудачей и обидами друзей, Гарри не один день мрачно раздумывал, как поступить с Дивангардом. И в конце концов решил перед новой атакой усыпить его бдительность, сделав вид, будто начисто забыл об окаянтах.

Итак, Гарри затаился. Дивангард снова к нему потеплел и, похоже, выкинул неприятный инцидент из головы. Гарри дождался приглашения на очередную вечеринку, решив, что на этот раз примет его, даже если придется перенести тренировку. Увы, приглашения не было. Гарри поинтересовался у Гермионы и Джинни: те тоже ничего не получали, как, по их сведениям, и все остальные. Может, поневоле заподозрил Гарри, Дивангард вовсе не так забывчив, а просто прячется от расспросов?

Между тем библиотека «Хогварца» впервые в жизни подвела Гермиону. Это ее так потрясло, что она забыла о своей обиде на Гарри.

— Я не нашла ни единого упоминания о том, для чего нужны твои окаянты! — возмущалась она. — Ни единого! Я прочесала весь

Закрытый отдел! И представляешь, даже в самых *кошмарных* книгах про самые *чудовищные* зелья – ничего! Нашла только вот... в предисловии к «Магике самонаижутчайшей»... слушай: «Об окаянтах, злоказненнейшем из всех чаровских измышлений, мы ни говорить, ни даже намекать не станем»... Спрашивается, зачем вообще писали?! – досадливо воскликнула она и захлопнула старинную книгу; та взвыла, как привидение. – Ой, да заткнись ты ради всего святого! – прикрикнула Гермиона и сунула книгу в рюкзак.

С приходом февраля снег растаял и морозы сменились пронизывающей сыростью. Над замком висели тяжелые серо-лиловые тучи; непрерывные ледяные дожди совершенно размыли газоны. Но в этом были и плюсы: первый урок аппарирования, назначенный на субботнее утро, чтобы ребята не пропускали обычных занятий, прошел не на улице, а в Большом зале.

Явившись туда, Гарри и Гермиона (Рон сопровождал Лаванду) увидели, что столы исчезли. В высокие окна хлестали струи дождя; на зачарованном потолке мрачно клубились тучи. Шестиклассники выстроились перед профессором Макгонаголл, Злеем, Флитвиком, Спарж – кураторами колледжей – и маленьким колдуном, видимо, министерским инструктором аппарирования. Бесцветный, с легчайшим облачком волос и прозрачными ресницами, он выглядел настолько нематериальным, что грозил исчезнуть с первым же порывом ветра. Гарри подумал, что, наверное, этот человек от постоянных исчезновений каким-то образом уменьшился, хотя, возможно, дело обстояло проще: хрупкое сложение идеально подходило для аппарирования. Когда все построились и кураторы добились тишины, министерский колдун заговорил.

– Доброе утро, – сказал он. – Меня зовут Уилки Тутитам. Ближайшие три месяца я буду учить вас аппарированию и, надеюсь, за это время сумею подготовить к экзамену...

– Малфой, стойте тихо и слушайте! – рявкнула профессор Макгонаголл.

Все повернули головы к Малфою. Он в гневе тускло покраснел и отступил от Краббе, с которым, по всей видимости, до этого яростно спорил. Гарри глянул на Злея. Тот тоже негодовал, но, скорее всего, не из-за дурного поведения Малфоя, а потому, что Макгонаголл отчитала его подопечного.

— …который многие успешно сдадут с первого раза, — как ни в чем не бывало продолжал Тутитам. — Вы, вероятно, знаете, что обычно на территории «Хогварца» аппарировать невозможно. Однако директор снял заклятие, всего на один час и в пределах Большого зала, чтобы вы могли попрактиковаться. Подчеркну: проникнуть за стены зала нельзя и с вашей стороны было бы крайне неблагоразумно пробовать. А теперь я бы попросил вас разойтись — так, чтобы перед каждым оказалось пять футов свободного пространства.

Ребята зашумели, задвигались, толкаясь и сражаясь за места. Кураторы расхаживали между учениками, переставляли их, унимали споры.

— Гарри, куда ты? — крикнула Гермиона.

Гарри не ответил. Он быстро пробирался сквозь ряды соучеников — мимо профессора Флитвика, который, что-то пища, расставлял вранзорцев, боровшихся за место впереди; мимо профессора Спарж, ловко выстраивавшей хуффльпуффцев в линейку. Наконец, обогнув Эрни Макмиллана, Гарри оказался позади всех, прямо за Малфоем. Тот, пользуясь всеобщей суматохой, воинственно спорил с Краббе, который стоял в пяти футах от него.

— Не знаю, сколько еще, ясно? — огрызнулся Малфой, не догадываясь, что за спиной стоит Гарри. — Все идет медленней, чем я думал.

Краббе открыл было рот, но Малфой уже догадался, что тот хочет сказать.

— Зачем, тебя не касается, Краббе, вы с Гойлом делайте, что велено! Стойте на стреме, и все!

— А я всегда объясняю друзьям, почему они должны стоять на стреме, — заметил Гарри негромко, но так, чтобы Малфой услышал.

Малфой крутанулся на месте, его рука метнулась к волшебной палочке, но тут все четверо кураторов закричали: «Тихо!» — и в зале воцарилась тишина. Малфой медленно повернулся к инструктору.

— Спасибо, — сказал Тутитам. — А сейчас…

Он взмахнул палочкой, и на полу перед каждым школьником появились старинные деревянные кольца.

— При аппарировании важно помнить правило трех «Н»! — объявил Тутитам. — Направление, настрой, неспешность! Шаг первый:

направьте все мысли туда, где хотите оказаться. В данном случае – на внутреннюю часть кольца. Прошу вас, сосредоточьтесь.

Все украдкой оглянулись, проверяя, чем заняты остальные, а потом уставились на кольца. Гарри пристально смотрел на пыльный круг пола в деревянной раме, изо всех сил пытаясь не думать ни о чем другом. Выяснилось, что это невозможно, – он не мог выкинуть из головы мысли о Малфое и о том, зачем ему нужны дозорные.

– Шаг второй, – продолжил Тутитам. – Настройтесь на необходимость оказаться в том месте, которое представляете! Пусть стремление попасть туда переполнит ваш мозг и распространится по всему телу!

Гарри покосился по сторонам. Слева Эрни Макмиллан так впивался глазами в кольцо, что его лицо побагровело; он как будто собирался снести яйцо размером с Кваффл. Гарри подавил смех и поскорей перевел взгляд на собственное кольцо.

– Шаг третий, – прокричал Тутитам, – только по команде... повернитесь на месте, прочувствуйте путь в никуда и, главное, двигайтесь *несспешно*! Итак, по команде... раз...

Гарри еще раз огляделся; многие явно испугались, что надо так сразу аппарировать.

– ...два...

Гарри опять постарался сфокусироваться на кольце; правило трех «Н» он уже забыл.

– ТРИ!

Гарри крутанулся, потерял равновесие и чуть не упал. И не он один. В Большом зале все вдруг зашатались; Невилл рухнул навзничь; зато Эрни Макмиллан, совершив нелепый пируэт, впрыгнул в кольцо и стоял там весьма довольный, пока не заметил хохочущего Дина Томаса.

– Ничего, ничего, – сухо сказал Тутитам, видимо, иного и не ожидавший. – Поправьте кольца, пожалуйста, и вернитесь на исходную позицию...

Вторая попытка оказалась ничем не лучше первой. Третья – тоже: ничего впечатляющего. На четвертой вдруг раздался страшный вопль. Все в ужасе оглянулись и увидели, что Сьюзен Боунс из «Хуффльпуффа» кое-как держится в кольце, а ее левая нога стоит в пяти футах от нее, там, откуда она переместилась.

Кураторы устремились к ней; раздался громкий хлопок, и вырос клуб фиолетового дыма, который, рассеяввшись, открыл взорам всхлипывающую Сьюзен. Ее нога вернулась на место, но бедняжка страшно перепугалась.

— Разомклинч, или отделение произвольных частей тела, — бесстрастно произнес Уилки Тутитам, — происходит при отсутствии должного *настроя*. Вы должны постоянно помнить о *направлении* и двигаться не торопясь, *неспешно*... вот так.

Инструктор сделал шаг вперед и грациозно повернулся, раскинув руки. Взметнулась мантия, он исчез и тут же появился у дальней стены.

— Помните правило трех «Н», — сказал он, — и попробуйте снова... раз... два... три...

Но и час спустя разомклинч Сьюзен оставался самым интересным событием всего занятия. Тутитама это нисколько не обескуражило. Застегнув плащ у горла, он невозмутимо промолвил:

— До следующей субботы, ребята, и не забывайте. Направление. Настрой. Неспешность.

С этими словами он взмахнул палочкой, убрал кольца и вместе с профессором Макгонаголл вышел из зала. Школьники сразу двинулись к выходу; загудели голоса.

— У тебя получилось? — спросил Рон, подбегая к Гарри. — В последний раз я, кажется, что-то почувствовал — в ноге закололо.

— Наверно, кроссовки жмут, Ронюсик, — произнес голос у них за спиной. Мимо, противно ухмыляясь, прошествовала Гермиона.

— А я ничего не почувствовал, — сказал Гарри, не обращая на нее внимания. — Но мне это сейчас безразлично...

— Что значит «безразлично»? — не поверил Рон. — Ты что, не хочешь научиться аппарировать?

— Да уж не мечтаю. Мне больше нравится летать, — ответил Гарри и оглянулся через плечо, разыскивая взглядом Малфоя. Они с Роном вышли в вестибюль, и он убыстрял шаг. — Слушай, давай скорей, я хочу кое-что сделать...

Вместе с недоумевающим Роном он почти бегом вернулся в гриффиндорскую башню. На четвертом этаже их ненадолго задержал Дрюзг, который заблокировал дверь и отказывался пропускать школьников, если на них вместо шапок не загорятся штаны, но Гарри и

Рон попросту повернули обратно и воспользовались одним из проверенных коротких путей. Не прошло и пяти минут, как они уже карабкались в дыру за портретом.

– Ты когда-нибудь объяснишь, что мы делаем? – пропыхтел Рон.

– Иди за мной, – вместо ответа сказал Гарри, пересек гостиную и направился к двери в спальню.

Там, как он и надеялся, было пусто. Гарри распахнул сундук и начал перебирать вещи. Рон нетерпеливо следил за ним.

– Гарри…

– Малфой использует Краббе и Гойла как часовых. Он только что пререкался об этом с Краббе. Я хочу выяснить… ага.

Он нашел, что искал: сложенный пергамент, на первый взгляд совершенно чистый. Гарри развернул его, разгладил и постучал по нему кончиком волшебной палочки.

– *Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего…* во всяком случае, Малфой не затевает.

На пергаменте возникла Карта Каверзника с детальным планом всех этажей замка. По ней двигались черные поименованные точечки – обитатели «Хогварца».

– Помоги отыскать Малфоя, – попросил Гарри.

Он положил карту на свою кровать, и они с Роном склонились ближе.

– Вот! – сказал Рон спустя пару минут. – В слизеринской гостиной, смотри… Он, Паркинсон, Цабини, Краббе и Гойл…

Гарри взорвался на карту в страшном разочаровании, но почти сразу взял себя в руки.

– С сегодняшнего дня я буду за ним следить, – объявил он. – И как только увижу в неподложенном месте с Краббе и Гойлом на часах, сразу под плащ-невидимку – выяснить, что…

Гарри замолк: в спальню вошел Невилл. Он принес с собой острый запах горелого и полез в сундук за новыми штанами.

Гарри твердо нацелился поймать Малфоя, однако следующие две недели ему решительно не везло. Он то и дело смотрел на карту, на переменах лишний раз забегал в туалет, но ни разу не застал Малфоя за чем-нибудь подозрительным. Краббе и Гойл действительно чаще обычного шатались по замку и, бывало, неподвижно стояли в пустых коридорах, но тогда Малфоя не только не оказывалось рядом – он

вообще исчезал с карты. Все это было очень загадочно. Гарри раздумывал, не покидает ли Малфой территорию школы, но не понимал, как такое возможно при новых сверхстрогих мерах безопасности. Оставалось только предположить, что он теряет Малфоя среди сотен других точек. Ну а то, что Малфой, Краббе и Гойл раньше были неразлучны, а теперь каждый сам по себе, – так это ведь случается с возрастом, грустно думал Гарри. Рон с Гермионой – живое тому доказательство.

Близился март. Погода не менялась, за одним исключением: стало не только сыро, но и ветрено. В общих гостиных, к крайнему возмущению школьников, развесили объявления о том, что прогулка в Хогсмед отменяется. Рон пришел в ярость.

– В мой день рождения! – кричал он. – Я так ждал!

– В общем-то, не сказать, что сюрприз, – заметил Гарри. – После случая с Кэти.

Она все еще лежала в больнице. А «Оракул» сообщал о новых исчезновениях – в том числе родственников учащихся «Хогварца».

– Но теперь остается ждать только дурацкого аппарирования! – ворчал Рон. – Тоже мне удовольствие...

После трех занятий трудности с аппарированием продолжались, и еще несколько человек умудрились разомклиниться. Разочарование росло вместе с недобрными чувствами к Уилки Тутитаму и его трем «Н», из-за которых ему присвоили множество прозвищ. Самыми приличными были Нафиган и Навозная Башка.

Утром первого марта Гарри разбудили шумные сборы Дина и Шеймаса на завтрак.

– С днем рождения, Рон, – сказал он, едва те ушли. – Получи подарочек.

Он швырнул сверток Рону на кровать в дополнение к небольшой стопке, которую, видимо, ночью принесли эльфы.

– Угу, – сонно буркнул Рон и начал разрывать обертку.

Гарри встал и полез в сундук за Картой Каверзника; он каждый раз ее прятал. Перевернув полсундука, он извлек ее из-под свернутых носков, в которых хранил фортуну фортунату, отнес в постель, постучал по пергаменту и тихо, чтобы не услышал Невилл, как раз проходивший мимо изножья кровати, пробормотал:

– Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего.

– Красивые, Гарри! – восторженно крикнул Рон, размахивая новыми квидишными перчатками.

– Пользуйся, – рассеянно отозвался Гарри, внимательно осматривая спальню «Слизерина». – Эй... кажется, его нет в постели...

Рон не ответил; он был слишком занят подарками и все время восхищенно ахал.

– Отличный улов в этом году! – провозгласил он, предъявляя тяжелые золотые часы с непонятными символами по краю и крохотными движущимися звездочками вместо стрелок. – Видишь, что мама с папой подарили? Пожалуй, надо устроить совершеннолетие и на следующий год тоже...

– Правильно, – пробормотал Гарри, удостоив часы мимолетного взгляда, и снова уставился на карту. Где же Малфой? Он не завтракает в Большом зале... его нет у Злея, который восседает в своем кабинете... нет ни в одном из туалетов и в лазарете...

– Хочешь? – невнятно промычал Рон, протягивая Гарри коробку шоколадных котлокексов.

– Нет, спасибо. – Гарри поднял глаза. – Малфой опять пропал!

– Никак не мог, – помотал головой Рон, засунул в рот второй котлокекс, вылез из кровати и начал одеваться. – Давай-ка поторопись, а то тебе придется аппарировать на пустой желудок... впрочем, может, так легче...

Рон задумчиво уставился на коробку котлокексов, пожал плечами и сунул в рот третий.

Гарри постучал по карте волшебной палочкой со словами: «Проделка удалась», хотя это была неправда, и оделся, не переставая напряженно размышлять. Есть же объяснение странным Малфоевым исчезновениям, только, увы, совершенно неясно какое. Конечно, проще бы всего проследить за ним, но даже с плащом-невидимкой это практически невыполнимо; у Гарри уроки, тренировки, домашние задания, аппарирование. А если что-то пропустить, его отсутствие обязательно заметят.

– Готов? – спросил он Рона.

На полпути к двери Гарри понял, что тот даже не пошевелился. Он стоял, опираясь на стойку балдахина, и остекленело смотрел в залитое дождем окно.

– Рон? Завтрак.

– Я не голоден.

Гарри удивленно уставился на него:

– Ты же только что говорил?..

– Ладно, я спущусь с тобой, – вздохнул Рон, – но есть не буду.

Гарри подозрительно на него посмотрел:

– Сожрал полкоробки котлокексов?

– Не в том дело. – Рон опять вздохнул. – Ты… ты не поймешь.

– Где уж мне, – ответил порядком заинтригованный Гарри и направился к двери.

– Гарри! – внезапно позвал Рон.

– Что?

– Это нестерпимо!

– Что нестерпимо? – Гарри заволновался. Рон был бледен и выглядел так, словно его сейчас вырвет.

– Я не могу перестать думать о ней! – хрипло выдавил Рон.

Гарри воззрился на него в ужасе. Он такого не ожидал и не очень-то хотел слушать. Они, конечно, друзья, но, если Рон начнет называть Лаванду «Лавлюсик», придется показать зубы.

– Это же не мешает завтракать, – сказал Гарри, пытаясь придать происходящему толику здравого смысла.

– Она не знает о моем существовании, – в отчаянии всплеснув руками, вымолвил Рон.

– Знает, и еще как, – потрясенно возразил Гарри. – Она все время с тобой целуется, забыл?

Рон моргнул:

– Ты о ком?

– А *ты* о ком? – спросил Гарри. Ему все отчетливее казалось, что они оба сошли с ума.

– О Ромильде Вейн, – прошептал Рон, и его лицо засветилось, словно под ярким солнцем.

Минуту-другую они молча смотрели друг на друга. Потом Гарри сказал:

– Это шутка, да? Ты шутишь.

– Гарри, кажется… я люблю ее, – сдавленно признался Рон.

– Очень хорошо. – Гарри подошел к Рону и внимательней заглянул в его остекленевшие глаза и обескровленное лицо. – Отлично… скажи это еще раз, но теперь серьезно.

— Я люблю ее, — чуть слышно повторил Рон. — Ты видел, какие у нее волосы, черные, блестящие, шелковистые... а глаза? Большие черные глаза? А...

— Ужасно смешно и все такое, — нетерпеливо перебил Гарри, — только шутка затянулась. Хватит.

Он успел сделать пару шагов к двери, но вдруг получил мощный удар по правому уху. Пошатнувшись, он оглянулся. Рон, с искаженным от ярости лицом, снова отводил кулак, готовясь ударить еще раз.

Гарри отреагировал инстинктивно; палочка будто сама вылетела из кармана, а в мозгу прозвучало заклинание: «Левикорпус!»

Рон закричал. Его вздернуло за пятку; он беспомощно болтался в воздухе вверх ногами, мантия свисала ему на голову.

— За что? — взревел Гарри.

— Ты оскорбил ее! Назвал это шуткой! — завопил Рон. Кровь приливалась к его лицу, и оно медленно багровело.

— Бред какой-то! — воскликнул Гарри. — Что на тебя на?..

Тут он увидел на кровати Рона открытую коробку, и его словно тролль по голове треснул.

— Откуда ты взял котлокексы?!

— Это подарок на день рождения! — выкрикнул Рон, пытаясь освободиться и медленно бултыкаясь в воздухе. — Я же их тебе предлагал?

— Ты подобрал их с пола?

— Они упали с моей кровати, ясно? Отпусти!

— Они не с кровати упали, балда! Это же моя коробка, я вынул из сундука, когда искал карту. Мне Ромильда подарила на Рождество! Они же напичканы любовным зельем!

Из всего этого Рон услышал только одно слово.

— Ромильда? — пролепетал он. — Ты сказал «Ромильда»? Гарри... ты ее знаешь? А меня можешь познакомить?

Перевернутое лицо Рона озарилось безумной надеждой. Гарри смотрел на него, еле сдерживая смех. Какая-то его часть — ближайшая к пульсирующему от боли уху — ужасно хотела отпустить Рона и посмотреть, что он будет творить, пока не выветрится зелье... но, с другой стороны, они друзья, Рон был не в себе, когда напал, и Гарри заслужит второй удар по уху, если позволит Рону поклясться Ромильде Вейн в вечной любви.

— Конечно, познакомлю, — пообещал он, лихорадочно соображая. — Я сейчас тебя спущу, хорошо?

Он с грохотом уронил Рона на пол (все-таки ухо болело очень сильно), но тот моментально вскочил, улыбаясь во весь рот.

— Она в кабинете Дивангарда, — уверенно сказал Гарри и пошел к двери.

— Зачем она там? — встревоженно спросил Рон, торопясь за ним.

— У нее... дополнительные занятия по зельеделию, — на ходу сочинил Гарри.

— Может, я тоже с ней позанимаюсь? — мечтательно произнес Рон.

— Отличная мысль, — похвалил Гарри.

У дыры за портретом их ждало непредвиденное осложнение в лице Лаванды.

— Опаздываешь, Ронюсик, — надула губки она. — У меня для тебя пода...

— Оставь меня в покое, — нетерпеливо отмахнулся Рон. — Гарри сейчас познакомит меня с Ромильдой Вайн.

Ничего ей больше не сказав, Рон пролез в дыру. Гарри с извиняющимся видом посмотрел на Лаванду, но той, видно, показалось, что он над ней потешается, настолько оскорбленным стало ее лицо. Потом портрет Толстой Тети захлопнулся.

Гарри опасался, как бы Дивангард не ушел завтракать, но тот открыл дверь после первого же стука. На нем был зеленый бархатный халат и такой же ночной колпак. Он сонно похлопал глазами и промямлил:

— Гарри... ты так рано... по субботам я обычно сплю допоздна...

— Профессор, мне ужасно жаль вас беспокоить, — как можнотише сказал Гарри, сдерживая Рона, который приподнимался на цыпочках и пытался заглянуть Дивангарду за спину, в комнату, — но мой друг Рон по ошибке проглотил любовное зелье. Вы не можете приготовить противоядие? Я бы отвел его к мадам Помфри, но нам не разрешают держать товары из «Удивительных Ультрафокусов Уизли» и... ну, вы понимаете... расспросы...

— Но ты и сам мог бы приготовить. Ты же опытный зельедел, — проговорил Дивангард.

— Эмм, — замычал Гарри. Рон толкал его локтем под ребра, пытаясь прорваться в комнату, и это немного отвлекало. — Видите ли, сэр... я

никогда не делал противоядия к любовному зелью... пока я все приготовлю как надо, Рон может что-нибудь натворить...

Словно в подтверждение его слов, Рон простонал:

– Я не вижу ее, Гарри... Он что, ее прячет?

– А зелье случайно не просрочено? – Дивангард поглядел на Рона уже с профессиональным интересом. – Бывает, со временем они становятся крепче.

– Это бы многое объяснило, – задыхаясь, проговорил Гарри. Ему приходилось буквально бороться с Роном, чтобы тот не сшиб Дивангарда с ног. – У него сегодня день рождения, профессор, – умоляющее добавил он.

– Ладно, входите, – сдался Дивангард. – Все необходимое у меня в сумке, противоядие не сложное...

Рон влетел в дверь жарко натопленного, заставленного мебелью кабинета, споткнулся о ни зеньку скамеечку с кисточками, с трудом удержался на ногах, схватив Гарри за шею, и про бормотал:

– Она этого не видела, нет?

– Она еще не пришла, – сказал Гарри, глядя на Дивангарда. Тот открыл набор для приготовления зелий и принял насыпать по щепотке того-сего в хрустальный флакончик.

– Это хорошо, – горячечно произнес Рон. – Как я выгляжу?

– Фантастически, – невозмутимо заверил Дивангард, протягивая Рону стакан с прозрачной жидкостью. – Выпей, это тонизирующее, укрепляет нервы... поможет успокоиться перед ее приходом, ну, сам понимаешь.

– Здорово, – обрадовался Рон и шумно проглотил противоядие.

Гарри и Дивангард внимательно за ним наблюдали. Еще мгновение Рон сиял; затем улыбка очень медленно сползла с его лица, уступив место крайнему ужасу.

– Что, опомнился? – усмехнулся Гарри. Дивангард хихикнул. – Спасибо огромное, профессор.

– Не за что, мой мальчик, не за что, – отозвался тот. Рон с гримасой отчаяния рухнул в ближайшее кресло, а Дивангард поспешил к столику, заставленному напитками. – Ему надо что-нибудь выпить для поднятия настроения. Так, у меня есть усладэль, вино... последняя бутылка меда, настоящего в дубовых бочках... хмм... хотел подарить Думблдору на Рождество... а, ладно... – Дивангард пожал плечами, –

он не знает и не обидится! Давайте-ка откроем ее и отпразднуем день рождения мистера Уизли? Ничто так не облегчает страданий неразделенной любви, как изысканный мед...

Он смешливо закурлыкал, и Гарри присоединился к нему. С неудачной попытки добыть истинное воспоминание они с Дивангардом впервые оказались практически с глазу на глаз. Если хорошее настроение учителя сохранится... если они выпьют достаточно дубового меда...

– Прошу, прошу. – Дивангард протянул Гарри и Рону кубки, а затем отсалютовал своим. – Что ж, поздравляю, Ральф...

– Рон, – шепнул Гарри.

Тот, казалось, даже не слышал тоста, быстро опрокинул кубок и проглотил мед.

Через секунду, через один удар сердца, Гарри осознал, что случилось нечто ужасное, но Дивангард пока еще ничего не понял.

– ...будь здоров и...

– *Рон!*

Рон выронил кубок, полупривстал с кресла – и рухнул, конвульсивно дергая конечностями. Изо рта потекла пена, глаза вылезли из орбит.

– Профессор! – заорал Гарри. – Сделайте что-нибудь!

Но Дивангарда словно парализовало. Рон содрогался, давился и синел.

– Что... но... – лепетал Дивангард.

Гарри перескочил через низенький столик, метнулся к набору для приготовления зелий и принялся выхватывать разные банки и мешочки, слыша ужасное клокотанье в горле Рона. И наконец нашел то, что нужно, – сморщеный, похожий на человеческую почку камень, который Дивангард забрал у него на зельеделии.

Гарри бросился к Рону, насиливо раскрыл ему рот и сунул туда безоар. Рон чудовищно содрогнулся и прерывисто выдохнул, а потом его тело обмякло и замерло.

Глава девятнадцатая

Эльфийский хвост

— Короче, в целом не самый удачный день рож дения, — констатировал Фред.

Наступил вечер; в палате царила тишина, окна были зашторены, лампы зажжены. Рон лежал здесь один, рядом сидели Гарри, Гермиона и Джинни. Они весь деньостояли за двойными дверями лазарета, заглядывая внутрь, едва кто-нибудь входил или выходил. Только в восемь вечера мадам Помфри их впустила. Через десять минут появились близнецы.

— Да уж, не так мы себе представляли вручение даров, — хмуро произнес Джордж. Он положил на тумбочку большой сверток в подарочной упаковке и сел рядом с Джинни.

— Точно, в нашем воображении он был в сознании, — сказал Фред.

— Гуляли мы по Хогсмеду, собирались удивить братика... — продолжал Джордж.

— Вы были в Хогсмеде? — подняв глаза, спросила Джинни.

— Мы подумывали купить «Хохмазин Зонко», — печально пояснил Фред. — Открыть хогсмедское отделение. Только много ли проку, если вас, дураков, туда не пускают... кому тогда продавать товар... впрочем, ладно, сейчас не об этом.

Он придинул стул, сел возле Гарри и посмотрел в бледное лицо Рона.

— Как, значит, это случилось?

Гарри повторил историю, которую рассказывал уже раз сто — Думблдору, Макгонаголл, мадам Помфри, Гермионе и Джинни.

— ...и тогда я сунул ему в горло безоар, он задышал посвободней, Дивангард бросился за помощью, прибежали Макгонаголл и мадам Помфри и отнесли Рона сюда. Они считают, он поправится. Мадам Помфри говорит, он пролежит здесь с неделю, будет принимать сироп сострадалика...

— Повезло еще, что ты сообразил про бэзоар, — тихо сказал Джордж.

— Повезло, что он вообще там нашелся, — отозвался Гарри, который холодел всякий раз, когда думал о том, что было бы, если б этого камешка под рукой не оказалось.

Гермиона, которая целый день была на редкость молчалива, почти неслышно всхлипнула. Утром она, совершенно побелевшая, примчалась к дверям лазарета и потребовала у Гарри отчета о случившемся, но потом почти не принимала участия в горячих спорах об отравлении, которые вели Гарри и Джинни. Она лишь стояла рядом, испуганно сжав зубы, пока наконец их не пропустили к больному.

— Мама с папой знают? — спросил Фред у Джинни.

— Они тут уже были, с час назад... сейчас в кабинете у Думбльдора и скоро вернутся...

Рон забормотал во сне. Все замолчали и посмотрели на него.

— Значит, яд был в меде? — тихо проговорил Фред.

— Да, — с готовностью подтвердил Гарри; он не мог вообразить ничего другого и был рад возможности еще раз все обсудить. — Дивангард разлил его по кубкам...

— А он не мог незаметно от тебя что-нибудь подсыпать?

— Мог, — сказал Гарри, — но зачем?

— Понятия не имею, — нахмурился Фред. — Вам не кажется, что он случайно перепутал кубки? А целил в тебя?

— Зачем Дивангарду травить Гарри? — удивилась Джинни.

— Не знаю, — сказал Фред, — по идее куча народу наверняка мечтает его извести. Он же Избранный и все такое.

— Думаешь, Дивангард — Упивающийся Смертью? — спросила Джинни.

— Все возможно, — мрачно ответил Фред.

— Может, он под проклятием подвластия, — произнес Джордж.

— А может, он ни при чем, — сказала Джинни. — Яд могли налить в бутылку, и тогда он предназначался для самого Дивангарда.

— Кому нужно убивать Дивангарда?

— Думбльдор считает, что Вольдеморт сам хотел его заполучить, — вмешался Гарри. — До «Хогварца» Дивангард целый год скрывался. Может... — он подумал о таинственном замутненном воспоминании, — Вольдеморт хочет его убрать, чтобы он не принес пользы Думбльдору.

– Но ты говорил, что Дивангард хотел подарить эту бутылку Думблдору на Рождество, – напомнила Джинни. – Значит, предполагаемой жертвой мог быть и Думблдор.

– В таком случае отравитель плохо знал Дивангарда. – Гермиона заговорила впервые за несколько часов, и ее голос звучал как при сильной простуде. – Иначе сообразил бы, что вкусненькое он прибережет для себя.

– Ер-мо-на, – неожиданно простонал Рон.

Все притихли, устремив на него тревожные взгляды, но Рон пролепетал нечто неразборчивое и захрапел.

Внезапно распахнулась дверь, и все вздрогнули от испуга. В палату широченными шагами ворвался Огрид в развевающейся медвежьей шубе, с арбалетом в руках и капельками дождя в шевелюре. За ним оставались огромные, размером с дельфина, грязные следы.

– Цельный день в лесу! – задыхаясь, выпалил он. – Арагогу похужело, я ему сказки читал... только-только на ужин пришел, а профессор Спарж меня и огорошила!.. Как Рон?

– Ничего, – сказал Гарри. – Поправится.

– Не больше шести посетителей за раз! – воскликнула мадам Помфри, выбегая из своего кабинета.

– С Огридом нас как раз шесть, – заметил Джордж.

– А-а... да... – проворчала мадам Помфри. Видимо, из-за необъятных размеров Огрида она посчитала его за нескольких человек и теперь, чтобы скрыть замешательство, выхватила волшебную палочку и принялась торопливо удалять мокрые следы.

– Никак в ум не возьму, – хрипло проговорил Огрид, глядя на Рона и мотая большой косматой головой. – Вот не верю, и все тут... гляньте... лежит... да кому ж занадобилось его травить?

– О том и речь, – сказал Гарри. – Непонятно.

– Может, на гриффиндорскую команду кто-то зло затаил? – обеспокоенно предположил Огрид. – Сначала Кэти, теперь Рон...

– Команду? – удивился Джордж. – Да кому это в голову взбредет?

– Древ укокошил бы всех слизеринцев, если б знал, что это сойдет ему с рук, – справедливо заметил Фред.

– Бряд ли дело в квидише, но я думаю, между покушениями есть связь, – тихо произнесла Гермиона.

– С чего ты взяла? – спросил Фред.

— Во-первых, они оба не стали смертельными только благодаря счастливой случайности. А во-вторых, ни яд, ни ожерелье, по всей видимости, не попали к предполагаемым жертвам. Конечно, это означает, — добавила она, поразмыслив, — что преступник еще опаснее: ему, похоже, безразлично, сколько людей он прикончит на пути к цели.

Не успело прозвучать это зловещее замечание, как дверь снова отворилась, и в палату влетели мистер и миссис Уизли. В первый свой приход они лишь удостоверились, что Рон поправится; сейчас миссис Уизли обняла Гарри и очень крепко прижалася к себе.

— Думбльдор рассказал нам про бэзоар, — всхлипнула она. — Гарри, Гарри, что тут сказать? Ты спас Джинни... потом Артура... а теперь вот Рона...

— Не стоит... я не... — неловко бормотал Гарри.

— Если подумать, половина нашей семьи обязана тебе жизнью, — сдавленно произнес мистер Уизли. — Да, Гарри... в день, когда Рон решил сесть в твое купе в «Хогварц-экспрессе», всем Уизли крупно повезло.

Гарри решительно не знал, что на это ответить, и почти обрадовался, когда мадам Помфри снова напомнила, что у постели Рона должно находиться не более шести посетителей. Он и Гермиона сразу вскочили, Огрид тоже засобирался. Они оставили Рона с семьей и втроем пошли по коридору к мраморной лестнице.

— Вот жуть, — пророкотал Огрид себе в бороду. — Мильон новых мер, а на детей все одно нападают... Думбльдор убивается, сил нет... ничего не говорит, но я-то вижу...

— А у него нет предположений? — в отчаянии спросила Гермиона.

— С его-то мозгами у него их, поди, сотни, — лояльно ответил Огрид. — Да только и он не знает, кто прислал ожерелье и кто подложил яд, не то б их схватили — верно? Я чего дергаюсь-то. — Огрид понизил голос и посмотрел через плечо (Гарри для верности проверил и потолок: нет ли Дрюзга). — Ежели на детишек и дальше нападать будут, «Хогварцу» долго не протянуть. Это ж вам Тайная комната снова здорово. Опять паника, опять учеников позабирают, не успеешь оглянуться, совет правления соберут и... — Огрид замолчал, пропуская призрак длинноволосой женщины, безмятежно плывший мимо, а потом продолжил хриплым шепотом: — ...закроют нас навсегда.

— Правда могут? — испугалась Гермиона.

— А вы гляньте с ихней точки, — сумрачно изрек Огрид. — Отправлять дите в «Хогварц» — это ж и вообще всегда риск — так? Столько малолетних колдунов толпой взаперти — поневоле жди беды. Но попытка убийства — это дело другое. Мудрено ль, что Думблдор сердится на Зл...

Огрид вдруг встал как вкопанный. На его лице — по крайней мере, той его части, что виднелась над спутанной черной бородой, — нарисовалось знакомое раскаяние.

— Что? — быстро переспросил Гарри. — Думблдор сердится на Злея?

— Я такого не говорил, — ответил Огрид, запаниковав и тем самым окончательно себя выдав. — Гляньте-ка, время сколько, полночь почти, мне уж надо...

— Огрид, почему Думблдор сердится на Злея? — громко повторил Гарри.

— Ш-ш-ш! — испуганно, недовольно шикнул Огрид. — Нечего про такое на всю округу вопить. Ты чего, хочешь, чтоб меня с работы турнули? Хотя какое тебе-то дело, ты ж бросил уход за магическими...

— Не пытайся меня пристыдить, не поможет! — напористо сказал Гарри. — Что сделал Злей?

— Не знаю, Гарри, мне вообще это знать не полагалось! Я... ну, короче, вышел тут как-то вечером из леса и вдруг слышу: разговор... спор как бы. Ну, думаю, лишь бы не заметили. Крадусь мимо, стараюсь не слушать, но они так... разбужились, куда ж мне было...

— И что? — настаивал Гарри. Огрид в замешательстве завозил ножищами.

— Ну... Злей говорил, что Думблдор слишком много принимает как должное и что, может, он — Злей то бишь — больше не хочет это делать...

— Что делать?

— Не знаю, Гарри! Похоже было, как будто Злей перетрудился, и все... а Думблдор ему в ответ: мол, согласился, значит, выполняй. Очень так твердо. А потом еще сказал про расследование, которое Злей ведет в своем колледже, в «Слизерине». Ну, в этом-то ничего странного нет! — воскликнул Огрид, увидев, что Гарри и Гермиона многозначительно переглянулись. — Всем кураторам велели разведывать про ожерелье...

– Да, но с остальными Думблдор не ругался, – заметил Гарри.

– Слушай, Гарри. – Огрид неловко повертел в руках арбалет – раздался треск, и арбалет разломился надвое. – Я знаю, тебе Злей поперек горла… еще понапридумываешь всякого.

– Осторожно, – обронила Гермиона.

Они обернулись – как раз вовремя, чтобы заметить огромную тень Аргуса Филча на стене. Вскоре и сам он вышел из-за угла, горбясь и тряся брылами.

– Ага! – прохрипел он. – Так поздно и не в кроватях! За это – взыскание!

– С какой радости, Филч? – возразил Огрид. – Они со мной.

– Ну и что? – оскорбительно осведомился Филч.

– Я – учитель, Мерлин меня задери, – ясно тебе, швах пронырливый? – сразу вскипел Огрид.

Филч надулся от ярости. Раздалось омерзительное шипение, неизвестно откуда возникла миссис Норрис и гибко обвилась вокруг тощих лодыжек смотрителя.

– Топайте отсюда, – сказал Огрид уголком рта.

Гарри не пришлось упрашивать; они с Гермионой припустили прочь. Вслед неслась громкие голоса Огрида и Филча. На повороте к гриффиндорской башне ребятам встретился Дрюзг, но он радостно спешил на крик, хехекая и распевая:

*Где раздор и где беда,
Дрюзгу нравится всегда!*

Толстая Тетя спала и разворчалась, что ее разбудили, однако распахнулась и пропустила Гарри и Гермиону в общую гостиную, где царило безлюдье и благословенная тишина. Видно, никто пока не знал про Рона. Гарри вздохнул с облегчением: расспросов на сегодня было больше чем достаточно. Гермиона, пожелав ему спокойной ночи, направилась к спальне девочек, а Гарри задержался, сел перед камином и уставился на тлеющие угольки.

Значит, Думблдор ругался со Злеем, накричал на него вопреки всем своим заявлениям о безоговорочном доверии… Значит, он считает, что Злей недостаточно усердно допрашивает слизеринцев… а может быть, одного слизеринца: Малфоя?

Почему же Думбльдор притворялся, будто подозрения Гарри совершенно необоснованы? Боялся, что Гарри натворит глупостей, полезет в это дело сам? Вполне вероятно. Но не исключено и другое: Думбльдор не хочет, чтобы Гарри отвлекался от их занятий или от «домашнего задания» с воспоминанием. Или Думбльдор считает, что нечего делиться подозрениями насчет преподавателей с шестнадцатилетним мальчишкой...

— А, вот и ты, Поттер!

Гарри подскочил от испуга и выхватил палочку. Он был абсолютно уверен, что в общей гостиной никого нет, и не ждал, что над дальним креслом вдруг вырастет чья-то огромная фигура. Приглядевшись, он узнал Кормака Маклаггена.

— Я тебя ждал, — сказал тот, не замечая нацеленной на него волшебной палочки. — Наверно, заснул. Слушай, я видел, что Уизли забрали в лазарет. Вряд ли он поправится к матчу. Это же на следующей неделе.

Гарри отнюдь не сразу понял, о чем речь.

— А... да... квидиш, — пробормотал он, засовывая палочку за ремень джинсов и устало проводя рукой по волосам. — Точно... может и не поправиться.

— А за него буду я, так? — спросил Маклагген.

— Да, — сказал Гарри, — видимо, да...

Он не находил возражений; в конце концов, Маклагген был вторым по результатам отборочных испытаний.

— Отлично, — довольно произнес тот. — Когда тренировка?

— Что? А... завтра вечером.

— Хорошо. Слушай, Поттер, нам надо заранее кое-что обсудить. У меня есть соображения насчет стратегии, они могут пригодиться.

— Здорово, — без энтузиазма ответил Гарри. — Завтра, ладно? А то я порядком устал... пока...

На следующий день новость об отравлении Рона разлетелась по школе, но, в отличие от нападения на Кэти, не вызвала большой сенсации. Считалось, что, если все произошло в кабинете преподавателя зельеделия, это вполне мог быть несчастный случай; к тому же Рону вовремя дали противоядие, и дело кончилось благополучно. В целом гриффиндорцев больше волновал предстоящий матч с «Хуффльпуффом»; многие предвкушали, как Захария Смит,

Охотник хуффль пUFFской команды, понесет заслуженное наказание за свои гнусные комментарии к первому матчу сезона.

А вот Гарри еще никогда не интересовался квидишем так мало. Он буквально помешался на Драко Малфое, при каждом удобном случае проверял Карту Каверзника и, бывало, специально шел туда, где находился Малfoy, однако ни разу не застал его за чем-нибудь подозрительным. И все же порой тот по-прежнему необъяснимо исчезал с карты...

Увы, времени на обдумывание этой загадки было совсем немного, если учесть тренировки, домашнюю работу и то, что Гарри теперь постоянно осаждали Маклагген и Лаванда Браун.

Он даже не знал, кто из них надоел ему больше. Маклагген бомбардировал его намеками на то, что из него Охранник куда лучше Рона и что Гарри, увидев его игру, скоро сам придет к тому же выводу; кроме того, Маклагген охотно критиковал других игроков и заваливал Гарри детальными планами тренировок; Гарри не однажды приходилось напоминать, кто из них капитан.

Лаванда, в свою очередь, постоянно подкрадывалась к Гарри и сразу начинала обсуждать Рона, что было не менее утомительно, чем спортивные лекции Маклаггена. Вначале Лаванда досадовала на то, что никто не догадался сообщить ей о несчастье с Роном, – «Все-таки я его *девушка!*» – но потом, как ни печально, простила Гарри его забывчивость и теперь горела желанием бесконечно и всесторонне обсуждать чувства Рона, хотя Гарри с радостью бы отказался от такой привилегии.

– Слушай, да спроси ты его самого, – сказал Гарри после особенно затяжных приставаний Лаванды, которая хотела знать все, начиная с того, понравилась ли Рону ее новая парадная мантия, и заканчивая тем, уверен ли Гарри, что Рон считает свои отношения с ней «серезными».

– Я бы спросила, только, как ни приду, он все спит! – огорченно ответила Лаванда.

– Да? – удивился Гарри. Его Рон встречал вполне бодро, с нетерпением ждал новостей о Думблдоре и Зле и был готов без устали перемывать кости Маклаггену.

– А Гермиона Грейнджен по-прежнему его навещает? – внезапно осведомилась Лаванда.

— Да, по-моему. Они же друзья, — чувствуя себя неуютно, ответил Гарри.

— Друзья, не смеши меня, — с издевкой сказала Лаванда. — Когда мы начали встречаться, она с ним неделями не разговаривала! А теперь, когда он стал такой *интересный*, она мечтает помириться...

— Его пытались отравить, что тут интересного? — поразился Гарри. — И вообще... — торопливо прибавил он, — прости, мне пора, идет Маклагген, он хотел поговорить о квидише. — И Гарри шмыгнул вбок, в дверь, которая прикидывалась сплошной стеной, и коротким путем помчался на зельеделие, где, к счастью, ни Лаванда, ни Маклагген не могли его достать.

Утром перед матчем против «Хуффльпуффа» Гарри, прежде чем отправиться на стадион, заскочил в лазарет. Рон страшно волновался; мадам Помфри не отпускала его смотреть игру, считая, что он может переутомиться.

— Как успехи Маклаггена? — нервно спросил Рон, видимо забыв, что задавал этот вопрос дважды.

— Я же сказал, — терпеливо повторил Гарри, — будь он хоть звезда мирового масштаба, я бы не оставил его в команде. Он постоянно учит, что кому делать, и вообще считает себя лучше всех. Я сплю и вижу, как бы от него отделаться. Кстати, о тех, от кого надо отделаться. — Он встал и подхватил «Всполох». — Может, перестанешь притворяться, что спишь, когда приходит Лаванда? А то она меня уже до ручки довела.

— А, — смутился Рон, — Да. Конечно.

— Не хочешь больше с ней встречаться, так и скажи, — посоветовал Гарри.

— Да... но... это не так просто, — пробормотал Рон, помолчал и как бы невзначай поинтересовался: — А Гермиона зайдет перед матчем?

— Нет, они с Джинни уже на стадионе.

— Понятно. — Рон потемнел лицом. — Хорошо. Ну, желаю удачи. Надеюсь, ты раздолбаешь Маклаг... то есть Смита.

— Постараюсь, — ответил Гарри, вскидывая на плечо метлу. — Увидимся после матча.

Он быстро шагал по опустевшим коридорам; вся школа была на улице — либо на стадионе, либо на пути туда. Гарри выглядывал в окна, прикидывая, насколько силен ветер, и вдруг услышал впереди шум.

Навстречу шел Малфой с двумя девочками, ужасно недовольными и обиженно надутыми.

При виде Гарри Малфой замер, затем коротко, безрадостно хохотнул и двинулся дальше.

– Куда это ты? – спросил Гарри.

– Спешу и падаю рассказать, Поттер, кому и знать, как не тебе, – издевательски процедил Малфой. – Поторопись лучше, люди ждут Избранного Игрока, мальчика, который забил все на свете, или как там тебя сейчас.

Одна из девочек против воли хихикнула. Гарри удивленно уставился на нее. Она покраснела. Малфой, задев Гарри, прошел мимо. Девочки засеменили за ним, и вскоре вся троица скрылась за углом.

Гарри точно врос в пол. Он стоял и не отрываясь смотрел им вслед. Вот безобразие; он едва успевает на матч, а тут Малфой! Направился по своим делам, пока вся школа на улице: превосходный шанс выяснить, что же у него на уме. Быстро пролетали беззвучные секунды, а Гарри все медлил, застыв и глядя на угол, за которым исчез Малфой...

– Где пропадал? – недовольно спросила Джинни, когда Гарри влетел в раздевалку. Вся команда уже переоделась и подготовилась к выходу; Отбивалы Пикс и Дауж нервно постукивали себе по ногам битами.

– Я встретил Малфоя, – тихо ответил Гарри, натягивая через голову малиновую мантию.

– И что?

– То, что я хотел выяснить, почему он и какие-то две его обожательницы торчат в замке, когда все остальные на стадионе...

– Это так важно именно сейчас?

– Теперь я уже вряд ли узнаю! – бросил Гарри, схватил «Всполох» и поправил очки. – Все, пошли!

Не сказав больше ни слова, он решительно вышел на поле под оглушительные крики с трибун. Ветер был несильный; облачность небольшая; сквозь облака то и дело проглядывало яркое солнце.

– Коварная погодка! – ободрил команду Маклагген. – Пикс, Дауж, летайте против солнца, чтоб они не видели вашего приближения...

— Маклагген, капитан здесь я, хорош раздавать указания, — раздраженно прикрикнул Гарри. — Давай-ка лучше к шестам!

Недовольный Маклагген удалился. Гарри повернулся к Пиксу и Даужу и проворчал:

— Не забудьте, что летать и впрямь надо против солнца.

Он обменялся рукопожатием с хуффльпуффским капитаном, а затем по свистку мадам Самогони оттолкнулся от земли, взмыл в воздух выше своей команды и полетел вокруг поля в поисках Проныры. Если поймать его побыстрее, можно успеть вернуться в замок, взять Карту Каверзника и выяснить, чем занят Малфой...

— Кваффл у Смита из «Хуффльпуффа», — эхом разнесся над стадионом мечтательный голос. — Это он в последний раз комментировал матч... Джинни Уизли налетела прямо на него, специально, я думаю... было на то похоже. Смит довольно грубо отзывался о «Гриффиндоре», а теперь, когда играет против них, наверно, жалеет... ой, смотрите, он упустил Кваффл, Джинни забрала у него мяч, она мне нравится, такая хорошая...

Гарри изумленно воззрился на комментаторскую площадку. Неужели кто-то в здравом уме и твердой памяти пустил туда Луну Лавгуд? Но даже отсюда, с высоты, нельзя было не узнать длинные белые волосы и пробковые бусы... Профессор Макгонаголл взирала на Луну отчасти обескураженно — видимо, и сама уже сомневалась в правильности этого назначения.

— ...но теперь большой хуффльпуффец отобрал у нее Кваффл, не помню, как его зовут, какой-то Библинз... нет, Баггинз...

— Кадваладр! — громко поправила профессор Макгонаголл.

Толпа засмеялась. Гарри огляделся; Проныры не видать. Через мгновение Кадваладр забил гол. Маклагген вопил на Джинни за то, что отдала Кваффл, и в результате не заметил большого красного мяча, который просвистел мимо его правого уха.

— Маклагген, может, займешься своим делом и оставишь всех в покое?! — взревел Гарри, разворачиваясь к своему Охраннику.

— Беру пример с тебя! — возмущенно крикнул в ответ побагровевший Маклагген.

— Гарри Поттер ругается со своим Охранником, — безмятежно сообщила Луна. Хуффльпуффцы и слизеринцы на трибунах глумливо,

ликующе загадали. – Вряд ли это поможет найти Проныру, но, возможно, тут какая-то хитрость...

Ругнувшись, Гарри снова круто развернулся и полетел вокруг стадиона, внимательно озираясь и надеясь на появление крошечного крылатого золотого мячика.

Джинни и Демельза забили по голу, чем порадовали краснозолотых болельщиков. Затем отличился Кадваладр, сравняв счет, но Луна этого не заметила; она решительно не интересовалась такими приземленными вещами, как голы, зато постоянно пыталась привлечь внимание болельщиков к облакам причудливой формы и высказала предположение, что Захария Смит, которому до сих пор не удавалось удерживать Кваффл дольше минуты, страдает загадочным «пораженным прозевом».

– Семьдесят – сорок в пользу «Хуффльпuffa»! – рявкнула профессор Макгонаголл в мегафон Луны.

– Правда, уже? – рассеянно удивилась та. – Ой, смотрите! Гриффиндорский Охранник отнял у Отбивалы биту.

Гарри резко обернулся. И правда, Маклагген по каким-то таинственным соображениям отобрал у Пикса биту и, кажется, показывал, как запустить Нападалу в стремительно приближающегося Кадваладра.

– *Немедленно отдай биту и вернись к шестам!* – взревел Гарри и бросился к Маклаггену. Тот картино размахнулся и неловко попал по мячу.

Ослепляющая, тошнотворная боль... вспышка... отдаленные крики... и вниз, вниз по длинному-предлинному тоннелю...

В следующий миг Гарри открыл глаза в удивительно теплой удобной постели. Над ним был темный потолок и лампа в круге золотистого света. Он с трудом оторвал голову от подушки. Слева улыбалась знакомая веснушчатая физиономия.

– Мило, что ты решил заскочить, – сказал Рон.

Гарри моргнул и огляделся. Конечно: он в лазарете. Небо за окном темно-синее с малиновыми прожилками. Матч давным-давно кончился... надежды выследить Малфоя нет. Голова была странно тяжелой. Гарри поднял руку и ощупал плотный тюрбан из бинтов.

– Что случилось?

— Трещина в черепе. — Мадам Помфри быстро подошла и уложила его на подушки. — Бесспокоиться не о чем, я все сразу залечила, но ты остаешься на ночь. Несколько часов тебе нельзя перенапрягаться.

— Я не хочу на ночь, — возмутился Гарри, сел и сбросил одеяло. — Я хочу найти и убить Маклаггена.

— Боюсь, это и называется «перенапрягаться», — сказала мадам Помфри, властно возвращая его в постель, и угрожающе подняла палочку. — Ты останешься здесь, пока тебя не выпишут, Поттер, или я позову директора.

Она решительно удалилась в свой кабинет, а Гарри, кипя, опустился на подушки.

— Ты знаешь, с каким счетом мы проиграли? — сквозь зубы спросил он Рона.

— Знаю, — извиняющимся тоном ответил тот. — Окончательный счет триста двадцать — шестьдесят.

— Великолепно, — свирепо выплюнул Гарри. — Просто великолепно! Ну, погоди, Маклагген, доберусь я до тебя…

— Зачем тебе этот тролль, — резонно заметил Рон. — Лично я считаю, что стоит обдумать вариант с заклятием Принца, от которого растут ногти. И вообще, до того как ты отсюда выйдешь, с ним разберется команда, они явно не в восторге…

В голосе Рона звучало плохо скрытое ликовение; он был практически счастлив, что Маклагген так облажался. Гарри лежал, уставившись в круг света на потолке; недавно залеченный череп не то чтобы болел, но как-то противно поднывал.

— Мне отсюда было слышно комментарии, — сказал Рон. В его голосе звенел смех. — Надеюсь, Луна теперь всегда будет комментировать… *Пораженческий прозев*…

Но Гарри был слишком зол, чтобы оценить юмор ситуации, и похрюкивание Рона понемногу затихло.

— Кстати, пока ты был без сознания, приходила Джинни, — после долгого молчания сказал он, и воображение тут же унесло Гарри далеко-далеко, туда, где Джинни, рыдая над его бесчувственным телом, признавалась Рону в своих глубоких чувствах, а Рон дарил им свое благословение… — Она говорит, ты еле успел на матч. Почему это? Ты ушел вовремя.

– А-а... – пролепетал Гарри. Сцена перед его мысленным взором взорвалась и исчезла. – Да... Я увидел Малфоя – он отправился куда-то с двумя девчонками, по которым было видно, что их это совершенно не радует. Он уже второй раз не идет на стадион вместе с остальными. Последний матч он тоже пропустил, помнишь? – Гарри вздохнул. – Лучше бы я пошел за ним – игра все равно получилась ни рыба ни мясо...

– Не дури, – резко оборвал Рон. – Пропускать матч из-за какого-то Малфоя! Ты же капитан!

– Я хочу знать, чем он занят, – сказал Гарри. – И не говори, что я все выдумал! После его разговора со Злеем...

– Я никогда и не говорил, что ты все выдумал, – Рон приподнялся на локте и, нахмурившись, поглядел на Гарри, – но нет такого правила, что злодеем может быть только один человек! Ты совсем помешался на Малфое. Это надо же – пропустить матч, чтобы его выследить...

– Я хочу застать его на месте преступления! – досадливо бросил Гарри. – Выяснить, куда он ходит, когда исчезает с карты.

– Не знаю... в Хогсмед? – предположил Рон, зевнув.

– Я ни разу не видел его на карте в секретных проходах. И их, наверное, теперь охраняют?

– Тогда не знаю, – сказал Рон.

Воцарилось молчание. Гарри смотрел в потолок, на круг света от лампы, и размышлял...

Обладай он властью Руфуса Скримджера, установил бы за Малфоем слежку, но, к сожалению, у него под началом нет целого дивизиона авроров... Гарри мимолетно подумал о Д. А., но и тут возникала проблема прогулов; что ни говори, у всех очень плотное расписание...

С кровати Рона донесся тихий рокочущий храп. Потом мадам Помфри вышла из своего кабинета в толстом халате. Гарри решил, что проще всего притвориться спящим; он повернулся на бок и стал слушать, как, повинувшись движению волшебной палочки, закрываются шторы. Лампы сами собой притушили свет, и фельдшерица вернулась к себе; дверь защелкнулась, и Гарри понял, что она легла спать.

Это уже третье попадание в лазарет из-за квидишной травмы, думал в темноте Гарри. В последний раз он упал с метлы из-за дементоров, а до этого у него в руке растворились все кости – спасибо

неизлечимому бездарю профессору Чаруальду... пожалуй, тогда было больнее всего... страшная мука, когда за одну ночь кости отрастают заново... и его страданий отнюдь не облегчил неожиданный визит посреди...

Гарри резко сел. Сердце сильно билось, тюрбан из бинтов съехал набок. Он нашел решение: *есть* все-таки способ выследить Малфоя! Как он мог забыть, почему не подумал об этом раньше?

Вопрос в том, как его вызвать? Что сделать?

Очень тихо, опасливо, Гарри сказал в темноту:

– Шкверчок?

Раздался очень громкий хлопок. Тишину комнаты прорезал жуткий визг и какая-то возня. Рон, вскрикнув, проснулся.

– Что такое?..

Гарри спешно ткнул палочкой в сторону кабинета мадам Помфри и шепнул: «Заглуши!», чтобы она не прибежала на шум. Затем передвинулся на край кровати – посмотреть, что происходит.

Посреди палаты катались по полу два домовых эльфа, один в севшем свекольном джемпере и нескольких шерстяных шапках, другой – в старой грязной тряпке, опоясывающей чресла на манер набедренной повязки. Потом раздался еще один хлопок – и в воздухе над дерущимися эльфами возник полтергейст Дрюзг.

– Я смотрел бой, Потрох! – возмущенно сказал он Гарри, указывая на драку внизу, а затем разразился громким хехеканьем. – Смотрел, как козявки друг друга мутузят... бах-трах... кусь-кусь...

– Шкверчок не смеет оскорблять Гарри Поттера в присутствии Добби, не смеет, или Добби заткнет Шкверчку его мерзкую пасть! – пронзительно кричал Добби.

– Хрясь-дрясь! – радостно вопил Дрюзг, пуляя в эльфов кусочками мела, чтобы разозлить их еще больше. – Щип-щип!

– Шкверчок будет говорить о хозяине что захочет, да-да, и что у него за хозяин, подлый друг мугродья, о, что бы сказала бедная госпожа...

Что именно сказала бы бедная госпожа, узнать не удалось, потому что Добби ткнул в рот Шкверчку шишковатый кулачок и вышиб половину зубов. Гарри и Рон вскочили с кроватей и растащили эльфов; те, впрочем, все равно пытались достать друг друга, подзадориваемые Дрюзгом, который носился вокруг лампы и голосил:

– Пальцы в нос, язык долой да и уши с головой!

Гарри нацелил на Дрюзга волшебную палочку и сказал:

– Ротназамок!

Дрюзг подавился, схватился за горло и вылетел из комнаты – с непристойными жестами, но не в силах произнести ни звука, поскольку его язык приклеился к нёбу.

– Здорово, – одобрил Рон и поднял дрыгающегося Добби в воздух, чтобы тот не дотянулся до Шкверчка. – Тоже Принцев фокус?

– Да, – кивнул Гарри, заламывая морщинистую ручонку Шкверчка ловким полунельсоном. – Так, все... запрещаю драться! Понял, Шкверчок? Тебе запрещается драться с Добби. Добби, я знаю, что не могу тебе приказывать...

– Добби – свободный домовой эльф и может повиноваться кому хочет! Добби сделает все, что прикажет Гарри Поттер! – отчеканил Добби. По сморщенному лицу прямо на джемпер потекли слезы.

– Очень хорошо, – сказал Гарри, и они с Роном отпустили эльфов. Те упали на пол, но дрались уже не пытались.

– Хозяин звал меня? – прокаркал Шкверчок, склоняясь в низком поклоне, но окинул Гарри взглядом, в котором ясно читалось пожелание скорейшей и мучительной смерти.

– Да, звал, – ответил Гарри и глянул на дверь кабинета мадам Помфри, проверяя, не выветрилось ли заклинание; по всей видимости, потасовки она не слышала. – Для тебя есть работа.

– Шкверчок сделает все, что прикажет хозяин, – эльф согнулся так низко, что его губы едва не касались заскорузлых пальцев ног, – потому что у Шкверчка нет выбора, но он стыдится такого господина, да-да...

– Добби все сделает, Гарри Поттер! – пискнул Добби; большие, как теннисные мячи, глаза все еще были полны слез. – Добби почтет за честь помочь Гарри Поттеру!

– Если подумать, вы оба пригодитесь, – сказал Гарри. – Очень хорошо... я хочу, чтобы вы проследили за Драко Малфоем.

Намеренно не замечая удивления и досады Рона, Гарри продолжал:

– Мне надо знать, где он бывает, с кем встречается и что делает. Я хочу, чтобы за ним следили круглые сутки.

– Да, Гарри Поттер! – тут же откликнулся Добби. Его огромные глаза взволнованно засияли. – А если Добби ошибется, Гарри Поттер,

он бросится с самой высокой башни!

– Этого не нужно, – поспешил заверить Гарри.

– Хозяин хочет, чтобы я следил за младшим Малфоем? – прохрипел Шкверчок. – Шпионил за чистокровным внучатым племянником моей бывшей госпожи?

– Совершенно верно, – подтвердил Гарри. Он вовремя догадался о большой опасности и решил немедленно ее предотвратить. – И тебе, Шкверчок, запрещается даже намекать ему на это, показывать ему, чем ты занимаешься, разговаривать с ним, писать записки… и… вообще с ним контактировать – ясно?

Он видел, как Шкверчок отчаянно ищет лазейку, и ждал. Через минуту-другую, к удовлетворению Гарри, Шкверчок опять низко поклонился и с большой обидой произнес:

– Хозяин все продумал, и Шкверчок должен ему повиноваться, хотя он предпочел бы служить юному Малфою, да-да…

– Значит, решено, – сказал Гарри. – Мне нужны регулярные отчеты, но, прежде чем появиться, убедитесь, что со мной никого нет. Если Рон и Гермиона – тогда нормально. И не говорите никому, чем занимаетесь. Просто прилипните к Малфою как банные листы.

Глава двадцатая

Просьба лорда Вольдеморта

В понедельник утром Гарри и Рона выписали из лазарета. Благодаря стараниям мадам Помфри они полностью поправились и теперь могли беспрепятственно наслаждаться всеми привилегиями пострадавших. Самым же приятным было то, что Гермиона помирилась с Роном и даже пришла проводить его и Гарри на завтрак. Она принесла с собой новость: оказывается, Джинни поругалась с Дином. Чудище, дремавшее в груди Гарри, вздернуло голову и с надеждой принюхалось.

— А из-за чего? — спросил Гарри как можно безразличнее. Они свернули в коридор седьмого этажа, совершенно пустой, если не считать одной очень маленькой девочки, которая разглядывала гобелен с троллями в балетных пачках. При виде шестиклассников она так испугалась, что выронила из рук тяжелые медные весы.

— Ничего страшного! — ласково успокоила ее Гермиона, бросаясь на помощь. — Держи... — Она постучала по разбитым весам волшебной палочкой и произнесла: — Репаро.

Девочка даже не сказала спасибо. Она словно вросла в землю и не отрываясь смотрела им вслед. Рон обернулся.

— С каждым годом они становятся меньше и меньше, — проговорил он.

— Ну и ладно, — с легким нетерпением отозвался Гарри. — Гермиона, так почему Джинни поругалась с Дином?

— Дин смеялся, что Маклагген попал в тебя Нападалой, — ответила Гермиона.

— Наверное, это и вправду было смешно, — резонно заметил Рон.

— Ни чуточки! — жарко возразила Гермиона. — Это было ужасно! Если бы Пикс и Дауж не подхватили Гарри, он бы страшно расшибся!

— Конечно, но Джинни и Дину незачем из-за этого расставаться, — сказал Гарри, по-прежнему изображая незаинтересованность. — Или они не расставались?

– Нет – но почему это тебя так волнует? – Гермиона пристально посмотрела на Гарри.

– Просто не хочу, чтобы в команде все опять пошло кувырком! – поспешил объяснить он, но Гермиона не сводила с него подозрительного взгляда, и Гарри страшно обрадовался, когда его окликнули сзади, дав тем самым предлог повернуться к Гермионе спиной.

– А, привет, Луна.

– Я ходила к вам в лазарет, – сообщила Луна, роясь в рюкзаке. – Но там сказали, что вас уже выписали… – Она сунула в руки Рону нечто, напоминающее зеленую луковицу, большой мухомор и что-то вроде горстки кошачьего помета, а потом наконец извлекла потрепанный пергаментный свиток и протянула его Гарри: – Вот, просили тебе передать.

Гарри увидел, что это приглашение на индивидуальное занятие к Думблдору, развернул пергамент и тут же объявил Рону и Гермионе:

– Сегодня вечером.

– А ты очень здорово комментировала! – похвалил Рон, когда Луна стала забирать у него луковицу, мухомор и кошачий помет. Луна неопределенно улыбнулась:

– Изdevаешься, да? Все говорят, это было ужасно.

– Нет, я серьезно! – заверил Рон. – Давно не получал такого удовольствия! Кстати, что это? – поинтересовался он, поднимая вверх луковицу.

– Ой, это корнеплох, – сказала Луна, запихивая кошачий помет с мухомором обратно в рюкзак. – Хочешь, оставь себе. У меня их навалом. Отлично отгоняют зажиручих загланцев.

Она ушла, а Рон стоял, давясь от смеха, с корнеплохом в руках. Затем они снова зашагали в Большой зал.

– Знаете, а она мне все больше нравится, эта Луна, – изрек Рон. – Она, конечно, чокнутая, но в хорошем…

Он осекся. У подножия мраморной лестницы с грозным видом стояла Лаванда Браун.

– Привет, – нервно пролепетал Рон.

– Смываемся, – пробормотал Гарри Гермионе, и они прошмыгнули мимо, но все равно услышали слова Лаванды:

– Почему ты не сказал, что тебя сегодня выписывают? И с какой это стати с тобой *она*?

Рон появился за столом через полчаса, надутый и раздраженный. Он сел с Лавандой, но, насколько видел Гарри, за весь завтрак не обменялся с ней ни единым словом. Гермиона вела себя так, будто ее это совершенно не касается, но раз или два Гарри ловил на ее лице необъяснимо довольную усмешку. В тот день она вообще пребывала в приподнятом настроении, а вечером даже снизошла до того, чтобы проверить (иначе говоря, дописать) сочинение Гарри по гербологии – а ведь раньше решительно отказывалась, зная, что Гарри дает списывать Рону.

– Спасибо тебе большое. – Гарри легонько хлопнул Гермиону по спине. Потом взглянул на часы и увидел, что уже почти восемь. – Слушай, мне пора, а то опоздаю к Думблдору...

Она не ответила, только с утомленным видом вычеркнула из его сочинения еще несколько неудачных предложений. Гарри, улыбаясь, вылез через дыру за портретом и побежал к кабинету директора. При упоминании об ирисочных эклерах горгулья отскочила в сторону. Гарри, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся по винтовой лестнице и постучал в дверь ровно в ту минуту, когда часы за ней пробили восемь.

– Войдите, – раздался голос Думблдора, но, стоило Гарри протянуть руку к двери, как ее рывком распахнули изнутри. На пороге возникла профессор Трелони.

– Ага! – закричала она, театрально указывая перстом, и уставилась на Гарри сквозь огромные очки, часто моргая. – Вот из-за кого меня беспардонно вышвырнули из кабинета!

– Моя дорогая Сибилла, – с легким раздражением ответил Думблдор, – никто вас ниоткуда не вышвыривал, тем более беспардонно. Просто Гарри назначено, а мы, кажется, уже все обсудили...

– Великолепно, – оскорбленно изрекла она. – Вы не желаете убрать эту жалкую клячу, этого узурпатора! Пусть... может быть, в другой школе мои таланты оценят по достоинству...

Профессор Трелони стремительно прошла мимо Гарри и скрылась из виду на винтовой лестнице; было слышно, как она споткнулась, очевидно, наступив на одну из волочившихся по полу шалей.

— Пожалуйста, закрой дверь и садись, Гарри, — устало сказал Думбльдор.

Тот занял свое обычное место у письменного стола, где уже стоял дубльдум и два крошечных хрустальных флакона с клубящимися воспоминаниями.

— Профессор Трелони так и не смирилась с Фиренце? — спросил Гарри.

— Нет, — ответил Думбльдор. — Прорицание доставляет куда больше хлопот, чем я мог предвидеть; мне-то ведь не довелось изучать этот предмет. Просить Фиренце вернуться в лес нельзя, он там считается отщепенцем; просить уйти Сибиллу Трелони тоже недопустимо. Между нами говоря, она не имеет ни малейшего представления, какие опасности подстерегают ее за пределами замка. Видишь ли, Сибилла не знает — и было бы крайне неблагоразумно ее просвещать, — что пророчество о тебе и Вольдеморте сделано ею. — Думбльдор глубоко вздохнул, а потом произнес: — Однако не забивай себе голову моими служебными неурядицами. Нам предстоит обсудить куда более насущные вопросы. Во-первых — удалось ли тебе выполнить то, о чём я попросил в конце прошлого занятия?

— Ой, — вырвалось у Гарри. Из-за курсов аппарирования, квидаша, отравления Рона, собственного треснутого черепа и попыток выяснить, что затевает Малфой, он почти забыл о задании Думбльдора... — Понимаете, сэр, я спрашивал у профессора Дивангарда после урока зельеделия, но он не захотел ничего рассказывать...

Повисла небольшая пауза.

— Ясно, — чуть погодя промолвил Думбльдор. Он взглянул поверх очков-полумесяцев, отчего Гарри, как обычно, почудилось, будто его просвечивают рентгеном. — И теперь ты считаешь, что сделал все возможное? Употребил все свои недюжинные способности? Исчерпал до дна все мыслимые хитрости?

— Понимаете. — Гарри замялся, не зная, что и сказать. Единственная попытка раздобыть воспоминание неожиданно показалась ему постыдно жалкой. — Когда Рон по ошибке проглотил любовное зелье, я повел его к профессору Дивангарду. Я думал, что, может, если он будет в хорошем настроении...

— Получилось? — спросил Думбльдор.

– Эмм... нет, сэр, Рон выпил яд...

– ...и тебе, естественно, стало не до воспоминания. Ничего другого я и не ожидал: действительно, твой лучший друг был в опасности. Но, когда выяснилось, что мистер Уизли поправится, я рассчитывал, что ты вернешься к выполнению задания. Мне казалось, я доходчиво объяснил, насколько это важно; сделал все, что в моих силах, дабы ты понял: на этом воспоминании зиждется все, без него мы лишь напрасно потеряли время.

Жгучий стыд пополз от макушки Гарри по всему телу. Думбльдор не повышал голоса, в его словах не слышалось гнева, но лучше бы он кричал; трудно представить нечто хуже этого холодного разочарования.

– Сэр, – с отчаянием проговорил Гарри, – это не потому, что я не старался, просто у меня были другие... другие...

– Вещи на уме, – закончил за него Думбльдор. – Понимаю.

Снова повисло до крайности неловкое молчание, какого еще не бывало между ними; оно длилось и длилось, нарушающее только тихим посапыванием Армандо Диппета, чей портрет висел у Думбльдора над головой. Гарри казалось, что с прихода сюда он сам как-то уменьшился, сел, точно свитер.

Он почувствовал, что уже не в силах это переносить, и выдавил:

– Профессор Думбльдор, мне очень, очень жаль. Мне следовало сделать больше... понять, что вы бы не просили, если б это не было настолько важно.

– Спасибо, что ты так говоришь, Гарри, – тихо ответил Думбльдор. – Стало быть, я могу надеяться, что с сегодняшнего дня это дело станет для тебя главным? Без воспоминания Дивангарда наши уроки лишены смысла.

– Я обещаю, сэр, что его добуду, – серьезно сказал Гарри.

– Тогда забудем пока об этом, – смягчившись, произнес Думбльдор, – и вернемся к нашей истории. Ты помнишь, на чем мы остановились?

– Да, сэр, – не раздумывая, ответил Гарри. – Вольдеморт убил отца и бабушку с дедушкой и подставил своего дядю Морфина. Потом вернулся в «Хогварц» и стал узнавать... у профессора Дивангарда об окаянтах, – смущенно промямлил он.

— Очень хорошо, — похвалил Думбльдор. — Надеюсь, ты помнишь, как я сказал в самом начале занятий, что нам предстоит пуститься в дебри самых смелых догадок?

— Да, сэр.

— Думаю, ты согласишься, что до сих пор мы видели вполне достоверные подтверждения моих умозаключений о жизни Вольдеморта до семнадцати лет?

Гарри кивнул.

— Отныне же, — продолжал Думбльдор, — все становится намного туманнее. Если найти свидетельства о мальчике Редdle было трудно, то разыскать людей, готовых делиться воспоминаниями о взрослом Вольдеморте, оказалось почти невозможно. Сомневаюсь, что хоть одной живой душе, кроме него самого, доподлинно известны подробности его жизни после «Хогварца». Но у меня есть два последних воспоминания, которые мне бы хотелось с тобой обсудить. — Думбльдор показал на хрустальные флакончики, которые посверкивали рядом с дубльдумом. — С радостью выслушаю твоё мнение о том, насколько верными кажутся тебе мои выводы.

Думбльдор так высоко ценит его мнение? Гарри еще больше устыдился, что не сумел раздобыть воспоминание об окаянтах, и виновато заерзal. Думбльдор тем временем изучал на свет содержимое первого флакона.

— Надеюсь, тебе еще не надоело окунаться в чужие воспоминания? То, что содержится здесь, довольно-таки занятно, — сказал он, — и принадлежит старухе Подпеве, служанке-эльфу. Но, прежде чем приступить к просмотру, я должен коротко рассказать о жизни лорда Вольдеморта после «Хогварца»... Седьмой класс он, как ты догадываешься, закончил с отличными оценками по всем предметам. Все его соученики думали о том, чем займутся после школы. От Тома Реддля, старосты, старшего старосты, обладателя Приза за служение идеалам «Хогварца», ждали блестательных свершений. Кое-кто из учителей, в том числе профессор Дивангард, предлагал ему пойти в министерство магии, договориться о собеседовании, познакомить с нужными людьми. Он от всего отказался. Вскоре стало известно, что Вольдеморт поступил к «Боргину и Д'Авило».

— «Боргину и Д'Авило»? — поразился Гарри.

– Именно, – спокойно подтвердил Думблдор. – В воспоминании Подпевы ты поймешь, чем они его так привлекли. Но вначале Вольдеморт выбрал другое. Почти никто не знал – я был одним из немногих, с кем директор поделился, – что Реддль встречался с профессором Диппетом и просил разрешения остаться в «Хогварце» учителем.

– Он хотел остаться в школе? Зачем? – еще больше изумился Гарри.

– Полагаю, на то было несколько причин, ни одну из которых он профессору Диппету не раскрыл, – сказал Думблдор. – Во-первых, что самое важное, Вольдеморт привязался к школе, как не привязывался ни к одному человеку в своей жизни. В «Хогварце» он был счастлив – это первое, и единственное, место, где он чувствовал себя дома.

Гарри сделалось не по себе: он и сам относился к «Хогварцу» так же.

– Во-вторых, наш замок – цитадель древней магии. Несомненно, Вольдеморт разгадал великое множество секретов, неведомых большинству тех, кто сюда попадает, но наверняка понимал, что многое осталось нераскрытым, что из этого кладезя еще черпать и черпать… Наконец, в-третьих, став преподавателем, он получил бы большую власть над умами юных колдунов и ведьм. Думаю, Вольдеморт понял это, тесно общаясь с профессором Дивангардом; его пример наглядно показывал, как велика роль учителя. Я ни секунды не верю, что Вольдеморт собирался на всю жизнь остаться в «Хогварце», но, по-видимому, он расценивал школу как призывной пункт, место вербовки своей будущей гвардии.

– Но он не получил места, сэр?

– Нет, не получил. Профессор Диппет сказал, что ему только восемнадцать, он еще слишком молод, и пригласил прийти через несколько лет, если не передумает.

– А как вы к этому отнеслись, сэр? – неуверенно спросил Гарри.

– С большим подозрением, – ответил Думблдор. – Я предостерег Армандо Диппета от подобного назначения – не объясняя причин, как объясняю тебе, ибо профессор Диппет обожал Вольдеморта и не сомневался в его искренности. Мне очень не хотелось, чтобы лорд Вольдеморт возвращался в «Хогварц», тем более в таком статусе.

– А на какую должность он претендовал, сэр? Чему хотел учить?

В сущности, Гарри уже знал ответ, когда услышал его от Думбльдора:

– Защите от сил зла. В то время ее преподавала пожилая дама по имени Галатея Потешанс; она проработала в «Хогварце» почти пятьдесят лет... Итак, Вольдеморт устроился к «Боргину и Д'Авило», и все учителя «Хогварца», которые так восхищались им, сокрушались о том, что столь способный молодой колдун попусту растрачивает свои таланты за прилавком. Однако Вольдеморт не был простым приказчиком. Вежливый, красивый, умный, он вскоре стал выполнять особые поручения хозяев, а те, как тебе известно, специализируются на вещах весьма своеобразных, обладающих сильными и опасными свойствами. Вольдеморта посыпали уговаривать клиентов расстаться со своими сокровищами, и он делал это на редкость изобретательно во всех смыслах слова.

– Представляю себе, – не сдержавшись, сказал Гарри.

– Вот именно, – слегка улынулся Думбльдор. – А теперь пора выслушать Подпеву, служанку очень старой и очень богатой ведьмы по имени Хефциба Смит.

Думбльдор постучал волшебной палочкой по хрустальному флакону и, как только вылетела пробка, вылил клубящееся воспоминание в дубльдум со словами:

– Прошу вперед, Гарри.

Гарри встал и привычно склонился над каменной чашей. Его лицо коснулось серебристой зыбкой поверхности; он провалился сквозь черную темноту и очутился в незнакомой гостиной перед невероятно толстой старухой в причудливом рыжем парике и ядовито-розовом колышущемся одеянии – смахивала она на подтаявший глазированный торт. Старуха смотрелась в оправленное бриллиантами зеркальце и большой пуховкой румянила и без того алые щеки, а между тем самый крошечный и самый старый домовый эльф, каких только доводилось видеть Гарри, втискивал мясистые хозяйкины ступни в тесные атласные туфельки.

– Поторопись, Подпева, – царственно вымолвила Хефциба. – Он обещал прийти в четыре и никогда не опаздывает, а ведь осталось всего пара минут!

Подпева распрямилась, а Хефциба спрятала пуховку. Служанка едва доставала макушкой до сиденья кресла, а ее пергаментная кожа

висела, совсем как накрахмаленная льняная простынка, в которую она заворачивалась на манер тоги.

– Как я выгляжу? – спросила Хефциба, вертя головой и любуясь своим отражением под разными углами.

– Очаровательно, мадам, – пискнула Подпева.

Оставалось только заключить, что в контракте Подпевы оговорено обязательство нагло врать при ответе на этот вопрос, – по мнению Гарри, в Хефцибе Смит не было ничего очаровательного.

Тренькнул дверной звонок; госпожа и служанка вздрогнули.

– Скорей, скорей, Подпева, он здесь! – закричала Хефциба, и эльф выскочил из комнаты, настолько захламленной, что оставалось лишь гадать, как здесь передвигаться, не роняя вещи на каждом шагу. Тут были и шкафы с лакированными шкатулочками, и стеллажи с роскошными книгами, и полки с хрустальными шарами и глобусами звездного неба, а еще множество пышных растений в медных кашпо: по сути, комната напоминала помесь колдовского антикварного магазина с оранжереей.

Вскоре Подпева вернулась. Следом за ней шел молодой человек, в котором Гарри без труда узнал Вольдеморта. Простой черный костюм; волосы чуть отросли, щеки слегка ввалились, но все это шло ему: он стал еще красивее. Уверенно лавируя между мебелью – было видно, что обстановка ему хорошо знакома, – он пробрался к Хефцибе, склонился над ее пухлой ручкой и легонько мазнул по ней губами.

– Я принес вам цветы, – тихо сказал он, извлекая неизвестно откуда букет роз.

– Безобразник, зачем это! – взвизгнула старая дама, но Гарри заметил, что на столике возле нее специально поставлена пустая ваза. – Вы совершенно избалуете старуху, Том… садитесь, садитесь… где же Подпева… ах…

Служанка вбежала в комнату с подносом крошечных пирожных и поставила его у локтя хозяйки.

– Угощайтесь, мой мальчик, – предложила Хефциба. – Я же знаю, вы обожаете мои пирожные. Рассказывайте, как ваши дела? Вы что-то бледный. Вас нещадно эксплуатируют в этом вашем магазине, я сто раз говорила…

Вольдеморт механически улыбнулся. Хефциба затрепетала ресницами и, жеманясь, спросила:

– Ну-с, какой же у вас сегодня предлог для визита?

– Мистер Д’Авило хочет сделать вам более заманчивое предложение относительно гоблинских доспехов, – ответил Вольдеморт. – Пятьсот галлеонов. По его мнению, это более чем выгодно…

– Тише,тише, не так быстро, а то я подумаю, что вы здесь только ради моих безделушек! – надула губки Хефциба.

– Из-за них меня отправило сюда начальство, – тихо проговорил Вольдеморт. – Я всего лишь бедный приказчик, мадам, и должен делать что велено. Мистер Д’Авило просил поинтересоваться у вас…

– О-о-о, мистер Д’Авило, пфуй! – махнула ручкой Хефциба. – Я покажу вам кое-что, Том, чего никогда не показывала ему! Вы умеете хранить секреты? Обещаете не рассказывать мистеру Д’Авило о моем сокровище? Он мне покоя не даст, если узнает, а я не намерена ничего продавать! Но вы, Том, вы оцените историю этой вещи, а не то, сколько галлеонов можно за нее выручить…

– Я с удовольствием посмотрю все, что покажет мисс Хефциба, – негромко отозвался Вольдеморт. Хефциба по-девичьи хихикнула.

– Я попрошу принести… Подпева, куда ты делась? Я хочу показать мистеру Реддлю наше *самое дорогое* сокровище… а вообще-то неси оба, раз уж ты…

– Пожалуйста, мадам, – пропищала Подпева, и Гарри увидел, как две кожаные шкатулки, одна на другой, как будто сами движутся по комнате, – разумеется, это крохотный домовый эльф нес их на голове, с трудом пробираясь между столиками, пуфиками и скамеечками для ног.

– Итак, – сказала довольная Хефциба, поставив шкатулки к себе на колени и приготовившись открыть верхнюю, – надеюсь, вам понравится, Том… О, если б моя семья знала, что я вам показываю… они так давно мечтают прибрать это к рукам!

Она подняла крышку. Гарри придвигнулся, заглянул внутрь и увидел маленький золотой кубок с двумя изящно изогнутыми ручками.

– Интересно, Том, знаете ли вы, что это? Возьмите, рассмотрите как следует! – прошептала Хефциба.

Вольдеморт протянул длиннопальную ладонь и за одну ручку вынул кубок из уютного шелкового гнезда. Гарри показалось, что в его темных глазах блеснул красный отблеск. Такая же алчность играла на

лице Хефцибы, только ее крохотные глазки были прикованы к красивому лицу Вольдеморта.

– Барсук, – пробормотал он, рассматривая гравировку на кубке. – Так это?..

– Принадлежало Хельге Хуффльпуфф, как вы сами догадались, умненький мой мальчик! – воскликнула Хефциба, наклонилась, громко скрипя корсетом, и ушипнула гостя за впалую щеку. – Разве я не говорила, что происхожу от нее? Эта вещь передается в моей семье из поколения в поколение. Очаровательно, не правда ли? Причем все магические свойства, как положено, – я, правда, толком не проверяла, просто храню и берегу...

Она сняла кубок с длинного указательного пальца Вольдеморта и стала убирать в шкатулку; в своей сосредоточенности она не заметила сумрачной тени, скользнувшей по лицу гостя при расставании с реликвией.

– Ну-с, – счастливо произнесла Хефциба, – где же Подпева? А... вот и ты... на-ка... отнеси на место...

Подпева послушно забрала шкатулку с кубком, и Хефциба переключилась на другую шкатулку, поплоще.

– Это вам еще больше понравится, Том, – зашептала она. – Наклонитесь ближе, драгоценный, посмотрите... Д'Авило, разумеется, знает – куплено у него... полагаю, он мечтает это вернуть, когда меня не станет...

Она расстегнула изящный, филигранной работы замочек и откинула крышку. Внутри на гладком малиновом бархате лежал тяжелый золотой медальон.

На сей раз Вольдеморт протянул руку, не дожидаясь приглашения, и поднял медальон к свету. Он не отрывал глаз от старинной вещи и тихо проговорил:

– Знак Слизерина, – любуясь игрой света на витой змееподобной «С».

– Совершенно верно! – вскричала Хефциба, безмерно ликуя при виде его оцепенения. – Я заплатила целое состояние, но подобную драгоценность нельзя упускать, чтобы такое сокровище, да не в моей коллекции... Д'Авило, кажется, купил его у какой-то нищенки, а та наверняка украла, не понимая истинной ценности...

Ошибки быть не могло: глаза Вольдеморта сверкнули красным, побелели костяшки на руке, сжимавшей цепь медальона.

– Надо полагать, Д'Авило заплатил ей гроши, но... как видите... прелесть – правда? И опять же, все волшебные свойства, хотя я просто храню его и...

Она потянулась за медальоном. Гарри на миг показалось, что Вольдеморт его не отдаст, но потом цепочка выскользнула из его пальцев, и медальон вернулся на бархатное красное ложе.

– Так-то вот, Том! Надеюсь, вам не было скучно?

Она поглядела ему прямо в лицо, и ее глупая улыбка впервые поугасла.

– Милый мой, вы хорошо себя чувствуете?

– О да, – еле слышно ответил Вольдеморт, – великолепно...

– Мне показалось... видимо, обман зрения... – испуганно сказала Хефциба, и Гарри догадался, что она тоже заметила красную вспышку в глазах. – Подпева, забери и спрячь под замок... со всемиложенными заклинаниями...

– Гарри, нам пора, – тихо проговорил голос Думблдора. Шкатулка, подпрыгивая на голове домового эльфа, поплыла прочь, а Думблдор взял Гарри за локоть, они вместе взмыли и, пролетев через пустоту, вернулись в кабинет. – Хефциба Смит умерла через два дня после этой куртуазной встречи, – сообщил Думблдор, садясь за стол и указывая Гарри на стул напротив. – Подпеву обвинили в том, что она случайно подсыпала яд в вечернее какао хозяйки.

– Не может быть! – гневно воскликнул Гарри.

– Вижу, что тут наши мнения совпадают, – сказал Думблдор. – Между обстоятельствами смерти Хефцибы и гибелью Реддлей подозрительно много общего. В обоих случаях вина падала на третьих лиц, которые между тем ясно помнили, что убили...

– Подпева призналась?

– Она помнила, как положила что-то в хозяйствено какао – и это оказался не сахар, а мало-звестный смертельный яд, – ответил Думблдор. – Вердикт суда гласил, что она сделала это ненамеренно, а по старческому слабоумию...

– Вольдеморт изменил ей память, как Морфину!

– Да, я тоже пришел к такому выводу, – кивнул Думблдор. – И, как в случае с Морфином, министерство отнеслось к Подпеве предвзято...

— …потому что она домовый эльф, — перебил Гарри, проникаясь исключительной симпатией к П.У.К.Н.И., обществу защиты эльфов, основанному Гермионой.

— Именно, — сказал Думблдор. — Она была очень стара, призналась, что всыпала некое вещество хозяйке в напиток, никому в министерстве и в голову не пришло продолжить расследование. Потом я разыскал бедняжку и добыл ее воспоминание, но она, подобно несчастному Морфину, была уже на краю могилы — к тому же, воспоминание доказывает только то, что Вольдеморт знал о существовании кубка и медальона… Когда Подпеву уже осудили, семья Хефцибы обнаружила пропажу двух самых ценных сокровищ покойной. Выяснилось это не сразу; Хефциба ревностно охраняла свои богатства, у нее было множество тайников. Ее родня еще сомневалась в исчезновении кубка и медальона, а молодой приказчик из «Боргина и Д'Авило», который так часто навещал Хефцибу и так сильно ее пленил, оставил работу и скрылся. Его хозяева удивились не меньше остальных и решительно не представляли, куда он мог деться. Очень долго о Томе Редdle не было ни слуху ни духу… А сейчас, если ты не против, я хочу привлечь твое внимание к некоторым обстоятельствам нашей истории. Вольдеморт совершил очередное убийство; первое после Реддлей или нет, я не знаю, однако думаю, что да. Как ты сам видел, на сей раз он убил не из мести, а ради выгоды, чтобы присвоить две знаменитые вещи, которые показала ему несчастная, очарованная им женщина. Когда-то он грабил приютских детей, потом украл кольцо Морфина, а теперь сбежал с чашей и медальоном Хефцибы.

— Но, — нахмурился Гарри, — это какой-то бред… рисковать всем, работой, ради каких-то…

— Для тебя, возможно, и бред, но для Вольдеморта иначе, — качнул головой Думблдор. — Надеюсь, со временем ты поймешь, что значили для него эти драгоценности, но и сейчас ты не можешь не признать, что он имел некоторое право считать медальон своим.

— Медальон — может быть, — согласился Гарри, — но кубок?

— Кубок принадлежал одной из основательниц «Хогварца», — сказал Думблдор. — Думаю, Вольдеморта по-прежнему так тянуло в школу, что он не смог противостоять искушению присвоить предмет, пропитанный ее историей. Но, полагаю, были и другие причины… надеюсь, что в свое время все тебе покажу… А теперь перейдем к

последнему воспоминанию — во всяком случае, пока ты не разберешься с профессором Дивангардом. Итак, со смерти Хефцибы прошло десять лет, и нам остается лишь догадываться, чем занимался все это время лорд Вольдеморт...

Думбльдор вылил в дубльдум содержимое второго флакона. Гарри встал.

— А чье это воспоминание? — спросил он.

— Мое, — ответил Думбльдор.

Гарри нырнул вслед за ним в клубящуюся серебристую субстанцию и очутился в том же кабинете. Янгус тихо дремал на шесте, а за столом сидел Думбльдор, очень похожий на того, что стоял возле Гарри, только морщин чуть меньше, а обе руки здоровы. Кабинеты, прошлый и нынешний, различались лишь погодой за окном: в воспоминании шел снег, в темноте за стеклом, постепенно заметая подоконник, проплывали голубоватые снежинки.

Думбльдор помоложе, казалось, чего-то ждал; действительно вскоре постучали в дверь, и он сказал:

— Войдите.

Гарри, не удержавшись, охнул и сразу подавил вскрик. В кабинет вошел Вольдеморт. Его лицо еще не стало тем, что почти два года назад появилось перед Гарри из большого каменного котла; оно не обрело истинного змееподобия и не так походило на маску, а глаза не светились алым, и все же от красавца Тома не осталось практически ничего. Его черты словно обгорели и расплавились; они были странно искажены и казались восковыми, а белки глаз навеки налились кровью, хотя зрачки еще не превратились в кошачьи прорези. Он был в длинном черном плаще и бел как снег, что посверкивал на его плечах.

Думбльдор за столом не выказал ни малейшего удивления. Похоже, они заранее уговорились о визите.

— Добрый вечер, Том, — сказал Думбльдор. — Не желаешь присесть?

— Благодарю вас, — промолвил Вольдеморт, сядясь на стул — очевидно, тот самый, с которого в настоящем только что встал Гарри. — Я узнал, что вас назначили директором, — продолжил он. Голос его стал выше и холоднее, чем раньше. — Достойный выбор.

— Рад, что ты одобряешь, — улыбнулся Думбльдор. — Позволь предложить тебе что-нибудь выпить.

— Очень кстати, благодарю, — отозвался Вольдеморт. — Дорога была длинной.

Думблдор встал и шагнул к шкафчику, где сейчас хранился дубльдум, а тогда стояло множество бутылок, протянул Вольдеморту кубок с вином, налил себе и вернулся за стол.

— Итак, Том... чем обязан?

Вольдеморт не ответил сразу; он сидел, потягивая вино.

— Я больше не Том, — сказал он чуть погодя. — Ныне меня зовут...

— Мне известно твое нынешнее имя, — с любезной улыбкой ответил Думблдор. — Но, боюсь, для меня ты навсегда останешься Томом Реддлем. Одно из неприятных качеств старых учителей — они никогда не забывают, как начинали их подопечные.

Он поднял кубок, словно салютуя Вольдеморту. Лицо последнего осталось невозмутимо. Тем не менее Гарри почувствовал, что атмосфера в кабинете неуловимо переменилась: отказавшись называть гостя новым именем, Думблдор не позволил ему диктовать условия встречи, и Гарри видел, что Вольдеморт это прекрасно понимает.

— Странно, вы здесь так долго, — помолчав, произнес Вольдеморт. — Я всегда удивлялся, почему такой колдун не хочет уйти из школы.

— Видишь ли, — по-прежнему улыбаясь, откликнулся Думблдор, — для такого колдуна нет ничего важнее, чем передавать древние колдовские навыки юным поколениям. И, если не ошибаюсь, когда-то преподавательская деятельность привлекала и тебя.

— Да, как и сейчас, — сказал Вольдеморт. — Но я все равно не понимаю, почему вы — человек, с которым часто советуется министерство, которому, кажется, дважды предлагали занять пост министра...

— По последним подсчетам, трижды, — уточнил Думблдор. — Но министерская карьера — явно не мое. Что, по-моему, тоже нас объединяет.

Вольдеморт серьезно кивнул и отпил еще вина. Повисло молчание. Думблдор сидел с приятным видом и ждал, пока заговорит гость.

— Я пришел, — наконец начал тот, — возможно, немного позднее, чем рассчитывал профессор Диппет... но все же пришел вновь попросить о том, для чего, по его словам, раньше был слишком молод. Я прошу разрешить мне вернуться сюда преподавателем. Полагаю, вы знаете,

что после окончания школы я многим занимался и многое повидал. Я могу научить такому, чего нельзя узнать ни от кого другого.

Думбльдор долго, внимательно посмотрел на Вольдеморта поверх своего кубка, а после тихо сказал:

– Безусловно, я знаю, что ты многим занимался и многое повидал. Слухи о твоей деятельности, Том, дошли до твоей старой школы. И я был бы крайне огорчен, если бы хоть половина оказалась правдой.

Вольдеморт бесстрастно ответил:

– Величие порождает зависть, зависть возбуждает злобу, злоба плодит ложь. Вам, Думбльдор, это должно быть известно.

– Ты называешь это «величием», то, чем ты занимался? – деликатно осведомился Думбльдор.

– Безусловно, – подтвердил Вольдеморт, и его глаза загорелись красным. – Я проводил эксперименты, я, как никто, раздвинул границы магии…

– Границы некоторых видов магии, – спокойно поправил Думбльдор. – Только некоторых. В других ты остаешься… прости меня… полным профаном.

Вольдеморт впервые за все время улыбнулся, но его натянутый злобный оскал был страшнее открытой ярости.

– Старая песня, – вкрадчиво проговорил он. – Однако ничто из увиденного мною в этом мире, Думбльдор, не подтверждает ваших заявлений о том, что любовь сильнее всякого колдовства.

– Может быть, ты не там смотрел, – предположил Думбльдор.

– Тогда где же и начинать новые изыскания, как не в «Хогварце»? – спросил Вольдеморт. – Вы позволите мне вернуться? Передать мои знания школьникам? Я сам и мои таланты полностью в вашем распоряжении. Командуйте мною.

Думбльдор поднял брови:

– А как же те, кем командуешь *ты*? Те, кто, по слухам, именуют себя Упивающимися Смертью?

Гарри видел: Вольдеморт не ожидал, что Думбльдору известно это название; глаза бывшего Тома Реддля снова полыхнули красным, узкие прорези ноздрей раздулись.

– Я уверен, мои друзья, – после минутного размышления процидил он, – превосходно проживут без меня.

— Рад слышать, что ты считаешь их друзьями, — сказал Думбльдор. — У меня создалось впечатление, что они скорее слуги.

— Вы ошиблись, — только и ответил Вольдеморт.

— Значит, сегодня вечером оказавшись в «Башке борова», я не найду там Нотта, Розье, Мульцибера, Долохова, дожидающихся твоего возвращения? И правда, только истинные друзья способны пропутешествовать за компанию в столь снежную ночь затем только, чтобы пожелать удачи приятелю, который добивается места преподавателя.

Подобная осведомленность явно ошеломила Вольдеморта; тем не менее он почти сразу взял себя в руки:

— Вы, как всегда, всеведущи, Думбльдор.

— О нет, всего лишь дружен с местным барменом, — легко отозвался тот. — А теперь, Том...

Думбльдор отставил пустой кубок и прямее сел в кресле, характерным жестом сомкнув пальцы домиком.

— ...будем откровенны. Зачем ты появился здесь со своей свитой, зачем просишь работу, которой, как мы оба знаем, не интересуешься?

Вольдеморт изобразил холодное изумление:

— Не интересуюсь? Напротив, Думбльдор, очень интересуюсь.

— Без сомнения, ты хочешь вернуться в «Хогварц» — но не преподавать. Эта стезя увлекает тебя не больше, чем в восемнадцать лет. Каковы твои истинные цели, Том? Почему бы для разнообразия не сказать прямо?

Вольдеморт усмехнулся:

— Если вы не хотите давать мне работу...

— Разумеется, не хочу, — отрезал Думбльдор. — И ни на секунду не поверю, что ты на это рассчитывал. Тем не менее ты явился просить, на это должна быть причина.

Вольдеморт встал. Он никогда еще не был так мало похож на Тома Реддля, от гнева он весь пыпал.

— Это ваше последнее слово?

— Да, — кивнул Думбльдор и тоже встал.

— Тогда нам больше нечего сказать друг другу.

— Нечего, — подтвердил Думбльдор, и его лицо исполнилось великой печали. — Времена, когда я мог напугать тебя горящим

шкафом и заставить исправить содеянное, давно прошли. А жаль, Том... очень жаль...

Гарри чуть было не выкрикнул бессмысленное предостережение: он точно видел, что рука Вольдеморта потянулась к карману с волшебной палочкой; однако мгновение миновало, Вольдеморт отвернулся, и за ним закрылась дверь.

Пальцы Думбльдора вцепились в локоть Гарри. Пару секунд спустя они вместе перенеслись в тот же самый кабинет, только на подоконнике не было снега, а рука Думбльдора снова стала черной и безжизненной.

– Зачем? – сразу спросил Гарри, поднимая глаза. – Зачем он вернулся? Вам удалось узнать?

– У меня есть кое-какие соображения, – проговорил Думбльдор, – но не более того.

– Какие соображения, сэр?

– Расскажу, когда ты добудешь воспоминание профессора Дивангарда, – пообещал Думбльдор. – С этим последним кусочком головоломка, надеюсь, сложится... для нас обоих.

Гарри жгло любопытство, и он, несмотря на то, что Думбльдор прошел к двери и ее открыл, сначала даже не пошевелился.

– Он опять добивался места преподавателя защиты от сил зла, сэр? Он не сказал...

– О, конечно же он хотел преподавать защиту от сил зла, – ответил Думбльдор. – И последствия нашей встречи это доказывают. Видишь ли, с тех пор как я отказал лорду Вольдеморту, никому не удалось продержаться на этом месте больше года.

Глава двадцать первая

Непостижимая комната

Всю неделю Гарри ломал голову над тем, как убедить Дивангарда поделиться истинными воспоминаниями, но озарений не произошло, и он, как всегда, решил поискать совета на полях «Высшего зельеделия»: учебник постепенно превращался в панацею на все случаи жизни.

— Здесь ты ничего не найдешь, — твердо сказала Гермиона поздно вечером в воскресенье.

— Ой, только не начинай, — недовольно отозвался Гарри. — Если б не Принц, Рона бы сейчас с нами не было.

— Был бы, если бы в первом классе ты как следует слушал Злея, — отрезала она.

Гарри пропустил ее слова мимо ушей. Он как раз наткнулся на заклинание *сектумсемпра*, нацарапанное поверх интригующей надписи «Для врагов», и сразу же захотел его испробовать, но побоялся делать это при Гермионе и лишь украдкой загнул уголок страницы.

Они сидели у камина в общей гостиной, где сейчас остались одни шестиклассники. Еще недавно здесь царила суматоха: после ужина ребята обнаружили на доске объявление, гласившее, что первый экзамен на аппарирование состоится двадцать первого апреля. Тем, кто к этому времени достигнет совершеннолетия, предлагалось записаться на дополнительные практические занятия, которые должны были проводиться в Хогсмеде при соблюдении строжайших мер безопасности.

Рон, прочитав объявление, запаниковал; у него пока ничего не получалось, и он боялся, что не успеет подготовиться к экзамену. Гермиона дважды успешно аппарировала и чувствовала себя увереннее, а Гарри до семнадцатилетия оставалось целых четыре месяца, и его вся эта история не касалась.

— Ты хотя бы уже умеешь, — сдавленно сказал Рон. — И в июле спокойно сдашь!

— У меня получилось всего один раз, — напомнил Гарри; на прошлом занятии он сумел наконец исчезнуть и заново материализоваться в кольце.

Рон убил кучу времени на громкие сетования о собственной бестолковости и теперь, страшно мучаясь, торопливо дописывал чрезвычайно трудное сочинение по защите от сил зла, с которым Гарри и Гермиона уже разделались. Гарри предчувствовал самую низкую оценку — они со Злеем полностью расходились во мнениях относительно того, как лучше бороться с дементорами. Впрочем, сейчас это не волновало; гораздо важнее было воспоминание Дивангарда.

— Говорю тебе, Гарри, твой идиотский Принц не поможет! — еще громче воскликнула Гермиона. — Заставить человека действовать по своей указке можно только проклятием подвластия, а его применять запрещено...

— Спасибо, я в курсе, — бросил Гарри, не отрывая глаз от учебника, — потому и разыскиваю что-нибудь еще. Думбльдор говорит, призвалиум не годится, но, может, есть какое-нибудь зелье или заклинание...

— Ты взялся за дело не с того конца, — перебила она. — Думбльдор сказал, что добыть воспоминание можешь только ты. То есть ты обладаешь таким влиянием на Дивангарда, какого нет у других. И значит, ему не зелье надо подсовывать, это всякий дурак сможет, а...

— Как пишется «просчитаться»? — спросил Рон, глядя в свой текст, и сильно встряхнул перо. — Ведь не П-Р-Ы-Щ...

— Нет. — Гермиона придвинула к себе его сочинение. — И не «агрязивный», а «агрессивный». Что у тебя за перо?

— Из магазина Фреда и Джорджа, с проверкой орфографии... только, по-моему, чары уже повыветрились...

— Да уж, очевидно, — Гермиона ткнула в заглавие, — ведь нас просили написать, как справляться с дементорами, а не «демымрами», и потом, я не помню, чтобы ты менял имя на «Рунил Уизли».

— Ой нет! — вскричал Рон, в ужасе уставившись на пергамент. — Только не говорите, что придется заново переписывать!

— Ничего страшного, сейчас мы все поправим. — И Гермиона достала волшебную палочку.

— Гермиона, я тебя обожаю, — сказал Рон, откидываясь в кресле и устало протирая глаза.

Гермиона чуть покраснела, но ответила только:

— Главное, не говори этого при Лаванде.

— Не скажу, — буркнул Рон себе в ладони. — Или, наоборот, скажу... и пусть она меня бросит...

— Почему ты сам ее не бросишь, если тебе так хочется? — поинтересовался Гарри.

— Ты-то небось никого не бросал, — отозвался Рон. — Вы с Чо просто...

— Просто взяли и разошлись, да, — согласился Гарри.

— Вот бы и мне с Лавандой так, — мрачно изрек Рон, наблюдая, как Гермиона молча постукивает волшебной палочкой по неправильно написанным словам, а те сами собой исправляются. — Но чем больше я намекаю, что хочу завязать, тем сильней она за меня цепляется. Прямо гигантский кальмар какой-то.

— Держи, — минут через двадцать сказала Гермиона, протягивая Рону сочинение.

— Спасибо большое-пребольшое, — ответил тот. — Можно я закончу твоим пером?

Гарри, так и не обнаружив в заметках Принца-полукровки ничего полезного, огляделся. Они остались в гостиной одни; Шеймас только что отправился спать, на чем свет стоит понося Злея вместе с его сочинением. Было тихо; лишь в камине потрескивал огонь, и Рон шуршал пером Гермионы, дописывая сочинение. Гарри закрыл учебник, зевнул, и вдруг...

Хлоп.

Гермиона ойкнула, Рон пролил на пергамент чернила, а Гарри воскликнул:

— Шкверчок!

Домовый эльф согнулся в низком поклоне и заговорил, обращаясь к собственным ногам:

— Хозяин приказал регулярно докладывать о том, чем занимается младший Малфой, и Шкверчок пришел сообщить...

Хлоп.

Рядом со Шкверчком возник Добби в съехавшей набекрень стеганой чайной бабе.

– Добби тоже помогал Гарри Поттеру! – пискливо вскричал он, обиженно покосившись на Шкверчка. – А Шкверчок обязан предупреждать Добби, когда отправляется к Гарри Поттеру, чтобы рапортовать вместе!

– Что это? – спросила Гермиона, донельзя потрясенная неожиданным нашествием эльфов. – Гарри, в чем дело?

Гарри замялся: он не говорил Гермионе, что поручил Шкверчку и Добби наблюдение за Малфоем, но знал, что домовые эльфы для нее – больная тема.

– Они… следят за Малфоем по моему поручению, – признался он наконец.

– Днем и ночью, – прокаркал Шкверчок.

– Добби не спал целую неделю, Гарри Поттер! – гордо сообщил Добби и слегка пошатнулся.

Гермиона пришла в возмущение:

– Ты не спал, Добби? Гарри, ты ведь не мог приказать, чтобы…

– Конечно нет, – поспешил заверить Гарри. – Добби, спать можно, понял? Но вы хоть что-нибудь выяснили? – быстро, пока снова не вмешалась Гермиона, спросил он.

– Господин Малфой ступает благородно, как надлежит персоне его происхождения, – сразу заскрипел Шкверчок. – Тонкими чертами он напоминает мою хозяйку, а манерами…

– Драко Малфой – плохой мальчишка! – гневно пропищал Добби. – Плохой мальчишка, который… который…

Он содрогнулся весь, от кисточки чайной бабы до кончиков носков, и рванул к камину, явно собираясь кинуться в огонь. Гарри, которому такое поведение было не в новинку, схватил эльфа поперек туловища и поднял в воздух. Добби задергался, вырываясь, потом бессильно обмяк.

– Спасибо, Гарри Поттер, – прерывисто выдохнул он. – Добби пока трудно говорить о бывших хозяевах плохое…

Гарри его отпустил; Добби поправил шляпу-бабу и с вызовом обратился к Шкверчку:

– Но Шкверчок все равно должен знать, что Драко Малфой – плохой господин для домового эльфа!

– Да, нам вовсе неинтересно слушать, как ты обожаешь Малфоя, – сказал Гарри Шкверчку. – Поэтому опустим признания в любви и

перейдем к тому, чем он занимается.

Шкверчок в негодовании снова отвесил поклон и забубнил:

– Господин Малфой ест в Большом зале, спит в спальне, посещает занятия по различным...

– Добби, расскажи ты, – оборвал Гарри. – Он ходил куда-нибудь, где ему быть не положено?

– Гарри Поттер, сэр, – запищал Добби; в его огромных шаровидных глазах мерцали отблески камина, – Добби ни разу не застиг юного Малфоя за нарушением правил, но видно, что он старается ускользнуть от соглядатаев. Он постоянно ходит на седьмой этаж с разными другими школьниками, и те сторожат, пока он сидит в...

– В Кстати-комнате! – Гарри треснул себя по лбу «Высшим зельеделием». Гермиона и Рон удивленно на него взорвались. – Так вот куда он шляется! Вот где он... занимается своими делишками! Вот почему исчезает с карты – если вдуматься, я вообще никогда не видел там Кстати-комнаты!

– Может, Каверзники про нее не знали, – заметил Рон.

– Думаю, это часть ее магических свойств, – сказала Гермиона. – Если нужно, чтоб она стала неподступной, ее и не видно.

– Добби, а тебе не удалось подсмотреть, что он там делает? – с жадным любопытством спросил Гарри.

– Нет, Гарри Поттер, это невозможно, – ответил Добби.

– Глупости, – отрезал Гарри. – Малфой в прошлом году проник в нашу штаб-квартиру, вот и я проберусь туда и подсмотрю за ним, без проблем.

– Сомневаюсь, – медленно произнесла Гермиона. – Малфой знал, для чего мы пользовались Кстати-комнатой, потому что дура Мариэтта проговорилась. Ему было нужно, чтобы комната была штаб-квартирой Д. А., и она ею становилась. А ты не знаешь, чем она является для Малфоя, и не знаешь, чего просить.

– Ничего, что-нибудь придумаю, – отмахнулся Гарри. – Добби, ты молодчина!

– Шкверчок тоже умница, – ласково похвалила Гермиона.

Шкверчок, однако, не выразил и тени благодарности, лишь отвел в сторону громадные, в красных прожилках глаза и скрипуче забубнил в потолок:

– Мугродье обращается к Шкверчку, Шкверчок притворится, будто не слышит мугродья...

– Пшел вон, – рявкнул Гарри. Шкверчок, отвесив низкий поклон напоследок, дезаппарировал. – И тебе лучше пойти поспать, Добби.

– Спасибо, Гарри Поттер, сэр! – счастливо пискнул Добби и тоже испарился.

Едва эльфы исчезли, Гарри повернулся к Рону и Гермионе и с жаром спросил:

– Ну как вам? Мы знаем, где бывает Малфой! Теперь он у нас в руках!

– Потрясно, – хмуро буркнул Рон, пытаясь промокнуть чернильную кашу, которая еще недавно была почти законченным сочинением. Гермиона подтянула пергамент к себе и стала собирать чернила волшебной палочкой.

– А что это он говорил про «разных других школьников»? – вспомнила Гермиона. – Сколько у Малфоя помощников? По идеи он не должен доверять свой секрет кому попало...

– Да, странно, – нахмурился Гарри. – Я слышал, как он говорил Краббе: тебя, мол, мои дела не касаются... и если он рассказывает всем этим... всем этим... – Гарри замолчал и уставился в огонь. – Какой же я дурак, – тихо проговорил он. – Все же очевидно! В подземелье был целый котел этого добра... он мог стащить тогда на уроке...

– Что стащить? – не понял Рон.

– Всеэссенцию. На самом первом уроке Дивангард ее нам показывал, и Малфой украл... На страже стоят не разные школьники... а Краббе и Гойл, как обычно... да-да, все сходится! – Гарри вскочил и принял расхаживать перед камином. – Эти болваны сделают для него что угодно, даже если он не объяснит зачем... но он не хочет, чтоб их видели рядом с Кстати-комнатой, и заставляет менять облик... те две девчонки, которых я с ним видел, когда он пропустил квидишний матч... Ха! Краббе и Гойл!

– Ты хочешь сказать, – очень тихо произнесла Гермиона, – что та маленькая девочка, которой я починила весы...

– Конечно! – воскликнул Гарри, уставившись на нее. – Конечно! Видимо, Малфой как раз был в Кстати-комнате, и она – тьфу, что я говорю! – он уронил весы, чтобы предупредить: не выходи, здесь

посторонние! А девочка, которая уронила жабью икру, помните? Мы все время ходили рядом, сами того не понимая!

– Он превращает Краббе и Гойла в девочек? – хохотнул Рон. – Ну и ну... неудивительно, что они в последнее время такие несчастные... как это они его еще не послали...

– И не пошлют, если видели Смертный Знак, – сказал Гарри.

– Хммм... Смертный Знак, в существовании которого мы далеко не уверены, – скептически заметила Гермиона. Она свернула в трубочку высохшее сочинение, пока с ним не случилась еще какая-нибудь напасть, и передала Рону.

– Посмотрите, – уверенно заявил Гарри.

– Посмотрим, – согласилась Гермиона, встала и потянулась. – Только, Гарри, не сходи с ума раньше времени, мне все-таки кажется, что ты не сможешь попасть в Кстати-комнату, не зная, что он там делает. И не забывай, – она вскинула на плечо тяжелый рюкзак и очень серьезно поглядела на Гарри, – *по уму тебе надо бы сосредоточиться на воспоминании Дивангарда*. Спокойной ночи.

Гарри проводил ее недовольным взглядом и, как только дверь в спальню девочек закрылась, повернулся к Рону:

– Что скажешь?

– Вот бы уметь дезаппариовать, как домовой эльф, – произнес Рон, мечтательно глядя туда, где недавно исчез Добби. – Тогда права были бы у меня в кармане.

Ночь Гарри провел плохо. Он как будто много часов пролежал без сна, гадая, для чего Малфою Кстати-комната и что он, Гарри, увидит там завтра. Невзирая на опасения Гермионы, он был уверен: если Малfoy смог попасть в штаб-квартиру Д. А., то и он попадет... но куда? Что это может быть? Место встречи? Убежище? Хранилище? Мастерская? Мозги гудели, а сны, когда Гарри наконец заснул, были обрывочны и неспокойны: Малфой превращался в Дивангарда, тот, в свою очередь, становился Злеем...

Наутро за завтраком Гарри дрожал от нетерпения; он твердо решил в свободное время перед защитой от сил зла попытаться проникнуть в Кстати-комнату и сейчас шепотом делился планами с Роном. Гермиона ими подчеркнуто не интересовалась, и Гарри сердился: она могла бы сильно помочь, если бы только захотела.

— Слушай, — шепнул он, склоняясь к ней и накрывая ладонью свежий номер «Оракула», чтобы Гермиона не успела спрятаться за газетой. — Я не забыл про Дивангарда, но не представляю, как выудить у него воспоминание. А пока меня не осенит, почему бы не последить за Малфоем?

— Я же сказала, Дивангарда ты должен *уговорить*, — ответила она. — А не перехитрить или околодовать, иначе Думблдор и сам бы давно это сделал, причем в две секунды. Поэтому тебе надо не торчать у Кстати-комнаты, — она выдернула «Оракул» из-под его руки и развернула на первой полосе, — а искать Дивангарда и взывать к его совести.

И она принялась просматривать заголовки.

— Кто-нибудь из знакомых?.. — спросил Рон.

— Да! — воскликнула она. Гарри и Рон едва не поперхнулись. — Нет-нет, все в порядке, никто не умер — здесь про Мундугнуса. Его арестовали и отправили в Азкабан! Судя по всему, он хотел кого-то обворовать и притворился инфернием... Еще пропал некий Октавиус Перетс... А еще, какой ужас, арестовали девятилетнего мальчика! Он пытался убить бабушку с дедушкой, вроде бы под проклятием подвластия...

Они доели завтрак в молчании. Затем Гермиона пошла на древние руны, Рон — в общую гостиную дописывать сочинение про дементоров, а Гарри — в коридор на седьмом этаже, к гобелену, на котором Барнабас Безбашенный обучал троллей балету.

В первом же пустом переходе Гарри надел плащ-невидимку, но беспокоился зря: у гобелена никого не было. Гарри не знал, как проще попасть в комнату — когда Малfoy внутри или, наоборот, когда его там нет, — но обрадовался, что на первый раз под ногами хотя бы не будут путаться Краббе и Гойл в обличье одиннадцатилетних девчонок.

Перед потайной дверью в Кстати-комнату Гарри закрыл глаза. Он хорошо помнил, что надо делать; в прошлом году успел здорово натренироваться. Сосредоточив всю волю на своем желании, он твердил про себя: *Мне нужно увидеть, чем внутри занимается Малfoy...* *Мне нужно увидеть, чем внутри занимается Малfoy...* *Мне нужно увидеть, чем внутри занимается Малfoy...*

Он три раза прошел мимо двери, а затем, с отчаянно бьющимся сердцем, повернулся к ней и открыл глаза — но уперся взглядом в абсолютно гладкую стену.

Гарри подошел и попробовал ее толкнуть. Стена осталась каменной и неподатливой.

– Ладно, – вслух проговорил Гарри, – хорошо… я не то думал…

Поразмыслив, он опять заходил с закрытыми глазами, усердно концентрируясь на мысли: *Мне нужно увидеть место, где тайно бывает Малфой… Мне нужно увидеть место, где тайно бывает Малфой…*

После трех проходов он с надеждой открыл глаза.

Двери не было.

– Слушай, не дури, – недовольно сказал он стене. – Я же ясно выразился… ну хорошо…

Гарри на пару минут задумался, а потом зашагал снова.

Мне нужно, чтобы ты стала тем, чем становишься для Драко Малфоя…

Он замер с закрытыми глазами и прислушался, словно надеясь уловить момент, когда в стене образуется дверь. Однако ничего не услышал, кроме отдаленного чириканья птиц за окном, и решительно распахнул глаза.

Двери не было.

Гарри выругался. Кто-то завизжал. Гарри оглянулся и увидел стайку первоклашек, в страхе убегающих за угол; они, очевидно, решили, что повстречали крайне невоспитанное привидение.

Прошел час. Гарри перепробовал все мыслимые вариации на тему «мне надо увидеть, что делает внутри Драко Малфой», но в конце концов с неохотой признал, что Гермиона, вероятно, права и комната попросту не желает перед ним открываться. Усталый и раздосадованный, Гарри пошел на защиту от сил зла. По дороге он стащил с себя плащ-невидимку и сунул его в рюкзак.

– Опять опаздываем, Поттер, – холодно произнес Злей, едва Гарри вбежал в освещенный свечами класс. – Минус десять баллов с «Гриффиндора».

Гарри с ненавистью посмотрел на Злея и плюхнулся рядом с Роном. Половина класса еще не расселась, все доставали учебники и раскладывали вещи; он пришел ненамного позже остальных.

– Прежде всего я хочу собрать ваши работы по дементорам, – сказал Злей и небрежно взмахнул волшебной палочкой. Двадцать пять пергаментных свитков устремились к нему по воздуху и аккуратной

стопкой сложились на столе. – Ради вашего же блага надеюсь, что они окажутся лучше того вздора, который мне пришлось читать о сопротивлении проклятию подвластия. А теперь, если вы соблаговолите открыть учебники на странице... в чем дело, мистер Финнigan?

– Сэр, – заговорил Шеймас, – скажите, а как отличить инферния от привидения? В «Оракуле» писали про инферния...

– Ничего подобного, – скучающе возразил Злей.

– Но, сэр, говорят...

– Если бы внимательно прочли газету, мистер Финнigan, то знали бы, что так называемый инферний оказался не кем иным, как жалким воришкой по имени Мундугнус Флетчер.

– Я думал, Злей и Мундугнус на одной стороне? – шепнул Гарри Рону и Гермионе. – Он бы должен переживать, что Мундугнуса аресто...

– Кажется, Поттеру есть чем с нами поделиться. – Злей неожиданно показал в конец класса, и его черные глаза впились в Гарри. – Давайте узнаем у него, как же отличить инферния от привидения.

Все оглянулись на Гарри, и тот стал спешно вспоминать, что говорил Думблдор, когда они навещали Дивангарда.

– Э-э... мmm... привидения... прозрачные... – промямлил он.

– Гениально, – восхитился Злей, издевательски кривя губы в улыбке. – Сразу видно, что шесть лет обучения не прошли для вас даром. *Привидения прозрачные*.

Панси Паркинсон пронзительно хихикнула, другие насмешливо сморщили носы. Гарри глубоко вдохнул и, хотя внутри у него все кипело, спокойно продолжил:

– Да, привидения прозрачные, а инфернии – трупы, так? Значит, они твердые...

– Это мог бы поведать и пятилетний, – осклабился Злей. – Инферний – труп, воскрешенный заклинанием черного мага. Инфернии не живые существа, они действуют по воле колдуна подобно марионеткам. Привидение же, как всем известно, суть оттиск почившей души, оставшийся на земле... *прозрачный*, по справедливому замечанию многомудрого Поттера.

– То, что сказал Гарри, и есть самое ценное! А как их еще различить? – вмешался Рон. – Встретишься с таким в темном переулке

и сразу глянешь, твердый он или нет! Не спрашивать же: «Извините, вы случайно не оттиск почившей души?»

По классу побежал хохоток, быстро стихший под взглядом Злея.

– Минус еще десять баллов с «Гриффиндора», – сказал он. – Очень умно, Рональд Уизли. Впрочем, чего и ожидать от человека, который настолько *твёрд*, что не в состоянии аппарировать ни на дюйм.

Гарри возмущенно открыл рот, но Гермиона схватила его за руку и зашептала:

– Не надо, перестань! Какой смысл, только заработаешь очередное взыскание, и все!

– Итак, откройте учебники на странице двести тринадцать, – слегка усмехаясь, приказал Злей, – и прочтите первые два абзаца о пыточном проклятии…

Рон весь урок подавленно молчал. Когда прозвонил колокол, Лаванда догнала его и Гарри (заметив ее приближение, Гермиона мистическим образом исчезла) и принялась возмущаться бес tactностью Злея, но лишь сильней разозлила Рона; чтобы отделаться от Лаванды, он вслед за Гарри скрылся в мужском туалете.

– Согласись, что Злей прав, – сказал Рон, пару минут молчаостояв перед треснувшим зеркалом. – Даже не знаю, стоит ли сдавать экзамен. Я не могу понять сути аппарирования…

– Но можешь дополнительно позаниматься в Хогсмеде и посмотреть, что получится, – резонно заметил Гарри. – Так или иначе, это интересней, чем запрыгивать в идиотское кольцо. А уж потом, если тебе покажется, что ты все равно… как бы это… не настолько хороши, как хотелось бы, можешь отложить экзамен и сдать летом вместе со мно… Миртл, здесь *мужской* туалет!

Из унитаза в соседней кабинке вылетело привидение девочки и повисло под потолком, рассматривая их сквозь толстые, белые, круглые очки.

– А-а, – мрачно проворчала она. – Это вы.

– А ты кого ждала? – спросил Рон, глядя на нее в зеркало.

– Никого, – хмуро отрезала Миртл, ковыряя прыш на подбородке. – Он сказал, что вернется ко мне… но ты тоже так говорил… – она обиженно покосилась на Гарри, – а сам не приходил много месяцев. Я давно поняла: мальчишкам нельзя доверять.

— Мне казалось, ты являешься в другом туалете, — сказал Гарри, который вот уже несколько лет старательно обходил его стороной.

— Ну являюсь, — Миртл недовольно дернула плечом, — но это не значит, что мне нельзя оттуда выходить. Я как-то видела тебя в ванной, помнишь?

— Очень живо, — ответил Гарри.

— Я думала, я ему нравлюсь, — пожаловалась Миртл. — Может, если вы уйдете, он появится? У нас столько общего... я уверена, он это тоже почувствовал...

Она с надеждой посмотрела на дверь.

— Много общего? — развеселился Рон. — В смысле, он тоже обретается в сифоне?

— Нет! — с вызовом бросила Миртл. По старой кафельной комнате разлетелось громкое эхо. — Он тоже очень чувствительный, и его тоже обижают, ему одиноко и не с кем поговорить, и он не стесняется плакать!

— Здесь кто-то плакал? — заинтересовался Гарри. — Кто? Маленький мальчик?

— Не твое дело! — отрезала Миртл, в слезах уставив глазки на откровенно скалящегося Рона. — Я обещала никому не говорить и унесу его секрет с собой в...

— ...уж точно не в могилу? — фыркнул Рон. — В отстойник — еще может быть...

Миртл яростно взвыла и нырнула обратно в унитаз, расплескав воду на пол. У Рона после пикировки с ней, похоже, открылось второе дыхание.

— Ты прав, — сказал он Гарри, вскидывая на плечо рюкзак, — надо сначала потренироваться, а уж потом решать, сдавать экзамен или нет.

Итак, в ближайшие выходные Рон, Гермиона и другие шестиклассники, которым к экзаменам исполнялось семнадцать, собрались в Хогсмед. Гарри с завистью смотрел, как они готовятся к выходу; он скучал по походам в деревню, к тому же день выдался приятный и небо впервые за долгое время расчистилось. Но Гарри хотел использовать досуг для того, чтобы еще раз попытаться взять приступом Кстати-комнату. Провожая Рона и Гермиону, он в вестибюле поделился с ними своими планами.

— Лучше бы, — ответила Гермиона, — ты пошел к Дивангарду и попробовал добыть воспоминание.

— Я пробую! — с досадой воскликнул Гарри, и это была истинная правда. На неделе он задерживался после каждого урока зельеделия, рассчитывая поговорить с Дивангардом с глазу на глаз, но тот всегда так быстро убегал из класса, что Гарри не успевал его перехватить. Дважды Гарри подходил к его кабинету, стучал, но не получал ответа, хотя во второй раз явственно расслышал, как за дверью поспешно выключили старый граммофон. — Он не хочет со мной разговаривать! Видит, что мне нужно, и увиливает!

— Значит, пробуй еще.

Короткая очередь к Филчу — он, как обычно, проверял уходящих, тыча в них сенсором секретности, — продвинулась на несколько шагов, и, опасаясь, что смотритель его услышит, Гарри не ответил. Он пожелал друзьям удачи и отправился к Кстати-комнате. Час-другой он ей все-таки посвятит, что бы ни говорила Гермиона.

Убедившись, что его не видно из вестибюля, Гарри достал из рюкзака Карту Каверзника и плащ-невидимку. Укрывшись, он постучал по карте, пробормотал: «Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего», — и взгляделся в схему замка.

Естественно, воскресным утром почти все сидели в общих гостиных: — гриффиндорцы в одной башне, вранзорцы — в другой, слизеринцы — в подземелье, хуффльпуффцы — рядом с кухней. Отдельные личности бродили по библиотеке или в коридорах... кое-кто гулял во дворе... а в коридоре седьмого этажа стоял Грегори Гойл. Кстати-комнаты на карте не было, но Гарри нисколько не беспокоился; раз Гойл стоит на часах, значит, комната открыта, даже если карта об этом не знает. Гарри побежал вверх по лестнице и замедлил шаг только у поворота, откуда начал потихоньку подкрадываться к той самой маленькой девочке, которой Гермиона любезно помогла две недели назад. Он подобрался к ней сзади, очень низко наклонился и прошептал:

— Привет... ты очень хорошенъкая, знаешь?

Гойл взвизгнул от ужаса, отшвырнул весы к потолку и умчался, пропав из виду гораздо раньше, чем стихло эхо от звона разбившихся весов. Гарри, смеясь, повернулся к стене и задумчиво воззрился на ее гладкую поверхность. Он не сомневался, что по другую сторону в

страхе застыл Драко Малфой; знает, что снаружи посторонние, и не осмеливается выйти. Гарри, в эйфории от собственного могущества, стал думать, как еще попросить комнату открыться.

Увы, его радость длилась недолго; прошло полчаса, он испробовал сотни вариаций, а дверь так и не появилась. Гарри смертельно разозлился: Малфой в двух шагах, а чем он занимается, по-прежнему непонятно! Окончательно потеряв терпение, Гарри подбежал к стене и пнул ее ногой.

– ОЙ!

Неужели сломал большой палец? Он зажал его рукой и запрыгал на одной ноге; плащ-невидимка соскользнул на пол.

– Гарри?

Он круто развернулся на одной ноге, упал и с изумлением увидел Бомс, которая шла к нему, словно имела привычку разгуливать здесь через день.

– Что ты тут делаешь? – спросил Гарри, поднимаясь. Ну почему надо вечно появляться, когда он валяется на полу?

– Хотела встретиться с Думблдором, – ответила Бомс.

Выглядела она ужасно; исхудала как скелет, мышиные волосы повисли сосульками.

– Его кабинет не здесь, – сказал Гарри, – он на другой стороне замка, за горгульей...

– Знаю, – отозвалась Бомс. – Его нет в школе. Опять куда-то отправился.

– Да? – Гарри осторожно поставил ушибленную ногу на пол. – Слушай... ты, случайно, не знаешь, где он бывает?

– Нет, – покачала головой Бомс.

– А зачем тебе к нему?

– Так, ничего особенного. – Бомс, сама того не замечая, теребила свой рукав. – Просто подумала, вдруг он знает... ходят слухи... про несчастные случаи...

– Да, точно, было в газете, – сказал Гарри. – Какой-то мальчишка пытался убить своих...

– «Оракул» часто запаздывает с новостями, – перебила Бомс, видимо не слушая. – Тебе никто из Ордена не писал в последнее время?

– Из Ордена мне больше никто не пишет, – ответил Гарри, – с тех пор как Сириус...

Он увидел, что ее глаза наполнились слезами.

– Прости, – неловко пробормотал он. – Я только хотел сказать... мне его тоже очень не хватает...

– Что? – словно ничего не понимая, переспросила Бомс. – Ладно... увидимся, Гарри...

Она резко развернулась и пошла по коридору, а Гарри стоял и глядел ей вслед. Через минуту-другую он опять надел плащ-невидимку и занялся Кстати-комнатой, но уже без былого энтузиазма. Наконец у него засосало под ложечкой. Зная, что Рон с Гермионой должны вернуться к обеду, Гарри решил плюнуть и предоставить коридор в распоряжение Малфоя – который, надо надеяться, просидит в комнате еще несколько часов.

Рона и Гермиону он застал в Большом зале. Они пришли рано и успели съесть почти половину обеда.

– У меня получилось... почти! – радостно сообщил Рон, едва завидев Гарри. – Надо было переместиться к чайной мадам Пуднафут, а я капельку переборщил и очутился около Шкрябенштюка, но хотя бы с места сдвинулся!

– Молодец, – одобрил Гарри. – А ты как, Гермиона?

– Идеально, как же еще, – откликнулся Рон, не дав Гермионе вымолвить ни слова. – Все идеально, и наскок, и настырность, и небрежность... или как там... После занятий зашли в «Три метлы», так ты бы слышал, какие песни пел про нее Тутитам, – не удивлюсь, если он скоро сделает ей предложение...

Гермиона, не обращая внимания на его слова, спросила Гарри:

– А как твои дела? Проторчал у Кстати-комнаты?

– Угу, – кивнул Гарри. – И угадайте, кого я там встретил? Бомс!

– Бомс? – дружно удивились они.

– Да, она сказала, что хотела повидать Думблдора...

– Если вам интересно мое мнение, – заявил Рон, как только Гарри передал свой разговор с Бомс, – она стала чуточку того. Поехала мозгами после министерства.

– Все-таки странно, – проговорила Гермиона, которую отчего-то сильно озабочила весть о Бомс. – Ее поставили охранять замок, а она

вдруг бросает пост, чтобы повидать Думблдора, тем более когда его нет в школе?

— Я вот подумал, — робко произнес Гарри. Ему было неловко; подобные темы — территория Гермионы. — Вам не кажется, что она была... ну, знаете... влюблена в Сириуса?

Гермиона вытаращила глаза:

— С чего ты взял?

— Не знаю, — пожал плечами Гарри, — только она чуть не заплакала, когда услышала его имя... и Заступник у нее теперь с четырьмя лапами... я и подумал, не превратился ли он... ну, короче... в него.

— Это мысль, — медленно сказала Гермиона. — Но я все равно не понимаю, зачем вламываться в замок к Думблдору, если, конечно, она и вправду к нему...

— Так я о том и говорю, — провозгласил Рон, быстро набивая рот картофельным пюре. — Бедняжка тютюкнулась. Сломалась. Женщины! — мудро кивнул он Гарри. — Слабая нервная система.

— Сомневаюсь, однако, — отозвалась Гермиона, отвлекшись от раздумий, — чтобы *женщина* целых полчаса страдала из-за того, что мадам Росмерта не засмеялась над анекдотом про колдунью, знахаря и мимбулюс мимблетонию.

Рон надулся.

Глава двадцать вторая

После похорон

В облачном небе над башнями замка все чаще появлялись ярко-голубые прогалины, но эти признаки приближения лета совершенно не радовали Гарри. У него ничего не получалось – ни выследить Малфоя, ни вызвать Дивангарда на доверительную беседу и заставить поделиться воспоминанием, которое тот скрывал несколько десятилетий.

– Последний раз говорю: забудь о Малфое, – решительно велела Гермиона.

Они, пообедав, сидели во дворе и грелись на солнышке. Рон и Гермиона держали министерскую брошюру «Аппарирование: распространенные ошибки и способы их избежать» – сегодня у них был экзамен. Похоже, однако, что брошюра не успокаивала нервы: стоило из-за угла появиться какой-то девочке, Рон вздрогнул и полез прятаться за Гермионой.

– Это не Лаванда, – устало сказала та.

– А, хорошо, – успокоился Рон.

– Гарри Поттер? – заговорила девочка. – Просили тебе передать.

– Спасибо...

Гарри с упавшим сердцем взял маленький пергаментный свиток и подождал, когда девочка отойдет подальше.

– Думбльдор говорил, что, пока я не добуду воспоминание, занятый больше не будет.

– Может, он хочет узнать, как твои успехи, – предположила Гермиона.

Гарри развернул послание, но вместо узкого косого почерка Думбльдора увидел неровные каракули, очень неразборчивые – пергамент был сильно закапан, и чернила местами расплылись:

Дорогие Гарри, Рон и Гермиона!

Арагог ночью скончался. Гарри и Рон, вы его знали и помните, какой он был необыкновенный. Гермиона, тебе он тоже понравился

бы. Похороны вечером, и очень хорошо, ежели вы тоже придете. На закате, в его любимое время. Я знаю, вам поздно на улицу нельзя, но у вас есть плащ. Я бы не просил, но одному такое не сдюжить.

Огрид

– Прочти. – Гарри сунул записку Гермионе.

– Ой, я вас умоляю! – воскликнула она, быстро пробежав письмо глазами и передав Рону. У того от возмущения глаза вылезли на лоб.

– Совсем *сбрендил!* – разъярился он. – Да эта его чудина отдала нас с Гарри своим сородичам на съедение! Дескать, угощайся, народ! А мы теперь, значит, рыдай над его паскудным волосатым трупом?

– Дело не только в этом, – сказала Гермиона. – Он просит нас поздно вечером выйти из замка, хотя прекрасно знает, что меры безопасности стали в миллион раз строже и что будет, если нас поймают.

– Мы и раньше ходили к нему в гости по вечерам, – возразил Гарри.

– Да, но ради *такого?* – отозвалась Гермиона. – Когда Огрид правда нуждался в помощи, мы многим рисковали, но... в конце концов... Арагог уже умер. Если б речь шла о его спасении...

– Тогда я бы точно пас, – твердо заявил Рон. – Гермиона, ты с ним не была знакома. Поверь, смерть ему очень на пользу.

Гарри забрал у него записку и посмотрел на расплывшиеся чернильные пятна. Слезы лились на пергамент ручьем...

– Гарри, надеюсь, ты *не собираешься* идти? – спросила Гермиона. – И напороться на взыскание из-за такой глупости?

Гарри вздохнул.

– Знаю, знаю, – сказал он. – Огрид спокойно похоронит Арагога и без нас.

– Вот именно, – с явным облегчением ответила она. – Слушай, сегодня днем на зельеделии почти никого не будет, у нас же экзамен... попробуй как-нибудь умаслить Дивангарда!

– Думаешь, на пятьдесят седьмой раз мне наконец улыбнется удача? – горько усмехнулся Гарри.

– Удача! – вдруг воскликнул Рон. – Гарри, вот оно – удача!

– То есть?

– Выпей зелье удачи!

— Рон, точно... точно! — потрясенно вскричала Гермиона. — Конечно! Как я сама не додумалась?

Гарри уставился на друзей:

— Фортуну фортунату? Не знаю... я хотел ее поберечь...

— Для чего? — изумленно спросил Рон.

— Что может быть важнее этого воспоминания? — поддержала Гермиона.

Гарри не ответил. Мысль о драгоценном флакончике давно таилась в глубинах его сознания; там зрели смутные, неясные мечты: Джинни порывает с Дином, Рон почему-то радуется, что она теперь встречается с Гарри... Он сам себе не признавался в этом, разве что во сне или на сумеречной границе между сном и явью...

— Гарри? Где ты витаешь? — окликнула Гермиона.

— Что?.. А, да, конечно, — сказал он, приходя в себя. — Да... хорошо. Если мне сейчас не удастся разговорить Дивангарда, вечером приму фортуну и попробую еще раз.

— Решено, — бодро произнесла Гермиона, встала и исполнила грациозный пируэт. — Направление... настрой... неспешность... — пробормотала она.

— Прекрати, — взмолился Рон, — меня и так тошнит... Ой, скорей, прячьте меня!

Во дворе появились еще две девочки, и Рон нырнул за спину Гермионы.

— Это не Лаванда, — досадливо бросила она.

— Отлично. — Рон осторожно выглянул из-за ее плеча. — Эй, смотрите, они грустные какие-то.

— Это сестры Монтгомери и, естественно, они грустные — ты не слышал про их младшего брата? — удивилась Гермиона.

— Честно говоря, я уже не успеваю следить, что у кого творится с родственниками, — ответил Рон.

— На него напал оборотень. Говорят, их мама отказалась помогать Упивающимся Смертью. В общем, мальчику было всего пять, и он умер в святом Лоскуте, его не смогли спасти.

— Умер? — потрясенно повторил Гарри. — Но ведь от этого не умирают, просто тоже превращаешься в оборотня?

— Иногда умирают, — необычайно посерезнел Рон. — Я слышал, такое бывает, если оборотень слишком увлекается.

— А кто это был? — быстро спросил Гарри.

— Говорят, Фенрир Уолк, — ответила Гермиона.

— Я так и знал — маньяк, который охотится за детьми, про которого Люпин говорил! — гневно воскликнул Гарри.

Гермиона печально посмотрела на него и сказала:

— Гарри, ты должен добыть воспоминание. Оно же для того, чтобы остановить Вольдеморта. Весь этот кошмар из-за него...

Наверху ударили колокол. Перепуганные Рон и Гермиона вскочили.

— Все будет хорошо, — заверил их Гарри. Они пошли к вестибюлю, где собирались те, кто сегодня сдавал аппарирование. — Удачи.

— Тебе тоже! — Гермиона многозначительно посмотрела на Гарри, и тот свернулся к подземелью.

На зельеделии учеников было всего трое: Гарри, Эрни и Драко Малфой.

— Не доросли для экзамена? — добродушно хохотнул Дивангард. — Даже семнадцати нет?

Они помотали головами.

— Ну и ничего страшного, — весело продолжал Дивангард, — раз нас так мало, давайте забавляться. Пусть каждый приготовит мне что-нибудь интересненькое!

— Отличная идея, сэр, — льстиво сказал Эрни, потирая руки. А вот Малфой даже не улыбнулся.

— В каком смысле «интересненькое»? — мрачно осведомился он.

— Удивите меня чем-нибудь, — легкомысленно отозвался Дивангард.

Малфой, поджав губы, открыл «Высшее зельеделие». Было яснее ясного, что он считает этот урок пустой тряской времени и жалеет, что его нельзя провести в Кстати-комнате. Все понятно, думал Гарри, наблюдая за ним поверх учебника.

Ему кажется или Малфой похудел, как и Бомс? И уж точно побледнел; кожа по-прежнему сероватая — наверное, потому что в последнее время он редко выходит на улицу. И в нем совсем не осталось нахальства, живости, высокомерия; ничего от той чванливой развязности, с которой он в «Хогварц-экспрессе» хвастался миссией, возложенной на него Вольдемортом... и тут в голову приходит лишь одно объяснение: какова ни есть миссия, дела у Малфоя не задались.

Эта мысль очень взбодрила Гарри. Он полистал «Высшее зельеделие» и нашел сильно исчерканные инструкции к

приготовлению эйфорического эликсира. Отлично: оно не только отвечает условиям задания, но и может (сердце Гарри пропустило удар) привести Дивангарда в нужное настроение. Если уговорить учителя попробовать эликсир, не исключено, что он решится отдать воспоминание...

— Что ж, выглядит потрясающе, — всплеснув ручками и хлопнув в ладоши, сказал Дивангард полтора часа спустя. Он внимательно рассматривал солнечно-желтое содержимое котла Гарри. — Эйфория, насколько я понимаю? А что за аромат? Ммм... щепотка перечной мяты, верно? Не по науке, конечно, но... мысль превосходная и очень оригинальная. Разумеется: прекрасный противовес изредка возникающим побочным эффектам вроде неуемного пения и подергивания носа... Прямо не знаю, где ты черпаешь вдохновение, мой мальчик... если только это не...

Гарри ногой поглубже запихнул в рюкзак учебник Принца-полукровки.

— ...гены твоей матери!

— А... да, наверное, — успокоился Гарри.

Эрни был недоволен; рассчитывая превзойти Гарри, он весьма необдуманно занялся изобретением собственного зелья, но оно загустело и превратилось в какую-то фиолетовую клещку. Малфой с кислым лицом собирали вещи; Дивангард объявил его отрыжный отвар всего-навсего «сносным».

Прозвенел колокол. Малфой и Эрни сразу ушли.

— Сэр, — начал Гарри, но Дивангард быстро оглянулся, увидел, что кабинет опустел, и поспешил прочь. — Профессор... профессор, не хотите попробовать мое зе?.. — в отчаянии крикнул ему вслед Гарри.

Но тот уже скрылся. Гарри в расстройстве опустошил котел, собрал вещи, вышел из класса и побрел наверх в общую гостиную.

Рон и Гермиона вернулись только к вечеру.

— Гарри! — выкрикнула Гермиона, появляясь в дыре за портретом. — Гарри, я сдала!

— Молодец! — похвалил он. — А Рон?

— Рон... провалился из-за *полной* ерунды, — шепотом сообщила Гермиона. Появился Рон, понурый и очень угрюмый. — Ужасно не повезло, такой пустяк, оставил половинку брови, а экзаменатор заметил... Как с Дивангардом?

— Порадовать нечем, — сказал Гарри. Рон подошел к ним. — Вот невезуха! Ничего, сдашь в следующий раз — вместе сдадим.

— Наверное, — проворчал Рон. — Но... *полброви!* Велика важность!

— Да-да, — сочувственно закивала Гермиона, — это уж слишком...

За ужином они только и делали, что ругали жестокого экзаменатора, и в конце концов Рон чуточку повеселел. По дороге назад они уже обсуждали несгибаемого Дивангарда и его воспоминание.

— Так что, Гарри, будешь принимать фортуну фортунату? — спросил Рон.

— Пожалуй, лучше принять, — ответил Гарри. — Конечно, не целый флакон на двенадцать часов, это же не на всю ночь... приму глоточек. Двух-трех часов должно хватить.

— Ощущения потрясающие, — мечтательно произнес Рон. — Как будто что ни сделаешь — все будет правильно.

— О чём ты? — засмеялась Гермиона. — Ты же никогда его не принимал!

— Но думал, что принял, — сказал Рон таким тоном, словно объяснял самоочевидное. — Разницы никакой...

Они видели, что Дивангард совсем недавно пришел в Большой зал, и знали, что он любит есть не торопясь, поэтому решили посидеть в общей гостиной. План был таков: подождать, чтобы учитель успел вернуться в кабинет, а уж после отправить туда Гарри. Когда солнце спустилось к верхушкам деревьев Запретного леса, они сочли, что пора, убедились, что Невилл, Дин и Шеймас в гостиной, и прокрались в спальню мальчиков.

Гарри извлек со дна сундука свернутые носки и достал крохотный сверкающий флакон.

— Ладно, поехали. — Он поднес флакон к губам и осторожно глотнул.

— Ну как? — шепотом спросила Гермиона.

Гарри ответил не сразу. Медленно, но верно его охватывала восхитительная убежденность в собственном всемогуществе; он чувствовал, что ему подвластно все, решительно все... а уж вытрясти из Дивангарда воспоминание — плевое дело...

Он поднялся, улыбаясь, не сомневаясь в себе ни капли, и сказал:

— Отлично. Просто отлично. В общем... я к Огриду.

– Что?! – в ужасе воскликнули Рон и Гермиона.

– Нет же, Гарри... тебе надо к Дивангарду, забыл? – прибавила она.

– Ничего подобного, – уверенно возразил Гарри. – Я иду к Огриду, мне кажется, это будет хорошо.

– Что хорошо? Закапывать гигантского паука? – изумился Рон.

– Да, – подтвердил Гарри, вытаскивая из рюкзака плащ-невидимку. – Я чувствую, что сегодня должен быть именно там, понимаете?

– Нет, – хором ответили они, откровенно нервничая.

– А это точно фортуна фортунаты? – забеспокоилась Гермиона, поднося флакон к свету. – У тебя не было другого флакона с... даже не знаю...

– Опупей-отваром? – предположил Рон.

Гарри, надевая плащ, рассмеялся. Рон и Гермиона встревожились еще больше.

– Доверьтесь мне, – сказал Гарри. – Я знаю, что делаю... или, во всяком случае... – он решительно пошел к двери, – фортуна знает.

Он закрылся плащом с головой и направился вниз. Рон и Гермиона поспешили за ним. Дверь у подножия лестницы была открыта, и Гарри проскользнул туда.

– Что это вы тут *с ней*?! – завизжала Лаванда Браун, возврившись сквозь Гарри на Рона и Гермиону, которые выскочили из спальни мальчиков. Кинувшись через гостиную, Гарри слышал, как мямлит Рон.

Выйти оказалось просто: в портретную дыру как раз влезали Джинни и Дин; Гарри протиснулся между ними, случайно задев Джинни.

– *Не надо* меня подсаживать, Дин, – раздраженно бросила она. – Вечно ты со своей заботой, я и сама прекрасно могу...

Портрет, качнувшись, закрылся, но Гарри услышал, как огрызнулся Дин... Еще больше возликовав, Гарри легко зашагал по замку. Никто не встречался ему на пути и прятаться не приходилось, но он нисколько не удивлялся: сегодня он был самым удачливым человеком в «Хогварце».

Почему обязательно надо идти к Огриду, он понятия не имел. Казалось, зелье освещает путь всего на несколько шагов вперед: конечного пункта не видно, и когда появится Дивангард, неизвестно,

зато ясно, что наградой будет воспоминание. В вестибюле Гарри просиял, увидев, что Филч забыл запереть входную дверь. Распахнув ее, Гарри постоял, наслаждаясь запахами травы и вечерней свежести, а потом спустился с крыльца навстречу сгущающимся сумеркам.

На нижней ступеньке он вдруг сообразил, что к Огриду приятней всего идти через огород. Это было не совсем по пути, но Гарри знал, что должен повиноваться капризу, и направился прямиком к грядкам, где обрадовался, но не очень удивился, обнаружив Дивангарда и профессора Спарж. Гарри шмыгнул за низкую каменную ограду и, чувствуя себя в ладу со всем миром, стал слушать их беседу.

— …огромное спасибо, что потратили на меня столько времени, Помона, — церемонно говорил Дивангард. — Большинство признанных авторитетов сходятся в том, что они наиболее действенны, если собраны в сумерках.

— Совершенно согласна, — горячо поддержала профессор Спарж. — Этого достаточно?

— Вполне, вполне, — покивал Дивангард. Гарри увидел у него в руках охапку каких-то стеблей. — Тут по несколько листьев на каждого третьеклассника плюс запас, на случай, если кто-то их перепарит… ну-с, доброго вам вечера и еще раз огромное спасибо!

Профессор Спарж ушла в темноту к своим теплицам, а Дивангард направил стопы туда, где стоял невидимый Гарри.

Повинуясь внезапному порыву, тот эффектно сдернул плащ.

— Добрый вечер, профессор.

— Мерлинова борода, как ты меня напугал, — сказал Дивангард, застыв на месте, и подозрительно сощурился: — Как ты вышел из замка?

— По-моему, Филч забыл запереть двери, — весело ответил Гарри и с радостью увидел, что Дивангард нахмурился.

— Кажется, придется на него заявить; если тебе интересно мое мнение, этого человека больше волнует мусор, чем собственно безопасность… Однако зачем ты здесь, Гарри?

— Видите ли, сэр, дело в Огриде. — Гарри совершенно точно знал, что сейчас самое правильное — говорить правду. — Он ужасно расстроен… но… вы никому не скажете, профессор? Я не хочу, чтоб у него были неприятности…

Любопытство у Дивангарда разыгралось.

– Не обещаю, – пробурчал он. – Но я знаю, что Думбльдор доверяет ему всецело, – вряд ли Огрид совершил что-то ужасное...

– Понимаете... у него много лет был гигантский паук... жил в Запретном лесу... говорящий и все такое...

– Мне рассказывали, что в лесу обитают акромантлы, – тихо произнес Дивангард, оглядываясь на стену черных деревьев. – Значит, это правда?

– Да, – кивнул Гарри. – Но первый, Арагог, которого вырастил Огрид, вчера ночью умер. Огрид совершенно разбит и просил, чтобы кто-то побыл с ним на похоронах. Я обещал прийти.

– Как трогательно, – рассеянно пробормотал Дивангард, уставив большие печальные глаза на далекие огоньки в хижине Огрида. – М-да... однако... яд акромантлы чрезвычайно ценен... раз животное только что умерло, он, возможно, еще не высох... я, конечно, человек не бездушный, и раз Огрид так расстроен... но если можно извлечь хоть сколько-то... как ни крути, из живой акромантлы яда не добудешь...

Казалось, Дивангард разговаривает с самим собой.

– ...не собрать было бы непростительно... сотня галлеонов за пинту... у меня, откровенно признаться, не такое большое жалованье...

Гарри вдруг ясно понял, что нужно делать.

– Знаете, – с очень убедительной нерешительностью сказал он, – если б вы захотели прийти на похороны, Огриду бы, наверное, было очень приятно... почетнее для Арагога, понимаете...

– Конечно, конечно, – в глазах Дивангарда вспыхнуло воодушевление. – Вот что, Гарри, встретимся там... я возьму бутылочку-другую... выпьем за... в смысле, помянем несчастное животное... проводим с честью... И надо сменить галстук, этот чересчур яркий для такого случая...

Он заторопился в замок, а Гарри в полном восторге от самого себя побежал к Огриду.

– Пришел, – прохрипел тот, открыв дверь и увидев, как Гарри возникает из-под плаща-невидимки.

– Да... а вот Рон с Гермионой не смогли, – сказал Гарри. – Они просили извиниться.

– Не ва... не важно... все равно, Гарри, он был бы так тронут...

Огрид громко всхлипнул. Его глаза покраснели и распухли; на рукаве была надета черная повязка, сделанная, похоже, из тряпки, пропитанной гуталином. Гарри в утешение похлопал великана по локтю – выше дотянуться не удалось.

– Где мы его похороним? – спросил он. – В лесу?

– Ты что, нет! – воскликнул Огрид, промокая бесконечный поток слез подолом рубашки. – Как Арагог помер, другие пауки меня и близко не подпускают. Оказывается, не ели меня только по его приказу! Можешь себе такое представить, Гарри?

Честным ответом было бы «да»; Гарри очень живо помнил страшную сцену, когда они с Роном столкнулись лицом к лицу с акромантулами и те отчетливо дали понять, что Огрид жив лишь благодаря Арагогу.

– Чтоб в лесу, да место, куда мне нельзя! – Огрид недоверчиво помотал головой. – Знал бы ты, как я у них Арагога забирал... они, вишь, своих мертвцевов едят... а я хотел схоронить честь по чести... как положено...

И бедняга опять разрыдался. Гарри снова похлопал его по локтю, проговорив при этом (зелье подсказывало, что делать):

– Я по дороге встретил профессора Дивангарда.

– Неприятностей-то у тебя не будет, нет? – забеспокоился Огрид. – Вам же ж нельзя из замка в такую поздноту, это все я виноват...

– Нет-нет, он, когда узнал, зачем я иду, сказал, что тоже хочет отдать Арагогу последний долг, – ответил Гарри. – Пошел переодеться во что-нибудь подходящее... и обещал принести вина, помянуть Арагога...

– Правда? – Огрид был потрясен и тронут. – Это... это... очень любезно с его стороны, очень... и тебя не выдал, смотри-ка. Я раньше с Горацием Дивангардом особо дел не имел... а он придет проводить Арагога, надо же... да... старине Арагогу это бы понравилось...

Гарри считал, что в Дивангарде старине Арагогу больше всего бы понравилось обилие мяса, но оставил свое мнение при себе и отошел к заднему окошку. Оттуда открывалось малоприятное зрелище: огромный мертвый паук, который лежал на спине, поджав перепутанные лапищи.

– Так мы его здесь похороним, в саду?

— Я решил, прямо за тыквенной грядкой, — выдавил Огрид. — Я уж и... это... могилку выкопал... Просто, думаю, надо ж над ним слов каких произнести хороших... воспомнить чего-нибудь радостное, как водится...

Его голос дрогнул; он замолчал. Тут раздался стук в дверь, и Огрид пошел открывать, попутно сморкаясь в гигантский платок в горошек. Дивангард в строгом черном галстуке и с охапкой бутылок в руках торопливо переступил порог.

— Огрид, — трагически промолвил он, — соболезнуй вашей потере.

— Благодарю, что пришли, — сказал Огрид. — Огромное спасибо. И спасибо, что Гарри не наказали...

— Что вы, как можно! — воскликнул Дивангард. — Горестный день, горестный день... а где же несчастное создание?

— Там, на улице, — надтреснуто отозвался Огрид. — Может... уже пойдем?

Они вышли на задний двор. Над деревьями висела луна; ее бледное сияние мешалось со светом из окон хижины и заливало Арагога. Он лежал на краю огромной ямы, возле которой возвышался десятифутовый холм свежевыкопанной земли.

— Великолепен, — произнес Дивангард, подходя к пауку. Восемь молочно-белых глаз мертвого уставились в небо, а в двух громадных изогнутых ротовых клешнях неподвижно отражалась луна. Дивангард склонился, рассматривая огромную волосатую голову, и Гарри послышалось звяканье бутылок.

— Не все понимают, какие они красивые, — сказал Огрид в спину Дивангарду. Слезы текли из уголков Огридовых глаз, окруженных мелкими морщинками. — Я и не знал, Гораций, что вам по сердцу такие существа.

— По сердцу? Мой дорогой Огрид, я их боготворю! — воскликнул Дивангард, отступая от Арагога и пряча под плащом бутылку — Гарри видел, как блеснуло стекло. Огрид промокал глаза и ничего не заметил. — Итак... не пора ли приступить к похоронам?

Огрид кивнул и шагнул вперед. Он с усилием приподнял гигантское тело и, оглушительно крякнув, перевалил его в темную яму. Снизу донесся отвратительный хруст. Огрид снова разрыдался.

— Конечно, вам, близкому человеку, тяжелее всего, — проговорил Дивангард. Он похлопал Огрида по локтю, до которого, как и Гарри,

только и мог дотянуться. – Позвольте мне сказать несколько слов?

Должно быть, нацедил море отменного яда, подумал Гарри, когда Дивангард с довольной ухмылкой ступил на край могилы и тихо, внушительно заговорил:

– Прощай, Арагог, царь арахнидов, давний и верный друг! Те, кто знал тебя, никогда тебя не забудут! Тело твое истлеет, но душа навсегда останется жить в укромных, опутанных паутиной уголках Запретного леса, что стал тебе домом. Пусть вечно процветают твои многоглазые потомки, и пусть обретут утешение люди, твои друзья, которых постигла столь невосполнимая утрата.

– Чудесная... чудесная речь! – взвыл Огрид и, отчаянно рыдая, повалился на компостную кучу.

– Ну-ну-ну, – сочувственно забормотал Дивангард, взмахивая волшебной палочкой. Гора земли поднялась в воздух, повисела мгновение и с глухим шорохом обрушилась на мертвого паука, образовав гладкий холмик. – Давайте пройдем в дом и помянем покойного. Гарри, зайди-ка с другой стороны... вот так... встаем, встаем, Огрид... вот молодчина...

Они усадили Огрида в кресло за столом. Клык, который во время похорон прятался в своей корзине, подтрусили к ним на мягких лапах и, как обычно, шлепнул тяжелую голову Гарри на колени. Дивангард откупорил бутылку.

– Я проверил, не отравлено, – заверил он Гарри, выливая большую часть вина в громадную кружку и передавая ее Огриду. – После случая с твоим бедным другом Рупертом у меня домовый эльф отпивает понемногу изо всех бутылок.

Гарри представил себе лицо Гермионы, доведись ей услышать о подобном, и решил ей не рассказывать.

– Это Гарри, – проговорил Дивангард, разливая содержимое второй бутылки по двум кружкам, – ...а это мне. Ну-с, – он высоко поднял кружку, – за Арагога.

– За Арагога, – хором повторили Гарри и Огрид.

Дивангард и Огрид сразу выпили от души. Но Гарри, направляемый фортуной фортунатой, знал, что не должен пить, поэтому лишь притворился, будто сделал глоток, и поставил кружку на стол.

— Я знал его еще яйцом, — печально вымолвил Огрид. — А когда он вылупился, вот такусенький был крошка. Не больше пекинеса.

— Прелесть, — сказал Дивангард.

— Я держал его в шкафу в школе, пока... ну...

Огрид потемнел лицом, и Гарри знал почему: в свое время из-за интриг Тома Реддля Огрида обвинили в том, что он открыл Тайную комнату, и вышвырнули из школы. Но Дивангард, казалось, ничего не слышал; он смотрел на потолок, откуда свисали медные сковородки и длинный пук ослепительно-белых шелковистых волос.

— Неужто шерсть единорога?

— А-а, да, — равнодушно бросил Огрид. — Все время ее в лесу собираю, они, понимаете, хвостами за ветки цепляются...

— Но, мой дорогой друг, знаете ли вы, насколько это *ценно*?

— Я ее пускаю на бинты, раненых зверей перевязываю, — пожал плечами Огрид. — Страсть как пригождается... очень крепкая, понимаете.

Дивангард отпил из своей кружки и внимательным взглядом заскользил по хижине, выискивая, сразу понял Гарри, другие сокровища, которые можно обратить в запасы меда из дубовых бочек, ананасовые цукаты и бархатные смокинги. Дивангард заново наполнил кружки, Огрида и свою, и принялся расспрашивать, кто еще обитает сейчас в лесу и как это Огрид успевает за всем следить. Тот, расслабившись от вина и лестного внимания, перестал промокать глаза и увлеченно пустился в длинные рассуждения о разведении лечурок.

Тут фортуна фортуната слегка подтолкнула Гарри, и он заметил, что запасы спиртного, принесенного Дивангардом, быстро подходят к концу. Гарри еще ни разу не накладывал доливальное заклятие невербально, но сегодня смешно было и подумать о неудаче. Он лишь ухмыльнулся, когда незаметно для Огрида и Дивангарда (они обменивались историями про нелегальные сделки с яйцами драконов) под столом указал палочкой на пустеющие бутылки, и те немедленно вновь наполнились вином.

Спустя час или около того Огрид и Дивангард начали провозглашать всякие несуразные тосты: за «Хогварц», за Думблдора, за эльфийское вино, за...

— Гарри Поттера! — взревел Огрид, опрокидывая в рот четырнадцатую кружку и обливая вином бороду.

— Точно, точно! — невнятно выкрикнул Дивангард. — За Парри Готтера, избранного мальчика, который... или... ну... как там это говорится, — промямлил он и тоже осушил свою кружку.

Вслед за тем Огрид опять впал в слезливость и всучил Дивангарду единорожий хвост. Дивангард запихал его в карман с криками:

— За дружбу! За щедрость! За десять галлеонов волосок!

Потом они сидели рядышком, обнявшись, и распевали длинную печальную песнь о смерти колдуна Одо.

— А-а-а-а, лучшие умирают молодыми, — пробормотал Огрид, слегка окосев, и уронил голову на руки. Дивангард продолжал руладить. — Мой папаша, к примеру... или твои мамка с папкой, Гарри...

Крупные слезы поползли из морщинистых глаз Огрида; он схватил Гарри за руку и сильно ее потряс.

— ...лучше колдунов я не знал... ужас... ужас...

Дивангард жалобно голосил:

*И Одо-героя домой принесли,
Где знали его пареньком,
На смертном одре он лежит бездыхан,
Колпак наизнанку на нем.
Волшебная палочка хрустъ,
О ужас, о горе, о грусть!*

— ...ужас, — в последний раз шумно вздохнул Огрид, уронил набок большую лохматую голову и громко захрапел.

— Извиняюсь, — икнув, сказал Дивангард. — Хоть убей, не могу вытянуть мотив.

— Огрид говорил не о вашем пении, — тихо объяснил Гарри. — А о смерти моих родителей.

— О! — воскликнул Дивангард, подавляя сильную отрыжку. — Ой, мама... Да, это... действительно ужас. Ужас... ужас...

Он явно не знал, что еще сказать, и удовольствовался тем, что заново наполнил кружки.

— Ты, наверное... ничего не помнишь? — неловко поинтересовался он.

— Нет... мне же был всего год, — ответил Гарри, глядя на пламя свечи, колышущееся от Огридова храпа. — Но потом я довольно много

выяснил. Папа умер первым, вы знали?

– Я? Нет, – глухо откликнулся Дивангард.

– Да… Вольдеморт убил его, переступил через труп и направился к маме.

Дивангард содрогнулся, но не мог оторвать потрясенного взгляда от лица Гарри.

– Он велел ей отойти, – безжалостно продолжал тот. – Он мне говорил, что ей незачем было умирать. Его интересовал только я. Она могла спастись.

– Святое небо, – выдохнул Дивангард. – Она могла… ей было незачем… какой кошмар…

– И впрямь, да? – почти шепотом произнес Гарри. – А она даже не шелохнулась. Папа уже умер, но она не хотела, чтобы я тоже погиб. Она умоляла Вольдеморта… а он смеялся…

– Хватит! – неожиданно выкрикнул Дивангард, выставляя вперед трясущуюся руку. – Честное слово, мой мальчик, довольно… я старый человек… я не могу… не хочу слушать…

– Я совсем забыл, – соврал Гарри, вдохновляемый фортуной фортунатой, – она ведь вам нравилась, верно?

– Нравилась? – повторил Дивангард, и его глаза наполнились слезами. – Да представить невозможно, чтобы кто-то узнал ее и не полюбил… такая храбрая… такая веселая… все это такой ужас…

– А вы не хотите помочь ее сыну, – упрекнул Гарри. – Она отдала мне жизнь, а вам жалко воспоминания.

Хижину наполнил рокочущий храп Огрида. Гарри не отрываясь смотрел во влажные глаза Дивангарда. Тот, казалось, не мог отвести взгляда.

– Не говори так, – прошептал он. – Это не потому… если бы это помогло, тогда конечно… но ничего не изменится…

– Изменится, – четко и ясно сказал Гарри. – Думбльдору нужна информация. *Мне* нужна информация.

Он не боялся: фортуна фортуната обещала, что утром Дивангард ничего не вспомнит. Глядя ему прямо в глаза, Гарри чуть подался вперед:

– Я – Избранный. Я должен его убить. Мне нужно ваше воспоминание.

Дивангард страшно побледнел; его гладкий лоб засиял от пота.

– Ты – *Избранный*?

– Разумеется, – спокойно подтвердил Гарри.

– Но тогда… прекрасный мой мальчик… ты просишь много… по сути, ты просишь помочь уничтожить…

– Вы не хотите избавить мир от колдуна, убившего Лили Эванс?

– Гарри, Гарри, конечно, хочу, но…

– Боитесь, что он узнает о вашем участии?

Дивангард молчал; он был смертельно напуган.

– Будьте смелым, как моя мама, профессор…

Дивангард прижал к губам трясущуюся пухлую ручку; сейчас он напоминал младенца-переростка.

– Я совсем не горжусь… – сквозь пальцы прошептал он. – Напротив, стыжусь того, что… показывает воспоминание… боюсь, в тот день я совершил страшное…

– Вы все исправите, если передадите воспоминание мне, – ответил Гарри. – Это будет очень смелый и благородный поступок.

Огрид вздрогнул во сне и захрапел снова. Дивангард и Гарри смотрели друг на друга поверх догорающей свечи. Молчание длилось и длилось, но фортуна фортуны велела Гарри не прерывать его, ждать.

Наконец Дивангард очень медленно поднес руку к карману и достал волшебную палочку. Потом сунул другую руку под плащ и вытащил пустой флакон. Затем, по-прежнему не сводя глаз с Гарри, коснулся кончиком палочки виска и потянул оттуда серебристую нить воспоминаний. Нить тянулась и тянулась, а затем оборвалась, и он опустил ее во флакон. Воспоминание свернулось колечком на дне, заклубилось. Дивангард дрожащей рукой закупорил флакон и через стол передал Гарри.

– Большое спасибо, профессор.

– Ты хороший мальчик, – сказал профессор Дивангард. Слезы катились по его толстым щекам прямо в густые усы. – И у тебя ее глаза… не думай обо мне слишком плохо, когда все увидишь…

Тут он, совсем как Огрид, уронил голову на руки, испустил глубокий вздох и заснул.

Глава двадцать третья

Окаянты

Гарри прокрался обратно в замок, чувствуя, как выветривается фортуна фортуна. Парадная дверь по-прежнему была открыта, но на третьем этаже он едва не столкнулся с Дрюзгом и сумел избежать катастрофы только благодаря тому, что вовремя юркнул в знакомый проход. Поэтому, сняв плащ-невидимку перед портретом Толстой Тети, он нисколько не удивился самой прохладной встрече.

- Ну и сколько, по-твоему, времени?
- Простите, пожалуйста... пришлось выйти по очень важному делу...
- А пароль в полночь сменился! Будешь спать в коридоре!
- Вы шутите?! – вскричал Гарри. – С какой стати ему меняться в полночь?
- Так надо, – буркнула Толстая Тетя. – Если недоволен, иди к директору, усиление мер безопасности – его распоряжение.
- Отлично, – горько сказал Гарри, глядя на твердый пол. – Просто блеск. Я бы с радостью пошел к Думблдору, будь он в школе, это же он хотел, чтобы я...
- Он в школе, – произнес чей-то голос за спиной у Гарри. – Профессор Думблдор вернулся с час назад.
- К Гарри подплывал Почти Безголовый Ник. Голова его, как всегда, шатко трепыхалась над плоеным воротником.
 - Я знаю от Кровавого Барона, он сам видел, – поведал Ник. – Говорит, Думблдор в хорошем настроении, только, разумеется, немного устал.
 - Где он? – спросил Гарри; его сердце так и подпрыгнуло в груди.
 - Завывает и трясет цепями в астрономической башне, его любимое занятие...
 - Да не Барон, Думблдор!
 - А!.. Он у себя в кабинете, – сказал Ник. – Судя по словам Барона, у Думблдора еще какое-то важное дело перед сном...

— Да уж, это точно! — Гарри едва не лопался от восторга, предвкушая, как расскажет Думблдору о раздобытом воспоминании. Он развернулся и побежал назад по коридору, не обращая внимания на крики Толстой Тети:

— Вернись! Все нормально, я пошутила! Просто разозлилась, что ты меня разбудил! Пароль тот же: «солитёр»!

Но Гарри и след простыл. Вскоре он уже сказал «ирисочный эклер» Думблдоровой горгулье, и та отпрыгнула вбок, пропустив его к винтовой лестнице.

— Войдите, — в ответ на стук раздался голос Думблдора, очень и очень усталый.

Гарри толкнул дверь и вошел в кабинет, абсолютно такой же, как всегда, разве что за окнами стояла тьма, и в небе сверкали звезды.

— Помилуй, Гарри, — удивился Думблдор. — В честь чего столь поздний, хотя и приятный визит?

— Сэр... я его добыл! Воспоминание Дивангарда.

Гарри показал Думблдору стеклянный флакончик. Директор потрясенно помолчал. Затем его губы расползлись в широкой улыбке.

— Великолепнейшая новость, Гарри! Ты просто умница! Я знал, что у тебя получится!

Позабыв о позднем часе, он торопливо вышел из-за стола, здоровой рукой взял флакон с воспоминанием и направился к шкафчику, где хранился дубльдум.

— А сейчас, — сказал Думблдор, поставив каменную чашу на стол и вылив туда содержимое флакона, — мы наконец увидим... Гарри, скорей...

Гарри послушно склонился над дубльдумом и ощущил, что ноги отрываются от пола... он вновь пролетел сквозь тьму и перенесся на много лет раньше, в кабинет Горация Дивангарда.

Тот, гораздо моложе, чем теперь, рыжеусый, с густыми и блестящими соломенными волосами, как и в прошлый раз, сидел в удобном высоком кресле, положив ноги на бархатный пуфик. В одной руке он держал небольшой кубок вина, другой рылся в коробке с ананасовыми цукатами. Вокруг сидели мальчики-подростки, и в центре — Том Реддль, у которого на пальце сверкало золотое кольцо Ярвело с черным камнем.

Думбльдор опустился рядом с Гарри как раз в тот момент, когда Реддль спросил:

– Сэр, а правда, что профессор Потешанс уходит на пенсию?

– Том, Том, и знал бы, не сказал. – Дивангард укоризненно погрозил Реддлю белым от сахара пальцем, однако подмигнул. – Интересно, откуда ты берешь информацию, мой чудный мальчик; зачастую тебе известно больше, чем половине учителей.

Реддль улыбнулся; остальные засмеялись и восхищенно посмотрели на него.

– С твоей поразительной способностью знать то, что не следует, и умением угодить нужным людям – кстати, спасибо за ананасы, ты совершенно прав, это мои любимые…

Кое-кто из мальчиков опять захихикал.

– …не удивлюсь, если в ближайшие двадцать лет ты станешь министром магии. Пятнадцать, если будешь продолжать присыпать ананасы: у меня *прекрасные связи* в министерстве.

Все расхохотались, а Том Реддль лишь слегка улыбнулся. Хотя он был здесь отнюдь не самый старший, остальные явно видели в нем лидера.

– Не уверен, сэр, что политика мне подойдет, – сказал он, когда смех прекратился. – Хотя бы потому, что у меня сомнительное происхождение.

Двое-трое ребят с улыбкой переглянулись. Стало понятно, что в этом кругу ходят некие слухи о знатном происхождении их предводителя, – очевидно, ребята что-то знали или подозревали.

– Чепуха, – жизнерадостно отмахнулся Дивангард, – всем ясней ясного, что ты родом из приличной колдовской семьи, при твоих-то способностях. Нет, Том, ты далеко пойдешь, тут я еще никогда не ошибался.

Маленькие золотые часы на письменном столе пробили одиннадцать; учитель посмотрел на циферблат:

– Святое небо, уже так поздно?! Пора, ребята, иначе нам всем влетит. Лестранж, я жду сочинение завтра утром – или ты получишь взыскание. То же касается Эйвери.

Мальчики потянулись к выходу. Дивангард грузно поднялся с кресла и отнес пустой кубок на письменный стол. А затем обернулся на шорох; за спиной у него стоял Реддль.

– Шевелись, Том, ты же не хочешь, чтобы тебя поймали вне спальни в такое время, ты ведь у нас староста...

– Сэр, я хотел вас кое о чем спросить.

– Тогда спрашивай скорей, мой мальчик, спрашивай...

– Сэр, мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об... окаянтах?

Дивангард уставился на него, рассеянно поглаживая толстыми пальцами ножку кубка.

– Задание по защите от сил зла?

Однако он, вне всякого сомнения, прекрасно понимал, что вопрос не имел отношения к учебе.

– Не совсем, сэр, – ответил Реддль. – Просто... наткнулся в книге и не очень понял, что это такое.

– Мд-да... разумеется... надо сильно постараться, чтобы найти в «Хогварце» книгу о сущности окаянтов, – сказал Дивангард. – Это из области самой черной магии, Том, наичернейшей.

– Но вы ведь о них все знаете, да, сэр? В смысле колдун такого масштаба... разумеется, если вы не можете сказать, тогда, конечно... просто кому и знать, как не вам... вот я и подумал, дай спрошу...

Великолепно сыграно, невольно восхитился Гарри; нерешительность, небрежное любопытство, осторожная лесть – все в меру. Гарри самому часто приходилось выпытывать разные сведения у людей, не желавших ими делиться, и он не мог не оценить мастерства. Ясно, что ответ на вопрос нужен Реддлю позарез, и возможно, он давным-давно дождался подходящего момента.

– Что ж, – проговорил Дивангард, не глядя на Реддля и поигрывая ленточкой, украшавшей крышку коробки с ананасовыми цукатами, – краткая справка, конечно, не повредит. Для общего развития. Окайант – предмет, в котором человек прячет фрагмент своей души.

– Как это? Я не вполне понимаю, сэр, – сказал Реддль.

Он прекрасно владел голосом, но Гарри все равно чувствовал его волнение.

– Представь: ты расщепляешь душу, – объяснил Дивангард, – и помещаешь один фрагмент в некий предмет вне своего тела. Тогда, даже если тело пострадает или будет уничтожено, на земле останется неповрежденная часть души. Но, разумеется, существовать в таком виде...

Дивангард поморщился, а Гарри невольно вспомнил слова, которые слышал почти два года назад: «*Я потерял свое тело, я стал меньше, чем дух, меньше, чем призрак... однако я остался жив*».

— ...хотели бы немногие, Том, очень немногие. Смерть куда предпочтительней.

Но Реддля сжидало жадное любопытство; его глаза горели алчным огнем, он больше не мог изображать безразличие:

— А как расщепить душу?

— Видишь ли, — смущенно ответил Дивангард, — следует понимать, что душа должна оставаться единой и неделимой. А расщепление ее — акт насильтственный и противоестественный.

— Но как это делается?

— Посредством злодеяния, самого страшного — убийства. Оно рвет душу на куски, чем и пользуются для создания окаянтов: оторванную часть души помещают в...

— Помещают? Но как?..

— Есть какое-то заклинание, не спрашивай, я не знаю! — вскричал Дивангард, мотая головой, как слон, которого одолели москиты. — Я что, похож на человека, который пробовал этим заниматься? Я похож на убийцу?

— Что вы, сэр, конечно нет, — поспешил заверил Реддль. — Простите... я не хотел вас обидеть...

— Ладно, ладно, не обидел, — проворчал Дивангард. — Такие вещи, естественно, вызывают любопытство... колдунов определенного калибра всегда волновал этот аспект магии...

— Да, сэр, — согласился Реддль. — Но я все равно не понимаю... просто любопытно... какой прок от одного окаянта? Душу можно расщепить только раз? Не лучше ли, не надежней умножить число фрагментов? Например, семь — самое могущественное волшебное число, не будет ли семь?..

— Мерлинова борода, Том! — взвизгнул Дивангард. — Семь! Одно убийство — и то плохо! И вообще... разорвать душу — уже преступление... но на семь частей...

Дивангард очень развелся, смотрел на Реддля так, словно никогда прежде не видел его отчетливо, и явно жалел, что вообще согласился на разговор.

— Наша дискуссия, конечно, — пробормотал он, — носит чисто гипотетический характер, так ведь? Научный...

— Да, сэр, разумеется, — быстро ответил Реддль.

— И все-таки, Том... пожалуйста, не болтай о нашей беседе... вряд ли кому понравится, что мы обсуждали окаянты. Видишь ли, в «Хогварце» эта тема под запретом... Думбльдор здесь особенно строг...

— Я буду нем как рыба, сэр, — пообещал Реддль и ушел, но Гарри успел увидеть его лицо, искаленное гримасой безумного счастья, совсем как в тот миг, когда он узнал, что он колдун, — счастья, которое почему-то не красило его точеных черт, но, напротив, лишало их человечности...

— Спасибо, Гарри, — тихо произнес Думбльдор. — Пойдем...

Когда Гарри вернулся в кабинет, директор уже садился за стол. Гарри тоже сел и стал ждать, что скажет Думбльдор.

— Я давно мечтал раздобыть это свидетельство, — наконец заговорил тот. — Оно подтверждает, что я прав, но также показывает, сколько нам еще предстоит сделать...

Гарри вдруг заметил, что бывшие директора и директрисы все до единого проснулись и прислушиваются к их разговору; один толстый красноносый колдун даже вытащил слуховой рожок.

— Итак, Гарри, — продолжал Думбльдор. — Ты, конечно, понимаешь все значение того, что мы слышали. Примерно в твоем возрасте, плюс минус несколько месяцев, Том Реддль готов был сделать все мыслимое и немыслимое, дабы обрести бессмертие.

— Сэр, так вы считаете, ему удалось? — спросил Гарри. — Он создал окаянт? И поэтому не умер, когда пытался убить меня? Где-то у него был спрятан окаянт? И сохранился фрагмент души?

— Фрагмент... или больше, — проговорил Думбльдор. — Ты же слышал, о чем спрашивал Вольдеморт: он хотел узнать, что бывает с колдунами, которые создают более одного окаянта; с теми, кто так жаждет избежать смерти, что готов совершать много убийств, снова и снова рвать душу на части и сохранять их в разных, отдельно спрятанных окаянтах. Насколько мне известно — уверен, что и Вольдеморт об этом знал, — никто никогда не разделял душу более чем надвое. — Думбльдор мгновение поразмыслил, а затем произнес:

Четыре года назад я получил некое доказательство того, что Вольдеморт расщепил свою душу.

– Где? – поразился Гарри. – Как?

– Его предоставил мне ты, – ответил Думбльдор. – Дневник Реддля, из-за которого вновь открылась Тайная комната.

– Я не понимаю, сэр, – сказал Гарри.

– Хоть я и не видел Реддля, вышедшего из дневника, но по твоему описанию понял, что с подобным феноменом прежде не сталкивался. Чтобы обычное воспоминание мыслило и действовало по собственной воле? Высасывало жизнь из девочки, в чьи руки попало? Нет, в дневнике явно таилось что-то очень зловещее... осколок расщепленной души, я почти в этом не сомневался. Дневник был окаянтом. Но вопросов по-прежнему возникало не меньше, чем ответов. А больше всего меня озадачивало и тревожило то, что дневник, похоже, замышлялся не только как хранилище, но и как орудие.

– Все равно ничего не понимаю, – сказал Гарри.

– Он действовал так, как положено окаянту, – иными словами, надежно хранил фрагмент души владельца и, без сомнения, препятствовал его смерти. В то же время было очевидно: Реддль хотел, чтобы дневник прочитали, чтобы осколок его души завладел другим человеком, а чудовище Слизерина вырвалось на свободу.

– Наверное, чтобы его дело не пропало зря, – предположил Гарри. – Ему хотелось показать, что он – наследник Слизерина, а в то время как еще ему было показать?

– Совершенно верно, – кивнул Думбльдор. – Но ты пойми, Гарри: Вольдеморт специально предназначал свой дневник для некоего будущего ученика «Хогварца», а значит, с замечательным равнодушием относился к драгоценной частичке своей души, спрятанной в том блокноте. Ведь профессор Дивангард объяснил: окаянт нужен, чтобы тайно сохранить фрагмент души в безопасности. Нельзя его бросать где попало, его могут уничтожить – что в результате и произошло: благодаря тебе не стало одного фрагмента души Вольдеморта... И его небрежное отношение к окаянту показалось мне крайне зловещим. Это означало, что он создал – или хотел создать – несколько окаянтов, тогда потеря первого уже не столь губительна. Я не хотел в это верить, но иначе картина теряла смысл...

Затем, два года спустя, ты сообщил мне, что в ночь, когда Вольдеморт вернул себе тело, он сказал приспешникам нечто крайне существенное и страшное: «Я, кто дальше других ушел по дороге, ведущей к бессмертию». Так ты передал его слова. «Дальше других». Мне показалось, что я, в отличие от Упивающихся Смертью, понимаю, о чем он говорил. Он имел в виду окаянты, во множественном числе, Гарри, чем, по моим сведениям, не мог похвастаться ни один колдун до него. Тем не менее это вписывалось в мою теорию: с годами лорд Вольдеморт все больше терял человеческий облик, и подобная метаморфоза могла объясняться только тем, что он исковеркал свою душу сверх пределов, условно говоря, обыкновенного зла...

– То есть, убивая других, он стал неуязвим? – спросил Гарри. – А почему, раз уж он так стремился к бессмертию, нельзя было создать или украсть философский камень?

– Именно это, как мы знаем, он и пытался сделать пять лет назад, – ответил Думблдор. – Полагаю, однако, что по ряду причин философский камень привлекал лорда Вольдеморта куда менее, нежели окаянты… Эликсир Жизни действительно продлевает существование, но пить его надо регулярно; вечно, если добиваешься бессмертия. Следовательно, Вольдеморт всецело зависел бы от Эликсира, и если б тот кончился, или его отравили, или украли философский камень, Вольдеморт умер бы, как умирают все люди. Не забывай, он – одиночка. Мне думается, любая зависимость, пусть даже от Эликсира, для него невыносима. Разумеется, чтобы вырваться из того кошмарного полусуществования, на которое он обрек себя, попытавшись тебя убить, Вольдеморт готов был пить что угодно, но только ради возвращения своего тела. Я убежден, что после этого он возлагал надежду на окаянты: ему требовалось лишь обрести человеческий облик. Понимаешь, он ведь уже был бессмертен… или близок к бессмертию, насколько это вообще возможно для человека… Но сейчас, когда ты раздобыл нам это принципиально важное воспоминание, мы сделали еще шаг к разгадке неуязвимости лорда Вольдеморта – никому еще не удавалось подойти к ней так близко. Ты слышал его слова: «Не лучше ли, не надежней умножить число фрагментов? Например, семь – самое могущественное волшебное число…» *Семь – самое могущественное волшебное число.* Да, полагаю, идея семигранной души очень привлекала Вольдеморта.

– Он создал *семь* окаянтов? – потрясенно проговорил Гарри. Некоторые портреты ахнули от ужаса и негодования вместе с ним. – Но ведь они могут быть спрятаны по всему свету... зарыты... невидимы...

– Рад, что ты осознаешь масштабы нашей задачи, – спокойно отозвался Думблдор. – Но для начала, Гарри, окаянтов не семь, а шесть. Седьмой осколок души, пусть донельзя изуродованный, обитает в возрожденном теле Вольдеморта. Благодаря этому фрагменту длилось его призрачное существование в изгнании; без него Вольдеморт попросту лишился бы своего «я». Этот осколок – его последний оплот; в него тот, кто хочет убить лорда Вольдеморта, должен целить в последнюю очередь.

– Хорошо, пускай шесть окаянтов, – сказал Гарри в некотором отчаянии, – все равно, где их искать?

– Ты забываешь... один ты уже уничтожил. А я уничтожил второй.

– Правда? – развелновался Гарри.

– Абсолютная, – ответил Думблдор и поднял почерневшую руку. – Кольцо, Гарри. Кольцо Ярвело. Знай, что на нем лежало чудовищное проклятие. Если б не мои, прости за нескромность, выдающиеся таланты и не своевременная помощь профессора Злея, которую он offered мне, когда я вернулся в «Хогварц» со страшной раной, я бы сейчас не рассказывал тебе эту историю. И все же, по-моему, высохшая рука – не чрезмерная плата за одну седьмую души Вольдеморта. Кольцо больше не окаянт.

– Но как вы его нашли?

– Ты ведь знаешь, что я уже очень давно задался целью выяснить как можно больше о прошлом Вольдеморта. Я много путешествовал по местам, где он когда-то бывал, а на кольцо наткнулся среди развалин дома Монстеров. Очевидно, едва Вольдеморту удалось запечатать в перстень фрагмент своей души, он больше не захотел носить его на пальце и, защитив множеством сильнейших заклятий, спрятал в лачуге, где когда-то жили его предки (правда, Морфина под конец переправили в Азкабан). Он же не подозревал, что в один прекрасный день я приду к этим руинам и начну искать магические тайники... Но праздновать победу рано. Ты уничтожил дневник, я – кольцо, однако, если наша теория о семи фрагментах верна, остается еще четыре окаянта.

– Которые могут быть чем угодно? – уточнил Гарри. – Старыми консервными банками или, я не знаю, бутылками из-под зелий?..

– Ты сейчас говоришь о портшлюсах, Гарри, – это их полагается маскировать под обычные невзрачные предметы. Но чтобы лорд Вольдеморт хранил свою драгоценную душу в консервной банке? Ты забыл, что я тебе показывал. Вольдеморт всегда обожал трофеи и ценил вещи с великим магическим прошлым. Его гордыня, вера в собственное превосходство, твердая решимость оставить ослепительный след в колдовской истории – все это наводит на мысль, что к выбору окаянтов он подошел с неким тщанием и предпочел предметы, достойные подобной чести.

– В дневнике не было ничего особенного.

– Дневник, как ты сам сказал, служил доказательством того, что Вольдеморт – наследник Слизерина; я уверен, он придавал дневнику колossalное значение.

– Хорошо, сэр, а другие окаянты? – спросил Гарри. – Вы представляете, что это может быть?

– Могу лишь догадываться, – ответил Думбльдор. – По уже названным причинам я склонен полагать, что лорд Вольдеморт должен был предпочесть вещи, сами по себе обладающие известным величием. Поэтому я рылся в прошлом Вольдеморта, искал свидетельства того, что поблизости от него пропадали такие артефакты.

– Медальон! – закричал Гарри. – Кубок Хельги Хуффльпуфф!

– Совершенно верно, – улыбаясь, кивнул Думбльдор. – Я мог бы дать на отсечение... хорошо, не вторую руку, но уж парочку пальцев точно, что именно они стали окаянтами номер три и четыре. С остальными двумя – тут мы опять исходим из предположения, что всего их создано шесть, – дело обстоит сложнее, однако я рискнул бы высказать следующую догадку: заполучив вещи Хуффльпуфф и Слизерина, Вольдеморт вознамерился разыскать реликвии Гриффиндора и Вранзор. По одному предмету от каждого основателя школы; для Вольдеморта эта идея, несомненно, была очень притягательна. Не знаю, нашел ли он что-нибудь, принадлежавшее Вранзор, но единственный предмет, сохранившийся после Гриффиндора, пребывает в целости и сохранности.

Думблдор показал изувеченной рукой себе за спину, на стеклянный ларец, где хранился инкрустированный рубинами меч.

– Вы считаете, сэр, он поэтому хотел вернуться в «Хогварц»? – спросил Гарри. – Чтобы найти реликвию основателя?

– Именно, – подтвердил Думблдор. – Но, увы, это нас никуда не ведет: получив отказ, он лишился возможности обыскать школу – так я, во всяком случае, думаю. А потому вынужденно прихожу к выводу, что Вольдеморт не смог реализовать свою честолюбивую мечту и собрать по одной вещи от каждого из основателей «Хогварца». Он определенно добыл две, максимум три реликвии – вот все, что пока можно с уверенностью утверждать.

– Даже если он добыл что-то, принадлежавшее Вранзор или Гриффиндору, все равно остается шестой окаянт, – заметил Гарри, подсчитывая на пальцах. – Или ему удалось достать и то и другое?

– Вряд ли, – ответил Думблдор. – Мне кажется, я знаю, каков шестой окаянт. Интересно, что ты скажешь, если я признаюсь, что давно уже приглядываюсь к этой его странной змее, Нагини?

– К змее? – поразился Гарри. – А животные тоже могут быть окаянтами?

– Да, хотя это нежелательно, – сказал Думблдор. – Доверять часть своей души существу, которое способно мыслить и двигаться самостоятельно, очень рискованная затея. Но, если мои вычисления верны, когда Вольдеморт явился в дом твоих родителей, чтобы убить тебя, ему все еще не хватало по меньшей мере одного окаянта… Судя по всему, он старался приурочить создание окаянтов к неким судьбоносным убийствам. Твое, безусловно, стало бы именно таким. Вольдеморт верил, что избавляется от опасности, предсказанной пророчеством, и становится неуязвимым. Наверняка свой последний окаянт он хотел создать из твоей смерти… Как мы знаем, его план провалился. Но потом, через много лет, когда он натравил Нагини на старого мугла, ему могло прийти в голову сделать последним окаянтом змею. Это символизировало бы его родство со Слизерином и усугубляло его мистицизм. Мне представляется, к змее он привязан – насколько вообще на это способен; он определенно стремится держать ее рядом и, похоже, обладает над ней необычной даже для змеевства властью.

— Значит, — произнес Гарри, — дневник уничтожили, кольцо тоже. Остались кубок, медальон, змея и еще один окаянт — вы говорите, веcть, принадлежавшая Вранзор или Гриффиндору?

— Восхитительно краткое и емкое резюме, — кивнул Думблдор.

— Получается, сэр... вы продолжаете их искать? И поэтому вас часто не бывает в школе?

— Совершенно верно, — подтвердил Думблдор. — Ищу, и уже давно. А сейчас... возможно... мне удалось подобраться к одному из окаянтов довольно близко. Есть обнадеживающие признаки.

— А раз так, — выпалил Гарри, — можно и мне с вами? Я помогу его уничтожить.

Думблдор некоторое время смотрел на него очень пристально, а затем промолвил:

— Можно.

— Честно? — переспросил Гарри, совершенно захваченный врасплох.

— О да, — слегка улыбнулся Думблдор. — Я думаю, это право ты заслужил.

Гарри воспрянул духом: приятно для разнообразия услышать нечто разумное вместо обычных наставлений и предостережений. Однако бывшие директора и директрисы не одобрили Думблдора; кое-кто закачал головой, а Финей Нигеллий даже громко фыркнул.

— Сэр, а Вольдеморт знает, когда уничтожают окаянты? Чувствует? — спросил Гарри, не обращая внимания на портреты.

— Очень интересный вопрос. Мне кажется, нет. По-моему, Вольдеморт так погряз во зле и так давно отринул важные составляющие своей души, что чувства его сильно отличаются от наших. Не исключено, что на пороге смерти он осознает потерю... Но ведь не знал же он, например, об уничтожении дневника, пока не добился признания у Люциуса Малфоя. А когда узнал, что дневника нет и его чары разрушены, говорят, взбесился донельзя..

— А я думал, он сам приказал Люциусу Малфою подкинуть дневник в «Хогварц».

— Действительно приказал — когда был уверен, что сможет создать другие окаянты. Но все же Люциусу следовало дождаться сигнала, а сигнала так и не поступило: Вольдеморт передал ему дневник и вскоре после этого исчез. Он, очевидно, полагал, что Люциус станет беречь

окаянта как зеницу ока и ничего не осмелится с ним сделать, но переоценил страх Люциуса перед господином, который исчез на много лет и считался погибшим. Разумеется, Люциус не догадывался, что такое этот дневник на самом деле. Насколько я понимаю, Вольдеморт сказал, что дневник благодаря хитроумному колдовству может вновь открыть Тайную комнату. Если б Люциус знал, что держит в руках частицу души своего господина, он, несомненно, отнесся бы к дневнику почтительнее – а так решил самостоятельно привести в действие старый план. Подкинув дневник дочери Артура Уизли, он надеялся единственным махом дискредитировать Артура, добиться моего увольнения и отделаться от опасной вещи. Несчастный Люциус... Воспользовался окаянтом к личной выгоде, Вольдеморт так на него разгневан, а тут еще прошлогоднее фиаско в министерстве... Бедняга, наверное, втайне рад, что сидит сейчас в Азкабане.

Гарри немного подумал, а затем спросил:

– Значит, если уничтожить все окаянты, Вольдеморта можно убить?

– Я думаю, да, – ответил Думблдор. – Без окаянтов он станет простым смертным с очень ущербной душой. Впрочем, не стоит забывать, что, хотя душа его изуродована сверх всяких пределов, мозг и колдовские способности целы и невредимы. Чтобы убить такого чародея, как Вольдеморт, пусть даже лишенного окаянтов, требуются недюжинный талант и колдовское могущество.

– У меня нет ни того ни другого, – выпалил Гарри, не успев прикусить язык.

– Нет, есть, – решительно возразил Думблдор. – У тебя есть то, чего никогда не было у Вольдеморта. Ты умеешь...

– Знаю, знаю! – с досадой перебил Гарри. – Я умею любить! – Он с огромным трудом удержался, чтобы не добавить: «Тоже мне достижение!»

– Да, ты умеешь любить. – Думблдор произнес это так, словно прочитал его мысли. – А это, если учесть историю твоей жизни, само по себе поразительно. Ты пока еще слишком юн, Гарри, и не понимаешь, какая ты необыкновенная личность.

– То есть слова пророчества про мою «силу, коя неведома Черному Лорду», – это про... любовь? – спросил Гарри, смутно чувствуя себя обманутым.

— Да, про любовь, — подтвердил Думблдор. — Но учти: пророчество важно лишь потому, что в него верит Вольдеморт. Я уже говорил об этом в прошлом году. Вольдеморт решил, что ты — для него всех опаснее, и тем самым *сделал* тебя таковым!

— Но это же одно и...

— Ничего подобного! — слегка раздражился Думблдор и, указывая на Гарри почерневшей рукой, произнес: — Ты придаешь пророчеству слишком большое значение!

— Но, — чуть не захлебнулся Гарри, — вы же сами сказали, что пророчество означает...

— А если б Вольдеморт никогда его не слышал, оно бы исполнилось? Означало бы хоть что-нибудь? Разумеется, нет! Думаешь, все, что хранится в Зале Пророчеств, обязательно исполняется?

— Но, — опешил Гарри, — в прошлом году вы говорили, что один из нас должен будет убить другого...

— Гарри, Гарри, потому только, что Вольдеморт совершил громадную ошибку и стал действовать, согласуясь с предсказанием профессора Трелони! Не убей он твоего отца, разве в твоей душе поселилась бы отчаянная жажда мести? Нет! А если бы твоей матери не пришлось умереть ради тебя, разве Вольдеморт дал бы тебе магическую защиту, которую теперь сам не может разрушить? Нет, нет и нет, Гарри! Неужели ты не понимаешь? Вольдеморт, как издревле все тираны, сам сотворил худшего своего врага! Представляешь ли ты, до какой степени тираны боятся тех, кого притесняют? Они сознают, что однажды среди многочисленных угнетенных найдется тот, кто поднимет голову и нанесет ответный удар! Вольдеморт не исключение! Он всегда караулил появление достойного соперника, а услышав пророчество, тут же начал действовать — и в результате не только сам выбрал человека, способного с ним покончить, но и лично снабдил его уникальным смертоносным оружием!

— Но...

— Очень важно, чтобы ты понял! — Думблдор встал и зашагал по комнате; его блестящая мантия шуршала и развевалась. Гарри никогда еще не видел, чтобы Думблдор так волновался. — Попытавшись убить тебя, Вольдеморт не только сам избрал себе в соперники выдающегося человека, который сидит сейчас передо мной, но и дал ему в руки

средства для борьбы! Он сам виноват, что ты умеешь проникать в его мысли и угадывать его намерения, что ты понимаешь змеиный язык его приказаний! При всем том, Гарри, тебя, несмотря на эту привилегию (за которую, кстати, любой Упивающийся Смертью пошел бы на убийство), никогда не привлекала черная магия, ты никогда, ни на секунду, не выказывал ни малейшего желания примкнуть к Вольдеморту!

– Ну еще бы! – возмутился Гарри. – Он убил моих родителей!

– Одним словом, тебя защищает твоя способность любить! – громко сказал Думблдор. – Единственное, что может противостоять силе Вольдеморта! Вопреки всем искушениям, всем страданиям твоя душа чиста, как в одиннадцать лет. Помнишь, ты смотрел в зеркало, отражавшее твое самое сокровенное желание? Ты желал не бессмертия или несметных богатств, нет – ты хотел лишь уничтожить Вольдеморта. Понимаешь ли ты, Гарри, сколь мало на свете людей, которые видели в этом зеркале нечто подобное? Вольдеморту уже тогда следовало догадаться, с кем он имеет дело, но он не понял!.. Теперь, однако, ему все известно. Ты проникал в его сознание без ущерба для себя, а он, как выяснилось в министерстве, не мог проникнуть в твое, не испытав страшных мучений. Едва ли он понимает почему; он так торопился изувечить свою душу, что не успел задуматься о несравненной силе души цельной и ясной.

– Но, сэр, – начал Гарри осторожно, чтобы Думблдор не подумал, будто он спорит, – так или иначе все сводится к одному, верно? Я должен попытаться его убить или...

– Должен? – воскликнул Думблдор. – Конечно, должен! Но не из-за пророчества! А потому, что ты не будешь знать покоя, пока не попробуешь! Мы оба это понимаем! Представь, пожалуйста, на минуточку, что ты не слышал никакого пророчества! Что бы ты тогда чувствовал к Вольдеморту? Подумай!

Гарри смотрел, как Думблдор расхаживает взад-вперед, и думал. Он думал о матери, об отце, о Сириусе. О Седрике Диггори. Обо всех злодеяниях лорда Вольдеморта. И в его груди вспыхнуло пламя, быстро подступившее к горлу.

– Я хотел бы его прикончить, – тихо произнес он. – Сам.

– Конечно! – вскричал Думблдор. – Понимаешь, из пророчества не следует, что ты *должен*! Но из-за него лорд Вольдеморт *отметил тебя*

равным себе... Конечно, ты вправе идти своей дорогой и вообще о пророчестве забыть! Но Вольдеморт действует, сообразуясь с ним, и будет охотиться за тобой по-прежнему... а это, разумеется, означает, что...

– Когда-нибудь один из нас убьет другого, – закончил за него Гарри. – Да.

Но он наконец-то понял, что втолковывает ему Думблдор. Что одно дело – когда тебя выпихивают на арену для смертной битвы, и совсем другое – когда выходишь сам с высоко поднятой головой. Кто-то, вероятно, скажет, что разница невелика, но Думблдор – и я, с яростной гордостью подумал Гарри, и мои родители – знаем: она огромна.

Глава двадцать четвертая

Сектумсемпра

Утром на уроке заклинаний Гарри, невыспавшийся, но очень довольный своими свершениями, с помощью заглушки отключил слух у соседей и поведал Рону и Гермионе о последних событиях. Те выказали уместное восхищение ловкостью, с которой он выудил у Дивангарда воспоминание, и должным образом трепетали, слушая об окаянтах Вольдеморта и обещании Думбльдора взять Гарри с собой, если один из таинственных предметов найдется.

— Ух ты, — сказал Рон, когда захватывающее повествование подошло к концу. Он бездумно вертел волшебной палочкой, направив ее в потолок и совершенно не замечал, что делает. — Ух ты. Значит, Думбльдор возьмет тебя с собой... чтобы попытаться уничтожить... ух ты.

— Рон, ты сыпешь снегом. — Гермиона с ангельским терпением взяла его за руку и отвела волшебную палочку от потолка, с которого и впрямь падали большие белые хлопья. Заплаканная Лаванда Браун, сидевшая неподалеку, пронзила Гермиону злобным взглядом. Та мгновенно отпустила руку Рона.

— И правда, — он с рассеянным изумлением оглядел свои плечи. — Прошу прощения... Получилось, как будто у нас у всех перхоть...

Он смахнул с плеча Гермионы несколько искусственных снежинок. Лаванда разрыдалась. Рон очень виновато повернулся к ней спиной.

— Мы расстались, — уголком рта сообщил он Гарри. — Вчера вечером. Она засекла нас с Гермионой на выходе из спальни. Тебя-то она не видела, вот и решила, что мы были вдвоем.

— А, — сказал Гарри. — Ну... ты ведь рад, что все кончилось?

— Да, — признался Рон. — Она ужасно на меня наорала, зато не пришлось ничего самому объяснять.

— Трус, — констатировала Гермиона, впрочем, не без удовольствия. — Для влюбленных вчера вообще был неудачный день. Знаешь, Гарри, Джинни с Дином тоже расстались.

И она, как показалось Гарри, очень многозначительно на него уставилась, хотя никак не могла знать, что все его внутренности вдруг затанцевали конгу. Он, лицом и голосом изо всех сил изображая равнодушие, спросил:

– С чего это вдруг?

– Из-за полнейшей чепухи... Джинни обвинила его в том, что он вечно пытается ее подсаживать у дыры за портретом, хотя она отнюдь не инвалид... Впрочем, у них давно не все гладко.

Гарри посмотрел через класс на Дина. Тот сидел с пренесчастным видом.

– А перед тобой, конечно, встает дилемма, – продолжала Гермиона.

– То есть? – слишком спешно спросил Гарри.

– В команде, – пояснила она. – Если Джинни с Дином не будут разговаривать...

– А! Ну да, – сообразил Гарри.

– Флитвик, – предупредил Рон.

К ним, подпрыгивая на ходу, приближался крошечный преподаватель заклинаний, а превратить уксус в вино успела одна Гермиона; жидкость в ее стеклянной колбе стала бордовой, между тем как у Гарри и Рона пребывала грязно-коричневой.

– Ну-ка, ну-ка, ребята, – укоризненно пропищал профессор Флитвик. – Меньше слов, больше дела... дайте-ка я посмотрю, как вы стараетесь...

Гарри и Рон вместе подняли волшебные палочки и, сконцентрировав волю, направили их на колбы. Уксус Гарри превратился в лед; колба Рона взорвалась.

– М-да... итак, *на дом*, – выговорил профессор Флитвик, выбираясь из-под стола и вынимая осколки из шляпы, – тренировка и еще раз тренировка.

После заклинаний у Гарри, Рона и Гермионы, по редкому совпадению, было окно, и они направились в общую гостиную. Рон от разрыва с Лавандой воспарил душой; Гермиона тоже была весела, хотя на вопрос, чему она улыбается, просто ответила: «День сегодня хороший». Никто, похоже, не догадывался, какая страшная битва разворачивается в душе Гарри:

Она сестра Рона.

Но она бросила Дина!

*И все равно она сестра Рона.
А я его лучший друг!
От этого только хуже.
Если я сначала поговорю с ним...
Он даст тебе по физиономии.
А если мне безразлично?
Он твой лучший друг!*

Гарри почти не заметил, как они пролезли в залитую солнцем общую гостиную, и едва обратил внимание на группку семиклассников, но Гермиона вдруг закричала:

– Кэти! Ты вернулась! Как ты?

Гарри воззрился на небольшую компанию и действительно увидел Кэти Белл, окруженную ликующими друзьями и вполне здоровую.

– Я в полном порядке! – бодро ответила она. – Меня выписали из святого Лоскута в понедельник, пару дней побыла дома с мамой и папой, а утром вернулась в «Хогварц». Гарри, Лиэнн как раз мне рассказывала про последний матч и Маклаггена...

– Да уж, – кивнул Гарри. – Ладно, раз ты вернулась и Рон в форме, мы еще размажем вранзорцев и поборемся за кубок. Слушай, Кэти...

Он не мог не выяснить; он даже на время забыл про Джинни. Друзья Кэти принялись собирать вещи – кажется, они опаздывали на превращения, – а Гарри, понизив голос, спросил:

– ...насчет ожерелья... ты вспомнила, кто его тебе дал?

– Нет, – грустно покачала головой Кэти. – Все спрашивают, а я понятия не имею. Помню только, как вхожу в дамскую комнату в «Трех метлах».

– А ты точно вошла внутрь? – поинтересовалась Гермиона.

– Я точно открыла дверь, – сказала Кэти. – Получается, тот, кто наложил на меня проклятие подвластия, стоял за ней. А дальше – полный провал в памяти, и только потом последние две недели в святом Лоскуте... Слушайте, мне пора, а то ведь Макгонаголл не поглядит, что я первый день в школе, заставит сто раз писать какую-нибудь чушь...

Она подхватила рюкзак и учебники и побежала за своими друзьями. Гарри, Рон и Гермиона в задумчивости сели за столик у окна.

— Выходит, ожерелье могла дать только девочка или женщина, — проговорила Гермиона, — раз все произошло в дамской комнате.

— Или кто угодно в женском обличье, — возразил Гарри. — Ты не забывай, в школе целый котел всеессенции, и мы знаем, что сколько-то пропало...

Перед его мысленным взором прогарцевала длинная процессия из Краббе и Гойлов, дружно превращающихся в девочек.

— Приму-ка я еще немного фортуны, — сказал он, — и снова попытаю счастья с Кстати-комнатой.

— Напрасная трата зелья, — категорически заявила Гермиона, положив на стол «Тарабарий Толковиана», который только что достала из рюкзака. — Удача, Гарри, — это еще не все. С Дивангардом — другое дело; ты всегда умел на него влиять, достаточно было лишь немножечко подстегнуть судьбу. Но против сильнейшего заклинания одной удачи маловато. Так что не трать остаток зелья! Ведь если, — она понизила голос до шепота, — Думбльдор возьмет тебя с собой, удача ой как понадобится...

— А нельзя приготовить еще? — спросил Рон у Гарри, не слушая Гермиону. — Запастись как следует... Не повредило бы. Загляни в свой учебник...

Гарри достал «Высшее зельеделие» и нашел фортуну фортунату.

— Ой, оказывается, это дико сложно, — сказал он, пробежав глазами список ингредиентов. — К тому же занимает полгода... его надо долго настаивать...

— Вот так всегда, — вздохнул Рон.

Гарри хотел убрать учебник, но вдруг заметил загнутый уголок и, открыв страницу, увидел заклинание *сектумсемпра*, которое отметил несколько недель назад. Ниже было написано: «Для врагов». Гарри пока не выяснил, как оно действует, в основном потому, что не хотел испытывать его при Гермионе, однако намеревался при первом же удобном случае испробовать на Маклаггене, если тот опять подкрадется.

Искренне радоваться выздоровлению Кэти Белл не мог один лишь Дин Томас, заменивший ее в команде. Когда Гарри сообщил Дину, что придется уступить место, тот принял удар stoически, только буркнул что-то и пожал плечами, но, уходя, Гарри явственно слышал, как Дин и Шеймас возмущенно шепчутся за его спиной.

За все время капитанства Гарри его команда никогда не летала так хорошо, как в последующие две недели; все радовались избавлению от Маклаггена и возвращению Кэти, а потому выкладывались по полной.

Джинни ничуть не печалилась из-за расставания с Дином – напротив, была сердцем и душой команды и постоянно всех смешала. Она то передразнивала Рона, который, завидев Кваффл, начинал поплавком прыгать у шестов, то изображала, как Гарри истошно командует Маклаггеном, а затем падает на землю и теряет сознание. Гарри смеялся вместе со всеми, радуясь невинному предлогу полюбоваться Джинни, и, поскольку его мысли были заняты отнюдь не игрой, несколько раз получил довольно серьезные травмы от Нападал.

В голове его по-прежнему шло сражение: Джинни или Рон? Иногда ему казалось, что после Лаванды Рон не должен сильно противиться его, Гарри, желанию встречаться с Джинни… но потом он вспоминал, как Рон смотрел на целующихся Джинни и Дина, и понимал, что, лишь коснувшись ее руки, сразу будет объявлен коварным предателем…

И все же он не мог заставить себя не разговаривать с Джинни, не смеяться с ней, не возвращаться вместе с тренировок; несмотря на угрызения совести, он только и думал о том, чтобы оказаться с ней наедине. Вот бы Дивангард устроил очередную вечеринку, куда Рона не приглашают, – но, увы, Дивангард, похоже, поставил на вечеринках крест. Гарри чуть было не попросил помочь у Гермионы, но передумал; боялся не выдержать ее всепонимающего взгляда, который уже ловил на себе пару раз, когда она замечала, как он смотрит на Джинни и смеется ее шуткам. А в довершение ко всему его постоянно терзал страх, что, если он не пригласит Джинни на свидание, очень скоро это сделает кто-то другой: они с Роном по крайней мере сходились во мнении, что чрезмерная популярность не доведет Джинни до добра.

Искушение выпить глоточек фортуны фортунаты росло с каждым днем: разве это не тот самый случай, когда надо, по выражению Гермионы, «неножечко подстегнуть судьбу»? Теплые, нежные майские дни летели очень быстро, а при появлении Джинни Рон неизменно оказывался рядом. Гарри все время ловил себя на мечтах о некоем счастливом стечении обстоятельств, благодаря которому Рон вдруг страстно захочет свести сестру и лучшего друга и оставит их

наедине хотя бы на три секунды. Но увы... приближался финальный матч сезона, и Рон желал одного: обсуждать с Гарри тактику игры.

Впрочем, Рон был не одинок – вся школа только и говорила что о матче «Гриффиндор» – «Вранзор»: ему предстояло стать решающим, поскольку вопрос о чемпионстве оставался открытым. Победив с преимуществом как минимум в триста очков (сильная заявка, и все же команда Гарри никогда еще не летала так хорошо), «Гриффиндор» выйдет на первое место. При победе с меньшим преимуществом они займут второе – после «Вранзора»; при проигрыше в сто очков станут третьими, опять же за «Вранзором», или уж займут четвертое место. «И тогда, – думал Гарри, – никто, никогда и ни за что не даст мне забыть, что именно я был капитаном команды “Гриффиндора”, когда она впервые за последние двести лет потерпела разгромное поражение».

Готовились к судьбоносному матчу как обычно: учащиеся колледжей-соперников задирали друг друга в коридорах; отдельных участников будущей игры доводили специально сочиненными издевательскими речевками; игроки либо гордо расхаживали по школе, наслаждаясь всеобщим вниманием, либо страдали нервной рвотой и на переменах мчались в туалет. Гарри почему-то напрямую связывал судьбу своих отношений с Джинни с грядущим успехом или поражением. Ему чудилось, что выигрыш с преимуществом в триста очков, всеобщая эйфория и шумная вечеринка в честь победы подействуют не хуже, чем добрый глоток фортуны фортунаты.

Однако среди всех забот Гарри не забывал и про Малфоя. Он по-прежнему часто проверял Карту Каверзника и, поскольку Малфоя на ней часто не оказывалось, делал вывод, что тот, как и раньше, торчит в Кстати-комнате. Гарри почти уже потерял надежду туда проникнуть и тем не менее всякий раз, проходя мимо, предпринимал очередную попытку – но, как он ни перефразировал свою просьбу, дверь в стене упорно не желала появляться.

За несколько дней до матча с «Вранзором» Гарри шел на ужин один: Рона опять затошило, и он свернулся в ближайший туалет, а Гермиона побежала к профессору Вектор обсудить ошибку, которую она, кажется, допустила в последней работе по арифмантике. В основном по привычке Гарри свернулся в коридор седьмого этажа, проверяя по дороге Карту Каверзника. Сначала он не нашел Малфоя и

решил, что тот, по своему обыкновению, пропадает в Кстати-комнате, но затем в мужском туалете этажом ниже увидел крошечную точку с пометкой «Малфой» и рядом с ней отнюдь не Краббе или Гойла, а Меланхольную Миртл.

Гарри изумленно воззрился на эту ни с чем не сообразную пару и оторвал от них взгляд, лишь когда вошел прямиком в рыцарские доспехи. Грохот вывел его из забытья; он помчался прочь, спасаясь от Филча, который вполне мог явиться на место происшествия. Бегом спустившись на один этаж по мраморной лестнице, он побежал по коридору. Оказавшись у туалета, он прижал ухо к двери, ничего не услышал и очень тихо вошел.

Драко Малфой стоял к нему спиной, вцепившись в раковину и низко наклонив светловолосую голову.

– Не надо, – ворковала Меланхольная Миртл откуда-то из кабинок. – Не плачь... расскажи, в чем дело... я помогу...

– Мне никто не поможет, – отозвался Малфой, содрогаясь всем телом. – Я не могу этого сделать... не могу... ничего не получится... а если не сделаю, и очень скоро... он сказал, что убьет меня...

Тут Гарри с невероятным потрясением, буквально пригвоздившим его к полу, понял, что Малфой плачет – по-настоящему плачет. Слезы стекали по его бледному лицу и капали в грязную раковину. Малфой судорожно вздыхал, громко сглатывал, затем, сильно вздрогнув, поднял глаза к надтреснутому зеркалу – и за спиной увидел Гарри, не сводившего с него изумленного взгляда.

Малфой развернулся, выхватив волшебную палочку. Гарри инстинктивно выхватил свою. Порча Малфоя чудом промазала и разбила лампу на стене; Гарри отскочил, подумал: «Левикорпус!» – и взмахнул палочкой; Малфой, блокировав заклятие, поднял руку, чтобы еще раз...

– Нет! Нет! Прекратите! – вопила Миртл. Ее голос гулким эхом носился меж кафельных стен. – Стоп! СТОП!

Раздался оглушительный грохот. Мусорное ведро позади Гарри взорвалось; он послал кандалы заклятие, но оно пролетело мимо уха Малфоя, отразилось от стены и расколотило бачок позади Меланхольной Миртл. Та заорала; повсюду разлилась вода. Гарри поскользнулся и упал. Малфой с перекошенным от гнева лицом крикнул:

– Круци...

– СЕКТУМСЕМПРА! – взревел Гарри с пола, бешено размахивая палочкой.

Кровь хлынула из лица и груди Малфоя, словно его изрубили невидимым мечом. Он зашатался, попятился и с громким всплеском рухнул в лужу на полу. Волшебная палочка выпала из обмякшей руки.

– Нет... – хрипло выдохнул Гарри.

Еле держась на ослабевших ногах, он вскочил и бросился к противнику, чье лицо влажно блестело алым, а побелевшие руки царапали окровавленную грудь.

– Нет, нет... я не хотел...

Гарри не понимал, что говорит; он упал на колени возле Малфоя, который безостановочно трясся в озерце собственной крови. Меланхольная Миртл оглушительно завопила:

– УБИЙСТВО! УБИЙСТВО! УБИЙСТВО В ТУАЛЕТЕ!

Дверь с грохотом распахнулась. Гарри в страхе поднял глаза: в туалет вбежал обезумевший от ярости Злей. Отпихнув Гарри, он опустился на колени возле Малфоя, достал волшебную палочку и провел ею по глубоким ранам, бормоча заклинание, которое звучало почти как песня. Поток крови ослабел; Злей стер ее остатки с лица Малфоя и повторил заклинание. Раны начали затягиваться.

Гарри смотрел на них в ужасе от того, что наделал, едва замечая, что и его одежда до нитки пропитана кровью и водой. Меланхольная Миртл всхлипывала и завывала под потолком. Злей в третий раз произнес контрзаклятие, а затем помог Малфою подняться.

– Тебе нужно в лазарет. Не исключено, что останутся шрамы, но, если незамедлительно применить дикий бадьян, можно избежать и этого... идем...

Злей повел Малфоя к выходу, повернулся у двери и прошел с ледяной ненавистью:

– А ты, Поттер... ты жди меня здесь.

Гарри в голову не пришло ослушаться. Дрожа всем телом, он медленно поднялся и взглянул на пол; в воде алыми цветами расплывались пятна крови. У него не было сил даже попросить Миртл замолчать, и та выла и стенала со все возрастающим наслаждением.

Злей вернулся через десять минут. Он вошел в залитый водой холодный туалет и закрыл за собой дверь.

— Прочь, — приказал он Миртл. Та рыбкой нырнула в унитаз, и воцарилась звенящая тишина.

— Я не хотел, чтобы так получилось, — сразу сказал Гарри. Его слова разнеслись эхом. — Я ничего не знал про это заклинание.

Злей, не обращая внимания на его лепет, тихо проговорил:

— Кажется, Поттер, я тебя недооценивал. Кто бы мог вообразить, что ты владеешь столь черной магией? Откуда ты узнал об этом проклятии?

— Я... где-то прочитал.

— Где?

— По-моему... в библиотечной книге, — лихорадочно сочинял Гарри. — Не помню названия...

— Лжец, — бросил Злей.

У Гарри пересохло в горле. Он знал, что собирается сделать Злей, и никак не мог ему помешать...

Все вокруг затуманилось; Гарри старался ни о чем не думать, однако учебник Принца-полукровки, призрачный и размытый, как-то сам собой выплыл на поверхность сознания...

И вот он уже опять стоял в разоренном затопленном туалете и неотрывно смотрел в черные глаза Злея, вопреки здравому смыслу надеясь, что его страхи напрасны и тот не видел злополучной книги, но...

— Принеси свой рюкзак, — вкрадчиво приказал Злей, — и учебники. Все *до единого*. Сюда. Быстро!

Спорить было бесполезно. Гарри развернулся и по воде зашлепал из туалета. Едва оказавшись за дверью, он пустился бегом в гриффиндорскую башню против потока школьников. Все изумленно таращились на Гарри, мокрого и в крови, выкрикивали какие-то вопросы, но он никому не отвечал и бежал дальше.

Он был совершенно потрясен — как будто любимый домашний питомец вдруг превратился в дикого зверя. О чем только думал Принц, когда писал в учебнике такое заклинание? И что будет, когда это увидит Злей? Расскажет ли он Дивангарду — тут у Гарри скрутило живот, — чему Гарри обязан поразительными успехами в зельеделии? Отберет ли, уничтожит ли книгу, которая столь многому научила Гарри... стала другом и наставником? Нельзя допустить, чтобы это случилось... никак нельзя...

– Куда ты?.. Почему ты мокрый?.. Это что, кровь?

Рон стоял на вершине лестницы и ошарашенно смотрел на Гарри.

– Мне нужен твой учебник, – задыхаясь, сказал Гарри, – по зельеделию. Скорей... давай сюда...

– Но как же Принц-полу?..

– Потом объясню!

Рон вытащил из рюкзака и протянул Гарри «Высшее зельеделие»; тот проскочил мимо, нырнул в общую гостиную и, не обращая внимания на изумленные взгляды тех немногих, кто успел вернуться с ужина, схватил свой рюкзак. Затем выпрыгнул в портретную дыру и понесся назад через коридор на седьмом этаже.

У gobelena с танцовщицами троллями он резко затормозил и, прикрыв глаза, заставил себя идти медленно.

Мне нужно место, чтобы спрятать учебник... Мне нужно место, чтобы спрятать учебник... Мне нужно место, чтобы спрятать учебник...

Он трижды прошел туда-обратно вдоль ровной стены. Открыл глаза. Наконец-то – дверь! Гарри распахнул ее и, шмыгнув внутрь, захлопнул за собой.

И тотчас же обомлел. Зрелище поневоле потрясало – несмотря на то что он был в панике, спешил и очень боялся предстоящего разговора со Злеем. Гарри очутился в зале, огромном как собор. Столбы света из высоких окон падали на целый город всевозможных предметов, спрятанных многими и многими поколениями учеников «Хогварца». В этом городе имелись улицы и переулки, проложенные среди шатких пирамид сломанной мебели, которую сунули сюда то ли неумелые колдуны, то ли домовые эльфы, пекущиеся о красоте замка. Здесь были тысячи книг – надо полагать, запрещенных, разрисованных или краденых; крылатые катапульты, пилозубые пчелы – в некоторых еще теплилась жизнь, и они неуверенно парили над горами прочей контрабанды; треснувшие бутыли с застывшим зельем; шляпы, украшения, плащи; скорлупа, видимо, от драконьих яиц; сосуды, заткнутые пробками и наполненные зловеще мерцающими жидкостями; ржавые мечи и тяжелый окровавленный топор.

Гарри торопливо нырнул в один из переулков между сокровищами, свернул направо за гигантским чучелом тролля, пробежал по короткому проходу, взял влево перед разбитым шкафом-исчезающим,

где в прошлом году потерялся Монтегю, и наконец остановился у большого буфета, когда-то, видимо, облитого кислотой, — его поверхность вся пошла пузырями. Гарри открыл скрипучую дверцу: на полке кто-то уже спрятал клетку непонятно с кем; существо давным-давно умерло, а у скелета было пять ног. Гарри сунул учебник Принца-полукровки за клетку, захлопнул дверцу и постоял, стараясь унять бешено бьющееся сердце... Сможет ли он снова найти буфет посреди этого скопища хлама? Он схватил с крышки ближайшей корзины надколотый бюст уродливого старого ведуна, водрузил его на буфет, для верности нахлобучил ведуну на голову пыльный парик и потускневшую диадему и ринулся обратно, к выходу и в коридор. Там он захлопнул дверь, и она немедленно слилась со стеной.

Гарри со всех ног помчался на шестой этаж, по дороге засовывая в рюкзак «Высшее зельеделие» Рона, и через минуту уже стоял перед Злеем. Тот молча протянул руку. Гарри отдал рюкзак и стал ждать своей участи; он сильно задыхался; грудь разрывалась от боли.

Одну за другой Злей доставал книги Гарри и внимательно их осматривал. Наконец остался только учебник по зельеделию. Злей изучил его очень тщательно, а после заговорил:

— Это твое «Высшее зельеделие», Поттер?
— Да, — ответил Гарри, который никак не мог отдохнуть.
— Уверен?
— Да, — повторил Гарри уже чуть нахальнее.
— Это учебник, который ты приобрел у Завитуша и Клякца?
— Да, — твердо ответил Гарри.
— Тогда почему, — осведомился Злей, — на первой странице написано «Рунил Уизлиб»?

Сердце Гарри пропустило удар.
— Это мое прозвище, — сказал он.
— Твое прозвище, — повторил Злей.
— Да... Так меня называют друзья.
— Я знаю, что такое прозвище, — произнес Злей. Холодные черные глаза впились в глаза Гарри; тот старался отвести взгляд. *Блокируй мысли... блокируй мысли...* но он ведь так этому и не научился... — Знаешь, что я думаю, Поттер? — очень тихо проговорил Злей. — Я думаю, что ты отъявленный лжец и заслуживаешь взыскания. Будешь

приходить ко мне каждую субботу до самого конца триместра. Что скажешь, Поттер?

– Я... не согласен, сэр, – ответил Гарри, по-прежнему не глядя на Злея.

– Посмотрим, как ты запоешь после отработки, – сказал тот. – В субботу в десять утра, Поттер. У меня в кабинете.

– Но, сэр... – пролепетал Гарри, в отчаянии поднимая глаза. – Квидиши... последняя игра сезона...

– В десять утра, – прошептал Злей с улыбкой, обнажившей желтые зубы. – Несчастный «Гриффиндор»... Боюсь, в этом году ему светит четвертое место...

И, не проронив больше ни слова, он вышел из туалета. Гарри остался стоять, тоскливо глядя в надтреснутое зеркало и мучаясь тошнотой, какая, он был просто уверен, даже не снилась Рону.

– Не буду говорить: «Я же говорила», – сказала Гермиона час спустя в общей гостиной.

– Слушай, отстань, – сердито бросил Рон.

Гарри не пошел на ужин, начисто лишившись аппетита. Он только что досказал всю историю Рону, Гермионе и Джинни, хотя нужды в этом, по сути, не было. Новость распространилась по школе с потрясающей скоростью – Меланхольная Миртл успела облететь все туалеты замка и от души насплетничаться. Панси Паркинсон навестила Малфоя в лазарете и теперь поносила Гарри на каждом углу, а Злей не преминул передать все подробности происшествия остальным преподавателям. Гарри уже вызывали из общей гостиной к Макгонаголл, и он пятнадцать крайне неприятных минут выслушивал ее нотации. Она долго объясняла, как ему повезло, что его не исключили, а в конце объявила, что полностью поддерживает решение профессора Злея о строгом взыскании.

– Я же говорила, что с твоим Принцем что-то не так, – все-таки не сдержалась Гермиона. – И, согласись, оказалась права.

– Нет, не соглашусь, – упрямо ответил Гарри.

Ему было тошно и без ее попреков; то, что он прочел на лицах своей команды, когда сообщил, что не сможет играть в субботу, было худшим наказанием. Он и сейчас чувствовал на себе взгляд Джинни, но не хотел встречаться с ней глазами, опасаясь разглядеть в них гнев или разочарование. Пару минут назад он сказал ей, что в субботу она

будет играть за Ловчего, а Дин временно займет ее место Охотника. Если «Гриффиндор» выиграет, в ликовании после матча Джинни и Дин могут помириться... Эта мысль ледяным ножом пронзила сердце Гарри...

– Гарри! – воскликнула Гермиона. – Как ты можешь защищать свой учебник, когда...

– Слушай, хватит нудить про учебник! – огрызнулся Гарри. – Принц всего-навсего выписал откуда-то заклинание! Он не советовал его применять! Откуда мы знаем, может, он записал то, что применили против него!

– Не верю своим ушам, – вымолвила Гермиона. – Ты оправдываешь...

– Себя я вовсе не оправдываю! – поспешил уточнить Гарри. – Я жалею о том, что сделал, и не только из-за взыскания. Ты прекрасно знаешь, что я не стал бы такое использовать даже против Малфоя, но Принц тут ни при чем, он же не писал: «Обязательно попробуйте, это клево», – он делал записи для себя, а не для кого-то...

– То есть получается, – произнесла Гермиона, – ты намерен вернуть...

– Учебник? Да, – с силой сказал Гарри. – Без Принца я бы не выиграл фортуну фортунату, не знал бы, как спасти Рона от отравления, и никогда бы...

– Не приобрел незаслуженной репутации лучшего зельедела, – ехидно договорила за него Гермиона.

– Гермиона, может, оставишь его в покое? – вмешалась Джинни. Гарри удивленно и благодарно поднял на нее глаза. – Как я понимаю, Малfoy хотел применить непростительное проклятие; лучше радуйся, что у Гарри нашелся достойный ответ!

– Разумеется, я рада, что Гарри не прокляли! – ответила явно уязвленная Гермиона, – но в этой *сектумсемпре*, Джинни, нет ничего достойного, посмотри, куда она его завела! А если учесть, как это повлияло на шансы команды, мне казалось, что...

– Не строй из себя квидишного знатока, – скривилась Джинни, – только опозоришься.

Гарри и Рон изумленно взорвались на девочек: Гермиона и Джинни, которые всегда прекрасно ладили, сидели друг против друга, гневно скрестив руки на груди и глядя в разные стороны. Рон

испуганно поглядел на Гарри, схватил первую попавшуюся книгу и быстро за ней спрятался. А Гарри, зная, что ничем этого не заслужил, вдруг преисполнился небывалой радостью, хотя больше за весь вечер все они не перемолвились ни словом.

Увы, его счастье было недолгим: назавтра пришлось терпеть издевательства слизеринцев и, еще хуже, гнев гриффиндорцев, возмущенных тем, что их капитан по собственной глупости лишился права участвовать в финальной игре сезона. Сам Гарри, что бы ни говорил Гермионе, в субботу утром отчетливо понимал одно: он отдал бы всю фортуну фортунату мира, лишь бы оказаться на квидишинском поле вместе с Роном, Джинни и остальными. Это было невыносимо – все надели розетки и шляпы и, размахивая флагами и шарфами, щурясь на ярком солнце, шли на стадион, а он спускался по каменной лестнице в подземелье – туда, где не слышно ни отдаленного шума толпы, ни комментариев, ни ликующих криков, ни разочарованных стонов.

– А, Поттер, – сказал Злей, когда Гарри, постучавшись, вошел в печально знакомый кабинет.

Злей, хоть и преподавал теперь несколькими этажами выше, не отказался от своей прежней комнаты; здесь, как всегда, горел тусклый свет, а по стенам стояли все те же банки со скользкими тварями, замаринованными в разноцветных зельях. На столе, явно, предназначенному для Гарри, громоздились старые, затянутые паутиной коробки, одним своим видом обещавшие тяжелую, нудную и бесполезную работу.

– Мистер Филч давно просил, чтобы кто-нибудь разобрался в старых папках, – вкрадчиво произнес Злей. – Здесь собраны записи о нарушителях школьной дисциплины и их наказаниях. Нам бы хотелось, чтобы ты заново переписал карточки, выцветшие и пострадавшие от мышей, рассортировал их в алфавитном порядке и заново сложил в коробки. Без колдовства.

– Ясно, профессор, – ответил Гарри, постаравшись вложить в последнее слово как можно больше презрения.

– А для начала, – с мстительной улыбкой процедил Злей, – возьми коробки с тысяча двенадцатой по тысяча пятьдесят шестую. Там ты встретишь знакомые имена, что придаст заданию увлекательности. Вот, посмотри… – Он изящным движением извлек карточку из

верхней коробки и прочитал: – «Джеймс Поттер и Сириус Блэк. Задержаны за наложение запрещенной порчи на Бертрама Обри. Голова Обри раздута вдвое против обычного. Двойное взыскание». – Злей ухмыльнулся. – Приятно: самих давно нет, а записи о великих свершениях целы...

У Гарри привычно закипело в груди. Он прикусил язык, чтобы не отвечать, сел за стол и потянул к себе одну из коробок.

Работа, как и предполагал Гарри, оказалась бесполезной и скучной, при этом (чего, видимо, и добивался Злей) сердце регулярно пронзала боль, едва он натыкался на фамилии отца и Сириуса. Обычно они попадались вместе за разные мелкие хулиганства, иногда с Ремом Люпином или Питером Петтигрю. Но, переписывая сведения об их всевозможных преступлениях и последовавшей каре, Гарри неотступно размышлял о том, что происходит на улице... матч уже должен начаться... Джинни играет за Ловчего против Чо...

Он снова и снова поднимал глаза к большим часам, громко тикавшим на стене. Казалось, они шли в два раза медленней, чем положено; может, Злей специально их зачаровал? Вряд ли Гарри сидит здесь всего полчаса... час... полтора...

К половине первого у Гарри заурчало в животе. Злей, который после выдачи задания не произнес ни звука, поднял глаза в десять минут второго.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – холодно бросил он. – Отметь, где остановился. Продолжишь в десять утра в следующую субботу.

– Да, сэр.

Гарри сунул погнутую карточку в первую попавшуюся коробку и поскорее улизнул из кабинета – пока Злей не передумал. Потом стремительно взлетел по лестнице, напрягая слух и пытаясь понять, что происходит на стадионе. Тишина... значит, все кончено...

Он нерешительно потоптался перед Большим залом, где было полно народу, а затем побежал вверх по мраморной лестнице: все-таки и праздновать победу, и переживать поражения гриффиндорцы предпочитали в общей гостиной.

– *Квид агис?* – робко спросил он у Толстой Тети, гадая, что происходит внутри.

Та с непроницаемым лицом ответила:

– Увидишь.

И качнулась вперед.

Из дыры за портретом хлынул праздничный гомон. Увидев Гарри, все восторженно взревели, и он отвесил челюсть; несколько рук втащили его в комнату.

— Победили! — заорал Рон, высакивая из толпы и потрясая серебряным кубком. — Мы победили! Четыреста пятьдесят — сто сорок! Мы победили!

И тут Гарри увидел Джинни, которая летела к нему с огненной решимостью в глазах. Она обхватила его руками — и Гарри без колебаний, без сомнений, нисколько не заботясь о том, что на них смотрят пятьдесят человек, страстно ее поцеловал.

Прошло несколько долгих мгновений — а может быть, полчаса — или даже пара солнечных дней, — и они оторвались друг от друга. В гостиной было очень-очень тихо. Затем кто-то присвистнул, кто-то нервно захихикал. Гарри поднял глаза и поверх головы Джинни увидел Дина Томаса с раздавленным бокалом в руке и Ромильду Вейн, которой явно хотелось чем-нибудь в него запустить. Гермиона сияла, но Гарри искал глазами Рона — и наконец нашел. Тот по-прежнему держал над головой кубок, но лицо у него было такое, будто его как следует огрели дубиной по темечку. Какую-то долю секунды они смотрели в глаза друг другу, а потом Рон еле заметно мотнул головой, словно говоря: «Ну, раз такие дела...»

Чудище в груди Гарри торжествующе взревело. Он улыбнулся Джинни и молча повел рукой на портрет: им обоим настоятельно требовалась длительная прогулка вокруг замка. Вероятно, они даже обсудят матч — если на это останется время.

Глава двадцать пятая

Подслушанная провидица

Роман Гарри и Джинни стал предметом живого интереса многих – главным образом девочек, – зато сам Гарри с приятным удивлением обнаружил, что сделался абсолютно невосприимчив к слухам. Оказалось, что это даже приятно – когда о тебе, для разнообразия, судачат не из-за какой-нибудь истории с черной магией, а потому, что ты счастлив как никогда в жизни.

– Можно подумать, им больше не о чем говорить, – сказала Джинни. Она сидела на полу в общей гостиной, привалясь спиной к ногам Гарри, и читала «Оракул». – Три нападения дементоров за неделю, а Ромильду Вейн интересует одно: правда ли, что у тебя на груди наколот гиппогриф.

Рон с Гермионой громко расхохотались. Гарри их проигнорировал.

– И что ты ответила?

– Что не гиппогриф, а венгерский хвосторог. – Джинни лениво перевернула страницу. – Как у настоящего мачо.

– Спасибо, – ухмыльнулся Гарри. – Ну а у Рона что?

– Пигмейский пухка – я, конечно, не сказала где.

Гермиона покатилась со смеху, а Рон насупился.

– Смотрите у меня, – он строго погрозил пальцем Гарри и Джинни. – А то передумаю и отзову разрешение...

– *Разрешение*, – насмешливо повторила Джинни. – С каких это пор мне требуется твое разрешение? И вообще, ты сказал, что лучше Гарри, чем Дин или Майкл.

– Было дело, – неохотно признал Рон. – И пока вы не лижетесь у всех на виду...

– Гнусный лицемер! А сами с Лавандой? Липли друг к другу, как пара угрей, где только можно! – возмутилась Джинни.

Впрочем, наступил июнь, и терпению Рона не грозили слишком тяжкие испытания. Гарри и Джинни проводили вместе гораздо меньше времени, чем раньше: приближались экзамены на С.О.В.У., и Джинни

допоздна занималась. Как-то вечером, когда она пошла в библиотеку, Гарри сидел у окна в общей гостиной и якобы доделывал домашнее задание по гербологии, а в действительности заново переживал один особенно счастливый час, который они с Джинни вместо обеда провели на берегу озера. Вдруг между ним и Роном плюхнулась Гермиона, суровая и решительная.

– Гарри, мне надо с тобой поговорить.

– О чём? – сразу насторожился Гарри. Не далее как вчера она ругала его за то, что он отвлекает Джинни от подготовки к экзаменам.

– О так называемом Принце-полукровке.

– Опять двадцать пять, – простонал он. – Забудь ты об этом наконец!

Он боялся возвращаться в Кстати-комнату за учебником Принца, и на зельеделии уже не блестал (Дивангард, которому очень нравилась Джинни, только шутил: мол, бедняга, совсем потерял голову от любви). Но Гарри был уверен, что Злей спит и видит, как бы наложить лапы на учебник, и решил до лучших времен оставить книгу там, где она есть.

– Не забуду, – твердо сказала Гермиона, – пока ты меня не выслушаешь. В общем, так: я попробовала выяснить, у кого могло быть хобби изобретать черные заклинания…

– Да не было у него такого хобби…

– У него, у него… кто сказал, что Принц мальчик?

– Уже обсуждали, – рассердился Гарри. – Он *Принц*, Гермиона, *Принц*!

На щеках Гермионы запылали красные пятна.

– Именно! – выкрикнула она, достала из кармана очень старую газетную вырезку и шваркнула на стол перед Гарри. – Вот, посмотри! На снимке!

Гарри взял мятую вырезку и посмотрел на движущееся изображение; Рон тоже с любопытством склонился ближе. С пожелтевшей от времени фотографии смотрела худосочная девица лет пятнадцати, отнюдь не красавица – надутая и угрюмая, с бледным вытянутым лицом и густыми бровями. Подпись внизу гласила: «Айлин Принц, капитан команды “Хогварца” по игре в побрякуши».

– И что? – спросил Гарри, пробежав глазами короткую и скучную заметку о школьном соревновании.

– Ее звали Айлин Принц. *Принц*, Гарри.

Они посмотрели друг на друга, и до Гарри дошло. Он рассмеялся:

– Да ладно!

– Что?

– Думаешь, она – Принц-полукровка?.. Брось.

– А почему нет? Гарри, в колдовском мире нет настоящих принцев!

Значит, это либо прозвище, либо выдуманный титул, которым кто-то решил себя наградить, либо настоящее имя, верно? Нет, ты послушай! Допустим, ее отец был колдун по фамилии Принц, а мать муглянка – получается, что она наполовину Принц!

– Да-да, просто гениально…

– Нет, правда! Может, она гордилась своей фамилией!

– Слушай, Гермиона, я точно знаю: он – не девочка. Просто знаю, и все.

– То есть ты считаешь, что девочки недостаточно умны, – ядовито сказала Гермиона.

– Конечно, целых шесть лет общаюсь с тобой и считаю, что девочки дуры, – оскорбился Гарри. – Нет, понимаешь… то, как он пишет… Я уверен, что Принц – мальчик, я чувствую! А твоя Айлин тут совершенно ни при чем. И вообще, где ты ее откопала?

– В библиотеке, – последовал предсказуемый ответ. – Там огромная подшивка старых номеров «Оракула»… В общем, я постараюсь разузнать о ней побольше.

– Ага, успеха, – раздраженно сказал Гарри.

– Спасибо, – невозмутимо откликнулась Гермиона. – И первым делом, – бросила она уже от портретной дыры, – я просмотрю архивные записи о наградах за успехи в зельеделии!

Гарри хмуро посмотрел ей вслед и вернулся к созерцанию темнеющего неба за окном.

– Никак не может простить, что ты ее в чем-то обошел, – пробормотал Рон, вновь погружаясь в чтение «Тысячи волшебных трав и грибов».

– Ты-то, надеюсь, не считаешь меня придурком за то, что я хочу вернуть учебник?

– Нет, конечно! – разгорячился Рон. – Он гений, твой Принц… и если б не его подсказка про безоар… – он многозначительно чиркнул

пальцем по горлу, – я бы с тобой сейчас не разговаривал. В смысле я не говорю, что заклинание, которое ты применил к Малфою, хорошее...

– Я тоже не говорю, – быстро вставил Гарри.

– Но он же поправился? Как новенький, без проблем.

– Да, – кивнул Гарри; Малфой и впрямь поправился, но от совести-то не отмахнешься. – Спасибо Злею...

– В субботу опять пойдешь отрабатывать? – спросил Рон.

– Да, и в следующую тоже, и потом, – вздохнул Гарри. – А еще он намекает, что к концу года мне со всеми коробками не разделаться и мы продолжим в седьмом классе.

Сейчас отработки его особенно злили, поскольку отнимали драгоценное время, которое можно было бы провести с Джинни. Гарри нередко казалось, что Злей это прекрасно понимает, – с каждым разом тот задерживал его все дольше и к тому же отпускал многозначительные реплики: дескать, упускаешь хорошую погоду и прочие удовольствия.

От горьких размышлений Гарри отвлекло появление Джимми Пикса с пергаментным свитком в руках.

– Спасибо, Джимми... Ого, от Думбльдора! – взволнованно воскликнул Гарри, разворачивая послание и пробегая его глазами. – Просит как можно скорее прийти к нему в кабинет!

Они с Роном уставились друг на друга.

– Блин, – прошептал Рон. – Ты же не думаешь... что он нашел?..

– Побегу узнаю. – И Гарри вскочил.

Он вылетел из общей гостиной и торопливо зашагал по седьмому этажу. По дороге он не встретил никого, кроме Дрюзга, который летел навстречу. Тот вяло, по привычке, забросал Гарри мелом и с громким хехеканьем увернулся от порчи. Как только Дрюзг скрылся, на этаже воцарилась тишина; до отбоя оставалось пятнадцать минут, почти все уже разошлись по общим гостиням.

Вдруг Гарри услышал вопль и какой-то грохот. Он замер, прислушиваясь.

– Да как... ты... смеешь... а-а-а-а-а!

Крик доносился из ближнего коридора. Гарри кинулся туда, держа наготове волшебную палочку, стремительно завернув за угол и увидел на полу профессора Трелони. Шаль завернулась ей на голову; рядом валялись бутылки хереса – одна разбилась.

– Профессор...

Гарри подбежал к преподавательнице. Несколько нитей бесчисленных сверкающих бус зацепились за ее очки. Она громко икнула, пригладила волосы, взялась за протянутую руку Гарри и встала.

– Что произошло, профессор?

– Ты еще спрашиваешь! – пронзительно взвизгнула она. – Я шла по коридору, горестно размышляя об открывшихся мне мрачных видениях...

Но Гарри почти не слушал. Он лишь сейчас заметил, где они находятся: справа висел гобелен с танцующими троллями, а слева тянулась абсолютно ровная каменная стена, за которой...

– Профессор, вы что, пытались проникнуть в Кстати-комнату?

– ...и знамениях, кои... что?

Ее глаза вдруг забегали.

– В Кстати-комнату, – повторил Гарри. – Вы пытались туда проникнуть?

– Я... надо же... не знала, что школьникам известно...

– Далеко не всем, – сказал Гарри. – А что случилось? Вы кричали... вас кто-то обидел?

– Меня... видишь ли. – Профессор Трелони, словно защищаясь, плотнее запахнула шали и подняла на Гарри глаза, сильно увеличенные линзами очков. – Я хотела... э-э... спрятать кое-какие... э-э-э... личные вещи... – И она невнятно забормотала про «злобные наветы».

– Ясно, – кивнул Гарри, поглядев на бутылки с хересом. – Но вам не удалось войти?

Очень странно – комната ведь открылась, когда Гарри понадобилось спрятать учебник.

– Войти-то я вошла. – Профессор Трелони гневно воззрилась на стену. – Но внутри уже кто-то был.

– Да? Кто? – спросил Гарри. – Кто там был?

– Понятия не имею, – ответила профессор Трелони, от такой настойчивости немного оторопев. – Я вошла и услышала голос, хотя за все годы, что я прячу... то есть пользуюсь комнатой... такого ни разу не случалось.

– Голос? Что он говорил?

– Что говорил? Ничего не говорил, – сказала профессор Трелони. – Он скорее... вопил.

– Вопил?

– Торжествующе, – уточнила она.

Гарри впился в нее глазами:

– Мужской или женский?

– Могу только догадываться, но, пожалуй, мужской.

– И он чему-то радовался?

– Как сумасшедший, – презрительно ответила профессор Трелони.

– Как будто что-то праздновал?

– Совершенно верно.

– А потом?..

– Я крикнула: «Кто здесь?»

– А просто так вы не могли понять, кто это? – разочарованно поинтересовался Гарри.

– Мой Внутренний Взор, – с достоинством ответила профессор Трелони, поправляя шали и сверкающие бусы, – был устремлен на материи, находящиеся вдали от торжествующих воплей.

– Ясно, – кивнул Гарри; про Внутренний Взор профессора Трелони он слышал не раз и не два. – И этот человек назвался?

– Нет! – воскликнула она. – В глазах у меня стало черным-черно, и я вылетела из комнаты вперед головой!

– И вы не видели, что к тому идет? – не удержался Гарри.

– Нет, я же говорю, все почернело... – Она замолчала и подозрительно уставилась на него.

– Я думаю, вам надо рассказать профессору Думблдору. Он должен знать, что Малфой торжествовал... в смысле, что вас вышвырнули из комнаты.

К удивлению Гарри, профессор Трелони горделиво выпрямила спину и холодно произнесла: – Директор дал мне понять, что желает сократить наше общение, а я не из тех, кто навязывает свое присутствие людям, которые меня не ценят. Если Думблдор предпочитает не обращать внимания на предостережения карт...

Неожиданно ее костлявые пальцы впились в запястье Гарри.

– Снова и снова, как ни раскладывай... .

Она драматически выхватила из-под шалей карту и прошептала:

— ...башня, пораженная молнией. Катастрофа. Несчастье. И с каждым разом все ближе...

— Ясно, — опять кивнул Гарри. — В общем... по-моему, вам все же лучше рассказать Думблдору про голос. И как все потемнело, а вас вышвырнуло из комнаты...

— Ты считаешь? — Профессор Трелони задумалась, но Гарри видел, что ей страшно хочется снова поведать кому-нибудь о своем приключении.

— Я как раз иду к нему, — сообщил Гарри. — У меня с ним встреча. Можем пойти вместе.

— Раз так, хорошо, — улыбнулась профессор Трелони. Она наклонилась, подхватила бутылки и без лишних раздумий кинула их в большую сине-белую вазу в стенной нише. — Как мне не хватает тебя на уроках, Гарри, — задушевно произнесла профессор Трелони, вышагивая рядом с ним. — Конечно, ты никогда толком не Видел... зато был замечательным Объектом...

Гарри не ответил; в свое время ему страшно не нравилось быть Объектом ее бесконечных трагических предсказаний.

— Боюсь, — продолжала профессор Трелони, — что наш коняга... прости, кентавр... полный профан в карточном гадании. Я спрашивала его — как ясновидящий ясновидящего, — не ощущает ли и он отдаленных вибраций грядущей беды. Но он буквально поднял меня на смех. На смех!

Она истерично повысила голос, и на Гарри ощутимо пахнуло хересом, хотя бутылки остались в вазе.

— Наверное, глупая лошадь слышала разговоры о том, что я будто бы не унаследовала дар моей прапрабабки. Завистники, дитя, кругом завистники... Знаешь, что я отвечаю таким людям, Гарри? Разве Думблдор дал бы мне место педагога в нашей замечательной школе, разве доверял бы мне все эти годы, если бы я не доказала своей полезности?

Гарри промямлил что-то неопределенное.

— Я хорошо помню нашу с ним первую встречу, — хрипло продолжала профессор Трелони. — Он был так потрясен, так потрясен... Я остановилась в «Башке борова»... Кстати, не рекомендую — клопы, мой мальчик... однако средства подходили к концу... да... Думблдор оказал мне честь, посетил меня в моей

скромной обители... задавал вопросы... признаюсь, вначале мне показалось, что он не слишком высокого мнения о прорицании... и вдруг, помню, мне стало как-то странно, я мало ела в тот день... а потом...

И тут Гарри стал слушать очень внимательно. Он знал, что было потом: Трелони произнесла пророчество, изменившее всю его жизнь, — пророчество о нем и Вольдеморте.

— ...нам самым беспардонным образом помешал Злотеус Злей!

— Что?

— Да; за дверью раздался шум, она распахнулась, и мы увидели на пороге тамошнего неотесанного бармена, а с ним Злея. Злей понес какую-то чепуху: якобы поднялся не по той лестнице... Но я-то сразу поняла, что он подслушивал мой разговор с Думблдором, — Злей и сам тогда искал работу и, очевидно, рассчитывал узнать что-нибудь ценное! И знаешь, после этого Думблдор вдруг переменился ко мне и пригласил преподавать! По-моему, Гарри, наглость и навязчивость молодого человека, не погнушавшегося подслушивать у замочной скважины, так разительно контрастировали с моей скромностью, моим смиренным дарованием, что Думблдор... Гарри, мальчик мой?

Она оглянулась, только сейчас сообразив, что Гарри нет рядом; он остановился, и она успела отойти от него футов на десять.

— Гарри? — неуверенно повторила профессор Трелони.

Она глядела на него в страхе и тревоге: наверное, он весь побелел. А он застыл, ощущая, как чудовищное потрясение волна за волной обрушивается на него, вымывая из головы все мысли, кроме одной... как же долго от него скрывали...

Так вот кто подслушал пророчество! Вот кто рассказал о нем Вольдеморту! Злей и Питер Петтигрю вместе навели Вольдеморта на след Лили, Джеймса и их сына...

Все остальное сейчас было не важно.

— Гарри? — повторила профессор Трелони. — Гарри... я думала, мы идем к Думблдору.

— Стойте здесь, — онемевшими губами произнес он.

— Но, мальчик мой... я хотела рассказать, как меня оскорбили в Кстати...

— Стойте здесь! — гневно повторил Гарри.

Она осталась от испуга, а он, промчавшись мимо нее, свернул за угол, в коридор, где несла караул одинокая горгулья. Гарри выкрикнул пароль и, прыгая через две ступени, взбежал по винтовой лестнице. Он не постучал в дверь, а забарабанил; когда спокойный голос ответил: «Входите», Гарри уже влетел в комнату.

Феникс Янгус повернул голову; яркие черные глазки поблескивали золотом в закатном свете. Думблэдор с черным дорожным плащом в руках стоял у окна и глядел на улицу.

– Ну, Гарри, я обещал взять тебя с собой.

Сначала Гарри ничего не понял; из-за рассказа Трелони у него все повылетало из головы, и мозги едва ворочались.

– Взять?.. С вами?..

– Разумеется, если ты хочешь.

– Если я...

Тут он внезапно вспомнил, зачем так спешил к Думблэдору.

– Вы нашли? Нашли окаянта?

– Похоже, что да.

Гнев и обида боролись с потрясением и азаром; на некоторое время Гарри лишился дара речи.

– Ты испуган, но это вполне естественно, – сказал Думблэдор.

– Ничего я не испуган! – выпалил Гарри, и это была истинная правда; чего-чего, а страха он не испытывал вовсе. – Какой это окаянт? Где он?

– Я не вполне уверен – впрочем, змею, пожалуй, можно исключить, – но не сомневаюсь, что он спрятан за много миль отсюда, в пещере у моря, которую я так давно искал: ту, где Том Реддль когда-то издевался над двумя малышами из приюта. Помнишь, на ежегодной загородной прогулке?

– Да, – кивнул Гарри. – А как он защищен?

– Не знаю; у меня есть подозрения, но они могут оказаться неверными. – Думблэдор помолчал в нерешительности, а затем добавил: – Гарри, я обещал взять тебя с собой и сдержу слово, однако я просто обязан предупредить, что это будет крайне опасно.

– Я с вами, – заявил Гарри, не успел Думблэдор толком договорить. Гарри буквально разрывало от ненависти к Злею, и за последние несколько минут желание совершить нечто рискованное и отчаянное стало раз в десять острее. Судя по всему, это отражалось на лице:

Думбльдор отошел от окна и внимательно вглядился в Гарри. Между серебряными бровями пролегла морщинка.

– Что с тобой случилось?

– Ничего, – не раздумывая, соврал Гарри.

– Что тебя огорчило?

– Ничего.

– Гарри, тебе никогда не давалась окклуменция.

Последнее слово искрой воспламенило ярость Гарри.

– Злей! – бросил он так громко, что Янгус за его спиной тихо вскрикнул. – Вот что случилось! Это он донес Вольдеморту о пророчестве, это он, он подслушивал под дверью, мне Трелони рассказала!

Лицо Думбльдора осталось невозмутимо, но, кажется, побелело, хоть на нем и лежал кровавый отблеск заходящего солнца. После долгого молчания Думбльдор спросил:

– Когда ты узнал?

– Только что! – Гарри прилагал все усилия, чтобы не раскричаться, но его вдруг прорвало: – И ВЫ ВЗЯЛИ ЕГО УЧИТЕЛЕМ?! А ОН К МОИМ РОДИТЕЛЯМ ПОДОСЛАЛ ВОЛЬДЕМОРТА?!

Гарри отвернулся от Думбльдора, который до сих пор не повел и бровью, и заходил взад-вперед по кабинету. Он дышал тяжело, будто после драки, и потирал костяшки, из последних сил сдерживаясь, чтобы не начать крошить все вокруг. Ему хотелось бесноваться, орать на Думбльдора, но желание отправиться за окаянтом было не менее велико; чуть не выпалив, что только старый дурак мог столько лет доверять Злею, Гарри испугался, что, если не совладает со своей яростью, директор не возьмет его с собой...

– Гарри, – тихо произнес Думбльдор. – Пожалуйста, выслушай меня.

Перестать ходить было трудно – почти так же, как сдерживать крик. Гарри закусил губу, остановился и взглянул в морщинистое лицо Думбльдора.

– Профессор Злей совершил ужасную...

– Только не говорите, что это ошибка, сэр, он подслушивал под дверью!

– Пожалуйста, позволь мне закончить. – Думбльдор дождался, пока Гарри кивнет, и продолжил: – Профессор Злей совершил ужасную

ошибку. Когда он услышал первую половину пророчества, он еще состоял на службе у лорда Вольдеморта. Естественно, он поспешил к своему господину и все рассказал – это ведь касалось Вольдеморта напрямую. Но профессор Злей не знал – не мог знать, – за кем из мальчиков станет охотиться Вольдеморт, не знал, что в своей страшной погоне он уничтожит родителей ребенка и что это окажутся знакомые ему люди, твои отец и мать…

Гарри невесело хохотнул, и это походило на вопль.

– Он ненавидел моего отца не меньше, чем Сириуса! Вы не заметили, профессор, что люди, которых Злей ненавидит, почему-то обязательно умирают?

– Ты не представляешь, Гарри, сколь велико было раскаяние профессора Злея, когда он понял, как лорд Вольдеморт истолковал пророчество. Я думаю, ни о чем в жизни он так не жалеет, из-за этого он, собственно, и вернулся…

– Но ведь он-то *очень хорошо* владеет окклуменцией – правда, сэр? – Гарри так старался говорить спокойно, что его голос дрожал. – И Вольдеморт по-прежнему уверен, что Злей на его стороне. Профессор… откуда вы *знаете*, что Злей за нас?

Думблдор помолчал, словно что-то для себя решая, и наконец изрек:

– Знаю. Я полностью доверяю Злотеусу Злею.

Гарри несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь совладать с собой. Не помогло.

– Ну а я нет! – громко выкрикнул он. – Они и сейчас что-то затевают с Драко Малфоем, прямо у вас под носом, а вы…

– Мы это уже обсуждали, Гарри, – посуркал Думблдор. – Я изложил тебе свою точку зрения.

– Сегодня вас не будет в школе, а вы небось даже не подумали, что Злей и Малfoy могут…

– Что? – спросил Думблдор, вскидывая брови. – В чем конкретно ты их подозреваешь?

– Я… они что-то замышляют! – воскликнул Гарри, и его руки сами собой сжались в кулаки. – Профессор Трелони заходила в Кстати-комнату, хотела спрятать свой херес, и слышала, как Малfoy торжествует, вопит от радости! Он чинил там что-то опасное и, помоему, наконец починил, а вы хотите оставить школу без…

— Достаточно, — сказал Думбльдор вполне спокойно, и тем не менее Гарри сразу умолк; он понял, что перешел некую невидимую границу. — Ты полагаешь, что во время моих отлучек я оставляю школу без присмотра? Ничего подобного. Сегодня тоже обязательно будет дополнительная защита. Пожалуйста, не думай, что я несерьезно отношусь к безопасности школьников.

— Я не... — испуганно замямлил Гарри, но Думбльдор его перебил:

— Я больше не желаю обсуждать эту тему.

Гарри прикусил язык, боясь, что зашел слишком далеко и упустил шанс сопровождать Думбльдора, однако тот спросил:

— Так ты хочешь отправиться со мной сегодня?

— Да, — не раздумывая ответил Гарри.

— Что ж, очень хорошо, тогда слушай.

Думбльдор выпрямился во весь рост.

— Я беру тебя при одном условии: беспрекословно подчиняться моим приказам, сразу и без обсуждений.

— Конечно.

— Надеюсь, ты понял меня, Гарри: даже таким приказам, как «беги», «прячься» и «возвращайся назад». Даешь слово?

— Я... да, конечно.

— Если я прикажу спрятаться, ты подчинишься?

— Да.

— Если прикажу бежать, побежишь?

— Да.

— Если прикажу бросить меня и спасаться, ты сделаешь, как я сказал?

— Я...

— Гарри?

Мгновение они смотрели друг на друга.

— Да, сэр.

— Прекрасно. Тогда сходи за плащом-невидимкой и через пять минут жди меня в вестибюле.

Думбльдор отвернулся к огненному окну; от солнца осталась лишь тускло сияющая рубиновая полоска над горизонтом. Гарри быстро вышел из кабинета и спустился по винтовой лестнице. В голове неожиданно прояснилось. Он теперь знал, что делать.

Рон и Гермиона сидели в общей гостиной.

— Чего хотел Думблдор? — начала было Гермиона, но тут же встревоженно спросила: — Гарри, что с тобой?

— Все нормально, — на ходу бросил Гарри.

Он взлетел по лестнице в спальню, откинул крышку сундука и достал Карту Каверзника и пару свернутых носков. Затем сбежал вниз и затормозил перед ошарашенными Роном и Гермионой.

— У меня мало времени, — тяжело дыша, проговорил Гарри. — Думблдор прислал за плащом. Слушайте...

Он коротко рассказал, куда отправляется и зачем. Он не обращал внимания ни на охи и ахи Гермионы, ни на вопросы Рона; у них еще будет время все обсудить.

— ...в общем, вы понимаете, что это значит? — чуть не захлебываясь, закончил Гарри. — Думблдора вечером не будет, и Малфой сможет преспокойно заняться своими делишками. *Нет, послушайте!* — гневно зашипел он, увидев, что Рон с Гермионой открыли рты. — Я знаю, что это он вопил в Кстати-комнате. На-ка... — Он сунул Гермионе в руку Карту Каверзника. — Следите за ним и Злеем. Привлеките всех, кого найдете, из Д. А. Гермиона, контактные галлеоны еще работают, так? Думблдор говорит, что установил дополнительную защиту, но если замешан Злей, то он в курсе, какова она и как ее обойти, — только он не знает, что будет у вас под колпаком.

— Гарри... — начала Гермиона, в ужасе распахнув глаза.

— На споры нет времени, — отрезал он. — Возьмите еще вот это, — он пихнул Рону носки.

— Спасибо, — сказал тот. — Но... э-э... а носки мне зачем?

— Не носки, а то, что в них: там фортуна фортуна. Разделите между собой и Джинни тоже дайте. Попрощайтесь с ней за меня. Мне пора, Думблдор ждет...

— Нет! — воскликнула Гермиона, когда Рон благоговейно извлек на свет крохотный флакончик с золотистым зельем. — Нам не нужно, лучше ты возьми, кто знает, что тебя ждет?

— Со мной все будет хорошо, я же с Думблдором, — ответил Гарри. — Но я хочу быть уверен, что и у вас все в порядке... Не смотри так, Гермиона, мы еще увидимся...

Он выскочил в дыру за портретом и помчался к вестибюлю.

Думблдор стоял у дубовых дверей и обернулся, едва Гарри, задыхаясь, изнывая от чудовищной рези в боку, выбежал на каменное

крыльцо.

— Надень плащ, пожалуйста, — попросил Думблдор, дождался, пока Гарри станет невидимым, и сказал: — Очень хорошо. Пойдем? — И он спустился по каменным ступеням; летний вечер был так спокоен, что дорожный плащ Думблдора даже не колыхался. Гарри под плащом-невидимкой торопился следом, по-прежнему задыхаясь и довольно сильно потея.

— Но что подумают люди, когда увидят, что вы опять покидаете школу, профессор? — спросил он, не в силах выкинуть из головы мысли о Злее и Малфое.

— Решат, что я пошел в Хогсмед пропустить стаканчик, — легкомысленно отозвался Думблдор. — Я иногда наношу визит Росмерте, а не то посещаю «Башку борова»... по крайней мере, всем так кажется. Ничем не хуже прочих способ отвести подозрения.

Они зашагали по подъездной аллее. Надвигались сумерки, в воздухе витали запахи нагретой травы, озерной воды, горящих поленьев из хижины Огрида. Не верилось, что предстоит страшное и опасное путешествие.

— Профессор, — тихо сказал Гарри, завидев ворота, — мы будем аппарировать?

— Да, — кивнул Думблдор. — Ты, надо полагать, это уже освоил?

— Освоил, — подтвердил Гарри, — но у меня пока нет прав.

Лучше не врать, а то вдруг он все испортит, очутившись за сотни миль от места назначения?

— Ерунда, — отмахнулся Думблдор, — я тебе помогу.

Они вышли из ворот на пустынную, еле видную в сумерках дорогу в Хогсмед. Тьма стущалась стремительно; когда они добрались до Высокой улицы, уже наступила ночь. В окнах над магазинами мерцали огоньки. На подходе к «Трем метлам» они услышали сиплый крик.

— ...И больше сюда не ходи! — надрывалась мадам Росмерта, выталкивая из своего заведения какого-то чумазого колдуна. — Ой, здравствуйте, Альбус... что-то поздненько вы...

— Добрый вечер, Росмерта, добрый вечер... прости, я сегодня в «Башку борова»... не обижайся; что-то вдруг захотелось тишины...

Минуту спустя они свернули за угол, к «Башке борова». Вывеска над баром поскрипывала, хотя ветра совсем не чувствовалось. Внутри, в отличие от «Трех метел», никого не было.

— Заходить не обязательно, — пробормотал Думблдор, озираясь. — Коль скоро никто нас не видел... Положи ладонь мне на руку, Гарри. Не надо сильно хвататься, я буду тебя только направлять. На счет три... раз... два... три...

Гарри повернулся на месте. И сразу почувствовал, будто его протаскивают сквозь тугую резиновую трубу; он не мог дышать, тело сжимало со всех сторон. Но вскоре, когда он почувствовал, что больше не в силах этого выносить и сейчас задохнется, невидимые обручи лопнули, и Гарри обнаружил, что стоит в темноте, жадно вдыхая свежий морской воздух.

Глава двадцать шестая

Пещера

Гарри чуял запах соли, слышал шорох волн; прохладный ветерок ерошил ему волосы; впереди простиралась лунная дорожка, небо пестрело звездами. Он стоял на огромном камне, под ногами бурлили и пенелись волны. Гарри оглянулся. За спиной возвышалась скала, отвесная, черная, безликая. От нее, видимо, когда-то и откололись камни, на одном из которых очутились Гарри и Думбльдор. Пейзаж был суровый, безрадостный: море да скалы – ни деревца, ни травы, ни песка.

– Что скажешь? – спросил Думбльдор, словно интересуясь у Гарри, стоит ли устраивать здесь пикник.

– И сюда привозили детей из приюта? – Трудно было представить менее подходящее место для прогулки.

– Не совсем сюда, – пояснил Думбльдор. – Выше, где-то на середине горы, есть деревушка. Видимо, там сироты дышали морским воздухом и любовались волнами. А сюда не забредал никто, кроме Тома Реддля и его малолетних жертв. К этим скалам не подберется ни один мугл, разве что опытный альпинист, и на лодке тоже не подойдешь; слишком опасно. Мне представляется, что Реддль слез с горы – колдовство куда надежней веревок. Он взял с собой двух малышей – очевидно, ради удовольствия как следует их напугать. Помоему, для этого хватило бы одного только спуска, как считаешь?

Гарри посмотрел на скалу. По его спине побежали мурашки.

– Но конечная цель Реддля – и наша – находится чуть дальше.
Идем.

Думбльдор поманил Гарри туда, где зазубренные трещины в камне, образуя подобие ступенек, уводили вниз, к валунам, выступавшим из моря ближе к отвесной скале. Спуск оказался коварным; Думбльдор из-за больной руки двигался очень медленно. Камни у самой воды были мокрыми и скользкими. Щеки кололо солеными брызгами.

— Люмос, — сказал Думбльдор, добравшись до последнего камня и опустившись на корточки. На темной поверхности моря засверкали тысячи золотых точек; черная скала тоже осветилась. — Видишь? — тихо спросил Думбльдор, поднимая палочку чуть выше. Гарри заметил в скале расщелину, где бурлила черная вода. — Не боишься немного намокнуть?

— Нет, — ответил Гарри.

— Тогда сними плащ-невидимку — он сейчас не нужен — и ныряем.

И с юношеским проворством Думбльдор соскользнул с валуна в море и безукоризненным брассом поплыл к зияющей расщелине. Сияющая волшебную палочку он держал в зубах. Гарри снял плащ, сунул его в карман и последовал за Думбльдором.

Вода была ледяная; мокрая одежда мешала двигаться и тянула вниз. Глубоко и размеренно дыша — в ноздри был острый запах соли и водорослей, — Гарри плыл на мерцающий огонек, который продвигался внутрь скалы, становясь все меньше и меньше.

Расщелина скоро превратилась в тоннель, во время прилива, очевидно, заполнившийся водой. Шириной он был фута три, не больше; склизкие стены под движущимся лучом волшебной палочки блестели, точно мокрый гудрон. Чуть дальше тоннель поворачивал влево и уходил глубоко в скалу. Гарри сосредоточенно плыл за Думбльдором, то и дело кончиками немеющих пальцев касаясь шероховатого камня.

Наконец Думбльдор поднялся из воды. Серебристые волосы и длинная мантия влажно посверкивали в темноте. Подплыв, Гарри увидел ступеньки, которые вели в большую пещеру, и кое-как вскарабкался. С одежды струями стекала вода. Воздух неподвижен, но очень холодно; Гарри колотила дрожь.

Думбльдор стоял посреди пещеры и, высоко держа палочку, медленно крутился на месте, осматривая стены и потолок.

— Да, это здесь, — произнес он.

— Откуда вы знаете? — шепотом спросил Гарри.

— Когда-то здесь колдовали, — просто объяснил Думбльдор.

Гарри уже не понимал, отчего дрожит — от холода или присутствия волшебных чар, — и внимательно следил за Думбльдором. Тот задумчиво вертелся вокруг своей оси, внимая чему-то, совершенно недоступному Гарри.

— Это всего лишь прихожая, вестибюль, — сказал Думблдор чуть погодя. — Нам же надо проникнуть внутрь... и теперь нас ждут препятствия, созданные не природой, а лордом Вольдемортом...

Думблдор подошел к стене и осторожно провел по ней кончиками почерневших пальцев, бормоча слова на невнятном странном языке. Затем дважды обошел пещеру по периметру, часто касаясь рукой стен, иногда замирая на мгновение и ощупывая камень заново. Наконец он остановился, прижав ладонь к стене.

— Здесь, — объявил он. — Мы пройдем здесь. Вход запечатан.

Гарри не стал спрашивать, откуда Думблдор это знает. Он никогда не видел, чтобы колдовали вот так, взглядом и прикосновением; впрочем, он давно догадался, что дым и грохот — спутники неумелости, а не мастерства.

Думблдор отступил от стены и указал на нее палочкой. На миг в камне проступил контур арки, вспыхнувший белым огнем, словно с другой стороны включили мощный прожектор.

— У в-вас п-получилось, — заметил Гарри, стуча зубами, но не успели слова слететь с его губ, контур исчез. Думблдор оглянулся.

— Гарри, прости, я совсем забыл, — сказал он и повел палочкой в сторону Гарри, чья одежда сразу стала сухой и теплой, будто ее высушили перед жарко натопленным камином.

— Спасибо! — произнес Гарри, но Думблдор уже отвернулся к гладкой стене. Он больше не пытался колдовать, лишь стоял и пристально вглядывался в нее, точно читал что-то невероятно интересное. Гарри ждал, затаив дыхание; он не хотел отвлекать Думблдора.

После двух минут очень напряженного молчания тот еле слышно проговорил:

— Да быть этого не может. Как грубо.

— Что, профессор?

— У меня есть сильные подозрения, — Думблдор сунул здоровую руку во внутренний карман и достал короткий серебряный ножик; Гарри обычно измельчал таким ингредиенты для зелий, — что нам придется заплатить за вход.

— Заплатить? — удивился Гарри. — Дать что-нибудь двери?

— Именно, — подтвердил Думблдор. — Кровь, если я не сильно ошибаюсь.

– Кровь?

– Я же говорю, грубо. – В голосе Думбльдора звучало презрительное разочарование; очевидно, Вольдеморт не оправдал его ожиданий. – Фокус, как ты, несомненно, догадался, в том, что враг не может войти, не ослабив себя. Как обычно, лорд Вольдеморт упускает из виду, что есть вещи пострашнее физическогоувечья.

– Да, но все равно, если этого можно избежать... – пробормотал Гарри. Он испытал в жизни немало боли и отнюдь не стремился получить добавку.

– Увы, иногда страдания неизбежны, – отзвался Думбльдор, откинулся рукав, высвобождая поврежденную руку, и занес нож.

– Профессор! – запротестовал Гарри и шагнул к нему. – Лучше мне, все же я...

Он не знал, что хотел сказать, – моложе, крепче? Думбльдор только улыбнулся. Сверкнуло серебряное лезвие, забил алый фонтанчик; стену густо окропили темные сверкающие капли.

– Ты очень добр, Гарри, – сказал Думбльдор и провел кончиком волшебной палочки над глубоким порезом. Рана мгновенно затянулась; точно так же Злей залечил раны Малфоя. – Но твоя кровь гораздо ценнее моей. Ага, кажется, сработало...

Полыхающий контур возник снова и на этот раз не исчез; обрызганный кровью камень внутри арки испарился, образовав проем, за которым царила непроницаемая тьма.

– Пожалуй, я пойду первым, – решил Думбльдор и шагнул в арку. Гарри торопливо последовал за ним, засветив на ходу палочку.

Им открылось совершенно нереальное зрелище: необъятная пещера, такая высокая, что было неясно, есть ли у нее потолок, и огромное черное озеро без конца и края. Издали – видимо, из центра озера – исходило туманное зеленоватое свечение, отражавшееся в застывшей водной глади. Этот странный свет и лучи волшебных палочек лишь чуть-чуть разрежали непроглядную бархатистую тьму, но не проникали особенно далеко. Здешний мрак был плотней обычной темноты.

– Пойдем, – тихо сказал Думбльдор. – И осторожно, не коснись воды. Держись поближе ко мне.

Он зашагал вдоль берега; Гарри пошел следом, почти наступая ему на пятки. Их шаги гулким, звонким эхом отражались от узкой полосы

камней, опоясывавших озеро. Они шли и шли, но пейзаж не менялся: с одной стороны – шершавая стена, с другой – безгранична черная зеркальная гладь и загадочное зеленоватое свечение в центре. Это жуткое место, зловещая тишина вокруг пугали и подавляли.

– Профессор, – наконец не выдержал Гарри. – По-вашему, окаянт здесь?

– О да! – отозвался Думблдор. – Я уверен. Вопрос лишь в том, как к нему подобраться.

– А нельзя… призывным заклятием? – спросил Гарри. Он понимал, что вопрос глупый, но даже себе не признавался, до чего охота убраться отсюда как можно скорее.

– Разумеется, можно. – И Думблдор остановился так резко, что Гарри едва не уткнулся в него. – Почему бы тебе не попытаться?

– Мне? Э-э… ладно…

Гарри такого не ожидал, однако откашлялся и, подняв волшебную палочку, громко произнес:

– Акцио окаянт!

С шумом, напоминающим взрыв, над темной водой футах в двадцати от берега взвилось что-то большое и бледное; не успел Гарри его рассмотреть, оно с громким всплеском исчезло. По воде побежали большие глубокие круги. Гарри в страхе отскочил назад и ударился о стену; сердце билось очень сильно. Он повернулся к Думблдору:

– Что это было?

– Полагаю, нечто, готовое защищать окаянт.

Гарри посмотрел на воду. Черная поверхность озера вновь разгладилась и засверкала как стекло; волны улеглись неестественно быстро. Сердце все еще бешено колотилось.

– Вы этого ждали, сэр?

– Я ждал *чего-то* в ответ на очевидную попытку добраться до окаянта. Кстати, прекрасная мысль, Гарри; мы запросто выяснили, что нам грозит.

– Но мы ведь не знаем, что это была за штука, – возразил Гарри, осматривая зловещую водную гладь.

– Скорее штуки, – поправил Думблдор. – Я сильно сомневаюсь, что она там одна. Идем дальше?

– Профессор…

– Да, Гарри?

– Думаете, нам придется лезть в озеро?
– В озеро? Только если очень-очень не повезет.
– Окайт не на дне?
– Нет... скорее, он в *центре*.

Думбльдор показал на туманное зеленоватое свечение посреди озера.

– Значит, придется плыть?
– Думаю, да.

Гарри замолчал. Его поглотили мысли о водяных чудовищах, гигантских змеях, демонах и прочей нечисти...

– Так. – Думбльдор опять остановился, и на сей раз Гарри и впрямь наткнулся на него и зашатался на кромке у черной воды. Думбльдор здоровой рукой схватил его за локоть и потянул назад. – Прости, мне следовало предупредить. Встань, пожалуйста, у стены; кажется, я нашел.

Гарри понятия не имел, о чем речь; этот участок на берегу ничем не отличался от остальных, но Думбльдор, видимо, что-то здесь почуял. Теперь он водил рукой не по каменной стене, а по воздуху, словно ловил нечто невидимое.

– Ага! – радостно воскликнул он секунды через две и схватил что-то, неразличимое для Гарри. Затем вплотную приблизился к воде; Гарри нервно следил за тем, как носки башмаков с пряжками балансируют на каменистом краю озера. Стиснув в воздухе кулак, Думбльдор постучал по нему волшебной палочкой.

И сразу невесть откуда появилась толстая медная с прозеленью цепь, которая тянулась из воды прямо к кулаку. Думбльдор постучал по ней, и цепь змеей заскользила сквозь его руку. С громким лязгом, эхом отражавшимся от каменных стен, цепь свивалась кольцами на берегу, вытягивая что-то со дна озера. Гарри ахнул: из воды показался нос призрачной лодки, позеленевшей, как и цепь. Лодка всплыла и, почти не тревожа воду, направилась к Гарри и Думбльдору.

– Как вы узнали, что она там? – изумленно спросил Гарри.
– Магия всегда оставляет след, – ответил Думбльдор. Лодка с тихим стуком причалила к берегу. – Иногда очень ясный. Я сам учил Тома Реддля и знаю его стиль.

– А в эту лодку... садиться-то можно?

– Да, думаю, да. Вольдеморту было необходимо средство, чтобы переплыть озеро, не тревожа тех, кого он в нем поселил, – на случай, если понадобится навестить или забрать окаянта.

– Значит, эти штуки в воде ничего нам не сделают, если мы поплывем в его лодке?

– Рано или поздно они наверняка сообразят, что мы – не лорд Вольдеморт, и тут уж ничего не поделаешь. Впрочем, пока все идет гладко. Они отдали нам лодку.

– Но почему? – спросил Гарри. Он никак не мог отогнать видение: страшные щупальца, которые встанут над черной водой, как только берег пропадет из виду.

– Вольдеморт знал, что отыскать лодку, а тем более добраться до окаянта способен лишь очень сильный колдун, – объяснил Думблдор. – Поэтому решился пойти на риск, с его точки зрения, практически нулевой. К тому же он полагал, что ему одному под силу преодолеть дальнейшие препятствия. Сейчас мы это проверим.

Гарри посмотрел на лодку: такая маленькая!

– По-моему, она не предназначена для двоих. Она выдержит нас обоих? Или мы слишком тяжелые?

Думблдор хохотнул:

– Вольдеморт, я уверен, принимал в расчет не вес, а объем колдовской силы. Я склонен думать, что чары наложены так, чтобы лодка выдерживала только одного колдуна.

– Но тогда?..

– Вряд ли тебя следует принимать в расчет, Гарри: ты несовершеннолетний и без диплома. Вольдеморт не думал, что сюда попадет шестнадцатилетний юноша; скорее всего, рядом с моей твоей колдовской силой будет вовсе незаметна.

Такие слова отнюдь не укрепили боевой дух Гарри; наверное, Думблдор это понял, поскольку добавил:

– Вольдеморт ошибся, Гарри, ошибся... Взрослые глупы и забывчивы, а потому склонны недооценивать возможности юности... А сейчас, пожалуй, ты первый. И внимательней, не коснись воды.

Думблдор отступил в сторону, и Гарри осторожно перебрался в лодку. Думблдор последовал за ним и кольцами уложил на дно цепь. Было очень тесно; Гарри сидел на корточках, и его коленки торчали над бортами; лодка сразу отчалила. Вокруг не раздавалось ни звука,

кроме нежнейшего шороха, с которым нос суденышка разрезал воду; лодка плыла к центру озера сама, словно ее притягивал невидимый канат. Вскоре стены пещеры исчезли вдали; казалось, что вокруг море, только без волн.

Гарри посмотрел вниз. По черной глади, поблескивая, скользил золотой лучик его волшебной палочки. От носа лодки по воде расходились глубокие борозды, словно царапины на темном зеркале...

И тогда Гарри увидел в глубине нечто мраморно-белое.

– Профессор! – взволнованно крикнул он, и его голос гулким эхом разнесся над тишиной озера.

– Гарри?

– В воде рука – человеческая!

– Естественно, – спокойно отозвался Думблдор.

Гарри уставился в воду, выискивая взглядом пропавшую руку, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

– Так эта штука, которая выпрыгнула из воды?..

Не успел Думблдор раскрыть рот, как Гарри получил ответ на свой вопрос; лучик выхватил из мрака человеческое тело, что плавало лицом вверх в нескольких дюймах от поверхности озера. Открытые глаза мертвеца были затуманены, точно затянуты паутиной, волосы и одежда вились вокруг, словно дым.

– Там трупы! – не своим голосом взвизгнул Гарри.

– Да, – безмятежно отозвался Думблдор, – но сейчас о них можно не беспокоиться.

– Сейчас? – повторил Гарри, оторвав взгляд от воды и уставившись на Думблдора.

– Пока они мирно плавают внизу, – прибавил тот. – Трупов вообще бояться нечего, как и темноты. Разумеется, лорд Вольдеморт, который втайне боится и того и другого, со мной бы не согласился. Но это опять же от недостатка мудрости. В темноте и смерти пугает лишь неизвестность.

Гарри молчал, не желая спорить, но мысль о многочисленных трупах совсем рядом приводила его в ужас, и к тому же он не верил, что они безобидны.

– Но один выпрыгнул, – сказал он, пытаясь сохранять спокойствие. – Когда я призвал окаянта из озера выпрыгнул мертвец.

– Да, – согласился Думблдор. – Когда мы заберем окаянта, они наверняка станут воинственнее. К счастью, те, кто обитает в холода и темноте, обычно боятся тепла и света. Следовательно, его мы и призовем на помощь, случись такая нужда. Огонь, Гарри, – с улыбкой пояснил Думблдор в ответ на недоумение Гарри.

– А... ну да... – слабо отозвался тот и взглянул на зеленоватое свечение, к которому неумолимо влекло лодку. Изображать бесстрашие больше не получалось. Бескрайнее озеро, кишащее мертвецами... Гарри казалось, что прошло уже много часов с тех пор, как он повстречал профессора Трелони, отдал Рону с Гермионой фортуну фортунату... И почему он не попрощался с ними как следует... не повидался с Джинни...

– Почти приплыли, – весело сообщил Думблдор.

Действительно зеленоватое свечение разрасталось, и через несколько минут лодка мягко уткнулась во что-то. Гарри поднял светящуюся волшебную палочку повыше и увидел, что они причалили к островку – плоской каменной площадке в середине озера.

– Осторожней, не коснись воды, – напомнил Думблдор, когда Гарри выбирался из лодки.

Островок был едва ли больше Думблдорова кабинета; на гладком и темном камне не обнаружилось ничего, кроме источника зеленоватого свечения, которое вблизи казалось намного ярче. Гарри прищурился, присмотрелся и сначала решил, что это лампа, но затем понял: свет исходит от каменной чаши наподобие дубльдума, стоящей на пьедестале.

Думблдор направился к чаше; Гарри последовал за ним. Бок о бок они заглянули внутрь и увидели изумрудную жидкость, испускающую флуоресцентное сияние.

– Что это? – тихо спросил Гарри.

– Точно не знаю, – ответил Думблдор. – Но явно опасней, чем кровь и трупы.

Думблдор поддернул рукав и кончиками обугленных пальцев потянулся к зелью.

– Нет, сэр, не трогайте!..

– Да я и не могу, – слабо улыбнулся Думблдор. – Видишь? Не получается. Сам попробуй.

Гарри, в страхе глядя на зелье, попытался до него дотронуться и ощутил невидимый барьер, мешавший поднести руку ближе, чем на дюйм. Он толкнул сильней, еще сильней, но пальцы ничего не чувствовали, только плотный, непроницаемый воздух.

– Отойди, пожалуйста, – сказал Думблдор.

Он воздел палочку и, почти неслышно бормоча, проделал над чашей какие-то замысловатые пассы. Ничего не произошло, хотя зелье, пожалуй, засветилось ярче. Гарри молчал, но, едва Думблдор опустил палочку, сразу заговорил:

– Вы думаете, окаянт внутри, сэр?

– О да. – Думблдор всмотрелся в глубь чаши. Гарри увидел на гладкой зеленой поверхности его перевернутое лицо. – Только как до него добраться? В зелье не удается погрузить руку, его нельзя испарить, заставить расступиться, собрать, втянуть в палочку, а также зачаровать, превратить или иным образом изменить его природу.

Думблдор почти бездумно крутанул палочкой и поймал хрустальный кубок, который создал из воздуха.

– Могу лишь заключить, что зелье надо выпить.

– Что? – воскликнул Гарри. – Нет!

– Видимо, так: только выпив зелье, я могу опустошить чашу и увидеть, что лежит на дне.

– Но если... если оно вас убьет?

– Сомневаюсь, – беззаботно отозвался Думблдор. – Едва ли лорд Вольдеморт хотел убить того, кто добрался до этого острова.

Гарри не верил собственным ушам. Что это – очередной пример безумного стремления Думблдора во всем и вся видеть только хорошее?

– Сэр, – постарался вразумить его Гарри, – мы же *про* Вольдеморта...

– Прости; следовало сказать, что Вольдеморт не хотел убивать его *сразу*, – поправился Думблдор. – Нет, он сохранял бы ему жизнь до тех пор, пока не выяснит, как тот сумел пройти сквозь его заслоны и, главное, почему так стремился опустошить чашу. Не забывай, лорд Вольдеморт уверен, что, кроме него, никто ничего не знает об окаянтах.

Гарри открыл было рот, но Думблдор поднял руку, призывая к молчанию, и, слегка нахмурясь, воззрился на чашу. После

напряженных размышлений он изрек:

— Без сомнения, зелье должно помешать мне взять окаянт. Оно может парализовать меня, заставить забыть, для чего я здесь, вызвать такую боль, что мне станет не до чаши, либо еще как-то воспрепятствовать моим намерениям. Если так, Гарри, твоя задача — проследить, чтобы я выпил все, даже если придется заставлять меня вопреки моим протестам. Ты понял?

Их глаза встретились над чашей; бледные лица были подсвечены зеленым. Гарри молчал. Так вот зачем он здесь — чтобы насиливо влиять в Думбльдора зелье, которое может причинить невыносимую боль?

— Ты помнишь, — сказал Думбльдор, — на каких условиях я взял тебя с собой?

Гарри нерешительно посмотрел в голубые глаза, позеленевшие в свете чаши.

— Но что, если?..

— Ты поклялся повиноваться моим приказам, не так ли?

— Да, но...

— Я предупреждал, что путешествие может быть опасным, верно?

— Да, — отвечал Гарри, — но...

— Что ж, в таком случае, — Думбльдор вновь поддернул рукав и поднял пустой кубок, — ты слышал мой приказ.

— Почему выпить зелье не могу я? — в отчаянии спросил Гарри.

— Потому что я намного старше, намного умнее и отнюдь не так ценен, — ответил Думбльдор. — Раз и навсегда, Гарри: ты даешь слово сделать все, что в твоих силах, чтобы я допил зелье?

— А нельзя?..

— Даешь слово?

— Но...

— *Дай слово, Гарри.*

— Я... хорошо, но...

Не успел он еще хоть что-то произнести, Думбльдор погрузил хрустальный кубок в чашу. У Гарри была надежда, что кубок не сможет коснуться зелья, однако хрусталь погрузился туда с легкостью. Наполнив кубок до краев, Думбльдор поднес его ко рту.

— Твое здоровье, Гарри.

И выпил до дна. Гарри в ужасе следил за ним, вцепившись в края чаши так, что онемели пальцы.

– Профессор! – встревоженно позвал он, едва Думбльдор опустил кубок. – Вы как?

Плотно сжимая веки, Думбльдор потряс головой. «Так больно?» – испугался Гарри. Думбльдор не глядя сунул кубок в чашу, заново наполнил его и выпил еще раз.

В полном молчании он выпил три кубка, а на четвертом пошатнулся и, не допив, привалился к чаше. Он по-прежнему не открывал глаз и дышал очень тяжело.

– Профессор Думбльдор! – тревожно воскликнул Гарри. – Вы меня слышите?

Думбльдор не отвечал. Его лицо подергивалось, будто он очень глубоко спал и видел кошмар. Рука ослабела, зелье вот-вот выльется. Гарри придержал хрустальный кубок.

– Профессор, вы меня слышите? – громко повторил он, и его слова гулко разлетелись по пещере.

Думбльдор часто дышал. Потом он заговорил, и Гарри не узнал его голоса, потому что раньше Думбльдор никогда ничего не боялся.

– Я не хочу... не заставляй меня...

Гарри смотрел на побелевшее лицо, такое знакомое, на крючковатый нос, на очки-полумесяцы и не понимал, что делать.

– Мне не нравится... я больше не хочу... – стонал Думбльдор.

– Надо... надо, профессор, – сказал Гарри. – Надо все выпить, помните? Вы велели заставлять вас пить. Вот...

Жгуче, до тошноты ненавидя себя, он решительно наклонил кубок ко рту Думбльдора. Тот покорно допил.

– Нет... – пролепетал он, когда Гарри заново наполнил кубок. – Я не хочу... не хочу... отпусти...

– Ничего, ничего, профессор. – Рука Гарри отчаянно дрожала. – Ничего, я с вами...

– Пусть это прекратится, пусть прекратится... – плакал Думбльдор.

– Да... да, выпейте еще, и все прекратится, – солгал Гарри и вылил зелье ему в открытый рот.

Думбльдор закричал; крик отдавался эхом над мертвой черной водой.

– Нет, нет, нет... нет... не могу... не могу, не заставляй меня, я не хочу!..

– Все хорошо, профессор, все хорошо! – громко сказал Гарри. Его руки так тряслись, что он еле зачерпнул зелье в шестой раз; чаша опустела наполовину. – С вами ничего не происходит, все хорошо, это не по-настоящему, правда, не по-настоящему... вот, пейте, пейте...

Думбльдор послушно выпил, будто ему дали противоядие, но, едва опустошив кубок, рухнул на колени. Он мелко дрожал, рыдая:

– Прости меня, я больше не буду, я не буду! Пожалуйста, прекрати, я знаю, что виноват, умоляю тебя, пусть это прекратится, я больше никогда, никогда...

– Выпейте, и все прекратится, профессор, – срывающимся голосом пообещал Гарри и вылил в рот Думбльдору седьмой кубок.

Бедный старик съежился, словно защищаясь от невидимых палачей, и чуть не вышиб из трясущихся рук Гарри новый кубок зелья, отмахиваясь и стеная:

– Не мучай их, не мучай, пожалуйста, прошу тебя, это я виноват, возьми меня...

– Выпейте, выпейте, вам станет лучше, – исступленно молил Гарри, и снова Думбльдор повиновался и открыл рот, хотя не разжимал век и с головы до ног дрожал.

Потом он упал на землю, вновь закричал и замолотил кулаками по земле. Гарри снова наполнил кубок.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, нет... не это, только не это, я все сделаю...

– Просто выпейте, профессор, выпейте...

Думбльдор выпил, как ребенок, умирающий от жажды, и тут же завопил, словно ему обожгло все внутренности:

– Все, все, пожалуйста, больше не могу!..

Гарри в десятый раз зачерпнул зелье и почувствовал, как хрусталь царапнул по дну чаши.

– Уже почти все, профессор, пейте, пейте...

Он поддержал Думбльдора за плечи, и тот осушил кубок; Гарри встал за новой порцией, и тогда Думбльдор закричал в смертной муке:

– Я хочу умереть! Хочу умереть! Прекрати это, прекрати, я хочу умереть!

– Пейте, профессор, пейте...

Думблдор повиновался, но, едва допив, взмолился:

– УБЕЙ МЕНЯ!

– Вот… это убьет! – в ужасе выдохнул Гарри. – Выпейте… и это кончится… все кончится!

Думблдор торопливо проглотил зелье до последней капли, отчаянно, прерывисто застонал и рухнул ничком.

– Нет! – завопил Гарри, который встал за очередной порцией; он уронил кубок в чашу, бросился к Думблдору и с трудом перевернул его на спину. Очки-полумесяцы перекосились, веки были сомкнуты, рот открыт. – Нет, – Гарри затряс Думблдора, – вы не можете умереть, вы сами сказали, что это не яд, очнитесь, очнитесь… Воспрянь! – вскричал он, указывая палочкой на грудь Думблдора. Вспыхнул красный свет, но ничего не произошло. – Воспрянь… сэр… пожалуйста…

Веки Думблдора дрогнули; сердце Гарри с надеждой екнуло.

– Сэр, вы?..

– Воды, – хрипло простонал Думблдор.

– Воды, – выдохнул Гарри, – да…

Он вскочил и выхватил из чаши кубок, не обратив внимания на золотой медальон на дне.

– Агуаменти! – крикнул он, тыча в кубок волшебной палочкой.

Тот наполнился чистой водой; Гарри упал на колени, приподнял голову Думблдору и поднес кубок к губам – но в кубке было пусто. Думблдор застонал и начал задыхаться.

– Была же… погодите… агуаменти! – приказал Гарри. На секунду в кубке засверкала вода, но, стоило Гарри поднести его ко рту Думблдора, как она снова исчезла. – Сэр, я стараюсь, стараюсь! – в отчаянии воскликнул Гарри, но Думблдор вряд ли его слышал; он перекатился на бок и судорожно, прерывисто захрипел. – Агуаменти… агуаменти… АГУАМЕНТИ!

Кубок в третий раз наполнился и опустел. Дыхание Думблдора слабело. Мозг Гарри вскипал в панике, и тогда он догадался, где надо взять воду, ибо так задумал Вольдеморт…

Он бросился к краю каменной площадки и зачерпнул целый кубок ледяной воды. Она не исчезла.

– Сэр… вот! – заорал Гарри и, бросившись к Думблдору, неловко выплюнул воду ему на лицо.

Больше он ничего не успел сделать; по свободной руке пополз холод, и ледяная вода тут была ни при чем. Чьи-то скользкие белые пальцы, ухватив Гарри за запястье, медленно тянули его назад, к озеру, уже не зеркальному: вода забурлила, и отовсюду, куда ни кинь взгляд, выныривали бледные руки и головы, мужские, женские, детские. На островок, восстав из черноты, неумолимо надвигалась армия мертвецов с незрячими провалами глаз.

– Петрификас Тоталус! – заорал Гарри, изо всех сил цепляясь за гладкий и мокрый камень и одновременно тыча палочкой в инфернию, который его держал.

Труп разжал хватку, опрокинулся назад и с громким всплеском рухнул в озеро. Гарри кое-как поднялся, но на камень уже лезли другие инфернии; костлявые пальцы впивались в скользкую кромку суши, стылые пустые глаза слепо смотрели на Гарри, с лохмотьев стекала вода, впалые физиономии плотоядно щерились.

– Петрификас Тоталус! – взревел Гарри, пятясь и размахивая палочкой; шесть или семь трупов упали, но за ними наступало множество других. – Импедимента! Инкарцерус!

Кое-кто из инферниев споткнулся, одного или двух опутали веревки, но идущие следом просто переступали через лежащие тела. Упорно размахивая палочкой, Гарри закричал:

– Сектумсемпра! СЕКТУМСЕМПРА!

Но из дыр на мокром тряпье и ран на ледяной коже не проливалось ни капли крови: мертвецы шли и шли как ни в чем не бывало и тянули изъеденные руки. Гарри попятился дальше – и почувствовал, что и сзади его хватают тощие костлявые пальцы, холодные, как сама смерть. Гарри оторвали от земли, подхватили и медленно, но неуклонно потащили к воде. Он понял, что ему уже не вырваться, он утонет и тоже станет мертвым хранителем частицы изуродованной души Вольдеморта...

И тогда тьму прорезал огонь – малиново-золотое кольцо окружило каменный остров, и инфернии, цепко державшие Гарри, дрогнули и зашатались; они не осмеливались пройти сквозь огонь к воде. Они выронили Гарри; он ударился о землю, попытался встать, но поскользнулся и упал, до крови ободрав руки о камень, затем все-таки вскочил и, держа волшебную палочку на изготовку, огляделся.

Думбльдор очнулся и встал. Он был бледен, как инферний, но грозно возвышался над всеми; в его глазах танцевал огонь. Он держал волшебную палочку как факел, и пламя, рвущееся из нее, огромным жарким лассо обвивало остров.

Инферний слепо тыкались друг в друга, спасаясь от подступающего огня...

Думбльдор схватил со дна чаши медальон и спрятал его во внутренний карман, затем поманил Гарри. Растревавшиеся инфернии,казалось, даже не заметили, что упустили добычу. Думбльдор повел Гарри к лодке; огненное кольцо двигалось вместе с ними. Инферний ошелело добрали до края озера и с облегчением скользнули в темную воду.

Гарри дрожал с головы до ног. Он боялся, что Думбльдору не хватит сил перебраться в лодку: тот пошатывался, вся его энергия уходила на поддержание огненного кольца. Гарри подхватил Думбльдора и помог ему сесть. Стоило им войти в лодку, как она отчалила от острова, все еще окруженная кольцом пламени; инферний кишили внизу, но не осмеливались высунуться.

– Сэр, – обессиленно выдохнул Гарри, – сэр, я совсем забыл... про огонь... они наступали, я запаниковал...

– Неудивительно, – пробормотал Думбльдор, и Гарри испугался – настолько слаб был его голос.

Лодка легко ткнулась в берег. Гарри выпрыгнул и обернулся помочь Думбльдору. Едва выступив из лодки, тот в изнеможении уронил руку; огненное кольцо исчезло, но инферний больше не показывались. Лодка ушла под воду; цепь, звеня и бряцая, тоже ускользнула на глубину. Думбльдор громко вздохнул и привалился к стене пещеры.

– Я так устал... – пожаловался он.

– Не беспокойтесь, сэр, – отозвался Гарри, очень испуганный смертельной бледностью Думбльдора. – Я отведу вас обратно... обопрitezься на меня...

Он закинул здоровую руку Думбльдора себе на плечи и, почти таща его на себе, зашагал вокруг озера.

– В общем и целом... защита оказалась... весьма хитроумной, – пролепетал Думбльдор. – Один человек не справился бы... ты молодец, Гарри, большой молодец...

– Лучше ничего не говорите сейчас, – невнятный голос и нетвердая походка Думблдора тревожили не на шутку, – поберегите силы, сэр... мы скоро выберемся отсюда...

– Арка будет закрыта... мой нож...

– Не надо, я порезался о камень, – твердо сказал Гарри, – вы только покажите, где...

– Здесь...

Гарри провел ободранной рукой по стене пещеры; арочный проем, получив кровавую плату, мигом открылся. Они пересекли внешнюю пещеру, и Гарри помог Думблдору спуститься в ледяную воду, наполнившую расщелину в скале.

– Все будет хорошо, сэр, – снова и снова твердил Гарри, которого молчание Думблдора страшило намного больше, чем затрудненная речь. – Мы почти на месте... я вам помогу аппарировать обратно... не бойтесь...

– Я и не боюсь, Гарри, – ответил Думблдор. Его голос слегка окреп, несмотря на ледяную воду. – Я ведь с тобой.

Глава двадцать седьмая

Башня, пораженная молнией

Наконец над головой снова показались звезды. Гарри втащил Думбльдора на вершину ближайшего валуна и помог встать на ноги. Гарри страшно промок, у него зуб на зуб не попадал от холода; он сгибался под тяжестью Думбльдора, однако собрал последние силы и сосредоточился на своем направлении: Хогсмед. Он зажмурился, стиснул руку своего спутника и шагнул вперед, в знакомую давящую пустоту.

Еще не открыв глаза, он понял, что путешествие прошло благополучно: запах соли и морской бриз исчезли. Они с Думбльдором стояли посреди неосвещенной Высокой улицы; с обоих ручьями стекала вода, оба дрожали с головы до пят. На один жуткий миг воображение Гарри нарисовало инферниев, наползающих со всех сторон, но он моргнул и увидел, что вокруг тихо и тьма стоит абсолютная, если не считать нескольких фонарей и светящихся окон над магазинами.

– Получилось, профессор! – обессиленно прошептал Гарри, только сейчас почувствовав ужасную резь в груди. – Получилось! Мы добыли окаянта!

Думбльдор пошатнулся и привалился к нему. Сначала Гарри подумал, что из-за его неумелого аппарирования у профессора закружила голова, но потом заглянул ему в лицо и ужаснулся: оно было покрыто испариной и даже в тусклом свете фонарей поражало своей бледностью.

– Сэр, вы как?

– Бывало и получше, – еле-еле ответил Думбльдор, но уголки его губ дрогнули. – Это зелье... тонизирующим не назовешь...

И, к полному отчаянию Гарри, Думбльдор осел на землю.

– Сэр... не волнуйтесь, сэр, вам сейчас станет лучше, не бойтесь...

Он в панике огляделся, рассчитывая найти хоть какую-то помощь, но нигде никого не было, а Гарри понимал одно: необходимо любым

способом срочно доставить Думбльдора в лазарет.

– Надо отвести вас в школу, сэр... к мадам Помфри...

– Нет, – возразил Думбльдор. – Нужен... профессор Злей... но я...
прямо сейчас вряд ли дойду...

– Да... сэр, послушайте... я постучусь куда-нибудь, найду, где вам
передохнуть... а сам сбегаю и приведу мадам...

– Злотеуса, – ясно сказал Думбльдор. – Нужен Злотеус...

– Хорошо, Злей, пускай... но мне все равно придется оставить вас
ненадолго, чтобы...

Однако не успел Гарри пошевелиться, как послышались
торопливые шаги. Его сердце ликующее подпрыгнуло: их заметили,
поняли, что требуется помочь! Он оглянулся: к ним спешила мадам
Росмерта в пушистых шлепанцах на высоких каблуках и шелковом
халате с драконами.

– Я закрывала занавески в спальне – и вдруг вы! Хвала небесам,
хвала небесам, я не знала, что и... Что это с Альбусом?

Она остановилась и, часто дыша, широко распахнутыми глазами
уставилась на Думбльдора.

– Он ранен, – объяснил Гарри. – Мадам Росмерта, можно ему
побыть в «Трех метлах», пока я сбегаю в школу за помощью?

– Тебе нельзя туда одному! Ты что, не понимаешь?.. Вы не
видели?..

– Если поможете его поднять, – не слушая, продолжал Гарри, – мы
отведем его внутрь...

– В чем дело? – спросил Думбльдор. – Росмерта, что случилось?

– Сме... Смертный Знак, Альбус.

И она показала в небо над «Хогварцем». От ее слов Гарри охватил
животный страх... он обернулся, посмотрел...

Над школой висел светящийся зеленый череп с языком-мечом, знак
Упивающихся Смертью... знак, который они оставляют... когда
убивают кого-то...

– Давно появился? – спросил Думбльдор. Его рука сильно впилась
Гарри в плечо – профессор с трудом поднимался с земли.

– Буквально пару минут назад; когда я выпускала кошку, еще не
было, а когда пошла наверх...

– Нам надо немедленно в замок, – сказал Думбльдор. Его
пошатывало, но голос звучал властно. – Росмерта, потребуется

транспорт... метлы...

— У меня есть парочка за баром, — испуганно пролепетала та. — Сбегать принести?

— Нет, Гарри сам справится.

Гарри с готовностью поднял волшебную палочку:

— Акцио метлы Росмерты.

Секунду спустя из паба, грохнув дверью, вырвались две метлы, наперегонки помчались к Гарри и, чуть заметно вибрируя, замерли подле него.

— Росмерта, сообщи, пожалуйста, в министерство, — распорядился Думбльдор, оседлавая ближнюю метлу. — В «Хогварце», возможно, еще не поняли... Гарри, надень плащ-невидимку.

Гарри достал из кармана плащ, накинул на себя и только потом сел на метлу. Мадам Росмерта на своих высоких каблуках уже бежала к пабу, а Гарри с Думбльдором оттолкнулись от земли, взмыли и устремились к замку. Гарри то и дело косился на своего спутника, чтобы, если тот начнет падать, вовремя его подхватить, однако вид Смертного Знaka, похоже, придал Думбльдору сил: прильнув к метле, он летел сквозь ночь, не сводя глаз с зеленого черепа, и длинные серебристые волосы и борода его разевались. Гарри тоже смотрел на жуткую метку, и страх бурлил в нем отравой, не давая дышать и заставляя забыть обо всем...

Сколько времени они отсутствовали? Выдохлось ли зелье удачи у Рона, Гермионы и Джинни? Неужели Смертный Знак запустили из-за них? Или это Невилл, Луна, кто-нибудь из Д. А.? А если так... ведь патрулировать коридоры, выйти из безопасных спален приказал им он, Гарри... Неужели он вновь окажется виноват в смерти друга?

Внизу петляла дорога. В ушах громко свистел ветер, но Гарри все равно разобрал, как Думбльдор снова бормочет что-то непонятное. Вскоре над оградой метла Гарри неожиданно содрогнулась, и он понял: Думбльдор снимал свои же защитные заклинания, чтобы влететь на территорию, не снижая скорости. Смертный Знак сверкал прямо над астрономической башней, самой высокой в школе. Значит ли это, что убийство произошло там?

Думбльдор пролетел над зубчатым парапетом башни и уже слезал с метлы; Гарри приземлился рядом и осмотрелся.

Никого, ничего. Дверь на винтовую лестницу закрыта. Ни следов борьбы, ни тела.

— Что это значит? — спросил Гарри, поднимая глаза на зеленый череп, который зловеще поблескивал в вышине. — Это настоящий знак? Кого-то действительно... профессор?

В мутном свечении знака Гарри увидел, что Думбльдор покалеченной рукой схватился за грудь.

— Иди за Злотеусом, — слабо, но отчетливо произнес Думбльдор. — Расскажи обо всем и приведи ко мне. Больше ничего не предпринимай, ни с кем не разговаривай и не снимай плаща. Я буду ждать здесь.

— Но...

— Ты поклялся меня слушаться, Гарри, — иди!

Гарри поспешил к двери на лестницу, но, едва схватившись за железное кольцо, услышал с другой стороны чьи-то быстрые шаги. Он оглянулся на Думбльдора. Тот жестом велел ему отойти. Гарри попятился, вынимая волшебную палочку.

Дверь распахнулась, и кто-то вылетел на площадку с криком:

— Экспеллиармус!

Тело Гарри окостенело. Он, точно шаткая статуя, косо привалился к стене, да так и остался стоять; он не мог ни пошевелиться, ни заговорить и совершенно не понимал, как это получилось: ведь «экспеллиармус» — не замри-заклятье...

Затем он увидел волшебную палочку Думбльдора, стремительной дугой улетевшую за парапет, и все понял... Думбльдор невербально лишил его подвижности и, потратив на это драгоценную секунду, не смог защититься сам.

Думбльдор стоял у парапета. Его лицо было совсем белым, но он не выказывал ни паники, ни даже беспокойства. Он лишь поглядел на того, кто его обезоружил, и невозмутимо произнес:

— Добрый вечер, Драко.

Малфой отступил и торопливо огляделся, проверяя, нет ли кого с Думбльдором. Его взгляд упал на вторую метлу.

— Кто здесь еще?

— То же самое я могу спросить у тебя. Или ты действуешь в одиночку?

Бледные глаза Малфоя метнулись к Думбльдору:

– Нет. Ко мне пришло подкрепление. Сегодня у вас в школе Упивающиеся Смертью.

– Так-так, – проговорил Думблдор, словно Малфой показывал ему отлично выполненную домашнюю работу. – Очень хорошо. Значит, ты нашел способ их впустить?

– Да, – отозвался Малфой. Он сильно задыхался. – Прямо у вас под носом, а вы даже не заметили!

– Феноменально, – восхитился Думблдор. – И все же... ты уж прости... где они сейчас? Твоих сторонников что-то не видно.

– Им помешала ваша охрана. Они сражаются внизу. Это ненадолго... я пошел вперед. Я... мне надо выполнить приказ.

– Что же, мой мальчик, действуй, выполний, – ласково сказал Думблдор.

Повисло молчание. Гарри, запертый в клетке своего парализованного невидимого тела, следил за ними во все глаза и мучительно напрягал слух, надеясь уловить шум отдаленной борьбы. Драко Малфой бездействовал и только смотрел на Альбуса Думблдора, который – просто непостижимо! – улыбался.

– Драко, Драко, ты не убийца.

– Это почему это? – вскинулся Малфой.

Кажется, он и сам понял, насколько по-детски прозвучали его слова; даже в неясном свете знака видно было, как он вспыхнул.

– Вы не знаете, на что я способен, – напористо объявил он, – и не представляете, что я уже сделал!

– Почему, представляю, – мягко возразил Думблдор. – Ты едва не убил Кэти Белл и Рональда Уизли. Ты целый год отчаянно старался убить меня. Прости, Драко, но твои попытки были неубедительны... до такой степени, что я, откровенно говоря, усомнился, действительно ли ты этого хочешь...

– Хочу! Еще как! – неистово вскричал Малфой. – Я весь год работал, и сегодня...

Откуда-то из замка донесся приглушенный вопль. Малфой напрягся и оглянулся через плечо.

– Кто-то оказывает мужественное сопротивление, – светски заметил Думблдор. – Но ты говорил... ах да, тебе удалось провести в школу Упивающихся Смертью. Признаюсь, я считал, что это невозможно... Как тебе удалось?

Но Малфой не ответил: он прислушивался к происходящему внизу и, казалось, тоже обездвижен.

– Не приступить ли тебе к делу самостоятельно? – предложил Думбльдор. – Вдруг твоих помощников задержала моя охрана? Ты, возможно, понял, что сегодня здесь еще и члены Ордена Феникса. Да и помочь тебе по большому счету не нужна... волшебной палочки у меня нет... защититься нечем...

Малфой смотрел на него и молчал.

– Понятно, – доброжелательно улыбнулся Думбльдор, не дождавшись ответа. – Один боишься.

– Ничего я не боюсь! – огрызнулся Малфой, по-прежнему ничего не делая. – Это вам надо бояться!

– Но чего? Вряд ли ты сможешь убить меня, Драко. Это совсем не так просто, как полагают невинные... ну хорошо, пока мы поджидаем твоих друзей, скажи мне... как ты провел их сюда? Тебе, я так понимаю, понадобилось немало времени?

Казалось, Малфой с трудом подавляет крик или рвоту. Яростно сверля Думбльдора взглядом и направляя палочку прямо ему в сердце, он судорожно сглотнул, сделал несколько глубоких вдохов, а затем, словно против воли, сказал:

– Я починил шкаф-исчезант, которым давным-давно никто не пользовался. Где в прошлом году потерялся Монтегю.

– А-а-а.

Это прозвучало почти как стон. Думбльдор на мгновение закрыл глаза.

– Очень умно... я делаю вывод, что к нему есть пара?

– Да, в магазине «Боргина и Д'Авило», – подтвердил Малфой, – а между ними что-то вроде прохода. Монтегю рассказывал, что, когда он угодил в исчезант из «Хогварца», он в общем-то застрял посередине, но все-таки иногда слышал, что происходит в школе, а иногда – в магазине, как будто исчезант перемещался между ними... Но ему никак не удавалось докричаться... в конце концов он сумел аппарировать наружу, хотя прав у него еще не было. Чуть не умер. Все слушали и только рты разевали, и я один догадался, в чем там дело, – даже Боргин не знал! – я единственный понял, что через эти шкафы, если починить сломанный, можно попасть в «Хогварц».

— Замечательно, — пробормотал Думблдор. — Стало быть, Упивающиеся Смертью через магазин «Боргина и Д'Авило» проникли в школу, чтобы тебе помочь... хитро, очень хитро... к тому же, как ты сам говоришь, прямо у меня под носом...

— Да, — кивнул Малфой, парадоксальным образом окрыленный похвалой Думблдора. — Очень!

— Между тем временами, — продолжал Думблдор, — тебе казалось, что починить исчезант не удастся? И тогда ты действовал грубо и непродуманно. Например, послал мне зачарованное ожерелье, которое просто не могло не попасть в чужие руки... отравил мед, хотя выпить его я мог лишь по невероятной случайности...

— Да, а вы так и не поняли, кто за этим стоит, — осклабился Малфой. Думблдор сполз чуть ниже по стене: видимо, у него слабели колени. Онемевший Гарри тщетно боролся с заклятием, сковавшим его по рукам и ногам.

— Вообще-то понял, — сказал Думблдор. — Я был уверен, что это ты.

— Что ж вы меня не остановили? — с вызовом бросил Малфой.

— Я пытался, Драко. Профессор Злей следил за тобой по моему приказу...

— Ничего не по *вашему*, он обещал моей матери...

— Так он говорил тебе, Драко, а на самом...

— Он двойной агент, старый вы идиот, и работает вовсе не на вас, это только вы так думаете!

— Здесь, Драко, мы расходимся во мнениях, и тебе придется с этим смириться. Видишь ли, я целиком доверяю профессору Злею...

— И значит, совсем потеряли хватку! — ухмыльнулся Малфой. — Он все время предлагал мне помочь... думал заполучить всю славу... на подвиги его тянуло... «Что тытворишь? Ожерелье — твоих рук дело? Какая глупость, ты мог все испортить...» Но я ему не сказал, чем занимался в Кстати-комнате... Вот завтра он проснется, а все уже кончено, и он больше не любимчик Черного Лорда... в сравнении со мной он будет ничто, ничто!

— Достойная награда за труды, — мягко произнес Думблдор. — Разумеется, все любят, когда их старания оценивают по заслугам... и все же... едва ли ты обошелся без помощника... видимо, это кто-то в Хогсмеде, тот, кто мог передать Кэти... а-а-а... — Думблдор вновь

закрыл глаза и кивнул, словно бы засыпая: – Ну конечно... Росмерта. Как давно она под проклятием подвластия?

– Дошло наконец? – издевательски усмехнулся Малфой.

Внизу снова закричали, на сей раз куда громче. Малфой нервно глянул назад и опять повернулся к Думблдору. Тот продолжал:

– Значит, бедной Росмерте пришлось топтаться в собственном туалете, поджиная, когда можно будет передать ожерелье какой-нибудь ученице «Хогварца», которая зайдет одна? А отравленный мед... разумеется, Росмерта могла по твоему приказу подсыпать яд в бутылку и отослать ее Дивангарду, зная, что он собирается подарить ее мне на Рождество... да, ловко... ловко... бедному мистеру Филчу, естественно, в голову бы не пришло проверять бутылку от Росмерты... а как же вы с ней связывались? Я считал, что все коммуникации с внешним миром у нас под контролем.

– Зачарованные монеты, – пояснил Малфой будто бы через силу; рука с волшебной палочкой отчаянно дрожала. – Одна была у меня, другая у нее, и мы обменивались сообщениями...

– Не этот ли метод использовала в прошлом году группа, называвшая себя «Думблдоровой армией»? – непринужденно поинтересовался Думблдор, но при этом, заметил Гарри, сполз по стене еще на дюйм.

– Да, я позаимствовал идею у них, – криво усмехнулся Малфой. – А мысль отравить мед – у мугродины Грейнджен, я слышал, как она в библиотеке говорила, что Филч не способен отличить одно зелье от другого...

– Прошу тебя воздержаться от таких слов в моем присутствии, – произнес Думблдор.

Малфой грубо расхохотался:

– Я тут собираюсь его убить, а он переживает из-за нехорошего слова!

– Да, переживаю, – твердо сказал Думблдор, и Гарри увидел, что его ноги зашаркали по полу в попытке сохранить равновесие. – Что же касается убийства, Драко, то у тебя было достаточно времени. Мы совсем одни. Я абсолютно беззащитен – ты не смел и надеялся застигнуть меня в таком положении... И однако, ты медлишь.

Малфой скривился, будто съел что-то очень горькое.

— Кстати, насчет сегодняшнего вечера, — продолжал Думбльдор. — Я в недоумении: как же так получилось... откуда ты знал, что меня нет в школе? Но, разумеется, — ответил он на свой же вопрос, — меня видела Росмерта, она и сообщила с помощью ваших хитроумных монет...

— Именно, — подтвердил Малфой. — Только она сказала, что вы пошли выпить и скоро вернетесь...

— Что правда, то правда, я действительно выпил... и... некоторым образом... вернулся, — пробормотал Думбльдор. — А ты подстроил мне ловушку?

— Мы решили повесить над башней Смертный Знак, чтобы вы сразу примчались сюда, узнать, кого убили, — сказал Малфой. — И это сработало!

— Как посмотреть... и да и нет, — протянул Думбльдор. — Однако... из твоих слов следует, что убийства не было?

— Кого-то убили. — На этих словах голос Малфоя взлетел на целую октаву. — Одного из ваших... не знаю кого, там было темно... я через него переступил... мне велели ждать вас наверху, а эти ваши фениксы из Ордена так и лезли под ноги...

— Да, это им свойственно, — согласился Думбльдор.

Снизу донеслись грохот, крики, еще громче прежнего; очевидно, сражение шло на винтовой лестнице, совсем рядом... Сердце Гарри неслышно колотилось в невидимой груди... кто-то погиб... Малфой переступил через тело... чье?

— Как бы там ни было, время поджимает, — напомнил Думбльдор. — Поэтому давай обсудим, какие у тебя есть варианты, Драко.

— У меня — варианты?! — воскликнул Малфой. — У меня палочка... и я вас сейчас убью...

— Мальчик мой, пора оставить притворство. Если б ты действительно хотел убить, то сделал бы это, едва разоружив, а не вел бы приятные беседы о том о сем.

— У меня нет никаких вариантов! — вскричал Малфой и внезапно побелел, совершенно как Думбльдор. — Я должен! Он меня убьет! Он убьет мою семью!

— Я понимаю всю трудность твоего положения, — кивнул Думбльдор. — Почему, как ты думаешь, я не пресек твою деятельность раньше? Потому что знал: если лорд Вольдеморт догадается о моих подозрениях, он убьет тебя.

При звуке жуткого имени Малфой вздрогнул.

— Я знал о возложенной на тебя миссии, но не решался заговорить с тобой из опасения, что он воспользуется легилименцией, — продолжал Думблдор. — Но теперь мы можем наконец быть откровенны... До сих пор, Драко, ты ничего плохого не сделал, никому не нанес вреда, хотя тебе очень повезло, что твои случайные жертвы выжили... и я могу тебе помочь.

— Нет, не можете, — сказал Малфой. Палочка в его руке ходила ходуном. — Никто не может. Он мне приказал, а иначе он меня убьет. У меня нет выбора.

— Переходи на нашу сторону, Драко, и мы спрячем тебя так надежно, как тебе и не снилось. Более того, я сейчас же пошлю членов Ордена за твоей матерью, и ее тоже спрячут. Твой отец пока в безопасности, в Азкабане... но, когда придет время, мы защитим и его... переходи к нам, Драко... ты не убийца...

Малфой уставился на Думблдора.

— Но я уже так далеко зашел, — медленно проговорил он. — Все думали, я умру при попытке, а я жив... вы в моей власти... палочка у меня... вам осталось рассчитывать только на мое милосердие...

— Нет, Драко, — тихо возразил Думблдор. — Теперь речь идет не о нашем милосердии, а о моем.

Малфой молчал. Он стоял с открытым ртом, палочка в руке тряслась. Кажется, он чуть-чуть ее опустил...

Но тут по лестнице загрохотали шаги. Секунду спустя в дверь ворвались четверо в черных мантиях и выскочили на площадку, сметя Малфоя с дороги. Парализованный Гарри, не мигая, с ужасом смотрел на незнакомцев: кажется, Упивающиеся Смертью победили.

Грузный колдун со странной кривой усмешечкой одышливо захихикал.

— Думблдорика приперли к стеночке! — проговорил он, оборачиваясь к приземистой ведьме, похоже, его сестре, которая тоже радостно ухмылялась. — Думблдорик без палочки, Думблдорик один-единешенек! Умница, Драко, умница!

— Добрый вечер, Амика, — невозмутимо произнес Думблдор, словно приветствуя гостя, зашедшего на чашку чаю. — И Алекто здесь... как мило...

Женщина сердито хмыкнула.

– Думаешь, на смертном одре тебе помогут идиотские шуточки? – осклабилась она.

– Шуточки? Что вы, это называется вежливость, – ответствовал Думбльдор.

– Давай уже, – перебил незнакомец, стоявший ближе всех к Гарри, большой сухопарый человек с бакенбардами и свалившимися серыми патлами в явно тесноватой черной мантии Упивающегося Смертью. Гарри никогда не слышал такого голоса: он больше напоминал хриплый лай. От незнакомца несло грязью, потом и совершенно явно кровью; у него были очень грязные руки и длинные желтые ногти.

– Это ты, Фенрир? – спросил Думбльдор.

– Так точно, – прохрипел тот. – Рад меня видеть, Думбльдор?

– Нет, не сказал бы...

Фенрир Уолк хищно улыбнулся, показав острые зубы. По его подбородку стекала кровь; он медленно, непристойно облизнулся.

– Но ты же знаешь, как я обожаю детей.

– Я так понимаю, ты стал нападать на людей не только при полной луне? Весьма необычно... настолько вошел во вкус, что одного раза в месяц уже недостаточно?

– Вот именно, – сказал Уолк. – Что, Думбльдор, я тебя шокировал? Напугал?

– Не стану притворяться, что это не внушает мне отвращения, – ответил Думбльдор. – И я действительно отчасти шокирован, что Драко пригласил тебя в школу, где живут его друзья... Кого-кого...

– Я его не приглашал, – еле слышно выдохнул Малфой. Он не смотрел на Уолка, боялся даже покоситься в его сторону. – Я не знал, что он будет...

– Кто ж откажется от визита в «Хогварц», – просипел тот. – Столько нежненьких вкусненьких горлышек... умм, чудо...

Он оскалился в улыбке и поковырял в передних зубах отвратительным желтым ногтем.

– А тебя, Думбльдор, я съем на закуску...

– Нет, – резко возразил четвертый Упивающийся Смертью. У него было тяжелое, грубое и жестокое лицо. – Есть приказ. Это должен сделать Драко. Давай уже, Драко, приступай.

Но у Малфоя совсем не осталось решимости. Он в страхе смотрел на белое лицо Думбльдора, оказавшееся непривычно низко – тот

сильно сполз по стене.

– Да он и так долго не протянет! – воскликнул криворотый колдун под одышилвое хихиканье своей сестрицы. – Гляньте-ка на него... что с тобой, Думби?

– Ничего особенного, Амик: пониженная сопротивляемость, замедленная реакция, – ответил Думблдор. – Старость, одним словом... когда-нибудь она придет и к тебе... если повезет, конечно...

– Ты это о чём, о чём это? – неожиданно взбеленился Упивающийся Смертью. – Вечно одно и то же, Думби, сплошная болтовня и никакого дела, никакого, не понимаю, зачем Черному Лорду вообще тебя убивать, только силы тратить! Валай, Драко, кончай с ним!

Но тут внизу опять забегали, и чей-то голос прокричал:

– *Они перекрыли лестницу... Редукто! РЕДУКТО!*

Сердце Гарри радостно подпрыгнуло: значит, эти четверо не полностью подавили сопротивление, а лишь прорвались на вершину башни, поставив за собой преграду...

– Драко, быстро! – раздраженно воскликнул мужчина с жестоким лицом.

Но рука Малфоя так сильно тряслась, что он едва мог прицелиться.

– Дайте я, – рявкнул Уолк и пошел на Думблдора, протягивая руки и скаля зубы.

– Я сказал, нет! – крикнул жестоколицый. Полыхнула вспышка, и оборотня отбросило в сторону; он ударился о стену и пошатнулся, возмущенно сверкая глазами. Сердце Гарри колотилось так сильно, что он поражался, почему никто не слышит и не замечает его... если бы только он мог двигаться, запустить в них заклятием из-под плаща...

– Драко, приступай или отойди, мы сами... – пронзительно завизжала женщина, но в этот миг дверь опять распахнулась, и на пороге вырос Злей с волшебной палочкой в руке. Его черные глаза мигом вобрали в себя всю сцену: Думблдора, без сил привалившегося к стене, трех Упивающихся Смертью, разъяненного оборотня, Малфоя.

– У нас беда, Злей, – сообщил одутловатый Амик, не сводя глаз и волшебной палочки с Думблдора, – мальчишка, похоже, дрейфит...

И тогда кто-то еще позвал Злея по имени, очень-очень тихо:

– Злотеус...

За весь вечер Гарри еще ни разу так не пугался. Впервые Думбльдор умолял.

Не ответив, Злей шагнул вперед, бесцеремонно оттолкнув Малфоя. Тroe Упивающихся Смертью безмолвно попятались. Даже оборотень как-то притих.

Злей жестко смотрел на Думбльдора, и его лицо сочилось ненавистью и отвращением.

– Злотеус... прошу вас...

Тот поднял палочку и направил ее на Думбльдора:

– Авада Кедавра!

Зеленый сноп пламени ударил Думбльдора прямо в грудь. Вопль ужаса и тоски не слетел с губ немого, неподвижного Гарри, он не мог отвести глаз от кошмарного зрелища. Думбльдора подбросило в воздух, на мгновение он завис под блистающим черепом, затем большой тряпичной куклой медленно перевалился через каменные зубцы – и его не стало.

Глава двадцать восьмая

Бегство Принца

Гарри казалось, что и он тоже летит куда-то в пространство; *этого не было... не было...*

— Уходим, быстро, — приказал Злей.

Он схватил Малфоя за шиворот и вытолкал в дверь впереди остальных; Уолк и коренастые брат с сестрой шли следом, причем колдунья восторженно сопела. Они скрылись за дверью, и Гарри заметил, что опять может двигаться; в нелепой позе у стены его теперь удерживало не заклятие, но чудовищный шок. Когда жестоколицый, уходивший последним, уже исчезал в двери, Гарри опомнился и сбросил плащ-невидимку.

— Петрификус Тоталус!

Упивающегося Смертью словно ударили в спину тараном. Он выгнулся и, застыв восковой фигурой, упал. Гарри тотчас перелез через него и побежал вниз по темной лестнице.

Объятый ужасом, он понимал одно: надо как можно быстрее добраться до Думбльдора и одновременно поймать Злея... почему-то это было связано... если свести их вместе, все еще удастся поправить... Думбльдор не мог умереть...

Он перепрыгнул через последние десять ступенек винтовой лестницы, приземлился и замер, выставив волшебную палочку. В тускло освещенном коридоре шло яростное сражение; все было в пыли, потолок наполовину провалился. Гарри пытался понять, кто с кем борется, и внезапно услышал ненавистный голос, прокричавший: «Дело сделано, уходим!» Злей свернул за угол в дальнем конце коридора; им с Малфоем удалось беспрепятственно пересечь поле боя. Гарри бросился следом. От клубка дерущихся кто-то оторвался и кинулся на него: оборотень, Уолк. Гарри не успел даже поднять палочку, как оборотень повалил его на спину. На лицо Гарри упали грязные свалявшиеся волосы, нос и рот наполнились кровавым и потным смрадом, шею обдавало горячее алчное дыхание...

– Петрификус Тоталус!

Уолк всей тяжестью рухнул на Гарри; тот колоссальным усилием столкнул его с себя, чудом увернулся от полетевшей в него зеленой вспышки, вскочил и головой вперед ринулся в гущу сражения. Но сразу угодил ногами во что-то мягкое, скользкое и чуть не упал снова: на полу лицом вниз, в луже крови, лежали два тела. Выяснить, кто это, времени не было – перед Гарри неожиданно заплясало пламя рыжих волос. Джинни дралась с одутловатым Амиком, который безостановочно палил в нее проклятиями. Она ловко уворачивалась, а приземистый Упивающийся Смертью хихикал, явно наслаждаясь увлекательным состязанием:

– Круцио… круцио… ты не сможешь танцевать вечно, красотуля…

– Импедимента! – заорал Гарри.

Его заклинание ударило Амика в грудь. Тот завизжал как свинья, взлетел, ударился о стену, сполз на пол, и его не стало видно за Роном, профессором Макгонаголл и Люпином. Каждый дрался со своим Упивающимся Смертью, чуть дальше Бомс сражалась с громадным светловолосым колдуном, который бил заклятиями во все стороны; стены вокруг потрескались, ближнее окно разбилось…

– Гарри, откуда ты взялся? – крикнула Джинни, но отвечать было некогда. Гарри пригнулся и кинулся вперед, чудом избежав заклятия, которое взорвалось у него над головой и засыпало всех каменной крошкой. *Злей не должен уйти, его надо поймать…*

– Получи, гадина! – рявкнула профессор Макгонаголл. Гарри краем глаза заметил Алекто; та улепетывала по коридору, прикрывая голову руками, ее брат старался не отставать. Гарри побежал за ними, но споткнулся и в следующий момент уже лежал поперек чьей-то ноги – повернув голову, Гарри увидел бледное круглое лицо Невилла, приплюснутое к полу.

– Невилл, с тобой?..

– В порядке, – пробормотал Невилл, держась за живот. – Гарри… Малфой и Злей… побежали туда…

– Знаю, я за ними! – ответил Гарри. Он прицелился с пола и запустил проклятием в громадного блондина, самого неуемного и опасного из противников; проклятие попало тому в лицо. Колдун взвыл от боли, резко обернулся, зашатался – и припустил за низенькими братом и сестрой.

Гарри кое-как поднялся и помчался по коридору, не обращая внимания ни на грохот за спиной, ни на призывы вернуться, ни на безмолвный зов неподвижных тел, чья судьба была пока неизвестна...

Он стремительно завернул за угол – подошвы кроссовок скользили от крови. Злей получил огромную фору... вдруг он уже в Кстати-комнате? Или Орден все-таки успел ее запечатать и отрезать Упивающимся Смертью хотя бы этот путь к отступлению? Гарри не слышал ничего, кроме стука собственных шагов и грохота сердца, но вдруг заметил на полу кровавые отпечатки – значит, как минимум один Упивающийся Смертью бежит к парадному входу... Вероятно, Кстати-комната и впрямь заблокирована...

Гарри, не снижая скорости, еще раз свернул. В него полетело проклятие; он нырнул за рыцарские доспехи; те сразу взорвались. Гарри увидел впереди Амика и Алекто, сбегающих по мраморной лестнице, и запустил в них проклятием, но лишь распугал ведьм в париках с портрета на лестничной площадке – те с визгом разбежались по соседним картинам. Гарри перепрыгнул через обломки доспехов. До него доносились взволнованные крики; похоже, обитатели замка начали просыпаться...

Он помчался коротким путем, надеясь обогнать брата и сестру и настичь Злея с Малфоем, которые наверняка уже во дворе; он не забыл перепрыгнуть через исчезающую ступеньку посреди тайной лестницы, прорвался сквозь гобелен у ее подножия и вылетел в коридор. Там стояла группка огороженных хуффльпуффцев в пижамах.

– Гарри! Мы услышали шум, говорят, там Смертный Знак... – начал Эрни Макмиллан.

– С дороги! – проревел Гарри, отшвырнув двух мальчиков, бросился к лестничной площадке и сбежал по мраморной лестнице в вестибюль. Дубовые двери кто-то чуть не вышиб; на мощеном полу виднелись пятна крови; несколько до смерти перепуганных школьников жались по стенам, причем некоторые еще закрывали лица руками; гигантские песочные часы «Гриффиндора» разбились, и на пол с громким стукомсыпались рубины...

Гарри пулей пролетел через вестибюль и вскочил в черноту двора. По газону к воротам бежали три еле различимые фигуры. Выйдя за территорию, они смогут дезаппариовать – судя по всему, это огромный блондин, а чуть впереди Злей с Малфоем...

Холодный ночной воздух разрывал легкие, но Гарри сделал рывок и помчался быстрее. В отдалении что-то вспыхнуло, на мгновение высветив преследуемых; Гарри не знал, что это было, а просто бежал, бежал, но никак не мог нагнать, чтобы как следует прицелиться и послать проклятие.

Снова вспышка, крики, ответные снопы пламени. Гарри понял: это Огрид выскочил из хижины и пытается задержать Упивающихся Смертью. И хотя каждый вдох был мучением, а в грудь будто вонзили огненный кол, Гарри еще поднажал. Непрошеный голос в голове твердил: *неужели еще и Огрида... неужели еще и Огрида...*

Что-то больно ударило Гарри в поясницу, и он упал лицом в землю. Из ноздрей хлынула кровь. Перекатываясь на спину с палочкой на изготовку, он уже знал, что его догоняют брат с сестрой, которых удалось опередить благодаря секретному проходу.

– Импедимента! – вскричал он, снова перекатываясь на живот и прижимаясь к траве. Заклятие чудесным образом нашло цель – один из них пошатнулся и упал, свалив с ног другого; Гарри вскочил и опять припустил за Злеем...

Впереди, в свете месяца, неожиданно вышедшего из-за облаков, вырос огромный силуэт Огрида. Светловолосый Упивающийся Смертью швырял в него проклятие за проклятием, но недюжинная сила Огрида и толстая кожа, унаследованная от матери-гигантессы, хорошо его защищали. Злей и Малфой между тем ускользали; скоро они окажутся за воротами и дезаппарируют...

Гарри промчался мимо Огрида и его противника, прицелился в спину Злею и выкрикнул:

– Обомри!

Он промахнулся; красная вспышка просвистела мимо головы Злея; тот крикнул:

– Беги, Драко! – и обернулся; их с Гарри разделяло двадцать ярдов. Они посмотрели друг на друга и одновременно взметнули палочки.

– Круц...

Злей предупредил удар и сбил Гарри с ног, не дав договорить; Гарри упал на спину, перевернулся и вскочил. Огромный блондин за его спиной тем временем заорал:

– Инцендио!

Грохнул взрыв, и все вокруг залило мерцающим оранжевым светом – это загорелась хижина Огрида.

– Там же Клык, злобная ты тва!.. – взревел Огрид.

– Круц... – снова закричал Гарри, целясь в Злея, подсвеченного танцующим пламенем пожара, но тот опять блокировал проклятие; Гарри видел, как он ухмыляется.

– Непростительные проклятия не для тебя, Поттер! – презрительно бросил он, перекрикивая рев огня, вопли Огрида и вой запертого Клыка. – Тебе не хватит ни духу, ни умения...

– Инкарц... – начал Гарри, но Злей остановил его ленивым мановением палочки.

– Сражайся! – выкрикнул Гарри. – Сражайся, трусливая...

– Ты называешь меня трусом, Поттер? – ответил Злей. – Твой папаша не решался напасть на меня иначе как на одного четвером... Интересно, как бы ты назвал его?

– Обом...

– Я буду останавливать тебя снова, снова и снова, пока ты не научишься держать рот на замке, а мысли при себе, Поттер! – осклабился Злей, в очередной раз легко отражая заклятие. – А теперь уходим! – крикнул он, обращаясь к огромному блондину. – Пора, пока министерские не подоспели...

– Импеди...

Он не успел договорить. Нечеловеческая боль пронзила тело; Гарри упал на траву. Кто-то вопил от боли; все ясно, он умрет; Злей запытает его до смерти или до сумасшествия...

– Нет! – вскричал голос Злея. Боль прекратилась внезапно, как и началась; Гарри лежал на траве, свернувшись клубком, судорожно вцепившись в палочку и задыхаясь. Где-то сверху Злей кричал: – Вы что, забыли приказ? Поттер принадлежит Черному Лорду – мы должны его оставить! Уходим! Уходим!

Гарри щекой почувствовал, как задрожала земля, – Амик, Алекто и огромный блондин повиновались и побежали к воротам. Гарри завыл от ярости. Ему сейчас было все равно: жить или умереть; он с трудом поднялся и, слепо шатаясь, пошел на Злея, которого ненавидел так же, как самого Вольдеморта...

– Сектум...

Злей махнул палочкой и отразил проклятие, но Гарри был теперь близко и ясно видел его лицо. С него исчезла ухмылка; пламя пожарища освещало черты, искаженные бешенством. Собрав всю волю, Гарри подумал: «Леви...»

– Нет, Поттер! – вскричал Злей.

Раздался грохот, Гарри отлетел назад и опять сильно ударился спиной о землю; палочка выпала из руки. Гарри лежал совершенно беззащитный, как недавно Думбльдор; в ушах звенели вопли Огрида и вой Клыка. Над ним нависло бледное лицо Злея. В жарком отсвете пожара оно полыхало ненавистью – совсем как в тот миг, когда он убивал Думбльдора.

– И ты, Поттер, осмеливаешься обращать против меня мои собственные заклятия? Это я их придумал... я, Принц-полукровка! Хочешь взять меня моим же изобретением, как твой паршивый папаша? Не выйдет... я сказал *нет!*

Гарри метнулся за своей палочкой; Злей выпустил в нее заклятие, она отлетела далеко в сторону и потерялась из виду.

– Ну, тогда убей меня, – прохрипел Гарри. Он не чувствовал страха, только гнев и презрение. – Убей меня, как убил его, трус пога...

– НЕ СМЕТЬ, – завизжал Злей, неожиданно обезумев, и его лицо исказалось нечеловеческой мукой, точно он страдал не меньше, чем скулящий, завывающий пес в охваченной пожаром хижине, – НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТРУСОМ!

Он хлестнул палочкой. Словно раскаленный кнут ударили Гарри по лицу и швырнули его спиной о землю; из глаз посыпались искры, из легких вышел весь воздух. Наверху вдруг зашуршали крылья, и что-то огромное закрыло собой звезды: на Злея летел Конькур. Злей отшатнулся, спасаясь от острых как бритва когтей. Гарри с трудом сел – в глазах все плыло – и увидел, что Злей удирает со всех ног, а громадное животное, хлопая крыльями, несется за ним с пронзительным жутким криком, какого Гарри еще никогда не слышал...

Гарри насилиу поднялся и мутным взором огляделся, надеясь разыскать палочку и возобновить преследование. Его пальцы шарили по траве, отбрасывая какие-то веточки, но он уже знал, что время упущено. Действительно, когда он нашел палочку и повернулся к

воротам, над ними лишь кружил гиппогриф: Злей успел дезаппарировать.

– Огрид, – позвал Гарри, все еще оглушенный, и завертел головой. – ОГРИД!

Он, шатаясь, побрел к горящему домику. Оттуда выскочила огромная фигура с Клыком на спине. Гарри с благодарным воплем опустился на колени; его тряслось с головы до ног, все тело страшно болело, прерывистое дыхание с болью вырывалось из груди.

– Ты как, Гарри? Нормально? Гарри? Скажи что-нибудь...

Гигантская волосатая физиономия плавала над Гарри, заслоняя небо. Кругом витал запах горелого дерева и паленой шерсти; Гарри протянул руку и нашупал утешительно теплого, живого Клыка.

– Я нормально, – выдохнул Гарри. – А ты?

– Яс’ дело... чтоб меня прикончить, такой ерунды маловато.

Огрид сунул ладони под мышки Гарри и дернул вверх с такой силой, что на миг вовсе оторвал его от земли. На щеке Огрида под стремительно опухающим глазом кровоточила глубокая рана.

– Надо потушить твой дом, – сказал Гарри, – заклинание «агуаменти»...

– Я ж помнил, что чего-то в этом роде, – пробормотал Огрид, поднял еще тлеющий зонтик, розовый в цветочек, и выкрикнул: – Агуаменти!

Из зонтика забила вода. Гарри поднял палочку – она показалась свинцовой – и чуть слышно пролепетал:

– Агуаменти!

Они с Огридом вместе заливали дом водой, пока не потухли последние угольки.

– Все не так страшно, – радостно произнес Огрид через несколько минут, обводя взором дымящиеся развалины. – Пустяки, Думблдор в два счета поправит...

От одного имени у Гарри узлом завязалось нутро. Сейчас, когда кругом воцарилась тишина, в душе распахнулся ужас.

– Огрид...

– Представляешь, сижу, бинтую ножки лечуркам и вдруг слышу: идут. – Огрид грустно покачал головой, глядя на свое изуродованное жилище. – Небось обгорели до головешек, бедняжечки...

– Огрид...

– Но чего там случилось, Гарри? Я только видел, как они улепетывали, но на кой Злей-то с ними? Куда он?.. Ловить, что ли?

– Он... – Гарри откашлялся; горло пересохло от дыма и страха. – Огрид, он убил...

– Убил? – громко переспросил Огрид, сверху глядя на Гарри. – Злей? Кого? Ты про что?

– Думбльдора, – договорил тот. – Злей убил... Думбльдора.

Огрид лишь хлопал глазами. На лице читалось полнейшее непонимание.

– Ась? Чего Думбльдора?

– Думбльдор умер. Злей его убил...

– Не говори так, – грубо перебил Огрид. – Злей убил Думбльдора!.. Не глупи, Гарри. Зачем ты так говоришь?

– Я сам видел.

Огрид помотал головой недоверчиво, но сочувственно, очевидно считая, что Гарри не в себе из-за проклятия или после удара по голове...

– Там, видать, вот чего: Думбльдор велел Злею идти с ними, с Упивающимися Смертью, – уверенно сказал Огрид. – Для виду, Гарри. Я так мыслю. Слушай, давай-ка отведем тебя в школу. Пошли-ка, пошли...

Гарри даже не пытался спорить. Его по-прежнему колотило. Огрид сам все узнает, и очень скоро... Они направились к замку. Во многих окнах горел свет. Гарри отчетливо представлял, как внутри все бегают из комнаты в комнату, рассказывая друг другу об Упивающихся Смертью, о Смертном Знаке, о том, что кого-то, наверное, убили...

Распахнутые дубовые двери лили свет на подъездную дорогу и газон. Медленно, неуверенно на крыльцо выходили люди в пижамах и халатах. Они осторожно спускались по ступенькам и нервно вглядывались в темноту, высматривая Упивающихся Смертью, исчезнувших в ночи. Но взгляд Гарри был прикован к подножию самой высокой башни замка, и ему казалось, что он видит в траве что-то черное, хотя на самом деле с такого расстояния не мог ничего разглядеть. Пока он молча смотрел туда, где, должно быть, лежало тело Думбльдора, к этому черному пятну стал стекаться народ.

– Чего они там высматривают? – спросил Огрид, когда они с Гарри подошли к замку. Клык жался к их ногам. – Чего это там в траве? –

резко вскрикнул он и кинулся к успевшей собраться небольшой толпе. – Видишь, Гарри? Прям под стеной? Где знак... ах ты ж... думаешь, кого-то сбросили?..

Огрид замолчал, очевидно, опасаясь досказать вслух эту ужасную мысль. Гарри шагал рядом с ним. Лицо и ноги, по которым за последние полчаса ударило столько всевозможных заклятий, ныли и саднили, но так, будто это поблизости страдал кто-то другой... Реальной, неизбытной была только разрывающая боль в груди...

Они с Огридом как во сне прошли сквозь тихо бормочущую толпу – к границе, которую онемевшие школьники и преподаватели не осмеливались пересечь.

Огрид застонал от горя и потрясения, но Гарри не остановился; он медленно побрел вперед, приблизился к Думблдору и сел рядом с ним на корточки.

Что надежды нет, Гарри понял, когда телобинт Думблдора перестал действовать – такое могло произойти только со смертью человека, наложившего заклятие. И все же Гарри не был готов к этому зреющему: разбитое тело, разбросанные руки и ноги... величайший колдун эпохи...

Глаза Думблдора были закрыты; если б не изломанное тело, казалось бы, что он спит. Гарри протянул руку, поправил на крючковатом носу очки-полумесяцы, стер рукавом струйку крови, вытекшую из уголка рта. А потом стал просто смотреть на мудрое старое лицо, стараясь постичь кошмарную, невозможную правду: Думблдор больше никогда не заговорит с ним, никогда не придет на помощь...

За спиной Гарри раздавалось тихое бормотание. Прошло очень много времени, прежде чем он наконец заметил, что стоит коленом на чем-то твердом, и посмотрел вниз.

Медальон, который они добыли много-много часов назад, выпал из кармана Думблдора и открылся, вероятно, от удара о землю. И хотя Гарри был уже за пределами всех эмоций, он, подбиравая медальон, подумал: что-то не так...

Он повертел драгоценность в руках. Медальон казался меньше, чем в воспоминании, и на нем не было ни украшений, ни витиеватой «С», знака Слизерина. Внутри тоже не было ничего, кроме свернутого клочка пергамента вместо портрета.

Автоматически, сам не понимая, что делает, Гарри вытащил пергамент, развернул и при свете множества палочек, что уже зажглись у него за спиной, прочитал:

Черному Лорду

Я знаю, что умру раньше, чем ты прочтешь мое послание, но хочу, чтобы ты знал: это я разгадал твой секрет. Я украл настоящий окаянт и намерен уничтожить его, как только смогу. Я смотрю в лицо гибели с надеждой, что, когда ты встретишь равного тебе соперника, ты снова будешь смертным.

Р.А.Б.

Что это? Гарри не понимал и не хотел понимать. Важно было одно: это не окаянт. Думблдор напрасно выпил страшное зелье, напрасно потерял силы. Гарри скомкал пергамент, и в его глазах закипели жгучие слезы. Клык завыл.

Глава двадцать девятая

Плач феникса

– Пойдем, Гарри...

– Нет.

– Не останешься же ты здесь навсегда... давай-ка вставай...

– Нет.

Он не хотел отходить от Думбльдора. Вообще не хотел двигаться. Рука Огрида, лежавшая на его плече, сильно дрожала. Потом другой голос сказал:

– Гарри, пойдем.

Чья-то ладонь, маленькая и теплая, сжала его руку и настойчиво потянула. Гарри безвольно повиновался и слепо побрел назад сквозь толпу. Только позже по легкому цветочному запаху он узнал Джинни и понял, что она ведет его в замок. Его хлестали чьи-то невнятные вскрики, ночь пронзали рыдания, всхлипы, громкие голоса, но Гарри с Джинни шли и шли, шаг за шагом, и добрались до крыльца, и поднялись в вестибюль. У Гарри перед глазами все плавало, он едва замечал удивленные взгляды и взволнованное перешептывание, недоумение. Джинни повела его к мраморной лестнице; на полу каплями крови блестели гриффиндорские рубины.

– Нам в лазарет, – сказала Джинни.

– Я не ранен.

– Это приказ Макгонаголл, – объяснила она. – Все уже там, Рон, Гермиона, Люпин, все...

В груди Гарри шевельнулся страх: он совсем забыл о неподвижных телах на полу.

– Джинни, кто еще погиб?

– Не волнуйся, из наших – никто.

– Но Смертный Знак... Малфой говорил, что переступил через чье-то тело...

– Через Билла, но все хорошо, он жив.

Однако что-то в ее голосе насторожило Гарри.

– Ты уверена?

– Конечно... он... немного пострадал, вот и все. На него напал Уолк. Мадам Помфри говорит, Билл... внешне уже не будет прежним... – Голос Джинни дрогнул. – Вообще пока неизвестно, какие будут последствия... в смысле Уолк оборотень, но сейчас не полнолуние.

– А другие... там еще кто-то лежал...

– Невилл в лазарете, но мадам Помфри говорит, что он полностью поправится; профессор Флитвик был без сознания, но очнулся, только слабость осталась. Пошел присмотреть за вранзорцами, очень настаивал. Еще погиб один Упивающийся Смертью, попал под убийственное проклятие, там этот блондин палил... Гарри, если б не твоя фортуна фортуната, мы бы, наверное, все погибли, а так будто неприкосновенными стали...

Они дошли до лазарета. Гарри распахнул двери и на койке у входа увидел спящего Невилла. У другой койки, в дальнем углу, стояли Рон, Гермиона, Луна, Бомс и Люпин. Все они обернулись. Гермиона кинулась к Гарри и обняла его; Люпин шагнул навстречу.

– Как ты, Гарри? – встревоженно спросил он.

– Нормально... как Билл?

Никто не ответил. Гарри глянул поверх плеча Гермионы: на подушке лежало совершенно неузнаваемое лицо. Оно было так чудовищно изорвано, что казалось гротескной маской. Мадам Помфри осторожно наносила на раны зеленую мазь с резким запахом. Гарри вспомнилось, как легко Злей справился с порезами Малфоя.

– А каким-нибудь заклинанием их нельзя залечить? – обратился он к фельдшерице.

– Заклинания тут не помогут, – ответила та. – Я перепробовала все, что знаю, но... от укусов оборотня лекарства нет.

– Но его же покусали не при полной луне, – сказал Рон, который так пристально всматривался в лицо брата, словно надеялся исцелить его взглядом. – Уолк не преобразился, и Билл ведь не станет... настоящим?..

Он неуверенно поглядел на Люпина.

– Настоящим вряд ли, – отозвался тот, – но отрава все равно могла попасть в кровь. Это проклятые раны, Рон. Едва ли они полностью заживут и... не исключено... в Билле появится что-то волчье.

– Ничего, Думбльдор наверняка придумает какую-нибудь штуку, – уверенно заявил Рон. – Кстати, где он? С этими маньяками Билл дрался по его приказу, Думбльдор просто обязан ему помочь, не бросит же он его в таком состоянии...

– Рон... Думбльдор погиб, – сказала Джинни.

– Нет! – Глаза Люпина переметнулись от Джинни к Гарри, словно в надежде, что тот опровергнет ее слова, но этого не произошло, и Люпин, закрыв лицо руками, бессильно рухнул на стул у койки Билла. Гарри еще не видел, чтобы Люпин так бурно выражал свои эмоции, и ему стало неловко, словно он нечаянно вторгся во что-то очень личное, интимное. Он отвернулся, встретился глазами с Роном и взглядом подтвердил: это правда.

– Как он умер? – шепотом спросила Бомс. – Что произошло?

– Его убил Злей, – сказал Гарри. – Я сам видел. Мы вернулись на башню, потому что там висел Знак... Думбльдору было плохо, он сильно ослабел, но, видно, почувствовал ловушку – мы услышали, как кто-то бежит по лестнице... Он меня обездвижил, я ничего не мог сделать, я был под плащом-невидимкой... вдруг вошел Малфой и его обезоружил...

Гермиона закрыла рот ладонью, Рон застонал. У Луны дрожали губы.

– ...прибежали Упивающиеся Смертью... потом Злей... это сделал он... Авада Кедавра. – Гарри не мог продолжать.

Мадам Помфри разрыдалась. Никто не обратил на нее внимания, кроме Джинни, которая шикнула:

– Тише! Слышите?

Фельдшерица, проглотив слезы, прижала пальцы к губам и застыла с широко распахнутыми глазами. Где-то вдалеке пел феникс. Гарри никогда не слышал ничего подобного – то был горестный плач немыслимой красоты. И, как всегда от голоса волшебной птицы, Гарри почудилось, что музыка звучит у него внутри, что его горе магическим образом превратилось в песню, и летит над замком, и льется в окна...

Сколько ониостояли, слушая феникса, он не знал, как не знал, почему скорбные и прекрасные звуки немного облегчают душевную боль, но ему показалось, что прошла вечность, прежде чем двери снова отворились и в лазарет вступила профессор Макгонаголл. Из

недавнего сражения она вышла с ссадинами на лице и в рваной мантии.

– Молли и Артур скоро будут, – сообщила она, и чары волшебной мелодии рассеялись. Все встряхнулись, словно выходя из транса, и опять повернулись к Биллу, утерли глаза, затрясли головами. – Гарри, что произошло? Огрид говорит, ты был с профессором Думблдором, когда его... когда все случилось. И что якобы тут замешан профессор Злей...

– Злей убил Думблдора, – сказал Гарри.

Какое-то мгновение она смотрела на него, потом сильно пошатнулась; мадам Помфри, которая успела взять себя в руки, бросилась к ней и подставила созданный из воздуха стул.

– Злей, – еле слышно повторила Макгонаголл, упав на стул. – Мы все удивлялись... но он доверял... всегда... Злей... не могу поверить...

– Злей в совершенстве владел окклуменцией, – бросил Люпин с несвойственной для него резкостью. – Нам это было прекрасно известно.

– Но Думблдор клялся, что Злей за нас! – прошептала Бомс. – Я всегда считала, что Думблдор знает о нем что-то такое, чего не знаем мы...

– Он всегда намекал, что у него есть железная причина доверять Злею, – пробормотала Макгонаголл, клетчатым носовым платком промокая уголки глаз. – То есть... учитывая биографию Злея... нельзя было не удивляться... но Думблдор недвусмысленно утверждал, что раскаянье Злея искренне... Не желал слышать о нем ни слова дурного!

– Хотела бы я знать, чем его заморочил этот гад, – яростно процедила Бомс.

– Я знаю, – сказал Гарри, и все повернулись к нему. – Злей передал Вольдеморту кое-какие сведения, и тот стал охотиться за моими мамой и папой. А потом Злей сказал Думблдору, будто не понимал, что делает, ужасно раскаивается и жалеет об их гибели.

– И Думблдор поверил? – вытаращил глаза Люпин. – Что Злей жалеет о Джеймсе? Да Злей его *ненавидел*...

– Маму он тоже презирал, – добавил Гарри, – потому что она муглорожденная... называл ее «мугродьем»...

Никто не спросил, откуда ему это известно. Все пребывали в шоке, не в силах постичь чудовищности случившегося.

– Это я виновата, – неожиданно заявила профессор Макгонаголл, потерянно комкая мокрый носовой платок. – Я! Я отправила Филиуса за Злеем, чтобы он привел его на подмогу! Если б он не знал про Упивающихся Смертью, он бы к ним и не присоединился. Вряд ли ему было известно, что они в замке, пока Филиус не сообщил... не думаю, чтобы он знал об их планах.

– Вы не виноваты, Минерва, – убежденно сказал Люпин. – Мы нуждались в подкреплении, радовались, что Злей вот-вот подойдет...

– Значит, он явился и встал на сторону Упивающихся Смертью? – Гарри жаждал подробностей, новых и новых свидетельств двуличия и подлости Злея, чтобы возненавидеть его еще больше и – отомстить, отомстить!

– Я точно не помню, как это было, – растерянно произнесла профессор Макгонаголл. – В голове все перепуталось... Думбльдор сказал, что его не будет в школе несколько часов, и на всякий случай велел патрулировать коридоры... должны были подойти Рем, Билл и Нимфадора... Мы пошли по коридорам. Видим, все тихо. Секретные ходы перекрыты, двери запечатаны сильнейшими заклятиями. Влететь на метлах никто не мог. До сих пор не знаю, как Упивающиеся Смертью проникли в замок...

– Я знаю. – И Гарри вкратце рассказал про шкафы-исчезанты и волшебный проход между ними. – Они вошли через Кстати-комнату.

Почти против воли он взглянул на Рона и Гермиону – совершенно уничтоженных.

– Я облажался, Гарри, – уныло признал Рон. – Мы сделали, как ты сказал: проверили Карту Каверзника, не нашли Малфоя и пошли караулить Кстати-комнату: я, Джинни и Невилл... но Малfoy сумел мимо нас пробраться.

– Мыостояли где-то час, потом он вышел, – сказала Джинни. – Один, с этой своей жуткой Рукой...

– Светозаристой, – пояснил Рон. – Которая светит только тому, кто ее держит, помнишь?

– Видимо, – продолжала Джинни, – он проверял, можно ли выпускать Упивающихся Смертью, потому что увидел нас и сразу бросил в воздух какую-то дрянь. Стало совершенно темно...

— ...моментальный тьмущий порошок из Перу, — горько вздохнул Рон. — От Фреда и Джорджа.

Они вообще соображают, кому продают товар?

— Мы перепробовали все: «люмос», «инцендио» — никакого эффекта! — пожаловалась Джинни. — Пришлось выбираться по стеночкам. А мимо кто-то бежал. Наверное, Малфой в свете Руки все видел и вел их за собой, но мы боялись колдовать, чтобы не попасть в своих, а когда вышли на свет, их уже и след простыл.

— К счастью, — хрипло произнес Люпин, — Рон, Джинни и Невилл почти сразу наткнулись на нас и все рассказали. Мы настигли Упивающихся Смертью буквально через несколько минут, они направлялись к астрономической башне. Малфой явно не рассчитывал встретить патрульных, и у него, видимо, кончился тьмущий порошок. Началась драка, они разбежались, мы — за ними. Там был такой Гиббон, он оторвался и бросился к лестнице на башню...

— Чтобы выпустить Знак? — спросил Гарри.

— Видимо. Наверное, они договорились еще в Кстати-комнате, — ответил Люпин. — Только, похоже, Гиббону не понравилось ждать Думблдора в одиночестве. Он прибежал обратно, чтобы помочь своим, и тут же угодил под убийственное проклятие, которое, кстати, чуть не попало в меня.

— Значит, пока Рон, Джинни и Невилл следили за Кстати-комнатой, — Гарри повернулся к Гермионе, — ты была?..

— У кабинета Злея, — прошептала Гермиона со слезами на глазах. — Вместе с Луной. Мы болтались там невесть сколько и совершенно зря... мы не знали, что происходит наверху, Рон забрал Карту Каверзника... Потом, уже около полуночи, прибежал профессор Флитвик с криками, что в замок прорвались Упивающиеся Смертью; по-моему, он нас с Луной даже не заметил. Он влетел в кабинет Злея и стал звать на помощь, мы слышали, а после раздался грохот, Злей выбежал, увидел нас и... и...

— Что? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Гарри, какая же я дура! — тоненьким шепотом воскликнула Гермиона. — Злей сказал, что профессор Флитвик упал в обморок и мы должны о нем позаботиться, потому что... в школе Упивающиеся Смертью и ему надо бежать на подмогу...

Она сокрушенно закрыла лицо руками и дальше говорила сквозь пальцы, так что ее голос звучал совсем глухо:

– Мы вошли в кабинет... профессор Флитвик лежал на полу без сознания... ах, теперь-то все ясно: Злей наложил на него сногсшибательное заклятие, а мы не поняли, Гарри, не поняли, мы дали Злею уйти!

– Вы не виноваты, Гермиона, – твердо сказал Люпин. – Если б вы не послушались Злея и не убрались с дороги, он, скорее всего, убил бы тебя и Луну.

– Значит, когда он прибежал наверх, – медленно произнес Гарри, мысленным взором следя, как Злей в разевающейся черной мантии взбегает по мраморной лестнице, на ходу выхватывая из-под плаща волшебную палочку, – и нашел вас...

– Все было плохо, мы проигрывали, – продолжила Бомс. – Гиббона убило, зато остальные Упивающиеся Смертью явно нацелились биться до смерти. Невилла ранили, Билла изуродовал Уолк... темно... повсюду проклятия летали... Малфой куда-то исчез, видно, потихоньку пробрался на башню... несколько Упивающихся Смертью побежали за ним и кто-то перекрыл заклятием лестницу... Невилл кинулся туда, но его подбросило в воздух...

– Мы не могли прорваться, – подхватил Рон, – а тот здоровенный Упивающийся Смертью палил во все стороны проклятиями, они отскакивали от стен, едва нас не задевали...

– Тут появился Злей, – вспомнила Бомс, – и опять пропал...

– Я увидела, что он бежит к нам, но мимо меня как раз пролетело проклятие того бугая, пришлось уворачиваться, и я отвлеклась, – вставила Джинни.

– Я заметил, что он пробежал сквозь зачарованный барьер, как будто не было никакого барьера, – добавил Люпин, – сунулся за ним, но меня отбросило, как Невилла...

– Видимо, он знал нужное заклинание, – прошептала Макгонаголл. – В конце концов, он... преподаватель защиты от сил зла... я-то подумала, что он спешит за Упивающимися Смертью, которые прорвались на башню...

– Ну да, – свирепо выплюнул Гарри, – только чтобы помочь им, а не помешать... и вот спорим, чтобы пройти сквозь барьер, требовался Смертный Знак на руке... И что было, когда он вернулся?

— Здоровенный Упивающийся Смертью разрушил заклятием полпотолка и, кстати, разбил чары, которые блокировали лестницу, — ответил Люпин. — Мы — те, кто еще стоял на ногах, — бросились наверх. Из пыли появились Злей с Малфоем; мы их, понятно, не тронули...

— Пропустили, — убитым голосом произнесла Бомс, — думали, они убегают от Упивающихся Смертью... Но тут опять прибежали те трое вместе с Уолком, и мы снова стали драться... мне показалось, Злей что-то крикнул, только я не поняла...

— Он крикнул: «Дело сделано», — сказал Гарри. — В смысле что он выполнил свою задачу.

Все затихли. За окнами по-прежнему разносился плач Янгуса, а в голову Гарри под эту чудесную мелодию лезли непрошеные мысли... Унесли ли уже тело Думбльдора? Что будет с ним дальше? Где его похоронят? Гарри крепко сжал кулаки в карманах и костяшками правой руки почувствовал что-то маленькое, холодное — фальшивый окаянт.

Внезапно все вздрогнули: двери снова распахнулись, и в палату ворвались мистер и миссис Уизли. За ними спешила Флёр; ее прекрасное лицо было искажено ужасом.

— Молли... Артур... — профессор Макгонаголл вскочила со стула и заторопилась навстречу. — Мне так жаль...

— Билл, — прошептала миссис Уизли, глядя на изувеченное лицо сына, и, не замечая Макгонаголл, бросилась к нему. — Ой, Билл!

Люпин и Бомс вскочили и отошли, пропуская мистера и миссис Уизли к койке. Миссис Уизли склонилась над Биллом и приникла губами к его окровавленному лбу.

— Вы говорите, на него напал Уолк? — в смятении спросил мистер Уизли у профессора Макгонаголл. — Но не при полной луне... Что это значит? Что будет с Биллом?

— Мы пока не знаем. — Профессор Макгонаголл беспомощно посмотрела на Люпина.

— Скорее всего, Артур, без отравления не обошлось, — сказал Люпин. — Но случай необычный, может, единственный в своем роде... непонятно, как поведет себя Билл, когда очнется...

Миссис Уизли взяла у мадам Помфри вонючую мазь и стала сама наносить ее на раны Билла.

— А Думбльдор... — проговорил мистер Уизли. — Минерва, это правда?.. Он что, действительно?..

Профессор Макгонаголл кивнула. Джинни рядом с Гарри шевельнулась; он посмотрел на нее. Она, сузив глаза, наблюдала за Флёр, которая застывшим взором смотрела на Билла.

— Думбльдор умер, — прошептал мистер Уизли, но его жену интересовал только их старший сын; она заплакала, роняя слезы на его изодранное лицо.

— Конечно, нам все равно, как он выглядит... это не... н-не самое важное... но он всегда был таким красивым мальчиком... т-таким красивым... и с-с-собирался жениться!

— Что?! — неожиданно грозно взревела Флёр. — Что значит «собыигался»?

Заплаканная миссис Уизли испуганно повернулась к ней:

— Да я только...

— Ви думаете, Бильль уже не захочет на мнье жениться? — возмущенно спросила Флёр. — Газльюбит менъя из-за какых-то пагшивых укусов?

— Нет, я совсем не то...

— Потому что он еще как захочет! — крикнула Флёр, выпрямляясь во весь рост и отбрасывая назад длинные серебряющиеся волосы. — Какому-то жалькому обогатню нас не газлучить!

— Да-да, конечно, — забормотала миссис Уизли, — просто я подумала, что... учитывая... как он теперь...

— Думалъи, это я не захочу за ньего замуж? Или, может, надеялись? — раздувая ноздри, бушевала Флёр. — Какая мнье газница, как он выгльядит? Моей кгасоты хватит на двоих! Шгамы укгашают мужчыину! Показывают, что мой муж — гегой! И... дайте сьюда, я сама! — свирепо прибавила она, отталкивая миссис Уизли и выхватывая у нее мазь.

Миссис Уизли попятилась к мужу и с очень странной гримасой растерянно смотрела, как Флёр смазывает раны Билла. Все молчали; Гарри не осмеливался пошевелиться. Как и остальные, он ждал взрыва.

— У нашей тетушки Мириэль, — после долгой паузы заговорила миссис Уизли, — есть невероятно красивая диадема... гоблинской работы... я, наверное смогу ее уговорить, она одолжит ее вам на

свадьбу... знаешь, она обожает Билла, и к тому же... диадема очень пойдет к твоим волосам.

– Спасибо, – сухо сказала Флёр. – Не сомневаюсь, это будет кгасиво.

А через секунду – Гарри даже не понял, как это произошло, – они уже плакали друг у друга в объятиях. Потрясенный Гарри, гадая, не сошел ли, случайно, весь мир с ума, оглянулся на Рона: тот тоже явно был ошарашен. Джинни и Гермиона изумленно переглянулись.

– Вот видишь! – вдруг сдавленно воскликнула Бомс, гневно взирая на Люпина. – Она все равно хочет за него замуж, хоть он и покусан! Ей безразлично!

– Тут другое, – еле шевеля губами, отозвался Люпин. Он вдруг страшно напрягся. – Билл не будет настоящим оборотнем. Случай совершенно...

– Но мне тоже безразлично, вообще все равно! – Бомс схватила Люпина за отвороты плаща и яростно встряхнула. – Я тебе говорила миллион раз...

И тут для Гарри все прояснилось: и новый Заступник Бомс, и ее мышиные волосы, и почему она прибежала к Думблдору, услышав, что Уолк на кого-то напал... так она влюблена вовсе не в Сириуса...

– А я миллион раз говорил *тебе*, – Люпин упорно избегал ее взгляда и смотрел в пол, – что я для тебя слишком стар и беден... и к тому же опасен...

– А я уже устала повторять, что это просто смешно, Рем, – сказала миссис Уизли поверх плеча Флёр, не переставая похлопывать ее по спине.

– Нисколько не смешно, – возразил Люпин. – Бомс заслуживает кого-нибудь помоложе и поздоровее...

– Но ей нужен ты, – слабо улыбнулся мистер Уизли. – И потом, Рем, молодость и здоровье преходящи. – Он грустно показал на сына, лежавшего на койке между ними.

– Сейчас... не время это обсуждать, – пробормотал Люпин. Он озирался, но ни на кого не смотрел. – Думблдор погиб...

– Думблдор больше всех радовался бы, что на свете прибавилось немного любви, – отрывисто произнесла профессор Макгонаголл, но тут двери снова открылись, и вошел Огрид.

Его лицо совершенно распухло и блестело от слез; он содрогался от рыданий и комкал в руках необъятный носовой платок из веселой ткани в горошек.

— Я... все сделал, профессор. — Великан давился словами. — Пе... перенес его. Профессор Спарж развела ребятишек по спальням. Профессор Флитвик прилег, но говорит, что мигом оклемается, а профессор Дивангард просил сказать, что известил министерство.

— Спасибо, Огрид, — ответила профессор Макгонаголл, встала и оглянулась на тех, кто стоял у койки Билла. — Я должна встретиться с министерскими. Огрид, сообщи, пожалуйста, кураторам колледжей — Дивангард может представлять «Слизерин», — что я срочно жду их в своем кабинете. Тебя тоже попрошу подойти.

Огрид кивнул, повернулся и, загребая ногами, побрел к выходу. Профессор Макгонаголл посмотрела на Гарри:

— Прежде чем встретиться с ними, я хотела бы переговорить с тобой. Пойдем, пожалуйста...

Гарри встал, шепнул Рону, Гермионе и Джинни:

— Увидимся, — и вслед за профессором Макгонаголл вышел из лазарета. В коридорах было пусто, тихо, лишь где-то вдалеке пел феникс. Гарри не сразу заметил, что они направляются не к Макгонаголл, а к кабинету Думбльдора; еще через несколько секунд до него дошло, что, раз она была заместителем директора... очевидно, теперь стала директрисой... и комната, которую охраняет горгулья, отныне принадлежит ей...

Они молча поднялись по движущейся винтовой лестнице и вошли в круглый кабинет. Гарри не знал, что ожидал увидеть: черные драпировки или, может быть, тело Думбльдора; кабинет, однако, выглядел почти так же, как несколько часов назад, когда они с Думбльдором его покидали. На тонконогих столиках крутились, пыхая паром, серебряные приборы; в стеклянной витрине, отражая лунный свет, мерцал гриффиндорский меч; на полке за письменным столом стояла Шляпа-Распределница. Только шест Янгуса пустовал: феникс изливал свою тоску над просторами замка. А среди изображений бывших директоров и директрис «Хогварца» появился новый портрет... Думбльдор покойно дремал в золотой раме; очки со стеклами-полумесяцами ровно сидели на крючковатом носу.

Профессор Макгонаголл глянула на этот портрет, странно встряхнулась, будто собираясь с духом, обошла письменный стол и повернулась к Гарри. Ее лицо было сурово, на нем резко обозначились морщины.

– Гарри, – начала она, – я хотела бы знать, где вы с профессором Думблдором сегодня были и что делали.

– Я не могу рассказать, профессор. – Гарри ждал такого вопроса и подготовил ответ. Именно здесь, в этом кабинете, Думблдор сказал ему, что знать об их занятиях могут только Рон и Гермиона, больше никто.

– Гарри, это может быть важно, – напомнила профессор Макгонаголл.

– Это очень важно, – подтвердил Гарри, – но он просил молчать.

Профессор Макгонаголл недовольно взорвилась на него.

– Поттер, – (Гарри отметил обращение по фамилии), – в свете гибели профессора Думблдора… вы должны понимать, что ситуация изменилась…

– Мне так не кажется, – пожал плечами Гарри. – Профессор Думблдор не говорил, что в случае его смерти приказы отменяются.

– Тем не менее…

– Но вам нужно кое-что узнать до появления министерских. Мадам Росмерта под проклятием подвластия, она помогала Малфою и Упивающимся Смертью, так ожерелье и отравленный мед…

– Росмерта? – недоверчиво переспросила профессор Макгонаголл, но больше ничего сказать не смогла: в дверь постучали, и в кабинет печально вошли Спардж, Флитвик и Дивангард, а следом – безутешно рыдающий, содрогающийся всем телом Огрид.

– Злей! – потрясенно выпалил Дивангард. Он был бледен и весь в испарине. – Злей! Я учил его! Думал, что хорошо знаю!

Ответить никто не успел, потому что сверху, со стены, заговорил чей-то резкий голос: на пустой холст только что вернулся колдун с короткой черной челкой и землистым лицом.

– Минерва, министр прибудет через несколько секунд, он только что дезаппарирует из министерства.

– Благодарю, Эверард, – кивнула профессор Макгонаголл и повернулась к остальным. – До того, как он явится, я хочу обсудить с вами судьбу «Хогварца», – быстро заговорила она. – Я не уверена, что

в следующем году школа должна работать. Смерть директора от руки коллеги – страшное пятно на нашей репутации. Это чудовищно.

– Думбльдор не хотел бы, чтобы школа закрывалась, – убежденно сказала профессор Спарж. – По-моему, школа должна работать даже ради одного-единственного ученика.

– Будет ли он у нас теперь, этот единственный ученик? – Дивангард промокнул лоб шелковым платком. – Родители не захотят отпускать от себя детей, и я их понимаю. Лично мне кажется, что в «Хогварце» ничуть не опаснее, чем где бы то ни было, но едва ли матери со мной согласятся. Они считут, что надежнее держать детей дома, и это совершенно естественно.

– Согласна, – вздохнула профессор Макгонаголл. – К тому же нельзя сказать, что Думбльдор никогда не рассматривал такого поворота событий. Когда вновь открылась Тайная комната, он сам всерьез подумывал закрыть школу – а ведь убийство директора, с моей точки зрения, куда страшнее слизеринского монстра в подземельях замка…

– Надо поставить этот вопрос перед правлением, – проскрипел профессор Флитвик; на лбу у него багровел огромный синяк, но никаких других последствий обморока заметно не было. – Мы должны следовать установленной процедуре. И не принимать скоропалительных решений.

– Огрид, ты молчишь, – сказала профессор Макгонаголл. – Как, по-твоему, надо закрывать «Хогварц»?

Огрид, безмолвно ливший слезы в большой носовой платок, поднял опухшие красные глаза и всхлипнул:

– Не знаю, профессор… это дело кураторов и директрисы…

– Профессор Думбльдор очень ценил твоё мнение, – ласково произнесла профессор Макгонаголл, – и я тоже.

– Ну, сам-то я останусь, – ответил Огрид. Громадные слезы текли из уголков его глаз и сбегали по щекам в спутанную бороду. – Тут мой дом, с тринадцати лет. И ежели найдутся детишки, которым захочется у меня учиться, то и славно. Только… я не знаю… «Хогварц» без Думбльдора…

Он подавился рыданиями и опять уткнулся в платок. Повисло молчание.

– Хорошо. – Профессор Макгонаголл выглянула в окно, проверяя, не идет ли министр. – В таком случае я вынуждена согласиться с Филиусом: нужно обратиться к правлению. Оно и примет окончательное решение. Теперь, что касается отправки детей по домам... пожалуй, разумно сделать это поскорее. «Хогварц-экспресс» можно вызвать хоть на утро...

– А как же похороны? – наконец заговорил Гарри.

– Похороны... – Голос профессора Макгонаголл дрогнул, и она отчасти подрастирала деловитость. – Я... знаю, что Думблдор хотел лежать здесь, в «Хогварце»...

– Значит, так и будет? – свирепо спросил Гарри.

– Если министерство сочтет возможным, – ответила Макгонаголл. – Никого из директоров раньше не...

– Никто из директоров не отдавал этой школе так много, – грозно заявил Огрид.

– Местом упокоения Думблдора должен стать «Хогварц», – произнес профессор Флитвик.

– Абсолютно точно, – подхватила профессор Спарж.

– И тогда, – сказал Гарри, – нельзя отсыпал учеников до похорон. Они захотят попро...

Последнее слово застряло у него в горле, но профессор Спарж закончила за него:

– Попрощаться.

– Золотые слова! – пискнул Флитвик. – Золотые! Школьники должны отдать последний долг, это правильно. А уж после мы отошлем их домой.

– Поддерживаю, – гаркнула профессор Спарж.

– Пожалуй... что так... – взволнованно сказал Дивангард.

Огрид задушенным возгласом тоже выразил свое согласие.

– Идут, – внезапно сообщила профессор Макгонаголл, глядя во двор. – Министр... а с ним, похоже, целая делегация...

– Можно мне уйти, профессор? – тут же спросил Гарри.

У него не было ни малейшего желания видеть Руфуса Скримджера и отвечать на его вопросы.

– Можно, – разрешила профессор Макгонаголл. – И побыстрее.

Она стремительно прошла к двери и выпустила Гарри. Тот сбежал по винтовой лестнице и направился прочь; плащ-невидимка остался на

вершине астрономической башни, но это не имело значения; в коридорах не было ни души – даже Филча, миссис Норрис или Дрюзга. Так никого и не встретив, Гарри свернул в коридор, к общей гостиной «Гриффиндора».

– Это правда? – прошептала Толстая Тетя. – Правда? Думбльдор – умер?

– Да, – сказал Гарри.

Она вскрикнула и, не дожидаясь пароля, качнулась вперед и пропустила его.

Как он и предполагал, в общей гостиной было полно народу. При его появлении воцарилась тишина. Он заметил Дина и Шеймаса: значит, в спальне никого или почти никого. Не промолвив ни слова, ни на кого не взглянув, Гарри пересек гостиную и поднялся в спальню мальчиков.

Он надеялся, что Рон будет ждать его, и действительно тот, по-прежнему одетый, сидел на кровати. Гарри сел к себе. Они молча посмотрели друг на друга.

– Школу хотят закрыть, – наконец сказал Гарри.

– Люпин так и говорил, – ответил Рон.

Они еще помолчали.

– Ну? – тихо спросил Рон, будто боялся, что мебель может их подслушать. – Вы нашли его? Забрали? Этот… окаянт?

Гарри помотал головой. Все, что произошло на черном озере,казалось забытымальным кошмаром – неужели это действительно было, да еще совсем недавно?

– Не удалось? – упавшим голосом прошептал Рон. – Его там не было?

– Его уже взял кто-то другой, а вместо него оставил фальшивку, – объяснил Гарри.

– Уже взял?..

Гарри молча достал из кармана поддельный медальон, открыл и передал Рону. С подробным рассказом можно подождать… сейчас это не важно… все не важно, кроме самого конца – конца бесполезной авантюры, конца жизни Думбльдора…

– Р. А. Б., – еле слышно произнес Рон. – Но кто это?

– Понятия не имею. – Гарри лег на спину и невидяще уставился в потолок. Никакой Р. А. Б. его не интересовал; вряд ли ему вообще что-

нибудь когда-нибудь будет интересно. Внезапно он заметил, что за окнами стало тихо. Янгус перестал петь.

И Гарри, не зная как и почему, понял, что феникс навсегда покинул «Хогварц» – как Думблдор навсегда покинул этот мир... покинул Гарри.

Глава тридцатая

Белая гробница

Все уроки отменили, экзамены отложили. Кое-кого из учеников родители поспешили забрать – близняшек Патил не было уже наутро после смерти Думбльдора, Захарию Смита увез его высокомерный отец. Зато Шеймас Финнigan наотрез отказался уезжать домой с матерью; они кричали друг на друга в вестибюле, пока она не разрешила ему остаться в школе до похорон. По словам Шеймаса, она с трудом нашла, где переночевать, – Хогсмед буквально наводнили колдуны и ведьмы, желавшие сказать последнее прости Думбльдору.

Бледно-голубая карета размером с дом, запряженная дюжиной крылатых соловых коней, грандиозно приземлилась на опушку Запретного леса вечером накануне похорон и наделала много шума среди школьников помладше – им подобное зрелище было в новинку. Гарри видел в окно, как раскрылись двери и по лесенке спустилась огромная эффектная женщина с оливковой кожей и черными волосами, которая тут же бросилась в распахнутые объятия Огрида. Министерскую делегацию и самого министра магии разместили в замке. Гарри старательно избегал встречи с ними, опасаясь расспросов о последней отлучке Думбльдора.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни все время проводили вместе. Как назло, стояла чудесная погода; Гарри невольно представлял, как все было бы, если б не умер Думбльдор: последние дни перед каникулами, теплынь, никаких домашних заданий, экзамены у Джинни кончились, – и час за часом откладывал неизбежное. Он знал, что это необходимо и правильно, но не мог отказаться от последнего утешения.

Два раза в день они ходили в лазарет; Невилла выписали, но Билл оставался под наблюдением мадам Помфри. Его шрамы не заживали; честно говоря, он сильно напоминал Шизоглаза Хмури (к счастью, с двумя глазами и ногами), но в остальном совершенно не изменился, если не считать внезапной любви к полусырым бифштексам.

— ...вот и ‘огошо, что он женьится на мнье, — счастливо щебетала Флёр, взбивая Биллу подушки, — я всегда говорила, что англичане стгашно пегежагивают мясо.

— Кажется, с их свадьбой придется смириться, — вздохнула Джинни в тот же вечер. Они вчетвером сидели у открытого окна гриффиндорской гостиной и смотрели, как сгущаются сумерки.

— Флёр не такая уж плохая, — сказал Гарри, но, заметив, что брови Джинни поползли кверху, торопливо прибавил: — Правда, страшная...

Джинни невольно хихикнула.

— Ладно, если мама может ее терпеть, то я тем более.

— Кто-нибудь еще из знакомых дал дуба? — спросил Рон Гермиону, которая листала «Оракул».

Гермиона поморщилась от его напускной толстокожести и, сложив газету, укоризненно ответила:

— Нет. Злея ищут, но безрезультатно...

— Естественно, — бросил Гарри. Как только всплывала эта тема, он начинал кипятиться. — Пока не найдут Вольдеморта, не найдут и Злея, а учитывая, что за все время они его так и не...

— Пойду спать, — зевнула Джинни. — Толком не спала с тех пор, как... мmm... в общем, поспать не помешает.

Она поцеловала Гарри (Рон демонстративно отвернулся), помахала рукой остальным и ушла. Дверь в спальню девочек закрылась. И тут же Гермиона с самым что ни на есть гермионистым выражением лица наклонилась к Гарри:

— Утром я была в библиотеке и кое-что нашла...

— Р. А. Б.? — встрепенулся Гарри.

Привычных эмоций у него не осталось — ни азарта, ни любопытства, ни страстного желания разгадать тайну; он просто понимал, что знать правду о медальоне необходимо. Лишь тогда удастся продвинуться немного вперед по темной и извилистой дороге, на которую они ступили вместе с Думблдором и по которой теперь предстоит идти одному. Вероятнее всего, придется разыскать и уничтожить четыре окаянта, прежде чем появится хоть малейший шанс убить Вольдеморта. Гарри день и ночь мысленно твердил: «медальон... кубок... змея... что-то от Гриффиндора или Вранзор...

медальон... кубок... змея... что-то от Гриффиндора или Вранзор...», словно таким образом надеялся их приблизить.

Эта мантра пульсировала в голове Гарри, когда он засыпал, и во сне его преследовали медальоны, кубки и другие таинственные предметы, до которых никак не удавалось добраться, несмотря на то что Думблдор услужливо подставлял ему веревочную лестницу, — как только Гарри начинал карабкаться, веревки сразу превращались в змей...

Утром после смерти Думблдора Гарри показал Гермионе записку из медальона. К сожалению, Гермиона не узнала в загадочных инициалах какого-нибудь ветхозаветного колдуна, о котором ей доводилось читать, но с тех пор бегала в библиотеку намного чаще, чем необходимо человеку, свободному от домашних заданий.

— Нет, — она печально покачала головой, — я искала, Гарри, но ничего не нашла... правда, есть парочка довольно известных колдунов с такими инициалами — Розалинда Антигона Бретель, Руперт «Алебарда» Брукстэнтон... но они совершенно не подходят. Судя по записке, человек, который украл окаянт, был знаком с Вольдемортом, а Бретель и Алебарда не имели с ним дела, по крайней мере, свидетельств я не вижу... нет, вообще-то я хотела сказать... э-э... про Злея.

Только назвав это имя, она сразу занервничала.

— И что же? — мрачно поинтересовался Гарри, откидываясь на спинку кресла.

— Просто я оказалась права насчет Принца-полукровки, — робко пробормотала Гермиона.

— И теперь будешь всю жизнь возить меня носом, да? Думаешь, мне самому не тошно?

— Нет... нет... Гарри, я не о том! — воскликнула она, оглядываясь и проверяя, не подслушивает ли кто. — Но, понимаешь, в свое время учебник действительно принадлежал Айлин Принц... она была матерью Злея!

— Естественно, такая уродина, — сказал Рон. Гермиона не обратила на него внимания.

— Я просмотрела всю подшивку «Оракула» и нашла малюсенькое объявление о том, что Айлин Принц выходит замуж за некоего Тобиаса Злея, а потом, позднее, — что она родила...

– Убийцу, – словно выплюнул Гарри.

– Ммм... да, – кивнула Гермиона. – Словом... я оказалась права. Злей в самом деле гордился, что он наполовину Принц. Тобиас Злей, судя по заметке, был муглом.

– Все сходится, – сказал Гарри. – Злей только изображал чистокровку перед Люциусом Малфоем и всеми этими мерзавцами... Он совсем как Вольдеморт: чистокровная мать и отец-мугл... Оба стыдились своего происхождения, обратились к черной магии, чтобы всех запугивать, придумали себе звучные имена: *лорд* Вольдеморт, *Принц-полукровка*... И как Думблдор не понял?..

Гарри замолчал, глядя в окно, терзаясь мыслью о непростительной доверчивости Думблдора... Впрочем, сам он не лучше, и об этом ему только что невольно напомнила Гермиона... Заклинания на полях становились все отвратительней, а он, Гарри, отказывался плохо думать о мальчике, который их изобрел... ведь тот был таким умным и так ему помогал...

Помогал... сейчас эта мысль была невыносима.

– Я так и не понял, почему он тебя не выдал с учебником, – проговорил Рон. – Он наверняка догадался, откуда ты все берешь.

– Конечно! – горько воскликнул Гарри. – Он понял из-за *сектумсемпры*. Даже легилимениция не требовалась... а может, и раньше, когда Дивангард расхваливал мои таланты... и чего он оставил свой старый учебник в шкафу...

– Но все-таки почему он тебя не выдал?

– Не хотел признаваться, что это его книга, – предположила Гермиона. – Думблдору бы это не понравилось. Даже если б Злей притворился, что учебник не его, Дивангард узнал бы почерк. И вообще, книга лежала в старом классе Злея, а Думблдор наверняка знал, что фамилия его матери «Принц».

– Надо было отнести учебник Думблдору, – сказал Гарри. – Он все время показывал мне, что Вольдеморт еще в школе был воплощением зла, а я мог доказать, что и Злей такой же...

– «Зло» – слишком сильное слово, – негромко заметила Гермиона.

– Ты сама без конца твердила, что эта книга опасна!

– Я имею в виду, Гарри, что ты слишком строг к себе. Я и правда считала, что у твоего Принца странное чувство юмора, но ни за что бы не догадалась, что он потенциальный убийца...

— Никто бы никогда не подумал, что Злей... ну, вы понимаете, — пробормотал Рон.

Они замолчали и погрузились в свои мысли, но Гарри знал, что его друзья, как и он сам, думают о завтрашнем дне, о прощании с Думблдором. Гарри еще ни разу не присутствовал на похоронах; когда умер Сириус, хоронить было нечего. Он не понимал, чего ждать, и немного побаивался церемонии и своих эмоций. Интересно, после похорон он наконец поверит в смерть Думблдора? Временами Гарри пронзalo жуткое осознание случившегося, но в целом им владело странное оцепенение и, хотя в замке только об одном и говорили, он никак не мог поверить, что Думблдор умер. Он, конечно, не выискивал лазеек, как после гибели Сириуса, не ждал, что Думблдор чудесным образом вернется... Гарри нашупал в кармане холодную цепочку фальшивого окаянта, который постоянно носил с собой — не как талисман, нет; просто чтобы помнить, какой ценой он добыт и какие испытания еще предстоят.

Утром Гарри встал пораньше и уложил вещи; «Хогварц-экспресс» уходил через час после похорон. В Большом зале царила тишина; все пришли в парадных мантиях и ели очень мало. Солидное кресло-трон в середине учительского стола профессор Макгонаголл оставила незанятым. Место Огрида тоже пустовало (так переживает, что ему не до завтрака, подумал Гарри), но в кресле Злея запросто расположился Руфус Скримджер. Он скользил желтоватыми глазами по Большому залу, и Гарри старательно прятал взгляд, подозревая, что министр ищет именно его. В министерской делегации Гарри заметил Перси Уизли — рыжие волосы и роговые очки. Рон не подавал виду, что замечает брата, лишь с особой свирепостью тыкал вилкой в рыбку.

За слизеринским столом о чем-то шептались Краббе и Гойл, которые при всей внушительности смотрелись как-то неприкаянно без своего высокого бледного предводителя. Гарри редко думал о Малфое — вся его ненависть сосредоточилась на Зле, — но не забывал, какой страх звучал в голосе Малфоя на башне и как за секунду до появления Упивающихся Смертью он немного опустил волшебную палочку. Гарри не верил, что Малфой решился бы на убийство, по-прежнему презирал его за преклонение перед черной магией, но теперь к неприязни примешивалась микроскопическая капелька жалости.

Интересно, где сейчас этот несчастный и что Вольдеморт заставляет его делать, шантажируя жизнью родителей?

Джинни прервала размышления Гарри, толкнув его локтем в бок. Профессор Макгонаголл поднялась, и печальный гул, витавший над Большим залом, моментально стих.

— Пора, — объявила она. — Пожалуйста, следуйте за своими кураторами. Гриффиндорцы, за мной.

В почти абсолютной тишине все прошли вдоль скамей и потянулись к выходу. Во главе колонны слизеринцев мелькнул Дивангард в великолепной изумрудной мантии, расшитой серебром; хуффльпуффцов вела профессор Спарж, опрятная, как никогда, без единой заплатки на шляпе. В вестибюле бок о бок стояли мадам Щипц и Филч; она в густой черной вуали до колен, он — в очень ветхом черном костюме и галстуке, которые источали запах нафталина.

На крыльце Гарри понял, что они направляются к озеру. Вместе с остальными он молча шел за профессором Макгонаголл, теплые лучи солнца ласкали его лицо. На берегу рядами стояли стулья, проход посередине вел к белому мраморному столу. День стоял чудесный, поистине летний.

Половина мест была уже занята самыми разными людьми: бедно и роскошно одетыми, старыми и молодыми. Гарри знал совсем немногих; из Ордена Феникса присутствовали Кингсли Кандальер, Шизоглаз Хмури, Бомс, чьи волосы чудесным образом снова стали ярчайше-розовыми, Рем Люпин (они, кажется, держались за руки), мистер и миссис Уизли, Билл, которого нежно поддерживала Флёр, Фред и Джордж в черных куртках из драконьей кожи. Здесь были мадам Максим, занимавшая два с половиной стула; Том, хозяин «Дырявого котла»; шваха Арабелла Фигг, соседка Гарри; волосатый бас-гитарист из «Чертовых сестричек»; Эрни Катастрофель, водитель «ГрандУлета»; мадам Малкин, владелица магазина на Диагон-аллее, и еще кое-какие знакомые лица: бармен из «Башки борова», ведьма, развозившая еду в «Хогварц-экспрессе». Явились и привидения, неразличимые в ярком солнечном свете; лишь когда они двигались, сверкающий воздух переливчато бликовал.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни сели с краю, у самого озера. Люди шептались чуть слышно — словно легкий ветерок шелестел по сухой траве, зато птицы пели очень громко. Толпа продолжала прибывать;

Гарри увидел, как Луна заботливо усаживает Невилла, и на сердце у него потеплело. Из всей Д. А. только эти двое откликнулись на призыв Гермионы в ночь гибели Думблдора, и Гарри знал почему: именно они больше всех скучали по занятиям и, наверное, регулярно проверяли монеты, надеясь на новое собрание...

Мимо, направляясь к передним рядам, прошел несчастный Корнелиус Фудж, как всегда, вертя в руках лаймовый котелок. Следом прошествовала Рита Вритер. Гарри с омерзением посмотрел на блокнот, зажатый в ее ярко-красных когтях, и тут же едва не задохнулся от ярости при виде Долорес Кхембридж с черным бархатным бантиком в стальных кудряшках и довольно неубедительной печалью на жабьем лице. Заметив кентавра Фиренце, неподвижным часовым застывшего на берегу, она испуганно вздрогнула и поспешила подальше от него.

Наконец расселись и преподаватели. Гарри посмотрел на Скримджера, с суровым достоинством восседавшего рядом с профессором Макгонаголл, и задумался, действительно ли министр и прочие шишки горюют о смерти Думблдора. Но тут зазвучала мелодия, загадочная, неземная, и Гарри сразу отвлекся от мыслей об этих неприятных людях. Он заозирался, не понимая, откуда доносится пение. И не он один: многие тревожно завертели головами.

– Вон там, – шепнула Джинни ему на ухо.

Он вдруг увидел в прозрачной, зеленой, пронизанной солнцем воде, под самой поверхностью – и вздрогнул от ужаса, вспомнив об инферниях, – хор русалидов, поющих на странном, непонятном ему языке. Вокруг зыбко колышущихся, мертвенно-белых лиц извивались лиловатые волосы. От жутковатого пения у Гарри зашевелились волосы на затылке, и все же оно не было неприятным – оно ясно звенело утратой и отчаянием. Чувствовалось, что русалиды искренне оплакивают Думблдора. Затем Джинни снова толкнула Гарри в бок, и он оглянулся.

По проходу между стульями шел Огрид с блестящим от слез лицом. Беззвучно рыдая, он нес на руках нечто, обернутое фиолетовым с золотыми звездами бархатом. Гарри понял, что это Думблдор, и острые сковала его горло; в жаркий летний день ему вдруг стало холодно. Рон испуганно побелел. Крупные слезы лились на колени Джинни и Гермионы.

Ребята толком не видели, что происходит впереди. Кажется, Огрид осторожно положил тело на стол и теперь шел назад, трубным сморканием шокируя кое-кого из собравшихся, в том числе Долорес Кхембридж... но Гарри точно знал, что Думбльдор не обиделся бы. Гарри дружески махнул Огриду, но глаза великана так сильно опухли, что оставалось лишь удивляться, как он вообще хоть что-то видит. Гарри обернулся, и ему сразу стало ясно, куда направляется Огрид: в заднем ряду сидел Гурп. В пиджаке и брюках размером с шатер, с печально опущенной головой-глыбой, он был смирен и выглядел почти как человек. Огрид сел рядом, и гигант с силой похлопал сводного брата по макушке, отчего ножки стула под Огридом ушли в землю. На одно чудесное мгновение Гарри стало смешно, но тут пение прекратилось, и он снова повернулся к мраморному столу.

У тела Думбльдора встал человечек в простой черной мантии и с клочковатыми волосами. Гарри не слышал, что тот говорит, долетали лишь отдельные слова: «благородство духа»... «интеллектуальный вклад»... «величие сердца»... Все это очень мало значило и почти не имело отношения к Думбльдору, которого знал Гарри. Он вдруг вспомнил, как Думбльдор умел «сказать несколько слов»: «тютя, рева, рвакля, цап», – и опять с трудом подавил улыбку... Да что это с ним сегодня?

Слева раздался тихий плеск: русалиды высунулись из воды послушать речь. Два года назад буквально на этом же месте Думбльдор, склонившись над озером, беседовал с предводительницей русалидов на ее языке. Интересно, где он выучил русалochий? У Гарри осталось столько вопросов, он так много не успел сказать...

И тогда на него внезапно обрушилась эта страшная правда: Думбльдора больше нет, он умер... К глазам подступили жаркие слезы. Гарри до боли сдавил в кармане медальон, но не сумел сдержаться и спешно отвернулся от Джинни и остальных. Человечек в черном говорил, говорил... Гарри смотрел вдаль, на озеро, на лес и вдруг заметил среди деревьев движение: кентавры тоже пришли проститься с Думбльдором. Не выходя на опушку, они очень тихо стояли между стволов, опустив луки и внимательно наблюдая за колдунами. Гарри вспомнил свой самый первый жуткий поход в Запретный лес и встречу с кошмарным существом, каким тогда был Вольдеморт, и как они сошлись лицом к лицу, и как потом обсуждали с

Думблдором, что поражение – не повод прекращать борьбу. Главное, сказал Думблдор, бороться, бороться и еще раз бороться, только так можно остановить зло, пусть даже истребить его до конца никогда не удастся...

Здесь, у озера, под палящим солнцем, Гарри отчетливо увидел людей, которые любили его и один за другим вставали на его защиту: отца, мать, крестного, Думблдора. И понял, что с этим покончено. Он больше никому не позволит встать между собой и Вольдемортом; ему уже в год следовало понять, что родительские руки не всесильны и не могут защитить от всех бед. Нечего надеяться на пробуждение от кошмара, на ласковые заверения, что все хорошо, а плохое только привиделось; последний великий защитник умер, и теперь Гарри остался совсем один.

Человечек в черном наконец замолчал и вернулся на место. Гарри ждал, что встанет кто-то еще, возможно, министр, но все сидели не шелохнувшись.

Затем раздались испуганные возгласы. Яркий белый огонь охватил тело и стол, на котором оно лежало; очень скоро Думблдора не стало видно за языками пламени. Белый дым поднимался спиральями, принимая странные очертания; на миг Гарри показалось – у него даже замерло сердце, – будто он видел феникса, радостно взмывшего в голубое небо, но в следующую секунду огонь погас. Взглядам открылась белая мраморная гробница, укрывшая стол с телом Думблдора.

Вновь послышались испуганные крики – в воздух полетели сотни стрел, но они упали, не достигнув людей. То был последний салют кентавров; Гарри видел, как они развернулись и скрылись в прохладной глубине леса. Русалиды медленно опустились под воду и тоже пропали из виду.

Гарри посмотрел на своих друзей. Рон сидел зажмутившись, словно ослепнув от солнечного света. Лицо Гермионы блестело от слез, но Джинни уже не плакала. Она встретила взгляд Гарри с той же огненной решимостью, с какой бросилась обнимать его после победы на квидишином чемпионате, и он почувствовал, что они читают мысли друг друга; понял, что, рассказав о своих планах, не услышит в ответ: «не надо» или «будь осторожен», – Джинни примет его решение, ибо

не ждет от него ничего другого. И тогда он нашел в себе силы сказать то, что обязан был сказать сразу после гибели Думблдора.

— Джинни, послушай... — очень тихо начал он. Люди вокруг вставали, переговаривались; шум голосов нарастал. — Я больше не могу с тобой встречаться. Мы должны прекратить... Нам нельзя быть вместе.

Она спросила с кривоватой улыбкой:

— По какой-нибудь дурацкой благородной причине, да?

— Эти несколько недель с тобой... они были как из чужой прекрасной жизни, — сказал Гарри. — Но я не могу... мы не можем... дальше я должен один.

Она не плакала, просто смотрела на него.

— Вольдеморт использует тех, кто дорог его врагам. Однажды он уже сделал из тебя наживку, всего лишь потому, что ты сестра моего лучшего друга. Подумай, как ты рискуешь, если мы останемся вместе. Он узнает, пронюхает. И попытается добраться до меня через тебя.

— А если мне безразлично? — с яростным вызовом бросила Джинни.

— Мне не безразлично, — ответил Гарри. — Как, по-твоему, я бы себя чувствовал, если б это были твои похороны... и по моей вине...

Джинни отвела глаза и посмотрела на озеро.

— Я никогда по-настоящему не отказывалась от мечты о тебе, — проговорила она. — Всегда надеялась... Гермиона говорила, надо жить своей жизнью, встречаться с другими, чтобы стать раскованнее... я ведь при тебе и рта не могла раскрыть, помнишь? А она считала, что ты скорее обратишь на меня внимание, если я буду... сама собой.

— Экая умница наша Гермиона. — Гарри постарался улыбнуться. — Жалко только, что я поздно спохватился. У нас было бы столько времени... месяцы... даже годы...

— Но ты же был занят, ты все время спасал колдовской мир, — грустно рассмеялась Джинни. — В общем... не могу сказать, что ты меня удивил. Я знала, что в конце концов так и случится. Что ты не будешь счастлив, пока не справишься с Вольдемортом. Наверное, поэтому ты мне и нравишься.

Гарри не мог больше слушать; он боялся, что, если и дальше будет сидеть рядом с Джинни, его решимость пошатнется. Он посмотрел на Рона. Тот обнимал и гладил по голове Гермиону, которая плакала у него на плече; слезы так и капали с кончика его длинного носа. Гарри

отчаянно махнул рукой, встал, отвернулся от Джинни и могилы Думблдора и зашагал вокруг озера. Движение приносило хоть какое-то облегчение; пожалуй, на поиски окаянтов и смертный бой с Вольдемортом тоже лучше пуститься сразу, а не ждать у моря погоды...

– Гарри!

Он обернулся. Руфус Скримджер быстро приближался к нему по берегу, хромая и опираясь на трость.

– Я надеялся поговорить... Не возражаешь, если мы прогуляемся вместе?

– Нет. – Гарри безразлично пожал плечами и пошел дальше.

– Ужасная трагедия, Гарри, – задушевно начал Скримджер, – не могу передать, как она меня потрясла. Думблдор был величайшим колдуном эпохи. У нас с ним, как тебе известно, имелись разногласия, но я, как никто, знаю...

– Чего вы хотите? – сухо спросил Гарри.

На лице Скримджера нарисовалась досада, которая, впрочем, тотчас сменилась сочувственным пониманием.

– Разумеется, ты убит горем, – сказал он. – Вы с Думблдором были очень близки... Ты, наверное, был его самым любимым учеником. Вас соединяло...

– Чего вы хотите? – резко остановившись, повторил Гарри.

Скримджер тоже остановился и, опираясь на трость, пристально, с откровенной расчетливостью посмотрел на Гарри:

– Говорят, ты был с ним, когда он умер.

– Кто говорит?

– На башне уже после смерти Думблдора кто-то сшиб Упивающегося Смертью. А еще там нашли две метлы. Министерство в состоянии сложить два и два, Гарри.

– Рад слышать, – ответил тот. – Но только где я был с Думблдором и зачем – мое дело. Он не хотел, чтобы об этом знали.

– Подобная преданность, разумеется, делает тебе честь, – Скримджер с явным трудом сдерживал раздражение, – однако Думблдор умер, Гарри. Его больше нет.

– *Он воистину покинет эту школу, лишь когда здесь не останется ни одного преданного ему человека.* – Гарри невольно улыбнулся.

– Милый мальчик... даже Думблдор не может вернуться из...

— Да я и не говорю... Ладно, вам не понять. В общем, мне вам сообщить нечего.

Скримджер помялся, а затем произнес как бы деликатно:

— Гарри, министерство может обеспечить тебе беспрецедентную защиту. Я с радостью предоставлю в твоё распоряжение двух-трех авроров...

Гарри рассмеялся:

— За мной охотится Вольдеморт — никакие авроры его не остановят. Так что спасибо за предложение, но нет.

— Иными словами, — сказал Скримджер, теперь уже очень холодно, — то, что я предложил тебе на Рождество...

— Что? Ах да... рассказывать всем, какие вы молодцы, в обмен на...

— Спокойствие общества! — рявкнул Скримджер.

Мгновение Гарри молча смотрел на него.

— Вы освободили Стэна Самосвалта?

Скримджер побагровел и сделался невероятно похож на дядю Вернона.

— Я вижу, ты...

— Человек Думблдора до мозга костей, — перебил Гарри. — Да. Это точно.

Еще секунду министр яростно сверлил его взглядом, потом отвернулся и без лишних слов захромал прочь. Перси и остальная свита поджидали его, нервно поглядывая на рыдающего Огрида и Гурпа, которые пока не вставали с места. Рон и Гермиона спешили к Гарри; Скримджер прошел мимо них. Гарри повернулся и медленно побрел дальше. Друзья нагнали его под буком, в тени которого они втроем часто сиживали в более счастливые времена.

— Чего хотел Скримджер? — шепотом спросила Гермиона.

— Того же, что и на Рождество, — пожал плечами Гарри. — Выведать тайны Думблдора и сделать из меня своего нового плакатного мальчика.

Рон секунду боролся с собой, а потом громко взмолился:

— Гермиона, слушай, можно я сбегаю накостыляю Перси?

— Нет, — твердо ответила она и схватила его за руку.

— Жалко, мне бы так полегчало!

Гарри засмеялся. Даже Гермиона чуть-чуть улыбнулась, но тут же посерезнела, взглянув на замок.

— Не могу представить, что мы можем сюда не возвратиться, — тихо сказала она. — Неужели «Хогварц» закроют?

— Может, и нет, — отозвался Рон. — Согласитесь, тут не опасней, чем дома. Теперь везде одинаково. Пожалуй, «Хогварц» даже надежнее, здесь столько колдунов. Как думаешь, Гарри?

— Я в любом случае сюда не вернусь, — ответил тот.

Рон вытаращил глаза, но Гермиона лишь грустно вздохнула:

— Я так и знала. Что ты собираешься делать?

— Сначала к Дурслеям — так хотел Думблдор, — сказал Гарри. — Ненадолго, а потом уйду от них навсегда.

— Но если не в школу, то куда?

— В Годрикову Лощину, — пробормотал Гарри. Эта мысль пришла ему в голову в ночь смерти Думблдора. — Для меня все началось там. И мне почему-то кажется, что я должен там побывать. Давно хотел навестить могилы родителей.

— А дальше? — спросил Рон.

— Дальше надо искать окаянты. — Гарри посмотрел через озеро, на белую гробницу Думблдора, отражавшуюся в воде. — Он так хотел, потому мне о них и рассказал. Если он прав — а я в этом уверен, — окаянтов осталось четыре. Я должен найти их и уничтожить, а после взяться за седьмую часть души Вольдеморта, ту, которая в его теле, потому что убить его должен я. И если по дороге мне попадется Злотеус Злей, — прибавил Гарри, — тем лучше для меня и тем хуже для него.

Повисло долгое молчание. Толпа почти разошлась, те, кто задержался, обходили стороной монументального Гурпа — он по-прежнему обнимал Огрида, чьи горестные рыдания громко разносились над озером.

— Мы будем с тобой, Гарри, — сказал Рон.

— Что?

— У твоих дяди и тети, — пояснил Рон. — И потом тоже, где захочешь.

— Нет, — сразу ответил Гарри; он ничего подобного не ждал и хотел, чтобы друзья поняли: в это опасное путешествие он должен отправиться один.

— Когда-то ты сказал, — тихо промолвила Гермиона, — что, если мы хотим вернуться, ты поймешь. Мы же не захотели, верно?

— Мы с тобой, что бы ни случилось, — заверил Рон. — Но только, друг, сначала, до всякой Годриковой Лощины, тебе придется заглянуть к нам.

— Зачем?

— На свадьбу Билла и Флёр, забыл?

Гарри потрясенно смотрел на него; то, что на свете по-прежнему существуют такие простые, человеческие вещи, как свадьба, казалось немыслимым — однако прекрасным.

— Да, такое нельзя пропустить, — сказал он наконец.

Он привычно стиснул в кулаке фальшивый окаянт. Перед ним петляла темная извилистая дорога, ему неизбежно предстояла последняя встреча с Вольдемортом — через месяц, год или десять лет, — и все же при мысли о том, что у них с Роном и Гермионой есть в запасе еще один золотой денек, на сердце у него полегчало.

Книги из серии о Гарри Поттере (в порядке чтения):

Гарри Поттер и философский камень

Гарри Поттер и тайная комната

Гарри Поттер и узник Азкабана

Гарри Поттер и кубок огня

Гарри Поттер и орден феникса

Гарри Поттер и принц-полукровка

Гарри Поттер и Дары Смерти

Прочтите первую главу следующей книги из серии о Гарри Поттере...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и Дары Смерти

ГАРРИ ПОТТЕР

И ДАРЫ СМЕРТИ

7

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Глава первая

Воцарение черного лорда

Узкая улочка утопала в лунном свете. Внезапно из пустоты возникли двое – и оба замерли, целя друг в друга волшебными палочками. Миг спустя узнали друг друга, спрятали палочки под плащи и деловито зашагали рядом.

– Есть новости? – спросил тот, что повыше.

– Самые замечательные, – ответил Злотеус Злей.

Слева низко росла дикая ежевика, справа стеной возвышалась аккуратно подстриженная живая изгородь. Двое шли; длинные плащи хлопали по ногам.

– Боялся, что опоздаю, – сказал Гнусли. Ветви деревьев низко нависали над головами, и его грубое лицо появлялось и пропадало в стробоскопе лунного света. – Все оказалось не так просто, как я думал. Ну, лишь бы он был доволен. А ты-то, похоже, рассчитываешь на благосклонный прием?

Злей кивнул, но промолчал. Они свернули направо на широкую аллею и, следуя извиву изгороди, достигли массивных кованых ворот. Те были заперты, но визитеров это не смутило: оба подняли левую руку, будто салютуя, и прошли сквозь прутья решетки, как сквозь дым.

Тисовые кусты приглушали стук подошв. Неожиданно справа зашуршало. Гнусли выхватил палочку и через голову своего спутника прицелился, но затем понял, что испугался белоснежного павлина, который величественно расхаживал по живой изгороди.

– Ох уж этот Люциус... сибарит. *Павлины!*.. – Гнусли презрительно фыркнул и сунул палочку под плащ.

В конце прямой подъездной аллеи из темноты вырос прекрасный особняк, мерцающий окнами первого этажа из-за ромбов решеток. Где-то за кустами, в саду, бил фонтан. Злей и Гнусли, ускорив шаг и хрустя гравием, подошли к двери, и та распахнулась перед ними сама собой.

Каменный пол просторного, тускло освещенного роскошного холла устипал великолепный ковер. Бледные лица с портретов пристально следили за прибывшими. Злей и Гнусли остановились перед тяжелой

деревянной дверью в гостиную, переждали краткое мгновение – и Злей решительно повернул бронзовую ручку.

В гостиной за длинным резным столом молча сидело большое собрание. Всю мебель отодвинули к стенам. В камине, отделанном чудным мрамором, с зеркалом в золоченой раме над полкой, гудел огонь – он и освещал комнату. Злей и Гнусли застыли на пороге, осваиваясь в сумраке, – и скоро их глаза невольно обратились к самому странному здесь: человеку, висевшему без сознания вверх ногами над столом. Отражаясь в зеркале и в полированной столешнице, фигура медленно, точно на невидимой веревке, вращалась. Но сие экстраординарное обстоятельство, похоже, не интересовало решительно никого, кроме бледного юноши, который сидел почти под висящим телом и ежеминутно, как будто невольно, поглядывал вверх.

– Гнусли, Злей, – раздался ясный пронзительный голос с дальнего конца стола. – Вы едва не опоздали.

Камин за спиной говорившего мешал разглядеть его лицо и высвечивал только силуэт в кресле. Однако чем ближе подходили Злей и Гнусли, тем отчетливее во мраке вырисовывалась безволосая змееподобная голова, ноздри-щели, горящие красные глаза с вертикальными зрачками. Кожа, неестественно бледная, жемчужно светилась в темноте.

– Злотеус, сюда. – Вольдеморт указал на место справа от себя. – Гнусли – к Долохову.

Вновь прибывшие сели. Большинство глаз устремилось к Злею, и к нему же обратился Вольдеморт:

– Итак?

– Милорд, в следующую субботу на закате Орден Феникса увозит Гарри Поттера из нынешнего убежища.

Все явно разволнились: напряглись, заерзали, неотступно следя за Вольдемортом и Злеем.

– В субботу... на закате, – повторил Вольдеморт. Его красные глаза вонзились в черные глаза Злея так свирепо, что кое-кто отвернулся, будто спасаясь от этого испепеляющего взгляда. Злей, впрочем, встретил его спокойно, и вскоре безгубый рот Вольдеморта искривился в подобии улыбки. – Хорошо. Очень хорошо. И эта информация получена от...

– ...источника, о котором мы говорили, – подтвердил Злей.

– Милорд.

Гнусли подался вперед, глядя во главу стола, на Вольдеморта и Злея. Все обернулись.

– Милорд, я слышал иное.

Он сделал паузу, но и Вольдеморт молчал, так что Гнусли продолжил:

– Давлиш, аврор, проболтался, что мальчишку увезут лишь вечером тридцатого – то есть накануне его семнадцатилетия.

Злей улыбался:

– По сведениям из моих источников, нас собирались пустить по ложному следу; видимо, это он и есть. Давлиш наверняка был под заморочным заклятием. Что же, не в первый раз – он вообще податлив.

– Заверяю вас, милорд, Давлиш говорил со всей убежденностью, – сказал Гнусли.

– Естественно, раз он заморочен, – хмыкнул Злей. – Но заверяю вас, Гнусли, что авроры больше не будут охранять Поттера. Орден считает, что министерство захвачено нашими людьми.

– Хоть до этого дотумкали! – Коренастый мужчина, сидевший недалеко от Гнусли, сипло хохотнул, и его смешок эхом повторился тут и там за столом.

Вольдеморт остался невозмутим. В глубокой задумчивости он взирал на медленно крутившееся тело.

– Милорд, – продолжал Гнусли, – по словам Давлиша, для переправки мальчишки соберется целая бригада авроров...

Вольдеморт одним взмахом большой белой руки прервал Гнусли и повернулся к Злею. Гнусли глядел на них с беспомощной обидой.

– Где его спрячут?

– У кого-то из членов Ордена, – ответил Злей. – На дом, если верить источнику, наложены все защитные заклинания, известные Ордену и министерству. Полагаю, милорд, шансы взять Поттера там крайне малы. Если, разумеется, министерство не падет до следующей субботы. Тогда большую часть заклинаний мы сумеем обнаружить и нейтрализовать, а через остальные, не сомневаюсь, прорвемся.

– Что скажешь, Гнусли? – осведомился Вольдеморт, и огонь камина странно сверкнул в его глазах. – *Падет* министерство к следующей субботе?

И опять все головы повернулись к Гнусли. Тот приосанился.

— Господин, на этот счет у меня хорошие новости. Мне — ценою больших усилий — удалось наложить проклятие подвластия на Донельза Ретивса.

Судя по лицам, заявление произвело эффект. Долохов, человек с длинным перекошенным лицом, одобрительно хлопнул Гнусли по спине.

— Для начала неплохо, — проговорил Вольдеморт. — Но Ретивс — это капля в море. Прежде чем начну действовать я, Скримджера необходимо окружить нашими людьми. Одно неудачное покушение на министра — и я буду отброшен далеко назад.

— Вы, безусловно, правы, милорд... Однако Ретивс — глава департамента защиты магического правопорядка, он постоянно общается не только с министром, но и с начальниками других отделов. Имея под контролем столь важное официальное лицо, мы легко подчиним прочих, а все вместе они уж как-нибудь свергнут Скримджера.

— Да, если только нашего друга Ретивса не разоблачат раньше, чем он перевербует остальных, — бросил Вольдеморт. — Так или иначе, до следующей субботы министерство вряд ли станет моим. И, коль скоро на новом месте добраться до мальчишки будет невозможно, надо перехватить его по дороге.

— Здесь мы в выгодном положении, господин. — Гнусли явно стремился выслужиться. — Мы внедрили несколько наших в департамент волшебных путей сообщения. Если Поттер аппарирует или использует кружаную сеть, мы узнаем тотчас же.

— Он не сделает ни того ни другого, — сказал Злей. — Орден избегает средств транспортировки, находящихся в подчинении министерства, — он вообще министерству не доверяет.

— Тем лучше, — отозвался Вольдеморт. — Поттеру придется перемещаться в открытую. Легче брать.

Он опять взглянул на крутящееся тело и продолжил:

— Я лично займусь мальчишкой. С ним много напортачили, в том числе и я сам. Он жив благодаря моим промахам, а не своим победам.

Все в страхе смотрели на Вольдеморта — каждый явно опасался, что персонально на него возложат вину за живучесть Гарри Поттера. Однако Вольдеморт, похоже, разговаривал больше сам с собой и обращался к бесчувственному телу под потолком:

— Я был беспечен, и от меня отвернулась удача, мне изменил случай — эти злые недруги непродуманных планов. Теперь я мудрее. Я постиг много нового. Я сам должен убить Гарри Поттера, и я это сделаю.

Будто в ответ на его слова откуда-то раздался страшный протяжный стон, полный отчаяния и боли. Многие за столом вздрогнули и опустили глаза: крик, казалось, шел из-под ног.

— Червехвост, — задумчиво, не повышая голоса, произнес Вольдеморт, не сводя глаз с врачающегося тела, — разве я не просил тебя следить за нашим пленником?

— Да, м-мой господин, — проскулил человечек, сидевший чуть дальше, — он сполз на сиденье так низко, что его стул на первый взгляд казался пустым. Сейчас человечек слез и заспешил прочь из комнаты, оставляя за собой странное серебристое свечение.

— Как я уже сказал, — продолжал Вольдеморт, вглядываясь в напряженные лица своих последователей, — мне многое стало ясно. Например: чтобы убить Поттера, мне придется позаимствовать у кого-то из вас волшебную палочку.

Слова потрясли собрание так, словно он просил пожертвовать руку.

— Нет желающих? — процидил Вольдеморт. — Что ж, посмотрим... Люциус! Мне представляется, тебе палочка больше не нужна.

Люциус Малфой поднял взгляд. В свете камина лицо отдавало восковой желтизной, глаза потемнели и запали. Когда он заговорил, голос прозвучал хрипло:

— Милорд?

— Волшебную палочку, Люциус. Я прошу твою палочку.

— Я...

Малфой покосился на такую же бледную жену. Ее длинные светлые волосы ниспадали по спине, и она неподвижно смотрела прямо перед собой, но под столом на мгновение сомкнула тонкие пальцы на запястье мужа. Малфой достал из-под мантии волшебную палочку и протянул Вольдеморту. Тот поднес ее к лицу и внимательно осмотрел:

— Что это?

— Вяз, господин, — прошептал Малфой.

— А сердцевина?

— Дракон... Сердечная жила дракона.

— Хорошо. — Вольдеморт достал свою палочку и сравнил обе по длине.

Люциус Малfoy непроизвольно подался вперед, словно рассчитывая получить взамен палочку Вольдеморта. Тот заметил движение, и его горящие красные глаза издевательски расширились:

— Хочешь мою волшебную палочку, Люциус?

Мою?

Вокруг стола послышались смешки.

— Я дал тебе свободу, неужто мало? И, однако, я вижу, ваша семья в последнее время не слишком счастлива... Чем тебя не устраивает мое присутствие в твоем доме?

— Устраивает... Всем устраивает, милорд!

— Какое пошлое лицемерие, Люциус...

Злые губы уже не двигались, но шипение продолжалось, становилось громче, и кое-кто из колдунов невольно содрогнулся: под столом скользило нечто громадное.

Гигантская, как будто бесконечная змея вползла к Вольдеморту в кресло и разлеглась на его плечах. Шея толщиной с человеческое бедро, глаза с немигающими вертикальными зрачками. Вольдеморт, не сводя глаз с Люциуса Малфоя, рассеянно погладил змею длинными тонкими пальцами.

— Отчего же Малфои так недовольны своей участью? Разве не о моем возвращении к власти вы мечтали много лет?

— Конечно, милорд. — Люциус Малfoy дрожащей рукой оттер пот с верхней губы. — Всегда мечтали — и мечтаем по сей день.

Жена Малфоя, слева от него, скованно, избегая смотреть на Вольдеморта и его змею, кивнула. Драко Малfoy, который сидел справа от отца и почти не сводил глаз с бесчувственного тела над столом, глянул на Вольдеморта и тут же отвернулся, страшась встретиться с ним взглядом.

— Господин, — волнуясь, сдавленно произнесла женщина с тяжелыми веками, выглядывая из-за Нарциссы, — ваше пребывание в нашем родовом поместье — честь для семьи. Величайшее счастье.

И внешне, и поведением она была полной противоположностью сестре. Нарцисса застыла прямая как гвоздь и невозмутимая; темноволосая Беллатрикс же всем телом тянулась к Вольдеморту — ибо простые слова не могли передать огромности ее преклонения.

— Величайшее счастье, — повторил Вольдеморт. Чуть склонив голову набок, он внимательно рассматривал Беллатрикс. — Приятно слышать, Беллатрикс, особенно от тебя.

Ее щеки залил румянец, в глазах блеснули слезы восторга.

— Господин знает, что это истинная правда!

— Величайшее счастье... Что, даже в сравнении с радостным событием в вашей семье, которое, я слышал, имело место на этой неделе?

Беллатрикс уставилась на него, приоткрыв рот, явно озадаченная:

— Я не понимаю, о чем вы, господин.

— О твоей племяннице, Беллатрикс. И о вашей, Нарцисса, Люсиус. Которая на днях вышла замуж за оборотня Рема Люпина. Вы, полагаю, гордитесь родственницей?

Собравшиеся оскорбительно расхохотались. Многие подались вперед, злорадно переглядываясь, кое-кто застучал кулаками по столу. Огромной змее не понравился шум, и она, разинув пасть, злобно зашипела, но Упивающиеся Смертью не услышали — так восторженно приветствовали они унижение Беллатрикс и Малфоев. Лицо Беллатрикс, еще недавно розовое от счастья, пошло некрасивыми красными пятнами.

— Она нам не племянница, господин! — возопила Беллатрикс, стараясь перекричать ликующий гвалт. — Мы с Нарциссой ни разу не видели сестры с тех пор, как она вышла за мугродье. И ни ее дворняжка-дочь, ни животное, за которое она вышла замуж, не имеют к нам ни малейшего отношения!

— А ты что скажешь, Драко? — поинтересовался Вольдеморт, тишайшим голосом перекрыв и хохот, и улюлюканье. — Будешь нянчить волчат?

Безобразное веселье продолжилось; Драко в ужасе посмотрел на отца, но тот сидел, опустив голову и разглядывая собственные колени. Взгляд Драко переметнулся к матери. Та почти неуловимо качнула головой и снова пусто взорвалась на стену.

— Хватит, — оборвал потеху Вольдеморт, поглаживая растревоженную змею. — Довольно.

Гогот стих.

— Почти всякое фамильное древо подгнивает со временем, — изрек Вольдеморт. Беллатрикс, затаив дыхание, жадно ловила каждое его

слово. – И тогда его следует обрезать. Убирать больные ветви ради здоровья оставшихся.

– Да, господин, – прошептала Беллатрикс, и глаза ее наполнились слезами благодарности. – При первой возможности!

– Она у вас будет, – пообещал Вольдеморт. – И в вашей семье, и везде... Мы удалим гниль... Очистим кровь...

Вольдеморт направил волшебную палочку Люциуса Малфоя на тело, медленно вращавшееся над столом, и легонько ею взмахнул. Жертва очнулась, застонала и задергалась, вырываясь из невидимых пут.

– Узнаёшь гостью, Злотеус? – осведомился Вольдеморт.

Злей поднял глаза к перевернутому лицу. Упивающиеся Смертью, словно получив наконец разрешение полюбопытствовать, жадно уставились на несчастную. Та, оказавшись лицом к камину, хрипло, испуганно взмолилась:

– Злотеус! Помогите!

– А... да, – сказал Злей. Ее тем временем снова повернуло.

– А ты, Драко? – спросил Вольдеморт, свободной рукой поглаживая морду змеи.

Драко нервно дернул головой. Было ясно, что теперь, когда женщина пришла в сознание, он уже не в силах на нее смотреть.

– Но ты бы и не стал у нее заниматься, – подбодрил Вольдеморт. – Кстати, для непосвященных: сегодня нас почтила своим присутствием Мируша Милейдж, до недавнего времени – преподаватель «Хогварца», школы колдовства и ведьминских искусств.

С разных концов стола донеслись возгласы – о Мируше Милейдж слышали. Толстая сгорбленная старуха с острыми зубами неприятно хихикнула.

– Да... Профессор Милейдж рассказывала детишкам ведьм и колдунов о муглах... о том, как они практически ничем не отличаются от нас...

Один Упивающийся Смертью сплюнул на пол. Мируша Милейдж опять оказалась лицом к Злею.

– Злотеус... Прошу вас... Умоляю...

– Молчать! – приказал Вольдеморт, еще раз легонько взмахнул палочкой Малфоя и будто заткнул Мируше рот кляпом. – Профессору Милейдж показалось мало морочить головы детям колдунов, и на

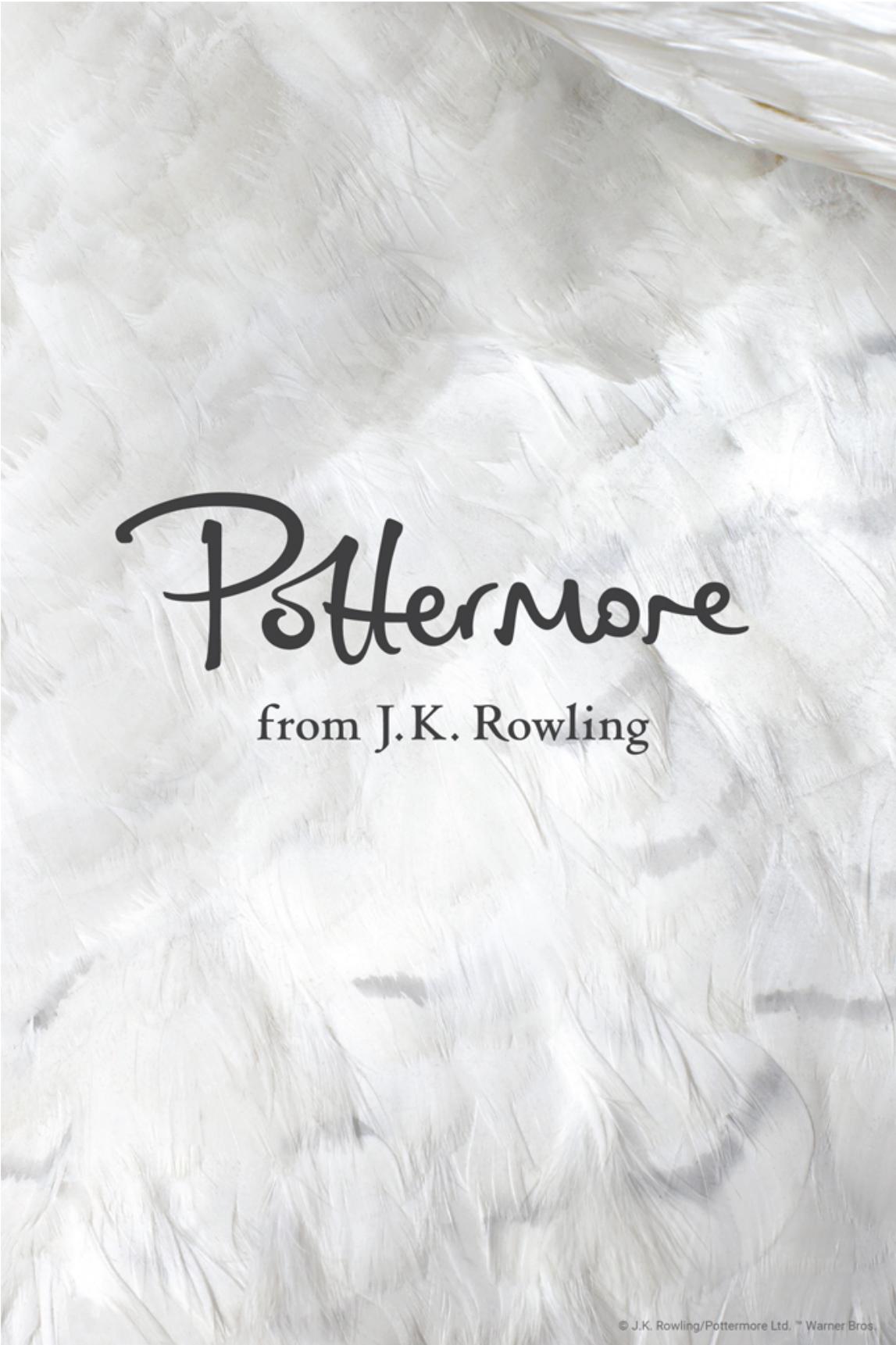
прошлой неделе она разразилась пылкой статьей в «Оракуле» в защиту мугродья. Колдуны, утверждает она, должны признать этих негодяев, нагло ворующих наши тайные знания. Если верить профессору, сокращение числа чистокровных колдунов можно только приветствовать... Дай ей волю, она заставила бы нас всех спариваться с муглами... а также, полагаю, и с оборотнями...

Никто не засмеялся – так явственно звучали ярость и презрение в голосе Вольдеморта. В третий раз Мируша Милейдж умоляюще посмотрела на Злея. Слезы ручьями стекали вниз, ей в волосы. Злей остался бесстрашен; несчастную женщину снова медленно повернуло.

– Авада Кедавра.

Зеленая вспышка ярко озарила комнату. Мируша рухнула на стол, и тот дрогнул и заскрипел. Несколько Упивающихся Смертью подскочили, отпрянули. Драко упал на пол.

– Ужинать, Нагини, – ласково шепнул Вольдеморт, и огромная змея враскачу сползла с его плеч на полированную столешницу.

Pottermore

from J.K. Rowling

© J.K. Rowling/Pottermore Ltd. ™ Warner Bros.

from J.K. Rowling

Узнайте еще больше о мире J.K. Rowling's Wizarding World...

Посетите сайт www.pottermore.com, на котором вы сможете пройти настоящую церемонию распределения, прочесть эксклюзивные новые материалы от Дж. К. Роулинг и узнать о последних новостях из мира Wizarding World.

Pottermore – это компания Дж. К. Роулинг, занимающаяся цифровыми публикациями, электронной коммерцией, развлечениями и новостями. Она является всемирным издательством электронных материалов о Гарри Поттере и мире J.K. Rowling's Wizarding World. Сайт pottermore.com – цифровое сердце мира J.K. Rowling's Wizarding World. Он призван пробуждать силу воображения. Здесь вы найдете новости, очерки, статьи, а также новые и ранее не издававшиеся материалы Дж. К. Роулинг.

Оригинальное название: Harry Potter and the Half-Blood Prince
Перевод с английского: Марии Спивак

Все права защищены; никакая часть этой публикации не подлежит воспроизведению, полностью или частично, или передаче в любой форме и любыми средствами, будь то с помощью ксерокопирования, записи или электронным, механическим или иным способом, без предварительного разрешения издателя

Это цифровое издание было впервые опубликовано компанией Pottermore Limited в 2017 г

Впервые опубликовано в печатном виде в Россия в 2015 году издательством Азбука-Аттикус

Авторские права на текст © J.K. Rowling 2005

Иллюстрация на обложке: Олли Мосс © Pottermore Limited

Перевод на русский язык © Азбука-Аттикус

Harry Potter characters, names and related indicia are trademarks of and © Warner Bros. Entertainment Inc.

J.K. ROWLING'S WIZARDING WORLD TM J.K. Rowling and Warner Bros. Entertainment Inc.

Моральное право автора защищено

ISBN 978-1-78110-298-5